

50

ЗНАМЕНИТЫХ

ЗАГАДОК ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Annotation

Украинская история насквозь пронизана загадками — тайны подстерегают нас буквально на каждой ее странице. Многочисленные версии событий, жаркие споры, сотни вопросов, на многие из которых пока нет ответов, ожидают читателя в этой книге. Были ли первые украинцы современниками цивилизаций Древнего Египта и Шумера? Где искать следы библиотеки Ярослава Мудрого и клада Олексы Довбуша? Находилась ли знаменитая страна амазонок в украинских степях? Получат ли украинцы принадлежащие им сокровища гетмана Полуботка? Какие тайны сражений Гражданской и Великой Отечественной войны все еще скрывает от нас прошлое?.. Авторы лишь приоткрывают завесу над 50 самыми знаменитыми загадками украинской истории. Быть может, вам, читатель, удастся разгадать некоторые из них...

- [Андрей Кокотюха](#), [Валентина Склярченко](#), [Владимир Сядро](#), [Павел Харченко](#)
 - [От прадавних времен до Киевской Руси](#)
 - [Происхождение украинского народа](#)
 - [Тайны и сокровища древнего Триполья](#)
 - [О чем говорят петроглифы Каменной Могилы](#)
 - [Загадки древних языческих храмов](#)
 - [Загадочный скифский город Гелон, или О чем не знал Геродот](#)
 - [Загадки скифских курганов](#)
 - [Тайна скифской пекторали](#)
 - [В царстве сарматских амазонок](#)
 - [Загадки «Велесовой книги»](#)
 - [Змиевы валы: свидетели одной из грандиознейших мистификаций в мировой истории?](#)
 - [Загадка происхождения Бушанского рельефа](#)
 - [Тайна имени «Русь»](#)
 - [Кто первый начал княжить в Киеве?](#)
 - [Тайна «Слова о полку Игореве»](#)

- [Тайна названия «Украина»](#)
- [Крещение Руси: тысячелетний детектив](#)
- [Тайны жизни и смерти Анны Ярославны](#)
- [Кто виновен в гибели Бориса и Глеба?](#)
- [Поиски библиотеки Ярослава Мудрого: легенды и факты](#)
- [Загадки Лаврских подземелий](#)
- [Нераскрытые тайны Лысой горы](#)
- [Во времена казацкой республики и гетманата](#)
 - [Происхождение казачества](#)
 - [Казачьи подводные лодки](#)
 - [А было ли письмо запорожцев султану?](#)
 - [Украинка на троне Османской империи](#)
 - [Переяславская рада — событие, в корне изменившее историю Украины](#)
 - [Конотопская битва — украинские Канны](#)
 - [Кто покарал гетмана Ивана Брюховецкого?](#)
 - [Иван Мазепа: человек со множеством лиц](#)
 - [Загадка сокровищ гетмана Полуботка](#)
 - [Тайна клада Олексы Довбуша](#)
 - [Устим Кармалюк: народный мститель или разбойник?](#)
 - [Загадка происхождения Березновского клада](#)
 - [Украинские «каменщики»](#)
 - [Загадки исторических привидений](#)
- [В вихрях революций и войн, во времена независимости](#)
 - [Смерть в Киеве, или Загадки убийства Петра Столыпина](#)
 - [Гуляйполе — вольное государство батьки Махно](#)
 - [Бой под Крутами: героическая смерть и безответственность власти](#)
 - [Второй Зимний поход: попытка освобождения Украины или провокация ЧК?](#)
 - [Тайна гибели Николая Щорса](#)
 - [Голодомор — черная страница украинской истории](#)
 - [УПА в свете исторических фактов](#)
 - [Тайна гибели Евгения Коновальца и Степана Бандеры](#)
 - [14-я пехотная дивизия СС «Галичина»](#)
 - [Оборона Севастополя: неизвестные страницы истории](#)
 - [Операция «Висла»](#)

- [Тайны подземных городов](#)
- [Загадка коллекции Ильина](#)
- [За что боролись и гибли украинские диссиденты?](#)
- [Авария на пустынном шоссе, или Загадочная гибель Вячеслава Черновола](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

**Андрей Кокотюха, Валентина
Скляренко, Владимир Сядро, Павел
Харченко
50 знаменитых загадок истории
Украины**

От прадавних времен до Киевской Руси

Происхождение украинского народа

Наверное, не существует на Земле народа, который не интересовался бы своими корнями, не задавался бы вопросами своего происхождения. У древних скифов человек, не знавший свою родословную до седьмого колена, считался неполноценным. А представители всех древних цивилизаций прослеживали свое происхождение чуть ли не до сотворения мира, дополняя устные предания мифами и легендами. Происхождение украинского народа в течение долгого времени казалось простым и понятным: от общей древнерусской народности, наряду с россиянами и белорусами. Но современные ученые все чаще называют эту концепцию имперской и пытаются по-новому осмыслить события и факты, предшествовавшие появлению Киевской Руси...

Титульный лист «Історії України» М. Грушевського

Определение исторического прошлого украинского народа связано с огромным количеством проблем. Едва ли не самая главная из них — кого же считать предками? Каким принципом при этом руководствоваться — территориальным, языковым или культурным? А возможно, необходимо учитывать все три составляющие? Среди исследователей существует два основных взгляда на происхождение народов: автохтонизм и миграционизм. Автохтонисты полагают, что, несмотря на миграции, слияние или смешивание племен, каждый

народ сохраняет преемственную связь с древнейшими жителями своей земли. Миграционисты же утверждают, что главную роль в процессе появления народов играют постоянные миграции. Возможно, если учесть оба этих фактора, картина станет более точной.

Итак, происхождение украинцев тесно связано с племенами, некогда жившими на землях современной Украины либо мигрировавшими через них. Таких племен и народов было немало: скифы, гунны, сарматы, славяне, половцы, татары. А задолго до них территорию Украины населяли первобытные племена: кроманьонцы, неандертальцы, питекантропы...

До недавнего времени считалось, что люди на украинских землях появились 150–200 тысяч лет тому назад. Но сравнительно недавние находки археологов «отодвинули» границу заселения в еще более отдаленное прошлое. На протяжении всего этого времени друг друга сменяли культуры, о которых мы знаем лишь по находкам археологов и результатам их исследований. Кого же мы можем считать самыми древними предками нынешних украинцев?

Наиболее известной из архаичных культур Украины является трипольская. Начало трипольской эпохи в Украине современная историческая наука датирует III–IV тысячелетием до новой эры. Эта культура была общеевропейской: помимо Украины, трипольцы освоили огромные пространства в Восточной Европе. Их поселения найдены в Словакии, Румынии, на Балканском полуострове. Жилища трипольцев были больше, чем современные крестьянские дома: 4–5 м в ширину и до 20 м в длину. Иногда встречались двух— и трехэтажные постройки, в которых могло проживать до 50 человек. Они располагались по кругу, в середине которого образовывалась большая площадь, которая могла служить загонем для скота или местом народных собраний. Размер трипольских поселений был внушительным — до тысячи построек. Основой экономики этой культуры служило земледелие (хлебопашество) и скотоводство. Также трипольцы были умелыми гончарами и даже создали собственную систему письменности. Внешний вид первых известных нам жителей Украины напоминал внешность жителей Малой Азии: скошенный лоб, орлиный нос, продолговатое, вытянутое лицо. Они принадлежали к так называемому баскоидному типу, как, впрочем, преобладающее большинство населения Европы и Средиземноморья периода неолита.

Некоторые украинские ученые именно трипольцев считают этническими предками украинцев. Например, академик Алексей Соболевский отождествлял их с пеласгами — предками киммерийцев и скифов. Но большинство исследователей все же предпочитает искать корни украинского народа в более поздних временах, ведь доказать генетическую связь трипольской культуры с народом современной Украины практически невозможно.

Вторая культура, часто упоминаемая среди возможных предков современных украинцев, — киммерийцы, которых позднее вытеснили скифы. Интересно, что отличия между двумя этими культурами трудно было найти даже Геродоту, жившему в V веке до н. э. Описывая войну скифов с киммерийскими царями, он склоняется к мысли, что это была не война между разными государствами, а обычная междоусобица. Киммерийские курганы почти ничем не отличаются от скифских; общность антропологических типов, черт культуры и быта свидетельствуют об этнической наследственности. Более того, изображения скифов и киммерийцев на керамической посуде очень похожи.

Скифы впервые упоминаются в ассирийских источниках в VII веке до н. э. Этот воинственный народ пришел из Малой Азии, расселился в Причерноморье, покорив на своем пути местные племена, и основал мощное государство, которое в период расцвета простиралось от украинских степей до Урала. Смешавшись с фракийцами, которые жили к западу от Днестра, скифы стали предками современных буковинцев, гуцул и бойков. Скифы жили в покрытых соломой домах с глиняным полом и печами, имели хозяйственные ямы-погреба для сохранения пищевых запасов. Они разводили домашних животных: преимущественно коров, овец, коней. Примерно с V века до н. э. на Поднепровье и Побужье появились большие скифские городища, укрепленные земляными валами высотой 10–12 м. В верхней части городов жила скифская аристократия. Здесь были каменные дома с глиняными печами, построенными на деревянном каркасе. Сам акрополь часто был отгорожен от нижнего города каменной стеной. В нижней части городища располагались ремесленные кварталы с хатками на 2–3 комнаты, печами и жертвенниками. Рядом находились землянки-мастерские или амбары для сохранения зерна. Самые известные

скифские городища на Украине — Шарпинское и Пастырское в Херсонской области, Немировское в Подолье, Мотронинское в Киевской области. Интересно, что по размерам скифские городища были гораздо больше многих княжеских поселений времен Киевской Руси.

Во времена Геродота Скифия была многонациональным государством. Здесь мирно сосуществовали калипиды, алазоны, скифы-пахари, скифы-кочевники, царские скифы. Впрочем, три последних этноса многие историки считают разными социальными слоями единой скифской культуры. Если о трипольцах мы знаем сравнительно немного, то скифов уже с полным правом можно назвать праукраинцами. Это подтверждается тем, что крупные скифские городища расположены в основном в пределах Украины. Кстати, обычай встречать гостей хлебом-солью украинцы переняли именно у скифов. Да и традиционный украинский костюм хранит «воспоминания» о скифских временах: расшитая на плечах и груди одежда, шаровары, остроугольный башлык, из которого намного позже развилась форма казацкой шапки. Много общего было и в языке. Например, в скифском, как и в украинском, не было звука «ф» (в современном украинском языке почти все слова, которые имеют звук «ф», — иноязычного происхождения).

Восточнее скифских владений (Приазовье, Поволжье, Южное Приуралье) жили скотоводческие племена сарматов. Памятники культуры сарматов имеют немало общих черт со скифскими: сходные орнаменты на глиняной посуде, литые бронзовые котлы, которые, возможно, играли роль ритуальной посуды, бронзовые зеркала, глиняные курительницы, каменные тарелки, которые применялись для разжигания жертвенного огня. Интересно, что, по сведениям Геродота, сарматы произошли от брака скифов с амазонками. Кстати, название «сарматы», или «савроматы» было хорошо знакомо украинцам, а в казацких летописях встречаются любопытные выражения: «наши казацко-сарматские предки», «князь сарматский и гетман всего Запорожского войска»... Возможно, эти выражения появились как дань господствовавшей в то время исторической гипотезе об общем происхождении украинцев и поляков от единого сарматского корня.

Еще одним этносом, от которого, как считается, произошла украинская нация, были анты. Они использовали старые скифские

городища, расположенные в районе Днепра, и унаследовали частицы скифо-сарматской культуры. Лингвисты утверждают, что анты говорили на языке, близком к разговорному языку Киевской Руси. Подтверждают эту версию и имена антов, сохранившиеся в летописях, — Бож, Межамир, Хвилибуд, Доброгаст.

В восточных степях Украины в XI–XIII века жили половецкие племена. Часть из них переходила на службу к русским князьям. Еще и сегодня можно увидеть в степи памятники половецкой культуры — каменных баб. Хотя древнерусские летописи описывают половцев как «поганых», но уже сам факт возможности заключения с ними временных союзов говорит о том, что этот народ также внес свой вклад в становление украинского этноса.

Таков краткий список (возможно, далеко не полный) тех племен и народностей, которые оставили свой след на украинской земле и могут считаться предками сегодняшних украинцев.

Раз уж речь зашла об украинском народе, необходимо сказать хотя бы несколько слов о его названии и, собственно, названии страны. Украинский исследователь Сергей Шелухин считает, что происхождение слова «Украина» уходит в глубину веков. Впервые оно упоминается в Ипатьевской летописи под 1187 годом в довольно печальном контексте — рассказе о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, защитника украинских земель от нападений половцев. Под «Украиной» в тексте летописи подразумеваются Киевщина, Черниговщина и Переяславщина. В Галицко-Волынской летописи «Украина» — это уже северо-западные земли Галиции и Волыни. В последующие годы слово «Украина» понималось по-разному: то как порубежные, пограничные земли Киевской Руси, то как окраина Речи Посполитой. Этимологически оно восходит к старославянскому корню «кра», имевшему значение «резать». От этого корня произошло словенское «krajat» и чешское «krajeti», а также украинские слова «кряти» (резать), «окраєць» и др. Таким образом, Украина — это «отдельная, отрезанная земля». Либо — «окраинная, близкая к краю». Здесь необходимо сделать одно маленькое уточнение. Слово «окраина» некогда не имело того негативного оттенка смысла, который вкладывается в него сейчас. Во времена формирования украинского этноса еще не сложилось устойчивое противопоставление центра и окраины. Прежде всего потому, что жизнь в центральных и

окраинных районах практически ничем не отличалась. Единственным существенным отличием была сравнительная защищенность центра. При этом на пограничных землях селились люди, как говорится, не из робкого десятка — ведь они в любой момент могли подвергнуться нападению соседей. Украина раннего средневековья — это не захолустье, а боевой рубеж. Не случайно поселенцам таких районов предоставлялись определенные льготы. Слово «украинцы» — производное от «Украины» — обозначало жителей соответствующей территории. Сейчас уже трудно установить истину, но, скорее всего, эти люди обладали целым рядом качеств, позволяющим выжить в условиях постоянной боевой готовности. В пользу именно такого толкования говорит добрая слава украинских бойцов-наемников, которых охотно принимали в войско правители многих стран.

У большинства народов есть целый набор типичных черт, которыми они характеризуют своих соседей. Эти стереотипы чрезвычайно живучи: если ирландец — значит, рыжий; если англичанин — бледный, худой и чопорный. Портрет «классического» украинца составить намного сложнее (если речь не идет о запорожских казаках — фигурах достаточно колоритных). Украинкам повезло больше: их красота воспета в целом ряде стихотворений и песен. Черные брови, карие очи и вишневые губы — типичные черты классической украинской красавицы. Но насколько этот портрет близок к оригиналу? И можно ли вообще говорить о каких-то типично украинских чертах?

Антропологи внесли немалый вклад в установление происхождения украинцев. Первые антропологические описания украинцев были сделаны в 1779 году Федором Туманским и в 1786 году Афанасием Шафонским в книге «Черниговского наместничества топографическое описание». Оба автора обратили внимание на антропологическую неоднородность состава украинцев, сохранившуюся, кстати, и до сего дня. По мнению современных исследователей, в Украине насчитывается целых семь антропологических типов, сохранивших родство с породившими их культурами.

Первый тип — дунайский. К нему принадлежат потомки носителей шнурокерамических культур^[1] Южной Польши, Западной Украины и Подолья. Дунайский антропологический тип преобладает в

равнинной Галиции, западном Подолье (кроме северных районов Львовской и Тернопольской областей) и составляет более 10 % всего населения Украины. У представителей этого типа длинное, относительно узкое лицо с длинным, прямым и тонким носом.

На Житомирщине, Ровенщине и Волыни распространен полесский тип (полегцуки). Особенности этого типа — очень низкое и широкое лицо, максимально развитое надбровье, массивный лоб. Рост полегцуков средний, волосы у них светлее, чем у жителей других регионов, а глаза, наоборот, темнее. Интересно, что этот тип не зафиксирован ни в одном ареале Европы, кроме Украины.

Верхнеднепровский тип — самый редкий в Украине. Он встречается только в Рипкинском районе Черниговской области. Его главная отличительная черта — очень светлая пигментация глаз.

Центральноукраинский тип — потомки славян, поселившихся на землях Полтавщины и Киевщины. Они отличаются высоким ростом, но остальные антропологические показатели — лицо, пигментация волос и глаз, высота переносицы — у них средние. Несмотря на монголо-татарское нашествие, представители этого типа сохранили европеоидные черты. Это, пожалуй, самая многочисленная группа — до 60 % украинцев.

Представители нижнеднепровско-прутского типа сохранили черты своих предков — индо-иранцев. Это высокорослые смуглые люди с темными глазами и волосами. Наиболее яркие его представители живут в селе Каменное Лебединского района.

В Карпатах и на Буковине встречаются еще два антропологических типа украинцев — динарский и карпатский. Динарский тип имеет существенные фракийские, кельтские и индийские компоненты. Волосы у них в основном темные, а глаза могут быть как светлыми, так и темными. Карпатский тип имеет генетическую связь с народами Балканского полуострова, Кавказа и Северной Индии.

Надо сказать, что Украина неоднородна не только с точки зрения антропологов. Еще в XIX веке сформировалось представление о нескольких этнографических районах Украины, которые отличались друг от друга укладом жизни, традициями, способами хозяйствования. Это Подолье, Покутье, Галиция, Закарпатье, Слобожанщина, Волынь, Сиверщина. В последнее время Украину принято разделять на шесть

историко-этнографических зон: Полесье, Карпаты, Подолье, Среднее Приднепровье, Слобожанщина, Юг. Каждая из этих зон имеет свои характерные черты: типы строений, особенности костюма, традиционных ремесел. В последнее время эти различия постепенно исчезают, но еще в позапрошлом и в начале прошлого веков по одному взгляду на приезжего можно было понять, откуда он родом.

Разнообразие традиций, антропологических типов украинцев и длинный список проживавших на украинских землях народов настолько велики, что, казалось бы, трудно составить сколько-нибудь стройную концепцию происхождения украинской нации. Однако же такие концепции все-таки существуют.

Надо сказать, что вопрос о происхождении украинцев часто зависел от политических взглядов авторов той или иной концепции. Например, выдающийся русский историк М. Погодин, стоявший на позициях славянофильства, полагал, что после распада Киевской Руси население Приднепровья перешло на территорию Центральной России и со временем образовало Московское государство. Малороссы же пришли в Приднепровье с Волыни только в XIV–XV веках, поэтому истинной наследницей культуры Киевской Руси является Россия. В свою очередь, М. Грушевский, автор «Истории Украины — Руси» полагал, что русский народ не имеет к Киевской Руси никакого отношения, поскольку это была украинская держава.

В советское время наибольшее распространение получила компромиссная концепция древнерусской народности, впоследствии распавшейся на три восточнославянских народа — украинский, русский и белорусский. Однако эта концепция устраивала и устраивает далеко не всех. Например, известный украинский историк, профессор С. Кульчицкий указывал на то, что «...пять восточнославянских племенных союзов, которые образовали Киевскую Русь, не могли за короткое время существования этого довольно хрупкого раннефеодального государственного образования слиться в одну народность. Очевидно, отличия между тремя современными народами ведут свое начало в отличиях между союзами племен, которые существовали еще из первых веков нашей эры».

Что же касается главного вопроса данной статьи — так кого же можно считать первыми украинцами? — то здесь по-прежнему среди ученых нет единого мнения. Авторитетный историк-публицист И.

Лысяк-Рудницкий называет родоначальниками украинского этноса антов. Этой же точки зрения придерживался и М. Грушевский. Он полагал, что украинская (точнее — украинско-русская) культура возникла еще в IV–VI веках. Именно эта культура стала родоначальницей Киевской Руси, а после ее распада — галицко-волынской культуры. Великороссы же образовали совсем другое государство — владими́ро-московское. Кстати, после длительных дискуссий даже часть российских ученых признала верной «раннесредневековую» версию происхождения украинцев-русов.

Что же касается версии о происхождении украинцев от трипольской культуры, многие историки откровенно называют ее «романтико-фантастической». Дело в том, что изначально трипольская культура возникла на территории Румынии, и произошло это около 7,5 тысяч лет назад. Только намного позже носители этой культуры появились на землях Правобережной Украины. Конечно, заманчиво объявить себя самым древним в мире народом, но возникает вопрос: а почему, собственно, трипольцы — украинцы, а не древние румыны?

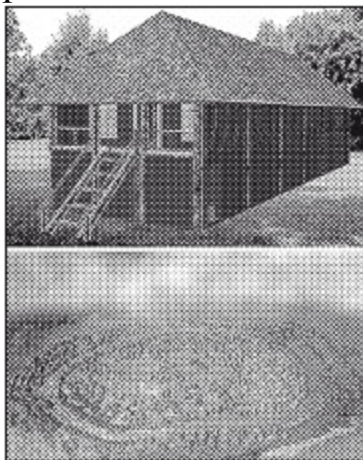
Эта гипотеза базируется на реальных фактах, но дает им совершенно абсурдную интерпретацию, ярче всего проявившуюся в концепции Ю. Шилова. По его мнению, некогда существовало могучее трипольское государство Аратта — древнейшее в мире. Оно было колыбелью всех древних цивилизаций — Шумера, Египта, Китая, — а также трех славянских народов: украинского, русского и белорусского. После распада этой сверхдержавы, виновником которого якобы стали соседи — евреи, греки и латиняне, — часть трипольцев ушла в болота Полесья и дала начало белорусскому народу. Вторая часть осела на нынешних украинских землях, а третья — наиболее активная (россияне) — села на корабль и отправилась в Малую Азию, где основала легендарную Троию. Дальше — больше. Оказывается, Одиссей, по мнению Ю. Шилова, был родом из Одессы, а слово «этруски» означало «это русские». После изгнания с Апеннинского полуострова «эти русские» подались в Скандинавию, прославились там под видом норманнов, а затем вернулись в родное Триполье и основали там государство Русь. Сейчас же перед потомками трипольцев стоит эпохальная задача: объединиться вновь и возродить Аратту. По идеологическому содержанию эта версия близка к уже упоминавшейся версии существования трех братских народов,

выросших из древнерусской народности. Но ее аргументация явно относится к области «ненаучной фантастики».

Эдмунд Берк, английский мыслитель и политический деятель XVIII века, когда-то сказал, что «история — это союз между умершими, живыми и еще не родившимися». Чтобы этот союз существовал, необходимо помнить о своих истоках. И не искать других — пусть они даже выглядят более привлекательно. Ведь народ существует только тогда, когда помнит — кто он, откуда и, самое главное, куда идет...

Тайны и сокровища древнего Триполья

XIX и начало XX столетия иногда называют эпохой великих археологических открытий. Именно тогда Г. Шлиман раскопал Трою, Микены и Тиринф, А. Эванс обнаружил на Крите останки дворцового государства, которое назвал минойским, Леонард Вулли провел раскопки древнего шумерского города Ура. В самом конце XIX века было сделано еще одно поразительное открытие. Археолог Викентий Хвойка, который с 1893 года проводил раскопки в Клеве на улице Кирилловской, а в 1896 году — возле села Триполье, обнаружил памятники культуры, которая и сегодня является одной из самых интересных загадок истории.

Реконструкция трипольского дома и поселения

Культура, найденная В. Хвойкой, получила название «трипольской» — по месту проведения раскопок. Позже выяснилось, что она была широко распространена на территории Украины (в основном Правобережной), Молдавии и Румынии. Интересно, что поселения, обнаруженные в Нижнем Подунавье, более древние, чем украинские, а значит, эта культура старше Трипольской. Поэтому румыны называют эту культуру не Триполье, а Кукутени. Она относилась к эпохе энеолита — переходного периода между каменным и бронзовым веками. Современниками Триполья были великие цивилизации Ближнего Востока — Шумер и Египет, возникшие

именно в энеолите на богатых почвах Междуречья и Нильской долины.

Судя по археологическим находкам, трипольская культура прошла через три этапа. Один из ведущих специалистов по трипольской культуре Т. Пасет классифицировал их как ранний (4000–3600 г. до н. э.), средний (3600–2800 г. до н. э.) и поздний (2800–2000 г. до н. э.). Первой загадкой, с которой столкнулись ученые, было происхождение трипольцев. Кем были эти люди? Откуда они пришли на территорию Украины? Относительно этого существует несколько гипотез. По мнению В. Хвойки, трипольцы были предками славян и всегда жили на этих землях. Просто раньше не удавалось обнаружить остатки их поселений. Ученые Ф. Биляшевский, А. Спицын и В. Городцов полагают, что «культура проникла с юга через Эгейское и Мраморное моря из берегов Малой Азии или через Средиземное море из Финикии или Египта». Советский историк Н. Марр утверждал, что предками трипольцев были племена пелазгов, которые пришли по

Черному морю с Северного Кавказа. Украинские археологи В. Маркевич и В. Даниленко считали трипольскую культуру синтезом местных племен буго-днестровской культуры и пришлых балкано-дунайских племен. Каждая из этих версий имеет право на существование, но ни одна не имеет четких доказательств. Известно только одно: уже во второй четверти IV тысячелетия до н. э. в Среднем Поднестровье и на Южном Буге проживало несколько племенных групп оседлого трипольского населения. У этих групп было немало общего в быту и культуре, и они разительно отличались от многочисленных соседних племен того же периода.

Шаг за шагом археологи и историки восстанавливали картину жизни племен, живших более пяти тысяч лет назад. Они выяснили, что трипольцы перешли от примитивного мотыжного земледелия к использованию тягловой силы и плуга, овладели первым металлом — медью, умели вываривать соль и строить оборонительные городища. Применение новых (для того времени) технологий привело к росту населения. Только на территории Украины найдено свыше 1000 стоянок трипольской культуры. Постепенно трипольцы расселились в Приднестровье, на Волыни, юго-западном Причерноморье. Общее количество населения, обитавшего на территории, относящейся к

трипольской культуре, достигло небывалой по тем временам величины — по разным оценкам, от 400 тысяч до 2 миллионов человек.

Чаще всего трипольцы строили родовые или племенные поселения, которые насчитывали от десятка до сотни жилищ и хозяйственных сооружений. Все строения были расположены несколькими рядами или концентрическими кругами вокруг большой площади, на которой стояло одно или несколько святилищ. От площади радиально расходились улицы, вдоль которых располагались усадьбы.

Интересно, что трипольцы строили жилье двух типов. Одни из них — так называемые «чесночницы» — представляли собой углубленные жилища, которые состояли из жилой части и хозяйственных ям. В основании эти «здания» напоминали восьмерку или тройку. Стены их были пологими, дно неровным. В каждом из таких жилищ находилось по два-три очага.

Второй тип жилья — наземные глинобитные жилища площадью от 30 до 150 м² — отличался довольно сложной конструкцией. Пол из глиняных обожженных валиков выкладывался на деревянном помосте, а потом обмазывался глиной. Стены (также обмазанные глиной) сооружались на деревянном каркасе. Двускатная крыша перекрывалась соломенными или камышовыми снопами. Окна были небольшими и округлыми. В середине могла быть одна, две или три комнаты. В каждой комнате была печь, лежанка и семейный алтарь-жертвенник. Жилье трипольцев выглядело очень живописно: его стены, двери и оконные карнизы разрисовывались вертикальными полосами красного, желтого и белого цветов.

Почему же трипольцы строили такие разные жилища? Ведь обычно в подобных ранних культурах встречается один тип жилья. В. Хвойка считал, что глинобитные жилища были сооружениями погребального характера, «домами мертвых». А его коллега В. Збенович утверждал, что глинобитные здания были стационарным жильем трипольцев, а «чесночницы» строились лишь на раннем этапе основания поселения.

Одна из самых интересных черт трипольской культуры — то, что для нее характерны города. А как иначе можно назвать огромные поселения площадью до 400 га, в которых насчитывалось до 2000 домов и до 25 тысяч жителей? Несколько таких огромных поселений

было обнаружено в районе Умани, в середине течения Южного Буга, а также в междуречье Днестра и Прута. В то время это были самые крупные поселения на территории Европы. В трипольских протогородах (так их называют исследователи) уже существовала квартальная застройка, многие дома были двух— или даже трехэтажными.

Основными занятиями жителей Триполья было земледелие и скотоводство. Во времена расцвета трипольской культуры наступил так называемый большой климатический оптимум, благодаря которому на территории Европы надолго воцарился теплый и влажный климат. Процветанию земледелия способствовали и новые способы обработки земли. Вспаханные с использованием тяговой скотины поля засеивались твердой и мягкой пшеницей, ячменем и просом. Есть все основания думать, что трипольцы выращивали также бобовые культуры и лен. Участки находились недалеко от поселений. Урожай собирали при помощи серпов или просто срывали колосья руками. Для приготовления пищи зерно размалывали. Археологи нашли зернотерки, состоявшие из двух камней. Очевидно, это была работа для женщин. Доказательством этого служат найденные в трипольских домах фигурки, изображающие женщин, занятых изготовлением муки.

В селениях держали и домашних животных: быков, коров, овец, свиней. Вероятно, что к тому времени уже были приручены конь, а также собака. О существовании скотоводства свидетельствует и находки керамических сосудов со стенками в дырках, которые, скорее всего, применялись для изготовления творога и сыра. Для выпаса использовались пастбища на плато, пойменных лугах рек. Животные были важной частью жизни поселений. Молоко и мясо разнообразили рацион трипольцев, кожа и шерсть шли на изготовление одежды, а крупный рогатый скот использовали для обработки земли и перевозки грузов.

Приручение животных не означало, что охота отжила свое. Трипольцы были прекрасными охотниками. Кроме оленя, косули, кабана, лося и тура, они охотились на хищников (медведя, лисицу), грызунов (бобра, зайца, белку) и птиц. Оружием им служили каменные топоры-клинья, стрелы с кремневыми наконечниками и, вероятно, копья. Изготавливали они и снаряжение для рыбалки: при раскопках было найдено немало костяных и медных крючков. В меню

трипольцев входили также пресноводные моллюски, ягоды, грибы и желуди (их растирали на зернотерках и добавляли в тесто).

Время от времени трипольцы оставляли свои поселения и переходили на новое место. Эта склонность к переселению объясняется просто: земля постепенно истощалась, да и за дровами приходилось идти все дальше и дальше. Ведь крупное поселение нуждалось в большом количестве топлива. Еще одной причиной переселений был поиск месторождений кремня, который для трипольцев был важнейшим сырьем. Несмотря на то что изделия из меди уже появились, кремневые наконечники, ножи, пластины-вкладыши для серпов, скребки пользовались спросом постоянно. Инструменты для обработки шкур и изготовления одежды делали из глины, рога, кости или дерева. Казалось бы, все просто и объяснимо. Но вот интересная деталь: переходя на новое место, трипольцы сжигали свои поселки вместе со всем скарбом. Почему трипольцы так поступали, ученые объяснить не могут.

В ткачестве и прядении жители Триполья достигли немалых успехов. Они умели ткать полотно и делать ковры, освоили вязку чулочного типа. Но, пожалуй, главным их достижением была керамика. Хотя гончарный круг еще не был известен трипольским мастерам, их изделия поражают разнообразием и утонченностью форм. Для росписи глиняной посуды широко применялись минеральные краски (белая, желтая, красная и черная), а обжигали ее в специальных печах. Часто на керамику наносился орнамент. У каждой племенной группы были свои разновидности посуды и традиции ее украшения.

Судя по изображениям на посуде и фигуркам людей, животных и мифических существ, культ веры трипольцев был довольно сложным. Главной богиней трипольцев была так называемая «Большая мать всего сущего», богиня плодородия. В образном мировосприятии трипольцев оплодотворение женщины равнялось посеву на поле; богиня отождествлялась с кормилицей-нивой. Вероятно, поэтому ее статуэтки делали из глины, добавляя к ней зерна и муку. Эти статуэтки, видимо, были оберегами для женщин, а возможно — и для всех обитателей дома. Не забывали трипольцы и о домашних животных: археологи нашли немало фигурок быка, свиньи, собаки, а также птиц.

Обряды трипольцев восстановить практически невозможно: слишком много времени прошло с тех пор. Лучшее всего изучен погребальный обряд. В ранний период мертвых сжигали, а позже стали хоронить в позе эмбриона: возможно, так умершего готовили к новому рождению в загробном мире. В центре могилы лежал глава семьи (тогда это был уже мужчина), а возле него — женщина и дети. Курган был окружен другими курганами из камня, где были захоронены животные и изображения людей. Интересно, что в городах трипольцев, в отличие от небольших поселений, не было кладбищ. Мертвых хоронили под полами жилых домов или в специальных ямах, расположенных внутри поселка. Вероятно, трипольцы таким образом стремились удержать душу умершего в своем племени.

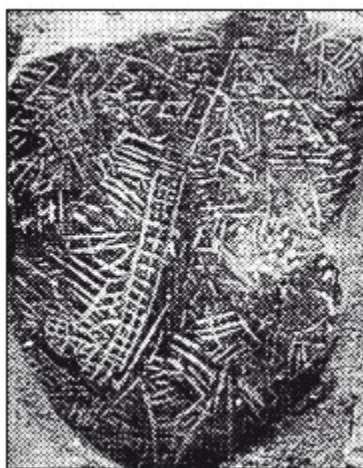
Исчезновение трипольской культуры — не меньшая загадка, чем происхождение трипольцев. Примерно в 2000 году до н. э. ее след теряется. Как и почему исчезла трипольская культура? Может быть, произошло какое-то стихийное бедствие или эпидемия? Или трипольцы просто смешались с другими племенами? Если эта гипотеза верна, то возможной преемницей Триполья была Среднеднепровская культура. Керамика и бытовые вещи этой культуры очень похожи на те, что производились когда-то трипольцами. Но есть и еще одна версия, заслуживающая внимания. Вполне возможно, трипольская культура медленно сошла на нет в результате изменения климата. Он стал намного более засушливым, что сказалось на земледелии. Экстенсивное землепользование, сильно истощавшее землю, в этих условиях стало невозможным. Постепенно города трипольцев пришли в упадок, а сами они отправились искать новые плодородные земли. Ученые находили предметы, похожие на трипольские, во многих местах — на территории современных Британских островов, Ближнего Востока, Египта, Греции, Италии и даже в Сахаре. Но говорить о полном совпадении ни в одном случае было нельзя. Так что не исключено, что правы авторы еще одной версии, в которую поначалу мало кто верил: на закате своей цивилизации трипольцы ушли... под землю. Ученые нашли на Западной Украине ряд подземных сооружений, в которых, как предполагают, обитали представители поздней трипольской культуры. На юге Тернопольской области за последнее время было обнаружено пять пещерных стоянок, которые по возрасту как раз соответствуют

периоду заката Триполья. Археологические работы ведутся, в частности, в пещере Вертеба возле села Бильце-Золото. Эта пещера была известна историкам еще с XIX века, но научные изыскания здесь начались только в конце XX века. В пещере были найдены остатки трипольской керамики, характерные обереги и наскальные изображения быка — одного из главных животных Триполья. Специалисты Института археологии НАН Украины полагают, что под землю трипольские племена загнали сильные внешние враги, привлеченные их богатствами, и надеются найти этому подтверждение.

Несмотря на то что нам уже многое известно о трипольской культуре, она по-прежнему остается загадкой для исследователей. На каком языке говорили эти племена? Почему они создавали огромные города вместо небольших поселений? И наконец, какова была их дальнейшая судьба? Но археологические находки упорно хранят тайны, раскрыть которую вряд ли удастся.

О чем говорят петроглифы Каменной Могилы

В степи, недалеко от Мелитополя, есть огромный каменный холм, похожий на могильную насыпь. Его диаметр составляет почти километр, периметр — около 3 км, а высота достигает 12 м. Около 3 000 каменных «блоков» разных размеров, гроты, впадины, трещины загадочной горы поразительно напоминают строение человеческого мозга. Это — государственный историко-археологический заповедник Каменная Могила...

Петроглифическое письмо

Каменная Могила образовалась на месте огромного древнего гейзера или грязевого вулкана, который прекратил свою деятельность около 5 млн лет тому назад. Жерло его забито своеобразной пробкой из спрессованного и окаменевшего за миллионы лет песка. Со временем под действием солнца, ветра и воды гигантский массив начал распадаться на отдельные части, внутри образовались пустоты, похожие на пчелиные соты. Сейчас Каменная Могила лишь в малой степени сохранила свое былое величие. Но и та часть, которая сохранилась до сих пор, поражает своей грандиозностью. И честно говоря, до сих пор не дает покоя исследователям. Ведь именно отсюда начинается цепь загадок, которая и привела историков к древнейшему и наиболее таинственному государству в истории человечества.

Известный украинский археолог Юрий Шилов утверждает, что Каменная Могила имеет особую энергетику. И это не просто слова. На поверхности Земли выходы такой энергии фиксируются аэрофотосъемкой в виде колец. Доказательством мощной энергетики странной горы служат также поломки различных приборов, видеоаппаратуры, с помощью которой проводились исследования Каменной Могилы, постоянные сбои в их работе. Так, временами техника произвольно включалась и выключалась. Люди же, которые находятся близ горы, испытывают особые ощущения радости и блаженства.

Каменная Могила давно привлекает к себе внимание ученых. Первые сообщения об этом загадочном месте датируются 1778 годом. А в конце XIX столетия археолог М. Веселовский обнаружил в одном из гротов потухшего вулкана таинственные знаки. Однако он не имел ни малейшего представления об их значении, а потому... вообще не придал загадочным письменам никакого внимания! Понадобилось еще полвека, чтобы ученые всерьез задались целью изучения надписей и рисунков Каменной Могилы. Особую роль в раскрытии ее тайн сыграли археологи О. Бадер, М. Рудинский, В. Даниленко, В. Гладилин и Б. Михайлов.

Борис Михайлов, директор государственного музея-заповедника «Каменная Могила», в течение 30 (!) лет занимался исследованием странных надписей и за это время подготовил несколько книг, а также фотоальбом «Каменная Могила — мировой памятник древней культуры в Украине» (2003), вместивший снимки надписей и рисунков, возраст которых превышает 10 000 лет!

Долгое время все попытки разгадать тайну необычной горы оставались тщетными. Археологи, которые занимались прочтением «текстов», сталкивались с главной проблемой — отсутствием глубоких знаний в области таких древних языков, как шумерский и египетский. А ведь, похоже, только они могли бы пролить свет на тайну древнего письма Каменной Могилы. В июле 1994 года по приглашению Юрия Шилова заповедник посетил один из наиболее известных шумерологов — Анатолий Кифишин. Уже короткое ознакомление с надписями поразило его. Исследователь заявил, что, по всей вероятности, в Украине находится протошумерский религиозный центр и сохранились древние шумерские знаки!

Рассматривая экспонаты в музее, действующем на территории заповедника, Кифишин, неожиданно даже для себя самого, легко смог прочитать надпись на одной из табличек. Она представляла собой копию знаков из грота Каменной Могилы. Ученый тут же решил всерьез заняться расшифровкой «текстов» странной горы. В результате напряженной многолетней работы увидело свет капитальное исследование под названием «Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII–III тысячелетий до н. э.». Книга была представлена на суд ученых и общественности осенью 2001 года и вызвала более чем противоречивую реакцию — от пылкой поддержки до яростной критики и нападок.

Следует сказать, что всего исследователями было обнаружено 62 пещеры с надписями и рисунками, а также 160 каменных табличек с письменами. В своей книге А. Кифишин заявил, что ему удалось расшифровать надписи на 40 панно и 16 табличках. Итог исследований подтвердил начальное предположение о том, что пиктографическое письмо Каменной Могилы является протошумерским, а сама загадочная гора на протяжении тысячелетий играла роль духовно-религиозного центра.

Одна из плит содержит надпись «Шу-Нун», выполненную большими (до метра высотой) знаками. В переводе с шумерского это означает «Рука Царицы» (или же «Закон Владычицы»). Кифишин выдвинул предположение, что так называлось само древнее святилище. Кстати, известный русский языковед Н. Марр доказывал: украинский глагол «шукати» происходит именно от шумерского «шу» — «рука». Киевский же исследователь С. Пауков считает, что от названия «Шу-Нун» произошли также украинские слова «шана» и «шанувати».

Помимо прочего, А. Кифишин сумел расшифровать календарь Каменной Могилы, которому свыше 14 000 лет, выяснил, что протошумерские пиктограммы «зерно», «ячмень», «плуг», «колесо» и «пиво» (!) впервые появились на Каменной Могиле, в Придунавье и Приднестровье уже в V–IV тысячелетиях до н. э. Исследователь пришел к интересному и впечатляющему выводу: «Каменная

Могила — это грандиозный древний архив, который позволяет пролить свет на историю цивилизации Шумера». Для обоснования своей точки зрения А. Кифишин привел примеры протошумерских

пиктограмм, обнаруженных на Юге Франции, в Трансильвании, Придунавье и Приднестровье.

С именем А. Кифишина связано не только начало разгадки секретов Каменной Могилы. Ему также принадлежит честь расшифровки текстов святилища одного из самых древних городов мира — знаменитого Чатал-Гую-ка, располагавшегося на территории современной Турции (в Центральной Анатолии). Время возникновения Чатал-Гуюка датируется приблизительно 6500 годом до н. э. Структура города была строго ритуальной, жилища в нем чередовались с большим количеством святилищ. А. Кифишин обратил внимание на изображение «рожающей богини» в одном из этих святилищ. Примечательно, что ранее все ученые считали узоры на покрывале богини орнаментом. Кифишин же доказал, что исследователи просто «проходили мимо загадки». Ряд «орнаментальных элементов», размещенных на покрывале небожительницы, оказался не чем иным, как девятью надписями. Причем все они соотносятся с рядом текстов Каменной Могилы. По мнению ученого, письма Чатал-Гуюка очень близки к шумерским, их легко читать, в то время как знаки Каменной Могилы более архаические и расшифровываются намного сложнее. Но каким образом могла возникнуть общность между текстами столь удаленных друг от друга районов? Загадку эту удалось разрешить только недавно, когда наука установила факт существования у палеолитического населения Европы периода последнего обледенения, которое наступило больше 20 тысяч лет назад, единой материальной, духовной культуры и языка. Археологи доказывали: это могло случиться только при условии реального общения и существования хорошо налаженных связей. Эту же гипотезу подтверждают антропологи и генетики. Оказывается, более 80 % европейцев происходят от общих пращуров времен палеолита. Согласно мнению специалистов, около 24 000 лет назад в Европе сложились три больших сообщества, которые находились на территории Испании, Балкан и Украины; как раз их потомки и преобладают сейчас на северо-востоке, в центре и на востоке континента.

Исследователь В. Моисеенко приводит такие интересные данные: «Когда генетики из Стенфорда расшифровали результаты изучения хромосомы У нескольких тысяч мужчин из 25 стран Европы, то оказалось, что предки трети из них когда-то проживали на территории

нынешней Украины. И в этом нет ничего странного, так как во время максимума обледенения Центральная Европа была практически безлюдной. Люди прятались от холода на территории нынешней Франции, на Иберийском и Апеннинском полуостровах, на Балканах и в Причерноморье».

Известный ученый Дж. Кемпбелл, исследовав источники мировой мифологии, обнаружил две основные мифогенетические зоны мира: агрокультурно-подэкваториальную и охотниче-приледниковую. Эпицентром второй из них как раз и являлась территория нынешней Украины.

Анатолий Кифишин на основе исследования огромного количества древних шумерских надписей пришел к выводу: письменная история человечества является гораздо более древней, чем это считалось ранее. Во всяком случае, ее «нижняя граница» отодвигается, по крайней мере, до XVIII тысячелетия до н. э. Каменная Могила, по его мнению, не являлась единственным подобным религиозным центром в те давние времена. Аналогичное святилище обнаружили, например, в районе современного Фонтенбло под Парижем. Вообще же, древние письмена были распространены на огромной территории от Пиренеев до Урала и Южного Казахстана. Их находят на скалах под Свердловском, в пещерах Южной Франции, в пиренейской пещере Альтамира. А чего стоит «книга» из 29 плит, обнаруженная на территории Черкасской области!

Знаки, которые исследователи обнаружили в разных регионах Европы, повторяются на протяжении тысячелетий. Интересной и важной особенностью надписей Каменной Могилы является то, что в них содержатся ссылки на еще более древние или особо почитаемые таблички. 160 таких «страничек» были найдены В. Даниленко и Б. Михайловым. Именно их А. Кифишин называет «первоисточниками» и считает, что «форма ссылки на более древний источник была известна именно в Шумере». Но вот вопрос: действительно ли архаическая форма происходила из Шумера? Оказывается, вряд ли. Скорее и для Шумера, и для многих других центров «письменных культур» метрополией являлось именно Причерноморье.

Один из наиболее авторитетных знатоков культуры шумеров Лео Опенгейм в книге «Древняя Месопотамия» проанализировал проблему истоков шумерской письменности. Он пришел к заключению, что

принцип письма был изобретен... нешумерскими предшественниками древних месопотамцев. Именно им должны принадлежать наиболее ранние из признанных шумерскими надписей на глине. Так кем же были эти загадочные создатели письма? Кто они и кто является их потомками? Для того чтобы развеять дымку таинственности над этими вопросами, обратимся к древнейшим из известных «первоисточников».

В давних шумерских поэмах рассказывается о богатой стране — удивительной Аратте, с которой ранние шумерские правители поддерживали очень тесные связи. В прочитанных учеными текстах Аратта, чьей покровительницей была богиня любви и войны (интересное сочетание, не правда ли?) Инанна, предстает могущественным государством. Аратта и Шумер вели весьма интенсивную торговлю. Со временем для повышения эффективности межгосударственных связей и было создано первое письмо. Об этом повествуется в шумерской поэме «Энмеркар и правитель Аратты». Ряд ученых считает, что именно Аратта, которая сыграла главную роль в развитии культуры, религии, письменности Шумера, была... прародиной шумеров.

Так что же это за легендарная страна? Где она находилась? История уже давно успела убедить исследователей в том, что далеко не все свидетельства седой древности нужно списывать на развитое воображение их авторов. А значит, нужно искать...

Известный историк и археолог С. Крамер предположил, что легендарная Аратта находилась в северо-западной части Ирана, неподалеку от побережья Каспийского моря. Другие исследователи считали, что следы ее существования нужно искать на юге Афганистана или востоке Ирана.

Анатолий Кифишин первым высказал мысль, что Аратта находилась на территории современной Украины. Свое мнение ученый поясняет просто: еще в самом начале работы над письменами Каменной Могилы он обнаружил среди надписей пиктограмму «Аратта». Рассказав в одной из своих статей о протошумерских знаках, обнаруженных в пещерах загадочной горы, исследователь связал упоминаемое шумерами таинственное государство с... трипольской культурой. Интересно, что среди знаков-символов, которые украинские

археологи нашли на трипольской посуде, значатся и известные древним шумерам, как «звезда Иштар», «растение», «вода», «дом».

Доказательством связи Каменной Могилы и Триполья служит также дешифровка ряда земледельческих протошумерских пиктограмм (например, «зерно», «ячмень», «мотыга», «плуг», «колесо»). Известно, что в приазовских степях, где, собственно, и находится Каменная Могилка, земледелием в столь глубокой древности еще не занимались. Так откуда же могли взяться на стенах пещер земледельческие символы? Их существование в районе Каменной Могилы можно объяснить только тем, что во времена культуры Триполья между ее духовными центрами и святилищем, находившемся на загадочной горе, существовала интенсивная взаимообогащающая связь.

А. Кифишину пришлось работать также с надписями раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая в Приднестровье, которое отдалено более чем на 600 км от Каменной Могилы. Что же касается второго по величине трипольского протогорода — Майданецкое, чья площадь составляла более 200 га, то при его раскопках археологи обнаружили множество интересных находок. Пожалуй, наиболее сенсационными из них стали глиняные шарики различного диаметра. Шумерологи уже более века считают, что такие шарики использовались прежде всего в храмовых хозяйствах — для учета зерна, скота и других продуктов. При этом самый большой шарик означал число 360, то есть количество дней в году (тогда еще не знали, что в году 365 дней), средний — 60 (это число равно общему количеству суставов на пальцах рук и ног), 10 — количеству пальцев на руках или ногах. Что касается «колокольчиков» на глиняной табличке, то они обозначали единицу, точка — 10, прочие же пиктограммы использовались в качестве наименований продуктов и меры их объема. Кстати, «колокольчики» находят практически во всех трипольских поселениях.

Со временем шумерские счетоводы полностью перенесли учет на глиняные таблички, трансформировав единички-«колокольчики» в острые углы, а глиняные шарики — в более тупые. Собственно, такой способ письма и получил название «клинопись».

Поскольку надписи Каменной Могилы были скорее всего протошумерскими, А. Кифишину пришлось столкнуться при их расшифровке с крайне архаическим языком, перед которым пасовали

другие специалисты. Поэтому ученому приходилось идти исключительно интуитивным путем, опираясь на известные раннешумерские тексты. Постепенно Каменная Могила нехотя стала раскрывать свои тайны. Стараниями увлеченного специалиста мертвый вулкан начал рассказывать об упоминавшихся в шумерских клинописных текстах богах и богинях — Энлиле, Нинлиль, Ниндару, Энки, Инанну-Иштар и других.

Ученые высказывают предположение, что от имен бога Энлиля и его жены Нинлиль происходят славянские Лель и Леля. А имя глубоко чтимой в Аратте и Шумере богини Инанны со временем трансформировалось в такое знакомое украинцам слово «ненька».

На стенах гротов Каменной Могилы очень часто встречается также пиктограмма, которая обозначает шумерского бога грозы Ишкура. Древнейшие обозначения этого небожителя А. Кифишин обнаружил и среди надписей в пещерах Западной Европы. Юрий Шилов предполагает, что слово «Ишкур» сохранилось у восточных славян в виде названия змея Ящера (Яше), с которым часто ведут борьбу персонажи украинского и русского эпосов.

В настоящее время многие ученые придерживаются мнения, что именно надписи Каменной Могилы стали первоисточником ряда мифологических сюжетов, которые впоследствии нашли свое отражение в шумерских, вавилонских, ассирийских текстах. Кстати, одним из таких сюжетов является... Всемирный потоп!

Опираясь на работы Кифишина и других исследователей, украинский историк Юрий Шилов разработал новую систему взглядов на историю человечества. По его мнению, первое в мире государство — та самая загадочная Аратта — было создано на юге Запорожской области примерно 8200 лет назад. А Каменная Могила («Закон владычицы») являлась святилищем жителей Аратты и своеобразным «государственным архивом».

Примечательно, что место, на котором располагалось святилище первого в истории человечества государства, тысячелетиями было священным для многих древних народов. Ю. Шилов выдвинул предположение, согласно которому именно поблизости от Каменной Могилы следует искать первый в мире некрополь первой правящей династии мира — династии протошумерских царей, правителей Аратты. Интересно, что поблизости от заповедника некогда

располагались Герры — территория, где обитали «царские скифы» и где, возможно, располагался их тайный царский некрополь.

Также Юрий Шилов считает вполне правомочным называть Аратту протоукраинской державой. Исследователь даже предпринял ряд попыток реконструировать уклад жизни этого загадочного государства, названного им страной оседлых земледельцев и скотоводов. В основе существования Аратты, похоже, лежали общинный уклад и торжество принципов свободы, равенства и братства (поистине, вечные ценности никогда не устаревают!). По мнению ученого, первое в истории человечества государство возникло около 6200 года до н. э. и за короткий промежуток времени стало «ядром сообщества индоевропейских народов». Естественно, эта цивилизация развилась отнюдь не на пустом месте. Об этом свидетельствуют те знания, которыми оперировали араттские старейшины и вожди. Например, они строили свои расчеты в земледелии, астрономии и других циклических проявлениях исходя из продолжительности земного года.

Государство Аратта славилось тем, что в нем правили, по словам Ю. Шилова, «с помощью разума, а не меча».

Исследователи полагают, что правители протогосударства в совершенстве владели приемами коллективного гипноза, управления сознанием, а благодаря специальным знаниям (естественно, их получали только те, кому предстояло стать у руля страны) могли «предсказывать» моменты солнечных затмений, фаз Луны, направление приливов и ветров, их силу, продолжительность и многое другое. Все это позволяло управлять как своими подданными, так и «дикими» соседскими племенами.

Так продолжалось примерно до 5550 года до н. э.; в тот период течение жизни на планете Земля было кардинально изменено вследствие какого-то природного катаклизма, а именно Всемирного потопа. Об этом свидетельствует и дохристианский календарь, который берет свое начало от сотворения мира, то есть с 5508 года до н. э.

Примечательно, что приблизительно к этой дате древнегреческий мыслитель Платон приурочивает и гибель таинственной Атлантиды. Современные технологии по исследованию структуры планеты, в частности космические съемки и изучение особенностей подводных

горных гряд и разломов, позволяют установить, что в определении сроков катастрофических событий планетарного масштаба древние источники не ошиблись.

В результате тектонического разлома ушла под воду значительная часть суши в Атлантическом океане, а Гольфстрим изменил свое «русло», благодаря чему теплые воды стали омывать берега Европы. Это привело к отступлению ледниковых полей. То есть огромные территории нынешнего Причерноморья стали пригодными для жизни, и там сформировалась индоевропейская общность народов, которая заложила фундамент для развития целого ряда культур.

Однако, когда произошел очередной подъем вод мирового океана, Средиземное море прорвало Боспор и хлынуло в тогдашнее Черное море. Последнее из сравнительно небольшого внутреннего водоема быстро превратилось в часть огромного водного бассейна. Море затопило значительные пространства суши, в том числе, обжитые жителями Аратты. Начались миграционные процессы, в результате которых большая часть населения протогосударства переместилась на свободные территории болотистой местности Месопотамии, в двуречье Тигра и Евфрата. Именно там и возникло государство Шумер.

Другая часть населения из Северного Причерноморья нашла пристанище на территории современной Индии, преимущественно в Пенджабском регионе. Кстати, это переселение народа описано в «Велесовой книге»; там имеется повествование о появлении в Древней Индии племени кекаев, память о которых сохранилась в таких современных терминах, как «кави» или «кеи» — «поэты» и «кудесники». Пять арийских племен из долин Днепра, Дона, Кубани, Волги, Урала, которым было суждено достичь Инда, назвали свою новую родину Бхаратой — «Божественной Араттой». Обратите внимание: в Индии до сих пор существует провинция Аратта. Так что первое протогосударство, собственно, и породило шумерскую, иранскую, этрусскую и древнерусскую цивилизации. Ведь часть беженцев со временем вернулась в Причерноморье. И привел их на земли предков некий Орий (Арий); именно его сыновьями древние источники называют легендарных Кля, Щека и Хорива.

Сказанного достаточно для постановки вопроса об общих корнях Аратты, славянской, греческой и скифской культур, об их взаимосвязи

со славянской культурой. Исследователи отмечают многие тому свидетельства. Например, существование упоминания о доиндоевропейских Энлиле и Нинлиле, а также... неотъемлемых атрибутов праздника Пасхи (Великодня) — писанок, в орнаментике которых в Украине до сих пор сохраняется множество специфических композиций, которые напрямую восходят к эпохе Аратты и Триполья.

Современная официальная наука очень осторожно относится к результатам научной работы Анатолия Кифишина и Юрия Шилова. Ведь само признание того факта, что пиктограммы Каменной Могилы и трипольской культуры являются протошумерскими, способно кардинальным образом изменить наше понимание первоисточников человеческой цивилизации. Что ж, необычная гора столь долго и терпеливо хранила свои тайны, что теперь, нехотя поделившись частью «артефактов» с учеными, может и подождать их разгадки...

Загадки древних языческих храмов

После введения на Киевской Руси христианства многие язычники, не желая принять новую религию, ушли, так сказать, в подполье. Сегодня археологи периодически обнаруживают места их поклонений запрещенным богам. Фактически их можно назвать языческими храмами. Исследователи утверждают, что эти места являются благодатными для любителей придумывать исторические версии и разгадывать загадки древности.

Збружский идол

Характер многих языческих празднеств был настолько связан со всей природой вокруг села (леса, рощи, родника, реки, болота, холмов и гор), что отыскать места древних хороводов, купальских костров, жертвоприношений воде почти невозможно. Исключением являются только священнодействия на холмах, на горах, «красных горках», которые очень часто при археологических обследованиях дают интересный материал о древних языческих культах. Почитаемые идола ставились славянами-язычниками, как правило, на холмах.

Одни ритуальные действия не требовали почти никакого реквизита, кроме венка из цветов, свежесорванной ветки березы или

разведенного на берегу костра. Таковы хороводы, игры, пляски, резко осуждаемые церковью. Естественно, что от этого разряда языческих культов не уцелело никаких археологических следов, и мы можем компенсировать их отсутствие только обращением к этнографии. Для другого вида ритуальных действий требовались те или иные сооружения — либо временные на одно празднество, либо постоянные «капища», «кумирни идольские», снабженные деревянными или каменными изображениями славянских языческих божеств.

Дославянские святилища воспринимались славянами как полученные по наследству и продолжали существовать очень долго, перейдя в дальнейшем в христианскую форму. Примером может служить Благовещенская гора близ древнерусского города Вщижа на Десне. Здесь существовало обширное и хорошо оборудованное святилище юхновской культуры с явно выраженным культом медведя. В дальнейшем на этой горе была построена церковь в честь христианского праздника Благовещения.

Славянских сельские святилища принято рассматривать с того времени, когда римские авторы впервые заговорили о далеких от них славянах — венетах. В переводе на язык археологии венеты в восточной части славянского мира представляют зарубинецкую культуру. Примером зарубинецкого культового места внутри поселка может служить святилище в поселке «Грудок» близ села Почепа в бассейне Средней Десны, куда в первые века нашей эры распространилось славянская колонизация из Среднего Поднепровья.

Постепенно, с разрастанием поселков, с выходом их за пределы древних оград городищ, священные места жителей селений стали перемещать из сердцевины села на его окраину. Места празднеств, жертвоприношений и общесельских пиров (братчин) стали устраивать непосредственно у околицы. Примером такого святилища Черняховского времени является языческий комплекс, обнаруженный в 1951 году возле села Иванковцы на Днестре, на современной территории древней земли тиверцев. Здесь на окраине просторного и неукрепленного славянского села II–V веков н. э. было обнаружено три каменных идола. К сожалению, ни обследования, ни раскопки не могли определить первоначального положения интереснейших изваяний.

Один из идолов был обнаружен археологами вкопанным в землю и возвышавшимся над ее поверхностью. Раскопки, проведенные М. Брайчевским, не установили наличия близ этого изваяния какого-либо сооружения и, к сожалению, не определили время установки идола в данном месте. Он мог быть перенесен сюда в любое время, как был перенесен другой идол, находившийся ранее в ином месте неподалеку. Нечто вроде жертвенника в виде небольшого округлого сооружения было обнаружено в 20 м к северу от современной позиции идола. Но связь с идолом ничем не доказана.

Очевидно, эти идолы представляли единый ритуальный комплекс на краю села II–V веков. Возможно, что все капище с тремя каменными идолами находилось несколько севернее, на возвышении, уже за пределами зоны культурного слоя. В состав комплекса входили три идола. Два антропоморфных, один — четырехгранный, с человеческими ликами на верху каждой грани. Самым крупным (высота около 3 м) был идол, завершающийся изображением человеческой головы. Голова моделирована сравнительно хорошо. Ясно выражены глаза, нос, рот, подбородок, волосы, уши. На столбе, изображающем туловище, не намечено ни рук, ни ног, ни каких-либо деталей одежды, оружия. Вторым по величине является идол, представляющий собой фигуру бородатого мужчины со сложенными на груди руками. Отсутствие каких-либо атрибутов может объясняться тем, что статуи, сделанные из мягкого известняка, постепенно выветривались.

В этом же поднепровском регионе, к юго-западу от Иванковцев, в селе Калюс у Днестра, на территории большого поселения Черняховской культуры был обнаружен каменный идол высотой в 2,3 м. Скульптура изображает мужчину, который держит в правой руке рог тура. По примитивности трактовки она близка к «велесам» сколотского времени из близлежащих мест пограничья лесостепи и степи у Южного Буга. Существенным отличием является полное отсутствие скифских черт — акинака (скифского меча) у пояса и гривны на шее.

Разгадать содержание почепского или иванковецкого святилища нелегко. Но, скорее всего, эти капища с деревянными или каменными идолами выполняли различные функции на протяжении года. Они могли иметь и какое-то специальное назначение вроде того, как в

русском дореволюционном селе церковь была и местом обычных повседневных или еженедельных богослужений, но при этом раз в году отмечался особый «престольный» праздник, связанный со святым, покровителем данной церкви.

Сакральная постройка на почепском селище могла быть храмом богини Мокоши (или Макоши) — Матери Урожая. Российский исследователь Б. Рыбаков считает: «С большей уверенностью можно говорить о том, что здесь сооружен не столько храм как таковой, сколько своеобразный гадательный дом, где вопрошали судьбу о наступающем годе, о предстоящем урожае, о девичьих судьбах. Здесь занимались „чародейством“ в буквальном смысле слова — гадали у воды, налитой в священную чару, снабженную знаками двенадцати месяцев. Синонимом чародейства было „волхование“ обращение к воде (влаге, „вологе“), которым занимались волхвы — „облакопрогонители“, т. е. жрецы, управляющие дожденосными тучами при помощи чародейства, колдования с водой в священной чаре».

Религиозное, молитвенное отношение к силам природы зафиксировано многими древнерусскими источниками. Церковники порицали в своих поучениях обожествление природы, объясняя это или незнанием истинной веры, или же кознями дьявола. Церковный деятель и писатель Древней Руси епископ Кирилл Туровский, прозванный «русским Златоустом», в середине XII века радовался, что языческое обоготворение разных разделов природы уже миновало. Но, как показывает этнография, все эти архаичные культы дожили в том или ином виде до XIX–XX веков.

Местом ежегодных молений традиционно были высокие холмы, горы, возвышавшие молящихся над уровнем обычной жизни и как бы приближавшие их к небесным правителям мира. Все эти места культа воды и гор широко отразились в восточнославянской топонимике, где встречается множество «святых озер», «святых роц», «красных горок», «лысых гор», «девичьих гор». К ним нужно добавить большое количество урочищ, помеченных именами древних божеств: Перуново, Волосово или Велесово, Макошино, Ярилино, Ярилки и т. п.

Летописные сведения о Перуне всегда отмечают его положение на холме: князь Игорь, скрепляя клятвой договор с Византией, «приде на хольмы, кде стояше Перун». Владимир Великий поставил идолов на

вершине Старокиевской горы над Днепром. После крещения Руси место языческих капищ на таких холмах заняли христианские церкви.

Священные горы, как уже упоминалось выше, часто носят наименование «лысых» или «девичьих». Предполагается, что это название могло быть связано с женским божеством, с богиней-девой, являвшейся далекой предшественницей христианской богородицы. О мужской сущности лысых гор косвенно может говорить изображение обнаженного мужского божества, а также фигурки с изображением птиц, волков и четырех крестообразно направленных отрогов, найденные на вершине одной из таких гор в окрестностях Днепропетровска.

«Девичьи» горы в ряде случаев дают подтверждение своему наименованию. Существует Девичья гора в Сахновке на берегу Роси. Здесь была найдена знаменитая золотая пластина с изображением скелотского, или скифского, праздника в честь какого-то женского божества. Память о ритуальном значении сахновской Девичьей горы сказалась в том, что на ее вершине до сих пор ставят три деревянных креста.

Еще одна Девичья гора находится в этом же Среднеднепровском регионе на окраине поселка Триполье (летописный Треполь) на Днестре. На вершине горы, возвышающейся над Днестром, в зарубинецкое время был сооружен своеобразный жертвенник-печь, представляющий собой композицию из девяти полусферических углублений. Число 9 в сочетании с девичьим именем этой огромной и очень импозантной горы наводит на мысль, что создатели жертвенника с девятью составными частями прежде всего соотносили это центральное сооружение Девичьей горы с девятью месяцами беременности.

Большой интерес представляет общий взгляд на весь тот среднеднепровский регион, в котором находится Девичья гора у Триполья. На новейшей археологической карте зарубинецкой культуры, составленной Е. Максимовым, в обширном ареале всей культуры (Припять, Днестр, Десна, Сейм) резко выделяется количеством памятников и плотностью заселения Среднее Поднепровье (от устья Десны до Тясмина). Именно здесь сосредоточены важнейшие памятники так называемой зарубинецкой культуры.

Центром всего среднеднепровского региона (от Десны до Тясмина) является излучина Днепра с Зарубинским могильником (который и дал название зарубинецкой культуре), соседним городищем Бабина гора и огромным Трахтемировским городищем скелотского времени рядом с Зарубинцами. Основание монастыря на высшей точке трахтемировского городища косвенно может подтвердить мысль о древнем священном пункте. Монах этого Зарубского монастыря Георгий писал специальное поучение против язычества, в котором ополчался против «созваний» (собрания по особому зову) и «веселья блудского» с участием скрипачей, флейтистов и скоморохов: «да любяй та глумленья поган есть и с крестьяны причастья не имать». Сегодня здесь расположен государственный заповедник «Трахтемиров».

О самом Трахтемировском городище как о месте культа во времена зарубинецкой эпохи сведений нет. Но в непосредственной близости от него находится городище Бабина гора с зарубинецким культурным слоем, возле которого имеется могильник (Дедов шпиль). Название этого городища, так же как и название «девичьих гор», может говорить о посвящении этой горы какому-то женскому божеству, но, очевидно, иного вида, нежели богиня-дева: это могла быть богиня-мать вроде Макоши.

Бабина гора — небольшое городище на высокой горе у самого Днепра, со всех сторон окруженное валами. Возникло оно в период I века до н. э. — I века н. э. При рассмотрении его укреплений удивляет диспропорция между общим параметром валов, которые везде двойные, и незначительностью жилой площадки в этой «крепости». Площадь, охваченная валами, примерно в десять раз превышает площадь жилой части на вершине горы (всего 8—10 соток). Основное пространство внутри валов — огромный естественный амфитеатр, спускающийся к реке. Укрепления идут и вдоль подошвы амфитеатра у самого берега, что исключает мысль о естественном размыве амфитеатра. Ни жить, ни укрываться на время опасности на крутых склонах внутри периметра валов было невозможно.

Вызывает вопросы еще одно обстоятельство. Вал, идущий вдоль подошвы горы, не мог быть фортификационным сооружением, так как был легко преодолим, а защитники городища, если бы они захотели спуститься по наклону амфитеатра к этому валу, были бы перебиты нападающими еще до того, как добрались бы до нижнего вала. Все

внутреннее пространство «крепости», считая и верхнюю площадку, хорошо простреливалось. Боевая дальность полета стрелы около 300 м; здесь же от берега реки до самой глубинной точки городища всего 80—100 м. Зимой, когда Днепр замерзал, это городище становилось совершенно беззащитным, несмотря на кажущуюся мощь двойных валов. Рядом с Бабиной горой расположен на другом холме могильник.

Особенностью и, пожалуй, главной загадкой этого могильника является захоронение здесь младенческих черепов без ритуального инвентаря. Предположение о ритуальном характере Бабиной горы и наличие младенческих захоронений в некрополе заставляют нас вспомнить слова средневековых писателей о древних языческих жертвоприношениях. Наиболее смелые исследователи утверждают, что есть прямая связь между ритуальным убийством детей и культом мрачной хтонической^[2] богини Гекаты. Эта греческая богиня является аналогом славянской Макоши.

Таким образом, в излучине Днепра располагался один из наиболее древних религиозных центров. Верховное мужское божество в нем было представлено самим Трахтемировским городищем, а женское — Бабиной горой, находящейся рядом с ним. Этот сакральный комплекс должен был быть общим для всей области скифов — борисфенито (по определению Геродота) — от устья Десны до Ворсклы.

О Трахтемировском городище есть еще одна легенда. Говорят, оно периодически исчезает и появляется вновь. Правда, по уточненным сведениям, эта мистическая особенность характерна не для городища, а для Трахтемировского монастыря. Так или иначе, пока еще ни ученые, ни журналисты нигде подобных фактов не отмечали и не фиксировали.

Говоря о культовых местах языческого поклонения и об их зашифрованном значении, нужно вспомнить и милоградскую культуру неводов. Она в значительной своей части находилась в наиболее болотистой области Восточной Европы — в Припятских болотах. Недаром те славянские племена, которые обитали здесь, получили у соседей собирательное наименование «дреговичей», т. е. «болотников» (от белорусско-литовского «дрыгва» — болото). По своему уровню милоградская культура гораздо примитивнее, чем лесостепная сколотская.

Невры в описании Геродота тоже выглядят достаточно диким народом, живущим на самом краю обитаемых земель: «Над ализонами живут скифы-пахари (сколоты), которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Выше (севернее) этих живут невры, а над неврами — земля, обращенная к северному ветру, на всем известном нам протяжении безлюдна». Геродоту сообщили, что невры были вынуждены (примерно в VI веке до н. э.) вселиться в страну будинов (юхновская культура) из-за каких-то змей, наполнивших их страну.

И наконец, остается ряд вопросов, ответить на которые весьма нелегко в связи с недостаточной изученностью болотных городищ, — как возникал сам замысел создания подобных сооружений, как толковать языческую сущность этого культа. Здесь можно исходить только из самых общих положений.

Во-первых, несомненна связь с культом воды и подводно-подземным «нижним миром». Он лучше всего выражен самим болотом с его неизведанными и недоступными глубинами, болотными огнями, коварством болотной зелени и трясин, зловредностью болотных лихорадок. Святилищу на болоте придавалась идеально круглая форма. Во-вторых, вполне возможно, что здесь мыслилась модель видимой земли, правильный круг горизонта-кругозора, в противоположность стихии воды. Есть предположение, что болотные городища (иногда насыпные, искусственно сделанные людьми) могли быть посвящены хозяину этого нижнего мира.

Таким образом, попытка даже поверхностного анализа некоторых культовых языческих мест приводит к пониманию: каждое из них имеет несколько значений. И какое из них истинное, мы можем только предполагать. Но учитывая древность «исходного материала», вряд ли кто-то кого-то попрекнет за избыточное проявление фантазии и демонстрацию чрезмерно богатого воображения...

Загадочный скифский город Гелон, или О чем не знал Геродот

Первым ученым-путешественником древнего мира, который совершил путешествия по всем известным в его время землям и оставил их описание, был древнегреческий историк Геродот (484–406 гг. до н. э.), прозванный «отцом истории». Изгнанный из Фракии, он оказался на острове Самосе, откуда и начал свои путешествия: сначала в Египет, затем в Вавилон, Персию, по греческим городам-полисам на берегу Малой Азии, на Балканский полуостров, в Колхиду, Междуречье, таинственную Скифию. Именно «История» Геродота является для историков, и в частности для скифологов, важнейшим источником информации. Но некоторые сведения, изложенные в трудах Геродота, настолько запутаны и противоречивы, что отдельные загадки становятся для историков и археологов еще «загадочнее».

Несмотря на впечатляющие, а иногда и просто сенсационные открытия археологов в скифских курганах и на городищах, нужно признать, что все же именно к Геродоту восходят основы наших знаний о скифах и их соседях. И это не случайно. Именно Геродот придал определенную окраску истории и культуре Скифии, создав яркие литературные образы скифов и других народов Юга Восточной Европы. Благодаря «Мельпомене», являющейся составной частью его «Истории», скифы и их соседи приобрели реальные черты. Во всяком случае, не будь этой книги, наши представления о жителях Северного Причерноморья тех далеких веков, восстановленные только средствами археологии, выглядели бы гораздо беднее.

Понятно, что лично обследовать все описанные им земли и города Геродот не имел возможности. Потому в своих описаниях он использовал три основных источника информации: личные наблюдения, слухи и авторские умозаключения. Рассказ Геродота об удивительном скифском городе Гелоне скорее всего вряд ли относится к категории личных наблюдений. Во всяком случае, он не содержит ни прямых, ни косвенных признаков его непосредственного там пребывания. Правда, при этом следует сказать, что даже характеристики тех мест, в которых Геродот побывал лично, иногда

потрясают явной выдумкой. Так, подробно описывая самый знаменитый и могущественный город Азии — Вавилон, где путешественник даже какое-то время жил, он указывает: «Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех стен города составляет 480 стадий...» Если перевести эти цифры в привычные нам единицы измерения, то получается, что длина стен Вавилона составляла 85–95 км! И это при том, что когда ассирийский царь Ассархадон приступил в 680 году до н. э. к восстановлению города, он описывал его как квадрат, окруженный стенами, со стороной в 30 ашлу (3600 локтей). Следовательно, периметр городских стен составлял тогда 14 400 локтей, то есть 7,2 км. Те же размеры называет последний вавилонский царь Набонид. Сопоставление показывает, что Геродот не менее чем в 8—10 раз преувеличил реальные размеры Вавилона. Попутно «отец истории» зависил и размеры знаменитой Вавилонской башни не менее чем в два раза, а вместо восьми ворот, открытых археологами, назвал сто.

Немудрено, что сведения о скифах отличает еще меньшая степень достоверности. Например, в «Истории» Геродота есть мифологическая версия о появлении скифов и гелонов. Древний историк считал последних потомками эллинов и трактовал миф таким образом: «Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли».

После этого идет повествование о встрече Геракла с неким существом смешанной породы — полудеве-полузмее по имени Гилея. Чтобы получить своих коней, герой вступил с ней в любовную связь, от которой родилось трое сыновей. При расставании Геракл

посоветовал змееподобной деве: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна, и исполнишь мое желание».

«Когда дети выросли, — продолжает Геродот, — мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари». Гелон же, по всей видимости, стал родоначальником племени гелонов.

При описании «страны будинов» Геродот упоминает единственный в Скифии город: «Будины — племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города Гелон. Длина стены с каждой стороны — 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные, и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности — это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском».

Историки подразделяют скифов на три ветви: собственно скифы, селившиеся в Причерноморье; агафирсы — жившие в Молдавии и Восточной Румынии; гелоны — обжившие территорию возле рек Ворскла, Псел, Сула. Именно у гелонов к началу VII века до н. э. сложилось раннерабовладельческое государство со столицей. Затем гелоны частично оттеснили на север будинов, проникнув на восток до Дона. Главному царю подчинялись вожди племен, имевшие свои городки-ставки.

Особое внимание «отца истории» к городу Гелону, видимо, было обусловлено не только его уникальностью, но и совершенно необычным для Скифии образом жизни гелонов, во-первых — жизни

религиозной, а во-вторых — оседлой. Известно, что там, где Геродот не мог выступить в качестве очевидца, он искал тех, кто посещал ту или иную страну. Впрочем, в другом месте Геродот сам указал своих информаторов о стране будинов и гелонов, вступив с ними в полемику: «Эллины, однако, и будинов называют гелонами, называют неправильно». Возможно, речь идет о рассказах эллинских купцов, которые совершали далекие путешествия из «гавани борисфенитов» и других понтийских портов в сторону Приуралья. Именно от них ученый мог узнать о достопримечательностях далекого заскифского Северо-Востока.

Далее Геродот пишет, что «будины — коренные жители страны — кочевники. Это — единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов... Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой».

Из свидетельств Геродота о главном городе гелонов явствует, что он был окружен высокой деревянной стеной, длина которой с каждой стороны составляла 30 стадиев, то есть порядка 6 км. Исследователи давно уже обратили внимание на исключительно большие размеры этого города, периметр укреплений которого определялся в пределах 22–26 км, и очень сомневались в правдивости этих данных, оглядываясь на пример Вавилона. Но именно это сообщение являлось ключевым в поисках учеными археологического эквивалента геродотову Гелону — городища с укреплениями таких размеров, которые бы более или менее совпадали с указанными «отцом истории». И представьте себе, нашли-таки его в Украине!

В конечном итоге именно большие размеры сыграли определяющую роль в отождествлении Гелона, каким его описывал Геродот, с Вельским городищем на Ворскле в Котелевском и Зиньковском районах Полтавской области и Ахтырском районе Сумской области (в с. Вельск). Действительно, общая протяженность его внешних укреплений — 25,995 км — оказалась весьма близка к длине деревянных стен Гелона. К настоящему времени, после

широкомасштабных тридцатилетних исследований Бориса Андреевича Шрамко, руководившего скифо-славянской археологической экспедицией Харьковского университета, есть основание утверждать, что Вельское городище и является городом Гелоном. Эта версия Шрамко подтверждается выдающимися учеными с мировым именем, а также подкрепляется археологическими раскопками. Так что локализация Гелона на Вельском городище приобрела форму аксиомы, хотя время от времени раздаются вполне обоснованные возражения против нее. А такой источник, как «Велесова книга», своими упоминаниями о городе Голунь (возможно, искаженное Гелон), трехстах «городах и селах» вокруг него и его основателях не противоречат выводам Шрамко, а только подтверждает его гипотезу.

А Голунь град був великий і багатий.

І се бо вороги прийшли до нас і зруйнували його і стіни спалили.

І се мусили боронити нашу кріпость і до Русі утримати.

По преданиям, до Гелона дошел персидский царь Дарий и сжег город.

Первые земляные укрепления Вельского городища датируются ранним железным веком (VIII в. до н. э.). Позднее земляные валы досыпались несколько раз и укреплялись деревянными стенами в эпоху скифов (VII–III вв. до н. э.). Общая длина валов составляет 34 км, а общая площадь городища превышает 4021 га. Огромный археологический комплекс включает четыре укрепления — Западное, Восточное, Куземинское и Большое укрепление Вельского городища, курганные некрополи в урочищах Скоробор, Осняги, Марченки, Перещепино и другие многочисленные поселения.

Городище на востоке ограничено Ворсклой, а на западе — рекой Сухая Грунь. По своей форме укрепление Большого Вельского городища приближаются к треугольнику, основа которого повернута к северу. По бокам находятся два дополнительных укрепления — Восточное (длина валов, по данным Шрамко, 3870 м) и Западное (протяженность валов — 3270 м), а в северо-восточном углу городища — третье, Куземинское укрепление (валы длиной 898 м). На запад и юг от

городища расположены огромные курганные некрополи — Осняги, Скоробор, Саранчево поле, Перещепино, которые насчитывают сотни насыпей. Несколько небольших могильников находятся непосредственно и на территории Большого Вельского городища в его южной части, а также на севере и востоке Западного укрепления. Отдельные курганы и их группы прилегают к Большому Вельскому городищу с юга.

Оборонительные сооружения Вельского городища состоят из вала и рва. Ныне вал на отдельных сохранившихся участках, в частности на Западном укреплении, достигает в высоту 8–9 м, на других — 4–5 м. По археологическим данным, защитные стены городища состояли из земляной насыпи и деревянных конструкций в виде вертикальной изгороди, которая была выше насыпи и полностью прикрывала защитников поселения. Ров же имел уплощенное дно, что давало возможность защитникам передвигаться незаметно для врага. Глубина рва достигала 5–6 м, а его ширина в нижней части колебалась от 1 до 5 м. При въезде в городище были построены специальные ворота с башнями.

Городище было выстроено на высоком плато, что также положительно сказывалось на его оборонных качествах. Особенно крутым является склон правого берега, который ведет от валов в долину Ворсклы. Даже современный автомобиль с натугой одолевает крутой и извилистый серпантин асфальтовой дороги от реки до села. А в непогоду этот путь вообще становится непроходимым.

Однако ни крепкие стены, ни удобное расположение не смогли защитить укрепление от врагов. В толще решеток современного вала прослеживаются следы нескольких этапов разрушений или пожаров, а также восстановления защитных конструкций городища, которые свидетельствуют о многократных штурмах крепости.

Только на территории собственно большого городища археологи обнаружили остатки около двух десятков поселений. Установлено, что некоторые из жилых сооружений были двукамерными, иногда в них были своего рода погреба и хозяйственные ямы. Площадь таких зданий колеблется от 16 до 30 м². Часть из них были двухэтажными: нижний ярус использовался под хлев или хозяйственное помещение, а верхний — под жилье. Кроме наземного жилья существовали и землянки.

Во многих жилых зданиях обнаружены остатки домашних алтарей. Они имели вид невысоких цилиндров диаметром около полуметра, гладкая верхняя плоскость которых была обожжена, побелена, а иногда разрисована минеральными красками. Рядом с алтарями найдены различные культовые изделия: глиняные модели зерен культурных растений, плуга, глиняные статуэтки животных, остатки деревянных чаш и т. п. Иногда группы статуэток составляли целые ритуальные композиции, которые имитировали сцены культовых церемоний. Это, кстати, подтверждает слова Геродота, о том, что гелоняне были людьми верующими. Да и общественная архитектура представлена остатками святилища и храма, которые были обнаружены при раскопках Восточного укрепления. Сооружения эти довольно внушительные: святилище, например, занимало площадь приблизительно 260х40 м. Здесь были возведены многочисленные жертвенники, а в выкопанных возле них ямах были обнаружены останки пожертвований. Глиняный жертвенник находился и посреди небольшого деревянного храма с колоннами при входе.

Следует заметить, что хотя большинство историков и археологов считают, что Вельское городище и есть древний город Гелон, но одновременно признают, что это, пожалуй, единственный случай точного совпадения сведений Геродота и данных археологии о древних городах. Однако у некоторых специалистов кое-какие факты все же вызывают сомнения.

Прежде всего, это касается описанных Геродотом храмов, статуй, алтарей, найденных на этом лесостепном городище, как, впрочем, и на многих других. Хотя сам же Геродот, упоминая о статуях богов, указывал, что у жителей Гелона «не принято воздвигать ни изображений, ни храмов никому из богов, кроме Ареса». Причем последующее детальное описание Геродотом жертвоприношения в честь скифского бога войны наглядно убеждает в его принципиальном отличии от греческих святилищ.

Однако не исключено, что рассказ Геродота о городе Гелоне и его обитателях в конечном итоге был плодом наивной греческой этимологии, благодаря ошибкам которой туземные гелоны вполне могли превратиться в потомков эллинов. Безусловно, их отождествлению способствовала широкая популярность имени «Гелон» среди греков. Но в Вельском городище все находки греческого

происхождения, включая и найденные перстни, не выходят за рамки обычного античного «импорта». А среди немногочисленной серии бельских надписей нет ни одной греческой. В целом, сопоставление образа Гелона с культурным обликом хорошо изученного к настоящему времени Вельского городища свидетельствует о том, что между ними гораздо больше различий, чем сходства.

Все это заставляет историков и археологов не сосредотачиваться на достигнутом, а продолжать поиск загадочного Гелона. Так, высказывания Геродота о гелонах как о выходцах из античных торговых городов, которые содействовали установлению и расширению прочных торговых связей местного населения с античным миром и особенно множество археологических находок позволяют допустить мысль, что гелоны жили на правом лесостепном берегу реки Дон. Возможно, гелоны представляли ту часть населения, которая сохранила предшествующие традиции населения катакомбной культуры эпохи бронзы и его язык, на котором говорили скифы.

Существует и еще одна версия, касающаяся загадочного города Гелона. Исторически Клев до V века назывался Гелон (Желон), некоторые ученые считают, что данная местность была заселена народностью гелонами (желонами). Ныне это микрорайон Жуляны. Так или иначе, загадочный Гелон еще ждет своих исследователей, а пока только Вельское городище отождествляется с городом Гелон Геродота и считается административным, ремесленным, торговым и религиозным центром политического объединения различных народов.

Загадки скифских курганов

На первый взгляд, мы достаточно много знаем о скифах и скифской культуре. Но при этом, что интересно, по-прежнему продолжаются споры о том, были ли скифы вообще, или это только выдумка. Есть ученые, которые полагают, что скифы — это лишь общее название разных, не очень сходных между собой народов. Правда, заявить о подобных вещах вслух невозможно без того, чтобы заявившего не подвергли обструкции. Ведь считается, что скифы в какой-то мере наши предки. Если мы вдруг допустим, что свои скифские корни есть у большинства восточных и западных славян, а не только у украинцев, то тем самым посягнем на собственную историю.

Скифская ваза из кургана Чертомлык

На самом деле такая точка зрения бытовала еще в давние времена. Огромную территорию — от полесских болот до Черного моря — населяли разные народы, объединенные общим названием. Археологи, среди которых любителей археологических изысканий больше, чем ученых, очень любят рассуждать на эту тему. К примеру, они охотно расскажут, что на территории Полесья жили праславяне, а в степной зоне — ираноязычные племена. Но поскольку именно скифы образовали могучее государство, они и нарекли его Скифией.

И тут возникает вопрос: а в самом ли деле люди, жившие в этом государстве, назвали себя скифами? Очень может быть, что это название они получили позже.

Геродот пишет, что скифы именовали себя сколотами, а название этому народу дали греки. Получается, что, с одной стороны, был конкретный народ, населявший территорию Восточной Европы с VII века до н. э. вплоть до начала I тысячелетия н. э., а с другой — «скифами» греки именовали всех кочевников-иранцев от Дуная до Средней Азии.

Не будем забывать, что именно скифы создали первое государство на территории Восточной Европы. В его состав, кроме иранцев, входили все племена, населявшие лесостепи. Неудивительно, что скифский период оставил свой ощутимый след в культуре, языке и традициях славян, и в частности украинского народа. И потому не стоит удивляться тому, что даже в современном украинском прикладном искусстве присутствуют элементы так называемого «скифского стиля». А искусствоведы обязательно находят скифские мотивы в работах народных художников и вышивальщиц.

По утверждению доктора исторических наук, сотрудника Института археологии НАН Украины Вячеслава Мурзина, так называемых «чистых» народов в истории вообще не существовало. Протоскифы пришли на территорию Восточной Европы в VII веке до н. э. До них там обитали киммерийцы, которых покорили скифы. Как часто случалось в истории, они дали покоренному народу свое имя и включили в состав кочевой орды, в рамках которой постепенно сформировался единый народ с общими традициями, единой культурой и погребальным обрядом, необходимым элементом которого, помимо прочего, и являлись знаменитые скифские курганы.

Первые курганы — ровесники египетских пирамид — появились в приазовских степях. Здесь же пять-шесть тысяч лет назад «выросли» и древние изваяния. Позже их стали именовать каменными бабами.

У степных курганов есть свои тайны.

По словам археолога, преподавателя Мариупольского университета Владимира Кульбаки, только в Донецкой и Луганской областях обнаружено более сорока тысяч курганов. Начиная с 1970-х годов археологи исследовали курганы, расположенные в степной и лесостепной зонах Украины, проводили визуальные наблюдения, а также фото— и агроразведку. Значительная часть курганов находится в зоне земледелия, вспашка за один год уменьшает их высоту на 15 см, и

они со временем сливаются с поверхностью земли. Так что сейчас распознать их может только специалист.

Курганы сильно мешали сельскому хозяйству. Но, слава богу, сознательно стирать с лица земли памятники истории никто не приказывал. Древние захоронения тревожили часто во время освоения степей с сельскохозяйственной целью, однако без злого умысла: просто об этих захоронениях не всегда было известно.

Например, в Мариуполе есть своя достопримечательность — курган под названием Дед высотой 6 м. Таких высоких курганов в приазовских степях остались единицы. В 1992 году, во время строительства большого водовода на новом жилом массиве, строители наткнулись на один из них. И видимо, посчитали памятник истории обычной земляной насыпью. А когда разворотили уже полкургана, обнаружили древние захоронения. Строительство было приостановлено, городские власти пригласили археологов, выделили деньги на исследование разрушенной части кургана, чтобы затем можно было продолжить прокладку водовода.

Тогда денег на полное исследование Деда не было. Ученые надеялись, что найдутся после, но на том все и закончилось. А тогда в этом кургане раскопали пять погребений бронзового века. Самое позднее из них совершено пять тысяч лет назад. Нашли сосуды, глиняные, лепные горшочки.

О чем еще могут поведать древние курганы? Если умирал человек, независимо от его ранга, в захоронение ставили горшочек с едой. Знакомые нам всем поминки являются продолжение этой традиции. А день поминания и посещения кладбищ после Великой Пасхи не зря называется Красной горкой: горка — курган, красная — праздничная, священная.

В древности для захоронений выбирали высокое место где-нибудь на водоразделе. Похоронив умерших, насыпали курган, куда люди приходили помолиться и совершить обряды. Даже сейчас, когда ведутся раскопки недалеко от какого-нибудь поселка, к археологам нередко подходят местные жители с просьбой не трогать курган, поскольку он для них служит своеобразным культовым, духовным центром. Люди чтут курганы и дают им имена: Орлова могила, Никитина могила. Название Дед ученые нашли на одной из старинных карт.

Золота в мариупольских курганах пока не находили. Однако, по рассказам местных жителей, степные захоронения умеют хорошо хранить свои тайны. Например, в 1971 году знаменитый археолог Борис Мозолевский нашел в одной из могил на Днепре знаменитую золотую скифскую пектораль.^[3] Она отыскалась в кургане, который перед этим ограбили «охотники за сокровищами». Пектораль «спряталась» от них в боковом погребении.

Почему же Борис Мозолевский решил раскапывать именно Толстую Могилу? Ведь в Днепропетровской области были и другие неисследованные курганы.

Об этом археологе много писали и говорили. В частности, упомянутый выше Вячеслав Мурзин вспоминал, что это был выдающийся ученый с удивительно счастливой «археологической» судьбой. По его словам, никому так не везло при раскопках, как ему. Конечно, пектораль стала великолепным подарком судьбы. Но ученые склонны объяснять этот «подарок» с более рациональной точки зрения. А именно — открытие стало результатом многолетних научных исследований и анализов.

Знаменитые курганы Солоха, Чертомлык, Александро-польский, Краснокутский, Толстая Могила расположены в одном месте — на обоих берегах Днепра ниже не менее знаменитых днепровских порогов. А скифы кочевали по всей степной Украине, а не только вдоль Днепра. Геродот в своей «Истории» пишет, что когда умирал очередной скифский царь, его тело бальзамировали и возили по всей стране, чтобы дать возможность проститься с ним. Так продолжалось сорок дней. Потом прах доставляли в местность под названием Геррос и там хоронили. Выходило, что Геррос в некотором роде напоминает знаменитый древнеегипетский некрополь — тот самый, где отыскивали сокровища фараонов. Последнее прибежище могущественных скифских владык, сообщает Геродот, находится в Геррах, до которых по Борисфену (Днепру) ходили суда. Герры находятся на берегах речки Геррос, которая ответвляется от Борисфена... Это самые отдаленные пределы Скифии. Значит, сделал вывод Мозолевский, если ориентироваться на сведения Геродота, кладбище скифских царей расположено на территории современной Днепропетровской области.

Однако, возражали оппоненты Мозолевского, события, описанные Геродотом, происходили в V веке до н. э., тогда как знаменитые

курганы относятся к IV веку до н. э.

Получается, они на сто лет младше. Из-за этих несоответствий некоторые ученые считали, что Геррос следует искать в ином месте. Главным аргументом противников теории Мозолевского был тот факт, что скифские курганы разбросаны по всей территории Украины.

Чтобы доказать свою правоту, Борис Мозолевский нанес на карту все известные ученым захоронения скифской знати, относящиеся к V веку до н. э. Оказалось, что половина всех захоронений сосредоточена на том же узком пятачке ниже днепровских порогов, где обнаружены и упомянутые царские курганы IV века до н. э. Таким образом, некрополь начал зарождаться здесь еще во времена Геродота, а потом география захоронений значительно расширилась. И здесь возникла еще одна проблема, которую заметил археолог: визуально отличить скифский курган от не скифского очень сложно. А в наших степях сотни тысяч курганов, больших и маленьких.

Разница между ними есть, но видят ее только специалисты. Например, курганы эпохи бронзы насыпали постепенно, на протяжении многих веков, по мере того как в них хоронили все новых и новых людей. Причем землю брали рядом, подрывая верхний слой почвы. В результате вокруг рукотворного холма образовывалась кольцеобразная ложбинка. Ее не могли уничтожить ни ветры, ни дожди, ни распашка. Скифы же сооружали свои курганы из плиток дерна, свозимых со всей степи, или использовали в качестве строительного материала болотные вальки, которые делали в пойме ближайшей реки. Поэтому местность вокруг степной пирамиды оставалась ровной. Этот «ключ», как пишет Дмитрий Киянский, Мозолевский опробовал на десятках курганов. Им, в частности, он воспользовался и при исследовании Толстой Могилы.

Ученый нанес на крупномасштабную карту все степные пирамиды, высота которых достигала не менее 8 м. Получилось семьдесят еще не раскопанных курганов. Затем Мозолевский объехал их и, пользуясь своим методом, установил: 23 из них можно с уверенностью назвать усыпальницами скифских царей. И оказалось, что кроме предполагаемого Герроса эти курганы компактно сосредоточены еще в двух местах: в предгорном районе Крыма и в восточной части Николаевской области.

На основании этих исследований ученый сделал вывод, что у скифов было три царских некрополя, что соответствовало трем самостоятельным царствам, на которые делилась Скифия.

После смерти Мозолевского Орджоникидзевою экспедицию Института археологии НАН Украины возглавил Сергей Полин. Ему удалось раскопать в Днепропетровской области неограбленное погребение знатного скифа. Археологи сделали здесь немало интересных находок.

Теперь уже не вызывает сомнений: в районе Каменске-Никопольской переправы через Днепр расположен целый комплекс скифских курганов. Именно здесь, неподалеку от Толстой Могилы, находится один из самых знаменитых курганов Скифии — Чертомлык. Его еще в 1861–1862 годах исследовал историк Иван Забелин. Степная пирамида достигала тогда 21-метровой высоты. В раскопках участвовали 300 человек. Им удалось вскрыть лишь центральную часть кургана и только таким образом проникнуть внутрь погребения. Хотя Чертомлык в глубокой древности был ограблен, здесь все-таки обнаружили более семи тысяч предметов из золота и серебра.

Исследовать скифские погребения полностью экспедиция Забелина в XIX веке так и не смогла. Это оказалось по силам лишь в конце XX века участникам украинско-немецкой археологической экспедиции, которую возглавляли доктор исторических наук Вячеслав Мурзин и профессор Гамбургского университета Рената Ролле.

Гигантский курган Чертомлык, как его описывает Дмитрий Киянский, сложен из сотен тысяч «кирпичиков», вырезанных из дерна. Чтобы огромное сооружение не распалось, внутри оно схвачено, как обручами, илистыми прослойками — увлажненным и утрамбованным грунтом. Так создавались своего рода несущие конструкции. А по внешнему периметру скифскую пирамиду опоясывала кренида — трехметровая вертикальная стена из белого известняка.

Как писал Геродот, через год после смерти царя скифы расставляли вокруг кургана, под которым он был похоронен, чучела погибших воинов и их коней в качестве почетной стражи. Этот рассказ многим казался выдумкой, которых, надо сказать, в трудах «отца истории» немало.

Но когда археологи начали расчищать землю вокруг крениды, они действительно увидели кучки человеческих и лошадиных костей,

лежащих вперемешку с фрагментами конской сбруи. Кроме воинов-сторожей, в кургане вместе с царем были погребены около двух десятков людей: царица, слуги, оруженосцы, конюхи. Все они были принесены в жертву, и эта смерть считалась почетной: души мертвых должны сопровождать душу своего повелителя.

Глубина погребальных сооружений достигает 12,5 м. Что интересно, их размеры кратны друг другу: ширина входной ямы равнялась половине ее длины, а ширина погребальной камеры составляла 2,5 длины. Это значит, что делалась предварительная разметка. То есть курган — не просто большая куча земли, а сложное инженерное сооружение.

Археологи не сомневались, что в сооружении скифских пирамид участвовали люди, которых можно назвать «архитекторами курганов». Они, очевидно, имели специальный опыт и хорошо знали, что и в какой последовательности делать, например, каким образом прокладывать подземные выработки и как сооружать 20-метровую насыпь.

Известный специалист в области античной археологии и архитектуры, член-корреспондент НАНУ Сергей Крыжицкий обнаружил в стене Чертомлыцкого кургана участки, которые возводились одновременно, а потом смыкались между собой. Оказалось, что они заметно отличаются по технике кладки. Таким образом, в строительстве царской усыпальницы могли участвовать представители различных групп населения всей территории, подчиненной скифскому царю.

Скифские захоронения неоднократно становились жертвами грабителей. Но ошибкой будет думать, что «расхитители гробниц» исключительно родом из второй половины XX века. Как правило, это на самом деле случалось еще в глубокой древности. Так, в Чертомлыцком кургане, который, как уже говорилось выше, был разграблен, археологи нашли железную оковку от деревянной лопаты. Таким образом, есть все основания полагать, что впервые злоумышленники проникли в этот курган вскоре после похорон. То есть еще за несколько веков до нашей эры — в скифское время или сразу же после прихода в украинские степи сарматов.

Высота Чертомлыка — более 20 м над уровнем степи, а под ним к тому же находится шахта глубиной 12,5 м. Понятно, что попасть к

сокровищам сверху было попросту невозможно. Поэтому грабители начали копать подкоп за пределами насыпи. Но этот ход ведет точно в центр кургана. Это позволяет исследователям сделать вывод, что воры хорошо знали, где находится золото и серебро.

Вячеслав Мурзин объяснил, что он и его коллеги раскапывают лишь курганы, попавшие в зону строительства или по каким-то другим причинам обреченные на полное разрушение. «Скажем, к тому же Чертомлыку подошел карьер, и изучать было бы уже нечего, — комментирует он ситуацию газете „Зеркало недели“. — Если же степная пирамида стоит в чистом поле, то и пусть себе там стоит на радость потомкам. Например, поблизости от Чертомлыка возвышается 18-метровая Нечаева могила — наверное, самый высокий курган, оставшийся в Украине. И раскапывать его никто не собирается».

Впрочем, курганы, не рассчитывая на щепетильность потомков, тысячи лет охраняют себя сами. И пусть люди растащили по музеям каменных баб, установленных древними для охраны погребений, многие курганы защищены крепкими каменными крепидами — ритуальным кольцом, сооруженным вокруг священного места. Не один бульдозер пострадал, пытаясь распахать непокорный холм. Союзниками курганов являются время и природные стихии. Они, с каждым годом приглаживая их к земле, помогают спрятать в ее недрах от человеческого любопытства множество тайн.

К ним относятся не только места захоронений, но и скифские поселения. Ведь информацию о скифах исследователи получают, не только вскрывая курганы и могильники, но и изучая быт древнего народа. И результаты таких исследований часто дополняют друг друга, давая по возможности полную картину жизни наших далеких предков.

Детинец, или же, выражаясь более понятно, центр древнего города, по современным меркам представляет собой территорию одного-двух кварталов. Скажем, «город Владимира», детинец древнего Клева, можно было пройти из конца в конец минут за десять. Обычно эту территорию вычисляют по размерам оборонительных сооружений, которыми она окружена. Поэтому Вельское городище, обнаруженное некогда в Котелевском районе Полтавской области, называют «скифским чудом». Еще бы: по меркам тех времен детинец был просто огромным — целых 36 км по периметру. Неудивительно, что Вельское

городище археологи считают одной из самых больших загадок нашей древней истории.

Оно было построено правом берегу Воркслы на полторы тысячи лет раньше «города Владимира» — в VIII–VI веках до н. э. А его оборонительные валы на некоторых участках до сих пор достигают высоты 9—10 м. Учитывая, что орудия труда того времени в учебниках истории принято называть примитивными, на такое строительство наверняка ушло не одно десятилетие. Этот уникальный объект в разное время изучали и харьковский историк профессор Борис Шрамко, и совместная украинско-немецкая экспедиция, которой руководили упомянутые выше Вячеслав Мурзин и Рената Ролле.

Существует мнение, что Вельское городище — не что иное, как упомянутый Геродотом в его «Истории» город Гелон, который находился в глубине территории Скифии. Но пока что это мнение основано только на предположениях. Научных фактов, подтверждающих его, нет, и поэтому Вельское городище будет представлять богатый материал для исследований не одного поколения.

Загадочное городище включает в себя три локальных «кремля». В восточной его части обнаружены следы регулярной застройки: улицы, усадьбы, дома разных типов, остатки различных мастерских и храма. Но если не считать трех относительно небольших укреплений, внутри огромного пространства, опоясанного валами, никто не жил. Здесь было пустое место. Что же охраняли мощные и высокие стены? Ответа на этот вопрос пока нет.

За несколько десятилетий ученые собрали множество фактов, которые требуют серьезного осмысления и анализа. Вячеслав Мурзин считает, что здесь хватит работы не одному поколению археологов.

Ученые говорят: чтобы две с половиной тысячи лет назад построить подобное чудо, нужны были усилия многих тысяч людей. Но в таком случае существовала какая-то мощная организующая сила. Значит, кому-то следовало организовать и возглавить строительство, и один человек был явно не в состоянии этого сделать. Таким образом, есть все основания говорить: на территории современной Полтавщины некогда существовало могучее древнее государство.

Бытует также мнение, что Вельское городище на самом деле было построено населением Левобережной днепровской лесостепи для

защиты от скифов. В таком случае нужно допустить, что эти территории не входили в состав скифской державы. Но почему четыре гектара пустоши понадобилось обносить высокими валами, так и осталось непонятным.

Вячеслав Мурзин и Рената Ролле считают, что Вельское городище — это форпост скифского влияния в левобережной степи. Может быть, даже одна из ставок скифского царя. Если принять такой вариант, становится понятным назначение большого незаселенного пространства внутри городища. Когда приезжал царь со своим окружением, именно здесь размещали кибитки, устанавливали юрты. За короткое время вырастал большой кочевой город. Тут же держали коней и пасли скот.

Но принять такое оригинальное предположение археологов за основу ученые пока не могут. В отношении Вельского городища достоверно можно сказать только одно: оно относится к скифскому времени. Вероятнее всего, это было поселение кочевников-иранцев, созданное как один из центров политического влияния на левобережье.

Надо сказать, что таких центров было несколько. Есть исторические подтверждения тому, что на украинских территориях обитали фракийцы, киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, готы. И влияние их культур не прошли бесследно для нашего народа. Хотя бы потому, что именно тогда наши предки получили первый опыт государственности. Вполне возможно, что древние скифские городища были прародителями Клева и других городов Киевской Руси.

Тайна скифской пекторали

Скифы, будучи наследниками древних цивилизаций, изображали своих богов так же утонченно и совершенно, как греки — Зевса, Аполлона, Афродиту. Но поскольку они были кочевниками, то воплотить божественные образы в монументальной скульптуре не могли. Их способу жизни лучше всего отвечало искусство миниатюры: украшения, оружие, домашняя утварь и, конечно, культовые предметы, которые скифы клали в могилы покойников. Над могилами же они насыпали огромные курганы, которые тысячелетиями хранят свои тайны.

Золотая пектораль из кургана Толстая Могила

Во второй половине VII века до н. э. племена «царских скифов»^[4] ворвались с севера в Переднюю Азию. Под натиском их буйных орд трепетали могучие державы Древнего Востока — Ассирия, Мидия, Урарту, Лидия. Примерно в 633–630 годах до н. э., пройдя победным маршем по землям Сирии и Палестины, скифские отряды достигли границ Египта. Фараон Псамметих I, основатель XXVI Сансской династии, откупился от них огромной данью. На обратном пути они осадили Иерусалим.

В 514 (по другим данным — 512) году до н. э., истребив в родных степях полчища персидского царя Дария I, скифы окончательно закрепили за собой славу непобедимого народа. Столь же печальная

судьба ожидала Зопириона, полководца Александра Македонского, посланного покорять скифов, бывших в III веке до н. э. союзниками персов — главных противников Великого завоевателя Ойкумены. Античный историк Фукидид писал, что «нет народа, который сам по себе мог бы устоять перед скифами, если бы они были едины».

В период расцвета своей цивилизации скифы заселяли территорию от Днепра до Байкала. Скифы не знали письменности, и все, что нам известно о них, дошло до нас благодаря греческим историкам. Геродот, прозванный еще в древности «отцом истории», в своем многотомном труде посвятил скифам целую книгу. Именно благодаря ему мы знаем о скифах достаточно много, более того, во многом правдиво. В те далекие времена в историческое повествование авторы нередко вплетали самые разнообразные небылицы — все, что рассказывали им путешественники или местные сказители. И поэтому сведения Геродота, поначалу казавшиеся современным исследователям баснословными, во многом подтверждаются археологическими раскопками.

Описывая скифов, Геродот сопоставлял скифских богов с греческими. Скифский пантеон состоял из шести главных богов. Покровительницей домашнего очага и божественной «царицей скифов», символизирующей единство народа, была богиня Табити, которая являлась в некотором смысле аналогом греческой Гестии. Папай — всемогущий повелитель неба — и его жена богиня земли змееногая Апи — это скифские Зевс и Гея. Бог солнца и света Гойтосир похож на Аполлона, а богиня женского начала Аргимпаса — на Афродиту. Скифское имя бога войны, весьма чтимого воинственным народом, Геродот нам не сохранил, назвав его по-гречески Аресом. Лишь этому богу приносились кровавые человеческие жертвы, для него каждое племя возводило своеобразный алтарь в виде кургана из хвороста с водруженным на вершине старинным мечом.

Похоронив в 339 году до н. э. вождя Атея, скифы перенесли резиденцию своей огромной державы из приднестровских степей в Крым. Ее точное месторасположение неизвестно, но большинство современных исследователей убеждены, что столица Скифии, которую греки называли Неаполисом, располагалась в окрестностях Симферополя. Царский город погиб внезапно. В 275 году

воинственные готы вторглись на территорию Крыма. Под их неожиданным ударом пал Неаполис и другие скифские города. Жители бежали, бросив все, в том числе и драгоценные вещи, оставив навсегда могилы предков — курганы, заполненные сокровищами.

Главным объектом исследований археологов, занимающихся изучением скифской культуры, являются курганы.

К сожалению, многие из них ушли в землю, были распаханы или скрыты во время строительных работ. Благодаря этим скифским могилам сохранились уникальные образцы высочайшей культуры и искусства, отображенные в золоте, серебре и меди. Надо сказать, что захоронениям знати скифы придавали огромное значение и старались в загробной жизни обеспечить умерших всем необходимым. Как бы это нам ни казалось сегодня жестоко, вместе с царем хоронились церемониально убитые жены, наложницы и слуги, уже не говоря о лошадях и домашних животных. Если бы скифские курганы могли говорить, они поведали бы нам много интересного, таинственного и, возможно, жуткого о тех далеких временах. К счастью, иногда благодаря стараниям археологов древние захоронения раскрывают свои тайны...

21 июня 1971 года заведующий сектором скифской археологии Академии наук Украины Борис Николаевич Мозолевский, исследуя скифское царское захоронение под огромным курганом Толстая Могила (возле города Орджоникидзе Днепропетровской области), среди множества драгоценностей нашел большое нагрудное украшение — золотую царскую пектораль Великой Скифии, весившую 1150 г и достигавшую в диаметре 30,6 см. Вообще, латинское слово «пекторалис» (от лат. *pectorale* — «касающееся груди, относящееся к груди») означает шейное украшение, закрывающее грудь, зачастую и плечи. Однако не каждое нагрудное украшение называли пекторалью, а только то, которое были вправе носить, скажем, египетские фараоны, римские императоры или другие высочайшие сановники древнего мира.

Безусловно, необычайная красота и исключительная ценность пекторали из Толстой Могилы свидетельствуют о могуществе Скифского царства. Композиционно пектораль представляет собой три рожкоподобных яруса, соединенных между собою витыми жгутами полых трубочек. Между верхним и нижним ярусами расположена

полоса растительного орнамента, который символизирует изобилие весенней природы и словно сглаживает жестокий мир животного царства, изображенный в нижнем ярусе. Верхняя полоса пекторали посвящена жизни и быту человека.

В верхнем ярусе пекторали изображена бытовая сценка. В центре двое мужчин то ли дошивают, то ли латают что-то наподобие короткого полушубка. По правую сторону — кобыла с жеребенком, корова с телятком, овца, коза с козленком, взлетающая птица. Обращает на себя внимание фигура юноши: поджав под себя ноги (по обычаю народов Востока), он доит овцу. По левую сторону — те же животные, но с молодым приплодом и в других композициях, а юный скиф, подоив овцу, затыкает амфору с молоком пучком травы. В нижнем ярусе воспроизведена жестокая схватка травоядных животных с хищниками. Особым драматизмом преисполнена борьба коней с кровожадными грифонами в центре. Другая сценка изображает нападение льва и леопарда на дикого кабана, погоню собак за зайцем.

Как же согласовать эти сцены с расцветом природы, изображенным в среднем ярусе, с миром и порядком, которые воссоздает скифский умелец в верхнем ярусе? И почему такие разные сюжеты украсили царское нагрудное украшение?

Чтобы ответить на эти вопросы, ученые обратились к индоиранской мифологии, которая лежала в основе верований и космогонических представлений скифов, и нашли ключ к разгадке содержания сюжетов пекторали. Выяснилось, что основная тема пекторали — это тема нового года, хотя она абсолютно не связывается с нашими представлениями о новогодних праздниках и обрядах. В те давние века новый год начинался не 1 января, а в день весеннего равноденствия, когда природа оживала после зимней спячки. Новогодний праздник был у скифов самым важным культовым праздником. Считалось, что не только все живое в природе набирается силы, но и сам царь насыщается силой и мудростью, так как символически вступает в священный брак с богиней плодородия. Более того, скифы верили, что в новогодний праздник весеннего солнцестояния их цари давали толчок целому годовому циклу, животворным силам природы.

Теперь понятно, что все три яруса пекторали тематически созвучны между собой. Двое скифов (их лица индивидуализированы,

подчеркнут их возраст, черты внешности, расположение духа) ладят не простой полушубок, а «священную одежду» для новогодней церемонии. Вокруг них — домашние животные с приплодом, появившимся на пороге весны. Весну символизируют и молоденькие листочки, стебельки, «усики» и цветы среднего яруса. А как же хищники в нижнем ярусе? Что в этой сцене новогоднего, весеннего? По представлениям скифов, это был один из этапов (возможно, самый характерный) обновления и очищения живой природы, который также ассоциировался с началом весеннего пробуждения: появление молодняка будто сопровождалась уничтожением в животном мире старых и хилых животных. Так что между верхним и нижним ярусами пекторали существует глубокая символическая связь.

Но кажется, что пектораль, ныне хранящаяся в Киевском музее исторических драгоценностей, содержит в себе не только эти сведения. Значительный вклад в истолкование ее сюжета сделан исследователями Д. Раевским и М. Русяевой, которая впервые обратила внимание на то, что в центре композиции изображены скифский и греческий цари, и указала на различие этих культур на левой и правой частях пекторали. Она же отметила сходство скифского царя с известными изображениями царя Атея. Было высказано предположение о том, что в центре пекторали изображены Гомер и Атей, держащие золотое руно. Известно, что скифский царь Атей родился в 429 году до н. э. и это случилось ровно через 200 лет после похода аргонавтов за золотым руном. Из этого был сделан вывод, что Атей в шестом колене был потомком Гомера. На пекторали это нашло выражение в размещении по кругу шести пар животных и птиц и символизирует разделяющее их число поколений. Нижний ярус пекторали явно посвящен подземному миру, и, видимо, не случайно. По версии николаевского исследователя А. Золотухина, именно 200-летие со дня кончины Гомера в 381 году до н. э. могло послужить поводом к созданию пекторали. К этой дате, а сюжетно также к 200-летию похода аргонавтов, вероятно, и было приурочено изготовление пекторали. С учетом сказанного Золотухин считает, что пектораль является прямым материальным подтверждением гипотезы о киммерийском происхождении Гомера.

Особое мнение о загадочной символике пекторали имеет и писатель, независимый исследователь из Клева С. Пауков. Свое

толкование древнего золотого украшения он изложил в книге «Тайны золотой пекторали». Он считает, что это не просто украшение, а древний тайный календарь-зодиак Великой Скифии. Даже в размерах пекторали он прослеживает попытку древних жрецов и астрономов разделить четыре особых солнечных периода — зиму, весну, лето, осень, — каждый из которых длился 92 дня, на три части, чтобы скифский календарь состоял не из 16 скифских месяцев по 23 дня каждый (368), а из двенадцати. Но как они ни бились, число без остатка не делилось и получалось 30 дней и «звериное число» 666. Со временем древние мудрецы проклинали число 666, и оно приобрело мистическое значение. А зная обычаи скифов, можно понять почему. Судьба скифских гадателей и предсказателей была нелегка. Жили они в большом почете и богатстве, но до первого промаха. Если их предсказания оказывались ложными, их сковывали по ногам, руки связывали за спиной, во рты забивали кляп и в таком виде бросали в телегу, наполненную хворостом. В телегу впрягали быков, пугали их и поджигали хворост. Даже семьи неудачливых гадателей подлежали истреблению, не трогали только детей.

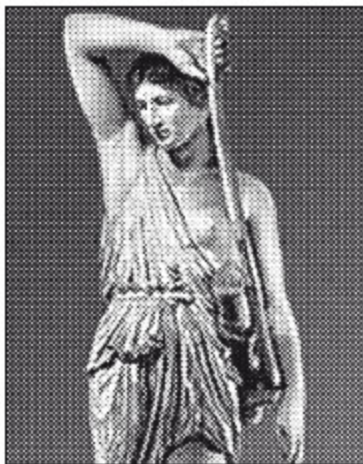
Но вернемся к трактовке символов пекторали. По мнению С. Паукова, древние скифы знали, что в году 365 дней, и отразили это в золотом календаре: трех коней терзают шесть грифонов, а над ними выются пять голубей. «Эти тайные по тем временам знания считались очень важными, т. к. давали возможность точно определять время, поэтому эти фигуры и занимают центральное место на золотой царской пекторали — золотом письме потомкам, направленном в будущее!» — считает исследователь. К тому же грифоны были символом тьмы и космоса, а образ коня часто у древних народов ассоциировался с образом Солнца. Им, видимо, представлялось, что солнце, как конь, скачет по небосклону и облакам и иногда в пути делает остановки. Эти остановки видимого движения Солнца по небосклону сейчас всем хорошо известны и называются периодами летнего и зимнего солнцестояния. С. Пауков подчеркивает, что даже високосный год отражен на скифской пекторали. Крайний левый конь, ассоциирующийся с 21 июня, направлен вправо, а два других — влево, как бы показывая этим, что еще одному коню удастся вырваться из лап тьмы — злых грифонов — и продолжить свой путь еще один день.

По мнению С. Паукова, в пекторали скрыто множество неразгаданных «пластов» — от рецепта целебного бальзама от всех болезней до хитромудрого календаря и чего-то вроде перечня известных на ту пору скифам земель и стран. Так, в овечьей шкуре он увидел Крымский полуостров, только контур морского берега не современный, а больший по площади. Это якобы согласуется с геологическими данными, по которым именно в века царствования скифов воды Средиземного моря, прорвавшись через проливы Босфор и Дарданеллы, подняли уровень Черного моря. Нашел исследовать и другие «привязки на местность»: птица с длинной шеей напомнила ему косу в районе нынешнего Мелитополя: «голова — коса Бирючий остров на Азовском море, шея и туловище — Федотова коса возле нынешней Кирилловки, крыло — Молочный лиман и земли вокруг реки Молочной, которую в древности называли Герое». Есть и другие символы, напоминающие географические объекты. Например, козел с согнутой ножкой в первом ряду пекторали, как считает С. Пауков, похож на возвышенность на восточном берегу Каспийского моря.

Сколько же еще тайн может скрывать золотая пектораль, которую заслуженно считают самым значительным археологическим открытием XX века на территории Украины? Может, когда-то историки и археологи «докопаются» до основ этой тайны и поведают миру, является ли пектораль обычным куском золота, которую умелец превратил в изысканное украшение, или в ней скрывается зашифрованная космограмма, в которой воплощена скифская мифологическая модель Вселенной...

В царстве сарматских амазонок

Загадочное племя амазонок — свободных женщин-воительниц — долгое время считалось таким же мифом, как рассказы о затонувшей Атлантиде или затерянной в джунглях стране Эльдорадо. Впервые об их существовании упоминается в гомеровской «Илиаде» — поэме, написанной в VIII веке до н. э. Легенды о храбрых воительницах были распространены в Китае, Японии, Индии, арабском мире. А в древнегреческих мифах приводится даже их генеалогия: считалось, что амазонки произошли от бога войны Ареса и богини Гармонии. Поиск следов цивилизации прекрасных всадниц не одно столетие будоражил умы археологов. Амазонок безуспешно искали в предгорьях Кавказа, Малой Азии, Ливии, Германии, Чехии, на севере Европы. Но оказалось, что знаменитая страна амазонок располагалась значительно ближе — в украинских степях, на территории некогда могучей Скифии.

Скульптура амазонки

Иногда достаточно по-новому взглянуть на проблему — и ее решение окажется простым и изящным. Так произошло и с амазонками. Первые находки, которые позволяли утверждать, что племя амазонок действительно существовало, были сделаны в 1972 году рядом с городом Орджоникидзе. Археологи обнаружили захоронение семьи вождя, где оружие находилось рядом с женщиной, а

ребенок лежал на руке мужчины. В 1973 году вновь было найдено захоронение женщины, погребенной с царскими почестями. Рядом с ней лежал скелет девочки, столь же роскошно украшенный. Вместе с ними в могилу положили оружие и золотые сокровища, а также двух мужчин, умерших, как выяснили ученые, неестественной смертью. Следующим археологическим подтверждением существования такого рода культур стало открытие большого захоронения в Покровке в середине 90-х годов прошлого века. В этом захоронении, относящемся примерно к 600 году до н. э., выделялось три группы женщин: воительницы, похороненные с оружием в руках или вместе с конем, жрицы, погребенные с культовыми знаками, и просто женщины, богато украшенные. Доказательством того, что тут находится некрополь легендарных амазонок, может служить следующий факт. В одном из курганов покоился скелет 14-летней девушки. Тело обложено бронзовыми наконечниками дротиков, колчанами и луками. Юная сарматка явно участвовала в воинственных походах: у нее были обнаружены следы неоднократных ранений. А в груди нашли каменный осколок от наконечника копья. Этот удар в район сердца и был причиной смерти. Наконечник, как установили археологи, был от копья македонского типа, значит, тело юной кавалеристки привезли в заволжские равнины из далеких стран, возможно с берегов Дуная. Еще в одном захоронении находилась воительница, погибшая от удара меча по плечу, кости которого раздроблены. Рядом были обнаружены захоронения мужчин с детьми на руках, причем женских захоронений такого типа найдено не было. Именно эти археологические открытия, сделанные археологом Джанни Дэвис-Кимбелл, возродили миф об амазонках и стали преподноситься средствами массовой информации как реальное доказательство их существования. Более того, при раскопках в северной Турции были обнаружены большие женские захоронения с оружием и лошадьми, а также крепость с остатками в ней женских захоронений.

Большинство современных украинских ученых полагает, что амазонки принадлежали к племени сарматов, переселившемуся в северное Причерноморье в III веке до н. э. и вытеснившему с этих земель скифов. Название «сарматы» (в другом прочтении — «савроматы» или «саорманы») — происходит от авестийского «саормани» («опоясанные мечом»). Все старшее поколение античных

авторов — Гиппократ, Геродот, Скилак, Скимн, Публий Овидий Назон, Помпий Мела, Плиний Младший — писало о савроматах, и лишь с легкой руки Клавдия Птолемея, александрийского географа, математика, астронома, который в 179 году н. э. впервые употребил название «сарматы», старое племенное имя забылось. Но что общего между савроматами и амазонками? Античные авторы, неплохо знавшие своих соседей, говорят о них как о разных племенах. Возможно, путаницу вносит само название «амазонки»?

Слово «амазонки» до сих пор не имеет однозначного толкования. Его можно возвести к греческому «а-шага», то есть «живущие без ячменя». Иными словами, амазонки — это кочевницы, не признававшие земледелия. Академик-языковед Н. Марр пришел к выводу, что слово «амазонка» означает «женская конница». Слово «конь» встречается в именах легендарных амазонок Алкиппы, Ипполиты, Меланиппы. Меотийские амазонки разводили коней, лихо скакали на них без седел, ловко пользовались арканом, копьем, мечом, луком со стрелами.

С глубокой древности сохранился еще один перевод: «лишенные груди» (а-тагоз), поскольку, по преданию, амазонки сызмальства выжигали правую грудь, чтобы «было удобнее натягивать лук и бросать копье». Правда, знаменитый советский фантаст и историк Иван Ефремов приводил довольно весомое возражение против этого толкования. По его мнению, чувствительные к красоте эллины никогда бы не назвали амазонок прекрасными, если бы они так варварски обходились со своим телом. Кроме того, кочевники чаще всего стреляли из коротких луков — всаднику длинный лук только мешал бы. А в этом случае грудь не помеха. А наиболее пышногрудым воительницам достаточно было ее просто перебинтовать или надеть специальный доспех, прижимающий «помеху» к телу.

Но, пожалуй, самым зловещим было другое название амазонок — «иорпаты» (мужеубийцы). Так их называли черноморские греки. Этим именем амазонки обязаны своему образу жизни. По общепринятой в то время версии амазонки жили отдельными кочевыми отрядами, насильно уводили мужчин, с которыми жили два лунных месяца, после чего прогоняли их или убивали. Мальчиков, рожденных от этого короткого замужества, они отдавали в другие племена (по другим

источникам — убивали), а дочерей воспитывали с младенчества своими приемницами.

Почти все легенды о битвах греков с амазонками кончаются гибелью или посрамлением самих воительниц, посмевших бросить вызов греческим героям. Против амазонок сражался Беллерофонт. Геракл осадил город амазонок Фемискиру и добыл пояс их царицы Ипполиты. Тесей взял в жены Антиопу (мать Ипполиты), после чего амазонки осадили Афины и были разбиты в местечке, названном Амазонией. Амазонка Пенфесилея помогала троянцам в войне и была убита Ахиллом.

Попытки определить, откуда же пришли амазонки и как возникла эта «женская» цивилизация, делали еще античные философы. Разумеется, их не могла удовлетворить легенда о божественном происхождении племени, и они предлагали свои версии. Диодор Сицилийский рассказывает о том, что одна царица возгордилась своими военными успехами и провозгласила себя дочерью бога войны, а за мужчинами оставила домашние женские занятия. Затем она издала законы, которыми женщин поощряла к военной службе, а за мужчинами оставила покорность и рабство. Детям мужского пола она калечила руки и ноги, чтобы сделать их непригодными для войны.

Другие античные авторы утверждали, что окончательно матриархат у сарматов сложился вследствие гибели мужчин в походах. Попытка подросших мальчиков сбросить женское иго не увенчалось успехом. Когда женщины одержали убедительную победу на поле битвы, мужское население трусливо бежало в густые заросли. Опасаясь мести оставшихся в живых молодых мужчин, женщины постановили сделать их хромыми.

А вот и косвенное упоминание о сарматах: Геродот оставил потомкам сюжет о том, как амазонки стали родоначальницами этого племени. Греки, стремясь колонизировать богатые причерноморские степи, долго и безуспешно воевали с амазонками. Однажды они одержали победу, взяли в плен немало воительниц и решили отвезти их в Элладу, чтобы там вступить с ними в брак. Когда парусники вышли в Черное море, греки стали бурно отмечать свою победу. Воспользовавшись этим, амазонки перебили своих победителей. Однако степные воительницы не знали морского дела, поэтому скоро ветер выбросил их корабли на заселенный скифами берег Меотийского

озера (Азовского моря). Ступив на землю, амазонки захватили табуны скифских коней, разгромили местные стойбища, некоторые скифские городища. Скифские цари послали им навстречу отряд молодых воинов. Но сражение между амазонками и молодыми скифами не состоялось: оба лагеря сошлись и мирно вступили в брак. Амазонки принудили своих молодых мужей забрать у родителей надлежащую часть имущества, возвратиться и жить отдельно. Со временем старые амазонки подговорили своих сыновей и внуков напасть на Скифию и отобрать у своих отцов и дедов «свои законные земли». Древние греки знали, что скифов из их владений вытеснили сарматы. Так значит, амазонки — их предки по женской линии? Правда, современные историки не нашли убедительных доказательств в пользу этой версии.

Античные авторы сообщают нам также интересные подробности о повседневной жизни сарматских амазонок. Так, согласно их рассказам, сарматки на полевые работы выходили в полном вооружении и обязательно опоясанные мечом. Они не употребляли в пищу хлеб (для кочевников характерно мясомолочное питание). При этом, по сообщениям тех же античных авторов, они предпочитали есть черепах, змей, ящериц, скорпионов. Довольно, надо сказать, противоречивые сведения: если амазонки — кочевницы, то на какие же полевые работы они ходили? А если они во всеоружии отправлялись на выпас скота, это не должно было вызвать никакого удивления: обычная мера предосторожности против зверей и охотников до чужих стад. Что же до странного меню, оно указывает лишь на то, что в племени сохранилось собирательство. Но историки прошлого идут дальше: они сообщают еще более невероятные подробности. Юная амазонка считалась полноправным членом конного отряда лишь тогда, когда на ее счету было три убитых ею противника. То же число убитых врагов открывало ей путь к замужеству. Невест из племени амазонок охотно сватали другие кочевые племена: они должны были стать матерями отважных воинов. Но трудно представить, что женщина, выросшая в условиях полной свободы, согласится перейти в патриархальную семью. Если амазонки были таковы, как их описывают, то чего ради им заключать долговременный брак и заниматься домашним хозяйством? Не проще ли следовать примеру матерей — сойтись на два месяца с красивым пленником и родить от

него ребенка? Но античные авторы, похоже, противоречий в своих рассказах не видели...

Если собрать воедино только правдоподобные признаки, которые приводят разные исторические документы, складывается довольно понятная картина: амазонки были воительницами, не признававшими главенства мужчин.

Их племя вело кочевой образ жизни и уделяло большое внимание развитию воинского искусства. Но это описание очень сильно напоминает уклад жизни сарматов!

На сегодня существуют две основные версии происхождения сарматов. Большинство ученых разделяет гипотезу о среднеазиатском происхождении сарматских племен. Считается, что они пришли из страны Кангюй в бассейне реки Амударья, на границе с Китаем. Особое мнение на этот счет имел выдающийся русский антиковед М. Ростовцев. Согласно его точке зрения, основное ядро сарматов сформировалось в районе Донбасса и Слобожанщины. Как бы то ни было, это был кочевой народ, сумевший около 600 лет удерживать обширную территорию, доставляя немало хлопот соседям.

Главной особенностью сарматского общества была ведущая роль женщины. Геродот описывал сарматов как воинственный народ, подчинявшийся власти женщин. Их общественный строй можно определить как гинекократию — аристократический матриархат. Женщины занимали все верховные должности, они руководили походами и добывали силой оружия главные ценности того времени — провизию и лошадей (золото и драгоценности были вторичны: продукты для сарматов были намного важнее предметов роскоши). Один из греческих мудрецов дал этим представительницам «слабого пола» такую характеристику: «Они не знакомы с законом, не признают никаких царей, даже великих, своим имуществом считают то, что взяли с поля боя, а в душе не имеют ничего, кроме дерзости, дикости и жестокости. Они мастера метать дротики и добывать противников короткими мечами». Впрочем, ни один народ не способен воевать постоянно. Война, хотя и приносит немалые доходы победителям, не может быть единственным средством существования целого народа. Так что амазонки, видимо, совершали короткие набеги на близлежащие города, а потом исчезали в степи. Греческие полисы были сравнительно недалеко от их территории, поэтому они

пострадали сильнее других. Геродот рассказывал, как женские конные отряды совершали сокрушительные набеги на греческие города в Средней Азии и Балканах. Возможно, в этих сведениях и кроется ответ на вопрос: что связывало амазонок и сарматов? И действительно ли они принадлежали к разным племенам? Многие противоречия снимаются, если придерживаться предположения, что амазонки — это есть сарматы, но не весь народ, а определенная его социальная группа. Ведь существовала же на украинских землях Запорожская Сечь — так почему бы несколькими веками ранее не возникнуть ее женскому аналогу?

Если предположить, что в племени сарматов, пришедшем на земли Скифии, сохранился матриархат (кстати, древние греки напрасно считали его чем-то надуманным — на заре человечества матриархат был характерен для подавляющего большинства народов), существование женских элитных войск, как и верховная власть жриц, выглядит вполне закономерно. А то, что племенем правили именно женщины, подтверждается не только античными источниками, но и археологическими находками. До 20 % всех найденных археологами захоронений сарматов составляют погребения женщин-воинов. По сравнению с другими степными народами, хотя бы с теми же скифами, это достаточно высокий процент. Характерная изогнутость ног скелета красноречиво свидетельствовала, что при жизни амазонки немало времени проводили в седле. А раны — черепа со следами рубящих и колющих ударов, плечевые кости с торчащими в них наконечниками стрел — говорили о том, что они погибли в сражениях. В раскопанных курганах есть и женские, и мужские захоронения. Но если останки мужчин покоились в обрамлении ритуальных горшков и другой простой утвари (оружие около мужских скелетов находили лишь изредка), то в погребениях женщин находили в основном боевое оружие и соответствующую одежду — кожаные кавалерийские штаны. Впрочем, не стоит думать, что амазонки были равнодушны к своей внешности. Рядом с ними нередко находили бронзовые зеркала греческой работы, бусы, парфюмерные коробочки из створок раковин. Одежда подчеркивала их стремление к красоте и элегантности. Как и персы, они носили шаровары и широкие плащи, которые застегивали разнообразными фибулами (застежками) или на плече, или на груди. Их сорочка была подпоясана в талии. Захоронения показывают, что

свою одежду сарматки охотно украшали вышивкой, обшивали ее на рукавах и около пояса мелкими голубыми или зелеными бусинками, а самые зажиточные — позолоченными бляхами. Голову сарматки покрывали вышитым платком — гиматионом. На ногах они носили мягкие туфельки, украшенные кораллами и золотыми пластинками. Что же касается доспехов, то их носили, по-видимому, только во время тренировок или в походе.

Создается впечатление, что социальное устройство сарматов было воплощением феминистических утопий: женщины правят, охотятся и воюют, а мужчины занимаются хозяйством. Верования амазонок как будто подтверждают эту мысль: главная богиня их пантеона, Великая Мать, являлась воплощением творческой силы природы и благополучия. Другие богини — Геказрга (в переводе — Защитница, Лучница, Далеко Стреляющая) и ее сестра Опис (Кара, Мечь) — также выглядят сильными и беспощадными. А боги-мужчины кажутся беспомощными. История сохранила имена только двух богов. Утофарн был опекуном домашнего очага, а функции второго бога, Санерга, довольно расплывчаты и неопределенны. Но, с другой стороны, домашний очаг часто опекали духи или божества мужского пола. А верховенство богини над богами далеко не всегда означало верховенство женщин во всех сторонах жизни.

Но вернемся к знаменитым воительницам. Они были молодыми женщинами (по крайней мере, не сохранилось упоминаний об амазонках преклонного возраста). Некоторым было лет по 14–15 — возраст, когда их сверстниц из греческих семей выдавали замуж. Это подтверждает гипотезу о том, что у сарматов существовала своего рода женская армия, служба в которой была обязательным этапом в жизни всех девочек. Вполне объяснимо, что одевались они не так, как остальные представители племени. С одной стороны, этим подчеркивалась принадлежность к своей социальной группе, с другой — увидев амазонок, местные жители принимали их за кого угодно — только не за сарматов. А последним это было на руку: племя получало дополнительный доход, не подвергая себя риску карательных экспедиций. После победы над тремя врагами девушки могли выбирать: остаться «в строю» и погибнуть в битве или перейти в другую возрастную и социальную категорию. Женщины постарше

вместе с мужчинами в набегах не участвовали — они занимались хозяйством, растили детей.

Но даже если эта гипотеза подтвердится, остается неясным: почему именно женщины составляли основу войска? Ведь обычно будущих матерей охраняют как зеницу ока, поскольку всего несколько мужчин способны возродить племя, но если большинство женщин погибнет в походе, то племя может исчезнуть с лица земли. Однозначного ответа на этот вопрос все еще нет. Биологически женщины даже выносливее мужчин — «слабым полом» они стали только по недоразумению. У многих народов они сражались наравне со своими отцами, мужьями и братьями (ярким примером может служить та же древнегреческая Спарта). Но отдельные армии женщин все же редкость — по крайней мере, в письменный период истории. Может быть, сарматские амазонки — последние из хранительниц древней традиции времен матриархата? И женские воинские формирования были скорее правилом, чем исключением? Это могло произойти в неблагоприятных условиях обитания, где рост рождаемости мог привести к голоду. Возможно, стать воительницами сарматок вынудила демографическая диспропорция, сложившаяся в их племени в результате стычек на пути в Скифию. Не исключено, что в войско шли далеко не все девушки, а только самые ловкие и отважные. Так или иначе, но археологи могут лишь воссоздать их внешний облик, вооружение, одежду, но они не способны реконструировать образ мыслей прекрасных воительниц, подаривших человечеству один из прекраснейших мифов.

Загадки «Велесовой книги»

«Велесовой книгой» принято называть несколько священных текстов волхвов, сохранившихся до наших дней. Грандиозный исторический, философский, религиозный документ, один величайших памятников мировой культуры довольно долго пытались представить грубой фальсификацией, что может свидетельствовать только о полном отсутствии здравого смысла у сторонников такой теории. Значение этого творения седой древности переоценить невозможно. А уж история обнаружения и утраты знаменитых дощечек вообще напоминает приключенческий роман...

Дощечка «Велесовой книги»

В 1919 году в разгромленной библиотеке помещичьей усадьбы села Великий Бурлук Харьковской губернии, где до революции жили потомки казацкого полковника Григория Донец-Захаржевского, деникинский офицер, полковник артиллерии белой армии, командир Марковского дивизиона Али Изенбек (в крещении Федор Артурович) обнаружил любопытные таблички из бука, дуба и березы. Все они потемнели от времени, имели приблизительно одинаковый размер (38x22x1 см) и были исчерканы неизвестными письменами. На каждом из кусочков дерева имелись по два отверстия: когда-то эти «страницы» явно скреплялись между собой при помощи кожаного шнура. Интересно, что часть дощечек соединялась по типу книги, а часть —

как альбомные листы. находка показалась полковнику очень интересной: кто-то прочертил на «страницах» параллельные прямые линии, а под ними разместил удивительные буквы. сразу ответить, на каком же языке был написан странный текст, не представлялось возможным. Письмена оказались продавленными в древесине острым стилем, после чего неведомый автор втер в них краску, а затем покрыл «страницы» похожим на лак веществом. Полковник сразу же понял, что имеет дело с очень древним языком. Письмена довольно сильно напоминали славянские, однако сделаны они были настолько давно, что даже для человека, неплохо знакомого со старославянским, сообразить, о чем писал древний автор, являлось задачей непосильной. Буквы на дощечках плотно прижимались друг к другу, интервалов не было вообще. Такие тексты были характерны для кириллического письма Древней Руси, однако алфавит, который на первый взгляд напоминал кириллицу, ею все же не был. Так что же за систему письма использовал неизвестный автор?

Считать, сколько дощечек оказалось найдено, Изенбек не стал; позвав вестового Игнатия Кошелева, он быстро упаковал деревянные плашки в мешок. Так древняя книга отправилась в долгое путешествие вместе с отступавшей белой армией... По дороге Игнатий отстал, и Изенбек уже не надеялся встретиться с вестовым. Однако в Феодосийском порту Кошелев вдруг появился перед самым отплытием парохода, на котором покидал родину бравый полковник. Перебросив мешок с дощечками Изенбеку, вестовой размахисто перекрестил офицера и исчез, затерявшись в толпе.

Полковник вывез свою находку в Гелиополь (Баальбек), а затем в Белград, где предложил купить дощечки Белградскому университету. Получив отказ, Изенбек забрал книгу с собой в Париж. Наконец Изенбек осел в Бельгии (в Брюсселе он получил место художника по росписи тканей на фабрике Тапи) и уже там попробовал расшифровать текст. Первый вариант перевода на современный язык был неполным, с пропусками и неправильным толкованием некоторых моментов: Изенбек, человек хотя и просвещенный, интересовавшийся памятниками прошлого, все же не являлся специалистом и не мог выполнить безусловно столь сложную работу.

В 1925 году к расшифровке «Велесовой книги» подключился украинский эмигрант Юрий Петрович Миролубов-Лядский.

Известный литератор скопировал находку Изенбека и взялся за ее изучение. Он потратил на реставрацию древней «книги» 15 лет, успев обработать за это время 75 % материала. Скорее всего, именно Миролюбов-Лядский является автором десяти фотостатных снимков дощечек-оригиналов (сделать около 100 фотографий, как следовало бы, в то время исследователь не мог, поскольку для этого требовались огромные деньги). Правда, качество снимков оставляло желать лучшего. Дело в том, что Али Изенбек ни в коем случае не хотел даже на день расставаться со своей находкой. Поэтому Юрию Петровичу пришлось работать над «Велесовой книгой» урывками, в художественной мастерской бывшего офицера. Но почему же исследователь столько лет потратил на копирование и прочтение текстов? Да просто у него не было цели разгадать тайну древней книги... Как литератора, Миролюбова-Лядского больше волновала работа над собственной поэмой, которая рождалась параллельно с исследованием, а также работа в химической лаборатории, приносящая ему основной доход.

Едва успев познакомиться с дощечками, Юрий Петрович был сильно удивлен: буквы на находке частично напоминали большие греческие, а частично — санскрит. То, что текст был слитный, тоже не очень помогало в понимании написанного. Но в конце концов дело сдвинулось с мертвой точки. Правда, древние дощечки очень неохотно расставались со своей тайной, которую они хранили на протяжении столь продолжительного времени. Но отдельные слоги указывали на то, что перед исследователем — моление Перуну (древний автор называл его «Паруном» или «Впаруной»). Также в тексте неоднократно упоминался Дажьбог (его имя звучало как «Дажьбо» или «Даже»). Но почему же именно Велесовой назвали специалисты эту древнюю реликвию? Да потому, что текст содержал широкое описание того, как «Веле учил Деды земе рати». Кстати, название находке Али Изенбека было дано только в 1957 году ученым С. Парамоновым (Лесным); он же предложил назвать загадочное письмо, которое являлось отсутствующим звеном между рунами и алфавитными надписями, «велесовицей». С. Парамонов со временем выпустил работу «Откуда ты, Русь?», в которой объяснил, что названием дощечки обязаны не только прямому указанию автора (тот на одной из «страниц» указал, что книга посвящена «Влесове» или

«Велесове»). Здесь следует вспомнить один любопытный факт: сами волхвы являлись прислужниками Велеса-Волоса, который у праславян считался богом мудрости. Но впоследствии стала известной еще одна «должность» этого божества: оно «работало по совместительству» также судьей загробного мира — Сторожем Нави. И еще один примечательный момент. Навь — это мир, попав в который души людей постепенно находили дорогу в Ирий (Рай); понятия ада как такового у наших далеких предков не существовало вообще!

Со временем литератор обнаружил в тексте упоминание о «Купе-Бозе»: Миролубов решил, что речь идет о Купале. Интересной оказалась и информация об обряде очищения «омовением» в бане и принесением жертвы «Роду-Рожаницу», «иже есь Дедо Свенту». Древний автор не забыл воздать честь и Стрибогу («Стрибу, кий же дыха яко хще»), и «Вышен-Богу, иже есь хранищ живот наших».

Попытка Миролубова-Лядского прочитать текст дощечек дала намного лучшие, по сравнению с работой Али Изенбека, результаты. Но она увидела свет лишь в 1952–1959 годах, уже после смерти специалиста. А расшифровку Изенбека опубликовали в Сан-Франциско несколькими годами ранее. В результате именно на нее опирались авторы нескольких украинских и русских переводов. К сожалению, из-за дефектности текста-основы надлежащим образом передать содержание книги так и не удалось — пользоваться этими вариантами прочтения древнего литературного произведения практически невозможно. Но одна из работ выгодно выделяется качеством и считается даже более детальной, чем перевод Миролубова-Лядского. Ее автор — А. Куренков, бывший генерал белой армии, известный историк (псевдоним А. Кур), секретарь Музея русского искусства в Сан-Франциско. Ряд его статей, посвященных «Велесовой книге», и реставрация текста дощечек были опубликованы в журнале «Жар-птица». Интересно, что специалист непосредственно с оригиналом книги не работал, а пользовался копиями и снимками работы Миролубова. В 1960 году одна из фотографий дощечек попала и в СССР. Ее прислал Советскому Славянскому комитету С. Парамонов. Советские специалисты, даже не видя оригинала, сразу же заявили: находка Изенбека — не более чем не очень качественная подделка. Ну не вписывалась одна из древнейших в мире книг в официально утвержденный курс истории! «Бдительное око» советских

историков сразу же углядело в едва ли не допотопном тексте черты «национализма» и прочие ненужные тоталитарному государству моменты.

Про «Велесову книгу» снова заговорили у нас только в 1976 году.

С того времени дощечки не дают покоя специалистам, разделившимся на два лагеря. Одни уверенно говорят о древнем происхождении буковых, дубовых и березовых «страниц», а вторые эмоционально доказывают, что «Велесова книга» — фальшивое «открытие», очередная околонучная «утка». Только недавно ученые наконец пришли к единому мнению, что эти тексты — отнюдь не подделка. О древности деревянных «страниц» говорят следующие факты. Графика дощечек в ряде черт напоминает другие древние алфавиты; буква Щ размещена в строке, как в наиболее древних кириллических надписях; древними являются симметричное Ж и буква М с овалом, провисающим до середины высоты буквы (такое начертание встречается в надписи царя Самуила, датированной 993 годом). В пользу подлинности «Велесовой книги» свидетельствует «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются на линию строки, а не размещаются на ней, хорошо выдержанная сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, замена О и Ъ, известная только в находке Изенбека и берестяных грамотах, ряд чисто лингвистических показателей (сохранность редуцированных, регулярные замены, смешение в письме букв, указывающее на «цокание» новгородцев и проч.) В итоге был сделан вывод, что дощечки были созданы в IX столетии и старше древнейших из известных грамот (XII в.) на 300 лет. Кстати, именно анализ грамматики, стилистики, фонетики, морфологии берестяных грамот Древнего Новгорода и сопоставление его результатов с «Велесовой книгой» помогли установить возраст дощечек. А поскольку берестяное письмо было найдено значительно позже буковых дощечек с текстом, это свидетельствует о том, что копировать более древние тексты авторы «книги» не имели ни малейшей возможности. Тем более что для создания такой гениальной подделки необходимы усилия большого количества ученых разнообразнейших специальностей. А еще аферисты должны были бы сначала научиться видеть сквозь землю, чтобы учесть данные археологии на полвека вперед...

Первый полноценный перевод «Велесовой книги» сделал в 1994 году Б. Яценко. А окончательно пронумеровал 74 «страницы» этого уникального литературного шедевра М. Скрипник, который старался систематизировать тексты в границах всего сборника. Именно поэтому при нумерации исследователь использовал не только цифры, но и буквы.

К сожалению, сегодня продолжить изучение древнейшего литературного произведения невозможно, поскольку дощечки... исчезли почти сразу после того, как состоялась их расшифровка. 12 августа 1941 года с Али Изенбеком случился удар и он скончался, после чего оригиналы «страниц» «Велесовой книги» и 600 картин из частной коллекции бывшего офицера прибрало к рукам гестапо (согласно же завещанию, «книга» должна была перейти в собственность Миролубова-Лядского). Сейчас существует достаточно достоверное предположение, согласно которому священные письма волхвов-русов попали в архивы «Наследия предков» (Анненэрбе) — особой фашистской организации, основанной в 1933 году. На Анненэрбе работали 50 институтов, в обязанности которых, кроме прочих дел, входили оккультные исследования. Главой научной части «Наследия Предков» являлся специалист по древним священным текстам, профессор Вурст, ранее преподававший санскрит в Мюнхенском университете. Есть предположение, что к исчезновению «Велесовой книги» приложил руку Марк Шефтель, ассистент Византийского отдела Брюссельского университета. Первым же о причастности Анненэрбе к исчезновению «Велесовой книги» заговорил Миролубов-Лядский. Это предположение имело серьезные основания: еще в 1935 году Гиммлер, руководивший «Наследием предков», приказал своим подчиненным: «Следует искать мысль, действия, наследие индогерманской расы и сообщать народу в привлекательной форме результаты этих поисков. Выполнение задачи должно осуществляться строго научными методами». Известно также, что некоторые работники Анненэрбе, в том числе и полковник СС Вольфрам Сивере, перед Нюрнбергским процессом проговаривали какие-то странные, явно не христианские молитвы...

Старые буквые дощечки оказались для фашистов не менее опасными, чем хороший заряд ядерной взрывчатки. Еще бы, ведь «Велесова книга» начиналась с рассказа о легендарном выходе

древних русов из своей прародины, Семиречья, к бассейну Припяти. Это случилось, по утверждению автора, во II тысячелетии до н. э. Почему эти данные глубокой древности так испугали гестапо? Да просто дотошный волхв четко указал: русов вел на новые земли их вождь Арий (Орий) и его сыновья... Таким образом, автор «Велесовой книги» ясно и недвусмысленно свидетельствовал, что предки славян, «неполноценные» с точки зрения немцев, как раз и являлись теми самыми «истинными арийцами», о которых в Третьем рейхе говорили на каждом углу! А значит, гитлеровская теория расовой чистоты выеденного яйца не стоит. Тем более что волхв своим дальнейшим рассказом о происхождении праславян и их делении на две ветви — словено-венедов и арийцев — в буквальном смысле слова вколачивал в гроб расовой теории последний гвоздь... Так кто же для кого является предком?! И о какой «исключительно чистой» крови могли теперь говорить гитлеровцы?! Довершил кошмар немецких теоретиков тот факт, что половина знаков текста входила в более поздние рунические системы древних германцев. Некоторые из рун праславян они охотно и часто использовали в виде украшений для браслетов и вышитых сорочек. И вообще, оказывается, скандинавское божество Один, которого фашисты очень уважали, и Велес — одна и та же «персона». Так что даже мифология предков славян и предков немцев и скандинавов — фактически две стороны одной медали.

Записи, которые входили в «Велесову книгу», посвящены нескольким темам: происхождению славян, Русской земле, ее защите, быту и занятиям людей того времени, их торговле с соседями, их мировоззрению и верованиям. В книге отражена история многих европейских и азиатских народов (примерно от II тысячелетия до н. э. до IX века н. э.), содержится рассказ о наших далеких предках, живших за 1500 лет до Вещего Олега, прослеживается путь славян со времени падения Трои до сотворения Скифии и первого в истории человечества государства Аратты... Уникальный документ славянской письменности в поэтической форме от имени Даждьбога как бога света, разума и мудрости рассказывал о гармонии жизни, о законах мироустройства. Названия некоторых текстов говорят сами за себя: «Кто мы и куда идем?», «Должны заботиться о вечном», «Война с готами и гуннами», «Из минувшего. После Кия». Здесь можно найти также свидетельства происхождения такого загадочного народа, как

скифы. Интересно, что древний писатель рассказал и о том, что скифы воевали в войсках вавилонского царя Навуходоносора II: подтверждение этих данных было получено археологами только в начале XX столетия (вообще практически все даты и факты древних дощечек совпадают с данными современной науки). Кстати, «Велесова книга» оспаривает авторство знаменитых Кирилла и Мефодия в создании кириллического и болгарского глаголического алфавита. Одна из дощечек рассказывает о некоем Ил аре, который «хотел учить детей наших и должен был прятаться в домах наших, чтобы мы не знали, что он учит наши письма и то, как приносить жертвы богам нашим». Волхв вспоминал также о бесконечных войнах своих предков за свою свободу и независимость. Праславянам приходилось постоянно защищать свои владения от киммерийцев, готов, гуннов, греков, римлян, хазар, аваров. К сожалению, прошлое нашей земли никогда не было спокойным.

Последний рассказ дощечек посвящен Эрику-Рюрику и Аскольду, причем указывается, что последний старался... окрестить киевлян! Кстати, о том, что на самом деле Киевская Русь совсем не была крещена князем Владимиром в рекордно короткое время, стало известно не так уж и давно. Как и то, что князь Дир был совсем не варягом, а греком, и вдобавок крещенным. А последняя «страница» провозглашает: «И крещена Русь сегодня...»

Скорее всего, авторов текстов, нанесенных на деревянные пластины, было несколько. Ученые считают, что дощечки создавались в разных святилищах языческой Руси, а потом были собраны в «книгу». Вероятнее всего, «Велесову книгу» написали и составили в VIII–IX веках служители бога Велеса, жрецы Древнего Новгорода при князе Бравлине, а затем при варяге Рюрике. Известно даже, что последнюю часть работы проделал некий Ягайло Ганн (Ягило Гана) — видимо, западный славянин по происхождению, ставший ладожским и новгородским волхвом. Кроме того, в деревянный сборник вошли также тексты, созданные в Сурожье и в Клеве при князе Аскольде. Составлена же книга была перед тем, как новгородский князь Олег Вещий завоевал древний Клев и объявил его «матерью городов русских».

Исследователям удалось также реконструировать картину странствий «Велесовой книги» по миру. Сначала она хранилась в

библиотеке Ярослава Мудрого (978—1054). Затем дочь князя, Анна, выходя замуж за короля Франции Генриха I Капета, увезла с собой как часть приданого многие старинные манускрипты, в том числе рунические книги и свитки. Среди них оказалась «Велесова книга» и знаменитое Реймское Евангелие, на котором веками клялись при восхождении на трон короли Франции. Библиотека Анны Ярославны присоединилась к королевской библиотеке. Королева Анна основала в стране, ставшей для нее второй родиной, знаменитое аббатство Санлис. Туда же позднее были переданы ее книги, которые хранились монахами почти 800 лет, до начала Великой французской революции.

Тогда, в 1791 году, в Версале заседал «Клуб друзей закона», разрабатывавший конституцию рождавшейся республики. Библиотекарем клуба, распоряжавшимся также всеми хранилищами рукописных документов, некоторое время был Пауль Очер, он же русский граф Павел Александрович Строганов. Именно этот человек и позаботился о передаче значительной части королевского архива, в том числе славянских рунических манускриптов, в русское посольство. В итоге библиотека Анны Ярославны стала собственностью посла П. Дубровского.

Посол вернулся на родину в 1800 году; пережив немало трудностей (по оговору его отчислили из Коллегии иностранных дел и выслали из Петербурга), в 1804–1805 годах Дубровский занялся популяризацией древних памятников письменности. Он устроил в своей квартире своеобразный «Музеум», куда приглашал любителей старины и искусства, научных деятелей.

Со временем положение бывшего посла стало совсем плачевным: денег не хватало ни на скромное съемное жилье, ни на содержание переехавших к нему сестер. Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, Дубровский был вынужден потихоньку распродавать свою коллекцию древностей. Основным покупателем оказался крупнейший коллекционер начала XIX века, ученый-археолог Александр Иванович Сулакадзев. Следует сказать, что Дубровский не желал передавать книги в государственные хранилища, поскольку там засели немецкие профессора, старавшиеся развить «норманнскую теорию» и объявить Российскую империю территорией диких варваров.

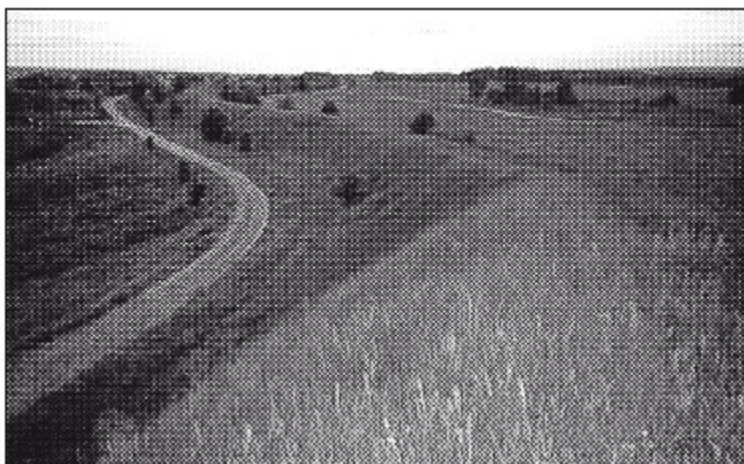
После смерти А. Сулакадзева его вдова распродала древние манускрипты. Дощечки «Велесовой книги» стали собственностью

графа Н. Неклюдова. Внучка коллекционера, выйдя замуж, забрала любимую «дедушкину книгу» с собой в имение мужа. Там, в Великом Бурлуке, на дощечки и наткнулся Али Изенбек...

Так куда же, в конце концов, исчезла загадочная находка белогвардейского офицера? На этот вопрос сегодня, к сожалению, никто не может дать ответа. Архив Анненэрбе в качестве трофея большей частью попал в СССР. Только он до сих пор остается закрытым для любых исследований. Может, «Велесова книга» терпеливо ждет своего часа где-то на запорошенных пылью полках тайного архива? Что ж, остается только уповать на справедливость утверждения о том, что рукописи не горят.

Змиевы валы: свидетели одной из грандиознейших мистификаций в мировой истории?

Эти огромные фортификационные сооружения, появившиеся на украинской земле в период ее молодости, были и остаются величайшей загадкой, будоражащей воображение историков и археологов. Многие из того, чему были свидетелями невероятные по своим масштабам стены, сегодня перестало скрываться под покровом тайны. Но Змиевы валы постоянно подбрасывают все новые загадки, а часть сведений, увы, относится к разряду предположений и уточнению не подлежит.

Змиевы валы

Давным-давно, в незапамятные времена, быллинный богатырь одолел в неравном бою страшное чудовище — гигантского змея-людоеда. Долго продолжалась битва, но когда тварь покорилась человеку, богатырь не стал отрубать Змею головы. Вместо этого он запряг Горыныча в свой богатырский плуг и погнал его по чистому полю. За странными пахарями оставалась чудовищных размеров борозда. Правда, Змей не выдержал страшного напряжения. Только одну борозду он и сумел сделать, а потом надорвался и издох. Перед смертью Змей напился воды из небольшой речушки, огласив ее берега

тяжелыми стенами (именно потому река приобрела свое название — Стугна). По сей день могучим валом поднимается над земной поверхностью тот последний след трехглавого монстра, оставленный им на Руси...

Так гласит легенда. Понятно, что сейчас никто из специалистов не занят серьезными поисками останков того существа, которое якобы служило тягловой силой былинному пахарю. Однако один из самых знаменитых валов оборонных линий, который начинается около села Круглик Клево-Святошинского района и располагается к югу от небольшой речки Сиверки, до сих пор носит название Змиевых валов. Второе название этого загадочного сооружения древности — Трояновы валы.

Вообще-то, в отношении названия этих загадочных сооружений древности все очень запутанно. Так, на юге лесостепной части Восточной Европы, в Поднестровье, на территории Хмельницкой, Одесской, Тернопольской, Львовской областей Украины, в Молдавии и Румынии валы, аналогичные Змиевым, называют Трояновыми. Большая Советская Энциклопедия упоминает об этом, но тут же уточняет: правильно было бы говорить «Траяновы». А в Винницкой области и на Подолье огромное количество валов, разместившихся в четырехугольнике Львов — Луцк — Ровно — Тернополь и от среднего течения реки Буг к центральной Черкаггине, снова превращаются в Змиевы. То же самое происходит на Полтавщине и по правому берегу реки Сула (тут древние сооружения практически подступают к городу Сумы). Существуют Змиевы валы также на Харьковщине — около Харькова и Змиева находятся два мощных редута длиной 20 и 25 км.

Собственно Змиевыми обычно называют остатки древних сооружений по рекам Вить, Красная, Трубеж, Стугна и Рось. Но на отдельных участках валы Украины носят особые названия, характерные только для определенных местностей. Так, эти оборонительные постройки часто знакомы украинцам как Большой, Маленький, Черный, Атаманский, Половецкий валы, Турецкая плотина, Окоп, Перейма. А порой дело вообще запутывается: один и тот же вал на разных участках называется Змиевым и Трояновым одновременно.

Змиевы валы Киевской области представляют собой наибольшую в Украине систему укреплений, сохранившуюся до наших дней. Валы

разной высоты и длины, возведенные на правом берегу Днепра, по общей протяженности занимают первое место в стране. Их можно разделить на две группы: валы Киевщины и валы Переяслава.

Археологам удалось выявить и нанести на карту семь оборонных линий Правобережья. Их общая длина составила более 700 км; только одна «Змиева борозда» между Фастовом и Житомиром протянулась на 120 км. Складывается впечатление, что с течением времени загадочные валы постепенно смещались на юг. Возможно, они фиксировали новые границы оседлости того народа, который, собственно, и являлся строителем подобных укреплений.

Для установления времени создания валов ученые использовали радиоуглеродный и палеомагнитный методы датировки. Результат оказался впечатляющим: было установлено, что удивительные стены возводились на протяжении нескольких веков — со II столетия до н. э. по VII столетие н. э. Кроме того, в нескольких валах (в частности, в Перекопском) обнаружались и другие доказательства древности «борозд». Например, клады римских монет I–III столетий н. э. Экспедиция Института археологии охватила практически все среднее Приднепровье, особое внимание сосредоточив на его левобережной части. Участники исследования утверждали, что Змиевы валы сооружались в далекую древнерусскую эпоху, хотя некоторые из построек не раз реконструировались уже в период существования Киевской Руси.

Сооружались Змиевы валы, как оказалось, по весьма оригинальной технологии. В условиях отсутствия или нехватки камня местные жители стали использовать менее долговечный материал — дерево. Строители сооружали деревянные срубы-клетки, которые затем заполнялись землей или глиной. Кроме того, довольно часто густой лес на том месте, где предполагалось прокладывать гигантские «борозды», попросту поджигался. Интересно, что строители порой засыпали землей и глиной еще толком не прогоревший завал (это делалось, видимо, специально для обжига насыпи и придания ей большей прочности). Но археологам попадались также гигантские насыпи, не носившие вообще никаких признаков внутренних деревянных конструкций. Скорее всего, все валы сверху увенчивались толстой деревянной стеной. Всего ученым удалось выявить около десятка

различных конструкций, выбиравшихся в зависимости от ландшафта, грунта и прочих условий.

Особенно хорошо гигантские «борозды», у подножия которых пролегали глубокие рвы, видно с высоты птичьего полета. Размеры валов поражают воображение. Поперечник их основания составляет 20 м, а первоначальная их высота, скорее всего, равнялась 12 м (высота четырехэтажного дома). Позади оборонной линии, через каждые 6–8 км обнаружены остатки городищ и дозорных пунктов. Такая простая и остроумная система позволяла не сосредотачивать на границе большого войска. На валах, по всей видимости, дежурили дозоры, которые в случае угрозы поджигали сигнальные костры. Население, узнав о появлении врагов, быстро собиралось и уходило в леса. Огромные валы лишали кочевников, еще не умевших вести осаду крепостей, их главного преимущества — внезапности. Время, необходимое для засыпки рвов и подъема на стены, позволяло мирному населению спрятаться.

Змиевы валы тянутся на много километров параллельно друг другу, местами смыкаясь с соседними защитными сооружениями и образуя многорядные, гениальные в своей простоте, очень эффективные, но, правда, чрезвычайно трудоемкие оборонительные линии. В VII столетии н. э. «борозды» строить перестали, однако поддерживали уже существующие валы в, так сказать, «рабочем состоянии».

Так все же, кто построил Змиевы валы и для чего предназначались эти сооружения? Такие масштабные, длительные и трудоемкие фортификационные работы были под силу только крепкому государственному объединению, успевшему благополучно просуществовать не одну сотню лет. Мощные валы, видимо, стали непреодолимым препятствием для сарматов, готов, гуннов, воинственных болгар и белых угров, захвативших земли южных славян. Скорее всего, именно «Змиевы борозды» защитили восточных славян также от аваров (обров), которые считались серьезной угрозой даже в Константинополе. Лишь дулибы, видимо, жившие вне кольца валов, попали под власть воинственных пришельцев. Но если оборонные линии играли столь значительную роль, то разве могли они не оставить о себе упоминания в древних письменных источниках? Как оказалось, могли...

Летописцы того времени лишь изредка упоминают гигантские «борозды» как... географический ориентир или подходящее для обороны место. Именно в таком ключе упомянут в хрониках 1093 и 1151 годов вал, который пролегал вдоль реки Стугны, а в 1095 и 1149 годах — валы вблизи Переяслава, где для переговоров с Владимиром Мономахом останавливалась половецкая орда ханов Итларя и Китана, а также войска Юрия Долгорукого перед битвой с Изяславом. Так почему же даже в контексте вопроса «Откуда есть пошла Русская земля?» Змиевы валы почти обойдены вниманием? Что это — отсутствие соответствующей информации или чей-то «заказ»?

Частичную информацию о том, что же происходило в упомянутый отрезок времени на территории восточных славян, можно получить из иностранных источников. Так, римский историк Плиний Старший (I век н. э.) впервые упоминает об этом народе. А уже в IV — начале VII столетий в немецких и византийских источниках часто говорится об антах — древнем союзе славянских племен, которые населяли территории восточнее Днепра. Объединение племен было необходимо для противостояния ордам кочевых народов, которые периодически могучими волнами накатывались на Европу из Великой Степи. Кроме того, анты сумели дать достойный отпор натиску пришедших с запада готов, устоять перед натиском аваров. Кстати, последние вообще взбунтовались, узнав, что каган собрался идти походом на антов: по всей видимости, кочевников серьезно беспокоили могучие линии оборонительных валов и практически непроходимые леса за ними. По свидетельству Иордана, у антов правили вожди, способные повести за собой сотни тысяч (!) людей. Управлять такой массой без государства просто невозможно. На рубеже V–VI веков анты начали оказывать давление на Византию; примечательно, что именно в данный период княжил и легендарный князь Кий, который даже встречался с византийским императором Анастасием.

И снова загадка. Ведь слово «анты» — иностранного происхождения и в древнерусских письменных источниках не упоминается вообще. Может, там встречается аналог этому слову? Или же мы в очередной раз столкнулись с попыткой «стереть» память про дорюриковскую Русь? Здесь следует обратиться к уникальному литературному произведению прошлого — знаменитому «Слову о полку Игореве». Уникальному уже хотя бы потому, что в нем ощутимо

присутствует дух языческой эпохи, содержится информация о Руси «незнаемой». Как бы там ни было, источники, которыми пользовался автор «Слова...», нам неизвестны. Однако он упоминает и о «времени Бусовом», и о загадочных «веках Трояни», и о «земле Трояню». Последняя явно отождествляется с землей Русской. Согласно «Слову...», «века Трояни» начинаются приблизительно в 368 году, когда, собственно, завершалась эпоха борьбы антов с готами; эпоха, когда гунны огненным смерчем прокатились по Европе, — «время Бусово». Вероятно, именно тогда, в глубокой древности, на поверхности земли уже существовали гигантские Змиевы валы, строились новые, потрясающие по масштабам фортификационные сооружения такого же плана. Заметим, что, согласно данным «Повести временных лет», в те времена у антов существовала даже собственная княжеская династия.

Откуда же взялось еще одно название загадочных валов — Трояновы или Траяновы? Оказывается, знаменитый римский император Траян (63—117) и его легионы тут вовсе ни при чем. Троян — это языческое божество, некогда, по всей вероятности, занимавшее наряду с Велесом, Перуном и Дием ведущее место в пантеоне восточных славян. Оно носило имя Трояка, Трояна или Триглава. Поклонение Трояну существовало только на очень ранних этапах славянского язычества, и поэтому сведений о нем дошло до нас значительно меньше, чем о других божествах пантеона. Известно лишь, что Троян являлся богом-всадником, воином. Изображали его в виде идола с тремя головами, вооруженного мечом и сидящего на черном коне, который считался вещим. Скорее всего, Троян был ратным богом, символом мужества и силы. В IV веке н. э. он, вероятно, считался защитником и охранником Русской земли и даже возглавлял языческий пантеон. Вполне вероятно, что союз славянских племен принял тогда имя своего «патрона». Союз оказался очень прочным и просуществовал несколько столетий. А значит, объединение антов, соорудившее огромные валы для защиты своих территорий, вполне может быть отождествлено с «землями Трояню».

Что же касается названия «Траяновы валы», то тут, по всей вероятности, дело в следующем: сооружения, построенные во времена императора Траяна, естественно, получали его имя. А созвучие имен Траян — Троян привело к тому, что все древние валы на востоке

Румынии и в юго-западной части Молдовы и Украины стали называть также Траяновыми. Так уж вышло, что о выдающейся строительной, военной и политической деятельности римского императора люди помнили больше, чем о языческом божестве глубокой древности.

Ядро антского союза наверняка располагалось на древлянских землях (из-за этого часть исследователей называют валы «Великой Древлянской стеной») — там, где имелись все условия для стабильного поступательного развития населения. Леса, лесостепи, сеть рек, которые старательно обходили кочевники, — условия поистине райские, особенно если учесть удаленность (по сравнению с Левобережьем) от Великой Степи. К тому же мощные оборонительные линии, дублируя друг друга, охватывали земли славян с востока, также являясь надежной защитой от набегов орд. В то время явно существовали валы вдоль рек Стugna и Рось, а также вал между современными селами Круглик и Ходосовка. Расстояние между линиями составляет около 10 км; под защитой «борозд» князь Владимир и Ярослав как раз и возводили упоминавшиеся в летописях «богатырские заставы». Таким образом, хронологические рамки сооружения Змиевых валов практически точно стыкуются с летописными временами Киевской Руси. А это, в свою очередь, означает, что теория о возникновении государства восточных славян только после «призвания варяжских князей» на Русь выглядит очень сомнительно. Диким, неорганизованным племенам возведение гигантских фортификационных сооружений, растянувшееся почти на тысячелетие, было бы не под силу. Подобный размах строительства характерен только для мощного централизованного государства. Примечательно, что Змиевы валы возводились по единому плану; задумать и осуществлять его на протяжении веков способно только внутренне крепкое, сильное государственное образование.

Правда, выдвигалась гипотеза, согласно которой Змиевы валы сооружали вовсе не славяне, а... культурные жители степи, пытавшиеся таким образом обезопасить себя от набегов агрессивных лесных племен. Но ведь почти тысячелетие оборонные валы строились фронтально повернутыми на юг. Следовательно, именно славяне защищались от степных пришельцев, а не наоборот. А поскольку угроза захвата земель со временем только возрастала, возникла и необходимость постройки новых «борозд». Так что с течением

времени оборонительные сооружения продвинулись от стартовой точки на 200 с лишним километров.

И снова вернемся к таинственному молчанию, которым древние летописцы обходили грандиозный памятник трудолюбию и военному гению своих предков. Мог ли тот же Нестор-летописец, предполагаемый автор «Повести временных лет», основного письменного источника по истории Древней Руси, «не заметить» Змиевых валов? А может, он просто не знал о «бороздах»? Это очень маловероятно, ведь загадочные рукотворные стены находились всего в 60 км от Клева! Можно ли представить себе, что происходившего буквально у него под носом летописец не знал? Нет, поскольку косвенные упоминания о том, что Русская земля стала неприступной для набегов захватчиков, в тексте встречаются. Так почему же в летописях не говорится о значении Змиевых валов?

Да просто потому, что тогда пришлось бы писать о том, кто их строил, какое государство. А значит, знаменитая легенда о призвании славянами князей из варягов окажется совершенно неправдоподобной. Ведь если держава антов просуществовала века, достойно отражая нашествия захватчиков и проводя в жизнь систему глобального строительства, можно ли сказать, что здешняя земля «велика и обильна, а порядка в ней нет»?! Кстати, о том, что славяне кого-то к себе «призывали», вообще не упоминается в западных источниках и скандинавских сагах. А уж они-то как раз должны были просто кричать о том, что Трувор, Синеус и Рюрик отправились наводить порядок где-то среди диких племен.

Рюрик, скорее всего, подобно тысячам других варягов прибыл в Новгород на службу. Не исключено, что его позвала на помощь одна из противоборствующих сторон, рвущихся к власти. Однако, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, наемник сумел захватить власть, став основоположником династии Рюриковичей. Народ же вовсе не желал безмолвно и покорно надевать на себя варяжское ярмо. Недаром историкам известны факты бунтов — сопротивления узурпаторам — и ухода части новгородцев в Клев в 867 году (об этом, кстати, автор «Повести временных лет» почему-то умолчал).

Новая власть постаралась сделать так, чтобы предыдущая тысячелетняя (а может, и более длительная) история Руси была забыта.

Мол, Рюрик возглавил славян по их же собственной просьбе, Олег объединил Новгород и Клев, совершил удачный набег на Царьград, отменил дань хазарам... В общем, варяги русское государство и основали. Где доказательства? А вот тут-то и стали необходимыми летописцы. Они старательно начали писать о «звериньском» образе жизни своих предков, об их срамословии, полигамии, о неспособности постоять за себя и т. п.

Но ведь ко времени появления варягов славяне уже более тысячи лет жили оседло, занимались земледелием, имели свое государственное образование, с которым приходилось считаться окрестным народам! И вообще, «Слово о полку Игореве» говорит о том, что «века Трояню» стали золотым веком покоя, благоденствия и мощи Руси, когда была высоко развита экспортная торговля, быстрыми темпами развивались ремесла, укрепленные городища сменились простыми деревнями, в стороне от которых обычно высился мощный бревенчатый форт — типичный феодальный замок. Собственно, у славян уже даже не было необходимости самим защищать свои жизни и имущество, поскольку эту заботу приняло на себя молодое мощное государство — строитель грандиозных Змиевых валов. Оборонные сооружения оказались необходимы уже потому, что значительная часть населения жила не в обычных деревнях, а в больших городах. Заметим: в скандинавских сагах Русь называют «Гардарики» — «страна городов». То есть в данной местности городов существовало значительно больше, чем в других известных варягам странах. Но ведь такое возможно только при наличии сильной державы, успевшей давно шагнуть от племенного строя к феодализму! А само название Новгород? Это же «Новый город»! Сегодня он считается одним из древнейших русских городов. Но тогда сколько же лет должно быть Старому городу?!

Все эти факты позволяют сделать вывод, что зарождение славянского государства произошло задолго до Рюрика. Но летописцы умудрились произвольно сжать тысячелетний период до времени жизни одного человека, выбросив из истории то, что никак нельзя было осуществить за столь малый отрезок времени. Тогда перед нами встает еще одна загадка. Зачем тому же автору «Повести временных лет» потребовалось идти на такую мистификацию?

Скорее всего, упомянутое произведение создавалось на основании древних сведений в начале XII века, во времена Владимира Мономаха. Этот князь был приглашен на княжение в момент большого восстания. Позднее Владимир позаботился о том, чтобы родилась легенда о «призвании» варягов, доказывавшая, что без руководства из единого центра в руках Рюриковичей вокруг воцарится хаос... Факты, которые в такую «стройную теорию» не укладывались, «не замечались». Одним из неудобных «свидетелей» мощи существовавшего ранее государства являлись как раз Змиевы валы, которые начали приходить в упадок. Русь окрепла, князья несколько приструнили агрессивных половцев, на границе нес стражу вассальный союз кочевников — черные клобуки, привлеченные на службу Мономахом. А раз система обороны изменилась столь коренным образом, зачем заботиться о валах? И зачем вообще упоминать о них в летописи?

Князь, вероятно, лично курировал создание «Повести временных лет»; считается, что он дважды возвращал ее на переделку. Тогда-то и появились в тексте легенда о спасителях-варягах, рассказ о происхождении киевских князей от Рюрика. Таким образом Мономах упрочивал положение дома Рюриковичей, безжалостно убирая конкурентов — еще живых в то время представителей княжеских семейств, строивших Змиевы валы. При этом летописец проводит четкую аналогию между самим князем Владимиром, родственником византийского императора, и Рюриком-варягом. Оба пришли к власти по желанию боярской верхушки вопреки мнению веча. Но беззаконие успешно устранялось мощнейшим средством пропаганды — ссылками на старину.

Итак, ради сохранения и упрочения власти, чтобы закрепить ее преемственность за своими потомками, Мономах и его летописцы пошли на сознательную фальсификацию истории. Вот только переделать ее полностью не удалось: большая часть русичей летописей не читала и потому сохранила устные воспоминания о древних «золотых» временах — тысячах лет дорюриковского бытия. Но реальные события с течением веков настолько тесно переплелись с легендами, так часто приукрашались, что на сегодняшний день отделить правду от вымысла уже невозможно. Так что ни на один из вопросов, поставленных в заглавии летописи: «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Клеве нача первее княжити, и откуда Руская земля

стала есть?», — скорее всего, ответ не будет найден уже никогда. Возможно, об этом стоило спросить Змиевы валы, но эти немые свидетели былого величия молодого государства не расположены к беседе с учеными и очень неохотно расстаются со своими тайнами...

Загадка происхождения Бушанского рельефа

Территория Украины, которая тысячелетиями служила ареной битв и переселений народов, хранит немало секретов и тайн. Киммерийцев здесь сменяли скифы, скифов — сарматы, сарматов — готы, готов — гунны... Каждый из народов оставил свои следы — в языке и в искусстве, в наших генах и в самой земле. Хранят свои древние секреты и исторические памятники в небольшом селе Буша на юге Винницкой области.

Фрагмент Бушанского рельефа

Это село, расположенное на берегу бурной речушки Бушанки, в конце XVI столетия называли даже «Малым Каменцем», намекая на соседство с Каменец-Подольским. Сейчас о былой славе Бушанской крепости помнит лишь чудом уцелевшая старинная башня. Она является свидетельницей воинской славы украинского народа. В XVII столетии, в разгар освободительной войны, когда почти все мужское население Буши, способное носить оружие, ушло в войско Богдана Хмельницкого, в крепости остались женщины и дети. Такой «лакомый кусок» сразу привлек внимание польских захватчиков. Но шляхтичей передового отряда «кавалерии народной» ожидал отнюдь не дружеский прием. Все оставшиеся в Буши жители взяли за оружие. Казачки с детьми поднялись на стены и встретили неприятеля огнем.

Крепость пришлось брать в осаду и штурмовать по всем правилам военного искусства. Оборонявшиеся стояли насмерть. Поляки «огнем и мечом» прошли по близлежащим поселениям (всего при этом погибло 16 тысяч человек) и теперь ждали, когда иссякнут последние силы защитников Буши. Оборону возглавляла вдова сотника Зависного — Марьяна. Когда число защитников крепости сократилось до двух десятков, поляки пошли на решающий штурм, но женщины преподнесли им последний «сюрприз». Казачки заперлись в пороховой башне и, дождавшись, пока начнется ее штурм, взорвали бочки с порохом...

Страшный взрыв разметал каменные стены. Защитницы крепости погибли, но каждая забрала с собой на тот свет двух-трех польских солдат. Свидетелей со стороны защитников не осталось, но их подвиг настолько потряс поляков, что они не скрывали случившегося: сохранились письменные источники, повествующие об обороне и гибели Буши.

После разрушения крепости в 1654 году она обезлюдела, камни заросли травой, и лишь через несколько десятков лет здесь вновь появились люди; так возникло село, сохранившее гордое имя Буша. В 1824 году проживавший в этих краях польский шляхтич Ромуальд Овсяный обнаружил вблизи села наскальное изображение, что и поспешил зафиксировать надписью рядом на камне. Расположенный здесь же пещерный скит он приспособил под жилье: пристроил стены, перекрыл крышей, поставил печку. Здесь у него было нечто похожее на экзотическую дачу или рукотворную пещеру, где в промежутках между пирами гости ломали голову над тем, кто и когда вырубил таинственные фигуры.

Покинутый скит был небольшим; скорее всего, здесь жил один православный монах-отшельник. Об этом свидетельствуют и дважды выбитая на стенах скального помещения фамилия. Надпись сделана антиквой: KAI. H. PEYUNIAN. Каетан Пеуниан. Буква H — указывает, что житель пещеры был сыном Господним, то есть церковнослужителем.

В 1987 году над скальной щелью был обнаружен фундамент дома XVI–XVII веков, который был четко ориентирован по сторонам света. Ученые считают, что здесь когда-то стояла церковь святой Барбары — Баси — Буше, и своим появлением она обязана рельефу и его легенде.

Одно можно сказать с уверенностью: люди здесь жили не одну тысячу лет. Труднее всего определить время создания Бушанского рельефа. Оказывается, шляхтич Овсяный не только нашел изображение, но и откопал его. Современные археологи считают, что именно это в данном случае делает неприменимым метод радиоуглеродного анализа, ведь датировать по органическим остаткам, законсервированным в грунте или песке, можно лишь слой, открытый недавно. Ромуальд Овсяный оставил и еще одну загадку. В тексте его надписи, вырубленной рядом с Бушанским рельефом, сообщается, что она сделана в память о событиях 1524 года. Что это за дата? Ведь в указанном году в истории края не зафиксировано ни одного значительного события, кроме татарского набега. Но киевский профессор Владимир Антонович, исследовавший в 1883 году пещерные монастыри Приднестровья, сообщил на археологическом съезде в Одессе, что сюжет, вырубленный на огромном валуне близ входа в небольшую узкую пещеру, нанесен еще в дохристианские времена. Академик Борис Рыбаков, поддерживая версию дохристианского создания рельефа, констатировал, что подобного изображения нет нигде в мире. Древний художник вырубил на скале раскидистое дерево без листьев, петуха, оленя, коленопреклоненного человека и таинственный четырехугольник, удивительно напоминающий... телевизор. Века неумолимо разрушали этот древний памятник — многие его детали едва различимы.

Лишь в одном месте, в Болгарии, есть нечто похожее, но с совершенно иным сюжетом, — так называемый «Мадерский всадник», датируемый VIII веком. То есть создан он в те времена, когда в Болгарии еще были не цари, а ханы. Некоторые украинские историки утверждают, что Бушанский рельеф создан еще раньше, в дославянскую пору. Они мотивируют это тем, что подобное изображение не характерно для славянских традиций. Не получило подтверждения и предположение, что рельеф был привезен из других краев, поскольку он вырезан над поверхностью выступающего из земли природного камня.

Когда же был вырезан загадочный рельеф? Археологи, историки, искусствоведы все же пришли к общему мнению, что Бушанский рельеф был создан славянскими племенами. А вот относительно времени его создания мнения ученых разошлись почти на полторы

тысячи лет — от начала новой эры и... до XVI столетия. Что же является причиной такого разброса? Причин тому несколько, но главными являются редкостность художественных особенностей и сюжет рельефа, который и заставляет ученых высказывать различные предположения.

Композиционно рельеф состоит из четырех частей: дерево, на котором сидит петух; коленопреклоненный человек, который держит на уровне лица чашу; олень, стоящий позади человека; и надпись в рамке. Центральным образом является, конечно, человек. Все указывает на то, что здесь изображена не обычная бытовая сценка, а ритуал жертвоприношения. Возможно, в чаше молоко или кровь оленя, который был для наших предков самым благородным в царстве животных.

Но если это жертва, то кому она предназначена, что символизирует петух на ветке дерева? Вероятно, жертва приносится дереву, потому что человек (может быть, женщина) стоит на коленях именно перед ним. Возможно, изображение символизирует «Древо жизни», но нарисованное схематично, без листвы. Не исключено, что изображение бушанского дерева отображает обратную сторону бытия — смерть. Ведь на его мертвой, сухой ветви сидит петух, который олицетворяет собой или души погибших, или переход от смерти к жизни. Кстати, в этой части Подолья на кладбищах можно увидеть кресты в виде дерева с обрубленной ветвью. Можно с большой долей уверенности предположить, что сюжет рельефа был понятным для местных жителей еще в XVI столетии, ведь до этого времени наряду с христианской верой бытовало верование языческое, рядом с официальным христианским искусством жило искусство народное, устои которого закладывались в языческие времена.

Говоря об изображении петуха в Бушанском рельефе, искусствовед Ростислав Забашта, научный сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, указывает: «Эта птица издавна олицетворяет собою солнце, огонь, утреннюю звезду. Изображение петуха часто связывали с ритуалом жертвоприношения». Другие исследователи отмечают, что древние славяне во время погребального обряда сжигали петуха, что символизировало переселение души умершего в потусторонний мир. Обратим внимание на то, что символическая птица обращена не в

сторону восхода оленя-«солнца», а в противоположную сторону, что, очевидно, указывает на жертвенное содержание левой части композиции рельефа. Потому он, видимо, символизирует души погибших. Но если в центре рельефа изображена женщина, стоящая на коленях, значит, она вместе оленем символизирует восход солнца, зарождение нового дня и продолжение жизни. И тогда именно в этом заключена главная идейная канва произведения.

Конечно, для разгадки тайны Бушанского рельефа немалую роль играет надпись. Известный украинский археолог Валентин Даниленко в 1961 году сделал ее реконструкцию: «Аз есмь Миробог жрец Ольгов». Это позволило сузить временные рамки создания рельефа периодом княжения Олега (882–912 гг.). Экспедиция Даниленко не только нашла и прочитала на остатках каменных стен скита другие надписи, в которых встречаются имена языческих идолов Перуна и Хорса, князей Олега и Игоря, но и сделала еще одно открытие: рельеф является единственной неповрежденной деталью языческого храма. Бушанский рельеф в нем, по всей видимости, не был центральным изображением и сохранился случайно, тогда как все остальные были уничтожены во времена искоренения язычества.

Ученые до сих пор ломают головы над изображением Бушанского рельефа, пытаются расшифровать послание древнего художника и выдвигая порой самые немыслимые теории. Доходит даже до якобы инопланетного происхождения рельефа: четырехугольник некоторым исследователям видится экраном монитора.

Часть научных работников относят Бушанский рельеф к памяткам культуры «языческих» времен. Они усматривают сложность композиции, ее неразгаданность в том, что рядом с изображением человека присутствуют изображения дерева, птицы, животного. Ростислав Забашта, вслед за историками Формозовым и Сенцовым, считает рельеф позднехристианским памятником (что, однако, не делает его менее интересным для науки). Забашта полагает, что здесь изображен святой Онуфрий — один из ранних христианских аскетов-отшельников. Кстати, Онуфрий — один из почитаемых святых на Руси; его изображение есть и в киевском соборе Святой Софии. А найденные археологами предметы быта и фрагменты керамики ученый относит к позднему средневековью.

Но это опять вносит путаницу в историю рельефа, так как некоторые находки, сделанные здесь археологом Валентином Даниленко в 1961 году, датируются VIII–IX веками, то есть дохристианским периодом на Руси.

Загадки ставят и другие предметы, найденные археологами рядом с Бушанским рельефом. Дело в том, что некоторые фрагменты керамики историки относят еще к Черняховской культуре, т. е. к II–IV векам н. э. Конечно, напрямую датировать наскальное изображение с археологическими находками, обнаруженными рядом, не совсем корректно, тем более что главная тайна наскального изображения состоит в том, что оно выпадает из общего ряда характерных историко-культурных памятников древности.

Будет ли когда-нибудь расшифрован Бушанский рельеф? Возможно, если ученым удастся поднять нижние плиты у входа в пещеру, то они смогут узнать нечто важное. Этот искусственный порог уложен очень давно, и не исключено, что под ним найдется монетка, которую традиционно закладывали древние строители при сооружении храма или иного важного здания. В 2002 году была предпринята попытка сдвинуть плиты, но она окончилась неудачей, настолько массивными они оказались. И опять возникает очередной вопрос: как в древние времена смогли уложить такой мощный порог в узком и неудобном месте без помощи специальной техники? Возможно, со временем ученым удастся получить ответ на этот и другие вопросы. Но пока что Бушанский рельеф надежно хранит свои тайны...

Тайна имени «Русь»

Самые трудные и интересные загадки истории порой скрываются не в малоизученных областях науки, не за семью печатями, а в самых, казалось бы, обыкновенных именах и понятиях. Слово «Русь», несмотря на свою древность, понятно любому человеку, говорящему на украинском или русском языке. Оно вызывает устойчивые ассоциации с далеким прошлым: Киевской Русью, первыми князьями, становлением славянской государственности и культуры. Тем не менее, на протяжении столетий историки и филологи не прекращают спор: откуда же пошла «Русь» и что означало это слово до того, как стало названием огромной территории и живущего на ней народа...

Слово «Русь» можно встретить в составе множества составных топонимов. Конечно, самой известной является Киевская Русь — колыбель восточнославянской цивилизации. После монголо-татарского нашествия, когда Киевская Русь оказалась раздроблена на отдельные княжества, многие восточнославянские земли сохранили в своем названии слово «Русь». Так появились Московская, Суздальская, Владимирская и даже Литовская Русь. А вот названия Белая, Черная и Красная (Червонная) Русь имеют иное происхождение. Дело в том, что в средние века направления север-юг и запад-восток имели свои «цветовые» аналоги. Малая Русь и Великая Русь произошли от греческих названий Мисра Рагаа — Микра Росиа и Μακρά Ρωσία — Макра Росиа (по аналогии с терминами «Малая Греция» и «Великая Греция»). Эти названия использовались в церковноадминистративной практике Византии с начала XIV века. Греки под «Малой Россией» понимали метрополию — Южную Русь (т. е. Украину), а под «Великой Россией» — в широком смысле все русские земли.

Дальнейшая история корня «рос» («рус») не менее занимательна. На рубеже XV–XVI веков в официальных документах получило распространение слово «Россия», близкое к греческому варианту. Это привело к тому, что словосочетания «Малая Россия», «Великая Россия», «Белая Россия» вскоре образовали новые слова: Великороссия, Малороссия и Белороссия (позже — Белоруссия). Когда к территории страны стали присоединяться новые земли, возникли

названия Новороссия (южная часть современной Украины и южная часть европейской части современной России) и менее распространенное Желтороссия (Маньчжурия, позднее — северная и восточная часть современного Казахстана и степные территории восточного Поволжья, южного Урала и южной Сибири). Но все эти названия — лишь отголоски древнего слова, этимология которого до конца не выяснена.

Гипотез существует великое множество, и согласуются друг с другом они только в одном: «русь» — это этническое имя, именование народа. Но вот что интересно: не самоназвание, а имя, данное соседями. Дело в том, что слово «русь» некогда имело собирательное значение, то есть обозначало совокупность людей, воспринимаемых как единое целое (в современном русском языке такое значение присуще словам молодежь, студенчество и т. п.). В древности собирательные этнонимы в форме женского рода встречались нередко: меря, чудь, корела, мордва. Как правило, относились они к народам-соседям, носителям иной культуры и, как правило, иного языка. Это и заставляет задуматься: возможно, русь (русины, русичи) — это вовсе не славяне?

Ответ на этот вопрос получить несложно, достаточно проанализировать тексты летописей и отыскать самое раннее упоминание о таинственной «руси». Наиболее подробный перечень древних племен содержится в «Повести временных лет». Несмотря на то что эта летопись неоднократно редактировалась по распоряжению князей, едва ли изменения касались сведений о племенах, живших на территории Киевской Руси. В частности, в тексте, относящемся к 898 году, говорится, что все славяне общались между собой на одном языке: и угры, и чехи, и моравы, и (обратите внимание) поляне, которые в IX веке назывались «русь». Немного ниже находим уточнение: «А словенский язык и русский одно есть».

Итак, русичи — все же славяне. Упоминания о Руси в летописях XII–XIII веков позволяют даже довольно точно определить их изначальное место проживания: Киевщина, Черниговщина и Переяславщина. Дело в том, что древние летописцы очень четко проводили границу между Русью и другими землями. Судите сами: Юрий Долгорукий выступил с войском из Ростово-Суздальской земли «в Русь», то есть в Клев. После убийства Андрея Боголюбского

владимирские бояре говорили: «князь наш убиен, а детей у него нету, сынок его в Новгороде, а братья его в Руси». В летописной статье 1135 года говорится: «иде в Русь архиепископ Нифонт». В 1142 году новгородское посольство было задержано «в Руси» (в Клеве), пока оно не дало согласия на вокняжение в Новгороде князя Святослава. Таких разграничений между Русью и соседними княжествами можно найти очень много. Проанализировав их, ученые нанесли на карту границы территории, которую называли «Русью» в XII веке: земли между Десной на севере, Сеймом и Сулой на востоке, Росью и Тясменем на юге, Горынью на западе. Кстати, именно в пределах этой территории сохранилось самое большое количество топонимов и гидронимов (названий водных объектов) с корнем «рос» или «рус»: Рось, Россавя, Роставица, Ростовец.

Итак, место обитания древних русов мы уже знаем. Но загадка этимологии самого слова все еще не раскрыта. За многие десятилетия изучения этого вопроса возникло бесчисленное количество гипотез. Слову «Русь» приписывали древнеславянские, готские, шведские и даже иранские корни, пытались проанализировать структуру, сопоставить с аналогичными названиями в других языках.

Древнейшей формой самоназвания россиян было, вероятнее всего, «рос», удостоверенное и Псевдо-Захарием Ритором в VI веке, и топонимикой, и византийскими авторами. Изменение «о» на «у» могло произойти позже, в VIII–IX веках, когда в Надднепрянщине появилось много выходцев из северных славянских племен, для которых более характерно «у» — «рус». «Русская Правда» в ее древнейшей части носит название «Правда Росская». Интересно, что арабские и персидские авторы всегда употребляли форму «рус», а греки и византийцы — «рос». О народе «Рос» знали в VI столетии в Сирии. Князя этого мощного союза племен одаривал византийский цесарь. Россов считали «народом богатырей», они пользовались всеобщим уважением.

Долгое время самой распространенной гипотезой происхождения слова «Русь» считалась версия, что название «Русь» происходит от имени правого притока Днепра — реки Рось. Именно там, по мнению историков и лингвистов прошлого, находилась прародина племени, основавшего впоследствии мощную державу. Этой точки зрения придерживался, в частности, академик АН СССР М. Тихомиров:

«Среди восточных славян в VIII–IX вв. стало выделяться племя, обитавшее по среднему течению Днепра, в области полян, в древней культурной области, где когда-то была распространена трипольская культура... Трудно сомневаться в том, что основная масса полян жила к югу от реки Рось и по течению этой реки и ее притока Россавы. Здесь, при впадении Роси в Днепр, находился летописный город Родня, остатки которого видят в Княжьей горе, богатой на археологические находки... Возможно, первоначальное название Роси распространилось на все среднее течение

Днепра, а корень Рос, возможно, уже содержится в геродотовом названии Днепра — Борисфен». Того же мнения придерживался и историк Б. Рыбаков, писавший: «...древности V–VII вв., обнаруженные по реке Рось, несколько севернее ее (до Клева) и южнее ее (до начала луговой степи), следует связать с конкретным славянским племенем — русами или росами».

У этой гипотезы немало недостатков. Данные археологов вступают в противоречия с позицией исследователей языка. Филолог Г. Хабургаев отмечает, что попытки связать Русь с названием реки Рось лингвистически несостоятельны: «Для славянских диалектов рассматриваемого времени чередования о/у и даже ъ/у невероятны (учитывая, что термин „русь“ появляется около IX столетия!); а сам этноним в славянской среде известен только с „у“ в корне. И вообще, этот термин на Киевщине не обнаруживает никаких ономастических соответствий, и его появление здесь явно было связано с необходимостью общего наименования для нового территориально-политического объединения, которое непосредственно не соотносилось ни с одним из прежних племенных объединений, а потому не могло использовать ни одно из прежних местных наименований». Но наиболее сокрушительным ударом по рассматриваемой гипотезе стали исследования историка В. Кучкина, убедительно доказавшего, что бассейн реки Рось вошел в состав Русской земли (в узком понимании этого слова) лишь во времена Ярослава Мудрого. До того времени граница проходила севернее. Выяснился и еще один факт: южной границей территории обитания полян служил водораздел между притоками Днепра — Ирпенью и Росью. Бассейн Роси имел смешанное население, славянские и

тюркские народы издавна жили здесь бок о бок, а значит, прародиной русов это место считаться никак не могло.

Более аргументированной кажется версия, выдвинутая писателем Владимиром Чивилихиным. По его мнению, изначально Рось (Русь) была именем нарицательным. Это слово обозначало не какую-то определенную речку, а реку вообще. Реки играли огромную роль в жизни восточных славян: это была и дорога, и естественная защита, и источник воды. Река снабжала окрестные племена рыбой и птицей, была гарантом и источником жизни. Не случайно восточные славяне обожествляли реки (первое свидетельство об этом зафиксировано у византийского летописца Прокопия в VI веке н. э.). Нестор-летописец тоже писал, что в языческую эпоху славяне помимо богов почитали также и реки, озера и источники. Дополнительное подтверждение этой версии можно обнаружить в работах словацкого лингвиста и этнографа Павла Шафранка: «В праславянском языке река называлась „руса“ (гша). Это коренное славянское слово, как общее существительное имя, уже осталось в употреблении только у одних русских в слове „русло“, обозначающем ложбину, русло реки, глубь, вир; но как имя собственное рек, городов и селений, более или менее близ них лежащих, употребляется почти у всех славян». Кстати, от того же корня образовано слово «русалка». В словаре В. Даля зафиксировано множество диалектных слов, производных от корня «рус» и указывающих на его прямое отношение к рекам: руслень — приполок за бортом, за который крепятся ванты; руслина — быстрина, стрежень; руст — «вода идет рустом», т. е. идет потоком, струей; собственное имя Рус — «сказочное чудовище днепровских порогов»; мужское имя Руслан. Все это наводит на мысль, что слово «Русь» первоначально означало «люди реки», «речной народ». Кстати, название по месту преимущественного обитания встречается в мире довольно часто. Например, приморские чукчи называли себя «ан калын» — «морские жители». Точно так же бедуины — «жители пустынь», селькупы — «люди тайги», индейцы племени сенека имели самоназвание нунда-вэ-оэно — «великий народ холмов».

Несколько другое толкование дается в работе профессора Ф. Кнауэра «О происхождении имени народа Русь». Русь, по его мнению, не просто река, а Волга. В древнеиндийской «Ригведе» она упоминается под именем «Раса» — «Великая мать», в «Авесте»,

священной книге зороастрийцев, — как «Ранха». Позднейшие персидские источники упоминают о реке Раха, отделяющей Европу от Азии. При помощи филологического анализа Кнауэр доказывает этимологическое тождество этих названий с древним именем Волги — «Ра», которое обрело впоследствии такие формы, как «Рос» у греков и арабов, и Рось, Русь, Роса, Руса — у славян.

Большинство других версий выводит наименование «Русь» из иностранных источников. Они склоняются к тому, что «Русь» не является самоназванием. А это означает, что нужно искать соответствия этому корню в языках других народов. Некоторые ученые полагают, что в II–III веках н. э. на территории между балтами, славянами и германцами жили какие-то руты (руги), которых еще Тацит называл «Reudignii» — «корчеватели леса». Другие считают, что слово «Русь» получилось путем перестановки букв из общеевропейского «urs» — «медведь» или (уже безо всякой перестановки) от латинского «rus» — «деревня».

Но, пожалуй, самой популярной из «иностраных» версий долгое время оставалась предложенная еще известнейшим теоретиком русского языка историком А. Шахматовым. Ученый был уверен, что «форма Русь... так же относится к Ruotsi, как древнерусское Сумь... к финскому Suomi. Мне кажется, что элементарные методологические понятия не позволяют отделить современное финское Ruotsi от имени Русь». Иными словами, корень «рус» имеет финно-угорское происхождение. Но если это так, почему в финно-угорской языковой среде невозможно найти сколько-нибудь убедительной этимологии этого слова? К тому же среди финно-угров слово «ruotsi» употреблялось по отношению к нескольким разным этносам: шведам, норвежцам, россиянам и, наконец, самим финнам. Путаница? Скорее всего, дело в другом. Первоначально словом «русь» в Восточной Европе обозначали викингов; на этом сходятся все арабские историки. А греки, употреблявшие слово «russi», имели в виду тех, кого мы называем норманнами. Неудивительно, что сторонники «норманской теории» увидели в этих данных лишнее подтверждение того, что Русь была фактически создана варягами, приглашенными на царство слабо развитыми славянскими племенами. По их мнению, слово «русь» происходит от корня со значением «гребля», «плавание на гребных судах». Производным от него термином называли себя скандинавы,

бороздившие Восточную Балтику и вступавшие в военные конфликты и торговые контакты с местным финноязычным населением, которое называло их «руотси». Позже это слово было заимствовано восточными славянами и трансформировалось в «русь». С тех пор как варяжские князья обосновались в Клеве, оно распространилось на подвластную им территорию — «Русь», «Русская земля» — и ее население — «русские люди». По другой версии, слово «Русь» (или близкое по звучанию) было боевым кличем скандинавской дружины первых Рюриковичей. Постепенно оно закрепилось за самой дружиной, а затем — и за территорией, которую она контролировала. В доказательство своей правоты сторонники этой гипотезы приводят все ту же «Повесть временных лет». А точнее — отрывок, где Нестор пишет, что по просьбе различных племен в славянских землях в 862 году появились варяжские князья. «Те варяги назывались русью», — уточняет летописец. Однако приведенная цитата едва ли может считаться убедительным доказательством. Во-первых, варяги назывались «русью» только после прибытия в киевские земли. А это вполне может означать, что они поступили на службу к местному князю и приняли название народа, среди которого им предстояло жить. Во-вторых, археологам не удалось обнаружить следов сильного влияния варяжской культуры на тех русских землях, которые считаются «Малой Русью», исторической прародиной руссов. А предположение, что от народа, основавшего древнерусское государство, местные племена переняли только имя, кажется слишком смелым. Есть и еще одно возражение. Последняя версия, несмотря на авторитет ее создателей, совершенно не учитывает один факт. А именно — законы языка. Филологам прекрасно известны случаи, когда одно и то же слово в разных языках имеет различное значение. Вполне вероятно, что варяжское слово не имело прямого отношения к слову «Русь», образовавшемуся по законам общеславянского языка.

Часть ученых во главе с Л. Гумилевым считала, что племя русов, о котором шла речь выше, не являлось славянским, более того, отношения между русами и славянами в IX веке были откровенно враждебными. По сообщениям арабо-персидских источников, «русы нападали на славян, подъезжали к ним на кораблях, высаживались, забирали их в плен... и продавали». Однако в дальнейшем славяне и русы, проживавшие на общей территории и заключавшие между собой

браки, взаимно ассимилировались. С этого времени русами стали называть уже не племя, а целый народ. Обычай и язык они сохранили славянские.

Гораздо более обоснованной и логичной, на наш взгляд, выглядит гипотеза, изложенная академиком О. Трубачевым. Он полагал, что этноним «Русь» происходит от древнейшей индоарийской основы *rukṣa / ru(s)sa* — «светлый, белый». Топонимы, образованные на этой основе, с глубокой древности распространялись в Северном Причерноморье, в местах расселения индоарийского населения. Не противоречит этой гипотезе версия о том, что слова «Русь» и «русский» восходят к слову «русый» — «светловолосый». Не даром все в том же словаре Даля записана пословица: «Русский народ есть русый народ». Встречается там, правда, и прямое толкование слова «Русь» — мир, белый свет. А словосочетание «на руси» имеет дополнительное значение — «на виду».

История — будь то история народа или история его языка — не может считаться точной наукой. В ней есть место самым разным интерпретациям и домыслам. Поэтому единого мнения о происхождении слова «Русь», вероятно, не сложится никогда. Разве что будет изобретена машина времени и ученым удастся опросить очевидцев тех времен, когда наши далекие предки впервые назвали свою землю Русью...

Кто первый начал княжить в Киеве?

Так кто же все-таки стал первым княжить в стольном граде Клеве? С кого же, собственно, нужно начинать рассказ о людях, правивших древней столицей Руси, и кто из них достоин права называться первым? Стоит ли вести речь о Кие, легендарном основателе города, который впоследствии стал центром могучей державы? Или, может, нужно говорить о последнем князе из рода Киевичей, Аскольде (хотя правильно было бы писать «Оскольде», поскольку «А» в его имени появилось только в более поздних московских летописях — из-за присущего жителям тех областей «аканья»)? Ведь именно Аскольд стал первым киевским князем, принявшим христианство и задумавшимся о смене государственной религии. А может, упоминания достоин Олег (Хельг), прозванный Вещим? Это именно ему, создателю Древнерусского государства, принадлежат слова о том, что Клеву суждено быть «матерью городов русских». Но, пожалуй, остановиться все же стоит на человеке, впервые в истории официально именовавшем себя великим князем Киевским. При этом нам необходимо будет коснуться биографий некоторых его предшественников; ведь именно их деяния, так или иначе, предопределили судьбу Игоря Рюриковича, прозванного Старым...

Рюрик поручает Игоря Олегу.

Миниатюра из Радзивилловской летописи

Итак, попытаемся проследить жизненный путь человека, первым носившим официальный титул великого князя Киевского, — Игоря (Ингвара, Ингора) Рюриковича Старого. Летописи сообщают, что он приходился сыном знаменитому новгородскому князю Рюрику, которого местные жители якобы «призвали к себе на княжение» вместе с братьями, Синеусом и Трувором, поскольку «земля их велика, а порядку в ней нет...». Более подробно о этом рассказывается в других статьях этой книги, так что нам остается только подчеркнуть, что Рюрик скорее всего являлся обыкновенным (правда, на редкость умным и оборотистым!) наемником, который сумел воспользоваться подходящей ситуацией и захватить власть в свои руки при очередном бунте. Собственно, именно Рюрику мы обязаны существованием Новгорода; как назывался Старый город, в котором началось правление варяга, сегодня неизвестно, однако Новгород до сих пор числится одним из самых древних городов Руси.

Иоакимовская летопись сообщает, что матерью Игоря (так его называли впоследствии сами русичи, а при появлении на свет мальчик получил варяжское имя Ингвар) являлась дочь «князя урманского» Ефанда, которой после рождения сына Рюрик дал в «вено» (в вечное пользование) город при море «с Ижарою» (т. е. с Ижорой). Первая загадка, связанная с личностью Игоря, связана уже с его рождением. Когда точно появился на свет человек, впоследствии ставший великим князем Киевским, неизвестно. Летописи датируют это событие по-разному, называя 861, 864, 865, 875 годы. «Повесть временных лет» утверждает, будто в 879 году, когда умирал Рюрик, Игорю было год-два от силы; по сей причине якобы варяг передал своего отпрыска, а с ним и княжение на руки своему родственнику (возможно — просто единомышленнику и соратнику) Олегу. А Новгородская летопись гласит, будто в 882 году, во время захвата Клева, Игорь уже был взрослым правителем, и было ему тогда лет 35–36.

Так кто же прав в данном вопросе? Может, стоит прислушаться к новгородскому хронисту? Ведь иначе получается, что отцу будущего князя в момент рождения наследника было 78 лет (Рюрик умер в 80-летнем возрасте, после 17 лет правления Новгородом). Могло ли такое быть? Как оказалось, вполне. Согласно упоминаниям некоторых исторических источников, наши далекие предки доживали до весьма

преклонных лет, не утрачивая здоровья, энергии и жизненной силы. Собственно, гибель им грозила только во время войн и усобиц, а уж никак не от болезней. Так что столь престарелые «молодые отцы» на Руси были отнюдь не редкостью. Причем такое положение дел существовало очень долго; еще в XVI–XVII веках в монастырских списках различных обителей значилось, что постриг принимали 80—120-летние старцы, которые еще на протяжении ряда лет благополучно трудились на благо избранного монастыря и помирать, извините, не думали... А 80—90-летние опытные воины отбирались в особые «старые дружины».

В общем, скорее всего, Рюрик и впрямь мог оставить малолетнего отпрыска на воспитание Олегу. О том, находился ли сам Вещий Олег в родстве с Рюриком, мы поговорим позже. А пока достаточно того, что миссию свою он выполнил и Рюриковича вырастил, обучив всему, что знал сам. Однако тут летописи подбрасывают нам новую загадку. Почему в той же «Повести временных лет», которая считается едва ли не основным источником сведений о заре Киевской Руси, говорится, будто Игорь был всего лишь... «подручным» великого русского князя Олега? Упоминание об этом помещено под 903 годом. А под 907 годом говорится, будто Олег, отправившись в поход на Царьград, оставил Игоря в Клеве как своего наместника. Новгородские же летописи утверждают, будто поход на Византию организовал не Олег, а именно Игорь. Что это? Свидетельство того, что Игорь вовсе не являлся лицом княжеской крови? Или речь должна идти об узурпации власти, когда законный наследник оказывается задвинутым на вторые роли правителем-регентом? Следует сказать, что такие трактовки были бы слишком простыми: жизнь славян в те далекие времена подчинялась совершенно иным, непонятным их потомкам законам...

Честно говоря, сомнений по поводу того, на самом ли деле Игорь приходился сыном Рюрику, хватает. Не раз высказывались предположения относительно того, что в XII веке летописец Нестор, создавая «Повесть временных лет» (кстати, и здесь нет уверенности в том, что она была написана в 1106 году; предполагают, что данный труд вообще должен датироваться XVII веком), стремился идеологически укрепить единство Русской земли, и потому создал легендарную родословную, в которой княживший в Новгороде Рюрик

стал «отцом» первого официального киевского князя. В любом случае, об Игоре Старом говорят как о родоначальнике киевских князей.

Во время упомянутого похода на Царьград сыну Рюрика могло быть лет 25–26, а сам Олег Вещий находился в расцвете сил и успел обрести громкую известность, причем не только в славянских землях. Это именно он сумел покорить многочисленные разрозненные племена, собрать их под свою руку, сплотить вокруг Клева, обложить данью (кстати, вполне посильной, потому и платили ее, не возмущаясь и не бунтуя). Это Олег сумел отвадить от своих новых данников их прежних «хозяев». Это именно Вещий Олег совершил знаменитые походы на Византию, заставил ее платить себе дань и прибил собственный щит на воротах Царьграда... Что же касается спора летописцев, то тут следует положиться на сведения киевских хронистов, поскольку их сообщения подтверждаются документами — договорами Руси с Византией. В них великим русским князем именуется не Игорь, а Олег. Так зачем же ему понадобился какой-то мальчишка?

Для ответа на этот вопрос нам придется вернуться в то время, когда Ингвар-Игорь был еще совсем маленьким. Предание говорит, что Аскольд и Дир, считающиеся последними представителями рода Киевичей, могли быть обыкновенными соратниками Рюрика. Они, мол, не были довольны своим положением и добились разрешения вместе со своим родом отправиться вниз по Днепру, к Царьграду. Однако по дороге варяги наткнулись на городок на горе. Местные жители рассказали пришельцам, что город этот построили три брата — Кий, Щек и Хорив, но потом они «перемерли», а их потомки теперь платят дань «козарам». Аскольд и Дир, собрав вокруг себя варягов, согласных остаться в данной местности (весьма богатой и красивой, кстати), взяли земли полян под свою руку и отвадили от них хазар. Следует сказать, что в те времена Клев был своего рода сборным пунктом варягов, разного рода искателей приключений, собиравшихся здесь для походов в Черное море.

Вскоре дружина новоиспеченных властителей полян пополнилась многочисленными недовольными Рюриком, бежавшими из Новгорода в Клев. Аскольд и Дир заставили считаться с собой и степных варваров, и соседей — воинственных древлян и угличей, и дунайских болгар, но расширением своих владений не занимались, стремясь

лишь удержать имеющиеся. К тому же удача быстро отвернулась от братьев: в 860 году при походе на Византию они потерпели поражение; в 872 году поход на волжских болгар тоже закончился плачевно, причем среди убитых оказался и сын Аскольда; установить контроль над Полоцком не удалось; поход на Византию в 874–875 годах снова не удался — согласно древнему сказанию, русские лодки разбила и разметала буря, так что не многие участники похода смогли вернуться назад. По этому поводу византийские хроники утверждают, будто таким-то образом за Царьград заступилась сама Богородица... Как бы там ни было, Аскольд вскоре принял крещение (когда, где и по какому канону — тоже загадка!) под именем Николая, с ним вместе крестилась и часть дружины. В скором времени примеру своего князя последовали некоторые киевляне.

Рюрик, перейдя из Ладоги в Новгород, сделал значительный шаг вперед на юг по восточному пути «из варяг в греки». Его преемник, Олег, продвинулся значительно дальше, добравшись до конца этой дороги. Три года просидев в Новгороде и укрепив свою власть, он двинулся по водному восточному пути с войском, в состав которого входили представители всех подвластных Олегу народов — варяги, чудь, ильменские славяне, мерь, весь, кривичи. Он хотел не просто обогатиться за счет очередного похода, а создать новое владение, скрепленное единством власти. Утвердившись в Смоленске, Олег пошел вниз по Днепру, взял Любеч и наконец достиг Клева. Здесь глава дружины пошел на хитрость: большая часть лодок с воинами осталась позади, остальных ратных людей, приплывших с ним к городу, варяг спрятал в лодках, сам же Олег переоделся купцом и отправил к Аскольду и Диру человека с сообщением: мол, земляки братьев, купцы, направляющиеся в Грецию «от Олега и княжича Игоря», хотят повидаться с правителями Клева. Аскольд и Дир этому поверили и на берег явились. Правителей Клева в мгновение ока окружили ратники. Олег заявил, что они — «не князья, не роду княжеского, а я роду княжеского». Затем, указав на маленького ребенка, которого кто-то вынес на берег, прибавил: «Вот сын Рюриков». Аскольд и Дир были убиты, Олег же, считая право рода Рюрика на «стол» Клева вполне доказанным, завладел городом, осел в нем и перенес туда центр новой объединенной державы. Это

произошло в 882 году, и данная дата традиционно считается датой образования Древнерусского государства.

Интересно, что киевляне очень спокойно отнеслись к перевороту: по-видимому, купцы были очень недовольны неудачами правительства Аскольда и Дира, тем, что им не удалось ни проложить новый торговый путь в Византию, ни взять под контроль старый в Хазарию и Халифат. Кстати, в «Повести временных лет» сохранилось упоминание о том, что поход на Клев возглавляли два князя — Олег и Игорь; то, что Игорю на тот момент было только три-четыре года, дела не меняло: он был князем, так сказать, де-юре, а Олег — де-юре и де-факто.

Возможно, данное предание, свидетельствующее, будто убитые не являлись представителями княжеского рода, а были всего лишь членами рюриковой дружины, создано лишь с целью обосновать право Рюриковичей на Киевский престол. Хотя современные исследования говорят о том, что Аскольд и Дир, скорее всего, все же были потомками Кия. Так это или нет, но с того времени потомки ушлого варяга прочно утвердились в «матери городов русских». Олега привлекло не только богатство здешних земель, особенно впечатляющее по сравнению с севером. Клев находится там, где Днепр, приняв самые большие свои притоки — Припять и Десну, — поворачивает на восток, в степи, где жили кочевые народы. Именно здесь должна была утвердиться главная защита, главный оплот нового владения со стороны степей; здесь же, в начале степей, должно было располагаться и сборное место для русских лодок, отправлявшихся в Черное море. Таким образом, два конца великого водного пути — на севере со стороны Ладожского озера и на юге со стороны степей — соединились в одном владении.

Новый князь сразу же занялся строительством городов и острожков, стараясь утвердить свою власть в покоренных местах и, одновременно, создать действенную защиту от набегов степняков. Установив дань для северных племен, Олег начал подчинять себе племена славян, жившие к востоку и западу от Днепра. Проблемы у завоевателя возникли только с древлянами, но и им пришлось, скрепя сердце, платить установленную дань. Лишь углича сумели отстоять свою независимость от хозяина Клева. Затем, в 907 году, князь, успевший серьезно потрепать нервы хазарам, булгарам и другим

народам, жившим на тот момент в Подунавье, предпринял большой поход на Константинополь и натворил там таких дел, что византийцы поспешили откупиться от агрессивного варвара, пообещав выплачивать любую затребованную дань. (Тут стоит упомянуть, что Олег умудрился обойти византийские укрепления посуху, поставив свои суда на колеса.) Обе стороны заключили договор (весьма выгодный для Руси), и Олег вернулся в Клев. Его успех настолько удивил местных жителей, что они прозвали князя Вещим, то есть «кудесником», «волхвом».

В 912 году очередное посольство Олега, который успел сходить на север, в Новгород и Ладогу, после годичного отсутствия вернулся на родину, а уже осенью князь ушел из жизни. Смерть его является одной из самых интересных загадок древней истории. Во-первых, новгородская летопись утверждает, что это якобы произошло в 922 году — на десять лет позже, чем зафиксировано в той же «Повести временных лет». Во-вторых, не совсем ясно, где же случилось это трагическое событие. Так, говорится, что Олег расстался с жизнью в Ладого, там же и похоронен. Согласно другой версии, более поэтической, князь погиб в Клеве, «от коня своего», как и предупреждал его несколькими годами ранее волхв. Мол, Олег с того времени своего скакуна даже не видел, хотя приказал его холить и лелеять. Узнав же, что несчастный конь давно окошел, князь пришел посмотреть на его останки, обхаял волхва, поставив ногу на конский череп. Выползшая оттуда гадюка укусила Олега за ногу, тот заболел, умер и был похоронен на горе Щековица. Есть также иная трактовка этой легенды, согласно которой против князя был составлен заговор, и его просто убили сами волхвы, списав гибель Олега на укус гадюки. Ведь когда «укушенного» принесли с кургана во дворец, он едва дышал и, выговорив одно-единственное слово: «Змея!» — испустил дух. А вот пытался ли покойный перед уходом в мир иной объяснить, что же с ним случилось, или просто обругал убийц — тайна, покрытая мраком. А еще одна версия гласит, что неугомонный князь нашел свой конец... вообще в Швеции! Во всяком случае, легенда о смерти Олега имеет сюжетное сходство со скандинавской сагой: в ней конунг Одд умер от укуса змеи в Норвегии, куда возвратился после своих подвигов на Руси, которую скандинавы именовали Гардарики — Страной городов.

Оригинальная гипотеза о предшественнике Игоря была выдвинута исследователями на основании документов о хазарско-русско-византийских отношениях. В них говорится о том, как в начале X века в Новгороде появился некий скандинавский викинг Хельг с дружиной. Пробравшись на юг, он застал в Клеве чужеземного (венгерского) князя Дира, стал на сторону славянина Игоря и помог ему восстановиться на киевском княжении. Затем, закрепив союз с князем путем его женитьбы на собственной родственнице Ольге, Хельг захватил Тмутаракань, долго воевал с хазарами, сумел договориться с ними и вместе со вчерашним противником совершил второй поход на Византию — на этот раз неудачный. Мол, впоследствии его неоправданно приписали Игорю. С небольшими остатками дружины удержать Тмутаракань Хельг не сумел и потому подался в Персию, где и погиб. Обилие разногласий по поводу жизни и смерти создателя Древнерусского государства дало основание ученым утверждать, что на Руси в конце IX — начале X веков имелось два (если не больше) крупных полководца и государственных деятеля, носивших имя Олег.

Если верить жизнеописанию князя Олега Вещего, изложенному Нестором-летописцем, получается, что он и в самом деле приходился Рюрику близким родственником. О том же говорят иные древние летописи, называя этого человека то просто родственником основателя рода Рюриковичей, то его племянником, то шурином. Сохранились также упоминания об Олеге как о «князе урманском», а новгородская летопись указывает на него как на обычного воеводу князя Игоря Рюриковича. Однако дальнейшие сведения о жизни того же Игоря говорят в пользу его родства со своим воспитателем. Ведь только являясь последним старшим мужчиной в роде, Олег мог удерживать полученную от Рюрика власть до конца своей жизни. Опекун же малолетнего князя потерял бы все права, как только его воспитанник вырос. Но дружина и горожане ничего не имели против власти Олега, зарекомендовавшего себя хорошим политиком и строителем сильной державы, ни разу не подвергали его права на престол сомнению. А такое могло быть в одном случае: князь, как старший представитель рода после Рюрика, на законных основаниях занял его место и мог владеть им на протяжении всей жизни. Игорю же, который также не

оспаривал права своего воспитателя, оставалось ждать смерти родственника, чтобы самому получить власть.

По утверждению летописца, это и случилось в 912 году, спустя 33 года после того, как Олег принял из рук умиравшего Рюрика его кроху-сына. Согласно летописям, Игорь княжил тот же срок — 33 года. Было ли это случайным совпадением, или составитель летописи просто «округлил» даты, неизвестно. Судя по всему, к моменту смерти Олега сыну Рюрика было около 35 лет. Девятью годами ранее новый князь Клева обзавелся семьей: в 903 году Олег женил воспитанника на девушке из Пскова, которая вошла в историю как великая княгиня Ольга. Игорь не протестовал против выбора воспитателя, и тот, отправляясь в походы, стал оставлять «остепенившегося» молодого человека своим наместником.

Что же касается личности супруги Игоря Старого, то тут среди историков нет единого мнения. Даже имя, данное ей при рождении, затерялось в веках. Имеются основания считать ее, как было сказано выше, родственницей Олега, скандинавкой по происхождению. Русские летописи утверждают, будто Ольгу, девушку редкой красоты, привезли в Клев из Плескова (нынешнего Пскова), уроженкой которого она и являлась. В житии княгини говорится, что она была «простого варяжского роду» и жила близ Пскова, в Выбутской веси. Мол, княжич, часто наведывавшийся в те края для охоты, познакомился с местной красавицей, оказавшейся к тому же на редкость умной и скромной девицей. Так что когда опекун намекнул княжичу, что тому стоило бы подумать о женитьбе, проблема выбора перед Игорем даже не стояла. Поскольку в те времена князьям не возбранялось искать себе жену даже среди самого низкого сословия (красота в данном случае, как ни странно, ценилась значительно больше высокого происхождения), Олег возражать не стал, и привез девицу в Клев. Опекун Рюриковича и сам, похоже, был очарован избранницей воспитанника. Та же, быстро оценив ситуацию, приняла имя Ольга — в честь самого Олега и в знак его расположения к себе. Что и говорить, великая княгиня действительно оказалась мудрой...

Олег оставил своему воспитаннику новую великую страну, раскинувшуюся на 1500 км от Ладоги до Переяславля и на 1000 км от Полоцка до Ростова. В это государство входили не только славянские племена. Дань Руси исправно платили чудь, меря, весь, мурома,

черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы. Древнерусское государство возникло как партнер Византии и таковым оставалось вплоть до 1204 года, когда Византия погибла под ударами крестоносцев.

Следует сказать, что в историю Игорь Старый вошел как счастливый муж и очень неудачный правитель. Успехи политики предшественника побудили его собрать дружину и попытаться продвинуться еще дальше на юго-восток, чтобы проложить торговые пути не только по Днепру в Византию, но и по Волге и Каспийскому морю в Иран и Арабский халифат. Последний путь контролировался Хазарским каганатом, столица которого, Итиль, располагалась в низовьях Волги. Но воевать с хазарами Игорь не стал, сумев договориться с главой каганата. Русичи выговорили себе возможность беспрепятственно проходить по Волге, получать необходимое продовольствие, осуществлять ремонт судов, нанимать лоцманов. За это хазары должны были получать долю в добыче. В 913 году 500 судов из Клева пришли на Каспийское море. Однако тут грянула гроза: после успешных нападений русов на Баку и Ширван договор с хазарами оказался нарушен. После трехдневного сражения войско Игоря оказалось почти полностью истреблено мусульманской гвардией лариссиев.^[5] Таким образом хазары убили сразу двух зайцев: получили всю добычу вместо части и отбили у варягов охоту ходить на Каспий без специального приглашения.

На провал похода Великое княжество Киевское не преминуло сразу же ответить смутой. Первыми в 914 году восстали древляне, попытавшиеся вернуть свою независимость. Но воевода Свенельд, которому отводилась роль главы правительства Игоря, быстро поставил точку на древлянских притязаниях, жестоко подавив смуту. Позже Свенельду пришлось «вразумлять» несогласных с политикой руссов угличей: столицу непокорного племени киевские ратники осадили три года! В 940 году угличи все-таки покорились Клеву, и на них была наложена дань.

Вообще, с уходом Олега Древнерусская держава затрещала по швам. Дело в том, что в Клеве верх взяла партия, которую правильнее всего было бы назвать «партией оседлых разбойников». Эти люди рассматривали власть как средство узаконенного разбоя — и не более того. Заботы о благе страны и ее народа никто не хотел вваливать на

свои плечи, поэтому недавно покоренные племена начали спешно вспоминать, что раньше они неплохо жили и без Клева. Радимичи и северяне предпочли снова платить дань хазарам, угличи и тиверцы ушли под власть болгар, бросив свои земли; на этом месте вскоре принялись всю хозяйничать кочевники-печенеги, навсегда поставив крест на притязаниях Киевского княжества контролировать черноморское побережье.

Тем временем на свет Божий снова было извлечено основное правило варяжских походов: ограбь и уйди. В 941 году русы высадились на побережье Малой Азии и разграбили окрестности Константинополя. Поход этот, судя по всему, Игорь предпринял потому, что византийцы перестали выплачивать Руси дань, наложенную на них Олегом Вещим. Но подданные василевса сбросили десант в море, а затем сожгли корабли нападавших «греческим огнем» — смесью неизвестного состава на основе нефти. При этом следует сказать, что флот Византии в этот момент находился на Востоке, так что против ратников Игоря были брошены... несколько старых, едва державшихся на воде торговых судов. Победа греков оказалась настолько полной, что в следующем поколении император ромеев использовал ее для увещевания сына Игоря, Святослава: «Отец твой... презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 000 судов, а к Киммерийскому Боспору^[6] прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды».

В 941–944 годах русы предприняли ряд не слишком удачных походов в Крым. По новым условиям мира с Византией (уже не столь выгодным для Древнерусской державы, как договор, составленный при участии Олега Вещего), в 944 году Клев должен был начать обеспечивать выдачу подорожных (!!!) всем, кто собирался в Константинополь торговать или наниматься там в армию. Такой поворот событий устраивал далеко не всех. Власти быстро нашли управу на особо буйные головы, начав ссылать несогласных в Тмутаракань, которая быстро превратилась в некий аналог Запорожской Сечи. Власть в этом городе взял еще один Хельг-Олег, согласно летописи, человек княжеской крови. Его новые подданные с воодушевлением грабили находившийся по соседству Самкрец, населенный греками и пребывавший в подчинении у хазар. Так что

кагану пришлось довольно долго воевать с неприятным «соседом», вынудив Олега в конце концов убраться прочь из Тмутаракани.

Все эти авантюры резко изменили настроение византийских верхов, заставив их уразуметь, что русы — это народ, с которым выгодно торговать, но против которого следует принимать меры безопасности. Исходя из этого, византийский император всерьез озаботился налаживанием связей с половцами, надеясь, что те, побуждаемые щедрыми дарами, изрядно попортят кровь как Игоревым подданным, так и туркам, тем самым заставив упомянутые державы забыть о Византии.

В 944 году (историки полагают, что речь должна идти о 942–943 годах) киевский правитель наконец начал проявлять признаки вменяемости: нанял новые отряды варягов с севера, провел мобилизацию среди славянских племен, заключил военный союз с печенегами (ранее Игорь заключал с ними мир дважды — в 915 и 920 годах). Затем объединенная армия двинулась морем и сушей на Константинополь. Но эффект неожиданности не удался: о походе русов сообщили херсониты и болгары. В итоге на Дунае армию Игоря встретили послы греков, которые предложили отступного. Собравшаяся на совет дружина приняла этот «бескорыстный дар» и возвратилась в Клев. А половцы, рвущиеся в драку, были потихоньку натравлены Игорем на болгар.

Интересно, что историки полагают, будто данный поход на Византию был вовсе не войной, а... полномасштабной ее имитацией, направленной на восстановление торговых отношений с греками. Возглавлял войско даже не сам князь, которому после авантюры 941 года киевляне уже не особо доверяли, а его воевода Свенельд (данный пост этот человек занимал в дальнейшем как при Ольге, так и при ее сыне Святославе). Армия отправилась «на завоевание» по земле, а сопровождавший ее флот только выдавался за боевой. На самом деле, сотни судов везли... четырехлетние торговые запасы! Так что руководителям сей авантюры в обязанность вменялось отнюдь не разорение Константинополя, а обеспечение доступа на его рынки русских товаров. Именно по этой причине дружина с такой легкостью согласилась на ведение переговоров с противником. Ведь даже подарков, предложенных византийцами, на всех не хватило. Если бы Свенельд и его подручные пошли на заключение мира только ради

этих жалких крох, они бы откровенно опозорились, превратившись из уважаемых конунгов в банду трусов, недостойных уважения своего же брата-варяга. О том, что данный поход изначально задумывался Игорем и его окружением как откровенная «липа», говорит и тот факт, что настоящие рубаки — тмутараканские русы Хельга-Олега — в нем участия не принимали, предпочитая воевать на Каспии.

После возвращения русов в Клев начались интенсивные переговоры для заключения мира. Если верить Нестору-летописцу, то сначала послы византийского императора побывали у Игоря, проведя дополнительные консультации, а затем киевский князь направил в Византию своих людей для заключения окончательного договора. Случившееся далее напоминает самый настоящий исторический анекдот: согласно хроникам, русичи умудрились привести к присяге (!) самого василевса и его соправителей. Затем византийцы снова прибыли в Клев, пожелав в ответ привести к присяге Игоря и его бояр. Все формальные атрибуты договора свидетельствуют о дате его заключения и ратификации не позднее 16 декабря 944 года. Историки, которые выдвигали версию отстранения Игоря от власти после неудачи 941 года, вынуждены признать, что данное предположение в корне неверно. Даже если отстранение и имело место, то оно являлось фактическим, но при этом юридически Русь продолжала вести дипломатические сношения исключительно именем сына Рюрика (византийские дипломаты на иное предложение просто не согласились бы, усматривая в нем очередной подвох).

Дальше — сплошные загадки. И дело тут не в экономической стороне вопроса, по поводу чего исследователи спорят и по сей день. По договорам 907 и 911 годов Клев обещал оказывать Константинополю военную поддержку; это было вполне понятно и удивления не вызывало. А вот договор 944 года фиксирует нечто, для Византии почти немислимое. Она взяла на себя обязательства... военной помощи варварам! Но о какой помощи тут могла идти речь? Все военные силы Херсонеса исчерпывались несколькими сотнями солдат-граждан и одной-двумя сотнями имперских солдат в свите стратига, который присылался из Константинополя. Никаких других военных сил империя не посылала, да и просто не могла послать в Крым. Так что же получается: из этих сил Херсонес и должен был оказывать Игорю помощь?! Нонсенс, особенно если учесть один

интересный момент: киевский князь сам ежегодно направлял тысячи (!) своих ратников служить в Византию... Может, император обещал свою поддержку не великому князю, а одному из его «подручных» князей, например тому же Хельгу? Но зачем в этом случае потребовалось вносить этот, в общем-то частный, пункт в договор между государствами?

В 945 году, по свидетельству летописи (современные исследователи называют другую дату — около 944 года), Игорь Рюрикович Старый был убит восставшими древлянами. Произошло это во время сбора дани. Если называть вещи своими именами, князя сгубила обыкновенная жадность. Дружина неоднократно жаловалась Игорю, что ратники Свенельда живут в роскоши (видимо, взимая дани, ушлый воевода не обижал ни себя, ни своих воинов), а они едва ли не нищенствуют. Правда, поначалу выезжать из Клева Игорю не очень-то и хотелось: больше всего на свете он желал окончить жизнь в мире и покое. Но ратникам все же удалось подбить князя самого пойти в полюдье^[7] на древлян, чтобы поправить свои финансовые дела. Рюрикович, забыв, что умеренность является добродетелью власти, затребовал с древлян очень много. Они, хоть и нехотя, но дань выплатили. Однако, возвращаясь в Клев, Игорь вдруг решил отослать большую часть дружины, а сам с малым числом воинов вернулся назад. Князю пришла в голову «светлая» мысль о том, что неплохо было бы обобрать древлян вторично... Послы, которых сильно поредевшая дружина встретила на пути, понятно, возмутились, попытались воззвать к Игоревой совести, но тщетно. Тогда древляне постановили убить киевского правителя: «Если волк повадился в стадо, то он не успокоится, пока всех овец не перетаскает», — так мотивировали они свое решение.

Схватив приближавшегося к городу Игоря, подданные князя Мала привязали его к стволам двух пригнутых деревьев и разорвали надвое. Там же, близ Искоростеня (центра древлянской земли), захоронили останки князя.

После гибели Игоря во главе правительства стала его жена Ольга, на руках у которой остался двухлетний сын Святослав. Следует сказать, что эта женщина являлась личностью одиозной, характер имела весьма жесткий (если не сказать жестокий) и убийство мужа спускать с рук древлянам не собиралась. К тому же убийство главы

государства считалось тогда тягчайшим преступлением, не имевшим смягчающих обстоятельств и заслуживающим самой жестокой кары. При этом ни характер, ни поступки самой жертвы в расчет не принимались.

Древляне быстро поняли, какого сильного врага нажили, и попытались исправить ситуацию, отправив в Клев свое посольство во главе с князем Малом. Ольге было предложено... стать супругой убийцы Игоря. Но по приказу княгини древлян на их же ладье отнесли на княжий двор, где и зарыли заживо в заранее выкопанной яме. Тем временем Ольга отправила послов в Искоростень с известием, что брак состоится. Для создания своего почетного эскорта женщина затребовала в Клев самых влиятельных лиц древлянской земли. Приезжих, которых пригласили попариться в бане, сожгли в ней заживо. Но Ольга на том не успокоилась. Она поехала к Искоростеню, насыпала курган над могилой Игоря, справила положенную тризну и поминальный пир, на который пригласила древлян. Когда же 5000 горожан изрядно упились, киевская дружина перебила их. Затем мстительная княгиня осадила Искоростень, но, не сумев взять город, предложила выплатить ей дань: по три голубя и три воробья со двора. Впоследствии к каждой птице привязали по кусочку серы, подожгли ее и в сумерках выпустили несчастных пернатых. Город полыхнул, как сноп сухой соломы, со всех сторон. Бегущих древлян частично перебили, а частично обратили в рабство.

О том, что случилось с князем Игорем и как княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа, мы знаем из преданий и легенд. Но было ли это на самом деле? Как-то плохо вяжется такая жестокость с образом княгини-христианки, мудрой правительницы. Хотя кто знает? Ведь в древности на многие вещи люди смотрели иначе...

Так или иначе, но Ольга — отнюдь не регентша при малолетнем наследнике престола, а полноправная властительница как фактически, так и юридически, — восстановила порядок и удержала своих дружинников от внутренних и внешних авантур, провела административную реформу, направленную на внутреннюю консолидацию страны. Эта женщина, как старшая в роду, не являлась соперником Святослава; тому предстояло обрести полноту власти естественным путем, ввиду старости матери. Для укрепления

собственной державы супруга Игоря Рюриковича Старого, ставшая едва ли не более знаменитой, чем ее муж, решила прибегнуть к уже не раз опробованному соседними правителями и прекрасно оправдавшему себя средству — смене религии. И тогда вокруг великой киевской княгини Ольги стали сплачиваться представители христианской общины. Но это — уже совсем другая история...

Тайна «Слова о полку Игореве»

Уже более двух веков миру известен этот уникальный памятник древности, но до сих пор произведение неизвестного автора продолжает оставаться одной из наибольших загадок истории не только Украины, но и всего человечества. Наверное, ни у одного из литературного произведения в мире не было такой запутанной судьбы, которая больше напоминает детектив. Мы не знаем, кто был автором «Слова о полку Игореве», погибла ли рукопись в пламени знаменитого пожара в Москве или, может, была спасена. Следы древнего текста время от времени «всплывают» то в Европе, то в Америке, то в Сибири. И человечество каждый раз ждет новой встречи с героями седой древности, но...

Весть о грандиозной находке оказывается очередной дешевой сенсацией.

Современная иллюстрация к «Слову о полку Игореве»

Основой этого древнейшего памятника древнерусского писательства стали летописные события. «Слово о походе князя Игоря Святославича на половцев» («Слово о полку Игореве») является шедевром художественной литературы XII столетия. Считается, что оригинал текста до наших дней не сохранился (хотя утверждать это окончательно, скорее всего, все же не следует).

«Слово...» изучают уже в течение многих десятков лет, но специалисты до сих пор не могут похвалиться тем, что поняли и полностью охарактеризовали текст. Медлительность работы над памятником поясняется обстоятельствами, в которых «Слово...» появилось и исчезло, и спорностью тех форм, в которых оно дошло до нашего времени.

Современная история «Слова...», можно сказать, началась в 1791 году, когда обер-прокурором Святейшего Синода (фактически всемогущим начальником Всероссийской церкви) был назначен граф Алексей Мусин-Пушкин. Этот московский аристократ не отличался какими-то особыми способностями, но имел склонность к меценатству и проявлял большой интерес к новинкам литературы, науки и искусства. Кроме того, граф был известным коллекционером. Он не преминул воспользоваться своим новым положением и почти неограниченной властью. Через разных «комиссионеров» меценат начал прибирать к рукам памятники старины, в особенности книжной, которые раньше хранились при монастырях, церквях и кафедральных соборах. Дело в том, что для проведения такой широкомасштабной акции обер-прокурору лучших времен и желать не приходилось. В соответствии с реформами императрицы Екатерины значительное количество монастырей прекратило свое существование, а в тех, которые остались, сокращалось число монахов. Большинство подобных учреждений переводились на государственное содержание. Граф сразу сообразил: настал его час.

Среди поспешно приобретенных коллекционером памятников прошлого был большой фолиант. В собрании Мусина-Пушкина он значился под номером 323. Книга начиналась хронографом и потому в списке фигурировала под этим названием. Позднее граф рассказывал, что приобрел этот раритет вместе с другими книгами через своего «комиссионера» у архимандрита Иоиля, игумена Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Иоиль будто бы находился в затруднительном положении и потому продал «все свои русские книги», среди которых был и «хронограф № 323».

Однако никто, кроме Мусина-Пушкина, о «затруднительном положении» Иоиля понятия не имел. Ходили даже слухи, будто обер-прокурор всю эту историю просто придумал, чтобы те способы, которыми он собирал церковную старину, остались неизвестными при

дворе. А на самом деле рукопись он приобрел в псковском монастыре Святого Пантелеймона.

В настоящее время установлено, что Мусин-Пушкин начал интересоваться хронографом и еще тремя книгами из Спасо-Преображенского монастыря еще в 1787 году. Именно тогда он брал упомянутые сборники (они значились в монастырском реестре под № 286, 249, 274, 280) домой — «для ознакомления». Конечно, это не было криминалом: подобные вещи случались довольно часто. Вот только монастырские служащие весьма тщательно следили за тем, чтобы выданные на руки высокопоставленным лицам книги обязательно возвращались в обитель. Учет литературных памятников проводился скрупулезно, поскольку за обнаруженную пропажу платить приходилось монастырскому начальству. Так вот, обнаружилось, что Мусин-Пушкин нашел способ прибирать к рукам заинтересовавшие его вещи, не воруя сами сборники. По свидетельству современников, граф грешил тем, что попросту... вырывал из старинных томов понравившиеся ему страницы! Интересно, что при сопоставлении описей монастырской библиотеки разных лет обнаруживается любопытный факт: хронограф, в состав которого входило «Слово о полку Игореве», между 1787 и 1788 годами «похудел» на 20 страниц! Именно такой объем имели четыре повести (в том числе «Слово...»), особо заинтересовавшие коллекционера. Два других сборника уменьшились соответственно на 14 и 3 страницы. Лишь одна книга, представлявшая собой единый текст, а не собрание отдельных работ, вернулась к монахам в первоизданном виде.

При анализе библиотечных реестров оказалось, что надпись «отдан», стоявшая ранее напротив названия хронографа, тщательно затерта, а в описи 1788 года значится, что все четыре книги, с которыми «ознакамливался» Мусин-Пушкин... уничтожены! Но ведь Спасо-Ярославский монастырь в мае 1788 года был закрыт, а уже в феврале 1791-го бывший архимандрит Иоиль получил на руки свидетельство о сдаче им монастырского имущества работникам епархии; перед этим комиссия старательно проверила все, что ранее принадлежало ликвидированной обители. Так вот, сохранилось свидетельство, что все книги, в том числе под № 286, 249, 274, 280, значатся сохраненными и находящимися в епархии, а на Иоиле не «висит» никаких недостатков. Но в то время даже к архиепископам, не

говоря уже об архимандритах и игуменах, предъявлялись жесточайшие требования по сохранению движимого и недвижимого имущества. Выходит, в 1791 году все четыре тома благополучно наличествовали в монастырской библиотеке. Так откуда же взялась надпись «уничтожены»?!

Оказалось, все просто. В ноябре 1791 года, согласно указу о сборе исторических свидетельств о Руси, летописные книги были проверены, описаны и внесены в особый Реестр. Далее Мусин-Пушкин, занявший место обер-прокурора Святейшего синода, получил доступ к библиотеке. Приблизительно в 1792–1795 годах коллекционер изъял интересовавшие его тома, старательно удалил из описи 1787 года пометку о том, что он брал домой данные книги, а в реестре 1788 года указал, будто эти тома были уничтожены. Таким образом, вся ответственность за исчезновение древних памятников перекладывалась на монастырь. Но бывшие служители Спасо-Преображенской обители не пришли в восторг от идеи оборотистого графа. Кто-то из них (возможно, сам Иоиль), приписал рядом с пометкой об уничтожении: «З докладу Его преосвященства», переадресовав ответственность на архиепископа Арсения.

Но зачем Мусину-Пушкину потребовался тот же хронограф, если наиболее интересные произведения из него граф изъял раньше? Дело в том, что данный сборник, скомпилированный, скорее всего, Д. Туптало, сам по себе представлял значительную ценность, и потому обер-прокурор решил присвоить его, воспользовавшись подвернувшейся возможностью.

Так или иначе, Мусин-Пушкин утверждал, будто приобрел хронограф в 1795 году. Спустя два года он впервые сообщил о «Слове...», которое входило в сборник. Известие об удивительной находке появилось в гамбургском журнале «8рес1алеиг <3и №>гс1» в октябре 1797 года. Едва текст был с горем пополам прочитан, с него специально для царицы сняли копию.

Интересно, что уже в первой копии исследователи обозначили конкретную дату похода, о котором идет речь, — 1103 год, когда в битве с русичами половцы потерпели поражение. Но при дальнейшем ознакомлении с текстом возникли сомнения по поводу правильности такой датировки. Ее заменили приблизительной («в начале XII века писано»), а Игоря Святославича спешно окрестили Игорем

Ольговичем. Мусин-Пушкин с такой трактовкой согласился, что внесло дополнительную путаницу в осмысление «Слова...». Так, в первом издании древнего повествования отмечено, что автор обращается... к Всеволоду Олеговичу, который умер в 1146 году.

Все эти недоразумения возникли из-за того, что в первых строках памятника (в оригинале он назывался коротко: «Слово о полку Игореве») прославляется доблесть князя Игоря, а это трудно связать с поражением 1185 года. Так что исследователям оставалось гадать, какой же из Игорей имелся в виду. Естественно, предпочтение отдавалось более известному Игорю Олеговичу, убитому киевлянами в 1147 году и позднее возведенному в ранг святых. Именно поэтому было решено, что речь идет о триумфальном походе 1103 года. Затем, уяснив ошибку, исследователи расширили заголовок, используя полную летописную форму — «Игоря сына Святославля внука Ольгова».

В Петербурге, где в то время жил Мусин-Пушкин, его находкой не очень заинтересовались. Скорее всего, это произошло из-за осторожного отношения к древнему тексту Шлецера, наиавторитетнейшего специалиста в области русской старины. Тогда граф подался в Москву, в сердцах отказавшись от должности обер-прокурора. В «старой» столице хронографу посчастливилось больше.

Директор московского архива министерства иностранных дел историк Малиновский сразу сделал себе копию «Слова...». Вместе со своим сотрудником, ученым Бантышем-Каменским, он приехал к Мусину-Пушкину, чтобы договориться с графом о немедленном опубликовании литературного памятника. Все проблемы, связанные с обработкой текста, Малиновский взял на себя.

В 1800 году вышло первое издание старинной книги. В нем была представлена копия оригинального текста и его перевод. Разъяснения подавались в заметках, а в коротком предисловии очень сжато рассматривалось содержание и описание рукописи. Удивительно, но публикация очень понравилась Шлецеру. Он поторопился публично отречься от своих недавних сомнений относительно древнего происхождения текста. Интересно, что при всей шумихе, поднятой вокруг «Слова», оригинал хронографа мало кто держал в руках.

Об этом вспомнили только в 1812 году, после того, как имение Мусина-Пушкина, находившееся на Разгуляе, сгорело вместе с

коллекцией рукописей и собраниями творений искусства. Сразу же появились подозрения относительно возможной фальсификации или более позднего происхождения «Слова...». Особенно стремился дискредитировать сановного коллекционера в глазах публики его основной конкурент — граф Румянцев. Он умело руководил слухами о фальсифицировании сгоревшего текста; его поддерживали некоторые ученые.

Скандалу не давало утихнуть выявление многочисленных подделок (одну из них за большие деньги купил сам Малиновский). Такие «списки» умудрялись делать даже на пергаменте. Приверженцы теории оригинальности «Слова...» старались противопоставить злым языкам авторитетные свидетельства людей, которые видели оригинал хронографа собственными глазами. Но тут обнаружилась странная вещь: с находкой Мусина-Пушкина никто из признанных знатоков старины не успел серьезно ознакомиться. Копий текста, кроме представленной в первом издании, не осталось (список, подготовленный специально для императрицы, нашли значительно позже). Итак, никто не мог сказать ничего определенного о том, когда же могла быть создана загадочная рукопись.

За реабилитацию «Слова...» серьезно взялся такой признанный специалист, как Калайдович. Но единственное, чего он смог добиться от Мусина-Пушкина, — это утверждения, что рукопись делалась «на гладкой бумаге», письмо было чистое, а «по письму и бумаге надо положить конец XIV или начало XV столетия». Однако Карамзин, собственными глазами видевший хронограф, на основании своих впечатлений утверждал: речь может идти разве что о конце XV столетия. Этой же мысли придерживался Малиновский, который работал с оригиналом текста. Существовали также версии относительно еще более позднего происхождения рукописи, в соответствии с которыми ее надо было датировать вообще XVII столетием.

Несмотря на все недоразумения, оригинальность находки Мусина-Пушкина все же была доказана. Первое слово в этом вопросе сказал Калайдович. Уже в 1818 году он нашел приписку, сделанную в «Апостоле» 1307 года. Неизвестный копиист процитировал в ней фразу из «Слова...», причем складывалось впечатление, будто эти слова имели в то время большое значение. Исследователя поддержал

профессор Московского университета Тимковский, сопоставивший тексты «Задонщины», где речь шла о большой битве на Дону с татарами в 1380 году, и «Слова...». Профессор считал, что «Задонщина», созданная в XIV столетии, является не чем иным, как обычной переработкой более древнего текста — находки Мусина-Пушкина. Кроме того, Тимковский указывал на стилистические сходства в таких литературных памятниках, как «Слово Адама ко Лазарю», «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». К делу отстаивания подлинности и древности спорного текста подключился также Карамзин, который доказал родственность стиля сгоревшей рукописи с Галичской летописью. После этого версия фальсифицирования хронографа была признана несостоятельной и больше не рассматривалась.

В настоящее время подавляющее число исследователей также не считают, что «Слово...» — подделка XVIII века. Объяснение звучит просто: у каждой мистификации должна быть цель. А в данном случае ее, по большому счету, просто нет. Как правило, сомнения относительно подлинности высказывают не лингвисты, а литературоведы и историки, которые не осознают количества и степени сложности правил, которые надо соблюсти, чтобы осуществить безупречную подделку. Академик Андрей Анатольевич Зализняк, выдающийся ученый-лингвист (его перу принадлежит много трудов в разных областях языкознания), наглядно продемонстрировал, с какими сложностями должен был бы столкнуться имитатор XVIII века, решивший подделать текст XII столетия, учитывая, что тот дошел до него в списке XV–XVI веков. Такому имитатору пришлось бы учесть сотни разнообразных моментов орфографического, морфологического и иного характера (включая, кстати, и ошибки, которыми обычно сопровождалось копирование древнего текста переписчиком) и при этом не упустить диалектные особенности, характерные для древних писцов, происходивших с русского северо-запада. А. Зализняк на конкретных примерах показал, что проделать такую работу один человек не мог физически. Академик привел ряд случаев отражения в «Слове...» языковых явлений, характерных для русского языка в XII–XIII веках и бесследно исчезнувших задолго до XVIII века, целый ряд других неоспоримых аргументов лингвистического характера, свидетельствующих о подлинности

текста. Вывод напрашивается однозначный: если бы «Слово...» было создано неким мистификатором XVIII века, то он должен был быть просто-таки гением науки. Ведь такой человек обязан был бы знать историческую фонетику, морфологию, синтаксис и лексикологию русского языка, историческую диалектологию, особенности орфографии русских рукописей разных веков, многочисленные памятники древнерусской литературы, а также современные русские, украинские и белорусские диалекты разных районов. Другими словами, этот мистификатор опередил весь остальной ученый мир, сотни талантливых филологов, которые все вместе потратили на собирание перечисленных знаний еще два века. Причем автор мнимой подделки трудился бы в эпоху, когда научное языкознание еще не родилось, когда огромным достижением была бы уже сама догадка о том, что языковая сторона литературной фальшивки требует серьезного труда.

Итак, «Слово...» явно не является подделкой. Однако историки и филологи находят все больше дефектов печатного текста древнего памятника, а также высказывают вполне оправданные сомнения относительно его традиции. Стало очевидным, что форма поэмы, которая дошла до нас, не могла отвечать оригинальной форме «Слова...», написанного в XII столетии.

Теперь исследователи столкнулись с новой проблемой. Как можно определить, что в печатной копии принадлежит самому автору рукописи, что — переписчикам сборника, а за что надо «благодарить» Мусина-Пушкина, Малиновского и всех тех, кто помогал обрабатывать древний хронограф? Ведь разбиралось написанное очень тяжело, а значит, ошибки были неизбежными!

Первый серьезный анализ поэмы был проведен в 1836–1837 годах М. Максимовичем. Среди других исследований заслуживает внимания большая монография Д. Дубенского, напечатанная в 1844 году. Но дефекты копии «Слова...» с течением времени становились все более заметными. Следующие авторы любыми путями старались внести ясность в понимание текста и ради этой благой цели перешли от мелких поправок к одиночным словам, а со временем — к более значительным исправлениям. Достаточно обоснованные теории реконструкции «Слова...» как произведения XII столетия были, конечно, интересными. Но только находка копии рукописи, сделанной

для царицы, дала основание для оценки редакционной работы Малиновского. Теперь можно было рассуждать относительно вида текста в хронографе. Тем не менее, работа, которая много лет велась в этом направлении, до сих пор не дала более или менее значительных результатов.

Итак, «Слово...» ныне известно в единственном старом списке, сделанном еще во времена Мусина-Пушкина. Согласно описанию, фолиант, названный «хронографом № 323», состоял из нескольких сотен страниц и был написан на бумаге несколькими авторами или копиистами. Кроме «Слова...», в него входили собственно летописная часть, «Сказание об Индии богатой», «Повесть о мудром Акире», «Деяние прежних времен...» и одна из версий «Девгениевого деяния». То есть все произведения представляли собой образцы светской, историко-героической и романтической литературы. К сожалению, никому в свое время не пришло в голову сделать копии других текстов, так что от них остался только перечень и несколько выписок, сделанных Карамзиным.

Тексты хронографа принадлежали к разряду редчайших. Например, после потери рукописи второй текст «Девгениевого деяния» нашли только в 1850-х годах. А вот копия «Слова...» так и осталась единственной. Да и вообще, сборник, который состоял только из светских произведений, для XII века был уникальным явлением. То, что рассказ о походе князя Игоря Святославича оказался в такой «компании», наводило на раздумья. Может, этот текст — книжного происхождения (т. е. писался автором для чтения)? Вот только что же лежало в основе «Слова...»? Была ли это оригинальная авторская запись? Или составитель сборника сделал обработку устного текста? А может, исследователи имеют дело с записанным песенным рассказом?

Похоже, что копия, использованная для издания 1800 года, ведет свое начало от черной рукописи (брульйона), написанной автором или посторонним лицом с его слов. На это указывают многочисленные приписки, заметки для памяти, поправки. Складывалось впечатление, что писатель колебался, не зная, куда же их вставить. Возможно, он сам не был уверен, какие части первоначального текста потребуются для работы, а какие станут лишними при дальнейшем редактировании. Удивляет также еще один момент. Четко ритмизированный текст местами прерывается прозаическими частями. Почему? Зачем они

нужны? Может, подобные вставки появились, когда пытались собрать воедино разные варианты старой песни? Тогда выходит, что древний копиист просто не смог или не успел привести к единой ритмической системе некоторые места? Это может объяснить существование прозаических «рубцов», — они, наверное, обозначают места, где «состыковывались» разные варианты. Хотя нельзя отбросить версию, в соответствии с которой прозаические отступления и приписки являются лишь следствиями изменения текста-основы более поздними переписчиками. К тому же некоторые исследователи считают, что данный текст выполнялся речитативом, наподобие старинных былин, так что ритм рассказа местами мог преднамеренно снижаться, переходя в прозаическую декламацию.

Считается, что «Слово о полку Игореве» было написано между 1185 и 1187 годами. Эти даты устанавливаются на основании самого текста. Так, в нем говорится о князе Владимире Глебовиче как о живом человеке, а в 1187 году, согласно сообщению летописцев, он умер. Вместе с тем, следует вспомнить, что Игорь Святославич убежал из плена в 1185 году. А значит, до его возвращения на родину «Слово...» появиться не могло. Вдобавок, в 1187 году из плена возвратился Владимир Игоревич с молодой женой и сыном, о чем упоминается в заключительной части «Слова...». Правда, в последнее время появились не менее достоверные версии, согласно которым уникальное произведение могло быть создано несколько позднее, в 1191–1198 годах. Поэтому достоверно установить, какая же датировка является правильной, на данный момент не представляется возможным.

Еще одна загадка — место рождения «Слова...». Единственное, что можно более-менее уверенно утверждать, так это то, что древний текст был написан на юге Руси. Точнее место создания шедевра не берется указать никто. Автор таинственного произведения тоже неизвестен. Во всяком случае, ни в самом тексте, ни в других древних исторических и литературных памятниках упоминание о нем не встречается. Одно очевидно: анонимный писатель обладал чрезвычайно широким мировоззрением, получил прекрасное образование, был человеком начитанным и хорошо разбирался как в литературе своего времени, так и в творениях прошлого. Довольно долго наиболее вероятной считалась версия известного археолога и

историка Б. Рыбакова, утверждавшего, что «Слово...» писалось в Клеве киевским боярином Петром Бориславичем, упоминавшимся в летописи. Однако параллельно с этим есть предположения, согласно которым «Слово...» мог создать не киевлянин, а черниговец, галичанин, новгородец.

Среди возможных авторов «Слова о полку Игореве» ученые называли галичского «премудрого книгочея» Тимофея, певца Митусу, игумена Клево-Печерского монастыря Поликарпа, Кузмища Клянина, анонимных летописцев Владимира Галицкого и Святослава Всеволодовича, игумена Выдубицкого монастыря Моисея, тысяцкого Рагуйла, певца Ходина, летописца Петра Бориславича, киевского князя Святослава Всеволодовича и даже самого князя Игоря. А некоторые исследователи, основываясь на наличии в тексте тюркизмов и полонизмов, вообще говорят о половецком либо польском происхождении автора «Слова...». Но точно установить имя человека, создавшего данный текст, не удалось до сих пор. Ряд интересных предположений по этому поводу сделал Д. Лихачев. Он был убежден, что автор текста принимал участие в походе и изложил его историю в летописи. Но такое утверждение тоже нельзя считать доказанным. Да, неизвестный писатель действительно очень зримо нарисовал картины похода и боя. Однако с не меньшим блеском он описал события более чем вековой давности, активным участником которых, понятное дело, вряд ли мог являться. Очень живо поданы в тексте сон князя Святослава, плач Ярославны. Так что же, анонимный автор в одно и то же время находился вместе с Игорем в половецкой степи, в Клеве со Святославом (да еще и в сон к нему заглядывал!) и в Путивле на городской стене. Просто «Слово...» написано человеком гениальным, чьи провидения порой кажутся реалистичнее любых документов и свидетельств очевидцев. Некоторые современные исследователи говорят, что таким человеком мог быть знаменитый епископ Кирилл Туровский.

Существует также довольно интересное предположение, будто автором «Слова» является... полоцкая княгиня Мария Васильковна, жена Святослава Всеволодовича. Тогда становится понятным, почему упомянутый князь в тексте столь сильно восхваляется, является идеальным героем. Подобное предположение объясняет наличие в поэме большого раздела, который описывает события, происходившие

в Полоцкой земле; полоцкая тема прямого отношения к главной теме «Слова...» не имеет, и ее присутствие в поэме как раз можно было бы списать на происхождение автора. К тому же Мария получила хорошее по тем временам образование. Ее родная тетка монахиня Евфросиния, одна из образованнейших женщин Древней Руси, сама писавшая книги и занимавшаяся переводами с греческого, открыла при полоцком монастыре школу для девочек и лично руководила обучением племянницы. Ко времени похода князя Игоря Мария, прожив в супружестве 42 года, успела объездить с мужем всю

Русь и прекрасно разбиралась во всех тонкостях отношений между князьями. По-видимому, эта удивительная женщина принимала участие в Киевском летописании, составив тексты с 1179 по 1194 годы.

Кроме многочисленных исторических и литературных признаков, свидетельствующих в пользу авторства женщины, исследователи обращают внимание на такие достоверные моменты, как наличие разнообразных тайнописей. Например, классическая «простая литорея», следы которой явно присутствуют в некоторых «темных» местах поэмы среди непереводаемых слов. Правда, подобрать ключ к ней пока не удалось. Надо сказать, что многие распространенные виды тайнописи в «Слове...» обнаружены не были, однако это можно утверждать лишь относительно последнего списка. О наличии тайнописи в промежуточных списках «Слова...» и первоначальном авторском тексте ничего определенного сказать нельзя. Если даже изначально в поэме какая-то тайнопись была, то при переписке она могла исчезнуть или существенно исказиться. Некоторые «темные» места «Слова...» (до сих пор не переведенные или удовлетворительно не объясненные отдельные слова и целые фразы), возможно, представляют собою непрочитанную тайнопись. Еще один интересный факт связан с акростихом (краестрочием) — еще одной древнерусской системой тайнописи. В зачине поэмы, там, где автор сопоставляет свою творческую манеру с манерой Бояна, исследователи сумели выделить краестрочную запись «Мария». Это же имя прочитывается еще в четырех местах поэмы. Кроме того, акростихом на странице 6 выполнена фраза: «Сие писа Мария». Но может, княгиня просто вплела свое имя в словесную ткань произведения, чтобы указать: именно она являлась переписчицей ветхого экземпляра? Однако в тексте снова отыскивается акростих: «Сие писа сестра Брячеслав ни

другаго Всеволода». Исследователи считают наличие стольких тайных упоминаний об одном человеке прямым доказательством того, что автором «Слова...» являлась все же полоцкая княгиня Мария Васильковна.

Политическая злободневность, высокохудожественная форма изложения обеспечили «Слову о полку Игореве» бессмертие в веках. Произведение сохраняло свою популярность среди современников, повлияло на дальнейшее развитие художественной литературы и стало одной из наиболее привлекательных тайн в наше время. Тайной, продолжающей дразнить воображение многочисленных исследователей. Загадкой, раскрыть все грани которой человечеству, увы, пока не под силу...

Тайна названия «Украина»

В конце 1980-х годов исследования, посвященные происхождению названия «Украина», приобрели новый характер. Во времена всплеска национального возрождения за подобные публикации, выступления и предположения их авторов уже не преследовали, обвиняя в национализме, как это было в советский период. Однако из-за огромного количества версий загадка происхождения слова «Украина» не имеет четкого и единственно правильного ответа. А значит — остается неразгаданной.

Изучая происхождение названия нашей страны, ученые до недавнего времени опирались исключительно на летописи, где это название упоминается. Так, в Киевской летописи, датированной 1187 годом, сообщается о смерти Переяславского князя Владимира Глебовича во время половецкого похода. Летописец отмечает: «О немъ же Украина много постана». («За ним Украина много тужила»). По одному из предположений, понятием «Украйна» здесь определена территория современной Полтавской области.

Через два года это название вновь появляется в летописи в качестве названия междуречья Днестра и Южного Буга. По тексту, князь Ростислав Берладничич выехал из Смоленска и приехал в Украину Галицкую: «Князь Ростислав приишов в галицьку Оукраину».

В 1213 году летописец в описании походов князя Даниила называет Украиной Холмщину и Полесье. Это название встречается в 1240 году в Татарской, а в 1280-м — в Галицко-Волынской летописи. Впоследствии это название прижилось, хотя в силу различных исторических и политических катаклизмов периодически исчезало из документов.

Известный исследователь Ю. Каныгин настаивает на том, что термин «Украина» возник, вероятнее всего, еще до нашей эры. В украинском историческом фольклоре это слово имеет еще одно значение — «воля (свобода)». В частности, уточняется, что слово это подразумевает некое живое существо, умеющее оплакивать собственную несвободу. И не столько бороться за волю, сколько

тужить по ней в неволе. Летописи отмечают, что Украина «стогне», «сумуе й оплакуе», «лементуе».

А вот в казацких песнях XV–XVIII веков слово «Украина» свидетельствует о наличии у героев высокой национальной сознательности. Казак-рыцарь считал свою родину не просто самым дорогим, что у него есть, но и своей семьей, во имя которой он живет и покой которой защищает. Некоторые исследователи считают, что «Украина» — это некий продукт географических и исторических обстоятельств украинской земли и народа. По их мнению, само слово «Украина» отличается от других названий (например, «Россия») своей мелодичностью. Она достигается благодаря удачному совмещению гласных и согласных звуков, а потому это слово часто употребляется в народных песнях. В фольклоре страну часто называют «рідною Україною» и ассоциируют с матерью. А вообще, Украина, как говорят некоторые исследователи, есть категория не только географическая и грамматическая, но и мифологическая.

Кстати, по мнению ряда филологов, называть Украину «Украиной» неправильно, поскольку название навязано нам нормами русского языка, который долгое время доминировал на украинских территориях. Иначе невозможно образовать производные слова «украинка», «украинец» и «украинский», а кроме того, произойдет нагромождение неблагозвучных согласных.

Вообще-то, споры о происхождении топонима «Украина» ведутся с переменным успехом. На сегодняшний день существует шесть различных его толкований:

- Далекая пограничная страна.
- Земля, которая находится далеко от Клева.
- Страна, лежащая на границах славянских стран и Европы.
- Земля хлеборобов и воинов, которая «украяна» плугом и мечом.
- Край, волость.
- Родина (как большая, так и малая).

На основе всего этого и много другого известный языковед, профессор Ярослав Рудницкий сделал вывод: «Ни на одном участке украинской науки не было столько аматорства, дилетантизма и своеволия». Ученые вообще признают исследования, касающиеся происхождения названия нашей страны, весьма поверхностными, так

как оно уходит корнями в глубокое доисторическое прошлое, которое на сегодняшний день очень мало изучено. Потому допускаются все возможные и даже невозможные версии о происхождении как слова «Украина», так и самих украинцев.

Например, часть украинцев, проживающих на этнических украинских землях, продолжают именовать себя русинами, считая это название первичным и истинно правильным для нашей страны. В свою очередь, нарекая в свое время Украину Малороссией, царь Петр апеллировал к греческой терминологии. Ведь, например, название «Греция» обозначает коренную, метропольную державу, при этом допускается существование в рамках одного государства Великой и Малой Греции, так же как Великой и Малой Армении, Великой и Малой Британии и так далее.

На протяжении многих веков украинцы именовались росами, русами, русичами. По признанию многих ученых, определять себя собственно «украинцами» наши далекие предки не особо стремились. Дело в том, что, как считают исследователи топонимов, в этом названии прячется что-то загадочное, таинственное, магическое. Тайну названия «Украина» в разное время пытались раскрыть или хотя бы описать разные деятели науки. Среди них был видный российский ученый Михаил Надеждин. В своей работе «Опыт исторической географии русского мира», опубликованной в петербургском журнале «Библиотека для чтения» в 1837 году, он писал: «Три Украины (Украины), сберегшие до сего времени свои названия, Днепропетровская (земля украинских казаков), Дунайская (земля древних карнов) и Полабская (Эльбская — земля древних укров) — должны считаться исконными краями венедо-славянского мира, которые составили один из трех первых пластов европейского народонаселения».

Исследователь считал, что Украина имеет к этим вроде бы различным топонимам самое прямое отношение.

«Карн» можно читать как «крайн», а укры — народ, проживающий в Уккермаке (так немцы именовали обширный озерный регион в Восточной Германии). Получается, что именно украинцы заселили территорию современной Европы еще в дохристианские времена. Именно украинцы дали начало всем славянским нациям, вообще — большинство народов Европы в глубокой древности были

славянами. А поскольку славяне произошли от украинцев, то получается, что Украина некогда дала начало Европе.

Конечно, помимо этой версии происхождения названия «Украина» есть и другие. В 1877 году в Одессе вышла книга «Зарницы Руси за скифским горизонтом начала ее розысканий», автор которой, некто Андрей Великанов, убежден, что украинцы берут начало от иранских скифов. А само название «Украина», по его мнению, происходит от того же корня, что и санскритское слово «укхраіа», то есть «холм», «зеленый бугор» в буквальном смысле, а в переносном — «рубеж, охраняемый сторожевыми курганами». Чтобы было более понятно: Украина испокон веков считалась территорией, которая охраняла Европу от нашествия азиатов. Трактовка достаточно вольная, но суть ее от этого не меняется.

За разгадку тайны названия «Украина» несколько раз брался Михаил Грушевский. Он остановился на определении Украины как «окраины», в значении — «пограничный край». Это мнение было принято многими украинскими историками того. Кстати, советским ученым подобное определение тоже пришлось по душе. Кое-кто из них даже развил тезисы Грушевского по своему усмотрению. К примеру, некто Алексей Трубачев доказал: название антов, которых считали предками украинцев, связано с древнеиндийским словом «anta» — «конец», «край», «окраина», «юго-восток славянства», который позже стали называть Украиной. Отсюда возникает новая загадка: окраиной какого такого загадочного «юго-восточного славянского края» была Украина?

Ответ на этот вопрос никто не искал. Большинство сходилось на мнении, что это либо Россия, либо Польша. При этом почему-то не принималось во внимание то обстоятельство, что Украина в летописных списках упоминается намного раньше, чем эти государства. Против такой версии боролся профессор Украинского Вольного университета Сергей Шелухин. В 1936 году в Праге была издана, а в 1992 году в Дрогобыче переиздана его книга «Україна — назва нашої землі з найдавніших часів», в которой автор подверг резкой критике тезисы Грушевского и его последователей. В частности, в летописях рядом с формой «Украина» употребляется также «Вкраина», которая никак не может соответствовать значению «окраина». По мнению Шелухина, термином «Украина» обозначалась

земля, «украша (вкрайна) нашими предками силою меча. Звідси й помовка: „У нас Україна — треба самому хліба укрятити“». Он считает, что название «Украина» происходит с тех времен, когда славяне, расселяясь по территориям, должны были мечом «отрезать», «открывать» себе землю и оказывать захватчикам вооруженное сопротивление. Получается, это название имело изначально соборное значение и объединяло все славянские племена. Потому, кроме племенных, они имели единое обобщающее название — «украиняне», что соответствует теперешнему «украинцы». Это название потеснило неславянское Русь, и происходил данный процесс вытеснения более 400 лет.

Однако и такое утверждение современными исследователями считается не совсем верным. Новейшие изыскания показывают: название «Украина» не славянское, а дославянское, потому имеет другое значение. Тайна названия сокрыта в «Повести временных лет», где всплывает загадочное название «уктрияне», и в «Слове о полку Игореве»: там упоминается некая таинственная Троянь.

По мнению исследователей «Слова...», изучающих текст уже более двух столетий, в трактовке названия «Троянь» есть несколько вариантов. Первый: так именуется княжеский триумvirат основателей Клева, братьев Кия, Щека и Хорива. Второй: прослеживается прямая аналогия с гомеровской Троей в земле тюрков, которая сегодня превратилось в городок Трояны и находится неподалеку от Бердянска. Третий: автор поэмы имеет в виду таинственный город Тмутаракань, который основал троистый союз полян, древлян и русов. И наконец, четвертый: Троянь — это языческое божество.

Но наиболее популярное сегодня утверждение звучит следующим образом. В поэме имеется в виду государство Троянь, возникшее в доисторические времена на территории современной Украины. Эту державу населяли ории (арии), и отсюда они расселились по Индоевропе. Со временем белокожие арии растворились в море покоренных племен, передав им свои обычаи, верования, социальное обустройство и, главное, свои символы: сине-желтые цвета, обозначающие землю и воду, и тризуб — символ днепровской прародины.

Получается, «Слово о полку Игореве» тоже скрывает в себе некий таинственный код к пониманию того, кто же украинцы на самом деле.

Если допустить, что люди, населяющие Индию — темнокожие арии (тем более что синежелтые цвета у индусов в чести), а верят они в Будду, то напрашивается вполне логичный вывод: Украина — прародина буддизма. А значит, в названии нашей страны заложено что-то буддийское. Развивая тему, следует напомнить, что один из трех главных индуистских божеств Шива чаще всего изображается с трезубцем в руке. Потому и называется этот бог Шулапани, что значит «Тот, кто держит тризуб». На голове бога Вишну — высокая корона с изображением тризуба. Данный символ принадлежит к атрибутике и других богов. Среди них — хеттский бог Тешуба, ассирийский Булла, греческие боги Зевс и Посейдон, римские Нептун и Прозерпина. На монетах новой эры были изображены по одному, а то и по два тризубца на высоких подставках.

Священный знак ариев имел непосредственное отношение к упомянутому выше названию Троянь. Не говоря о том, что на территории нынешней Украины много населенных пунктов, в названиях которых встречается этот корень (Трояновка, Трояновое и т. д.), а фамилия Троян встречается довольно часто, главное значение этого слова — три существа или три предмета, объединенные между собой. Или же предмет, составленный из трех отдельных частей, симметрично расположенных на общей основе. Выходит, «Троянь» и «тризуб» — фактически одно и то же.

События, описанные в «Слове о полку Игореве», свидетельствуют, что седьмой век Трояни соответствует XI веку до н. э. Таким образом, возникла Троянь примерно в начале V тысячелетия до н. э. Именно тогда начала формироваться культура, которую сегодня называют Трипольской (опять это загадочное и символическое сочетание «три»!). Как раз с тех времен, от так называемого «сотворения мира», начинается отсчет староукраинского календаря, которым пользовались древние славянские летописцы.

Подытоживая все сказанное выше, можно сделать вывод, что Троянь — праматерь Украины, основанная в послеледниковый климатический период, когда началось потепление. Как только оно сменилось похолоданием, арии снялись с насиженных мест и отправились заселять территории на юго-восток до самого Индийского океана. А во время миграции они разнесли по Евразии название своей приднепровской родины.

На этом сюрпризы не кончаются. Оказывается, древнегреческие троянцы — прямые потомки ариев из Трояни. По аналогии, автор «Илиады» и «Одиссеи» Гомер вполне мог быть давним предком украинских кобзарей, а греческий герой Ахилл — прародителем запорожских казаков.

По мнению некоторых исследователей, в доисторические времена «пра-Украина» напоминала огромный гейзер, который периодически выплескивал свои воды, потоками растекающиеся по всему миру и давая жизни многим народам. Английский археолог Леонард Вулли утверждал: шумеры, создавшие небывало высокую культуру в Месопотамии, пришли туда с территории современной Украины. Оттуда же, по утверждению французского археолога Буля, пришли в Западную Европу арийская раса и культура.

Итак, с происхождением и влиянием украинцев на развитие мировой цивилизации более или менее ясно. Теперь пришла пора узнать, почему, собственно, украинцы называются украинцами. Возможно, ответ на этот вопрос даст «Повесть временных лет».

Этот летописный памятник не дошел до нас в первоизданном виде. Сохранились только переписанные позднее списки, самыми древними из которых считаются Лаврентьевский и Ипатьевский. Каждый переписчик вносил в текст свои правки. Потому и «стерлось» название «уктрияне». Этого названия, как оказалось, не понимали переводчики на современный украинский язык.

Из сказанного выше любой может решить предложенный ребус: слово «уктрияне» состоит из двух слогов — «ук» и «трияне». Мы уже знаем, кто такие трияне, или же трояне. По сути — мы с вами. Остается узнать, что же это за загадочное слово «ук». Кстати, в тексте «Повести временных лет» уктрияне названы также врахманами. Или же брахманами — словом, знакомым, пожалуй, любому образованному человеку.

Когда в период резкого похолодания арии снялись с насиженных мест, то есть оставили Троянь и двинулись на юго-восток, каждое племя выбрало себе отдельный маршрут. Одно из племен называлось «инды». Перед этим инды жили в Приазовье, о чем свидетельствуют результаты современных археологических раскопок. В середине II тысячелетия до н. э. они проникли в Юго-Восточную Азию и одной из

больших рек, встреченных на своем пути, дали название Инд. Так возникло название «Индия».

Эту тему по-своему развивают исследователи, которые пропагандируют толкование термина «Украина» с помощью упомянутых полумифических «укров» или «укранов». Якобы некое племя полабских славян, которое обитало на прилегающей к Балтийскому морю территории южной Германии (с VII по XI в.), именовало себя племенем «укранов». Отсюда путем каких-то головокружительных этимологических мудрствований исследователи приходят к выводу: основное значение названия «Украина» — это «земля побратимов».

О полумифических полабских «укранах» впервые заговорил российский журналист Надеждин в 1837 году. Он считал, что древние предки славян, некие венеды, расселились от Карпат во всех направлениях. А укры-славяне отправились в Брандербургию. Поклонники этой версии почему-то считают, что именно эти самые укры дали название стране — Украина. Однако стоит подчеркнуть, что за этим фантастическим допущением журналиста может таиться известная гипотеза Погодина-Соболевского об украинцах как пришельцев с Карпат на берега Днепра. Эти самые укры (читай — украинцы) заняли место на земле, которое исконно принадлежало... россиянам, но по различным причинам временно опустело.

И наконец, совсем уже фантастическая версия: «уктрияне» — это значит «уки», то есть ученые трияне. Трияне — одно из названий брахманов, наиболее образованной и влиятельной части троянского общества. С течением времени название «уктрияне» приобрело еще больший вес и престиж, распространилось на все слои Троянов и, пройдя несколько стадий, приобрело нынешнюю форму «украинцы».

Этническое имя этих самых «карпатских пришельцев» отобразилось во многих географических объектах, в том числе таких больших, как горный массив Хиндукуш и историческая область Индостан, расположенная в бассейне священной реки Ганг. На территории современной Индии был распространен древний язык хинди. А основной язык индусов — санскрит — был занесен в Юго-Восточную Азию древними ариями. На нем написаны основные священные песни и жертвенные формулы, торжественные гимны и магические заклинания, которые используют жрецы-брахманы во

время ритуальных жертвоприношений. Этим ритуалом широко пользовались как арии, так и их прямые потомки скифы.

Из брахманов формировалась интеллигенция. Они становились советниками царей и князей, влияли на их деятельность. Только брахманы владели священными знаниями. Только они имели право учить остальных. Брахманы были хранителями древних традиций и умели соблюдать все положенные ритуалы.

Из этого делается вывод, что уки — это брахманы, то есть умные, образованные люди.

Таким образом, теперь становится чуть более ясно, почему мудрые индуистские брахманы — еще одни прямые потомки ариев, которые являются прародителями современных украинцев. А санскрит и хинди, языки общения брахманов, имеют украинские корни и при желании санскрит вполне можно выдать за некий древнеукраинский язык. Наконец, брахманы, если это предположение потешит чье-то самолюбие, являются прародителями... прогрессивной украинской интеллигенции.

А вот — очередное предположение. На этот раз — выдвинутое некоторыми российскими исследователями. По их мнению, авторство названия «украинцы» принадлежит двум польским графам: Чацкому и Потоцкому.

Не менее популярна в России другая версия. Название «Украина» следует определять относительно ее территориального расположения к российской территории. Как вы понимаете, находится она на окраине, следовательно «Украина» нужно читать и понимать как «окраина».

Но украинские ученые, независимо от «школ» и мировоззрения, в этом вопросе единодушны. Понятие «Украина» было сформулировано еще в XII веке, когда России ни как государства, ни даже как этнопонима не существовало. Украина сначала переяславская, потом — подольская образовалась на краю Великой Степи. Поэтому название означает «внутренняя земля», то есть та, которая населена своим народом.

Наконец, американский исследователь Норманн Дейвис на эту тему пишет так: «Украина — земля, по которой большинство европейских народов пришли на свою конечную родину. В древние времена она была известна под названием Скифии или Сарматии — по названиям тех народов, которые господствовали в причерноморских

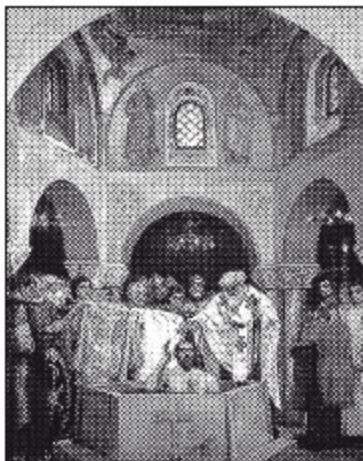
степях задолго до прихода славян. Украина занимает наибольшую часть южной зоны Европейской равнины — от волжской переправы до карпатских ущелий. По ней проходит головной судовой путь от Азии до Европы».

В принципе, эти утверждения не так уж далеки от той истины, которую все, кто изучает этот непростой вопрос, пытаются отыскать. Можно сойтись на том, что название «Украина» имеет два основных значения, которые, по большому счету, дополняют друг друга. Первое — это неоспоримый факт, что территория, на которой мы с вами живем, в равной мере граничит с Европой, Россией и Белоруссией. Значит, утверждение о том, что Украина — это пограничная территория, вполне может соответствовать действительности. Второе — утверждение о том, что мы здесь живем на своей земле, которую считаем родиной и никому отдавать не собираемся. Вообще-то, такое определение можно применить к подавляющему большинству государств на карте мира. Но если уж нам очень хочется искать в названии свидетельство своей избранности, особенности и неповторимости, то, значит, в Украине этот процесс будет длиться вечно.

И загадка названия страны так и останется до конца не разгаданной...

Крещение Руси: тысячелетний детектив

Крещение Руси — это крупная проблема, до сих пор остающаяся актуальной в исторической науке. Трудность ее решения заключается в том, что уже в древности существовали и боролись между собой различные версии этого события. Но, как ни странно, все мы знакомы только с одной, официальной точкой зрения. Как все мы привыкли считать, Крещение Руси состоялось по воле князя Владимира, по византийскому обряду. Именно по этому обряду приняла крещение бабушка Владимира, княгиня Ольга. Причем крестил ее лично император Константин. Но так ли это было на самом деле?

В. Васнецов.

Крещение Владимира

Давайте посмотрим, что же предлагают нашему вниманию оппоненты официальной теории. Помимо Византии, в качестве источника древнерусского христианства с давних пор называли Болгарию, Моравию, Рим, Хазарию, ирландских миссионеров, варягов. Несмотря на разнообразие вариантов, считалось, что христианство пришло в Киевскую Русь из какого-то одного источника. Высказывали версии о том, что по каким-то политическим соображениям Владимир проводил несколько разных обрядов крещения. Дело осложняется еще и тем, что и в Западной Европе, и на Востоке существовало множество различных толкований христианского вероучения и, как следствие,

действовало множество различных общин и церквей, различавшихся порой лишь отдельными нюансами. К тому же история древнерусского христианства была сильно искажена стараниями более поздних летописцев, выполнявших «заказ» официальной власти, и переписчиков книг, которые редактировали тексты в интересах современных им учений. Это порой приводило к путанице и грубым несостыковкам. Именно таким, каких немало в одном из основных документов, повествующих о крещении Руси, — «Повести временных лет».

Если верить историческим источникам, во второй половине X века, еще до крещения, Русь прославилась подвигами первых христианских подвижников: деятельностью княгини Ольги, мученической смертью двух варягов-христиан. Собственно, христиане на Руси появились еще во времена правления князя Игоря (этот факт был зафиксирован в тексте договора с греками). В то время уже имели в Киеве свою соборную церковь. Язычников по-прежнему было много, но когда дело доходило до принятия серьезных решений, все русы выступали единым фронтом, и никаких противоречий на религиозной почве среди них не существовало. По сути, все различия тут касались лишь того, что христиане приносили клятву именем своего Бога, а язычники клялись Перуном и своим оружием. Помимо прочего, сохранились документальные сведения о крещении россов при патриархе Фотии (около 876 г.), при Игнатии (умер в 879 г.). А часть подунайских рогов-русов из Ругиланда еще в V веке приняла христианство в форме арианства. Впоследствии эти племена оказались на территории будущей Великой Моравии, где христианство начало утверждаться с VIII века. Там же в 935 году принял крещение еще один представитель княжеского дома Руси — Олег Ольгович, сын Олега Вещего, который привел на родину большую группу моравских русов-христиан.

Видимо, именно они и стали первыми христианами, появившимися в Клеве; создать большую общину в столице Киевской Руси могли как раз только переселенцы, в 40-х годах X века попавшие в Приднепровье из Моравии. В пользу этого утверждения говорят обнаруженные археологами погребения по христианскому обряду. Проводились они по странному канону, в котором смешивались собственно христианский обряд и языческие традиции (у славян-

язычников практиковалось сожжение тел, а тут археологи столкнулись с захоронениями умерших, в которых присутствовали, однако, украшения, оружие, останки лошадей и иногда рабов). Аналоги таким погребениям ученым удалось обнаружить только на христианских кладбищах в Моравии. Киевские захоронения этого типа появляются как раз во время княжения Игоря.

Следующий шаг к изменению государственной религии был сделан в середине X века, когда княгиня Ольга крестилась в христианскую веру, приняв имя Елена. А вот на собственного сына, Святослава, Ольга повлиять не смогла в данном вопросе: если верить летописи Нестора, князь на протяжении всей своей жизни оставался убежденным язычником. Как, собственно, и внук Ольги Владимир Святославич. Владимир Великий, будущий креститель Руси, в первые годы своего правления четко придерживался линии собственного отца. Более того, он провел реформу русского язычества, сразу же после восхождения на княжеский престол установив на киевском холме, вблизи своего дворца, изображения шести самых влиятельных языческих богов — Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Впоследствии исследователи именовали данное капище, главным богом которого был объявлен Перун, «Пантеоном Владимира».

Честно говоря, такой ход князя был вполне объясним: оказавшись у руля державы, он пришел к необходимости создания единой системы верований и единой иерархии высших сил, которые отвечали бы прежде всего государственным интересам. Нельзя исключить также предположение, что таким образом Владимир надеялся противостоять постоянно усиливавшейся христианской общине.

Как убежденный язычник, свою позицию Владимир отстаивал очень жестко. Археологические исследования «Перунова холма» показали, что для основания шести идолов древние строители использовали обломки плит [8] и шифера. На обломках периодически обнаруживается штукатурка со следами фресковой росписи, очень похожей на живопись, которая применялась для украшения христианских церквей. находка археологов ясно говорит о том, что идолы устанавливались на остатках разрушенного христианского храма. Кто же разрушил святыню, остается

неизвестным, однако, судя по всему, сделать это могли только Святослав или же Владимир.

А это значит, что в Киевской Руси после смерти княгини Ольги начались самые настоящие гонения на христиан со стороны властей.

Более вероятным выглядит предположение о разрушении церкви именно по приказу князя Владимира. Ведь местная христианская община усилилась при Ярополке; христиане охотно поддерживали этого князя, против которого как раз и выступал будущий креститель Руси. Ярополк, будучи правителем «некрещеного» государства, весьма покровительствовал христианам: «Христианом даде волю велику», — гласит Иоакимовская летопись. Таким образом, есть все основания полагать, что в 80-е годы X века в Киеве уже не только многие варяги и бояре, но и отчасти простые горожане крестились и были христианами. Но в 978 году в Киеве произошел переворот, на некоторое время вернувший внутреннюю политику на круги своя: используя предательство воеводы Блуда, Владимир убил своего брата Ярополка и сумел воцариться в Киеве.

Сразу после переворота новый князь объявил себя ревностным язычником, что обеспечило ему поддержку исповедовавших язычество киевлян, вероятно недовольных прохристианской политикой Ярополка. Немудрено, что Владимир мог легко пойти на разрушение церквей. А использование обломков одного из храмов в качестве подножия для идолов приобретало в таком случае глубокий символический смысл. Владимир целенаправленно противопоставил христианству организованный и упорядоченный языческий культ, который, по мнению князя, должен был стать государственной религией и будущим Киевской Руси.

Как свидетельствуют летописные источники, до 988 года Владимир Святославич являлся истовым язычником. Так, существуют упоминания о том, что князь имел пятерых законных жен (полочанку Рогнеду, двоих чешек, «грекиню», вдову убитого Ярополка; последней супругой Владимира стала византийская царевна Анна), сотни наложниц. Законные жены подарили князю двенадцать сыновей и по меньшей мере девятерых дочерей. Именно при Владимире в Клеве впервые была предпринята попытка принесения богам человеческого жертвоприношения: в 983 году, в честь победы над ятвягами, старцы и бояре приняли решение «отблагодарить» языческих небожителей и

отобрать жертву с помощью жребия. Он выпал на варяга-христианина (не исключено, что жребий этот был подтасован). Отец жертвы пытался заступиться за своего сына, и в итоге возбужденная толпа разорвала их обоих. Об этом случае рассказывается в «Повести временных лет». Таким образом, и отец и сын варяги исторически являются первыми на Руси мучениками за христианскую веру: еще в XIII веке они почитались в Ростове как первые русские святые. Позднее они были канонизированы под именами Федора и Иоанна.

Трудно определенно сказать, что же все-таки заставило Владимира обуздать свой буйный нрав и принять Христову веру.

О том, как именно крестился Владимир и как он крестил свой народ, существовало много преданий. Наиболее вероятно, что над киевским князем, в сущности, обряд совершили если не тайно, то без особой помпы; утрированную же пышность этому действию, похоже, придали только летописцы, причем столетие спустя. По крайней мере, уже в начале XII века они не могли привести достоверных сведений о том, где именно произошло столь глобальное для государства событие. Наиболее популярное, хотя далеко не самое надежное предание гласит, что местом крещения Владимира являлся Херсонес (Корсунь). Кроме того, по другим данным, князь мог принять крещение в своей резиденции в Василеве (ныне город Васильков Киевской области). Такая версия не лишена оснований, поскольку своим названием данный городок был обязан как раз крещению князя, в ходе обряда получившего имя Василий. Проблема заключается в том, что большую долю информации о принятии Русью христианства нам приходится черпать в древнейшей из дошедших до нас летописей — «Повести временных лет», которая, во-первых, составлялась спустя почти 120 лет после означенного события, во-вторых, как мы уже отмечали, содержит множество противоречивых данных.

Итак, в соответствии со сведениями Нестора-летописца считается, что христианство византийского обряда официально было объявлено государственной религией Киевской Руси в 988 году князем Владимиром Святославичем. Ранее он проводил реформы язычества, однако таким путем решить политические проблемы объединения молодого государства не сумел. Собственно, выбор в пользу православия был сделан Владимиром лишь из-за удобной для князя модели взаимодействия между церковью и государством. При этом

человек, вошедший в историю как креститель Руси, всерьез рассматривал несколько вполне реальных альтернатив константинопольской модели — ислам, иудаизм и западное христианство. Но там везде доминировал принцип примата духовной власти над светской, что Владимира совершенно не устраивало.

Существует также еще несколько достаточно правдоподобных объяснений выбора князя. В частности, только православие отличалось лояльностью к... пьянству! А одним из самых известных изречений крестителя Руси было и остается замечание о том, что «веселие Руси есть питии». К тому же нельзя упускать из виду еще один небезынтересный факт: в те времена в Клеве христиане составляли 20–25 % населения, причем в основном это были представители высших сословий. Христианство ко времени принятия князем судьбоносного решения успело пустить крепкие корни на Руси. Христианами являлись князь Аскольд (принял новую веру еще в 60-х годах IX столетия) и многие его дружинники, причем именно Аскольд впервые задумался о возможности возведения христианства в ранг государственной религии; христианкой была и знаменитая княгиня Ольга.

Интересно, что историю об ослеплении князя Владимира и его чудесном исцелении летописцы «позаимствовали» как раз из жизнеописания Аскольда. Поскольку слепец, согласно древней традиции славян, автоматически лишался власти, древний правитель пережил, мягко говоря, неприятный отрезок времени. Однако это же событие позволило ему отказаться от религии предков и прийти к христианству, после чего князь якобы внезапно прозрел.

Собственно, именно с Аскольдом связано сразу несколько загадок в нашей истории, так или иначе имеющих отношение к крещению государства. Для начала давайте вспомним, где покоится прах князя. Ротонда, которую ныне называют не иначе как «Аскольдовой могилой», стоит на месте разрушенного храма Святого Николая, возведенного самим Аскольдом в честь собственного крещения. Согласно существовавшей традиции церковь носила имя своего строителя: при крещении князь принял имя Николай. Однако та же традиция требовала, чтобы крестник получал имя своего крестного. Значит, крестным отцом князя Аскольда должен был быть, вне сомнения, либо высокий церковный иерарх, либо царственное лицо:

речь ведь шла о престиже государства, к тому же правитель Руси принимал христианство впервые, так что следует учитывать и важный политический аспект данной ситуации. Традиционно считается, что Аскольда крестили греки во время одного из походов. Но ведь анализ исторических документов показывает, что в тот период в Византии не было ни императора, ни кого-нибудь из его родственников, ни патриарха, кто носил бы имя Николай! А только лицо такого ранга киевский князь мог счесть достойным признания своим крестным. Зато, оказывается, в те годы существовал иной Николай I — Папа Римский! Возможно ли, чтобы именно этот человек был крестным отцом Аскольда? Ведь тогда получается, что киевский князь принимал крещение не по византийскому, как это до сих пор утверждалось, а по римскому канону. А может, это предположение не столь уж далеко от истины?

Теперь давайте обратимся к следующей загадке. Традиционно считается, что крещение Руси состоялось во времена князя Владимира. Почему же отсчет христианской эры не ведется от крещения Аскольда? Ведь престижнее считать, что христианство на Руси имеет более древнюю (на столетие с лишним!) историю. Но летописи почему-то вспоминают о крещении Аскольда словно нехотя, скупое, мимоходом, приписывая славу святителя государства Владимиру. Хронисты явно неспроста поступали таким образом. Что же заставило их отказать Аскольду в праве считаться человеком, подарившим Руси христианство? По всей видимости, ответ прост: князь Владимир в вопросе веры считался сторонником Константинополя (о правомочности такого суждения мы поговорим позже), а князь Аскольд — Рима. Только крещение от Римской Церкви, никак не импониравшее престижу Восточной Церкви, может объяснить причину такой предвзятости. Так что в свое время стараниями греческих духовных наставников всякие упоминания о приоритете Рима в деле крещения Руси были старательно завуалированы, а упор сделан на крещении Владимира — но уже от Византии.

Следует отметить, что глубокое противостояние и борьба за первенство между Константинополем и Римом существовали задолго до окончательного раскола Церкви, приведшего к разделению ее на Восточную и Западную. Этот раскол произошел в 1054 году, спустя 65

лет после крещения Руси Владимиром. Кстати, соревновались Константинополь и Рим и за право первым крестить славян.

Скорее всего, в христианство Аскольд перешел в Болгарии, во время неудачного похода в 867 году. В то время и в том месте, согласно историческим данным, князь мог принять крещение только от римского священника: годом ранее Константинопольский патриарх Фотий не согласился, чтобы у Болгарии был независимый архиепископ; хан Борис нашел выход из положения, прогнав греческих священников и попросив помощи у Рима. Уже осенью стараниями Папы Николая в Болгарии действовала миссия во главе с епископом Формозой Портуенским, который повторно крестил болгар. Именно тогда епископ Формоза совершил необходимый обряд над киевским князем, который мог потребовать, чтобы его крестным отцом считался Папа Римский: Аскольд вряд ли согласился бы, чтобы статус его крестного отца был ниже, чем у болгарского хана.

Интересно, что крещение принял только один из братьев-князей. Дир так и остался язычником, в пользу чего свидетельствует тот факт, что оба брата были похоронены в разных местах. Аскольд упокоился в выстроенной им церкви, а верного старым богам Диру сожгли, закопав урну с его прахом где-то у церкви Святой Ирины.

Теперь вспомним о княгине Ольге. Точнее, о ее знаменитой поездке в Константинополь в 955 году, когда она, якобы потрясенная красотой православного обряда, приняла христианство, причем крестным отцом вчерашней язычницы стал сам император Константин. Так говорит Нестор-летописец. Но так ли было на самом деле? В Византию княгиня действительно ездила; до наших дней дошел интересный документ, «De Ceremoniis Aulae Bizantinae», в котором содержится официальное описание приема Ольги при дворе. Труд этот принадлежит перу наиболее авторитетного свидетеля, которого можно себе представить, — самого византийского императора Константина VII Багрянородного. Вот только указывает он, что киевская княгиня побывала в Константинополе в... 957 году. И стать ее крестным император никак не мог ввиду того, что Ольга к тому времени давно являлась христианкой! В ее свите даже присутствовал личный духовник.

Тяжело поставить под сомнение слова Константина. Хотя бы потому, что в те времена языческая Русь, часто совершавшая набеги на

Византию, превратилась для гордых ромеев, вынужденных выплачивать славянам немалую дань, в источник постоянной головной боли. Так что принятие Ольгой крещения в Константинополе было бы расценено как ошеломительный дипломатический и политический успех Византии. Наверняка император, лично заинтересованный в таком повороте событий, постарался бы раструбить об этом факте всему миру! Однако он честно написал: княгиня приехала к нему как крещеная христианка.

Но тогда снова встает ряд вопросов, которыми изобилует тысячелетний детектив под названием «Крещение Руси». Кто мог крестить Ольгу? Когда и где это произошло? Почему поздние летописцы решили, что она крестилась именно по византийскому обряду? А может... Существует версия, согласно которой крестилась грозная княгиня как раз по обряду римскому, и произошло это в 946 либо 955 году в Клеве. В сердце Руси в то время уже давно стояла церковь Святого Ильи, принадлежность которой к константинопольской иерархии так и не удалось доказать. К тому же данный храм значился соборным, а это, в свою очередь, говорит о том, что в городе имелось еще как минимум пять-шесть аналогичных церквей.

Вокруг данного храма и сплотилась христианская община Клева, часть которой, напомним, представляли выходцы из Моравии. Почему на этом так необходимо акцентировать внимание, будет сказано ниже. И вот что примечательно: западноевропейские историки отметили, что в 959 году Ольга отправляла посольство к германскому императору Отгону; оказывается, княгиня просила Отгона... прислать на Русь епископа и священников! Просьбу, кстати, удовлетворили, в 960 году рукоположив в епископы Руси монаха Сент-Альбанского монастыря. Правда, тогда новоиспеченный епископ в пункт своего назначения не прибыл, поскольку незадолго до отъезда заболел и скоропостижно скончался. Так что в том же году тот же сан был возложен на монаха монастыря Святого Максимиана в Трире Адальберта, который вскоре объявился в Клеве. Вот только через год священник вернулся домой: по всей видимости, уехал Адальберт по требованию самой Ольги. Скорее всего, русская церковь должна была быть организована как простая епархия, то есть подчинявшаяся непосредственно германскому духовенству. Ольга же, женщина дальновидная и

властная, по всей вероятности, хотела, чтобы киевская церковь стала диоцезом — автономной единицей под руководством автономного епископа или митрополита. Именно эти требования в свое время выдвигали принявшие христианство от Рима владетели Польши и Чехии; киевская княгиня просто-напросто могла последовать их примеру. Поскольку же договориться епископ и Ольга не смогли, Адальберту пришлось спешно уехать. Так что ни о каком «неприятии римского варианта», о котором упоминается в «Повести временных лет», речь, получается, идти не может...

Еще одна загадка крещения Руси — его связь с именами братьев-просветителей Кирилла и Мефодия, создателями кириллицы — новой азбуки, пришедшей на смену старым славянским письменам. На Русь кириллица попала из Моравии и Чехии. Обратите внимание: традиционно Кирилла и Мефодия именуют «православными византийского обряда». Но так ли это на самом деле?

Вся жизнь и деятельность братьев говорят о том, что они как раз являлись посланцами Рима. Нет, до 862 года они в самом деле жили в Константинополе, однако в то время были не священниками, а книжниками-мирянами. Затем к императору Михаилу прибыл правитель Великой Моравии, Ростислав, и сообщил: его подданные отреклись от язычества, предпочтя ему христианский закон; вот только учителей, которые могли бы проповедовать на славянском языке, у них не было. Император тут же поручил эту почетную миссию Кириллу (в то время еще носившему имя Константин) и Мефодию. Братья создали новую азбуку, отправились в Моравию, где более трех с половиной лет проповедовали христианство, распространяя написанное кириллицей Священное Писание. Обратите внимание: в Константинополь просветители так и не вернулись: в Венеции они встретились с папским гонцом, получили приглашение в Рим и приняли его. Там, в Вечном городе, Папа Адриан II и рукоположил братьев в сан священников. Об этом, прежде всего, свидетельствует письмо самого Адриана к моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелулу: «Мы же, втройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершали бы полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божью, и крещение, начатое Божьей милостью философом

Константином». Примечательно, что о напряженных отношениях между церквями пока вообще не упоминается; Папа спокойно называет византийского императора «благочестивым». Братья же, отправляясь в Моравию, прекрасно знали, что эти земли относятся к римскому канону. Видимо, именно по этой причине найденные ими мощи Святого Климента были перевезены не в Константинополь, а в Рим. Впоследствии Адриан специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию, а Константина сделал епископом.

Но все это означает, что в конце IX века в славянских землях, в том числе и среди ближайших соседей Руси, с благословения Римского Папы трудами Кирилла (Константина) и Мефодия распространялось христианство именно римского канона. Не отсюда ли берет начало появления в Киеве христианских церквей и крещение княгини Ольги? Тогда Константинополь не имеет к факту возникновения христианства на Руси ни малейшего отношения. И только с окончательным разделением Церкви летописцы постарались вымарать из старинных текстов «крамольное» упоминание о крещении, принятом от посланников Рима.

Правда, говорить о собственно католицизме все же не приходится. Сегодня признается, что Кирилл и Мефодий, учитывая особенности славянского мировосприятия и наличие в Великой Моравии разных христианских общин, на основе римского канона разработали оригинальный вариант христианского учения, позднее названный кирилло-мефодиевской традицией. Хотя это особое течение сегодня известно только фрагментарно, в правилах богослужения, разработанных братьями-просветителями, хорошо прослеживаются черты восточной, западной, ирландской и арианской церквей.

Кстати, в определенной степени о связи первых христиан Клева с Вечным городом свидетельствует Священное Писание на славянском. Так, в нем содержится Третья Книга Ездры, которая присутствует лишь в латиноязычной Библии (Вульгате), отсутствуя в греческом и еврейском варианте Книги Книг. Это может объясняться лишь тем, что первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Библии римского канона. О правильности подобного вывода говорит также принятый на Руси календарь — основа богослужения. Он является вовсе не византийским, а латинским; названия месяцев в

нем латинские, началом года считался март, как на Западе (у греков начало года выпадало на сентябрь).

Пойдем дальше. О загадочной смерти сына княгини Ольги, Святослава, известно много и, по сути, ничего. При внимательном рассмотрении эта история больше всего напоминает заказное убийство! Начнем с того, что в «Повести временных лет» отец крестителя Руси называется гонителем христиан, закоренелым язычником, которого благочестивая мать так и не смогла обратить в свою веру. Однако западные хроники того же времени дают совершенно иную картину! В частности, «архимандрит Рагужский» Орбини (речь в равной степени может идти как о балканском, итальянском, австрийском священнике), автор книги о славянской истории, впервые изданной в 1601 году, в своей работе руководствовался огромным количеством средневековых источников, часть которых до нашего времени уже не дошла. Так вот, Орбини указывает, что «после смерти Ольги правил ее сын Святослав, шедший по стопам матери в благочестии и христианской вере». Многие западные хронисты свидетельствуют также о том, что упомянутый киевский князь не мешал своим подданным креститься, всячески поддерживал христиан.

То есть, возможно, Святослав, учитывая то, какой ревностной христианкой была его мать, и то, что его собственный первенец воспитывался как истово верующий христианин, действительно не являлся язычником. Но тогда трагические события, развернувшиеся на Днепре, вполне можно истолковать совсем иначе, нежели это делается в «Повести временных лет».

Известно, что князь неожиданно остался зимовать на реке, тогда как большая часть его дружины ушла в Клев. Причины столь странного поступка в «Повести временных лет» не объясняются. Не было ли это результатом осознания исходящей из Клева угрозы? Тогда, значит, шла она вовсе не от христианской партии Ярополка, а от язычника Владимира, уставшего ждать законного перехода власти в свои руки. Ведь и Свенельд, бросивший Святослава, и предавший его Претич принадлежали именно к партии язычников, готовивших в Клеве антихристианский переворот. Для начала же надо было убрать князя — ревностного и влиятельного сторонника христианства. Это было сделано руками печенегов под предводительством хана Кури.

Кстати, некоторые источники уверяют, что Святослав был убит не на берегу Днепра, а на острове Хортица. А Константин Багрянородный, слова которого подтверждают работы современных археологов, упоминал о том, что на этом острове, у огромного дуба, русы-язычники совершали свои жертвоприношения. Святослав же был убит неподалеку от языческого святилища. Что это? Жертвоприношение? Вполне возможно, это предположение не так уж далеко от истины.

Владимир, избавившись от отца, тем временем устроил переворот в Клеве, убил брата-христианина, заложил знаменитое языческое святилище и начал гонения на христиан. Но зачем же хронисту понадобилось превращать Святослава в закоренелого язычника? Все просто: со временем, когда стали появляться многочисленные апологетические описания «жития святого Владимира», его предательски убитый (а возможно, вообще принесенный в жертву языческим богам по указанию собственного сына!) отец-христианин стал очень неудобен летописцам и власти. Ведь честь крещения Руси следовало возложить на Владимира. Поэтому в летописи не попали упоминания о первоначальном принятии Русью крещения от посланцев Рима, Святослава превратили в упорствующего в своих заблуждениях язычника (так он хорошо оттенял образ сына). Ярополка, который поддерживал связи с Римом и которому в 979 году Папа предложил крестить Русь (письмо опоздало, на престоле в Клеве сидел уже язычник Владимир), бездоказательно объявили «злопамятным и завистливым» — мол, такого и жалеть нечего. Только память о княгине Ольге сильно изуродовать не удалось, поскольку сохранилось уж слишком много свидетельств о ее принадлежности к христианству, а прах княгини покоился в Десятинной церкви, откуда удалить его было бы трудно.

Оказалось тщательно «причесанным» и само упоминание о крещении Владимира. О том, где и когда это происходило, как мы уже упоминали, единого мнения не существует. Но, кроме того, тщательное знакомство с историческими источниками позволяет сделать интересный вывод: креститель Руси, похоже, прошел соответствующий обряд отнюдь не по византийскому канону. Слишком многие детали указывают на то, что он являлся христианином арианского толка, приверженцем той же опиравшейся на римский

канон кирилло-мефодиевской традиции, что и его знаменитая бабушка. Недаром центром христианства в Киевской Руси в течение долгого времени оставалась Десятинная церковь с ее избираемыми, как у ариан, епископами (там же хранились мощи почитаемого на Западе Святого Климента); собственно, собор Святой Софии стал главным государственным храмом только тогда, когда в государстве уже установилась византийская традиция. А противоречивую историю крещения Руси создали совсем не в 1106 году, как принято датировать «Повесть временных лет», а в 1606, а то и позже. На это указывает и острая неприязнь повествователя к мусульманам (чего просто не могло быть в X веке), и упоминание о «немцах» (это слово появилось в России не ранее XVI столетия; в средневековье на Руси представителей данного народа именовали «фрязами» либо «латинами»), и многое другое. Например, в «Повести временных лет» в разговоре Владимира с иудеями есть слова: «Разгневался Бог на отцов наших, и рассеял нас по различным странам, а землю нашу отдал христианам...» Летописец датировал данный разговор 986 годом от Рождества Христова. Но ведь в то время в Иерусалиме не было никаких христиан! Первые крестоносцы появились в Палестине лишь через сто с лишним лет спустя после описываемых событий — в 1096 году. К тому же, если верить Нестору, в 986 году киевляне впервые услышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры» и понятия не имели о церковных службах по православному канону. Но как быть с тем, что к концу X века Киевская Русь уже долгое время поддерживала связи с волжскими мусульманами-булгарами и потому не могла не составить хотя бы какое-то представление об исламе? А хазары, между прочим, были иудеями. Христианство же вообще успело пустить глубокие корни в Клеве и до Владимира. Так зачем, спрашивается, князю, находившемуся в здравом уме, необходимо было отправлять посольство в Царьград, если интересующие его вопросы он мог выяснить, что называется, не двигаясь с места?!

«Повесть временных лет» датирует принятие крещения Владимиром 988 годом, смешивая это событие с корсунским походом и в результате «заставляя» князя креститься в Корсуни: мол, и поход-то осуществлялся именно с этой целью. Однако более ранние источники, например «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха (конец XI

века) и византийские хроники, говорят, что Владимир взял Корсунь «на третье лето по своему крещению». Еще одно противоречие, хорошо просматривающееся в «Повести временных лет», относится к описанию прибытия киевского посольства в Царьград. Так, в летописи указывается, будто посланцев Владимира приняли царь и патриарх, именно царь повелел патриарху устроить праздничную службу в честь почетных гостей. Между тем патриарший стол в Константинополе в это время пустовал. А царей вообще имелось в наличии сразу двое — Василий и Константин, о чем летописец спокойно сообщает дальше. Видимо, в данном случае имеет место неудачная состыковка нескольких текстов разного времени создания. И вообще: сами византийские источники ничего не говорят о столь важном для византийской патриархии факте, как крещение многочисленного народа.

История крещения Руси, описанная в русских летописях, выглядит чудесным стечением целой цепи событий: посещение апостолом Андреем в I веке славянских земель и его предсказание величия будущего православного града Клева; чудесная защита Божией Матерью Константинополя от набега русских витязей Аскольда и Дира в 860 году и их последующее крещение (если помните, Дир, как оказалось, так и остался язычником, вопреки уверениям Нестора); обретение трудами Кирилла и Мефодия Евангелия на родном славянском языке; крещение великой княгини Ольги; освобождение Руси в 960-е годы от ига иудейской Хазарии. «Повесть временных лет» описывает сознательный выбор веры княжескими послами, пораженными неземной красотой православного богослужения; излечение князя Владимира от слепоты при крещении в Крыму и его нравственное преображение, оказавшее огромное впечатление на народ; массовое добровольное крещение русичей в 988 году. Но на поверку все это вызывает большие сомнения.

Сейчас можно только гадать, что же толкнуло Владимира на столь глобальный шаг. Историки говорят о том, что к этому его привело банальное подражание: мол, князь просто пошел по стопам прочих центрально-европейских правителей, своих непосредственных соседей (в 960 году крещение принял польский князь Мешко I, в 974-м — датский король Гарольд Блотанд, в 976-м — норвежский конунг Олаф Трюгвассон, в 985-м — венгерский герцог Гёза). Но ведь у Киевской

Руси хватало также соседей-язычников (половцы), магометан (волжские булгары), иудеев (хазары). Можно ли в этом случае списывать крещение целого государства только на желание «не выделяться»? Говорят и о том, что принятие Владимиром христианства было обычным, хотя и значительным политическим шагом: государство сразу же обретало могучего сторонника в лице Византии, к тому же князь получал возможность связать себя с императорским домом путем женитьбы на царевне Анне, которая за язычника никогда бы замуж не пошла. Существует также еще целый ряд предположений относительно причин крещения Владимира.

На самом же деле кто знает, какие мысли руководили официальным крестителем Руси? И столь ли уж они важны для нас сейчас? Ведь каковы бы ни были причины, побудившие Владимира Святославича сделать свой выбор, его решение во многом определило духовное и политическое развитие Руси на много веков вперед. А о том, кто и когда в действительности крестил наших предков, ученые спорят до сих пор, тем не менее не забывая все же отдавать дань князю Владимиру как... символу.

Тайны жизни и смерти Анны Ярославны

Дочь Ярослава Мудрого Анна, королева Франции... Со школьной скамьи известна почти хрестоматийная эта фигура в истории Киевской Руси. Но в историческом портрете Анны до сих пор многие штрихи остаются неизвестными. Тайны жизни и смерти Анны Ярославны по-прежнему являются одной из самых интересных и захватывающих загадок не только украинской, но и мировой истории.

Анна Ярославна

В исторических документах годом появления на свет Анны, одной из трех дочерей Ярослава Мудрого, считались 1024 или 1025 годы. В настоящее же время в научной литературе все чаще указывается 1032 год. Все три дочери киевского князя — Елизавета, Анастасия и Анна — стали королевами европейских стран. Княжна Елизавета покорила сердце норвежского принца Гарольда Смелого, в юные годы служившего Ярославу, и стала королевой Норвегии (во втором замужестве — королевой Дании). Анастасия Ярославна взошла на венгерский королевский трон. О браках дочерей Ярослава Мудрого было уже известно в Европе, когда французский король Генрих I задумал жениться на «воплощении мудрости и красоты» — княжне Анне Ярославне, чье детство прошло в атмосфере большого культурного подъема в Киевском государстве. Образование она получила при княжеском дворе, где учила грамоту, историю,

иностранные языки, математику, рисование. Известно, что Анна Ярославна могла свободно читать на нескольких языках, в частности на старославянском, греческом, писала кириллицей и глаголицей. А ведь в то время в «просвещенной» Европе не каждый мужчина-дворянин знал грамоту, не говоря уже об их дочерях и женах.

Только в 1048 году второе посольство от овдовевшего Генриха I, смелого и энергичного правителя, смогло получить согласие князя Ярослава Мудрого на очередной династический брак. Прибытие невесты короля на землю Франции было обставлено очень торжественно. Генрих I выехал встречать Анну в старинный город Реймс. Король в свои сорок с лишним лет был тучным, а настроение у него всегда было хмурым. Но увидев невесту, он улыбнулся. К чести высокообразованной русской княжны надо сказать, что французский она выучила быстро.

С давних пор именно в Реймсе короновались французские короли. Здесь в мае 1049 года в церкви Святого Креста состоялась церемония коронации Анны Ярославны. Точная же дата венчания Анны и Генриха остается неизвестной: чаще всего в научных работах называются 14 мая 1049 года и 19 мая 1051 года. На голову Анны была возложена золотая корона, и она стала королевой Франции. На брачном контракте дочь киевского князя написала свое имя, а ее супруг вместо подписи поставил «крестик». Уже в начале своего королевского пути Анна Ярославна проявила настойчивость и, отказавшись присягать на латинской Библии, принесла клятву на славянском Евангелии, которое привезла с собой. (Эту книгу ждала необычайная судьба. Именно на Реймском Евангелии давали присягу все последующие короли Франции, даже не подозревая о его киевском происхождении.) Возможно, что вскоре, проявив мудрость и терпимость, французская королева и мать будущего короля Франции приняла католичество (подробнее об этом мы поговорим немного позже).

Следует заметить, что не только биография Анны Ярославны изобилует загадками. Многих историков, писателей интересует судьба самой ценной части приданного киевской княжны. Есть все основания предполагать, что рукопись «Велесовой книги» (более подробно об этом памятнике истории Киевской Руси рассказывается в статье «Загадки „Велесовой книги“») принадлежала некогда ее библиотеке. Известно также, что рукописи королевы Анны из библиотеки

аббатства Санлис были описаны в ряде трудов французских ученых. Среди них Монфокон, а также его сподвижник Мабильон. Принял деятельное участие в судьбе библиотеки королевы Анны и коллежский ассессор Петр Петрович Дубровский — сотрудник русского посольства в Париже. Он сумел вывезти в Россию множество древних манускриптов из разоряемых революционерами французских монастырей. В его собрании, по некоторым данным, оказались и рунические книги из библиотеки королевы Анны. Большую часть своей французской коллекции (древнегреческие, латинские, египетские, древнефранцузские манускрипты) П. Дубровский передал в дар царю Александру I. Он не включил в дар только рунические книги из библиотеки Анны Ярославны. И тому были весьма веские причины. Достаточно вспомнить, что по действовавшему в то время Уложению за проповедь язычества полагалась каторга, а кроме этого, рунические манускрипты противоречили «норманнской теории» о призвании на Русь варягов.

В 1816 году П. Дубровский скончался и унес с собой в могилу тайну библиотеки Анны Ярославны: после смерти был составлен каталог его личной библиотеки, но ничего ценного в ней уже не оказалось. Есть предположение, что известные ныне славянские рунические рукописи лишь благодаря исторической случайности или провидению нашлись в хранилищах неких таинственных организаций. Речь идет о масонских ложах (или схожих организациях), существующих с очень давних времен и имеющих прямое отношение к тайным пружинам мировой политики. Однако в действительности о том, где ныне находятся рунические книги из библиотеки Анны Ярославны, можно только догадываться.

Теперь перейдем к еще одной загадке, на которую у историков отсутствует единодушный ответ: приняла юная королева католицизм или осталась православной христианкой? Некоторые исследователи доказывают, что Анна стала католичкой, поскольку без этого был невозможен ее брак с французским монархом. Другие же считают, что вряд ли Генрих I мог требовать от жены отречься от православия, поскольку это могло привести к ухудшению отношений между Русью и Францией.

Время царствования Анны совпало с экономическим подъемом Франции, однако жизнь королевы была нелегкой и преисполненной

тревогами. Немолодой супруг, вступивший в брак не по любви, а из государственных интересов, был занят дальнейшим воссоединением земель франков, экспансией на восток и приращиванием королевских земель. Конечно, достоверно неизвестно, как жилось Анне Ярославне первые годы на чужбине, но французские исследователи цитируют строки из ее письма к отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища хмурые, церкви безобразные и обычаи ужасные». Возможно, все было не так мрачно, но несомненно то, что высокообразованной православной киевлянке, которая выросла в условиях славянской культуры, нелегко было приспособиться к условиям французского высшего общества того времени.

После замужества прошло несколько лет, прежде чем королева Анна стала матерью. Желая иметь наследника, она дала даже обет построить и обеспечить капиталом целый монастырь. Согласно историческим данным, у королевы Анны было три сына. Первый, Филипп (1052–1108), прозванный «Добрым», позже стал королем Франции. В честь его рождения королева построила монастырь Святого Викентия в Санлисе. Затем она родила еще двух сыновей: Роберта (1055–1060), умершего в младенчестве, и Гуго (1057–1102), ставшего впоследствии графом Вермандуа и прославившегося в первых крестовых походах. Королева Анна научила своих детей грамоте, языкам, арифметике, истории. В отличие от отца, будущий король Франции Филипп I стал образованнейшим монархом своего времени. Филипп I и Гуго Великий на протяжении всей жизни сохраняли глубокое уважение, нежную и почтительную любовь к матери.

В отличие от сыновей появление на свет у королевской семьи дочери Эммы, или Эдинги (1055 — ок. 1109), окутано завесой тайны. Однако существует версия, что Анна все же родила дочь, судьба которой стала почти легендой. В 1074 году, когда монарх решил насильственно выдать принцессу замуж, Эдинга убежала из Парижа и в попытке скрыться добралась аж до баварского села Пух на окраине Мюнхена. Принцессе дали приют местные крестьяне, и она прожила вдали от семьи до самой смерти, занимаясь обучением местных детей и лечением больных. Похоронена Эдинга под престолом церкви, которая стоит и по сей день. На рубеже XVI–XVII веков католическая церковь провозгласила внучку Ярослава Мудрого блаженной.

Король все время находился в военных походах, и воспитывать детей Анне приходилось самой. Однако, судя по историческим документам, Генрих по крайней мере считался с мнением своей жены: на многих государственных актах, особенно грамотах, дарующих льготы или жалующих вотчины монастырям и соборам, можно прочесть: «С согласия супруги моей Анны», «В присутствии королевы Анны». Брак Анны и Генриха продлился всего семь лет. По завещанию короля Анна Ярославна была назначена опекуной наследника престола, малолетнего Филиппа. Однако, оставаясь королевой и став регентшей, официальное опекунство она, по обычаю того времени, не получила: опекуном мог быть только мужчина, им и стал шурина Генриха I граф Фландрский Бодуэн. Тем не менее, будучи неофициальной опекуной, Анна вместе с Филиппом I подписывала различные государственные документы, которые сохранились и доныне. Так, на жалованной грамоте Суассонскому аббатству существует ее собственноручная подпись кириллицей «Анна рѣина» — «Анна королева». В дореволюционной исторической науке встречаются сведения, что Анна во Франции имела и второе имя Агнесса. Российский историк Лобанов-Ростовский в своих работах отметил целый ряд документов Франции, на которых имя Анны (Агнессы) написано латинскими буквами. Эти акты относятся ко времени правления как Генриха I, так и Филиппа I — соответственно мужа и сына Анны Ярославны.

Что же касается дальнейшей судьбы королевы Франции, то тут историки несколько расходятся во мнении. Одни утверждают, что по существовавшей тогда традиции вдовствующую королеву Анну вновь выдали замуж за графа Рауля де Валуа. Он был тогда одним из самых могущественных сеньоров Франции и слыл непокорным вассалом. Со своей прежней женой граф Рауль расстался, уличив ее в неверности.

По другой версии, граф, полюбивший Анну, как только она прибыла во Францию, только после смерти короля осмелился открыть ей свои чувства. Для Анны Ярославны на первом месте был долг королевы-матери, но Рауль проявил настойчивость и даже похитил Анну во время охоты. Они обвенчались в 1062 году. Но покинутая жена графа, Элеонора Брабантская, пожаловалась Папе Римскому на коварного мужа. Папа Александр II отлучил Рауля от церкви и объявил его брак с Анной недействительным. Гордый феодал не обратил на

такую «мелочь» внимания и счастливо прожил с нею 12 лет в своем укрепленном замке Мондидье. Жизнь Анны Ярославны с графом Раулем была, можно сказать, почти счастливой, ее беспокоили лишь отношения с детьми. Любимый сын, король Филипп, хотя и относился к матери с неизменной нежностью, но в ее советах и участии в королевских делах уже не нуждался. А сыновья Рауля от первого брака, Симон и Готье, не скрывали своей неприязни к мачехе. В 1074 году Анна Ярославна вновь овдовела и была вынуждена вернуться ко двору Филиппа I. И снова ее подпись появляется на государственных документах рядом с подписью сына. Только теперь вместо «Анна королева» встречаем «Анна, мать короля Филиппа». В последний раз ее имя было на жалованной грамоте 1075 года. Из этого историки делают вывод, что эта дата является годом смерти Анны Ярославны. Но существует версия, что набожная королева скончалась только в 1082 году в аббатстве Санлис, где и была похоронена.

О последнем периоде жизни Анны Ярославны мало что известно. По-видимому, ей жилось тоскливо, она больше не участвовала ни в каких значительных событиях. Ушли из жизни отец и мать, многие братья, родные и близкие люди. Трижды смещали с княжеского престола Изяслава, дважды возвращался на престол любимый брат Анны Всеволод Ярославич. Во Франции умер ее учитель и наставник епископ Готье. Погиб муж любимой сестры Елизаветы, король Норвегии Гарольд. Не осталось никого, кто давным-давно прибыл с юной Анной Ярославной на французскую землю: кто умер, кто возвратился на Русь. Кстати, существует версия, что она даже побывала на родине, но это весьма сомнительно. Точно известно, что Анна какое-то время путешествовала по Европе. Причем, как утверждают некоторые историки, путешествие это было не ради развлечения. Якобы Анне стало известно, что старший брат, Изяслав Ярославич, потерпевший поражение в борьбе за киевский престол, находится в Германии, в городе Майнце. И она отправилась в путь, рассчитывая на добрый прием. Прибыв на место, Анна узнала, что Изяслав уже перебрался в город Вормс. Настойчивая и упрямая, она продолжила путешествие. В Вормсе ей сообщили, что Изяслав уехал в Польшу, а его сын — в Рим, к Папе. А это, по мнению Анны Ярославны, были не те страны, где следовало искать друзей и

союзников для Руси. Огорчения и болезнь сломили Анну. Она умерла в дороге, но где точно — не известно.

Существует также версия, что Анна Ярославна умерла в 1089 году. Во всяком случае, именно тогда церкви Святого Квентина были преподнесены богатые дары для молитв за упокой души скончавшейся королевы. Но где же находится ее могила? В 1682 году монах отец Менетрие обнаружил в одной из расположенных неподалеку от Парижа церквей надгробный камень с изображением женщины с короной на голове. На нем можно было разобрать написанное латински имя «Агнес». Не исключено, что именно здесь и похоронили королеву, учитывая, что имена «Анна» и «Агнес» часто воспринимались как одно и то же. Правда, церковь, где обнаружили надгробие, была построена лишь в 1220 году — намного позже смерти Анны. Так что, скорее всего, монах нашел захоронение другого человека.

Есть и еще одна версия, касающаяся последних дней жизни Анны Ярославны. Она подробно излагается в вышедшем в 1988 году во Франции историческом романе Режин Дефорж, который вызвал колоссальный читательский интерес и стал настоящим бестселлером. Автор попыталась рассказать о жизни и смерти Анны Ярославны. Если верить исследованиям Дефорж, королева Анна пользовалась уважением и поддержкой многих влиятельных рыцарей, в том числе знаменитого покорителя Англии Вильгельма I Завоевателя. Именно он среди других знатных особ присутствовал при отплытии Анны на родину, в Киевскую Русь. С согласия своего сына королева покинула Францию и отправилась в... Новгород. Трудно сказать, что побудило ее к этому решению. Но надо признать, что Р. Дефорж строила свою версию не на пустом месте, ведь, как мы уже говорили, легенда гласит, что Анна вновь оказалась на Руси.

Однако ей не суждено было добраться до Новгорода. В пути она тяжело заболела и умерла уже на новгородской земле. Согласно завещанию Анны Ярославны, ее якобы похоронили по языческому обряду, уложив тело на подожженный плот, который пустили по воде. Однако подобное развитие событий выглядит весьма сомнительно, поскольку вряд ли могла христианка взять такой грех на душу.

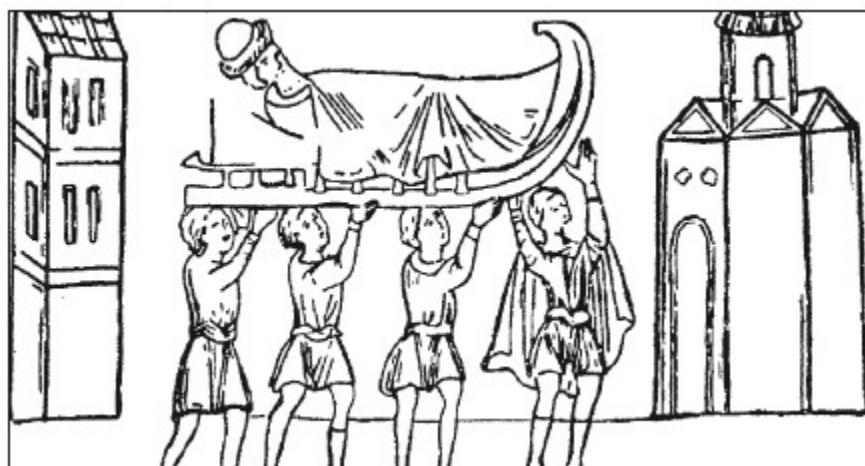
Существует еще несколько версий, согласно одной из которых королева вернулась в Клев, где и закончила свои дни в монастыре.

Однако это тоже вызывает сомнение. По выражению виконта де Сент-Эмура, возвратясь на родину, Анна могла бы, как добрая католичка, натолкнуться на гнев Восточной церкви.

Но подавляющая часть ученых считает, что Анна Киевская, как ее называют во Франции, доживала свой век и была похоронена где-то во Франции. Граждане этой далекой страны прекрасно помнят о родовых корнях их королевы — замечательной славянки, прародительницы Бурбонских и Орлеанских королевских династий, оставившей глубокий след в истории и культуре Франции. Ей установлены два памятника, последний — в 2005 году в Санлисе. Возле древнего храма можно увидеть женскую статую из камня. В одной руке она держит миниатюрную конструкцию собора, а в другой — лилию, символ королевской власти. Надпись на постаменте гласит: «Анна Киевская. Королева Франции. Она основала сию обитель под покровительством святого Венсена 21 апреля 1060 года».

Кто виновен в гибели Бориса и Глеба?

Среди множества загадок украинской истории есть довольно горькие. Одна из них связана с именем Святополка, сына киевского князя Владимира Святославича. В памяти потомков его имя прочно ассоциируется с прозвищем «Окаянный». Трудно найти другого исторического деятеля, чья характеристика на протяжении столетий была бы столь безжалостной. Ведь согласно историческим хроникам, он повинен во многих нелицеприятных деяниях, самое странное из которых — убийство родных братьев Бориса и Глеба. Кажется, никаких надежд на прощение потомков и восстановление доброго имени у Святополка нет и быть не может. Но так ли это?

Сказание про святых Бориса и Глеба. Миниатюра

У киевского князя Святослава Игоревича было три сына: Ярополк, Олег и Владимир. После гибели отца сыновья, бывшие князьями-наместниками (Ярополк — в Киеве, Олег — в древлянской земле, а Владимир — в Новгороде), стали полновластными правителями. Немудрено, что между молодыми и амбициозными князьями вскоре вспыхнула распря. Во время одной из стычек между старшими братьями под рухнувшим мостом погиб Олег. После этого Владимир убил ненавистного ему Ярополка, занял киевский престол и женился на его вдове, красавице гречанке. Вот только ребенок, родившийся вскоре и считавшийся Владимировичем, на самом деле был сыном

Ярополка. Так появился на свет Святополк. Кстати, летописцы почему-то не указали точной даты его рождения.

Интересно, что имя Святополка в перечнях сыновей Владимира Святославича стоит рядом с именем Ярослава (которого впоследствии историки назовут «Мудрым»). В одних списках первым упоминается Ярослав, в других — Святополк. Не исключено, что они были одногодками. Историки после сложных сопоставлений пришли к выводу, что родились они приблизительно в 978 или 979 годах. Исходя из этого известный историк, археолог и нумизмат В. Янин сделал вывод, что в 988 или 989 году Святополк был крещен под именем Петр. Однако известны монеты и печати, на которых имя Святополка соседствует с именем Михаил. После записи о первом распределении княжений со страниц летописи на четверть века исчезают даже малейшие упоминания о нем.

Правивший в Турове Святополк «всплыл» из летописного небытия только после внезапной кончины Владимира в 1015 году, и сразу со скандалом. За год до этого непокорный сын Ярослав, прокняжив в Новгороде около года, внезапно отказался платить ежегодную дань в Клев. Владимир Святославич даже нанял варягов для усмирения бунтаря, но отряд не успел приступить к действию — князь умер. Его любимый сын Борис находился недалеко от Клева, на берегу реки Альбы. По приказу отца он во главе киевской дружины шел против печенегов. Но не встретив противника, Борис собрался было назад, когда из столицы до него дошли вести о тревожных событиях. Смерть великого князя была почему-то скрыта от киевлян. Власть в Клеве захватил неизвестно как оказавшийся там Святополк. Киевские дружинники стали уговаривать Бориса вернуть себе отцовский престол, однако он отказался. Ведь Святополк был старше его и, следовательно, имел право занять место покойного отца. После чего дружинники покинули Бориса.

Об этом, а также о том, что произошло дальше, нам известно по, так сказать, «официальной» версии, изложенной в «Повести временных лет». Итак, в ночь на 24 июля 1015 года в опустевший лагерь пробрались убийцы, якобы посланные Святополком, и пронзили Бориса копьями. Бездыханное, как казалось, тело повезли в Клев. Но по дороге неожиданно оказалось, что князь еще жив. Тогда Святополк, неизвестно как прознавший об этом, послал из Клева двух

варягов, и один из них пронзил сердце князя мечом. Похоронили Бориса тайно в Вышгороде, у церкви Святого Василия. Как говорит летопись, Святополк по горячим следам решил избавиться еще от двух братьев — Глеба и Ярослава. Глеба он выманил из Мурома сообщением о болезни отца. С небольшой дружиной Глеб отправился в Клев, но когда его корабль уже миновал Смоленск, он получил послание из Новгорода от Ярослава. Тот предупреждал Глеба о кончине отца и убийстве Святополком Бориса. Не успел князь осмыслить смерть двух близких людей, как его корабли захватили подосланные убийцы. Князь, по приказу некоего Горясера, был зарезан собственным поваром.

Злая участь была уготована и другим братьям Свято-полка, который по «высокоумию своему» решил перебить их всех и принять «власть русьскую един». Но Ярослав положил конец его бесчинствам. Он якобы не только попытался спасти Глеба, но и решил отомстить братоубийце. Новгородско-варяжское войско Ярослава встретилось с киевско-печенежскими полками Святополка недалеко от города Любеча. Противников разделял Днепр. Три месяца простояли они на противоположных берегах реки, не решаясь напасть друг на друга. И лишь когда уже начались заморозки, Ярослав отважился на бой, одержал победу и занял княжеский престол в Клеве, «на столе отъни и дедни». Святополк же укрылся в Польше и вернулся на Русь только летом 1018 года в сопровождении войск польского короля Болеслава Храброго. Поначалу Ярослав бежал в Новгород и только в следующем году во главе войска встретился с неприятелем на Альте, в том самом месте, где нашел свою смерть Борис. Победу одержал Ярослав, а Святополк бежал куда-то «в пустыню межю Ляхы и Чехы». Там его одолела странная хворь. Он так ослаб, что слуги были вынуждены нести его на носилках, к тому же князя одолевал страх, что вот-вот настигнут враги. Святополк умер, и, как утверждал автор «Повести временных лет», даже от могилы его исходило страшное зловоние...

Но все ли рассказанное в летописи соответствовало действительным событиям? Уж очень много «белых пятен» в этой истории. Летописи почему-то умалчивают, куда подевался Святополк во время перераспределения княжений между Владимировичами после смерти старшего из них, Вышеслава? А по обычаям того времени после смерти самого старшего брата все те, кто был младше,

должны были подняться на одну «ступеньку» выше к киевскому престолу. Неясно и то, как Святополк, княживший в Турове, в момент кончины Владимира Святославича «перенесся» в Клев. Ведь эти города разделяют свыше 900 км. Даже мчась во весь опор со сменой лошадей, туровский князь мог добраться в стольный град никак не ранее 8—10 августа 1015 года. А Борис, если верить летописи, был убит еще 24 июля!

Выдающегося исследователя летописей А. Шахматова заинтересовал и другой вопрос: почему вышегородские бояре поддержали Святополка? Он даже высказал предположение, что Святополк был вышегородским князем. Но ведь Вышгород никогда не был центром княжества, а являлся загородной резиденцией киевского князя. С учетом вышесказанного еще загадочнее выглядят заявления летописца и автора жития Бориса и Глеба, что киевляне, хотя бы те самые, которые уговаривали Бориса захватить Клев, отказались принять его тело, и несчастного князя пришлось похоронить в том же Вышгороде.

А дальше вопросы посыпались, как из рога изобилия. Откуда летописцу известно, что обезглавленный труп, найденный на месте убийства Бориса, принадлежит юному оруженосцу князя Георгию по прозвищу Угрин? Ведь, по его же словам, тело не было опознано. И зачем Свято-полку потребовалось дважды посылать убийц к Борису? От кого он узнал о том, что «убитый» князь еще жив? И почему сами убийцы, везшие его тело, не заметили этого? Кстати, зачем Глебу понадобилось выбирать кружной путь из Мурома в Клев через Смоленск? Ведь он, как отмечают авторы летописей, очень торопился, чтобы застать отца в живых. И как при этом Ярослав, будучи в Новгороде, не только успел получить весть из Клева, но и предупредил Глеба о грядущей опасности? Ведь путь-то от Клева до Новгорода, а оттуда до Смоленска составлял более 2200 верст и должен был занять не менее полутора месяцев.

А как посланцы Ярослава узнали, какой дорогой отправился Глеб в Клев? И куда они делись, когда практически одновременно с ними здесь же оказались убийцы, посланные Святополком? Кстати, те должны были преодолеть расстояние чуть ли не в пять раз меньше — всего лишь около 460 верст.

Или, скажем, почему митрополит Георгий, присутствовавший в 1072 году при перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, засомневался в их святости? Да и вообще, зачем Святополку понадобилось убивать братьев? Ведь Борис и Глеб добровольно признали его старшинство и право на киевский престол. Вопросы, вопросы, вопросы... Существует еще один, и он, безусловно, очень важен. По обычаю русичей имена невинно убиенных или рано ушедших из жизни близких обычно давали вновь появившимся на свет. Да вот только Ярослав никого из своих сыновей не назвал Борисом или Глебом, либо Романом или Давидом (их полученными при крещении именами). А вот внука Ярослава от сына Изяслава называли Святополком. И это еще при жизни Ярослава Мудрого. Значит, тогда, в 1050 году, имя туровского князя еще не считалось запятнанным братоубийством? Но кого же тогда считали убийцей? И почему киевляне поддержали Святополка, а не Ярослава? Или, например, чем объясняется разительное совпадение описаний обеих битв братьев в 1015 и 1018 году?

Ни летопись, ни другие отечественные источники ответов на эти вопросы не дают. А вот в зарубежных публикациях кое-какие ответы найти можно. Например, почему Святополк бежал в Польшу и польский король поддержал его и помогал изгнаннику вернуть киевский престол. Современник распри между Владимировичами епископ Титмар (Дитмар) сообщает о том, что третья дочь польского короля Болеслава I Храброго вышла замуж за Святополка Владимировича. Брак, заключенный не позднее 1012 года, обернулся трагедией. По словам Титмара, Владимир обвинил Святополка в том, что тот, поддавшись на тайные увещевания Болеслава, готовился захватить киевский престол. По этому обвинению Святополк вместе с женой и ее духовником, епископом колобжегским Рейнберном, были брошены в темницу.

По свидетельству того же Титмара, Святополку удалось вырваться из темницы лишь спустя какое-то время после смерти Владимира, когда владения скончавшегося князя уже были поделены между двумя старшими наследниками. Оставив в темнице на произвол нового киевского правителя свою жену, он бежал к тестю, очевидно рассчитывая на его помощь. Из этого явно вытекает, почему имя Святополка отсутствует в рассказе русского летописца о

перераспределении княжений между Владимировичами: в момент смерти Владимира он находился в заточении по обвинению в государственной измене и, естественно, не мог претендовать на новгородское княжение, положенное ему по праву.

Следовательно, Святополк просто не имел ни возможности, ни сил для захвата киевского престола и зверского убийства братьев. Тогда кто же стал новым киевским князем и вероятным виновником гибели Бориса и Глеба, а также Святослава? Возможно, ответ на этот вопрос заключен в так называемой «Эймундовой саге», которая была записана в XIII веке, а до того передавалась в устной традиции. Это рассказ о норвежском конунге Эймунде, побратиме конунга Олафа II Святого. В 1015 году Олаф захватил власть над землями девяти конунгов (в том числе отсутствовавшего тогда Эймунда) и стал королем Норвегии. Не желая враждовать с ним, Эймунд вместе со своим другом Рагнармом покинул Норвегию и, прослышав о смерти Владимира, отправился на Русь. Разлад между братьями при дележе земель, по его мнению, позволял легко добыть богатство и почести, нанявшись в войско к одному из наследников. Им оказался... новгородский князь Ярослав. Конечно, историки разобрались в том, что Хольмгард из саги соответствует Новгороду, Кенугард — Клеву, а Пальтескью — Полоцку. В этом практически нет сомнений, так же как и в том, что конунг Ярицлейв — это князь Ярослав. Однако множество сомнений вызвало имя Бурислав, который потребовал от Ярицлейва (т. е. Ярослава) отдать часть владений. Ярицлейв, опираясь на наемников, нанес ему поражение и, судя по всему, захватил княжество Бурислава.

Через год тот же Бурислав вновь напал на город, был отбит, но во время штурма Ярицлейва ранили в ногу, и с тех пор и до конца жизни он сильно хромал. Еще через год Бурислав предпринял новую попытку захватить власть над Русью. Узнав о приближении Бурислава с войском, Эймунд захватил с собой нескольких воинов и тайно выступил навстречу врагу. В дне пути от столицы Ярицлейва на опушке леса варяги дождались неприятеля и ночью, когда все уснули, внезапно напали на шатер Бурислава и перебили тех, кто в нем находился. Самому Буриславу Эймунд отрубил голову, которую представил в качестве доказательства Ярицлейву. Тот, увидев голову брата, покраснел и велел Эймунду позаботиться о погребении убитого.

Тогда Эймунд с товарищами вернулся в стан Бурислава. Как и предполагал предводитель варягов, дружина убитого князя разбежалась, а его обезглавленное тело было брошено в лесу. Эймунд забрал останки Бурислава и отвез в город, где они и были погребены. С этого времени, как говорит сага, «весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем».

Первый переводчик «Эймундовой саги» на русский язык, литератор и историк О. Сенковский, предположил, что в образе Бурислава совместились Святополк Окаянный и Болеслав Храбрый. Однако историк Н. Ильин, потративший несколько лет, чтобы узнать, из каких источников черпал автор «Повести временных лет» информацию о трагических событиях 1015 года, получил совсем другие результаты. И звучали они, так сказать, «еретически». Ильин сопоставил имя Бурислава и обстоятельства его гибели, описанные «Эймундовой сагой», с сообщениями «Повести временных лет» и сделал вывод, что Ярицлейв в саге сражался вовсе не со Святополком или с полоцким князем Брячиславом, а с Борисом. Кстати, в источниках встречается и полная форма этого имени — Борислав.

Но тогда получается, что с Борисом расправились убийцы, посланные не Святополком, а Ярославом! В таком предположении нет ничего невероятного. Известный историк, академик В. Янин высказывал такое предположение еще в 1969 году. Кстати, это был достаточно мужественный поступок, ведь отход от официозных стереотипов и оценок не поощрялся. Это предположение полностью согласуется с данными епископа Титмара. И кроме того, оно позволяет объяснить многие странности и недомолвки «Повести временных лет». Становится ясным, кто занимал киевский престол после смерти Владимира, пока Святополк был в изгнании, а Ярослав княжил в Новгороде, — это был Борис! Исходя из этого, находит вполне естественное объяснение таинственное исчезновение посланников Ярослава к Глебу, которые должны были предупредить того о готовящемся на него покушении, ведь сами они и были убийцами.

А тот странный факт об отсечении головы у Георгия Утрина получает другое толкование: на самом деле обезглавлен был Борис, и, видимо, это его тело не смогли опознать. Совсем по-другому воспринимается теперь и миниатюра XIV века, копия с оригинала

конца XI — начала XII веков. На ней убийцы передают пославшему их князю меч Бориса и какой-то круглый предмет. Как предположил известный историк М. Алешковский, это не что иное, как голова убитого.

Видимо, киевский престол незаконно занял именно Борис, которого отец любил, по свидетельству летописца, более других сыновей и всегда держал рядом с собой. Ярослав, нанявший к тому времени варягов для борьбы за независимость Новгорода от Клева, выступил против нового киевского князя и в битве на Днепре (предположительно, осенью 1015 года) одержал победу. В результате киевский престол перешел к нему.

Тем временем из темницы удалось бежать Свято-полку, который не мешкая отправился к своему тестю, рассчитывая с его помощью захватить власть в Клеве, принадлежавшую ему по праву старшего в роду. Пока он собирался с силами, Борис, опираясь на поддержку печенегов, попытался вернуть утраченную власть. Но киевляне, возглавляемые Ярославом и поддержанные довольно большим отрядом наемников, дали ему отпор. Во время обороны Клева Ярослав получил ранение, сделавшее его калекой. Это столкновение, очевидно, завершило 1016 год. В следующем году новая попытка Бориса вернуть Клев закончилась для князя трагически — 24 июля 1017 года его убили варяги, посланные Ярославом. Приблизительно в это же время были убиты Глеб и Святослав Владимировичи.

Конечно, все это не является безусловным доказательством гипотезы Н. Ильина. Но и не противоречит ей, и к тому же вполне увязывается с обликом братолюбца и мстителя Ярослава, который продержал 24 года в псковской тюрьме другого брата, Судислава, уцелевшего после событий 1015–1019 годов, и всю многолетнюю войну еще с одним братом, Мстиславом.

Так что когда летом 1018 года на Русь обрушились польско-немецкие отряды польского короля Болеслава Храброго, во главе их шел законный наследник киевского престола Святополк. Ярослав же тогда позорно бежал в Новгород, а затем к тестю в Швецию, бросив в Клеве мать и восемь своих сестер. И только решительно настроенные новгородцы, возглавляемые посадником Константином Добрыничем, заставили Ярослава возглавить поход против Святополка. Следует сказать, что вступление Святополка в стольный град киевляне

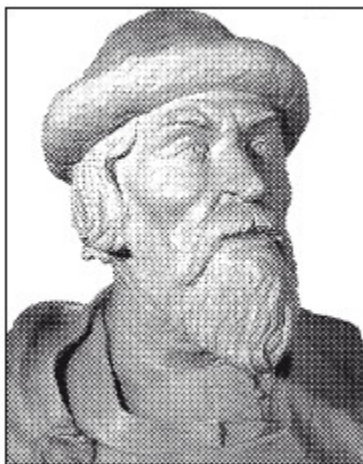
встретили достаточно доброжелательно, тем более что через месяц-другой польские отряды покинули Клев. Приблизительно в декабре 1016 года у Любеча дружина Святополка сошлась на поле боя с воинами Ярослава. Победу одержал Ярослав. Судя по всему, Святополку удалось скрыться с поля брани, но это не спасло его от мести Ярослава.

Так в высшей степени благополучно сложились для Ярослава обстоятельства, давшие ему в руки безраздельное господство на Руси. Его называли Мудрым, и поколения читателей летописи поражались его благочестию. Больше всего он лелеял память о своих невинно загубленных братьях. Именно Ярославу приписывают инициативу причисления их к лику святых в 1021 году. Борис и Глеб — первые русские святые — стали необычайно популярны на Руси. В их честь нарекали княжичей и строили белокаменные церкви, мумифицированной рукой Глеба благословляли князей. Оплакивая братьев, люди воздавали хвалу Ярославу Мудрому и проклинали Святополка, чья гибель открыла для Ярослава блестящую возможность: свалить все на фактического «соучастника», ставшего навсегда «Окаянным». Кстати, следует заметить, что слово «окаянный» в древнерусском языке имело не только значение «проклятый», но и «жалкий», «несчастный», «многострадальный, заслуживающий сожаления». Это добавляет новые штрихи к характеристике Святополка, делает ее хотя бы немного мягче.

Вполне вероятно, что князь Святополк стал жертвой политических интриг и на него удалось списать целый ряд политических преступлений, совершенных другими лицами, например тем же Ярославом Мудрым. Вся судьба Святополка говорит о том, что это скорее страдалец, жертва, чем преступник. В детстве он был лишен отцовской ласки; затем последовали династический брак по расчету, бегство на чужбину. Святополк, конечно, был сыном своего времени и, возможно, подобно большинству своих современников, обладавших властью, действительно отличался жестокостью и коварством. И все же внимательный анализ исторических документов дает основания усомниться в его однозначной вине. Так что окончательно ставить точку в «деле Бориса и Глеба» еще рано...

Поиски библиотеки Ярослава Мудрого: легенды и факты

Недалеко от главного входа в Софийский собор в тени прекрасных киевских каштанов стоит серая гранитная стела,^[9] которая напоминает посетителям храма о знаменательном событии в истории Киевской Руси — основании в 1037 году великим князем Ярославом Мудрым первой библиотеки. Трудно представить ценность тех древних рукописей, и неудивительно, что книжное наследие Ярослава не дает покоя ни ученым, ни так называемым «черным» археологам.

Скульптурный портрет Ярослава Мудрого

Во всех уголках земного шара и во все времена со дня ее появления люди славили книгу. Бесценные собрания книжных сокровищ безвозвратно гибли во время кровопролитных войн, горели в пламени костров и городских пожарах, их безжалостно грабили и уничтожали. Но все-таки некоторые из этих редких и удивительных книг дошли до нас. Их оберегают как зеницу ока, и не только потому, что они являются историческими свидетельствами тех давних дней, но и потому, что они сами по себе считаются ценнейшими произведениями искусства.

Рукописные книги во все времена стоили очень дорого. Счастливый обладатель даже одного манускрипта считался богачом, а десяток книг стоил целое состояние. Каждая рукописная книга была

настоящим шедевром и имела свое неповторимое лицо. Двух совершенно одинаковых книг не было и не могло быть, так как создавались они разными переписчиками. Тексты писали на дорогом и редком пергаменте, или, как тогда его называли, «пергамине». Он выделялся из кожи телят или молодых овец. Для написания книги среднего размера требовалось чуть ли не целое стадо! Оклады рукописных книг украшали золотом и серебром, обильно осыпали драгоценными камнями — алмазами, изумрудами, топазами и жемчугом.

До настоящего времени уцелело совсем немного рукописных книг, и находка еще хотя бы одной стала бы подлинной сенсацией в научном мире. Не трудно себе представить, что обнаружение целой библиотеки ознаменовало бы просто-таки переворот в исторической науке.

Первое и, впрочем, последнее летописное упоминание о так называемой «библиотеке Ярослава» можно найти в «Повести временных лет»: «Ярослав же любим бо книгам, и многы списав положи в церкви святой Софьи, юже созда сам». Там же весьма туманно сказано о количестве книг — «книги многы». Больше исторической информации нет, все остальное — домыслы, догадки, версии и гипотезы.

Поиски первой библиотеки на Руси не случайно ведутся на территории, прилегающей к Софийскому собору. В те далекие от нас времена он был центром не только Киева, но и всей Руси. В том же году, когда была основана библиотека, в соборе организовали первую школу, учредили мастерские переводчиков и переписчиков книг. Считается, что в то время Ярославу не удалось найти в Клеве более десяти переводчиков, да еще десять он мог привлечь из Болгарии.

Есть основания предполагать, что в библиотеку вошли и книги великого князя Владимира, который любил «словеса книжные». Но вот сколько всего книг было в библиотеке Ярослава, ни один специалист не в состоянии ответить. В научных статьях и книгах, опубликованных по этой теме за последние 200 лет, можно найти самые разные данные. В «Истории Русов», написанной в XVIII веке, об этом сообщается: «Великие тысячи рукописных и редких драгоценных манускриптов, писанных на разных языках». В других источниках указаны более скромные цифры — 1000 томов, а все книжные запасы Киевской Руси оценены в 130–140 тысяч томов. В фундаментальном трехтомном

исследовании «История Клева» (1982 г.) эта цифра максимально уточнена — 950 томов. А историк русской православной церкви Е. Голубинский назвал еще меньшее количество — 500 книг. Сегодня в ученых кругах бытует мнение, что и эта цифра сильно завышена.

Но как бы то ни было, ценность этого «книгохранилища», «книгоположница», «книжной казны», «книжной клетки», «архива» несомненна. Ведь известно, что одна из дочерей Ярослава Мудрого, Анна (жена короля Франции Генриха I), привезла из библиотеки отца очень дорогую по тем временам книгу — роскошно оформленное Евангелие. С тех пор, по сложившейся традиции все короли, вступая на престол Франции присягали на этом древнем Евангелии, привезенном некогда из Клева. Так что можно с достаточной долей уверенности утверждать, что во времена правления Ярослава Мудрого Софийский собор Клева располагал значительным собранием рукописных книг.

Какие же книги находились в библиотеке Софийского собора или вышли из ее книгописчей мастерской? Летопись подчеркивает их исключительно церковный характер. Необходимость в такой литературе диктовалась широким распространением на Руси христианства. Однако наряду с церковными переводились и переписывались, несомненно, и книги, содержащие сведения по мировой истории, географии, астрономии, философские и юридические трактаты, публицистические произведения.

Именно они послужили основой для превращения Софии Киевской в центр летописания, средоточие передовой мысли Киевской Руси. Тут был составлен первый древнерусский летописный свод 1037–1039 годов, написано и провозглашено знаменитое «Слово Иллариона», разработаны основы первого сборника законов древнерусского государства — «Русская правда», созданы «Изборник Святослава», «Послание к Фоме пресвитеру Смоленскому» и многие другие произведения.

Ученым удалось установить, что книги хранились не в самом соборе, а в его подземельях. Первый древний подземный ход был обнаружен весной 1916 года. Понимая всю серьезность возможного открытия, ученые провели достаточно тщательное археологическое исследование подземелья. В конце второго коридора была сделана сенсационная находка — небольшой кусок бересты с надписью: «Аще

кто найдет сей ход тот найдет великий (великий) клад Ярослав». Недалеко от «записки» действительно был обнаружен тайник. Но, к сожалению, надпись на его стене сообщала, что археологи немного опоздали и клад уже выкопали.

Некоторые ученые утверждают, что надпись на бересте является мистификацией. Если бы древняя береста оказалась в руках современных ученых, проблем с установлением точной даты надписи не было бы. Но «записка» пропала бесследно, а археологические раскопки 1916 года были довольно скоро прекращены из-за беспокойной обстановки: шла война, в империи царили голод и разруха, приближалась революция. Реальной была и угроза разграбления древнего книжного хранилища.

Так что возможно, что библиотека Ярослава по-прежнему хранится в «каменном мешке» на большой глубине в одном из подземелий. Не исключено, что там может находиться и тайник гетмана Мазепы, при котором был восстановлен лежавший в руинах Софийский собор.

Трудно смириться с мыслью, что уникальное собрание могло погибнуть в страшные для Клева дни татаро-монгольского нашествия 1240 года. Тем более что, по одной из версий, книги великокняжеской библиотеки могли быть спрятаны в подземных лабиринтах Клево-Печерской лавры. У истоков большой монастырской библиотеки стоял бывший митрополит Илларион, который вместе с Ярославом Мудрым был инициатором постройки Софийского собора и принял участие в создании первого книжного собрания на Руси. Около 1055 года Илларион серьезно повздорил с князем, оставил пост митрополита и вернулся в Печерский монастырь простым монахом. Ученые полагают, что он мог вывезти библиотеку или ее часть в монастырь, что и положило начало печерскому книжному собранию.

Книжное собрание Печерского монастыря быстро увеличивалось. Лаврской библиотекой пользовался Нестор-летописец при написании своей знаменитой «Повести временных лет». Печерская библиотека, видимо, успешно пережила татаро-монгольское нашествие. Так, в 1653 году П. Алеппский писал, что в Печерском монастыре есть прекрасное книгохранилище с бесчисленным количеством дорогих книг, в том числе пергаментных грамот, которым не менее 500 лет. Но 22 апреля 1718 года в лавре вспыхнул страшный пожар. Сгорели не только

деревянные постройки — серьезно пострадали каменные здания, в пепел превратилась и лаврская библиотека, «от неприятелей иноками в пещерах сбереженная».

Но может быть, часть священных книг сохранилась в лаврских подземельях? Монахи в момент опасности всегда прятали церковные реликвии в своих пещерах, а вот вернуть их на место иногда было просто некому: захватчики убивали всех подряд. По преданиям, пещерные лабиринты тянутся под Днепром и идут до Чернигова, Смоленска, Пскова, Новгорода и Москвы. Так что, возможно, где-то в лабиринтах Ближних и Дальних лаврских катакомб ждут своего часа старинные книги, часть которых составляла библиотеку Ярослава Мудрого. Специфические условия лаврских подземелий — сухость воздуха, постоянная температура — позволяют надеяться, что книжные сокровища сохранились в первозданном виде.

Но есть и еще версии, согласно которым могут существовать другие места возможного захоронения книжногоклада. К ним относится не менее знаменитый Выдубицкий монастырь, в стенах которого в XII–XIII веках продолжалось древнерусское летописание. К началу XIII века в монастырской библиотеке было собрано значительное количество книг, необходимых для создания летописей. Очевидно, вместе с рукописным списком «Повести временных лет» сюда попали и другие книги из собраний Печерского монастыря и Софийского собора. Древние княжеские грамоты и рукописные книги могли быть спрятаны монахами от врагов, которые с 1096 года регулярно нападали на монастырь, расположенный на самой окраине Клева. А спрятать было где: вблизи Выдубицкого монастыря существует комплекс пещерных галерей. В 1862 году были открыты так называемые «Зверинецкие пещеры» (по названию близлежащего урочища) — целый комплекс подземных ходов. В 1912 году в атмосфере строгой секретности начались раскопки подземных ходов и были расчищены две длинные галереи, по обеим сторонам которых находились кельи и захоронения катакомбного типа.

Археологи установили, что некогда глубоко под землей разыгралась страшная трагедия. Очевидно, во время нападения на монастырь здесь спрятались монахи и жители киевской столицы. Враги засыпали единственный вход в подземелье, и люди оказались заживо погребенными. Вероятно, погибли все, кто знал о

существовании пещер — иначе монахи расчистили бы подземные ходы и похоронили бы своих собратьев. Случилось это в 1240 году, тогда татаро-монголы дотла сожгли Клев. Была ли здесь библиотека Ярослава Мудрого? Ведь не все подземные галереи были расчищены от завалов, остались еще многие ходы, хранящие тайны минувших эпох. Так что пока на этот вопрос нет однозначного ответа.

С началом перестройки появилась и еще одна версия о местонахождении библиотеки Ярослава в Межигорском Спасо-Преображенском монастыре, расположенном в живописном урочище среди зеленых холмов на берегу Днепра. Дело в том, что «всплыли» сведения, согласно которым в 1934 году здесь при строительстве правительственной дачи для первого секретаря Киевского обкома партии Петра Постышева рабочие обнаружили подвальное помещение, доверху заполненное древними книгами. По свидетельству очевидцев, книги были рукописные, большого формата, в массивных кожаных переплетах. Но так как объект необходимо было возвести в кратчайшие сроки, таинственный подвал засыпали землей, а всех очевидцев «вежливо попросили» помалкивать о книжном кладе. В 1980-е годы история повторилась: при рытье траншеи строители опять наткнулись на многострадальное подземелье, заполненное деревянными стеллажами с почерневшими от времени старинными книгами. Начальник строительства, опасаясь срыва сроков работ, вновь приказал наглухо засыпать злосчастный тайник. Насколько реальны и правдивы эти истории, ответить трудно, но исследователи считают, что книги Ярослава могли-таки оказаться в Межигорском монастыре. Как же они тогда здесь оказались, так далеко от места первоначального хранения?

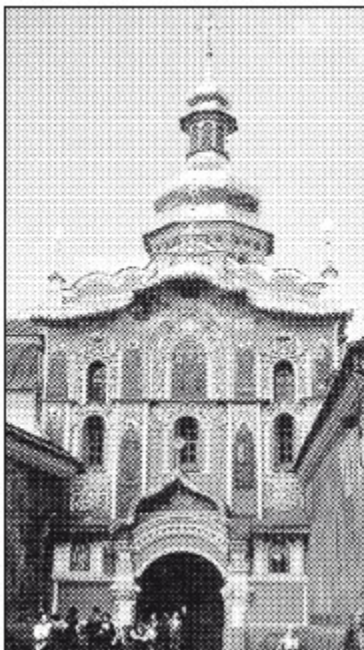
Дело в том, что Ярослав Мудрый построил неподалеку отсюда, в Вышгороде, свой княжеский дворец и трудился в нем над составлением первого юридического свода — «Русской правды». В этой работе он не мог обойтись без изучения литературы, следовательно, какая-то часть библиотеки должна была находиться при нем. Эти книги после смерти князя в 1054 году и могли попасть в Межигорский монастырь.

К сожалению, официальные власти практически не помогли никакими документами. Ученым не передали ни планы застройки, ни схемы подземных коммуникаций; археологи испытывали постоянные

трудности при получении пропусков на эту территорию, поскольку там располагался комплекс правительственных дач. Тем более что сейчас официальные круги смотрят на поиск библиотеки Ярослава как на поиски мифического клада гетмана Полуботка, следовательно, нет поддержки научным изысканиям, нет денег. Право, наивно надеяться на чудо, но хочется верить, что археологи раскроют тайны всех подземелий и найдут легендарную библиотеку.

Загадки Лаврских подземелий

Украинская столица не может похвастаться такими подземными ходами, как в Париже или в Риме. Но история подземных коммуникаций Клева также содержит немало интересного и загадочного. Клев издревле славился своими подземными лабиринтами. Испокон веков сюда стремились паломники со всех уголков Руси, чтобы поклониться нетленным мощам, нашедших покой в Клево-Печерской лавре. Слава о киевских рукотворных христианских катакомбах прокатилась по просторам средневековой Европы. Киевская лавра и ее подземелья были не менее известны, чем римский Колизей, афинский Акрополь или лондонский Тауэр. Клево-Печерская лавра была включена ЮНЕСКО в список наиболее значительных исторических памятников Всемирного наследия.

Вход в Киево-Печерскую лавру

Надо сказать, что пещер в Клеве много, но изучены они слишком поверхностно. На сегодняшний день нет даже их полной и точной карты. Все дело в том, что киевские подземелья начали изучать только в XIX–XX веках, когда многие из них уже давно не использовались.

Некоторые пещеры открывали случайно, при строительстве, но серьезно изучить их не удавалось, так как все они были завалены.

Например, в 70-х годах XIX века была случайно обнаружена пещера под Андреевской горой. находка вызвала большой интерес. Пещеру пытались исследовать, но вскоре оказалось, что буквально через несколько метров все проходы завалены землей, и дальнейшее продвижение вперед без техники и привлечения множества людей невозможно. На том исследования и заглохли. Сейчас такие раскопки проводить уже нельзя, так как придется разрыть почти весь Андреевский спуск. К тому же не осталось записей, указывающих точное местонахождение пещеры.

Буквально через несколько лет была обнаружена еще одна пещера на Старокиевской горе (на ней ныне стоит Исторический музей). Но археологам не удалось выяснить, насколько она обширна. Та же ситуация наблюдается и с пещерами под Софиевским собором и Михайловским монастырем. В пещеры последнего попасть вообще чрезвычайно сложно, так как большинство входов в них заложено кирпичом, остальные завалены землей.

Более благоприятная ситуация с Кирилловскими пещерами. Они были раскопаны в XIX веке. Среди подольских мещан давно ходили слухи, что где-то здесь закопаны сокровища гетмана Мазепы. Клада никто не нашел, зато пещеры были расчищены. Эти пещеры оказались очень древними, древнее самого города. Предполагают, что они были выкопаны около четырех тысяч лет назад.

Достаточно хорошо известны и Зверинецкие пещеры. Их обнаружили при оползне горы, однако тогда городские власти запретили проводить раскопки, и открывшиеся входы были заделаны. Но в 1892 году после новых оползней открылись новые входы. Через 20 лет там начались раскопки. Археологи старались не привлекать внимание общественности, но каждый день приходили сотни зевак. В пещерах располагались две церкви, археологи также нашли древнерусские надписи на стенах. Но самым ошеломляющей находкой было огромное количество человеческих скелетов недалеко от одного из выходов. Как выяснилось, этих людей не убивали (на костях нет механических повреждений), а оставили умирать, засыпав все входы в подземелье. Вероятнее всего, это сделали монголы во время разгрома Клева 1240 года, хотя, по правде сказать, вряд ли это можно

утверждать однозначно, вполне возможно, что пещеры обвалились сами.

На юг от Зверинецких расположена еще одна сеть пещер — Китаевских. Обнаружены они были, как и большинство других киевских пещер, в результате обвала. В 1910 году там начались раскопки под руководством

А. Эртеля (он же, кстати, проводил раскопки в Зверинецких пещерах). К огромному сожалению, ни дневников, ни чертежей раскопок не сохранилось. Известно лишь, что ходов было много, Эртель говорил даже про «подземный город». То есть пещеры были, как минимум, не меньше лаврских, но исследовать их сегодня практически невозможно.

Однако, как уже отмечалось выше, наиболее известными пещерами в Клеве являются Лаврские. Они лучше всего изучены, до сих пор используются и открыты для посещения. Лаврские пещеры принято разделять на Ближние и Дальние.

Первые пещеры были вырыты в 1051 году. Эта дата, собственно, считается датой основания Печерского монастыря. Хотя сохранились сведения о том, что пещеры на этом месте выкопали варяги еще задолго до поселения монахов. Еще во время основания Печерского монастыря они считались заброшенными и там жили только юродивые. Археологическое исследование Варяжской пещеры (из комплекса Дальних пещер) подтвердило, что она является древнейшей из всех Лаврских.

Исторических свидетельств и описаний Лаврских пещер существует множество, свой отсчет они ведут от знаменитой «Повести временных лет». Согласно летописи, в лето 6559 года (т. е. в 1051 году от Рождества Христова) некто Антоний, в миру Ангина, вернувшись с Афона, поселился в «пещерке малой, двусаженной». Этот момент взят за начало отсчета истории Печерского монастыря. Далее к Антонию присоединялись единомышленники. Росли пещеры — крепла обитель.

Уже с XV века Лаврские пещеры обрастают различными легендами. Говорят, что по ним можно пройти до Смоленска, Новгорода, Чернигова. С того же времени пещеры открыты для поклонения святым мощам, правда, посетить их мог тогда не каждый.

Составить хотя бы приблизительный план первых подземелий, основываясь на летописных сведениях, к сожалению, невозможно.

Известно только, что уже в XII веке существовали пещерные кельи, галереи, церкви и трапезные. Практически все средневековые авторы писали о гигантской длине лаврских катакомб.

Долгая и кропотливая работа ученых в архивах увенчалась успехом — они нашли около 30 старинных карт Лаврских пещер, охватывавших почти четыре последних столетия. Но история Печерской лавры насчитывает девять веков. А где же более ранние карты? К великому сожалению, они не дошли до наших дней. Может быть, сгорели в огне многочисленных пожаров обители, может, истлели в сырых монастырских подземельях.

По структуре Ближние и Дальние пещеры практически ничем не отличаются — это длинные подземные коридоры с церквями, кельями, нишами для погребений. И Ближние и Дальние пещеры имеют по три подземных церкви. Кстати, свободный вход открыт не во все из них. Всего в Лаврских пещерах содержится 118 мощей и 32 «мироточивые главы», хотя это не все захоронения в пещерах. При археологических раскопках было найдено несколько массовых погребений. Надписи на стене сообщают, что здесь похоронены жертвы Батыева погрома Клева в 1240 году.

Первые графические (не картографические) изображения Лаврских пещер появились в конце XVI века. Они представлены иллюстрациями на полях рукописи львовского купца М. Грюневега, побывавшего в Лавре в 1584 году. Простые рисунки несут, тем не менее, весьма любопытную информацию — на них изображен вход в самую древнюю часть подземелий, укрепленную дубовыми сваями.

Первые карты лаврских катакомб были помещены в книге монаха Печерской лавры А. Кальнофойского «Тератургима», изданной в 1638 году. Вместе с ними к книге был приложен план Клева, также первый в истории. Впоследствии все внимание ученых было всецело уделено этому плану, а карты пещер оставались практически не изученными.

Следующая страница картографической летописи Лаврских пещер связана с выдающимся памятником отечественного книгопечатания — «Клево-Печерским патериком» 1661 года издания. Карты, созданные лаврским гравером Ильей, хорошо известны широкому кругу исследователей. Их описания легко найти в картографической литературе. Оригинальная карта Дальних лаврских пещер отыскалась довольно легко, гораздо труднее дело обстояло с

поиском ее второй половины — карты Ближних пещер. Редкий экземпляр неизвестной ранее карты был обнаружен в фондах Центральной библиотеки АН Украины. Библиотечные работники сразу же спохватились и отдали старинную карту на реставрацию. На ней, как оказалось, были изображены легендарные пещерные ходы, идущие к Днепру.

Все карты, найденные учеными, разительно отличались по содержанию. Невооруженным глазом было видно, что пещерные ходы за свою многовековую историю многократно изменяли конфигурацию. Часто старые галереи обваливались, иногда их укрепляли, а иногда просто замуровывали. Карты давали основное направление практическим поискам. А подземная картографическая съемка мало чем напоминает наземную топографическую.

Современные планы лаврских катакомб сегодня представляют собой два отдельных подземных лабиринта. Измерения показали, что длина Ближних — более 350 м, Дальних — около 500. Катакомбы вырыты на глубине от 5 до 15 м от поверхности в слое пористого песчаника. Благодаря свойствам этой породы в Лаврских пещерах сохраняются постоянные температура и влажность, что препятствует гниению органической материи, то есть делает возможным образование мумий. Оба подземных лабиринта имеют множество ниш для захоронений — аркосолий, склепов-крипт, множество узких гробниц в стенах — локул.

Как утверждает один из исследователей Лаврских пещер Сергей Хведченя, строение киевских и римских катакомб идентично, хотя другие отечественные ученые стараются избегать такой аналогии. Те и другие представляют собой систему подземных галерей шириной один метр с нишами для захоронений. Тела покойников и в Киеве, и в Риме хоронили либо в локулах (людей простого происхождения), либо в аркосолиях (более знатных), либо в криптах (особо именитых). Стены и тех и других катакомб испещрены надписями, датируемыми XII–XVII веками. Они сделаны на разных языках, в том числе на польском и армянском. Одно из немногих отличий киевских и римских катакомб — это то, что в пещерах Вечного города встречаются красочные настенные росписи, а в Киеве их нет, точнее — о них до недавних пор не знали.

Стены Лаврских пещер были издавна побелены. Однако во время последних археологических раскопок под слоем штукатурки были обнаружены прекрасные фрески древних мастеров.

В середине 1990-х годов XX века некий добровольный проводник предложил провести спелеологов в эти таинственные «подводные» подземелья. Он детально описал подземный ход, в котором якобы бывал неоднократно. По его словам, лаврский тоннель достаточно хорошо сохранился, своды его за века не обрушились под бешеным давлением земной толщи и днепровской воды. Очевидец утверждал, что в подземной галерее очень большая влажность, с потолка беспрестанно капает вода и есть несколько достаточно крутых уступов, которые без лестницы не преодолеть. В назначенный день добровольный проводник не явился. Тайна так и осталась тайной.

Совместный сравнительный анализ древних и современных карт позволил определить точное местоположение замурованных пещерных ходов. И тут пришел черед археологов. Они пробили замурованные входы и проникли в древние галереи. Благодаря картам было обнаружено более 150 м пещер, датируемых XI–XIII веками. Ходы вели в разные стороны, одни — к Успенскому собору, другие к Днепру. Дальнейший путь был прегражден массивными обвалами грунта.

Было обнаружено также большое количество погребальных ниш и монашеских келий, открыты древние подземелья, где, согласно карте 1744 года, «кости простых людей положены при разорении Клева царем Батыем». В одной из ниш нашли огромную дубовую колоду, тщательно обитую телячьей кожей. Такая находка — большая редкость. Археологи почувствовали всю важность момента, ведь внутри могло быть что угодно — книги Ярослава Мудрого, церковные драгоценности, святые реликвии. Колоду вскрывали при большом стечении кино-, фото-и телерепортеров, пригласили и представителей религиозных и общественных организаций. Наконец обшивку распорол, колоду открыли. Внутри было обычное захоронение.

Одной из самых значительных находок в Дальних пещерах стала келья основателя монастыря Феодосия. Она была нанесена только на карте 1638 года, а на более поздних ее изображение отсутствовало. Благодаря современной карте археологи легко обнаружили древнюю кирпичную кладку в стене пещеры, разобрав которую попали в полузасыпанное помещение. После расчистки оказалось, что в келье

из «мебели» были только земляная лежанка да такой же стол. Подозрительно рыхлым оказался пол подземной комнаты. На этом месте с 1074 года покоился прах преподобного Феодосия. В 1091 году игумен Иоанн и черноризцы решили перенести святые мощи в Успенский собор. Нестор-летописец собственноручно откопал их, после чего останки основателя монастыря торжественно перезахоронили в храме. Возможно, что где-то в потайных подвалах собора гроб с мощами Феодосия находится и сегодня.

Исследуя лаврские катакомбы, археологи пытались найти ходы, расположенные на одном уровне с уже известными пещерами. Катакомбы могли быть и многоярусными (в мире, кстати, существует множество многоэтажных подземелий). Чтобы спуститься под Днепр, лаврские катакомбы, по некоторым подсчетам, должны были иметь, как минимум, три яруса. Так что поиски следует продолжить.

Еще одна неразгаданная тайна Клево-Печерской лавры и ее подземных ходов — клады. Архивные материалы подтверждают: лаврская земля должна быть буквально напичкана кладами. Описание одного из них есть в «Клево-Печерском патерике», в «Слове о святых преподобных отцах Федоре и Василии». Монах-затворник Федор много лет жил в пещере, которая издревле звалась Варяжской, или Разбойничьей. По преданию, здесь когда-то обитали разбойники-норманны, безжалостно грабившие купеческие суда. В те времена по Днепру проходил оживленный торговый путь «Из варяг в греки», и без «работы» душегубы не сидели. Награбленное добро они прятали в своей пещере. Однажды монаху приснился вещий сон о сокровище в пещере, днем он пришел на то место и отыскал «злата и серебра множество, и сосуды многоценные».

Попутал бес Федора, захотел он тайком сбежать из родимого монастыря с золотом в дальние края. Но встретил своего друга — монаха Василия, и тот уговорил его остаться, направил заблудшую овцу на путь истинный. «Обретенное же сокровище, ископав яму глубоку и тамо влож, и засыпа, еже от дней тех и доньне никто не сеवेशь идеже сокровенно есть». Проще говоря, монахи снова зарыли тот клад в Варяжской пещере, да так хорошо спрятали, что до сих пор его не могут найти. Может, эта история так и закончилась бы, но о находке доведалься князь.

В ту пору на Киевском престоле сидел Святополк Изяславич (княжил в 1093–1113 годах). Он оставил по себе дурную славу, много погубленных невинных душ было на его совести. Человек этот, как писали современники, отличался жадностью, скупостью, был посредственным политиком, давал деньги под драконовские проценты и был замешан в грязной истории со спекуляцией солью. Точной копией своего отца в его наихудшем проявлении был и старший сын Святополка — Мстислав. Узнав о находке клада в монастырской пещере, Мстислав решил завладеть им. Дружинники привезли монаха Федора в княжеский дворец. Федор сказал, что забыл место, куда спрятал золото. Князь велел заковать монаха в кандалы и оставить в сырой темнице на три дня и три ночи без хлеба и воды. Но это испытание не сломило дух стойкого монаха, и тогда князь приказал пытать его огнем. Палачи привязали Федора и развели вокруг него костер в человеческий рост. Долготерпение схимника тронуло даже безжалостные сердца мучителей. Не добившись признания от Федора, князь велел привести монаха Василия и «бити его без милости», но и это не принесло успеха. Тогда разгневанный князь «шумен от вина быв, взял стрелу и уязви Василия». Тяжело раненный монах предсказал Мстиславу смерть от стрелы.

Пытки продолжались всю ночь, и к утру следующего дня оба монаха были мертвы. Монастырская братия забрала их тела и похоронила в той самой Варяжской пещере, где эта скорбная история началась. Мумифицированные останки Федора и Василия и сегодня свято сохраняются в лаврских катакомбах.

Пророчество святого мученика Василия полностью сбылось. Как сообщает «Патерик», «князь Мстислав был убит стрелой на крепостной стене во Владимире при осаде города Давидом Игоревичем». Как видим, в истории о варяжском кладе задействованы реальные персонажи, события подтверждаются многими историческими фактами, следовательно, можно предположить, что само существование сокровища вполне реально. Содержимое варяжского клада составляли «сосуды латинские, многоценные, золото и серебро во множестве». По этим скудным сведениям трудно установить, какие именно сосуды были там, возможно, византийские, а может, древнегреческие или древнеримские. Несомненным является тот факт, что клад был огромным.

Дальнейшая судьба клада покрыта мраком, скорее всего он так и остался сокрытым в подземелье. Возможность отыскать золото привлекала не только великих князей. На протяжении многих веков варяжский клад безрезультатно искали сотни людей, попробовали здесь свои силы и ученые. Но безуспешно.

Поиски этого клада — задача очень нелегкая. Общая длина Варяжских пещер такова, что потребовалось бы обследовать более одного километра стен высотой до двух метров. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов возможность существования тайника под полом, а это еще полкилометра. И наконец, самое главное — существует множество засыпанных и замураванных участков подземных ходов, добраться в которые практически невозможно.

Надо сказать, что самая большая загадка лавры — это все-таки не подземелья и не клады. Многие из тех, кто побывал в пещерах в XVI–XVII веках, описывают не столько сами пещеры, а чудодейственные нетленные мощи святых. Особое место среди чудес Лаврских пещер занимают так называемые «мироточивые главы». Они представляют собой человеческие черепа, из которых время от времени исходит миро — особое масло, которое отличают целительные свойства. В советское время пытались это опровергнуть и представить мистификацией. На самом же деле миро действительно по неизвестным пока причинам сочится из черепов, хотя его целительные свойства не могут считаться полностью доказанными.

В 70-х годах прошлого века при поддержке киевского митрополита был проведен химический анализ мира, который показал, что оно представляет собой белок очень сложной структуры, синтез которого пока невозможен.

То есть говорить о его искусственном происхождении нельзя.

Хотя Лаврские пещеры хорошо известны и изучены, они по-прежнему хранят немало тайн. Некоторые проходы уже давно не используются по причине обвалов или заброшенности. Особенно это касается Дальних пещер, все выходы которых к Днепру давно заброшены, а в 30-х годах XX века зацементированы, чтобы обезопасить их от посещений любопытных.

Конечно, это не вся информация о киевских пещерах. Про некоторые киевские пещеры можно сегодня узнать только предположительное их местонахождение, некоторые, как галереи-

потерны (тайные подземные ходы в основном из церквей и крепостей), утеряны безвозвратно. Поэтому и сегодня тайны киевских подземелий ждут своего открывателя.

Нераскрытые тайны Лысой горы

Местность под названием «Лысая гора» есть не только в Украине, но и в России, и в Польше. Дело в том, что Лысая гора — это не только географическое или топографическое понятие, но и элемент славянского фольклора, связанный с колдовством и сверхъестественными силами. Согласно легендам, ведьмы и другие сказочные существа регулярно собирались на «лысых горах», где устраивали шабашы. Упоминания «лысых гор» встречаются в многочисленных исторических и литературных источниках, в том числе в произведениях Николая Гоголя и Михаила Булгакова (который использовал образ Лысой горы в «Мастере и Маргарите» как места распятия Иешуа), а также в творчестве Модеста Мусоргского. Правда, достоверных сведений о происхождении культа «лысых гор» нет.

В Клеве, например, есть не одна Лысая гора, а целых пять. Но неофициально «главной» и наиболее известной из всех подобных считается та, что расположена на юго-западе от Выдубичей, на правом берегу реки Лыбидь. Сейчас эту местность принято делить на три части: Русалкин яр (озеро, где можно встретить русалок), Ведьмин яр (любимое место как ведьмацких шабашей, так и сатанистов) и Мертвецкий гай (заброшенное кладбище, где находят раскопанные могилы). Говорят, фотографироваться на Лысой горе бесполезно — все равно пленка окажется засвеченной. Однако ученые склонны отрицать влияние потусторонних сил, вместо этого убеждая нас в существовании на Лысой горе сильного отрицательного энергетического поля.

Говорят, что несколько раз это место освящали — толку никакого. Ко всевозможным эпитетам Лысой горы добавился еще один: «черное место». Интересно, что раньше оно было черным в буквальном смысле — служило обителью языческих культов. Редкие путники до сих пор видят там зарево костров и слышат незнакомую речь. Но, как считают исследователи, еще три с половиной века назад гора выглядела совершенно иначе. Сама она была темная, люди сторонились ее. Вершина холма, нареченного Лысой горой, была абсолютно черной. Молва твердила, что причина этому — множество костров, которые

жгли на вершине. Земля так пропиталась смертью, что здесь ничего не может расти. Со временем гора «успокоилась», — сейчас там уже можно увидеть редкую зачахшую травку, песок избавился от черноты и стал где светло-желтого, а где белого цвета.

Ни для кого не секрет, что Лысая гора известна в первую очередь благодаря своей недоброй славе любимого места сбора разной нечисти. Сколько бы ни было написано опровержений, но она все равно считается культовым местом всех славянских ведьм. Если западноевропейские ведьмы в Вальпургиеву ночь устраивают шабаши на горе Брокен, то славянские «чернокнижницы» облюбовали именно эту гору, лишенную растительности на макушке. В том, что здесь многие века творились всяческие «нехорошие» дела, сомневаться не приходится.

Так, археологами на Лысой горе была обнаружена яма с сожженными церковными книгами. Поблизости было найдено несколько обезглавленных петушиных скелетов, так называемых «мертвых пивней», которых ведьмы якобы используют при жертвоприношении. Не случайно на Лысой горе женщины пытаются покончить жизнь самоубийством, бросаясь с вершины. Таких случаев только в советский период было зафиксировано более семидесяти. Однако никому не удастся довести дело до конца, поскольку гора недостаточно крутая. И все заканчивается тяжелыми увечьями.

Откуда же берут начало многочисленные легенды о ведьминих шабашах и других ужасах, творящихся на Лысой горе? Что в них правда, а что вымысел? На этот счет существует множество предположений.

Существует, например, одна древняя легенда, рассказывающая об истории появления Лысой горы. Когда-то люди верили, что землю опоясывает змея, кусающая сама себя за хвост. Место, где она себя кусает, расположено как раз над Клевом и называется оно Лысой горой. Впрочем, название «Лысая гора» появилось позже, во времена Петра I, когда здесь строился форт внешнего кольца обороны Клева. Оборонительные рубежи города в то время состояли из двух колец — внутреннего и внешнего. В систему обороны Клева входил и Лысогорский форт. Верхушку горы срубили для постройки, отчего и пошло ее название — «Лысая».

Есть еще одно объяснение тайн и загадок этого места. В начале XIX века территория, на которой находится Лысая гора, расположенная между нынешними проспектом Науки и Надднепрянским шоссе, принадлежала Печерскому монастырю. Монахи кормились медом с пасек и фруктами с садов на горе, а под горой пахали. Но полтора столетия назад городское начальство выкупило эти земли, решив построить здесь форт. В те годы у военных существовал план: всю Российскую империю покрыть сетью укрепрайонов. Клев, как и многие другие города, должен был стать городом-крепостью. В западной части города планировали построить форты на Байковой и Батыевой горах. На севере — в районе нынешней улицы Обсерваторной. А на юге — на Лысой горе и части Багриновой горы. Всего планировалось построить вокруг Клева 24 форта.

Однако при этом военные умалчивали о маленькой детали: чтобы построить форты, придется вырубить древние леса, а кое-где и снести постройки. Ведь перед крепостью все должно просматриваться до горизонта. Горожане разволновались. История сохранила послание Андрея Николаевича Муравьева (брата известного декабриста Сергея Муравьева) военному министру: «Странная судьба Клева.

Вот уже четвертая крепость воздвигается для его защиты в продолжение 160 лет, и еще ни одной из них не сложилось ему воспользоваться. Городу страшнее такая оборона, нежели самое нападение».

К гласу народа прислушались, но военные все же выпросили дозволение построить один форт — на Лысой горе.

Он представлял собой сложную систему земляных валов высотой 10–12 м и глубоких рвов. Валы насквозь прорезали потерны — длинные, до 40 м, туннели, выложенные кирпичом и закрытые с обеих сторон решетками. В казармах могли разместиться несколько тысяч солдат. План крепости держался в строжайшей тайне: тому, кто откроет его противнику, грозила ссылка в Сибирь, а в военное время — расстрел. Строили Лысогорское укрепление по последнему слову фортификационного искусства, но едва закончили строительство, как оно оказалось морально устаревшим. Дело в том, что были изобретены нарезные орудия, для которых земляные валы — не помеха. Поэтому в 1897 году форт получил статус «крепость-склад III разряда». Одно

время здесь хранили пироксилин — взрывчатое вещество. Киевляне даже не знали, что живут «на пороховой бочке».

В конце концов форт приспособили под место казней. С 1906 года на Лысой горе вешали приговоренных к смерти, которых по ночам доставляли из тюрьмы «Косой капонир». По данным исследователей, в Лысогорском форте было казнено около 200 человек, преимущественно политических заключенных. Их не положено было хоронить по христианскому обычаю, потому палач закапывал тела повешенных недалеко от виселицы. Неудивительно, что даже сегодня находятся люди, которые утверждают: на Лысой горе по ночам слышатся жалобные стоны. Все чаще там находят разрытые могилы. Эти акты вандализма приписываются как сатанистам, так и охотникам за человеческими костями, которые продают свою «добычу» в музеи.

Из ворот «Косого капонира» летом в четыре часа утра, а зимой в семь вечера выезжала черная карета, запряженная черногривым конем. Услышав зловещий цокот копыт, горожане прятали детей: встретить карету со смертником считалось дурной приметой. Да и охрана избегала встреч с горожанами: вдруг отобьют заключенного? Поэтому каждый раз к Лысой горе добирались по другому, измененному маршруту. 24 сентября 1911 года черная карета везла в последний путь Дмитрия Богрова — убийцу премьер-министра Петра Столыпина. После казни по месту, где похоронили Богрова, прогнали роту солдат.

Из-за того что Лысая гора считалась «нехорошим местом», начальник крепости издал инструкцию, которая гласила: перед выходом в караул офицер обязан предупредить солдата, чтобы он не смущался непонятных шумов — то, мол, всего лишь порывы ветра и крики ночных птиц. И все же стоять на часах у какой-нибудь патерны было довольно-таки жутко. От нечего делать часовые выцарапывали на кирпичках свои «визитные карточки» — кто, откуда и когда ему довелось служить. Их можно прочесть и сегодня.

Но Лысая гора — это не только место казни. Потому не стоит искать причину дурной славы этого места лишь в том, что здесь еще сто лет назад хоронили казненных преступников. Известный киевский историк-любитель

В. Янович считает, что в начале I тысячелетия н. э. на этом месте располагалась древнеримская торговая база. Это подтверждается, в частности, многочисленными находками римских монет того периода.

Позже это урочище приобрело иной статус: здесь в древности проводились языческие обряды. Лысая гора имела для наших предков большое духовное значение. Потому после введения на Руси христианства это место начали называть не иначе как сатанинским — ведь именно на Лысую гору сходились те, кто продолжал втайне поклоняться языческим божествам.

Князь Владимир лично устраивал здесь облавы на язычников. Говорят, что легендарные подземные ходы на Лысой горе прорыли древние волхвы, прятаясь от набегов княжеского войска. В подземельях же они сберегали свои святыне книги, обрядовые предметы и др.

Однако со временем часть Лысой горы отошла, как говорилось выше, к Печерскому монастырю. И теперь здесь распоряжались христианские монахи. Так и продолжалось до того времени, пока не было решено построить здесь форт. Что из этого вышло — мы уже знаем. Любопытная деталь: строительством форта руководил генерал и инженер Эдуард Тотлебен, фамилия которого в вольном переводе с немецкого означает «Любитель смерти». По слухам, строительство держалось в такой строгой тайне, что всех, кто принимал в нем участие, приказали утопить. Как видим, так или иначе Лысая гора была связана со смертью.

Входы в подземелья взорвали немцы, которые во времена оккупации разместили на Лысой горе базу танков «Тигр». Говорят, под землей до сих пор можно найти остатки брошенной при отступлении техники. А после войны здесь расположили ракетную воинскую часть. Интересно, что к середине 1970-х годов Лысая гора утратила стратегическую ценность и перестала интересовать военных. Но еще четверть века назад там располагался так называемый радиообъект № 7 — знаменитая «глушилка», не дававшая желающим возможность слушать зарубежные радиоголоса. В 1982 году Лысая гора получила статус природного парка.

Согласно еще одной распространенной легенде, у Лысой горы есть двойник — Голгофа. Из-за полного отсутствия на вершине чего-либо, кроме «черного песка», Лысую гору некоторое время именовали Черепом, т. е. так же, как и Голгофу. По аналогии вспоминаются и смертные казни. Римляне и славяне-язычники в обоих местах приводили в исполнение смертные приговоры. Потому и существует

предположение, что Лысая гора была просто местом казни, где жрецы-воины исполняли приговоры Вече и жрецов, например сжигали, отчего и появился на горе черный песок.

Но вернемся к загадке так называемых шабашей ведьм, которые якобы проходят здесь раз в году. Кстати, второе, неофициальное название Лысой горы — Шабашная. Места ведьминых сборов легко узнать. Во всяком случае, на Руси места, связанные с волшебством, колдовством, как правило, издревле отличались каким-нибудь необычным явлением — «ведьмин круг» из грибов на поляне, скрученные колосья в поле, «облысевший» холм. Самая распространенная сказка о ведьмах имеет множество различных вариаций, но основная ее суть такова: ведьмы, которые слетались на шабаш, устраивали драки между собой, таскали друг друга за волосы, кричали, стучали кастрюлями и сковородками. Руководил «мероприятием» старый ведьмак, сюда же прилетала самая старая ведьма. Обычно они собирались после заката и гуляли до «третьих петухов».

Но кроме ведьм на Лысой горе любят собираться и другие представители нечистой силы. Например, русалки и потерчата, которых, по легенде, можно встретить в день сразу же после Вербного воскресенья. Или же черти. Вот как описывает шабаш на Лысой горе герой одной из украинских народных сказок:

«На височенький пень, що стримів посеред Лисої гори, один за одним злазили відьми та чорти і хвалилися своїми подвигами. Лише тепер я зрозумів, звідкіля беруться на землі всі нещастя. Виявляється, усе, що з нами діється, — не просто випадковість чи збіг обставин, це задалегідь сплановані диявольські каверзи. Так, одна відьма розповіла про те, як вона щоночі перекидається кішкою чи собакою і доїть людських кіз або корів. Та головне не це, а те, що перш ніж продати молоко, вона в ньому купається, плекаючи красу свого тіла. Якщо якийсь дідько лисий гадає, ніби їй лише 25 років, то він глибоко помиляється. Насправді відьмі-доярочці уже стукнуло 666 років.

Якийсь чорт захоплено розповідав про дядька, котрий перевозив на возі горох. Так от, цей чорт на вершечку гори непомітно встромив палицю в колесо, і віз перекинувся. Уявляєте, скільки часу той дядько збиратиме під горою горох! Почули б ви, панове, скільки сміху було на Лисій горі!

Один чортик додумався на весіллі посипати подвір'я висушеною розтертою шипшиною. Коли почалися весільні танці, то там таке зчинилося — ні словом сказати, ні пером описати. Пекуча шипшина із пилом прилипала до тіла весільчан, викликаючи неймовірну сверблячку. Ошалілі танцюристи чухмарилися, наче в них була короста, і мало не божеволіли. Ще один чорт уподобав іншу розвагу — він наслав на людей плут, тобто заплутував їм дорогу. Повертається, приміром, якийсь веселий дядько за північ додому й опиняється аж... на цвинтарі, а дехто навіть у сусідському погребі, де лютий господар міг відшмагати і батогом. Над Лисою горою стояв суцільний регіт.

Я відбув із Києва, коли над Лисою горою сходило червоне Сонце. Обернувся, щоб востаннє помилуватися на золоті бані Печерської лаври, і краєчком ока примітив, як із Лисої гори спускалася відьма із двома кошиками. Безумовно, вона поспішала на Житній ринок зайняти вигідне місце у торгових рядах».

Время идет, на дворе уже властвует XXI век с его невероятным развитием техники, но Лысая гора по-прежнему не торопится раскрывать свои тайны. Пока что и те, кто верит в мистическую ауру этого места, и законченные скептики единокоры в одном: всегда должно быть историческое место, которое притягивает своей загадочностью и дает простор для фантазии.

Во времена казацкой республики и гетманата

Происхождение казачества

Вопрос о возникновении казачества по-прежнему занимает одно из главных мест в истории Украины. Споры и дискуссии по этому поводу длятся на протяжении нескольких столетий и не утихают до сих пор. Незначительное количество источников не дает возможности в полной мере ответить на некоторые важные аспекты этого процесса, вследствие чего и существует огромное количество гипотез и теорий относительно возникновения казачества. То, что эта проблема и сегодня привлекает большое внимание исследователей, не случайно. Появление казачества привело к значительной трансформации в историческом пути украинских земель, а впоследствии, в определенной мере, и всей Европы.

Запорожский казак.
Гравюра XIX века

К XVI веку большая часть территории Украины оказалась в составе иностранных государств: Великого Княжества Литовского и Польши. Такое геополитическое положение неизбежно вело к ассимиляции украинского этноса и исчезновению его характерных особенностей. Вследствие этого произошел почти полный отрыв от этнических корней украинской элиты, которая уже не могла продолжить процесс формирования этноса и государственности украинцев. Но, с другой стороны, критическая историческая ситуация

породила новые социальные силы, способные повести за собой остальные слои населения. Прежде всего — украинского казачества, которое зародилось на территории Среднего Поднепровья в конце XV века.

Среди ученых нет единодушия в вопросе происхождения слова «казак». Считалось, что оно происходит от названия народов, некогда живших вблизи Днепра и Дона (касоги, х(к)азары), или от самоназвания современных киргизов — кайсаки. Существовали и другие этимологические версии происхождения термина «казак»: от турецкого «каз» (т. е. гусь), от монгольского «ко» (броня, защита) и «зах» (рубеж). Некоторые ученые выводили его из тюркских глаголов «каз» — «рыть», «кез» — «скитаться», «кач» — «бежать, спасаться»; другие создали невероятную этимологию этого слова от «каз» — «гусь» и «ак» — «белый»; есть исследователи, которые считают возможным происхождение слова «казак» из монгольского термина касак-тэргэн, обозначающего род повозки.

Слово «казак» впервые было упомянуто в латинской рукописи конца XIII века «Codex cumanicus» в значении «сторож», или «дежурный». Вслед за этим оно все чаще встречается в тюркоязычных источниках, означая свободного вооруженного человека.

Немало споров вызывает и вопрос о том, кем же были первые казаки: защитниками своей земли или обыкновенными разбойниками?

По утверждению украинского исследователя казачества А. Чабана, первые упоминания об украинском казачестве в официальных государственных документах, а также в описаниях современников того периода касаются непосредственно земель и населения Среднего Поднепровья, а именно территории вокруг Черкасс и Канева. И действительно, именно на этих землях сложились все предпосылки появления казачества как уникального общественно-политического явления в истории украинского народа. Особенностью этой территории были отсутствие крепостничества, а также ее пограничный статус — близость к незаселенной степи, так называемому Дикому полю, прикрывавшему ее от татарских, а со временем и турецких набегов. Именно территория Среднего Поднепровья стала тем регионом, который смог породить силы, образовавшие со временем украинское государство.

Что же представляло собой казачество — явление, которому суждено было стать во времена общего национального и социального упадка украинцев новой и могущественной силой?

На исторической арене украинское казачество как явление появилось в конце XV века, но как социальный слой сформировалось лишь на рубеже XVI–XVII веков.

Все теории о происхождении украинского казачества условно можно поделить на две группы: этнические и социальные. К этническим теориям источников формирования казачества можно отнести теорию летописца XVIII века П. Симоновского, который в своем «Кратком описании о козацком малороссийском народе» (1765 г.) предшественниками казаков считал касогов. Весьма популярной в свое время была так называемая «черноклобуцкая теория» (о происхождении казаков от северокавказских тюркских народов), которую поддержал и развил польский историк М. Стрийковский (около 1547–1582) в «Хронике польской, литовской, жмудьской». Среди других этнических теорий важное место занимала теория татарского происхождения казачества. Ее в свое время не обошел вниманием даже такой знаменитый историк, как Н. Костомаров.

Начатая казацким летописцем Г. Грабянкой, продолженная автором анонимной «Истории Русов» (XVIII век), теория хазарского происхождения казаков нашла продолжение у русского историка Л. Гумилева. К этническим теориям можно отнести и концепцию украинского профессора М. Дашкевича, известную как «болоховская теория».

Существуют и прямо-таки мифические версии относительно формирования казачества. Так, украинский философ и просветитель XVIII века Г. Конисский считал, что название «казак» происходит от слова «коза», так как «козаки, мовляв, на своїх конях такі прудкі були, як ті кози». Русский историк В. Татищев вообще выдвинул гипотезу, согласно которой в Египте был город Черказ, жители которого переселились на Кавказ и стали называться касогами. Позже татары оттеснили их к Приднепровью, где они известны уже под названием «казаки». Кстати, даже известный французский просветитель Вольтер считал, что казаки — это часть тех татар, которые ассимилировались с местными жителями среднего Приднепровья.

Но наиболее истинной, по крайней мере по мнению современных историков, среди этнических теорий происхождения казачества является так называемая автохтонная теория. Ее поддерживали и развивали многие ученые, в том числе и такие известные украинские исследователи казачества, как М. Грушевский, Д. Яворницкий, В. Голобуцкий, В. Смолий, В. Щербак, А. Чабан и многие другие. Эта теория имеет также значительную источниковедческую базу.

Особой точки зрения на происхождение казачества придерживались профессор В. Антонович и самый крупный и авторитетный историк кубанского казачества Ф. Щербина. Они связывали происхождение казачества с древнерусскими вечевыми общинами.

Историк Е. Савельев считает казаков исконными обитателями берегов Азовского и Черного морей, Дона и Нижнего Днепра. По его мнению, «остатки ордынских казаков, не присоединившиеся к киргизам — своим соплеменникам, образовавшим новое ханство, могли быть первым ядром, около которого копились русские беглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть от безженства... и русское поколение... остаться хозяином союза».

А. Чабан также уверяет, что основой украинского казачества было местное население, которое жило на территории Среднего Поднепровья с давних времен и сохранило свои традиции. А Д. Яворницкий отмечал, что местное население старалось воссоздать свои давние обычаи в новых условиях на более высоком уровне.

Не меньшее разнообразие относительно источников формирования украинского казачества существует и среди социальных теорий данной проблемы. Многие исследователи полагали, что казачество произошло лишь из какого-то определенного социального слоя украинского общества. Так, польский историк XVI века М. Вельский считал казачество «туземным сословием». Французский инженер, автор «Описания Украины» Г. де Боплан, а вслед за ним и казацкий летописец С. Величко придерживались того мнения, что казаки произошли от мелкой шляхты. Российские ученые В. Карпов и Н. Туманов считали предками казаков княжеских дружинников времен Киевской Руси. Н. Костомаров писал, что казаки произошли от «гулящих людей», а В. Антонович придерживался «крестьянской» теории возникновения казачества.

Кое-кто из исследователей видел источником казачества еще Древнерусское государство, акцентируя внимание на Тмутараканском княжестве, где проживали люди, обязанностью которых была защита границ от нападений кочевых соседей. Таких людей называли берладниками или бродниками (отчего эта теория стала известна как «бродницкая»). Но с исторической арены они исчезли с татаро-монгольским нашествием.

Как бы там ни было, лишь на рубеже XVI–XVII веков, как мы уже отмечали, украинское казачество переросло в отдельную сословную группу со своими особыми интересами, экономическими и общественными прерогативами. Между казаком — степным воином конца XV — начала XVI века, который занимался так называемым «уходничеством» (экономическим промыслом), и казаком конца XVI века, ставшим защитником интересов украинского народа в могущественном многонациональном союзе Речи Посполитой, — огромная разница.

Казачество формировалось на довольно большой этнической и социальной базе, которая на протяжении двух столетий постоянно обновлялась и изменялась. В этот процесс были втянуты крестьянство, боярство, шляхта, мещанство.

В XV веке литовские князья основали в Среднем Поднепровье несколько замков, жители которых были освобождены от любых феодальных повинностей, кроме военной службы. Так постепенно формировалась боярская прослойка из энергичных и отважных людей, которые стали опорой Литовского государства на южной границе. Но постепенно эти люди начали заниматься и уходом. К этому процессу привлекались и жители соседних Полесья и Волыни, для которых перевалочным пунктом служило именно Среднее Приднепровье. В своих поисках воли уходники продвигались ниже по Днепру и его южным притокам. На этих щедрых, но и опасных землях они организовывали уходы, т. е. охотничьи и рыболовецкие ремесла, а также занимались выпасом скота и коней. Во время этих продолжительных сезонных рейдов в глубь степи у них начали формироваться первые элементы организации. Отправляясь в «Дикое поле», уходники избирали своими предводителями, или, как их еще называли, атаманами, наиболее опытных, смелых и находчивых людей, а чтобы лучше обороняться от татар и взаимодействовать на охоте и в

рыболовстве, группировались в тесно объединенные отряды — ватаги. Со временем в степи появились укрепленные лагеря (сечи) с небольшими круглогодичными военными заставами.

Со временем уходники столкнулись с «конкуренцией» со стороны соседнего Крымского ханства. И это сразу же вызвало вооруженное противостояние между уходниками и татарами. От последних, наверное, и распространилось на уходников название «казак».

Так, в 1492 году крымский хан Менгли-Гирей сообщал великому князю Литовскому Александру о нападении «отряда казаков» из Черкасс на турецкую галеру, а в 1504 году крымский хан писал московскому князю Ивану III, что близ днепровской переправы «из черкасского городка казаки потопили, все поимели, пеша остали».

Таким образом, можно утверждать, что появление украинского казачества в конце XV века было обусловлено колонизацией южных регионов Украины и необходимостью защиты от татарских набегов. Власть имела от уходничества двойную выгоду — защиту границ от татар и материальную прибыль. Когда уходники возвращались с промыслов в города Среднего Поднепровья с большими запасами рыбы, меха, меда, разного скота, местные князья брали с них часть добычи в качестве налога. Однако важным было и то, что они нашли в казаках идеальных защитников от татарских набегов, ведь одним из наиболее обременительных обязанностей князей и старост была защита границ. Так, в 1520 году черкасский староста Сенько Полозович завербовал отряд казаков для несения пограничной службы. В следующие десятилетия другие старосты — Евстафий Дашкевич, Предслав Лянцкоронский и Бернард Претвич — начали активно мобилизовать казаков не только для обороны, но уже и для нападений на турок.

Первые магнаты, которые организовывали казаков, принадлежали к числу православных неполяченных украинцев. Одним из самых известных среди них был каневский староста Дмитрий Вишневецкий («Байда»). В его преисполненной приключений, овеянной славой легендарной жизни нелегко отделить правду от вымысла. Тем не менее, достоверно известно, что в 1553–1554 годах Вишневецкий собрал разрозненные казацкие ватаги и выстроил на отдаленном, расположенном за днепровскими порогами острове Малая Хортица форт, который должен был стать заслоном от татар. Так Вишневецкий

основал Запорожскую Сечь, которая считается колыбелью украинского казачества.

Расположенная в недосыгаемости для сил центрального правительства, Запорожская Сечь даже после смерти своего основателя продолжала процветать. Каждый христианин мужского пола, независимо от своего социального положения, мог прийти на этот остров-крепость с его неприметными шалашами из дерева и камыша и присоединиться к казацкому братству. Мог он при желании и покинуть Сечь. Женщин и детей сюда не принимали, поскольку считали, что в степи они будут лишними. Отказываясь признать авторитет какого-либо правителя, запорожцы осуществляли самоуправление согласно тем обычаям и традициям, которые формировались на протяжении поколений. Все казаки имели равные права и могли принимать участие в довольно бурных советах (радах), в которых чаще побеждала сторона, которая громче всех кричала.

На этом стихийном собрании избирали и с такой же легкостью снимали казацких предводителей — гетмана или атамана, есаулов, писаря, обозного и судью. Каждый курень (это слово со временем стали употреблять как название казацкой военной единицы) избирал аналогичную группу низших офицеров или старшину. В период военных походов старшина пользовалась абсолютной властью, включая право применения смертного наказания. Но в мирное время ее власть была ограниченной. Вообще запорожцев насчитывалось 5–6 тысяч, из них 10 %, сменяясь, служили на сечевой заставе, в то время как другие принимали участие в походах или занимались мирным промыслом.

Можно смело утверждать, что основой казачества на первом этапе стали выходцы из укрепленных городов и городков Среднего Поднепровья, среди которых не только мещане, но и торговцы, крестьяне. Вместе с ними казаковали также и бояре, слуги и ремесленники, которых возглавляли представители местной администрации.

Второй этап формирования казачества начинался с середины XVI века, и связан он со всем ходом общеевропейского развития. В первой половине XVI столетия в большинстве стран Западной Европы ведущую роль стали играть капиталистические отношения, начался промышленный переворот, который втянул европейскую экономику в

рыночные отношения. Землевладельцы Речи Посполитой, в том числе украинские магнаты, старались все больше заниматься товарным производством продуктов сельского хозяйства. Произошли изменения и в общественных отношениях: теперь принадлежность к шляхетскому сословию определялась не военной службой, а частной собственностью на землю. Так, мелкая служивая шляхта перешла в разряд государственных крестьян и предстала перед дилеммой: какое место в обществе занять. Довольно привлекательным вариантом для них и стало казачество.

Таким образом, на втором этапе формирования казачества базой обновления казацких сил становится именно украинская мелкая служивая шляхта, которая не смогла юридическим путем подтвердить свою частную собственность на землю и вынуждена была реализовать себя в более присущей ей среде.

Следующий этап формирования казачества пришелся на последнюю четверть XVI века. Магнаты Речи Посполитой пытались найти новые источники обогащения, т. е. новые земли. И нашли они их в своем государстве, на свободном тогда от магнатского землевладения Среднем Поднепровье. Прибыв на свободные земли, эта масса мелкой и средней шляхты столкнулась с организованным и закаленным слоем украинского казачества, которое чувствовало себя здесь полноправным хозяином.

В итоге шляхта вынуждена была сотрудничать с казаками и значительно усилила общественный вес казачества, что предоставило ему статус привилегированной военной прослойки. Такая эволюция стала толчком к возникновению качественно нового элемента — реестрового казачества, которое было освобождено от подчинения местным властям и стало наемным королевским войском. Понимая бесполезность любых попыток подчинить далекую и непокорную Сечь, польское правительство, тем не менее, надеялось привлечь на службу городское казачество.

В 1572 году король Сигизмунд Август санкционировал образование отряда из 300 оплачиваемых казаков во главе с польским шляхтичем Бадовским, который формально не подчинялся правительственным чиновникам. И хотя этот отряд в скором времени был расформирован, его появление стало важным прецедентом:

впервые польское правительство признавало казачество или, по крайней мере, его представителей как отдельный социальный слой.

Вторая, более удачная попытка создания санкционированного правительством казацкого отряда имела место в 1578 году, во времена правления короля Стефана Батория. Он установил плату шести сотням казаков и разрешил им расположить в городе Трахтемирове свой арсенал и госпиталь; за это казаки соглашались признать в качестве старшин шляхтичей и воздерживаться от «самочинных нападений на татар», что часто усложняло внешние отношения Речи Посполитой. Задача этих внесенных в реестр (т. е. реестровых) казаков заключалась в охране границ и, что не менее важно, в контроле за казаками, которые не являлись реестровыми. До 1589 года реестровых казаков насчитывалось около 3 тысяч. В основном это были выходцы из обеспеченных местных жителей.

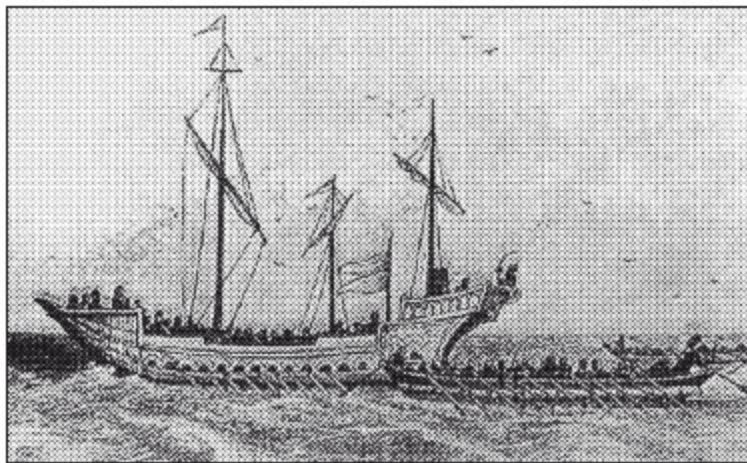
Во второй половине XVI века усиление феодального гнета в Восточной Европе вынуждало украинских крестьян и мещан, особенно Западной Украины и Подолья, искать более благоприятные условия жизни. В свою очередь, магнаты приграничных территорий все активнее привлекали в свои владения новых переселенцев, предоставляя им определенные льготы в пользовании землей. Начали создаваться так называемые «слободы», жители которых были освобождены от любых феодальных повинностей сроком от 5 до 25 лет. Когда же этот срок заканчивался, крестьяне, не желая возвращаться под власть землевладельца, обычно вливались в ряды казаков. К этой категории «непослушных» относились не только крестьяне, но и городские ремесленники, купцы и даже представители городских администраций.

Так начинается четвертый — и последний — этап формирования казачества, который предопределялся также нарастанием освободительной борьбы украинского народа конца XVI — первой трети XVII веков.

Таким образом, украинское казачество, возникшее в 90-х годах XV столетия на территории Среднего Поднепровья, прошло сложный эволюционный путь от разбойных набегов и промыслов и, впитав в себя представителей разных сословий, вероисповеданий и этносов, превратилось в один из главных стрижней развития украинского народа на протяжении всей его истории.

Казачьи подводные лодки

Историки свидетельствуют, что чертеж первой подводной лодки был создан гениальным художником и изобретателем эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Но была ли она хоть раз использована по назначению — остается неизвестным. Зато в исторических архивах имеются документальные свидетельства, что подводные лодки существовали у запорожских казаков. И это не сказка, не вымысел, а реальность. Так, по крайней мере, считают некоторые историки.

Казачья «чайка» атакует корабль

В свое время украинское казачество было наиболее творческой и перспективной силой украинского народа. До формирования казачества в Украине ее народ прошел тысячелетнюю дорогу труда, борьбы и страданий за независимость и волю. Из-за постоянной угрозы извне украинцы веками стояли перед опасностью духовного и физического уничтожения. И в итоге сами нашли в себе силы защитить себя путем создания народных вооруженных сил — казачества. Сухопутные, морские и кавалерийские подразделения запорожских казаков считались в свое время одними из лучших в Европе.

Запорожское казачество не возникло на голом месте, а унаследовало лучшие традиции своих предшественников. Запорожская

Сечь была христианской казацкой республикой и представляла собой первую модель демократического государства в Европе. В мореходстве же казаки во многом унаследовали традиции древнерусских моряков. Они начали осваивать Азово-Черноморский бассейн за несколько веков до появления там военного флота Русской империи.

Создав морские вооруженные силы, запорожцы зарекомендовали себя на протяжении XVI–XVII веков едва ли не лучшими моряками в мире. Конечно, казаки-мореплаватели были детьми своего времени: их боевая слава на море во многом была лишь следствием стремления к наживе и обогащению. Это и неудивительно, ведь для XVI–XVII веков конкистадорство было обычным явлением для многих регулярных флотов того времени.

Но запорожцы выполняли и важную историческую задачу. Их морские походы сковывали турецко-татарскую экспансию не только на Украину, а и на всю Западную Европу, значительно ослабляли могущественную Османскую империю.

Основу казацкого флота составляли знаменитые «чайки». К сожалению, среди археологических находок поры казачества нет хорошо сохранившейся казацкой «чайки». Тем не менее, интересную реконструкцию этого типа судна позволили сделать обломки, найденные на реке Сисиний — притоке Днепра, — которая протекала в пределах Великого поля параллельно реке Подпольной, т. е. на месте последней Запорожской Сечи. Судно имело 10 сажень в длину и одну в глубину. У «чайки» не было киля, днище делалось плоское с круглыми выгнутыми сторонами; дно, нижняя часть бортов и палуба изготавливалась из ели, шпангоуты из дуба. Вся обшивка крепилась деревянными ясеневыми, в два пальца толщиной, и железными, грубой кузнечной работы, гвоздями с большими шляпками в таком порядке: через два деревянных гвоздя шел один железный.

По сторонам лодки были встроены уключины, или кочетки, для весел. По остаткам снаряжения специалисты сделали вывод, что «чайка», кроме весельного хода, имела и парусный. Сведения о запорожской «чайке», подтверждает итальянский посол д'Асколи, который в 1634 году сообщал: «По Днепру спускаются запорожские казаки на своих „чайках“ для опустошения Черного моря... Эти „чайки“ длинноваты, наподобие фрегатов, вмещают 50 человек, идут на веслах и под парусами. Дабы они могли выдержать жестокие буры,

их обвязывают вокруг бортов соломой, которая поддерживает их на воде... на море же ни один корабль, каким бы большим и хорошо вооруженным он ни был, не находится в безопасности, если, по несчастью, встретится с ними, особенно в тихую погоду».

Действительно, «чайки» обладали высокой плавучестью, были быстроходны и маневренны, на них запорожцы ходили и в морские походы. Фактически их можно отнести к судам класса «река-море». Д. Яворницкий считал, что кроме малых суден и «чаек» на вооружении у запорожцев были и другие корабли. Именно один такой корабль изображен на Большом Военном флаге казацкого флота времен Новой Сечи, который подарила запорожскому войску Екатерина II. О существовании кораблей типа галер говорится в одной из статей международного договора 1649 года.

Запорожцы, которые вели специфическую морскую войну с турками, должны были быстро маневрировать, оставаться незаметными в открытом море, прятаться в прибрежных камышах, мелководных протоках, перетягивать судна волоком, а при необходимости и притоплять на некоторое время целые флотилии. «Чайка» как нельзя лучше соответствовала этим условиям.

Следовательно, 500 лет назад украинские казаки уверенно чувствовали себя на Черном море. О подобных морских походах в те времена не могли и мечтать ни Польша, ни Россия. Впервые русские корабли появились на Черном море в качестве военного флота только в 1772 году. Но и тогда они не могли обойтись без взаимосвязи с казацкими «чайками», несколько флотилий которых действовали в устье Дуная.

В морские походы запорожцы отправлялись как на значительном количестве судов, так и небольшими флотилиями. Историки отмечают, что обычно число кораблей насчитывало от 16 до 400 суден, а в отдельных случаях на Черном море действовало одновременно до 1500 «чаек». Нередко в союзе с запорожцами выступали и донские казаки. Но в борьбе с Османской империей главную роль играл именно флот запорожцев, их бесшабашные морские походы на Турцию и Крым поражали европейцев.

Во Франции, Англии, Италии, немецких государствах, которые славились своим мореходством, время от времени появлялись сведения о военно-морском искусстве запорожцев. Есть многочисленные

свидетельства о том, что западноевропейские государства на протяжении всего XVII века приглашали казаков на морскую и военную службу. Например, уже упоминавшийся нами д'Асколи писал: «Казаки так отважны, что не только при равных силах, но и 20 „чаек“ не боятся 30 галер падишаха, как видно это ежегодно на деле». Ему вторит польский историк Павел Пясецкий: «Можно без конца перечислять преимущества... милиции (наняваемых польским правительством казаков. — *Авт.*), которые подрывают силу турок и намного превосходят любое из европейских войск. По словам самих турок, никого они не страшатся больше казаков». А турецкий историк Наима так характеризовал казачьи морские походы: «Можно уверенно сказать, что не найти во всем мире людей, которые бы меньше думали о жизни или меньше боялись бы смерти. Как рассказывают люди, сведущие в военном деле, эта голь своим умением и храбростью в морских битвах превосходит другие народы».

Первый морской бой с участием казаков, о котором сообщают исторические документы, произошел в 1492 году около города Тягиня (Бендеры). Казаки взяли на абордаж турецкую галеру и освободили всех невольников. А закончилась их морская эпопея в 1696 году при взятии Азова. Турки днем и ночью стерегли выход в Черное море с помощью разных средств. Например, от крепости Кизикермен и города Ослана к острову Тавань поперек Днепра крепились железные цепи. Оставались свободными лишь узкие ворота, находившиеся под прицелом всей береговой артиллерии.

Казаки проходили через эти ворота ночью. Сначала они пускали несколько больших стволов деревьев. Причем с одной стороны к бревнам привязывал камни, чтобы они плыли торчком. Когда деревья ударяли в железные цепи, то турки, принимая их за мачты кораблей, открывали ураганный огонь. Запорожцы же ждали в камышах, пока израсходуется боезапас и турки разобьют ядрами собственные преграды, и выходили на оперативное пространство почти без потерь.

Как видим, подтверждений морской отваги казаков предостаточно. Но нас интересуют еще и казацкие подводные лодки, сведения о которых многим кажутся фантастикой.

Иезуит Фурнье, который в конце XVI века находился в Константинополе, описал из слов турок такой эпизод: «Здесь мне рассказывали совершенно необыкновенные истории о нападении

северных славян (т. е. запорожцев. — *Авт.*) на турецкие города и крепости. Они являлись неожиданно, они поднимались прямо со дна моря и повергали в ужас всех береговых жителей и воинов. Мне и раньше рассказывали, будто славянские воины переплывают море под водой, но я посчитал их рассказы выдумкой. А теперь я лично говорил с теми людьми, которые были свидетелями подводных набегов славян на турецкие берега».

В русском издании «О подводном плавании и о войне» 1827 года французского историка Монжери со ссылкой на Фурнье рассказывалось о том, что украинцы отходили от турецких галер «с помощью больших подводных лодок»: «Запорожские казаки пользовались гребными судами, которые были способны погружаться под воду, одолевая в погруженном состоянии большие расстояния и отправляясь назад под парусами». Ю. Тушин, автор книги «Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век)» считает, что это идеализация, поскольку там речь шла о проекте самого Монжери, и отстаивать правдивость этого сообщения нет достаточных оснований. Тушин полагает, что поскольку мореплавание запорожских казаков нашло широкое отображение в материалах русского, украинского, польского, турецкого, французского документов, но никаких сведений о подводном флоте казаков в них нет, то этого не могло быть. В конце концов автор делает вывод, что состояние техники того времени целиком исключает подобную возможность. Аргументация, может быть, веская, но все же недостаточная.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что идея подводной лодки родилась все-таки у запорожцев. Ведь они часто использовали притопление судов, а также могли долго находиться под водой, дыша через камышинку, маскируя таким образом целые отряды. Такой практический опыт мог вполне привести казаков к подобному изобретению. Сообразительные и любознательные запорожцы шаг за шагом совершенствовали технику мореходства, они были ловкими мастерами и навигаторами, прекрасно знали особенности Азово-Черноморского бассейна.

К тому же и в турецких документах встречаются сведения, как казаки появлялись просто-таки из-под воды. В 1595 году зафиксировано появление возле турецкой крепости Синоп казацких подводных «чаек», с помощью которых запорожцам удалось

неожиданно захватить город, что явилось потрясением для турецкого султана и всей Европы. Именно об этом случае и вспоминал Фурнье. Относительно же того, что 40 запорожцев в 1643 году на Черном море в подводных лодках, сделанных из шкуры вола, напали на турецкие корабли, можно утверждать, что это уже реальный факт.

Изготавливались такие подводные лодки из цельных стволов. В них делалось двойное дно со створками. Для балласта на дно насыпался песок. При необходимости нижние створки второго дна разгибались и лодка «выдавливалась» на поверхность. Вверху находились задранные створки люка. Чтобы внутрь поступал воздух, выдалбливались отверстия и в них вставлялись все те же камышовые трубки. Иногда вместо них на герметичной палубе строили шахту, внутри которой находился казак, который управлял лодкой. Через эту шахту в лодку поступал воздух для гребцов. Подводное судно было обшито кожей.

Двигалось оно с помощью весел, вмонтированных в бортовые отверстия. Преградой для проникновения воды в глубь лодки на веслах были кожаные манжеты с плотной припасовкой.

Поверить во все вышесказанное нелегко, тем более что реальность и факты часто искажаются и перерастают в небылицы и легенды. Одно можно сказать с уверенностью: казацкие сорвиголовы и характерники были способны на яркие, необыкновенные поступки не только на суше, но и на воде. Возможно, запорожцам действительно удалось создать подводную лодку. И не исключено, что эта загадочная лодка все еще терпеливо лежит где-нибудь на дне моря и ждет, что ее все же найдут...

А было ли письмо запорожцев султану?

В культовом советском фильме «В бой идут одни старики» есть сцена, когда летчики второй эскадрильи коллективно сочиняют письмо немецкому генералу, с частями которого им предстоит драться. Полностью текст не зачитывается, однако герои фильма в этом эпизоде расположены так же, как и герои едва ли не самой известной картины Ильи Репина. Да и зритель понимает, что они пародируют то самое письмо: одна из фраз, звучащих в эпизоде, прямо подталкивает нас к аналогии.

И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану

Эта картина оказала огромное влияние на творческих людей. Так, например, потрясение от творения Репина с пленившей его стихией жизнелюбия заставило художника Константина Маковского забыть о салонной живописи и вернуться к издавна волновавшей его теме народного ополчения XVII века.

Однако уже не один десяток лет муссируется тема, к которой периодически возвращаются журналисты и культурологи: было ли письмо на самом деле, или этот эпизод — всего лишь плод воображения художника, что-то сродни старательно выписанной немой сцене в финале пьесы Гоголя «Ревизор». Потому есть необходимость вспомнить об авторе этой знаменитой картине и о том, как же возник ее замысел.

Летом 1878 года Илья Ефимович Репин познакомился в подмосковном Абрамцеве с содержанием письма запорожских казаков турецкому султану, который дерзко предложил им перейти под свое подданство. Народный, озорной, издевательский тон этого «сочинения» не мог не вызвать приступа неудержимого хохота у всех присутствующих и у самого художника. Он тут же набросал карандашом композицию сюжета. А через два года побывал в местах, где когда-то располагалась Запорожская Сечь: осмотрел уцелевшие укрепления, собрал одежду и оружие, сделал около сорока этюдов, множество зарисовок характерных типов старинного казачества. Впоследствии художник еще дважды ездил (сначала на Кубань, затем — на юг России) за материалами к будущему живописному произведению о запорожцах. Эти поездки, тесное общение с потомками буйной вольницы обогатили его впечатлениями, помогли вжиться в события далекого XVII века.

Целых двенадцать лет прожил мастер в окружении веселых, отчаянных людей. Естественно, что ему частенько приходилось с ними надолго расставаться. Но мысли о картине «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» (один из вариантов названия работы) никогда не оставляли Илью Ефимовича — ее персонажи буквально «прописались» в мастерской, жили в семье.

Так, сыну художника Юрию vybrили голову «под казака», оставив лишь длинный «оселедец», который во время игр в «запорожцев» мальчик убирал за ухо. Ему также сшили специальный костюм: желтого цвета жупан с откидными рукавами и необъятных размеров шаровары.

«Работаю до упаду. Очень устаю, — писал художник, — уже заканчиваю полотно». И вот оно перед зрителями...

Вечереет, вьется дым костров, нет конца и края широкой степи. В центре весьма ехидно улыбающийся писарь. Над ним склонился, попыхивая люлькой, атаман всего запорожского воинства Иван Сирко, который только что произнес какое-то крепкое словечко. Не раз доходил Сирко до самого Стамбула и «такого пускал туда дыму, что султану чихалось, точно он понюхал табаку с тертым стеклом». Справа от него, схватившись руками за живот, изнемогает от смеха седоусый воин — совсем гоголевский Тарас Бульба. Возможно, Репин и не предполагал изображать Тараса Бульбу в этой компании. Но его

богатырь-сечевик в белой папахе и красном жупане так смахивает на гоголевского героя, что трудно было отказаться от удивительного сходства. Именно таким и представляется многим Бульба — хохочущим от того, что предоставилась возможность насолить и приперчить зазнавшегося самонадеянного султана.

В действительности позировал Репину композитор А. Рубец, автор романа «Очи черные». Рубец был профессором Петербургской консерватории, его музыку ценили Чайковский, Римский-Корсаков, Мусоргский. Кстати, с седоусым запорожцем до сих пор не все ясно. Есть вполне официальные исследования, согласно которым внешность этого персонажа срисована с известного писателя и журналиста Василия Гиляровского.

Но вновь вернемся к картине. Полуголый казак, похоже, тоже нашел нужное и меткое словцо, а другой от восторга грохнул его кулачищем по спине. Улыбается стройный, красивый юноша в богатой одежде. Вся толпа запорожских «лыцарей» живет, шумит, грохочет. Каждому хочется высказаться, от души припечатать и «отчехвостить» султана. Но по первому зову атамана это, казалось бы, неорганизованное сборище готово не только идти на врага, но и живот положить за Сечь, потому как нет для них ничего дороже Родины, святее свободы, уз товарищества.

На холсте Репин проставил даты начала и окончания работы: 1880–1891. Это и есть первый вариант «Запорожцев», который хранится в Русском музее Санкт-Петербурга. Однако раскопки на острове Хортица дали Илье Ефимовичу дополнительные сведения о Запорожской Сечи. Прежний творческий замысел уже не удовлетворял его. Поэтому художник написал второй вариант, приобретенный позже Третьяковым для своей галереи; в начале 1930-х годов он был передан Харьковскому музею.

Итак, картину (хотя бы на репродукциях) видели, наверное, все. Но откуда упомянутые выше советские летчики из кино, и вообще все, кто цитирует строки письма, узнали его подробный текст? Ведь единственным доказательством существования того или иного документа может служить его оригинал или, на худой конец, копия. Именно потому, что ничего этого не сохранилось, вокруг письма запорожцев султану и возникает множество споров. Наиболее подробно исследовал эту тему в конце 90-х годов XX века журналист

П. Супруненко. Далее мы опираемся преимущественно на данные его исследований, опубликованные в интернет-издании «Планета диаспора».

Письмо возникло не от досужего вымысла или по беспричинному поводу, а как бы в ответ на султанские угрозы, в которых не было недостатка в исторической действительности.

Письмо ходило в списках, переписывалось от руки простыми сельскими грамотеями, потом было напечатано и даже одно время продавалось как сувенирная продукция. Текст небольшой, почти полностью состоит из крепких выражений и соленых шуток, потому отдельные его фразы давно стали крылатыми и превратились в поговорки. Издеваясь над бесконечным перечнем титулов, которые обычно стоят после имени каждого «лунноликого» восточного правителя, запорожцы поиздевались над этим и наградили своего адресата еще десятком своих «регалий». Вспомним, как это выглядит: «Вавилонський ти кухар, македонський колісник, єрусалимський броварник, александрійський козолуп, Великого и Малого Єгипту свинар, вірменська свиня, татарський сагайдак, кам'янецький кат, подолянський злодюга, самого гаспида внук і всього світу й підсвіту блазень, а нашого Бога дурень, свиняча морда, кобиляча срака, різницький собака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт! Ти — шайтан турецький, проклятого чорта брат і товариш, а самого люципера секретар!»

Когда писался этот оригинальный документ, точно неизвестно, хотя обычно под такими письмами ставится дата. Однако казаки и здесь пошутили: «Числа не знаєм, бо календаря не маєм, місяць на небі, рік у книзі, а день такий, як у вас, поцілуй за це в задницю нас!»

Допустим, что это — казацкая шутка. Но обычно такие приемы используют литераторы, стилизуя свои произведения под исторический документ. Между прочим, так и не найдено ни одного источника информации, из которого можно было бы узнать о реакции конкретного исторического лица — турецкого султана — на это письмо. Текст-то ему должны были, как минимум, перевести, ведь в том, что оно попало к адресату, нас упорно убеждают. И до сегодняшнего дня не ясно, как оценивают этот документ в современной Турции. Получается, запорожцы старались зря? Только для того, чтобы собраться вместе и сочинить документ? В это слабо

верится. Потому эти обстоятельства лишний раз работают на подтверждение той версии, что никакого «письма запорожцев турецкому султану» на самом деле не существовало.

Как бы там ни было, но это письмо переводилось на разные языки. Один из первых вариантов был помещен в своеобразной писаной русской газете «Куранты» еще в 1621 году. Судя по тому, что впоследствии появились и другие варианты письма, единого образца не существовало. Потому нет единства у переводчиков.

Известный украинский фольклорист и литературовед Г. Нудьга собрал интересный материал на эту тему в своей книге «Переписка запорожцев с турецким султаном», которая была издана Академией наук Украинской ССР. Автор использовал печатные источники и неизвестные рукописи, найденный им в архивах Клева, Вильнюса и других городов. На их основании ученый доказал, что известное письмо запорожцев вообще нельзя считать настоящим историческим документом времен Запорожской Сечи. Именно материалами Нудьги и воспользовался в своих исследованиях упомянутый выше журналист Павел Супруненко.

«Да, султаны не отличались скромностью и благоразумием, — пишет П. Супруненко. — Они именовали себя „теньями бога на земле“ и „братьями солнца и луны“. Они не раз грозились пустить на приднепровские поля войско такой силы, что „затрясется мир, зарычат звери в лесу, море задрожит от ужаса“. Известно также, как запорожцы побеждали турок в боях. Потому, находясь в состоянии войны, воюющие стороны могли в бою не сдерживаться и применять любые приемы для достижения желанной победы. Однако дипломатические отношения стороны поддерживали на цивилизованном уровне. Свидетельство тому — реальная дипломатическая переписка тех времен, которая велась, как положено, сдержанно и деликатно. Никаких „кобылячих задниц“ и „свинячьих рыл“».

Зато подобные эпитеты являются главной отличительной чертой народного творчества того времени. Нетрудно догадаться, что письмо к султану — не официальный дипломатический документ, а вольная пародия на дипломатическую переписку. Жизненную силу, общественный резонанс и даже политическое звучание этому набору ругательств придали патриотизм, эмоционально зрелый юмор автора, его уважение к собственному достоинству.

Многие варианты письма подписаны: «Иван Сирко, кошевой атаман со всем кошем запорожским». Этот человек был одной из наиболее ярких фигур украинского казачества. На его счету — более пятидесяти военных походов и ни одного поражения. Кошевым атаманом Войска Запорожского его избирали восемь раз. Его даже ссылали в Сибирь, откуда царским указом вернули для отражения очередной татаро-турецкой агрессии.

Даже не очень звучная его фамилия на Украине толковалась по-своему. «Сирками» обычно называли собак. Так вот летописец-хронист сообщал, что «призвище» у него «богоданное»: он был поставлен Богом, как пес на страже христианских овец, чтоб защитить их от волчьих зубов. Словом, человек вполне достойный для подписи под таким ответственным письмом. Кстати, картина дает повод поговорить еще об одной загадке запорожских козаков — причине появления их оригинальных, ни на что не похожих фамилий.

Вот, к примеру, среди «подписантов» могли быть Брык Микита, Остроух Мандро Остап, Покотило Григорий, Поцилуй Максим, Сурло Дмитро, Ахмет Тарахтай, Касап Микола, Мануха Петро... Эти имена и фамилии взяты на выбор из списков сечевых документов. Случайно ли, что на Украине так много причудливых, а нередко и затейливых фамилий? И как они появились?

Как писал Иван Франко, Запорожская Сечь была большой кузницей таких «свежих» прозвищ: значительная часть людей имела много причин спрятать от мира свои давние, родовые фамилии и обрести новые. Обычай диктовался условиями. Уходившие в низовья Днепра беглецы надолго, если не навсегда, расставались со своими старыми именами. Делалось это не ради потехи. Паны, владельцы холопов, нередко предпринимали попытки отыскать беглых. В подходящие мирные времена по этому поводу составлялись запросы кошевым атаманам. Из Сечи, как правило, приходил один и тот же ответ: указанных в списках фамилий не значится.

Понятно, что когда новоприбывших «крестили заново», исходили из разных причин: места их жительства, занятия, черт характера, внешности, происшествий. Одни гнули подковы, поднимали бычков, удивляли силой, удалью. Отсюда, вероятно, Подопригора, Двигун, Жила, Бухало, Карайбеда, Дидоборец, Вертипорог (очевидно, из лоцманов). А чаще, конечно, без серьезных причин, при курьезах, под

шум и хохот. К примеру, нарекали Бандурой не за музыкальные способности, а потому что случайно сел и раздавил бандуру. И сколько фамилий хлестких, «чудернацких», иногда понятных, а чаще утративших «тайну» происхождения: Потихенченко, Телипайло, Чмыхало, Покотипотылыця, Дуроляп, Хандрыга, Греховод, Несмих, Шутило, Загинайло, Кизяченко... Какой-нибудь самохвал воображал себя «пупом земли», другой надрывал пуп для достижения своей задумки, третий выпячивался голопузом. Отсюда и многочисленные вариации: Запупырченко, Золотопуп, Кривоуп, а также гоголевский Голопупенко.

Наделение прозвищами в давние времена преследовало еще одну цель — воспитательную. Кто набедокурил, смалодушничал, проштрафился, обмишулился, перемудрил, тому не избежать молвы общественного суда. Не исключено, что прилепят человеку такое прозвище, что, по словам Гоголя, «только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь». При знакомствах, в документах, списках, объявлениях, в печати и на слуху дошли до нас выразительные отголоски драматических или веселых событий — красноречивые образцы фамилий: Помогайбатько, Неубеймуха, Вырвихвост, Жуйборода, Попсуйшапка, Засучирукав, Нелепенко, Недоберя, Рябозад, Нетудыхата, Полторадень, Голопуз, Бабиродич, Самодрига.

Возможно, с какими-то анекдотическими происшествиями связано появление фамилий Гризодуб, Пукало, Куркостриг, Товчигречка, Котигроб, Курощуп, Несятипаска, Нездиймайшапка, Стоколяс. При желании под письмом запорожцев можно было бы поставить и подпись такую же длинную, как у арабского шейха или испанского гранда (чем длинней, тем знаменитей), — Забегайло-Тягнирядно-Заплюйсвечка-Валяйбаба-Завалипечь. Фамилии не выдуманы — их носителей и сейчас можно встретить в Украине.

Что же касается главной темы этой статьи, т. е. письма заопрожских казаков турецкому султану, то его, скорее всего, все-таки не было. Оно существовало только в народном воображении. Люди очень хотели, чтобы легендарные запорожцы поиздевались над врагом. А художник только лишь проиллюстрировал миф.

Колоритная картина, наполненная смеющимися персонажами, создала вокруг себя животворящее «смеховое биополе». Единственное

реальное, что есть на картине, — это человеческие лица. Художник объездил все Запорожье, знакомясь с потомками казаков и делая карандашные наброски портретов. Позже все увиденные им лица были запечатлены на одной картине. Но как бы там ни было, история с письмом султану относится к категории тех, которые следовало бы придумать, даже если этого не случилось на самом деле.

Украинка на троне Османской империи

В истории человечества можно найти целый ряд вполне реальных личностей, которые, несмотря на то что они вовсе не являются плодом чьего-то воображения, тем не менее, представляют собой самую настоящую загадку, над которой безуспешно бьются современные исследователи. Одной из таких тайн прошлого по-прежнему остается знаменитая Роксолана — женщина-легенда, супруга османского правителя Сулеймана II Кануне (Законодателя). Ее личность и жизнь опутаны таким невероятным сплетением домыслов, а реальных фактов так мало, что порой теряешься в догадках, где же заканчивается правда и начинается вымысел. В итоге представление о том, какой же на самом деле была удивительная султанша, в массовом сознании сложилось по большей части на основе легенд и художественных произведений.

Роксолана

Итак, загадка первая. Что мы знаем о происхождении Роксоланы? По сути, ничего конкретного. Часть историков даже считают, что эта женщина была итальянкой либо француженкой. Сама она часто называла себя «королевной» и намеками давала понять, что является внебрачной дочерью польского монарха. Есть предположения, что очаровательная султанша была родом из местечка Чемеровец и была захвачена в плен татарами на Гусятинском шляхе. Согласно же

свидетельствам польского поэта и историка Самуила Твардовского и графа Станислава Ржевувьского, легендарная султанша родилась около 1505 года в городке Рогатин (ныне Ивано-Франковская область), в семье священника.

Настоящее имя Роксоланы, данное ей при крещении, так же как и фамилия, историкам неизвестно. Тем не менее любой школьник скажет, что героиню нашей статьи на самом деле звали Анастасией Лисовской. Так безвестную рогатинскую девушку нарекли... писатели. Правда, некоторые основания для этого у мастеров пера все же были: о батюшке Лисовском и его семье — жене и дочери Насте, которые были выкрадены татарами, — сохранились документальные свидетельства. Хотя вполне возможно, что христианское имя султанши было выбрано символически. Ведь согласно еще одной легенде, еще в раннем детстве девочка, которой предстояло войти в историю, тяжело заболела и находилась на волосок от смерти. Тогда-то мать и дала обет впоследствии постричь дочь в монахини. А потом передумала... Вот, мол, судьба и наказала семью Лисовских. Как раз накануне свадьбы юной Насти с сыном богатого львовского купца, очевидно в 1520 году, на Рогатин совершили набег крымские татары. Но Настя, как и в детстве, выжила, оправдав свое имя, которое буквально переводится как «дважды рожденная».

Следует сказать, что в XVI веке большая часть территории Украины принадлежала Польше и Великому Княжеству Литовскому (после унии 1569 года оба государства объединились в единую Речь Посполитую) и постоянно подвергалась опустошительным набегам. Так что будущей султанше пришлось повторить судьбу многих своих несчастных соотечественников, став «живым товаром».

Правда, если верить все тем же легендам, татары почему-то выделили юную пленницу среди большого числа пленных как особо ценный товар. Что привлекло кочевников в Насте — неизвестно. Но ее, как прочих захваченных, не гнали пешком через степь, а везли на лошадях под бдительной охраной. Даже руки девушке не связали и колодку на шею не надели, чтобы не попортить нежную кожу.

Вполне вероятно, что в Крымское ханство, на самый большой невольнический рынок в городе Кафа (ныне Феодосия), Настя попала обычным для татар Валахским путем — через Молдавию. Если верить легендам, красота полонянки просто поразила купцов, и один из них,

кому, собственно, татары и поставляли рабов, решил отвезти столь знатную добычу в Стамбул. Там, на одном из самых больших невольничьих рынков мусульманского Востока, девушку можно было продать с большей выгодой.

Итак, последуем за легендами далее. В Стамбуле купец предложил необычную невольницу главному визирю султана. Тот тоже впечатлился внешностью необычной полонянки, весьма, кстати, далекой от восточного стандарта красоты, но, тем не менее, на редкость притягательной. К тому же девушка была явно хорошо образованна: согласно историческим свидетельствам, когда Настя попала в гарем султана, она свободно владела пятью иностранными языками.

Визирь захотел приобрести девушку. Но не для себя, а для своего повелителя. Однако работороговец быстро сообразил, что, принеся невольницу в дар столь высокопоставленному лицу, только выиграет. Так что Настя стала «подарком». Перед тем как забрать невольницу, визирь позаботился, чтобы ее обследовали опытные медики. Те дали заключение: она девственница и абсолютно здорова. А значит, в самом деле может ступить за ворота дворца Топкапи («Дома радости»), где располагался гарем султана.

Кстати, именно тогда, на невольничьем рынке, впервые прозвучало слово «Роксолана», ставшее новым именем необычной полонянки. Согласно одной из версий, девушка отказалась назвать свое имя новому хозяину — визирю, и тот, будучи человеком образованным, сам выбрал ей меткое и красивое прозвище. Роксоланами или роксанами в древности называли сарматские племена во II–IV веках н. э., кочевавшие в степях между Днестром и Доном. Начиная с VI века о них нет никаких исторических сведений, но в средние века этот народ многие считали прародителями славян. К тому же с VI века до н. э. на берегу Днестровского лимана существовал античный город Роксолана. В средние века роксоланами в Европе называли жителей украинских земель. С легкой же руки визиря это слово в дальнейшем стало употребляться в качестве женского имени. А за султаншей оно закрепилось благодаря донесениям западных послов при дворе султана (сохранились письма немецкого дипломата Бузбека и итальянского историка первой половины XVI века Л. Джовио, посвященные личности Роксоланы).

Следующая загадка Роксоланы — это ее внешность. Точнее то, что в настоящее время нельзя составить более или менее достоверное впечатление о ней. Сейчас известны девять портретов султанши, но указать, какие из них являются плодом фантазии художников и следованием устным описаниям, а какие на самом деле отображают лицо этой удивительной женщины, невозможно. Следует упомянуть, что изображения мало схожи между собой. Даже цвет глаз на них разный. Есть портреты, с которых Роксолана смотрит на мир серыми, голубыми (и темно-голубыми, почти синими), светло-кариими и зелеными глазами.

Верить описаниям того времени тоже не приходится. Во-первых, женщины вели закрытый образ жизни, а султанские жены вообще всю жизнь сидели за стенами своего дворца и практически не показывались на людях. Во-вторых, они старательно прятали свои фигуры под широкой одеждой, а лица — под покрывалами, столь же неприступными для взглядов, как крепостные стены. Но придворные Сулеймана в 1526 году все же рассказывали венецианскому послу, что Роксолана невысокого роста, худа и некрасива, однако умна и грациозна. К тому же она сильно отличается от остальных обитательниц гарема тем, что всегда весела, много и охотно смеется. Видимо, этой женщине от природы достался тот тип внешности, который не особенно страдает от возрастных изменений. Во всяком случае, когда Роксолане было около 50 лет, Сулейман продолжал ее обожествлять. Об этом писал посол Венецианской республики Бернардо Наваджеро, заметивший, что в Османской империи еще не было женщины, которая пользовалась бы таким уважением, и что султан очень любит свою жену.

Но вернемся к тому времени, когда безвестная полонянка получила имя Роксолана. В принципе, попав в руки визиря, она становилась наложницей нового хозяина. Однако тот отослал девушку в Топкапи для обучения. Насте предстояло познакомиться с традициями двора, мусульманскими обычаями, гаремными правилами, освоить язык, научиться манерам.

И снова загадка. Как могла невзрачная, в общем-то, девушка покорить владыку Блистательной Порты? Да еще настолько сильно, что он спустя очень непродолжительное время вообще забыл, что на свете существуют другие женщины?! Конечно, Роксолана, по всей

вероятности, выгодно отличалась тем, что была очень умной, эрудированной и могла дать султану не только отдых, но и дельный совет. Однако уже сама мысль о том, что женщина может давать советы представителю рода Османов, была в то время кощунственной! Так почему же Сулейман прислушивался к ее словам? И у его окружения, и в Европе нашлось вполне понятное и естественное объяснение этому невероятному факту: Роксолана на самом деле ведьма и завоевала душу султана при помощи колдовства. Альтернативой этому мнению может быть только то, что Сулейман пресытился прочими обитательницами Топкапи и попросту «кlyнул» на свежее лицо, за которым со временем рассмотрел душу, сильный характер, а также недюжинный ум. Султан, воспитанный в духе восточных культур, арабской и персидской философии и литературы, вероятно, весьма удивился, обнаружив в своем гареме девушку, которая знала иностранные языки, историю и увлекалась чтением философских трактатов. Скорее всего, немаловажную роль в том, что Роксолана заняла заметное место в жизни Сулеймана, сыграло и то, что она прекрасно разбиралась в людях и владела особым даром интриги. Возможно, некоторые ее советы в непростых хитросплетениях придворных отношений и удачные для империи в целом внешнеполитические «подсказки» не раз давали хорошие результаты. Так что вскоре эта необычная женщина неожиданно для всех заняла второе (после самого султана!) место в государстве.

Правда, если верить сообщениям послов (особенно венецианских) того времени, Настя-Роксолана далеко не с первого взгляда покорила своенравного Османа. Едва оказавшись в гареме, девушка получила прозвище Хуррем («смеющаяся», «веселая»). Она, в отличие от прочих «новоприобретений» султана, не лила слез по поводу своей горькой судьбы, а смеялась — заразительно, от души. Когда 25-летний султан увидел новую невольницу, он... неожиданно покраснел. Почему-то грозный правитель впервые в жизни растерялся перед какой-то девчонкой. Правда, не совсем обычной: не испытывавшей страха или робости, раскованной, не лезущей за словом в карман, остроумной. Словно и не рабыня была перед ним.

Одна из легенд сообщает, что султан, отправившись в военный поход, довольно долго отсутствовал, а вернувшись в Стамбул, сразу же приказал привести к себе Хуррем. Однако та... не пошла, хотя и знала,

что невольниц и за меньшие фокусы лишали головы. Оказалось, что будущая султанша выиграла первый раунд борьбы за обретение власти: Сулейман немного подождал, а затем сам пришел к ней. С того момента женщина исподволь приучала владыку Топкапи к мысли: традиции двора ее пугают, ведь она — рабыня, а свободные дети рождаются только у свободных женщин.

Сулейман думал довольно долго, а потом решился. Он уже был женат, однако по мусульманским законам мужчина может иметь четырех жен. Правда, наследниками султана могут стать только сыновья старшей супруги. Но «для начала» Роксолану устроило и то, что она стала второй женой Сулеймана. Обстоятельства ее появления в гареме позволяли ей претендовать на эту роль. Ведь ее передавали «в дар», а не продавали, а значит, в гарем она вошла формально свободной женщиной, а не рабыней. Правда, подданные султана пребывали в легком замешательстве, ознакомившись с приказом повелителя, который объявлял о том, что Хуррем отныне является любимой супругой султана и ее слово теперь закон для всех турок.

Роксолана усиленно заботилась о повышении собственного авторитета в глазах турков. Тут мы снова наталкиваемся на загадку. Согласно одной из версий, особенно нелегко пришлось султанше с янычарами, которые, подстрекаемые матерью Сулеймана, его первой женой и старшим сыном, ненавидели «ведьму» и охотно чинили ей всяческие неприятности. Но существует и другое мнение, причем абсолютно противоположное. Мол, янычары просто боготворили Хуррем, которая построила для них казармы-дворцы, баснословно увеличила жалованье и наделила новыми привилегиями. Кому же верить?

То, что Роксолана оказалась женщиной практичной, это бесспорно. Для того чтобы пополнить казну, она распорядилась открыть в европейском квартале и в портовых районах Стамбула винные лавки, которые быстро начали приносить баснословные доходы, углубила бухту Золотой Рог, реконструировала причалы в Галате, куда в скором времени стали подходить не только легкие или средние, но и крупнотоннажные суда с товарами со всего мира. Это привело к быстрому росту торговых рядов Стамбула и, опять-таки, к солидной прибыли. Не забывала Роксолана и о «внешнем антураже»: в городе появились новые мечети, минареты, дома престарелых,

лечебницы. А попутно женщина в отсутствие мужа перестроила Топкапи, да так, что султан по возвращении не узнал свой дворец.

Со временем Роксолана сумела отделаться от первой жены Сулеймана — женщина впала в немилость и отправилась в изгнание. Ее сына Мустафу, которого султан успел объявить своим наследником, обвинили в подготовке заговора. До сведения правителя донесли, что наследник устал ждать своего часа, решил отравить отца и занять его место. В итоге Мустафа был задушен на глазах Сулеймана. Такая же участь ожидала еще одного его сына и пятерых внуков... Мать правителя, валидэ Хамсе, в ярости высказала сыну, что она думает по этому поводу и по поводу его любимицы. Примечательно, что Хамсе жила после этого чуть меньше месяца. Естественно, многие историки утверждали, что в могилу ее свела большая доза яда. Некоторые исследователи утверждают, что отравить ненавистную свекровь распорядилась сама Роксолана. Она же якобы стояла за всеми остальными зверствами. Таким образом женщина расчищала дорогу к власти для собственного сына.

Детей у султанши было шестеро, но один из них умер вскоре после рождения. Оставались четверо сыновей и дочь. Ее Роксолана выдала замуж за 50-летнего визиря (по происхождению боснийца) Рустема-пашу. То, что девочке тогда не было еще и тринадцати лет, мать не смущало. Зато при помощи зятя она провернула немало «операций» по устранению неудобных, после чего и сам визирь отправился на плаху.

Согласно одному из преданий, султанша повелела отыскать по всей стране отпрысков Сулеймана мужского пола и уничтожить их. В итоге якобы было убито около 40 мальчиков разного возраста.

Очередная загадка легендарной султанши — это ее вероисповедание. Попала она в гарем, будучи христианкой (правда, неясно, католичкой или православной). Собственно, смена веры для христианина в те времена была равносильна гибели души и обречению себя на вечные муки. А Роксолана, по одной из версий, к тому же была дочкой священника. Почему же она столь легко отказалась от веры предков и приняла ислам? Видимо, стремление стать матерью законных наследников престола и тем самым обеспечить себе будущее оказалось сильнее размышлений о высоких материях.

Некоторые легенды повествуют о том, что Роксолана втайне продолжала исповедовать христианство и даже, мол, сына Селима велела окрестить. Но как тогда объяснить то, что именно по инициативе султанши христианские паломники, стремившиеся в Иерусалим, в святые места, были обложены суровым налогом? Тех, кто отказывался платить, попросту не пускали в церкви. Паломники-христиане проклинали свою соотечественницу; до нее, кстати, ни одному султану не пришла в голову такая идея, да и вообще до этого Турция славилась своей веротерпимостью.

Султанша, как считают современные исследователи, оказывала заметное влияние на политическую жизнь Турции первой трети XVI столетия, особенно в отношении тех дел, которые касались Украины. Она вела активную переписку также с рядом правителей соседних держав — Польши, Венеции, Персии, много общалась с послами европейских стран, принимала их в султанском дворце, и даже — вещь в мусульманском мире неслыханная! — часто находилась рядом с мужем на разных приемах и банкетах. Султанша даже позировала художникам, хотя по законам ислама нельзя было вообще изображать не только людей, но даже зверей и птиц.

А султан, казалось, все сильнее привязывался к жене. Интересно, что он вошел в историю, помимо прочего, как единственный правитель Османской империи, который до самой старости жил только с одной супругой. Дело в том, что под давлением Роксоланы Сулейман... распустил гарем. Большую часть его обитательниц он отдал в жены своим придворным и чиновникам. Собственно, в гареме остались доживать свой век только несколько уже совсем пожилых женщин. Дело дошло даже до того, что в 1540 году, когда стало известно о намерении Роксоланы отравить мужа и посадить на престол их сына Селима, Сулейман жестоко наказал предателей, а супругу... простил. Так закончился недолгий период отчуждения в их отношениях.

О том, действительно ли Роксолана помогала собственным соотечественникам, написано много. Вот только доказать это (как, в принципе, и обратное!) никто толком не может. Одни источники утверждают, будто благодаря влиянию этой женщины на собственного мужа турки в течение 41 года практически не нападали на Украину. Крымским татарам Сулейман тоже якобы запретил это делать. Мол, Роксолана тоже помогала выкупать из неволи своих братьев и

старалась устроить их на легкие работы или переправить назад в Украину. Кроме этого, некоторые исследователи утверждают, что легендарная султанша-славянка в своих переписках с известными политиками того времени добивалась поддержки для Украины и ее правительства.

Другие исследователи доказывают, что именно при Роксолане татары окончательно озверели, добрались до Запорожской Сечи, разрушив ее до основания и заставив Дмитрия Вишневецкого-Байду вместе с соратниками просить подданство у Ивана Грозного. Примечательно, что обе стороны приводят массу доказательств своей правоты.

Была в жизни Роксоланы еще одна тайна. И связана она с уникальными, почти мистическими географическими картами 1513 года. На этих картах, сделанных на выделанной коже, отчетливо обозначен северный антарктический берег Земли Королевы Мод. Такой, каким он был примерно за 2 миллиона лет до появления человека. Напомним, что Антарктиду русские путешественники открыли лишь в 1818 году. А то, как выглядит скованный холодом материк без ледового покрова, стало известно вообще недавно — благодаря спутниковой съемке. Так вот, рельеф Антарктиды, полученный при помощи новейших способов, и рисунок Земли Королевы Мод на картах, которыми пользовался Пири Рейс, практически идентичны... Ученые до сих пор ломают головы, каким образом в руки великой султанши попали загадочные чертежи. Их этот вопрос интересует никак не меньше того, кто в доисторические времена мог видеть зеленые деревья в Антарктиде, если людей тогда не существовало. По одной из версий, эта карта каким-то необъяснимым образом попала в стамбульское книгохранилище от потомков Александра Македонского. Вряд ли. Знаменитый Пири Рейс месяцами работал в картографическом отделении столичной библиотеки и никогда не видел этого документа. Он познакомился с ним только перед очередной экспедицией в дальние страны после долгого разговора с прекрасной Роксоланой, которая и передала исследователю таинственный документ.

Роксолана, женщина-загадка, скончалась на руках собственного мужа с улыбкой на устах. Когда точно это произошло, неизвестно. Историки называют две наиболее вероятные даты — 1561 и 1558 годы.

Когда Роксолана испустила последний вздох, Сулейман, стоя на коленях перед ее ложем, еще долго плакал. Желу султан пережил всего лет на пять, успев возвести ей богато убранную гробницу рядом с мечетью Сулейманийе. Ни до, ни после нее ни одна женщина не удостоивалась такой чести от представителей династии Османов.

Переяславская рада — событие, в корне изменившее историю Украины

Так вышло, что большинство современного населения постсоветского пространства до сих пор сохраняет самые фантастические представления о ряде периодов своего прошлого. В основном это касается тех «белых пятен» истории, которые в советские времена целенаправленно использовались для избавления народов от «вредной» национальной памяти. Договор 1654 года, заключенный в Переяславе гетманом Богданом Хмельницким, так же как и последствия этого акта, является одним из характерных образцов такой беззастенчивой фальсификации.

М. Дерезус. Переяславская рада

Упомянутое историческое событие недаром вызывает столь пристальное внимание в настоящее время. Для современного украинского государства отношение к этому эпизоду политической деятельности Богдана Хмельницкого является весьма важным. Те, для кого стремление Украины к независимости, суверенитету и территориальной целостности составляет значительную ценность, считают события 1654 года в Переяславе величайшей трагедией украинского народа; те же, кто скептически, равнодушно или откровенно враждебно воспринимает эти атрибуты государственности, называют Переяславский договор событием исключительным и

положительным. Интересно, что такое двойственное отношение к данному историческому факту сложилось едва ли не одновременно с Переяславской радой.

В Российской империи негативная оценка событий 1654 года, мягко говоря, не приветствовалась. Во-первых, требовалась абсолютная однозначность в суждениях. А во-вторых, монаршая политика не могла быть неправильной априори. Когда же царская Россия приказала долго жить и на ее территории начала строиться новая держава — СССР, большевики подошли к спорным вопросам еще более жестко.

Правда, на первых порах советская власть, «ведя беспощадную борьбу с колониализмом и империализмом», все же более-менее беспристрастно оценивала явления прошлого, не стесняясь называть террор террором, порабощение порабощением, а разбой разбоем. Например, российский историк-марксист академик Покровский и его школа четко констатировали: Российская, Британская, Испанская, Французская, Португальская империи в свое время создавались самым действенным способом — огнем и мечом. Однако в середине 30-х годов XX века от сторонников данной «неудобной» теории стали спешно избавляться всеми доступными средствами. А вместо неприглядной правды стала преобладать так называемая теория «меньшего зла». Причем вырисовывалась интересная картина: если колониями обзаводилось другое государство, оно бичевалось как оплот проклятого империализма, а если тем же самым грешила Россия... что ж, все, оказывается, не так уж и плохо. В общем, выходило, что на свете существует и «хороший империализм», «полезное рабство», «позитивная эксплуатация». Так что тот же Покровский, рассматривавший поглощение Россией Украины как акт обычного колониального захвата, в новый взгляд на историю не вписывался. Тем более что власть прямо обрисовала свои требования к специалистам в данной области науки, объявив в 1937 году конкурс на лучший учебник по истории СССР. Курировал его лично Иосиф Сталин, причем, судя по тяжеловесному стилю изложения, постановление об этом он писал лично. В данном случае будет уместно процитировать выдержку из этого документа: «...Факт перехода, например, Грузии в конце XVIII ст. под протекторат России, точно так же как факт перехода Украины под власть России,

рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того периода; авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — или быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, или перейти под протекторат России, точно так же как перед Украиной стояла тогда альтернатива — или быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, или перейти под власть России; они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом».

Спустя 10 лет с подачи Кагановича, в то время являвшегося первым секретарем ЦК КП(б)У, в стране началась активная борьба с «рецидивами буржуазного национализма». В свете этого Переяславская рада, ранее считавшаяся для Украины абсолютным благом, стала рассматриваться как то самое пресловутое «наименьшее зло». Под данную схему быстренько подвели и все прочие народы Советского Союза. То есть следовало считать, что от подчинения отсталому, по-азиатски неразборчивому и свирепому царизму остальные нации только выигрывали. Ведь иначе перед ними стояла значительно более «кошмарная» перспектива попасть под руку более цивилизованных колонизаторов.

Эта теория очень хорошо согласовывалась с идеей «мессианства России». А раз данная страна имела особое, мистическое предназначение, то разве можно подходить к ней со стандартной меркой общемировых законов развития, с общими для всех правилами? Так что «Тезисы ЦК КПСС к 300-летию воссоединения Украины с Россией» в 1953 году «лепились» именно исходя из этих соображений. Они довольно быстро обрели статус канонического, правильно-идеологического, нормативного партийного документа, спорить с данными которого — себе дороже. Значительно проще принимать все изложенное на веру, исполнять как непреложный закон. Хотя данные «Тезисы...» явно искажали реальный исторический процесс в Украине, приводили совершенно дикие, абсурдные утверждения. Начать тут можно уже с самого терминологического нонсенса под названием «воссоединение Украины с Россией».

Обратите внимание: термин «воссоединение» был создан партийной пропагандой в 40—50-е годы XX века. В то время советские партийные деятели (с благословения и при поддержке «вождя народов», разумеется) активно нападали даже на классиков

марксизма-ленинизма за критику внешней политики русского царизма! Еще немного — и комедия абсурда стала доходить до трагедии маразма. Любое национально-освободительное движение, направленное против российского царизма, провозглашалось реакционным, а его вожди объявлялись «агентами иностранных разведок». Просто и изящно.

Однако на основании сохранившихся разрозненных документов становится ясно, что на деле изначально сформировалось некое подобие конфедерации, в которой Украина сохраняла свой суверенитет. Только одно то, что Хмельницкий заключил договор о союзе со Швецией уже после Переяслава (причем в этот момент Швеция и Москва воевали между собой) говорит: гетман вел себя как абсолютно независимый владыка. По сути, он не являлся ни другом, ни врагом Москвы, а просто проводил политику исходя из интересов Украины. К сожалению, удавалось это не всегда. Примером могут служить, опять же, события 1654 года и их последствия.

«Теория меньшего зла» устраивала не всех российских историков: ряд специалистов загорелись идеей рассматривать всю колониальную историю России как безвариантное «абсолютное благо». Такие «идейно подкованные» историки всю разорялись о величайшей прогрессивности для «отсталых» народов самого факта присоединения именно к России. Новшество «верхам» понравилось, и вскоре мало кто отваживался высказать свое несогласие с такой точкой зрения. Но противники официальной версии все же, как ни странно, находились. Даже в середине 1960-х годов, когда хрущевская «оттепель» сменилась брежневской эпохой «заморозков», а в Украине начались массовые аресты национальной интеллигенции, некоторые историки не стеснялись высказать, что же они думают по поводу Переяславской рады. Так, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Украины Михаил Брайчевский оказался первым, кто не выдержал откровенного перевирания прошлого и выступил с критикой самого понятия «воссоединение», которое считал откровенно антиисторическим. Он сумел доказать, что события в Переяславе отбросили Украину назад — к самым отсталым формам феодализма, превратили это государство в «задворки» империи.

Однако отдельные высказывания «против» походили на глас вопиющего в пустыне: с того самого времени книги, газеты, журналы,

радио и телевидение вдалбливали в головы граждан, что Переяславская рада была не чем иным, как «центральным, основным событием украинской истории». Оказывается, она осуществила «извечную мечту, многовековое стремление и борьбу на протяжении столетий украинского народа за воссоединение Украины с Россией, что являлось огромнейшим благом для Украины».

На этом возвращались, воспитывались, получали образование целые поколения. Беспрецедентная фальсификация истории исподволь внедрялась в самую генетическую память, деформировала национальное самосознание, породила подспудный комплекс национальной неполноценности, исторической «вторичности» украинцев и фаталистическое представление о невозможности самостоятельного существования украинского государства.

Собственно, о Переяславской раде и в последнее время писалось предостаточно. Мнение большинства украинских историков в данном вопросе сводится к констатации любопытного факта: если верить всем утверждениям советского времени, то получается, что украинский народ столетиями усиленно боролся... против собственной национальной независимости, считая ее огромным злом. А те, кто народ на эту самую борьбу провоцировал, на самом деле являлись злейшими врагами Украины и ее населения. Объяснить подобный абсурд просто, если вспомнить, что официальная советская история рассматривала все события и деятельность отдельных лиц исключительно с точки зрения их позиции относительно России.

Следует сказать, что ко времени заключения Переяславского договора 1654 года Украина являлась независимым самостоятельным государством, а Московское государство и его правопреемница, Российская империя, сами нарушили и ликвидировали данный договор, превратив вчерашнего союзника в объект колониальных грабежей. Говоря о Переяславской раде, историки сегодня выделяют значительное число мифов, которыми успело обрасти это событие украинской истории.

Во-первых, утверждалось, будто украинцы и русские никогда не враждовали между собой. Однако история украинско-российских отношений, начиная со времен Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, насчитывает около двух десятков войн, причем половина из них приходится на период до 1648 года. Обратите

внимание: Богдан Хмельницкий за успешные действия в Смоленской войне против Московии получил от короля Владислава IV почетное оружие. А Иван Богун со своими казаками доходил аж до Мордовии.

Во-вторых, якобы украинцы непрерывно просили «царя-батюшку» взять их «под царскую руку». Причем данный туманный призыв почему-то трактовался советскими историками как стремление избавиться от собственной государственности, языка и национальности. Однако на деле дипломатические визиты казачьих представителей в Москву не предусматривали создания каких-либо серьезных с ней альянсов.

Далее утверждалось, будто Московское государство делало все возможное, чтобы поддержать украинских повстанцев, регулярно предоставляло серьезную «братскую помощь», при первой же возможности объявило войну Речи Посполитой. И снова историческая нестыковка: несмотря на просьбы гетмана об объявлении войны Польше, Москва тянула с этим шесть лет. Помощь оказывалась весьма неохотно и скорее «для галочки». К тому же, война после 1654 года не прекратилась, а, напротив, стала еще более ожесточенной, привела к так называемой «Руине», когда значительная часть населения воевала уже против собственных соотечественников — сторонников идеи объединения.

До недавнего времени считалось, что Переяславская рада была генеральной, репрезентативной, всенародной и единогласной, а ее решения получили всенародное одобрение. На самом же деле в ней приняло участие... менее 300 человек! А такая рада была нелегитимной даже с точки зрения казачьих традиций. К тому же ни о каком «многовековом стремлении» и решении народа речь тут идти просто не может: в XVII столетии в феодальной России народ не был источником власти, мнением его никто не интересовался и был он от этой самой власти страшно далек, как и она от него. По сути, народа в значении верховного суверена вообще не существовало. А с кем-то вступать в союзы или разрывать таковые мог только такой свободный и полноправный народ, а не битое кнутом на конюшне крепостное существо, которое, в отличие от дворянина, даже права на полное имя не имело. В Украине сложилась похожая ситуация. Военная аристократия государства, носившего, кстати, название «Державы Войска Запорожского», нисколько не интересовалась мнением

крестьянства и рядового казачества. А они, между прочим, составляли 95 % украинцев. Кстати, согласно обнаруженным документам, союз с Москвой Запорожская Сечь отвергла категорически; к степным рыцарям охотно присоединилось украинское православное духовенство во главе с Киевским митрополитом Сильвестром Косовым. Кроме того, целый ряд полков и полковников просто проигнорировали «благое» начинание Богдана Хмельницкого и приносить требуемую присягу отказались. В самой Гетманщине многие полки (в частности, Уманский и Брацлавский) не присягали. Демонстративно отказались приносить присягу многие полковники, в том числе герои войны 1648 года Богун, Глух, Гуляницкий, Сирко. Население Чернобыля вообще покинуло свое местечко, сбежало, чтобы не присягать! В отдельных полках против переговоров с Москвой вспыхнули восстания. Многих людей приводили к присяге силой (в том числе и батогами). Гетман не останавливался ни перед чем: старосту Переяслава потащили больного, вместе с кроватью. На следующий день несчастный скончался.

И снова о мифах. Считалось, что присяга в Переяславе была односторонней, присягала только украинская сторона, причем не царю, а собственно России. С другой стороны, сохранилась царская грамота 1654 года, в которой говорится о гарантии «прав и вольностей» войска Запорожского. Еще несколько документов позволяют утверждать: присяга в Переяславе не была односторонней, приносилась персонально царю Алексею, при этом Москва также давала определенные обязательства. Следует заметить, что данная присяга не имела никакого отношения к землям Украины, которые в то время не подчинялись гетману. Подолия, Волынь, Галичина, Закарпатье, Буковина, Крымское ханство и Причерноморье (Таврия) отказались принимать участие в этом союзе, «объединения» с Московией не признали. Наконец, стоит вспомнить об обширных землях Запорожской Сечи (запорожцы отказались присягать царю), о части земель Гетманщины, солидарных со мнением запорожцев.

Если верить утверждениям советской историографии, Украина вошла в Московское государство именно в 1654 году, и на тех условиях, которые выработал Богдан Хмельницкий, одобрил царь и его правительство. Позднее условия эти владыкой империи, конечно, несколько «корректировались», но будто бы только из-за деятельности

«изменников», нарушавших договор. Москва же якобы никогда не нарушала взятых на себя обязательств. И при этом условия «воссоединения» всегда оставались «хорошими и выгодными» для Украины.

На самом деле оригинала договора 1654 года не сохранилось. Киевский экземпляр, хранившийся в Клево-Печерской лавре, сгорел при загадочных обстоятельствах. А как можно соблюдать неизвестно что? Выход царские власти нашли быстро. Во время выборов гетмана Мазепы по традиции должен был зачитываться документ, подписанный в свое время Богданом Хмельницким и ратифицированный Москвой, где были изложены основные положения отношений между Украиной и Московией. На церемонии договор представили, но... этот вариант его оказался несколько искажен и отличался от оригинала (московский экземпляр сохранился).

Российско-украинский договор 1654 года, прежде всего, провозглашал военный союз автономии Украины и России против Польши. Однако уже через два года россияне с поляками без участия Украины подписали в Вильно сепаратное перемирие. Фактически, это означало расторжение существовавшего российско-украинского договора.

Говорят, что Богдан Хмельницкий незадолго до своей смерти говорил о необходимости официального разрыва договора с Московией, и сделать это помешала только смерть гетмана, наступившая в 1657 году. А новому гетману, недалекому и безвольному Юрию Хмельницкому, подсунили фальшивку, которой было суждено со временем стать единственным официальным текстом договора, который подписывали все гетманы. Дополненные и переработанные в Москве статьи российско-украинского соглашения предусматривали уже не военный союз, а полное подчинение Украины Москве без права вести самостоятельные переговоры, военные действия, с необходимостью согласования с царем кандидатур на должность гетмана, казачьих полковников и прочих чинов. Кроме того, «отредактированный» документ вынуждал митрополита Киевского признать власть Московского патриархата, что вообще противоречило всем международным нормам и церковным канонам того времени! Ведь украинская церковь находилась в прямом подчинении Константинополю.

Говоря о мифе под названием «экономический прогресс», мы вновь входим в весьма сомнительную область. Да, после Переяславской рады Украину накрепко «пристегнули» к российскому рынку, но одновременно она более чем на 100 лет утратила экономические связи с Польшей, Литвой, Турцией, Молдовой, Трансильванией, Австрией, германскими государствами, с Крымом. Договор 1654 года нанес удар по основам украинской жизни, принес столетия изоляции от Европы. Украина со времен киевских князей являлась органической частью европейской цивилизации, а события 1654 года бросили ее в стихию азиатского способа производства, уничтожили многие элементы европейской культуры в украинском обществе. После Переяслава Украина утратила национальную государственность, перестала быть субъектом истории, превратилась в покорный объект исторических и социальных экспериментов, чье развитие происходило исключительно в интересах метрополии. «Воссоединение братских народов» обернулось для новой имперской колонии колоссальными жертвами, истощением ресурсов, упадком национальной культуры, языка, самосознания. По словам уже упоминавшегося нами Михаила Брайчевского, больше всего этот союз двух славянских государств напоминал «плодотворный» союз коня и всадника...

Едва ли не более уязвим миф о «великой культурной миссии» империи. Да, в советские времена историки очень любили рассказывать сказки о «невиданном и неслыханном культурном взлете Украины», последовавшем после присоединения к России в 1654 году. Однако можно ли так легко отмахнуться от утверждения не кого-нибудь, а В. Ленина, заявлявшего, что «в России преследование этой письменности и преследование славянских наций в сфере просвещения на родном языке приобретают неслыханные размеры. Украинских и польских крестьян искусственно оберегают от грамотности»? Вождь мирового пролетариата не был голословным и приводил факты: оказывается, в 1910 году грамотное население России составляло всего 30 %, а Украины — меньше 20 %. А в 1652 году путешествовавший по Украине архидьякон Павел Алеппский засвидетельствовал, что «почти все домашние, и не только мужской персонал, но и жены, и дочери умеют читать»! В 1740–1748 годах в семи полках Гетманщины Полтавской и Черниговской губерний на 1034 села приходилось 866

школ с преподаванием на украинском языке; то есть по одной школе на 746 душ. А в 1804 году вышел запрет на обучение на украинском языке. В итоге к 1897 году, согласно переписи, самым малограмотным народом Российской империи оказались именно украинцы. К тому времени на 100 человек населения приходилось только 13 грамотных. Таким образом, народ за достаточно короткий промежуток времени сделал «мощный рывок» от почти сплошной грамотности к темноте. Вот такой «культурный взлет». Что и говорить, «невиданный и неслыханный»...

Теперь обратимся к идее «меньшего зла». Согласно этой теории, Переяславская рада якобы спасла украинцев от гибели, которую несли другие соседние государства, она положила конец тяжелой войне украинского народа против поляков-колонизаторов. Украинский же народ наконец смог получить свое «место под солнцем», а если и страдал, то только вместе с «братским русским народом». Но как можно определять, какая система угнетения окажется более гуманной и потому предпочтительной для того или иного народа? Да, говорить о том, что польское владычество было бы благом для Украины, глупо. Однако именно западные области, которые в 30-х годах XX столетия как раз находились под властью Польши, ужасов Голодомора, постигших советскую часть Украины, не испытали. А кто может поручиться, что в случае принятия теории «меньшего зла» шведская ориентация была бы для Украины вредоносней, чем русская? Если взять договор, некогда подписанный королем Швеции Карлом XII, польским королем Станиславом Легцинским и «проклятым гетманом» Иваном Мазепой, обнаруживается интересный момент. Оказывается, стороны пришли к соглашению, что «Украина обеих сторон Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть на вечные времена свободной от всякого чужого владения. Союзные государства ни под видом освобождения ее, ни опеки над ней, ни под каким-либо иным предлогом не должны претендовать ни на абсолютную власть над Украиной и войском Запорожским, ни на ленную зависимость, ни на какую подвластность, не должны брать с нее каких-либо доходов или налогов... Целостность границы ее, нерушимость свобод, законов, прав и привилегий ее свято должны сохраняться, чтобы Украина на вечные времена свободно наслаждалась своими правами и вольностями без всякого ущерба». То

есть получается, что ни о какой «продаже» Украины шведам и полякам речь не шла, а имел место договор равных сторон. Чем в Переяславе, простите, и не пахло. Тем более что впоследствии Москва начала толковать пункты достигнутой договоренности совершенно произвольно и уж никак не в ущерб себе лично.

В общем, разбираться в этой истории специалистам предстоит еще долго. Однако одно можно сказать твердо: Переяславская рада 1654 года является одним из самых трагических событий в истории Украины, которое стоит в одном ряду с погромом Клева Андреем Суздальским в XII веке, нашествием орд Батыея в XIII веке, введением крепостного права Екатериной II, гибелью Украинской Народной Республики в 1920 году, Голодомором 1932–1933 годов и Чернобыльской катастрофой 1986 года. Собственно говоря, в известном смысле все события новой истории Украины можно рассматривать как следствие того, что произошло в городе Переяславе три с половиной столетия назад.

Конотопская битва — украинские Канны

Среди судьбоносных событий, которыми буквально насыщена история Украины XVII века, есть битва, которую многие историки долгое время старались не замечать. Историография (как имперская, так и советская) предпочитала обходить стороной сражение под Конотопом, в которой украинцы во главе с гетманом Иваном Выговским в союзе с крымскими татарами и наемниками из Европы разгромили мощную армию Московского царства, превосходящую противника более чем в два раза.

Н. Сомко. Бой под Конотопом

После смерти Богдана Хмельницкого в августе 1657 года царское правительство предприняло активную попытку окончательно присоединить Украину к Московскому государству. Москву не устраивало состояние только номинального владычества над Украиной, гарантией которого являлся огромный авторитет Б. Хмельницкого. Реализация задуманного россиянами плана привела к обострению отношений с новым гетманом Войска Запорожского Иваном Выговским, который не соглашался с изменением фактически независимого статуса Украины. Понимая четкие намерения царского правительства и учитывая открытую поддержку Москвой всех оппозиционных гетману сил, Выговский летом 1658 года принял решение разорвать союз с северным соседом и идти на сближение с

Польшей. Подтверждением нового курса гетьмана стало Гадяцкое соглашение с поляками, заключенное 6 сентября 1658 года, которое зафиксировало возвращение Украины в состав Речи Посполитой.

Проект федерации Польши, Великого княжества Литовского и Великого княжества Русского, подготовленный украинским политическим деятелем и магнатом Юрием Немиричем, стал последней, и, к сожалению, неудачной попыткой «убежать» от тесных объятий Москвы. Этот проект позволил бы землям Украины получить собственное правительство (Раду), гетмана и канцлера, судебную власть, казну и, самое главное, регулярную армию в 40 тысяч казаков и наемников.

Но федерация не состоялась. Сама Речь Посполитая после первых же успехов в борьбе с внешними врагами фактически дезавуировала предварительные договоренности с Гетманщиной. Да и среди крестьянско-казацкой массы идея федерации с бывшими панами не нашла широкой поддержки, тем более что Выговский в своей политике опирался исключительно на казацкую аристократию и старшину. Он полностью игнорировал мнение не только бесправных селян, но и казаков.

Москва, не желая терять Украину, в октябре 1658 года послала на ее территорию 20-тысячный корпус под командованием белгородского воеводы окольного князя Г. Ромодановского, что фактически стало началом открытой агрессии России против украинского государства. Миссия Г. Ромодановского была не слишком успешной, поэтому после дополнительного набора «всех категорий служилых людей» в Украину направился боярин и наместник Казанского князя Алексей Трубецкой. 120-тысячное войско боярина 26 марта 1659 года вторглось на украинскую территорию. Небольшой отряд казаков во главе с Петром Дорошенко у местечка Срибне попытался оказать сопротивление силам противника, которыми командовал князь Семен Пожарский (сын знаменитого спасителя Москвы Дмитрия Пожарского), но был разгромлен. Жители Срибного были поголовно вырезаны стрельцами.

16 апреля 1659 года Трубецкой подошел к Конотопу, причем к нему присоединился и полковник Беспалый, перешедший на сторону царского правительства. 21 апреля подоспела остальная часть российского войска под командованием князей Г. Ромодановского, С. Львова и Ф. Куракина. 11 мая 1659 года началась почти двухмесячная

осада Конотопа, который мужественно защищали четыре тысячи казаков и местных жителей.

Довольно пассивная выжидательная тактика россиян была продиктована царской установкой не доводить дело до большой битвы, поскольку войско и так было сильно истощено в войнах со Швецией и Польшей. Это дало возможность Выговскому дожидаться своих союзников — крымских татар. Гетман отверг предложение Трубецкого — решить конфликт путем переговоров — и посадил под домашний арест посланных с этой целью донских казаков во главе с Е. Савиным.

24 июня на Крупичполе под Конотоп прибыло войско крымского хана Мухаммед-Гирея IV. В распоряжении самого Выговского было 16 тысяч казаков и 2–4 тысячи наемников, в основном поляков, а также сербов, валахов, молдаван и немцев, которыми командовали коронный обозный А. Потоцкий и украинский шляхтич Ю. Немирич. Таким образом, всего царским войскам противостояло приблизительно 52–55 тысяч воинов союзной армии.

Перед началом наступления гетман и хан заключили долгосрочный военный договор с обязательством предоставлять военную помощь союзнику в войне с любым противником. Окончательно урегулировав свои взаимоотношения, союзники двинулись на Конотоп, к которому от Крупичполя было три дня похода.

Надо сказать, что Иван Выговский придавал предстоящему сражению особое значение. Перед боем он заявил посланцам Трубецкого: «Если он (Трубецкой) перед великим государем виноват, то его Господь Бог и побьет, а будет виноват другой, то и над ним будет Божья воля».

В открытом сражении враждующие стороны сошлись 28 июня 1659 года возле переправы через реку неподалеку от села Сосновка. К переправе первыми подошли отряды

Выговского, при этом большая часть татарской конницы, отделившись от гетманского войска, переправилась через реку южнее Сосновки и зашла в тыл россиян, ожидая там разгара сражения. Первой начала атаку московская кавалерия, ударившая в лоб казацко-татарских войск. Под натиском противника Выговский начал отступать вдоль болотистого русла реки по направлению к городищу Пустая Торговица. Это отступление частей Выговского, которое на самом деле

было притворным бегством союзников, стало переломным во всей битве. В запале царские войска переправились через Сосновку. В это время украинцы успели разрушить переправу и ниже ее запрудить реку, что сделало невозможным возвращение российской конницы на свои исходные позиции. Тяжелая царская кавалерия застряла в топких местах реки, «настоящих конотопах», как об этом писал один из участников событий. Отряды крымчаков во главе с ханом, улучив благоприятный момент, бросились на россиян с тыла. Московские войска оказались в западне: от Конотопа их отделяла заболоченная местность, а спереди и сзади были казаки и татары. Деморализованные ударом с тыла, россияне начали убегать и стали легкой добычей татарской конницы и казацкой пехоты. Увидев со стен крепости развитие боя на переправе и вблизи ее, перешли в наступление и обессиленные осадой части конотопского гарнизона.

Разгром был полный. Российские историки XVIII века А. Ригельман и А. Манкиев оценивали потери союзников в 10 тысяч человек. Современный украинский ученый Ю. Мыцик приводит такие же цифры: 4 тысячи — казаков Выговского, и 6 тысяч — татар. Данных о потерях россиян намного больше, но они довольно противоречивые. Польские источники пишут о 40–50 тысяч погибших. Эта же цифра фигурирует в дневнике шведского посла в Москве А. Мюллера и переписке самого Выговского. Правда, цифру в 50 тысяч погибших большинство исследователей считают завышенной. Более приемлемой считается цифра в 30 тысяч, которую приводят в своих «Летописях событий в Юго-Западной России» Самовидец и С. Величко.

От 10 до 15 тысяч россиян попали в плен. Все они были по предварительной договоренности между Выговским и Мухаммед-Гиреем IV отданы в руки крымских татар. Большинство простых воинов татары немилосердно казнили. За более или менее знатных пленников хан и его приближенные получали выкуп уже в Крыму. Кроме главнокомандующего князя Трубецкого, в плену оказались и абсолютно все его помощники, известные, опытные полководцы: Пожарский, Львов, Черкасский, Ляпунов, Бутурлин. Уже в Бахчисарае за брань в адрес хана был казнен страшной казнью князь Пожарский.

После сражения Выговский заявил пленным соратникам Трубецкого: «Государевых людей побил не гетьман, а Божья воля, так

как написано: „пусть сильный не хвалится силой своею, богатый богатством своим, а мудрый мудростью своей“».

Выдающийся российский историк Сергей Соловьев с болью в сердце писал о последствиях Конотопской битвы: «Цвет московской конницы, которая совершила счастливые походы 1654 и 1655 годов, погиб в один день. Никогда после того царь московский не был в состоянии вывести в поле такое сильное ополчение. В траурной одежде вышел царь Алексей Михайлович к народу, и ужас охватил Москву».

А современные украинские историки сравнивают Конотопскую битву с победой Ганнибала над римскими легионами, численность которых вдвое превышала армию карфагенян. Битва эта произошла в 216 году до н. э. под Каннами, поэтому победу под Конотопом часто называют «украинскими Каннами».

Общие причины поражения российских войск в Конотопской битве связаны, прежде всего, с уровнем и объективным состоянием вооруженных сил противоборствующих сторон, которые были неотъемлемыми частями своих военных систем, со всеми их недостатками и сильными сторонами.

В первой половине XVII века основным родом войск украинского казачества была пехота, считавшаяся тогда едва ли не лучшей в Европе. В бою казацкая пехота выстраивалась в три шеренги. Стреляла только первая шеренга, вторая после каждого выстрела подавала ей заряженные третьей шеренгой ружья. Благодаря этому достигалась большая плотность огня, который, к тому же, был большей частью прицельным, а не залповым. Как считает украинский историк И. Крипьякевич, такая тактика имела решающее значение в Конотопском сражении, где, по его словам, «казацкая пехота огнем из ружей уничтожила вражескую конницу».

Стратегия концентрированного удара по врагу была главной чертой казацкого военного искусства. Побед казаки добивались преимущественно в полевых битвах. Их стратегия имела ярко выраженный активный наступательный характер. В этом Войско Запорожское на голову превосходило феодальные армии Европы, которые придерживались стратегии позиционной оборонительной войны, отдавая преимущество обороне и осаде крепостей и, по возможности, уклоняясь от полевых боев.

Украинские казаки старались навязывать противнику невыгодную для него позицию, к тому же Запорожское войско успешно применяло резерв. Разрабатывая стратегические планы, казацкие полководцы придавали большое значение фактору внезапности. До последней минуты скрывая свои силы, казацкое войско стремилось захватить врага врасплох.

Все вышеперечисленные преимущества передовой казацкой стратегии были использованы в Конотопской битве гетманом Выговским, который, безусловно, проявил незаурядные полководческие способности. К тому же казацкой пехоте помогала татарская конница — на тот момент одна из лучших в мире. Выговский навязал московским полководцам генеральную битву в невыгодных для царского войска полевых условиях и благодаря неожиданному обходному маневру и своевременному использованию скрытого резерва нанес царскому войску сокрушительное поражение.

Какая же сила противостояла казацко-татарскому войску под Конотопом? Как свидетельствует абсолютное большинство дореволюционных русских историков, русские войска не отличались стойкостью в открытом бою и отдавали предпочтение обороне под прикрытием укрепленных городов.

Поместная конница, которая в основном и принимала участие в Конотопской битве с московской стороны, при первом столкновении обычно нападала довольно храбро, стремительно бросаясь на неприятеля. Но долго конница не выдерживала, и если неприятель сразу же не начинал отступать, она убегала, оставляя пехоту. Как свидетельствует российский историк В. Ключевский, иностранцы были о московской поместной коннице самого плохого мнения: она сражалась намного хуже пехоты.

Низкие боевые качества царской конницы предопределялись и ее устаревшим способом комплектации. Русский военный историк П. Бобровский писал об этом: «Войско, составленное из поместных ратников, из людей, которые не приучены к военным тяготам, более склонны заниматься хлебопашеством, не могло действовать успешно. Где воин, будучи несколько месяцев в походе, по окончании войны освобождается домой, там войско всегда остается новонабранным, ненаученным, неприспособленным к военному делу». А именно таким войском и была поместная конница.

С учетом таких обстоятельств становится понятным, почему в открытом поле русская конница обычно не выдерживала соперничества с более организованными войсками противников. Плохо владея оружием, совсем не умея маневрировать и с плохой дисциплиной, поместные войска ощущали себя в открытом поле очень неудобно и стремились всегда укрыться за обозом.

Однако под Конотопом русское командование, несмотря на неблагоприятные обстоятельства общего плана, было заведомо уверено в большом численном превосходстве своих войск и легкой победе и потому не приложило нужных усилий как для разведки местности, так и для выяснения реального количества казацко-татарских войск. Кроме того, уже в ходе самой битвы князь Пожарский допустил ряд серьезных просчетов. Во-первых, он не принял никаких мер относительно возможного обхода неприятеля с тыла, а во-вторых, начав бой с неприятелем, сил которого он точно не знал, оставил сзади себя заболоченную речку, которая отрезала его от главных сил, находящихся под Конотопом.

Официальной московской версией причин поражения царских войск под Конотопом можно считать точку зрения, высказанную в «Соборном действии об уничтожении государем царем Федором Алексеевичем местничества. 12 января 1682 г.». В этом официальном документе говорится, что причиной поражения под Конотопом было местничество воевод: «А в каких полках, после ратных походов отца нашего государева, блаженной памяти большого государя, были бояре и воеводы с местами, и в тех полках между боярами и воеводами из-за случаи отечества их большие были несогласия и ратным людям теснота и от того их несогласия большой упадок ратным людям совершил, а именно под Конотопом и Чудновым и в других многих местах». Надо сказать, что местничество — это определенная иерархия, основанная на знатности происхождения князей и бояр в Московском государстве. Оно выражало право служивых людей получать должности, денежное и поместное жалование, а также разные почетные привилегии по старшинству службы предков, а не благодаря личным качествам.

Версии относительно местничества воевод как главной причины конотопского разгрома придерживались и официальные русские историки XIX столетия. Однако современные исследователи хотя и

считают, что местничество могло иметь определенное отрицательное влияние на результат Конотопской битвы, но не признают его главным фактором поражения россиян.

Для Московского государства разгром под Конотопом имел довольно печальные последствия. Именно конотопское поражение положило начало ряду неудачных для Московского государства битв, в результате которых поместная дворянская конница, которая тогда представляла основу армии, навсегда исчезла с исторической арены. Кроме этого, битва под Конотопом оказала огромное деморализующее влияние как на тогдашнее русское общество, так и на официальную Москву. С. Соловьев пишет: «Удар был более тяжелым своей внезапностью, поскольку следовал за такими блестящими успехами. Еще недавно Долгорукий привел в Москву пленного гетмана Литовского, недавно слышались радостные разговоры о торжестве Хованского; а теперь Трубецкой, на которого было больше всего надежд, „муж благоговейный“ и „изящный“, в „войне счастливый и недругам страшный“, потерял такое большое войско! После взятия стольких городов, после взятия столицы Литовской царствующий град задрожал за собственную безопасность...»

И действительно, в первых числах июля 1659 года в Москве царил паника. Шведским посланцам, находившихся в городе, запретили выходить в город из-за опасения, что они могут услышать о неудачах россиян в войне. Царское правительство очень боялось, что шведы могут изменить свое намерение относительно проведения мирных переговоров. Поэтому Москва в последний день переговоров с посланцами шведского короля была вынуждена пойти на максимально возможные уступки.

Мало того, из-за участившихся нападений татар, которые были в союзе с Выговским, на пограничные русские области, в Москве сделали вывод о возможном походе козацко-татарского войска на саму столицу. Царь приказал сооружать земляные валы вокруг Москвы. В город хлынули жители окрестных городов и сел. Поползли даже слухи о переезде царя за Волгу — в Ярославль. Наконец 16 августа Трубецкой получил приказание стать обозом между Путивлем и Севском и, укрепившись валами, оберегать российские города от нападения татар и казаков. Таким образом, под влиянием поражения

под Конотопом Московское государство перешло по отношению к Украине от наступательной тактики к оборонительной.

К сожалению, Иван Выговский не воспользовался подходящим моментом. Победа на поле боя не гарантировала достижения реальной независимости Украинской державы. Варшавский политический «вектор» уже имел подмоченную репутацию. А Кремлю вновь в очень сжатые сроки удалось создать мощную коалицию против Выговского. Уже в октябре 1659 года, то есть через неполные четыре месяца, гетман был вынужден отречься от булавы.

Надежды на обретение долгожданной независимости были окончательно похоронены....

Кто покарал гетмана Ивана Брюховецкого?

Так уж вышло, что с Полтавой связаны очень многие события чрезвычайной исторической важности. Одним из них является Совет Войска Запорожского, проходивший 18 июня 1668 года на Сербинском поле. Именно тогда знаменитого Петра Дорошенко, которого называли «солнце Руины», избрали гетманом обеих Украин — Левобережной и Право-бережной. Но это знаменательное событие оказалось запятнанным кровью: день, когда Дорошенко взял в свои руки булаву, стал последним днем жизни для его старого знакомого и соперника — гетмана Левобережной Украины Ивана Брюховецкого. Кто виноват в его смерти, историки не выяснили до сих пор. Можно ли считать убийцей Брюховецкого Дорошенко, спешившего избавиться от конкурента? Или виной всему был лишь случай? А может, на решительные действия казаков подтолкнули некие заговорщики? Увы, на этот вопрос история не дает ответа...

Иван Брюховецкий

О событиях, связанных с Советом на Сербинском поле, детальных упоминаний сохранилось предостаточно: ни одна украинская летопись так называемого «казацкого» цикла не обошла этот вопрос стороной. «Летопись Самойла Величко», «Летопись Самовидца», «Летопись Григория Грабянки»... Все они уделили должное внимание и Совету, и

тому, чем закончилось объединение Левобережной и Правобережной Украины под властью одной гетманской булавы.

Иван Брюховецкий являлся гетманом реестрового казачества Левобережной Украины, чья юрисдикция распространялась только на подконтрольную Российской империи часть страны; период его правления пришелся на 1663–1668 годы. Иван Мартынович начал свою карьеру старшим служкой при Богдане Хмельницком. Впервые его имя упоминается в «Реестре Войска Запорожского» под 1649 годом. Брюховецкий числился в списках гетманской Чигиринской сотни под именем «Иванец Хмельницкого». Если верить летописи Самийла Величко, то Иван Мартынович был доверенным лицом «батяки Хмеля», не раз выполнял его личные поручения. Когда же Хмельницкий умер, его старший служка был назначен сопровождающим сына покойного гетмана, Юрия, которого как раз отправили для получения образования в киевскую коллегию.

В 1659 году Юрий Хмельницкий, воспользовавшись недовольством казаков политикой Ивана Выговского, решил прибрать заветную булаву к рукам. Ради этой цели он направил в Сечь своего спутника, Брюховецкого, которому предстояло склонить запорожцев на сторону сына славного Хмеля. Возложенное на него поручение Иван Мартынович выполнил блестяще, однако сразу же по его завершении оставил Юрия. Как только молодой Хмельницкий был избран гетманом, Брюховецкий изъявил желание остаться в Сечи, где и прожил с 1659 по 1662 год.

Шаг этот, на первый взгляд не логичный, был на самом деле четко продуман. Иван прекрасно понимал: по сравнению с отцом Юрий — просто бездарь; такой гетман никак не может помочь своему верному слуге добиться высоких чинов. А только ради этого, по мнению Ивана Брюховецкого, можно жить на свете.

Попав в Сечь, будущий властитель Левобережья сразу же стал создавать себе имидж искреннего сторонника простого народа. А Юрий Хмельницкий тем временем «старательно» показывал себя небрежным, не способным на серьезные дела управленцем. В особенно сложных обстоятельствах он вообще растерялся и совершил несколько непродуманных шагов: не сдержал данной царю присяги, возродил Гадячское соглашение 1659 года, согласно которому Украина просила защиты от восточного соседа у Польши. Левобережные

казаки, с большим трудом избавившиеся от назойливых ксендзов, откровенно возмутились, узнав о «самодеятельности» своего гетмана, и отказались впредь подчиняться ему. Сечевики объявили: они хотят избрать нового, верного царю гетмана.

Тут же на Левобережье Украины вспыхнула нешуточная борьба за власть. К булаве одновременно потянулись два серьезных претендента — Яким Сомко, брат первой жены Богдана Хмельницкого, успевший стать наказным гетманом, и брат третьей жены Хмеля, нежинский полковник Василий Золотаренко. За первого из кандидатов горой стояла зажиточная старшина, а за второго — рядовые казаки. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы оба претендента не стали обливать друг друга грязью перед глазами Москвы и своих собственных соотечественников.

Такие действия соперников, лишившие их права обладать булавой, дали возможность прорваться на политическую арену Ивану Брюховецкому. Летом 1662 года он явился в сопровождении запорожцев из Сечи в лагерь московского князя Григория Ромодановского. Иван Мартынович поспешил заверить посланца Москвы в том, что он лично не признает ни Золотаренко, ни Сомко, а посему предлагает провести совместное наступление запорожцев и московских войск против Юрия Хмельницкого. За несколько недель своего пребывания в лагере Брюховецкий сумел так втереться в доверие к Ромодановскому и оплевать обоих своих соперников, что князь охотно выставил своего нового знакомого перед царем наиболее выгодным для Москвы претендентом на гетманство. А тут еще и запорожцы объявили, что их единственным кандидатом «от народа» на булаву является именно Иван Мартынович. Сомко же и Золотаренко были обвинены в стремлении перейти на сторону Польши.

Как известно, Иван Брюховецкий, кошевой атаман, при поддержке запорожцев и Москвы был избран гетманом в 1663 году в Нежине, на так называемой Черной Раде, на которой присутствовали не только казаки, но и мещане и крестьяне. Его конкуренты были казнены, их сторонники потеряли свои места и в большинстве своем отправились (отнюдь не по собственной воле) в Сибирь. Период правления Брюховецкого интересен, в частности, тем, что тогда резиденция гетмана и его правительство располагались в Гадяче, который, таким образом, стал столицей части Украины, находившейся под властью

Ивана Мартыновича. Следует сказать, что основания для возвышения Гадяча имелись весьма веские: этот город, как и Чигирин, являлся ранговым имуществом (предоставляющимся вместе с должностью) украинских гетманов, и именно там долгое время хранились сокровища Богдана Хмельницкого.

Подготавливать свое возвышение Брюховецкий начал уже тогда, когда остался в Сечи. Ведь запорожцы недаром считались единственной авторитетной, бескорыстной, искренне преданной Украине общественно-политической силой, живущей исключительно желанием стоять за правду, волю и государственную самостоятельность. В их среде не было интриг, веяний новых политических идей, четких ориентаций на новые внешние силы и державы. Собственно, и сама украинская держава того времени началась именно с восстания «рыцарей степей», а первый ее глава, Богдан Хмельницкий, был избран гетманом именно запорожцами и именно в Сечи. Так что носителем высшей власти в стране мог стать только тот, кто смог бы склонить на свою сторону запорожцев. Кроме того, такой человек мог считать свое положение достаточно прочным.

Следует сказать, что Брюховецкий являлся ярким представителем той эпохи, метко прозванной «Руиной»: не получивший, по всей видимости, образования, до всего дошедший исключительно своим умом мастер интриги, великолепный оратор, умеющий прекрасно влиять на толпу. В своих политических пристрастиях Иван Мартынович не был оригинален, считая царя Московского государства единственным законным властителем Украины и всегда выступая как пламенный сторонник Москвы. В этом вопросе Брюховецкий стал антиподом гетмана Павла Тетери, который ставил на польского короля.

В общем, первые три года своего правления левобережный гетман провел в непрерывных войнах с хозяином земель на правом берегу Днепра и поддерживавшими его поляками. В 1663–1664 годах армия Брюховецкого, поддержанная российскими войсками, поставила точку на стремлении Польши забрать под свое крыло Левобережье. Но покорить правый берег Иван Мартынович не смог, хотя некоторое время был хозяином отбитых у противника Канева, Черкасс и Белой Церкви. Немало городов оказались опустошены армией Брюховецкого, однако взять Чигирин ему так и не удалось. Затем под натиском

казаков Тетери и поляков отряды левобережного гетмана были вынуждены отступить за Днепр.

Однако как гетман Брюховецкий не оправдал ожиданий, возлагаемых на него соотечественниками. И в проведении внутренней политики, и в решении социальных вопросов этот человек действовал исходя исключительно из соображений собственной выгоды. Так, на место казненной либо высланной в Сибирь старшины он посадил своих ставленников, укрепил их власть, что дало возможность новым должностным лицам бесчинствовать, что называется, в свое удовольствие, выказывая редкостную жадность и стремление притеснять тех, кто попадал под их власть. Каждого из представителей старшины теперь охраняла личная стража из запорожцев, содержание которой легло на плечи окрестного населения.

Заполучив желанную булаву, Брюховецкий сразу же забыл практически обо всех своих обещаниях, старался удержать власть не заботой о народе, а при помощи запугивания и жестокости. Наименьший протест или выказанное недовольство тут же заканчивались конфискациями, арестами, казнями. А репрессии, проведенные Брюховецким в тех городах, которые были просто вынуждены сдаться армии польского короля Яна Казимира, заставили содрогнуться даже самых жестокосердных вояк. Естественно, такая политика уж никак не способствовала росту или хотя бы стабильности популярности гетмана. Отношение к нему простых людей и самих запорожцев стремительно ухудшалось.

Собственно, Брюховецкий жил достаточно спокойно только до тех пор, пока на Правобережье правил гетман Павел Тетеря, которого на левом берегу Днепра, мягко говоря, не уважали, не любили, именуя исключительно «ляхом» за его симпатии к Польше. Гром грянул в августе 1665 года, когда в Чигирине появился новый правитель — гетман Петр Дорошенко. Этот человек принадлежал к старинному казацкому роду, очень уважаемому в Украине (его дед, Михаил Дорошенко, являлся в свое время гетманом Войска Запорожского, а отец, Петр Дорошенко, был казацким полковником), отличался исключительными способностями, гибким умом и получил прекрасное образование (вероятнее всего — в Клево-Могилынской коллегии). Еще в 1649 году, в 22 года, Петр стал артиллерийским писарем и служил в ближайшем окружении Богдана Хмельницкого. Затем он занял пост

наказного полковника и доверенного дипломата гетмана. В 1657 сам «батя Хмель» доверил 30-летнему Дорошенко высокий пост

Прилуцкого, а позднее — Чигиринского полковника. Тетеря тоже высоко ценил Дорошенко, назначил его генеральным есаулом и Черкасским полковником.

Брюховецкий, который был старше своего нового «оппонента» всего на несколько лет, прекрасно знал о способностях и авторитете Дорошенко; прослышав о его приходе к власти на Правобережье, Иван Мартынович всерьез обеспокоился и даже испугался. Ведь теперь возникала серьезная угроза того, что Левобережье взбунтуется и захочет отойти под власть Дорошенко, чтобы создать единую державу.

Желая удержать власть, Брюховецкий бросился просить помощи у Москвы. Ему требовались дополнительные военные силы, которые могли бы разместиться в самых крупных городах на левом берегу Днепра и служить гарантом нерушимости власти гетмана. А чтобы бюрократическая машина не дала сбой, Брюховецкий в сентябре 1665 года лично отправился в Москву, где подписал с царем соглашение, сильно ограничивавшее государственный суверенитет Украины. Тогда же гетман решил накрепко связать себя с сильным союзником и испросил у царя разрешения жениться на одной из его подданных. Такие мысли, кстати, появлялись у Брюховецкого неоднократно. Но если вначале он хотел связать свою судьбу с «честной вдовой» («ибо сам лыс есть»), то с течением времени решил все же венчаться с молодой девушкой. В итоге супругой гетмана стала падчерица князя Долгорукого, Дарья Исканская.

В общем, ради скорейшего прибытия московских войск в Украину левобережный гетман, который получил от царя титул боярина, сделал все что мог. Так что вскоре «союзники» стояли уже не только в Киеве, где осели еще со времен Богдана Хмельницкого, но и в Чернигове, Переяславе, Нежине, Полтаве, Новгороде-Сиверском, Кременчуге, Кодаке, Остре. Однако такой шаг привел к неожиданному для гетмана результату. Украинцы, которые и без того не приходили в восторг от персоны Брюховецкого и его способов управления, окончательно лишили Ивана Мартыновича своей благосклонности: никто не обрадовался перспективе кормить нахальных чужаков, якобы призванных защищать население от его единокровных братьев, волей судьбы оказавшихся на другом берегу Днепра. На Левобережье

сложилась взрывоопасная обстановка, грозившая вот-вот вылиться в восстание.

Самое интересное, что Брюховецкий быстро понял, в какой переплет попал по собственной глупости. Гетман, по всей видимости, даже и не представлял себе, какой вред Украине принесет пребывание на ее территории московских войск. Но все складывалось, как в известной сказке про глупого зайца и хитрую лису, которая, получив разрешение просунуть лапу в дверь домика, вскоре оттяпала у доверчивого зверя весь домик. Уже в 1666 году московские воеводы начали поголовную перепись населения с тем, чтобы обложить украинцев подушными налогами, которые впредь должны были поступать в казну соседней державы; туда же стали направляться прибыли от торговли и винокурения. Московским воеводам передавалась юрисдикция над неказацким населением страны. Гетман лишился права поддерживать отношения с другими государствами. Дело дошло даже до того, что Брюховецкий попросил прислать в Украину митрополита из Москвы. Правда, тут уж не выдержало местное духовенство, пригрозив, что просто затворится в своих монастырях и предпочтет смерть подчинению чужаку. Так что дело с присылкой митрополита благополучно застопорилось.

А год спустя под Смоленском, в Андрусове, Московское царство подписало с Польским королевством мирный договор, согласно которому Украина делилась на две части между обеими договаривавшимися сторонами: Левобережье отходило к Московии, а Правобережье — к Польше. Клев в течение двух лет должен был пребывать под властью Москвы, а потом также перейти к Польше. Что же касается Сечи, то она, согласно договору, попадала под протекторат обеих держав. Наверное, излишне уточнять, что мнения самих украинцев никто в данном случае не спрашивал... Все это привело к быстрому росту общего недовольства самоуправством чужаков и тем, кто дал возможность вмешиваться в дела Украины, т. е. Брюховецким. В воздухе явственно запахло массовым восстанием.

Понимая, что булава, несмотря на все приложенные усилия, все же ускользает от него, Иван Мартынович спохватился и кардинально изменил свою политику. Меры, к которым он прибег, на несколько веков вперед обеспечили левобережному гетману место в том списке, который регулярно звучал во всех московских церквях и начинался со

слов: «Да будут прокляты во веки веков злые воры и разбойники...» Причем проклинали Брюховецкого не только в Московском царстве: по особому распоряжению те же выражения звучали и в Украине.

За что же так сильно озлился царь на своего новоиспеченного боярина? Да просто в 1667 году гетман начал готовить противомосковское восстание. Тайное совещание украинского руководства по этому вопросу состоялось в Гадяче 19 января 1668 года, на Крещение. Само же выступление началось 4 февраля того же года. Московским воеводам «вежливо предложили» убратся их украинских городов подальше. Тех же, кто не внял «отечественным увещаниям», выставили силой. 18 февраля Брюховецкий выдворил войска своего недавнего союзника из Гадяча; тогда же полтавские казаки под управлением полковника Григория Витязенко вывели из города московские войска, а несговорчивого воеводу-чужеземца посадили под замок.

Естественно, что для столь решительных действий Брюховецкому требовался новый сильный союзник, с которым можно было бы не бояться ни Московии, ни Польши. И такая сила на тот момент в самом деле существовала: гетман решил просить протекции Турции и отправил в Царьград большое посольство с предложением принять подданство Украины на условиях вассальной зависимости.

Султана такое предложение устроило; Брюховецкому предстояло и впредь сидеть в Клеве на правах вассального князя, а крымский хан по указке Царьграда прислал на помощь гетману свое войско. Так начиналось восстание против Москвы. Интересно, что Петр Дорошенко практически одновременно со своим конкурентом (в январе 1668 года) тоже созывал Раду и решение она приняла аналогичное: ни Московскому царству, ни Польше не подчиняться, а вместо этого отдаться под протекцию Турции. Примечательно, что султан согласился и на это.

Одновременно с изменением политических взглядов, Иван Брюховецкий затеял переговоры со своим коллегой-конкурентом — гетманом Петром Дорошенко. Правитель Левобережья всерьез надеялся на то, что Дорошенко ради создания единой державы откажется от булавы в его пользу. Сам же Дорошенко по этому поводу придерживался диаметрально противоположного мнения, однако выкладывать свой взгляд на ситуацию не торопился, до поры до

времени охотно поддерживая заблуждение бывшего приятеля. В начале февраля 1668 года он собрал в Чигирине Совет старшины, куда были приглашены представители Брюховецкого. Совет принял решение совместными усилиями обеих частей Украины выставить с ее территории московских воевод. Гетманы намеревались провести всеукраинский Совет Войска Запорожского с тем, чтобы избрать правителя объединенного государства.

Естественно, что подобное развитие событий никак не устраивало Москву. В конце апреля в Украину из Белгорода выступило войско под командованием князя Ромодановского, которое в мае осадило Котельву. Узнав об этом, Дорошенко со своим войском выступил из Чигирина, спешно переправился через Днепр и двинулся в сторону Полтавы. Брюховецкий отправился туда же несколько позже — в начале июня; похоже, гетман сам испугался каши, которую заварил. Два войска при встрече должны были наконец избрать единого главнокомандующего, который стал бы главой объединенного украинского государства, а также раз и навсегда выдворить чужеземных захватчиков.

Следует сказать, что в тот год сама природа, похоже, предвещала какую-то беду: на Светлую среду выпал густой снег (!), ударил мороз и земля оказалась в плену зимы еще на четыре недели. То есть снег стал сходить лишь в середине мая, так что во время описанных событий все только-только начинало цвести, как это обычно бывает в середине апреля. А ведь на дворе, если верить календарю, уже было преддверие лета!

Продвижение обоих конкурентов само по себе могло расставить все точки над «і», показать, кому же впредь предстоит вершить судьбы соотечественников, а кому (и это в лучшем случае) «светят» изгнание и забвение. Если движение Дорошенко было триумфальным, народ радостно приветствовал его, переходил на сторону правобережного гетмана, то на долю Брюховецкого доставались только злые взгляды из-под насупленных бровей.

Иван Мартынович прибыл на Сербинское поле первым и остановился в ожидании Дорошенко. Тот, в свою очередь, двигался со стороны Решетилówki, вдоль реки в направлении Диканьки. На Сербинском поле правобережный гетман появился 17 июня. Два украинских войска настороженно стояли друг напротив друга на расстоянии около 700 м. Разделял оба лагеря курган, известный под

названием Сербинская могила. Согласно легенде, там нашли покой погибшие в 1658 году сербы полковника Ивана Сербина.

18 июня Петр Дорошенко въехал на курган в сопровождении своей старшины и тысячи казаков. Отсюда он направил к Брюховецкому сотника, чтобы тот передал левобережному гетману приглашение прибыть на курган для переговоров. Что было дальше — тайна, покрытая мраком. Точнее, изрядно искаженная и затертая временем. Разные источники по-разному преподносят события последнего дня жизни Ивана Брюховецкого. Если верить мнению современных исследователей, самым достоверным описанием можно считать свидетельство Самойла Величко. Этот летописец поселился в Жуках под Полтавой всего через 40 лет после упомянутых событий, в 1708 году. То есть создавал он свою работу почти «по горячим следам», в непосредственной близости от места трагедии, и вполне мог располагать показаниями очевидцев, а возможно, даже участников тех событий.

Итак, Величко утверждал, будто Иван Мартынович почему-то отказался от приезда на курган, а вместо этого стал требовать, чтобы Дорошенко сам прибыл к нему. Сотник церемониться с гетманом не стал и при поддержке сопровождавших его казаков попытался схватить Брюховецкого. Однако за того вступился его верный запорожский полковник Чугуй, который являлся спутником левобережного гетмана еще со времени его избрания на Черной Раде в Нежине. Казаки Чугуя схватились с послами прямо в гетманском шатре. Но тут чужаков вдруг поддержали воины, пришедшие на Сербинское поле с самим Брюховецким — шатер был повален, гетман схвачен и отведен к подножию кургана, на верхушке которого их ждал Петр Дорошенко.

Правобережный правитель спросил, почему его конкурент не хочет понять, что казаки не хотят видеть его гетманом объединенного государства, и не отдаст булаву по доброй воле. Брюховецкий же стал вспоминать, как он и Дорошенко служили у Хмельницкого, как были хорошими знакомыми. Неужели же его нынешний соперник забыл обо всем? Почему бы ему самому не отказаться от гетманства? Ибо он, Брюховецкий, по доброй воле булаву, с таким трудом добытую, из рук не выпустит...

Последовавшие за этим события до сих пор остаются не до конца разгаданной тайной. Действительно ли Дорошенко отдал приказ убить несговорчивого конкурента? Сам он не раз говорил, что не желал смерти Брюховецкого. Мол, приковать того к пушке действительно велел (тогда практиковалось подобное позорное наказание). Но убивать не хотел... По словам Дорошенко, получалось, что он честно сказал своему оппоненту: сам жизнь его обрывать не будет, а вершить справедливый суд предоставит казакам. Вот только правобережный гетман прекрасно осознавал, в каком состоянии пребывают оба лагеря, не мог не чувствовать, что без пролития крови на сей раз не обойдется. Но, понимая это, он почему-то небрежно взмахнул рукой, словно оканчивая бесполезный разговор, — этот жест возбужденная толпа истолковала по-своему.

Казаки, которые стояли внизу у кургана, словно с цепи сорвались: кинувшись на Брюховецкого, они стали зверски избивать прикованного гетмана всем, что подвернулось под руку. Когда же Иван Мартынович испустил дух (на его изуродованном теле, по свидетельству очевидцев, не осталось ни одного живого места), казаки бросили убитого гетмана голым и отошли к обозам. Иван Чугуй со своими воинами, оставшись в меньшинстве, не смог помешать жестокой казни. Дорошенко, конечно же, извинился перед Чугуем и его войском, заявляя, что не давал распоряжения убивать Брюховецкого. Однако ему не особенно верили: выходило, что правобережные казаки очень вовремя «не поняли» своего предводителя. Поскольку Брюховецкого не было в живых, под булавой Дорошенко оказалась вся Надднепрянская Украина. Правда, на эти земли имели свои виды как Московское царство, так и Польское королевство, и потому право на самостоятельность объединенному государству еще предстояло доказывать в бою. Что же касается армии Ромодановского, то он, узнав о страшной судьбе Брюховецкого, поспешил отступить за пределы Украины.

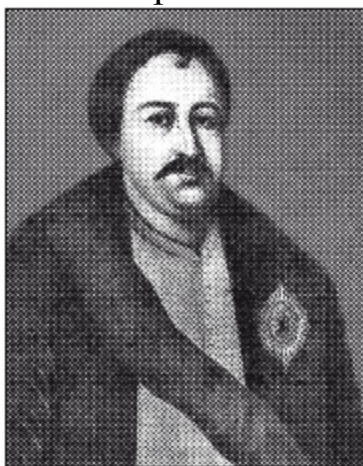
Чтобы уверить окружающих в своей непричастности к гибели левобережного гетмана, Петр Дорошенко распорядился вывезти тело погибшего в Гадяч и с почестями похоронить в Церкви Богоявления; ее Иван Брюховецкий построил на собственные деньги, там же он при жизни исполнял обязанности церковного старосты. Когда же казаки вспомнили о том, что у Брюховецкого была семья, Дорошенко решил:

крови достаточно. А потому распорядился спешно арестовать и вывезти в Чигирин жену покойного с дочерью, спасая их от расправы. С того момента Гадяч утратил свой статус украинской столицы. Интересно, что никто из летописцев 45-летнего Брюховецкого не пожалел. Все расценивали гибель гетмана как доказательство принципа: «Око за око». В самом деле: ведь приказал же Иван Мартынович за пять лет до того казнить Якима Сомко и его товарищей!

Установить сегодня степень вины Петра Дорошенко в деле убийства Брюховецкого невозможно. Что на самом деле думал гетман Правобережной Украины, когда небрежно махнул рукой, после чего верные ему казаки растерзали Ивана Брюховецкого, мы уже вряд ли когда-нибудь узнаем. Так что скорее всего тайна смерти левобережного гетмана так и останется неразгаданной.

Иван Мазепа: человек со множеством лиц

Почти триста лет замалчивались времена гетманщины в Украине, и все эти годы имя одного из знаменитейших гетманов оставалось под знаком табу. Европа знала о Мазепе по произведениям Вольтера, Ю. Словацкого, по одноименным поэмам Гюго и Байрона, по музыкальной поэме Листа, по истории Петра I, вышедшей на немецком языке, где Мазепе был посвящен целый раздел. На родине же Ивана Степановича о нем говорили как об Иуде...

Иван Мазепа

Наконец пришло время исследовать загадки, связанные с именем этого человека, и выяснить, кто он, гетман Мазепа: провокатор и предатель, как нас учила пропаганда советских времен, или же патриот и видный государственный деятель?

Его не то чтобы забыли — о нем не любили вспоминать. В России на протяжении веков имя Мазепы было нарицательным именем предательства. В Украине в тот же период «проклятой Мазепой» называли не только плохого человека, но и любое зло вообще. Но времена меняются, и люди изменяются тоже. В последнее время все чаще поднимается вопрос о том, кем же на самом деле был этот неординарный человек, и так ли уж правы проклинаящие его.

Загадки начинаются уже тогда, когда речь заходит о внешности Мазепы. До нас дошло более десятка портретов, изображающих одну

из самых таинственных и противоречивых личностей украинской истории. Интересно, что среди них не существует хотя бы двух... похожих друг на друга! Мазепа словно являлся человеком со множеством лиц... Хотя, по сути, таким он и был по жизни: для Украины — одним, для России — другим, для Польши — третьим, для Швеции — четвертым. Даже возможных дат рождения гетмана насчитывается штук пять... Итак, давайте знакомиться с одним из наиболее выдающихся и, как ни странно, наиболее неизвестным украинским гетманом, который пребывал у власти дольше всех остальных — свыше 20 лет.

Иван Степанович Мазепа-Колединский родился... А вот когда, простите, никто толком сказать не может. Что это событие случилось 20 марта, известно точно. Но вот в каком году? Историки называют 1629, 1634, 1639, 1640 и 1644 годы, но официально признанной датой считается 1644-й. На свет будущий гетман появился на хуторе Каменцы (со временем Мазепинцы) неподалеку от Белой Церкви, что на Киевщине, в православной семье польской шляхты украинского происхождения. Следует сказать, что мать Ивана Степановича, Мария Магдалина, была личностью неординарной, получила прекрасное образование, являлась большой патриоткой Украины — до конца своих дней (1707) эта женщина была первой советчицей сына. Кстати: овдовев, Мария Магдалина постриглась в монахини и поселилась в Клево-Печерском женском монастыре; последние 13 лет своей жизни она являлась игуменьей обители.

С малых лет Иван изучал европейские науки, осваивал езду верхом, владение саблей. Со временем молодой шляхтич по настоянию своей матери поступил в Клево-Могиланскую коллегию. Отличавшийся редкими способностями к ораторскому делу, Мазепа зачитывался трудами Цицерона, Тита Ливия, Тацита. Когда молодой шляхтич окончил коллегию, его отец, Степан-Адам, занимавший заметное место в свите гетмана Выговского, решил направить сына ко двору польского короля. Иван стал пажем, а вскоре снова очутился за границей: его величество посчитал, что человек с европейским образованием ему куда нужнее еще одного обычного слуги. Так будущий гетман попал в Голландию, Францию, Германию, Италию, где досконально освоил основы фортификации, пушечное дело, ряд других дисциплин, овладел несколькими языками. Одновременно

пребывание за рубежом расширило мировоззрение Мазепы, обогатило его политически и духовно. В итоге в Польшу вернулся весьма просвещенный для своего времени человек, свободно владеющий украинским, польским, русским, французским, немецким, итальянским, татарским языками, латынью, прекрасно разбирающийся в философии, истории, музыке, поэзии. Мазепа и сам писал стихи, причем весьма неплохие, был мудрой личностью, дальновидным политиком, владевший даром убеждения и умением моментально располагать к себе окружающих, очаровывать их. С юности и до старости короли, цари, казаки, воины, духовенство легко покорялись обаянию Мазепы. Стоит ли говорить, что и у женщин он имел большой успех? Этот стройный, очень привлекательный и невероятно обаятельный шляхтич прослыл среди своих современников «чародеем»: именно умение производить выгодное для себя впечатление и внушать безоговорочное доверие впоследствии вознесли Мазепу на вершины власти.

Естественно, что столь примечательная личность не могла не нажить себе врагов. Уже при дворе польского короля имелось немало злопыхателей, завидовавших успехам украинца. Они сделали немало для того, чтобы Иван Степанович утратил королевскую благосклонность. Шляхтича подвели под дуэль (тогда в Польше они строго карались — вплоть до смертной казни), пускали в ход злые — и довольно опасные! — сплетни и клевету. Однако все было тщетно. Один из таких «доброжелателей» состряпал легенду о любовном походе молодого Мазепы. Часть исследователей считает, что дыма без огня быть не может, а часть — что недруг будущего гетмана выдумал эту историю в надежде навеки опозорить «непотопляемого» королевского любимца...

В легенде рассказывалось о том, как украинец, заведя себе очередную любовницу (молодую супругу влиятельного польского магната), был пойман озверевшим мужем — рогоносцем «на горячем». Впрочем, убивать любвеобильного молодого человека шляхтич не стал; вместо этого Ивана раздели, вымазали дегтем, выкачали в перьях и, посадив в седло задом наперед на дикого коня, накрепко привязали. Когда скотину отпустили, да еще подстегнули напоследок, она рванула прочь, не разбирая дороги. Израненного молодого человека обнаружили казаки; рыцари степей пожалели парня, подлечили его и

отпустили с Богом. Но Мазепа не захотел возвращаться домой и остался в Сечи.

Но творческие личности — народ странный. Из позорной, по мнению злопыхателя, истории они сделали романтическую сказку, навеки превратив Мазепу в легендарного романтического героя. Литераторы, композиторы, живописцы подарили миру великолепную «мазепиану»... Что ж, нам остается лишь поблагодарить за это давно почившего вечным сном завистника с его богатым воображением. И искренне посочувствовать ему...

Как бы там ни было, в Украину Мазепа попал во время одного из походов. Оказавшись у Белой Церкви, молодой человек внезапно оставил королевское окружение и уехал на родину. Так впервые проявилась загадочная способность этого человека заранее предвидеть падения сильных мира сего и находить нового покровителя, который мог дать толчок его собственной карьере.

Следует сказать, что тогда три могущественных государства — Польша, Россия и Турция — предъявляли претензии на земли Украины. Все эти державы имели здесь своих гетманов. На Правобережье как раз властвовал небезызвестный Павел Тетеря. Именно к нему и направился Мазепа. Польского короля шляхтич оставил очень вовремя: тот в скором времени лишился короны. Однако и новый покровитель Ивана Степановича недолго держал в руках власть; когда Тетерю сместили, булава оказалась в руках Петра Дорошенко. Новый гетман быстро выделил среди доставшихся ему «в наследство» должностных лиц способного, прекрасно образованного шляхтича, получившего аристократическое воспитание. Для начала Мазепа был назначен ротмистром надворной службы, а затем получил должность генерального писаря, то есть личного секретаря Дорошенко и главы его дипломатического ведомства.

Мазепа живо интересовался работами своих современников — Корнеля, Лафонтена, Буало, Паскаля, Ларошфуко. Их взгляды сильно повлияли на формирование мировоззрения будущего гетмана. Иван Степанович любил вспоминать слова Ларошфуко о том, что дальновидный человек должен уметь определить место для каждого из своих желаний, которые будет осуществлять поочередно. Что ж, принцип весьма жизненный! И шляхтич начал с того, что обеспечил себе безбедное существование, женившись на богатой вдове.

«Молодая», которая была отнюдь не молода, вскоре покинула сей грешный мир, оставив «безутешного» супруга в гордом одиночестве и... с весьма внушительным состоянием. Благодаря женитьбе Мазепа стал одним из богатейших помещиков и, пожалуй, самым крупным крепостником Украины и России: в его имениях насчитывалось более 100 000 крестьян!

Можно сказать, что казачий «министр иностранных дел» и гетман нашли друг друга: Иван Степанович, прирожденный интриган, как раз пришелся ко двору Дорошенко, который вел необычайно сложную тройную игру. Считаясь подданным польского короля, он налаживал связи с гетманом Левобережья Иваном Самойловичем, убеждая его, что больше всего на свете мечтает служить московскому царю. Посредником, которого Дорошенко отправлял с посланием своему «коллеге», являлся Мазепа. Но интересно, что он же спустя пару месяцев по воле гетмана совершил путешествие к турецкому султану, которого «солнце Руины» просил о помощи, надеясь объединить Украину в единое государство... Приходилось Ивану Степановичу бывать также у крымского хана, польского и французского королей.

В 1674 году шляхтич двинулся в Турцию не с пустыми руками: чтобы задобрить султана, Дорошенко направил ему «презент»: 15 казаков, которых захватили на левом берегу Днепра. Посольство охранял небольшой отряд из татар. Однако до места назначения этот «дипломатический корпус» так и не добрался, поскольку в Крыму он привлек к себе нездоровое внимание запорожского атамана Ивана Сирко... Атаман, личность совершенно одиозная, был тем самым человеком, который со своими казаками якобы сострипал турецкому султану Мухаммеду IV знаменитое письмо.^[10]

Так вот, Сирко, считавшийся заклятым врагом татар и турок, напал на посольство Дорошенко. Татар запорожцы перерезали, невольников освободили. А услышав, кто и куда их отправил, атаман, считавший выдачу христиан в руки басурманов самым страшным преступлением, приговорил главу посольства к смерти. И тут... Естественно, новая загадка (ими биография Мазепы просто-таки пестрит!). Никто не может объяснить, почему вдруг Сирко изменил собственное решение и почему Мазепе не отрубили голову на месте. Известно только, что атаман сказал: «Не убивайте его... Возможно, когда-то он пригодится родине».

Облегченно вздохнувшего шляхтича запорожцы передали в руки своего союзника, гетмана Самойловича. Так Мазепа впервые оказался в Москве, заглядывать в которую в его первоначальные планы не входило. Ушлый шляхтич умудрился втереться в доверие к начальнику Малороссийского приказа боярину Артамону Матвееву и московскому воеводе Ромодановскому. Вскоре Ивана Степановича представили царю Алексею Михайловичу. Тут уж Мазепа развернулся, что называется, по полной: он убедил коронованную особу в том, что Дорошенко спит и видит себя на службе русской державе. В итоге послу выдали призывные грамоты к гетману и с Богом отпустили обратно.

Вот только на Правобережье Мазепа ехать передумал. Его впечатлила сила, богатство и крепкая власть полуазиатской Москвы. Так что шляхтич решил подыскать себе нового покровителя, благо Иван Самойлович его уже неплохо знал. Оценив ум, ловкость и образование прибывшего к нему гостя, гетман левого берега Днепра охотно взял его домашним учителем для своих сыновей. Но этот скромный, в общем-то, пост не удовлетворял заядлого интригана. Вскоре он сумел выдвинуться и занять высокое и почетное место генерального есаула, в этом качестве несколько раз ездил в Москву, налаживая и укрепляя полезные связи.

Тем временем Алексей Михайлович умер; правление его старшего сына Федора оказалось до обидного коротким, и на троне волей капризной судьбы оказались два брата-подростка — Петр и Иван. Фактически же руководство державой перешло в руки их старшей сестры — умной и властной царевны Софьи Алексеевны. Мазепа, сразу же сориентировавшись в изменившейся обстановке, быстро вошел в доверие к фавориту царевны, Василию Голицыну, и всерьез задумался о повышении собственного статуса. Генеральный есаул уже метил на место гетмана... Но Самойлович крепко держал булаву в руках, а значит, нужно было избавиться от него.

Как раз подошел к завершению поход русского войска и казаков против крымского хана, больше достойный названия позорного провала. Голицын поспешил свалить вину на гетмана, на которого обозный, второй человек после Самойловича (Василий Борковский), есаул (герой нашей статьи) и войсковой писарь (Василий Кочубей) быстренько состряпали челобитную. Гетмана и его сыновей, носивших

чин полковников, обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах, в злоупотреблениях, взятках, вымогательствах, присвоении полковых денег. Москва неохотно восприняла идею «сдать» Самойловича, который служил ей верой и правдой на протяжении долгих 15 лет. Но и смута на Украине Россию как-то не вдохновляла... К тому же Мазепа умел казаться искренним, преданным, на редкость правдивым человеком. Так что на основании данного доноса семью гетмана отправили в Сибирь, конфисковав все его имущество, а Григорию Самойловичу, одному из бывших учеников Ивана Степановича, отрубили голову...

Поскольку булава осталась бесхозной, Мазепа решил повлиять на исход выборов нового гетмана. С этой целью он заплатил Голицыну 10 000 рублей (невероятную по тем временам сумму!), организовал пиры для войсковых старшин и полковников, сделал им щедрые подношения. Так что иных кандидатов генеральная Рада, собравшаяся в полковом поселке Коломак (ныне — поселок в Валковском районе Харьковской области), вообще не рассматривала, 25 июля (4 августа по новому стилю) 1687 года передав Ивану Степановичу клейноды власти — булаву и бунчук.

Прорвавшись на вершину власти, Мазепа быстро расправился с соратниками и приверженцами своего предшественника, одновременно щедро одаривая угодных ему лично старшин. Личность загадочная и подозрительная, новый гетман не доверял никому и никогда — даже собственной тени. А значит, постарался избавиться также от друзей, поскольку они стали представлять серьезную опасность: люди, на личном опыте убедившиеся, как легко убрать неугодного гетмана и заменить его другим, могли в будущем попытаться повторить это...

В 1702 году Мазепа похоронил жену и вдовел затем два года. Но в это время, согласуясь с наличием в бороде Ивана Степановича седины, бес начал усиленно дергать его за ребро... Дело в том, что гетман являлся кумом своего старого приятеля, Кочубея. Мазепа крестил младшую дочь дослужившегося до звания генерального судьи писаря. Когда гетман овдовел, ему было около 60 лет, а его крестнице едва исполнилось 16. Но Иван Степанович... решил просить у Кочубея руки Матрены (девушка действительно любила гетмана). Родители такому браку воспротивились, мотивируя свой отказ тем, что церковь

запрещает браки между крестным и крестницей. Однако Мазепа знал: если понадобится, ради него, в виде исключения, церковные власти запрет снимут. Кочубеи же тем временем вообще перестали выпускать Матрену из дома. Наконец, не выдержав нажима родителей, девушка бежала к своему избраннику. Тогда отец беглянки вынес дело на людской и Божий суд, обвинив старика-гетмана в том, что он похитил у него юную дочь. Иван Степанович понял: такого ему не простят, и потому отправил Матрену домой. Что произошло дальше — тайна, покрытая мраком. Почему-то девушка, еще так недавно до безумия любившая своего крестного, люто его возненавидела. Что привело к столь резким изменениям в отношениях Матрены и Ивана Степановича, непонятно. На «народную молву» списывать отчуждение не приходится, поскольку ранее девушку мало волновало мнение окружающих и их откровенное порицание.

Через два года, когда страсти улеглись, она вышла замуж за молодого шляхтича Чуйкевича, а в 1707 году Кочубей составил «донос на гетмана-злодея» Петру I... В итоге 68-летнего судью и его соратника, полковника Искру, бичевали и выдали Мазепе для показательной казни. Всю ночь накануне смерти судью жгли каленым железом, пытаясь, где запрятаны его деньги и кто значится у него в должниках. «Кровавые деньги» поступили в гетманскую сокровищницу, а доносителям 14 июля 1708 года отрубили головы.

На достигнутом Мазепа не остановился. Он, как и Дорошенко, бредил идеей объединения обеих частей Украины и создания единой державы. В 1705 году, воспользовавшись удобным для себя моментом, Иван Степанович избавился от правобережного конкурента, Семена Палия, став гетманом как Лево-, так и Правобережья. В те годы часто говорили: «Від Богдана до Івана не було у нас гетьмана». Следует сказать, что в свое время ходили слухи о том, что Мазепа связался с нечистой силой: уж слишком везло этому человеку, все задуманное легко удавалось, удача сама плыла ему в руки. И даже доносы, все чаще поступающие в Москву, не могли поколебать отношение Первопрестольной к украинскому «чародею». Так что авторы подобных посланий, сообщавшие о том, что гетман тайно сговаривается с поляками, потихоньку скупает имения в Польше, продает в рабство единоверцев, раздает земли, должности и богатства из войсковой казны кому захочет и сколько пожелает, отправлялись на

расправу к самому Мазепе. Если же автор «забывал» поставить под доносом свое имя, гетман тут же изобретал заговор против своей собственной персоны, приплетая к нему чудом уцелевших противников.

В конце XVII века, в России в силу начал входить человек, которого позднее назовут Петром Великим. 10 сентября 1689 года молодой русский царь затребовал к себе в Лавру прибывшее в Москву украинское посольство во главе с Мазепой. Гетман сразу же снискал расположение Петра. Человек высокой европейской культуры, несколько лет проведший в странах Западной Европы, придворный польского короля, знаток нескольких европейских языков и владелец первой в Украине библиотеки, артиллерийский специалист по образованию, Мазепа принадлежал к числу тех «новых людей», которых так ценил, находил и выдвигал царь. Иван Степанович, обладавший огромным обаянием, блестяще красноречивый, легко вошел в царское окружение, став для Петра «своим». Таким, каковыми были Меншиков, Шереметьев, Шафиров, Толстой... Правда, одного умения говорить для сохранения доверия венценосца было мало. Петр верил больше делам. Но Мазепа не давал повода сомневаться в себе: он создавал новые регулярные полки, построил на Днепре целую флотилию казацких «чаек» и «дубков», на которых отправился в низовья Днепра, где захватил ряд турецких и татарских городков. Иван Степанович отправлял молодежь из шляхетских семей за границу для получения образования, начал отливать пушки, открыл ряд типографий (издания тех времен считались едва ли не лучшими за всю историю Украины), расширил Киево-Могилянскую коллегию, превратив ее в академию, равную по уровню лучшим европейским университетам. Специально для академии гетман построил новое трехэтажное здание, присылал для ее библиотеки книги. Во времена Мазепы среди слушателей университетов Сорбонны и Праги было много украинцев, почти вся казачья старшина имела высшее образование.

Заботился гетман и о возникновении новых очагов культуры: одним из них был Черниговский коллегиум, превращенный в высшую школу-лицей. Во многих городах и селах на деньги Ивана Степановича открывались школы (на 1000 человек приходилось одно такое заведение). Он отдавал много сил и средств на возрождение

гетманской Украины. Резиденция гетмана — Батурин — стала культурно-образовательным центром Украины и Европы, Мазепа переписывался со многими европейскими учеными и политическими деятелями. Гетман выстроил на Самаре новые крепости («против татар»), не раз посылал казацкие полки против шведов. В развитие украинского образования, науки, искусства, архитектуры, литературы, книгопечатания Мазепа вкладывал огромные деньги из государственной войсковой казны и собственные средства, считая, что только так Украина сможет сравниться с европейскими государствами. Под его непосредственным надзором и руководством было сооружено 12 церквей и восстановлен ряд старинных храмов княжеской эпохи.

Мазепа действительно сделал для Украины многое; работал он совершенно искренне и вполне в духе петровских реформ. К тому же гетман зарекомендовал себя как незаурядный политик, к дельным советам которого внимательно прислушивался Петр I. Так что Ивана Степановича очень ценили в Москве (в 1700 году он даже стал одним из первых кавалеров высшей награды империи — ордена Андрея Первозванного). У себя на Гетманщине он прекрасно ладил со старшиной, что ранее мало кому из гетманов удавалось, своими силами справлялся с внутренними смутами, многократно отбивал набеги татар. Правда, после позорного крымского похода он сам войска водил редко, предпочитая назначать одного из своих полковников наказным гетманом с полномочиями главнокомандующего. Со стороны Польши, с которой у России в очередной раз был установлен шаткий мир, Мазепе неоднократно предлагали вступить в переговоры, однако Иван Семенович не только отказывался от заманчивых предложений, но и сразу же передавал «искусителей» русским властям.

Долгих десять лет, до самого начала Северной войны, Мазепа спокойно правил Украиной. Правда, как глава государства Иван Степанович особой кротостью не отличался. Он весьма жестоко расправлялся со своими врагами и теми, кто посягал на гетманскую власть либо власть аристократической верхушки. Желая видеть Украину независимой, он не слишком беспокоился о судьбе крестьян и бедноты, беспощадно подавляя восстания «сіроми».

Все круто изменилось, когда над Европой взошла звезда шведского короля Карла XII. Непобедимый полководец, кумир, новый

викинг, он в считанные годы стал самым грозным противником, с которым можно было столкнуться в XVIII веке. Петр, не терпевший соперников, занял часть побережья Балтики и основал там новую «северную» столицу, Санкт-Петербург, тем самым бросив Карлу вызов. В итоге Украина оказалась перекрестком движения имперских войск, гетману стали поступать множественные жалобы на притеснения со стороны русских военных. К тому же Мазепе приходилось посылать полки казаков на северо-запад России, в Саксонию, Польшу, привлекать вояк, как простых мужиков, к строительству укреплений. Часто казаки бросали работу, и гетману стоило немало сил спасти их от серьезного наказания. Гетман оказался в весьма двусмысленном положении, вынужденный балансировать между полковниками и старшиной, с одной стороны, и подозрительным Петром — с другой. И те и другие слышали от Мазепы именно то, что хотели. Ведь Иван Степанович, прежде всего, был политиком! Увы, слова нынешних политиков тоже весьма часто расходятся с делами, так что удивляться такому поведению средневекового гетмана, простите, откровенно глупо. Как и обвинять его в интриганстве. Должность обязывала...

Иван Степанович понимал, какие перспективы ждут и его самого, и Украину в целом. Процесс создания единого, жестко централизованного государства сопровождался ликвидацией остатков обособленности, автономии его окраинных частей. Украина не являлась исключением. Рано или поздно контроль над ней должен был перейти в руки чиновников центрального правительства. Старшина от этих изменений ничего не теряла, превращаясь в составную часть российского дворянства. Но о государственном суверенитете «неньки» пришлось бы забыть на веки вечные. На третьем десятке лет своего гетманства Мазепа убедился, что ни верная служба царю, ни выполнение договорных обязательств не обеспечивают Украине свободного существования. Крепнущая империя все больше и больше вмешивается в украинскую государственность как политически, так и экономически, считая Украину лишь источником для обогащения империи, перекачивания ее природных богатств, рабочей силы, умов и талантов.

Что же касается гетмана, то ему светило превратиться из властелина в обычного командующего войском... Так что Мазепе

пришлось задуматься о смене покровителя. Причем ни Польша, ни Турция для этого не подходили. Кровавый опыт «руины» как нельзя лучше это демонстрировал. Гетману требовалась сила, способная защитить его от гнева Петра I, помочь казацкой старшине превратиться в «отечественных», не зависящих от воли московского царя помещиков нового государства, главой которого Мазепа собирался стать сам. После неудачи под Нарвой гетман посчитал, что победа останется за шведами, и начал осторожно наводить мосты для переговоров через иезуита Зеленского и графиню Дольскую. Правда, никаких обещаний хитрый старик не давал.

Тайные переговоры закончились заключением соглашения между Украиной и Швецией. Вот одна из его статей: «Все то, что было завоевано на давних московских владениях, будет принадлежать в соответствии с правом военным тому, кто займет это как победитель. И все то, что будет признано бывшей собственностью украинского народа, будет передано или сохранено для украинского княжества».

Однако когда наступил решительный момент, в лагерь шведского короля за конем Мазепы двигалась лишь горстка генеральной и полковой старшины реестрового казацкого войска левобережного гетманата... Остальные либо сразу перешли к Петру, либо, слегка поколебавшись, немного позже. Верность бывшему гетману до конца сохранили буквально несколько человек. А после поражения Карла XII под Полтавой Ивану Степановичу пришлось бежать к турецкой границе. Правда, он предложил русскому царю в обмен на полную реабилитацию выдать шведского короля, но это уже был чистой воды блеф. Петр I пытался выкупить гетмана за совершенно фантастическую сумму (только великому муфтию за содействие в этом вопросе причиталось 300 000 ефимков), но султан не выдал Мазепу, осевшего в Бендерах.

22 августа 1709 года бывший властитель Украины умер... от педикулеза. То есть его заели вши... Существует также предположение, что этот волевой старик, потерявший все, попросту отравился, чтобы не попасть в руки Петру I. По распоряжению любимого племянника Мазепы Войнаровского тело гетмана перевезли в Галац, где и захоронили в монастыре Святого Георгия. Позднее поверх гроба Ивана Степановича в могилу опустили какого-то

молдавского боярина. Если же верить шведским источникам, то останки гетмана вскоре перезахоронили в Яссах.

Петр развернул в Украине террор против сторонников Мазепы. Батурин оказался в буквальном смысле стерт с лица земли, а 12 000 его жителей, включая стариков и младенцев, были вырезаны. Царь также заставил церковь (как русскую, так и украинскую) провозгласить гетману анафему. Она, кстати, звучала в соборах вплоть до 1918 года; потом упоминать имя Мазепы вместе с именами преступников перестали, но официально церковное проклятие с Ивана Степановича так и не сняли. Хотя, по сути, и провозглашать-то его права не имели: еще не было случая, чтобы анафеме предавали человека по распоряжению светских властей и по чину, «которого Церковь совершенно не знает»... При этом на протяжении трех веков никто не смог привести более-менее серьезные аргументы в пользу того, что гетмана нужно считать вероотступником. К тому же Мазепа очень много сделал собственно для церкви, так что иностранные гости в прошлом с недоумением констатировали загадочный и не поддающийся, по их мнению, разумному объяснению факт: в Софии Киевской звучали грозные слова проклятия в адрес «подлого Иуды», а в Михайловском Златоверхом соборе, создателем которого был именно Иван Семенович, по нему же... служили заупокойную панихиду.

Свидетелем тому был и Александр II; недаром в 1869 году имя гетмана исчезло из «Последования в Неделю Православия»! Самое интересное в этой загадочной истории то, что церковные власти и поныне не разобрались с этим казусом... Лишь 10 июля 1918 года на площади перед Софийским собором — впервые за 209 лет! — официально была отслужена уникальная панихида по человеку, над которым формально продолжало висеть проклятие. И снова решение вопроса о вине гетмана перед Церковью отложили до лучших времен, хотя в Греко-католических и православных храмах за рубежом панихиды по Мазепе служат с 1932 года.

После смерти Ивана Степановича наука и культура Украины быстро пришли в упадок, большинство украинцев стали неграмотными. Россия, создававшая огнем и мечом крепкое государство, рассматривала Украину только в качестве мостика к Западной Европе. Московское царство, превращаясь в Российскую империю, разнообразными запретами и ущемлениями сумело

подчинить Клев политически и экономически. Запорожская Сечь — одна из самых демократичных республик в Европе, очаг украинских вольностей в течение веков, была уничтожена. Даже сам язык Украины оказался под запретом и стал считаться «языком пастухов и свинопасов». Поэтому можно сказать, что последний поступок гетмана история оправдала...

Итак, кто же он, загадочный Иван Степанович Мазепа, гетман Украины? Каким он был как личность? Разным, но в целом он являлся сыном своего времени, отразившим в себе всю противоречивость той далекой эпохи. Он дошел к нам с клеймом предателя, преданным анафеме Православной церковью, «клятой мазепой». Как говорится, ниже анафемы не упадешь... Более двух веков имперские идеологи проклинали имя гетмана, называя его преступником и хриstopродавцем. Интересно, что проклинали Мазепу именно за то, за что восхваляли Хмельницкого, — за восстание против иностранного господства! Выходит, восстание против Польши — событие праведное и величественное, а восстание против России — преступление? А ведь даже в отношении России Мазепа не являлся, по сути, предателем. По действовавшему тогда в Европе закону вассал имел право выбирать себе сюзерена. Как и помянуть его в случае притеснений. Так что гетман просто сделал свой выбор...

Современные историки, давая оценку деятельности Мазепы, прежде всего принимают во внимание его вклад в укрепление украинской государственности. Именно ему удалось поднять украинское хозяйство, науку, образование и культуру, достичь определенной стабилизации общества. Стремление Мазепы создать собственную элиту, его политика преследовали далеко идущую цель, обеспечили еще почти 80-летнее существование гетманского государства, повлияли на все дальнейшее развитие украинского народа и его государственных традиций, на формирование национальной культуры.

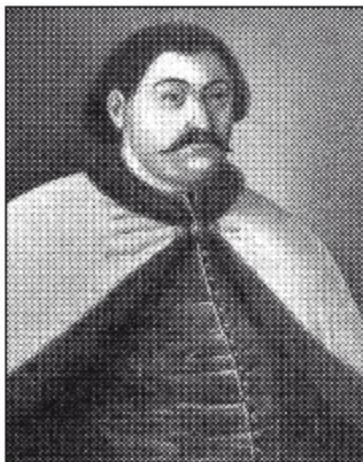
Да, Мазепа был хорошим политиком, умеющим своевременно покинуть своего покровителя, чье положение пошатнулось, и перейти на сторону нового, перспективного шефа; умеющим обдумывать и приводить в исполнение свои замыслы втайне, всегда следуя поставленной цели. Но ведь нарушение соглашений власть имущими в те времена было такой же нормой, как и заключение этих соглашений!

Не раз предавали украинцев поляки и россияне, турки и татары, да и украинцы часто вынуждены были идти на подобную измену. Видно, не зря любимцем Мазепы был Макиавелли — итальянский политик и писатель конца XV и начала XVI века, считавший, что ради укрепления государства допустимы любые средства, даже аморальные...

В общем, лучше всего этого человека со многими лицами охарактеризовал К. Рылеев, который искренне считал гетмана великой личностью: «Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился... Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной...» Целью же этой для Ивана Степановича являлось «восстановление мощной автократичной гетманской власти и строительство державы европейского типа, со сбережением системы казацкого строя». Так может, пора закрыть вопрос о степени вины загадочного гетмана? Вспомним: «Не судите, и не судимы будете»...

Загадка сокровищ гетмана Полуботка

История о завещании казацкого гетмана в начале 1990-х годов прошлого столетия будоражила умы и сердца буквально каждого гражданина молодого независимого государства Украина. Да и касалась она каждого из нас: по легенде, как только золото Полуботка отыщется, его, согласно завещанию гетмана, разделят между всеми. И каждый из нас получит солидный капитал, которым может распоряжаться по своему усмотрению. Но до сих пор остается загадкой, надо ли считать легенду о несметных скарбах гетмана очередным обещанием манны небесной для всех украинцев, или же клад существует на самом деле.

Павел Полуботок

Скептики могут пойти дальше и поставить под вопрос сам факт существования Полуботка. Не будем забывать, что впервые украинское общество услышало о сокровищах Полуботка из уст литератора — известного поэта Владимира Цыбулько. В 1990 году, во время одного из многочисленных в те годы собраний прогрессивной украинской интеллигенции в киевском Доме учителя, поэт с высокой трибуны поведал: в начале XVIII столетия в один из английских банков были положены под проценты 200 тысяч золотых червонцев. И положил их украинский наказной гетман Павел Полуботок.

Пожалуй, сокровища гетмана Полуботка — чуть ли не единственная загадка казацких времен, которая уже на протяжении нескольких столетий имеет одно и то же решение, известное всем, кто берется ее решать. При том что сами условия этой загадки остаются не до конца понятными: как найти и взять клад, который никто вроде бы и не прячет? Если сокровище, о существовании которого всем известно, никак невозможно получить, то отсюда следует: или оно дожидается нас совсем в другом месте, или же его не было вовсе.

Прежде всего, претендентам на сокровища гетмана нужно выяснить, кем был человек, завещавший (по убеждению многих) свои сокровища потомкам и мог ли он вообще оставить какое-либо значительное наследство. Кто же он такой — Павел Полуботок?

Он происходит из семьи родовитых казаков, принадлежащих к тому сословию, которое в Малороссии стало аналогом украинского дворянства. Чин полковника в таких родах передавался по наследству: дети и внуки сменяли друг друга на этом посту. Однако род Полуботков был основан еще в тех социальных условиях, когда родовитыми казаками могли стать выходцы из самых казацких низов. Для черни тогда еще не существовало преград — возвыситься и обрести более высокий социальный статус мог любой.

О «низком» происхождении рода Полуботков говорит сама фамилия. Она означает «полусапожек» и происходит от насмешливого прозвища, коими награждали новоприбывших казаков в Сечи. Однако вскоре Полуботки стали заслуженными и уважаемыми людьми. В частности, род Полуботков находился в родстве с гетманским родом Самойловичей. Именно гетман Иван Самойлович приблизил к себе Леонтия, сына сотника Чениговского полка Артемия Полуботка, и вскоре сделал его переяславским полковником. Согласно традициям того времени, сын Леонтия Павло должен был унаследовать полковничий чин.

После того как гетманская власть перешла от Самойловича к Мазепе и новый гетман сослал предшественника в Сибирь, отец и сын Полуботки, как верные слуги Самойловичей, оказались в опале. Вскоре у Полуботков по велению Мазепы отобрали все владения. Так род Полуботков в одночасье стал нищим.

Но прошло время — и судьба улыбнулась Полуботкам. К 1708 году благодаря, как ни парадоксально это звучит, гетману Мазепе,

Павел Полуботок был возвышен до чина полковника Черниговского полка. Прошло еще время — и Мазепа изменил царю Петру. По приказу государя Меншиков сравнял с землей гетманскую столицу — Батулин. После этого Петр приказал казацкой старшине собраться в Глухове для выборов нового гетмана. В числе первых на зов русского императора прибыл полковник Павел Полуботок. Казаки заявили о своем желании видеть гетманом именно его, но царь опасался, как бы ближайший сподвижник Мазепы не оказался для него таким же опасным. В итоге новым гетманом был избран Павел Скоропадский.

За все годы своего гетманства Скоропадский пытался добиться для Украины обещанных Переяславской радой послаблений со стороны Российской империи. Но Петр, публично называя Скоропадского одним из своих наиболее преданных союзников, не выполнил ни одной из настоятельных просьб так называемого «любимца». Когда в 1722 году гетман умер, казаки вновь выдвинули на эту должность Павла Полуботка. Черниговский полковник стал наказным гетманом вопреки воле царя Петра, по плану которого Малороссией должна была править Малороссийская коллегия. Потому гетманом Павел Полуботок стал временно.

Казацкая старшина сразу же направила Петру I все необходимые бумаги для того, чтобы он утвердил новую власть в Малороссии своим указом. Менять что-либо в Украине царю в то время было недосуг: он готовил персидский поход. Потому до 1723 года Павел Полуботок оставался наказным гетманом, возглавляя управу малороссийской Генеральной военной канцелярии. Однако реальной власти у него не было, он не имел права принимать серьезных решений, которые были выгодны украинскому народу. На имя царя посылались челобитные от временного малороссийского правительства: казаки просили поскорее провести официальные выборы нового гетмана. Это давало пусть и слабую, но все-таки надежду на то, что на малороссийских землях будет своя власть.

Но Петр не спешил принимать конкретных решений. На просьбу о выборе гетмана он ответил так: «Всем известно, что от Богдана Хмельницкого до Скоропадского все гетманы оказались предателями. От чего много пострадало государство Российское. Пока не найдется надежного человека на пост гетмана, подчиняться следует временному правительству». То есть Малороссийской коллегии, в которую входили

в основном выразители идей царя Петра. Неудивительно, что вскоре между ними и казацкой старшиной возник серьезный конфликт.

Обострение отношений рано или поздно могло привести к вооруженному выступлению казаков против режима, установленного российским императором. Понимая, что за всем стоит Полуботок, Петр в августе 1723 года призвал его в Петербург, где наказной гетман и другие члены его посольства давали объяснения Тайной канцелярии по поводу обвинений в измене и сеянии смуты. Виновным себя Павел Полуботок не признал, заявив, что всегда служил и будет служить своему народу, который снова пытаются поработить.

Мятежного гетмана заключили в Петропавловскую крепость, где он и умер в 1724 году. Его сподвижников после кончины царя Петра I освободила императрица Екатерина I.

Как видим, биографическая справка не дает даже мимолетных сведений об источнике богатства черниговского полковника. Возможно, он в какой-то момент, воспользовавшись статусом наказного гетмана, обратил часть движимого и недвижимого имущества в золотые червонцы. Причем имущество вполне могло быть не только его личное. Нет, никто не собирается обвинять патриота Украины в воровстве. Очень может быть, что он, предчувствуя скорый конец и не видя реальной возможности воплотить в жизнь свою мечту о независимости украинского народа, решил спасти от разграбления хотя бы некоторую часть золота, которое могло бы стать казной украинской державы.

История жизни и трагической смерти гетмана Павла Полуботка на этом заканчивается. Начинается другая, похожая на авантюрный роман история о поисках его наследства.

20 ноября 1907 года профессор Александр Рубец опубликовал в журнале «Новое время» информацию, обнаруженную им в одном из архивов. Согласно его данным, существует записанный неизвестным рассказ старого английского шкипера. На шхуну этого шкипера, стоявшую в Архангельске, попросились три крепких молодых украинца. Они хотели попасть в Лондон, и шкипер согласился их туда доставить. Двое из них еле втащили на борт судна багаж — тяжелую бочку.

В Лондоне шкипер сопровождал своих пассажиров в Ост-Индийскую компанию. Один из украинцев, назвавшийся Яковом,

сыном наказного гетмана Малороссии Павла Полуботка, сделал в Ост-Индийский банк взнос на сумму 200 тысяч рублей золотом. Деньги были положены в английский банк до востребования на неопределенный срок под 4 % годовых. Счет был открыт на предъявителя. Вернее, забрать деньги мог не кто угодно, а лишь сам Яков, его отец, их наследники или же лица, имеющие доверенность от вкладчиков на право получать деньги и проценты.

Наследники Полуботка, собравшиеся в 1908 году на съезд по инициативе Рубца в городке Стародуб на Сиверщине, подсчитали, что за период с 1723^[11] по 1908 год вклад вырос в 1062 раза! Учитывая тогдашнюю стоимость золота, наследники гетмана оценили свое наследство в 213 миллионов рублей. Двести тысяч золотых монет превратились в двести сорок тонн золота. За такое наследство стоило побороться.

Кстати, профессор Рубец был не первым, кто сделал столь неожиданное открытие. Еще в XIX веке англичане якобы искали на просторах Российской наследников казацкого золота. А еще раньше официальные запросы по поводу денег гетмана делали фаворит Петра I Меншиков и фаворит Екатерины II Потемкин. Но никому не удалось добраться до таинственного вклада в Ост-Индийском банке.

Как отмечают в своем исследовании, опубликованном в газете «Коммерсантъ», украинские писатели и культурологи С. Цалик и Ф. Селигей, всего наследников Павла Полуботка оказалось 350. Они выбрали среди себя 25 человек, которые вошли в комиссию по возвращению наследства гетмана на родину. Правда, они или забыли, или не приняли во внимание дополнительные и очень важные условия, соблюдение которых позволяло наследникам получить желаемую сумму.

Вклад из английского банка мог взять только наследник Павла Полуботка по мужской линии и только тогда, когда Украина обретет независимость. Потому выдача денег должна производиться только в присутствии представителя независимого украинского государства. Об этом сказано в копии завещания. Ее увез с собой в Южную Америку другой сын гетмана — Остап.

Профессор Рубец составил список всех претендентов на золото Полуботка. Перечень прямых наследников оказался внушительным. От их имени в Лондон выехал известный адвокат Кулябка-Корецкий.

Прибыв в Великобританию, он выяснил, что Ост-Индийская компания ликвидирована еще в 1858 году, а ее активы перешли в «Bank of England». Расследование затянулось на неопределенный срок, и адвокат смог обнадежить своих поручителей только перед Первой мировой войной. Вроде бы появилась реальная возможность стребовать с англичан свои деньги. Но война и последовавшая за ней революция внесли свои коррективы в планы наследников.

О сокровищах Полуботка вновь заговорили уже при советской власти. И как ни странно, чем дальше развивалась история о поисках клада, тем больше писателей или людей, близких к литературе, оказывается прямо или косвенно замешанных в ней. Возможно, упомянутые выше С. Цалик и Ф. Селигей воспользуются собранным им материалом для написания увлекательного исторического детектива. Пока же перескажем основную хронологию событий.

В 1922 году Остап Полуботок, прямой потомок того Остапа, который уехал в Южную Америку, прибыл из Бразилии в Вену для встречи с послом УССР Юрием Коцюбинским. На встрече он показал сыну классика украинской литературы фотокопию оригинального завещания гетмана и сделал очень заманчивое предложение. Он, Остап Полуботок, прямой наследник гетмана, получает свое наследство из английского банка. В этом ему должны помочь официальные представители Советской Украины. Затем он отдает деньги им, претендуя лишь на 1 % от суммы.

По самым приблизительным подсчетам, за двести лет двести тысяч золотых рублей, составлявших по тем временам один миллион фунтов стерлингов, превратились в один триллион. Следовательно, Остап претендовал «всего-навсего» на 10 миллиардов фунтов.

Руководство УССР решило сделать в английский банк официальный запрос. В том же году неподалеку от Вены встретились генеральный консул Советской Украины, представитель интересов Остапа Полуботка, и полковник Роберт Митчелл, представитель «Bank of England». Англичанин заявил следующее: прежде всего необходимо подтвердить оригинальность завещания. Фотокопия для английского банка не является документом. Кроме того, даже если экспертиза установит подлинность оригинала и признает Остапа официальным прямым наследником сокровищ гетмана, эти деньги все равно не могут быть выплачены. Во-первых, немедленная выплата всей суммы

однозначно подорвет экономику Великобритании. А во-вторых, Советская Украина не признана Великобританией как независимое государство. Так что один из главных пунктов, указанных в завещании Павла Полуботка, до сих пор не выполнен.

В 1934 году бывший консул Советской Украины Юрий Коцюбинский был снят с поста заместителя председателя правительства по вопросам экономики, выслан в Сибирь, позже обвинен в шпионаже в пользу иностранных держав, поспешно доставлен в Клев, допрошен и по приговору «тройки» расстрелян как враг народа. Среди прочего ему припомнили неудачный контакт с британским полковником Робертом Митчеллом. По одному из предположений, таким образом новые претенденты на золото украинского гетмана убирали ненужных свидетелей. А Юрий Коцюбинский мог очень многое рассказать — ведь он оказался одним из тех немногих, кому представитель английского банка официально признался в существовании сокровища.

А в 1935 году в Париж отправился известный украинский советский поэт Павло Тычина. Об этом упомянутые выше Цалик и Селигей тоже пишут в своем исследовании. Лояльность к советской власти Тычина уже успел неоднократно подтвердить. Что любопытно, обратно в Москву он возвращался странным способом — через Лондон. Пролив Ла-Манш поэт пересек на катере и очень страдал от приступов «морской болезни»: он плохо переносил качку. К тому же разыгрался небольшой шторм, катер с трудом справлялся с волнами.

Любопытно, что на этом сведения о визите Павла Тычины в Лондон исчерпываются. Зачем он туда ездил, так и остается загадкой. Здесь вспоминается любопытный факт: поэт, согласно списку профессора Рубца, являлся одним из наследников гетмана Полуботка. Возможно, что в 1935 году советское руководство предприняло очередную безуспешную попытку получить с англичан хотя бы часть украинского клада. Для чего и предъявило британцам одного из вероятных реальных наследников.

Несмотря на неудачи, Кремль постоянно вел охоту за сокровищами гетмана Полуботка. В 1937 году был арестован член ЦК ВКП(б) Борис Шеболдаев — сын одной из наследниц Полуботка. Его обвинили в том, что он написал записку в британское посольство в Париже с просьбой выяснить, есть ли в Английском банке деньги его

предка. Таким образом, Шеболдаев якобы собирался сбежать в Лондон, доказать там свои права на наследство и получить деньги.

Есть информация о том, что НКВД давал задание своей английской резидентуре активно искать подходы к сокровищам Полуботка. В 1938 году английская делегация тайно прибыла в Москву для ведения очередных переговоров, касающихся гетманского золота. Это косвенно подтверждает популярное ныне утверждение, что Сталин и главы других европейских государств готовились ко Второй мировой войне и не спешили начинать ее только из-за желаниа поднакопить средств. А капиталы для ведения войны такого масштабы нужны были колоссальные. Очень возможно, что наличие золота Полуботка в Английском банке стало для Великобритании гарантией того, что Советский Союз не будет воевать против нее: тогда на войну придется тратить эти самые миллиарды. А Сталин, в свою очередь, получил гарантию военной помощи со стороны Англии, которую СССР получал в годы войны. По одной из версий, уже после ее окончания, в 1947 году, в Москве было подписано соглашение, обязующее Советский Союз отказаться от всех претензий на золото Полуботка. Подписан документ членом Президиума ЦК КПСС Микояном и британским послом в СССР Петерсоном.

Если следовать этой версии, то сокровища Полуботка существовали по крайней мере до 1947 года. Впрочем, документа, якобы подписанного Микояном и Петерсоном, тоже никто не видел. О его существовании известно лишь со слов сына Анастаса Микояна — Степана. В этом соглашении будто бы записано, что по остальным советским долгам назначается минимальная процентная ставка — 0,5 % годовых. И погашены они должны быть в течение пятнадцати лет. Условия для послевоенной ситуации очень выгодные. К тому же Великобритания обязывалась закупать у СССР зерно по неким «специальным ценам». Можно предположить, что в данном случае цены были явно завышены.

Факт наличия клада косвенно признают сами англичане. Иначе чем объяснить то рвение, с которым они периодически требовали от советского правительства подписывать все новые и новые соглашения об отказе от претензий на гетманское золото. Например, в 1958 году советская Инюрколлегия снова занялась поисками активов Полуботка. Об этом посольство СССР в Великобритании официально сообщило

английским коллегам. Английское казначейство так же официально ответило: о сокровищах гетмана Полуботка ничего не известно.

Казалось, тема была окончательно закрыта. Но в 1964 году о гетманском наследстве заговорили вновь, на сей раз — со страниц швейцарской прессы. Статья в газете «Four tous» подтолкнула правительство Украинской ССР к активным действиям. Была создана комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров УССР Петром Тронько. Она в который раз занялась официальными поисками казацкого золота в Англии.

Лондон был очень озабочен. Ведь комиссия не только искала клад. Она подсчитала, что по состоянию на 1 января 1965 года золотой фонд Полуботка за два с половиной века перевалил за сумму 1 триллион фунтов. На тот момент Советский Союз претендовал на сумму, равную трехгодичному бюджету Франции. Правда, после снятия Хрущева комиссия была распущена, и англичане вздохнули спокойно.

Новый всплеск интереса к сокровищам Полуботка был вызван небольшой публикацией в газете «Известия». Тогдашний премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон был всерьез озабочен перспективой судебного иска. Он вел переговоры с Микояном, пытаясь в очередной раз решить назревающий конфликт мирным путем. Англичане даже готовы были простить Советскому Союзу царские долги, только бы конфликт вокруг рокового клада был поскорее улажен.

1 января 1968 года глава советского правительства Алексей Косыгин подписал указ о создании новой комиссии: золото гетмана никто просто так отдавать британцам не собирался. Но вновь созданная комиссия тут же, 5 января, подписывает с Лондоном новое соглашение об отказе от финансовых и имущественных претензий, возникших после 1 января 1939 года.

Финальная точка в спорах между СССР и Великобританией по поводу сокровищ Полуботка была поставлена в 1986 году. Согласно подписанному в Лондоне соглашению, Советский Союз отказывался от всех финансовых претензий к Великобритании, которые имели место до 1939 года.

Получается, СССР простил Англии украинские долги. И фактически подарил то, что осталось от сокровищ гетмана Полуботка. Ведь значительная их часть вполне реально могла покрыть внешний

долг, который вырос у Советского Союза перед Великобританией после окончания Второй мировой войны.

Как заявляют сегодня политические и общественные деятели Украины, все договоры между СССР и Англией по поводу сокровищ гетмана Полуботка нужно считать недействительными после того, как Украина обрела независимость. Потому со второй половины 1991 года претензии к Английскому банку могло предъявлять уже новое украинское правительство.

Исследовательскую работу историки, юристы и архивисты начали проводить еще в 1990 году. Узнав о том, что Украина таки собирается требовать сокровища, английская пресса тут же отреагировала шквалом возмущенных публикаций, а экономисты Объединенного королевства подсчитали: если признать существование клада, оцененного в 16 триллионов фунтов, то на каждого подданного английской королевы приходится 38 кг золота. «Неужели мы хотим подарить это каждому украинскому гражданину?» — подобные риторические вопросы журналисты задавали британским читателям. Ответ нашелся сразу: сначала украинцам нужно доказать, что клад принадлежит им по праву.

Не молчали и до сих пор не молчат украинские средства массовой информации. Например, благодаря журналистам приобрела известность справка «Дойче-банка», согласно которой Украина, располагая сокровищами Полуботка, которые нужно только взять в Английском банке, имеет самые лучшие стартовые возможности среди всех бывших советских республик, ставших независимыми государствами.

Публицист Сергей Плачинда на страницах газеты «Столица» в свое время призвал создать правительственную комиссию по всестороннему изучению «дела сокровищ Полуботка» и ведению соответствующих переговоров с английским правительством. Такая комиссия во главе с академиком Тронько была создана и даже отправилась в Лондон для переговоров. Ответ она получила вполне предсказуемый: никакого золота гетмана Полуботка в Английском банке нет.

Сегодня краеугольным камнем всей этой истории является, по мнению многих, соглашение 1986 года. Советский Союз, наделивший себя правом распоряжаться всеми долгами и имуществом союзных

республик, тогда принял окончательное решение от имени всех республик, в том числе от имени Украины. Так что сегодня даже появление прямого наследника Полуботка вряд ли сможет вернуть нам его сокровища.

Можно, конечно, предъявить финансовые претензии России. Ведь она не только присвоила себе золото уже «советских гетманов», но и несет ответственность за все грехи Советского Союза перед другими народами и державами. Но вряд ли удастся сегодня отыскать золото Полуботка в российской казне. Так же, как уже вряд ли получится отыскать кого-либо из прямых потомков рода Полуботков.

Впрочем, есть люди, которые вполне серьезно утверждают: сокровища гетмана мы, украинцы, уже давно получили. И сокровище это — духовное. Завещание Полуботка хранится в делах и помыслах его, в стремлении жить и умирать за свободу и независимость своего народа. В общем, любите свою Родину, и тогда никаких гетманских сокровищ не понадобится.

Тайна клада Олексы Довбуша

Если вам доведется побывать в Карпатах, то вам, скорее всего, расскажут легенды про опрышка (разбойника) Олексу Довбуша, которого еще называют «карпатским Робинот Гудом». О Довбуше много говорят по обе стороны Карпатских гор. Истории о его подвигах можно услышать как в Рахове, так и в Яремче. Долгое время фигуру Олексы Довбуша принято было считать мифической. Если Штирлиц — собирательный образ советских разведчиков, то Довбуш, по аналогии, собирательный образ всех украинских народных мстителей и справедливых разбойников, которые жили и защищали обездоленный народ более трехсот лет назад, в XVII веке.

Олекса Довбуш

Однако благодаря стараниям исследователей, и в первую очередь прикарпатского профессора Владимира Грабовецкого, герой народных легенд постепенно перестал быть только лишь плодом воображения и литературным героем. Ученый всерьез изучил так называемые «черные книги», где записывались показания побратимов знаменитого опрышка, и составил хронологию и географию походов Довбуша в 1738–1745 годах. Таким образом, он доказал — Олекса Довбуш существовал на самом деле. И тем самым спровоцировал всплеск интереса к так называемому «золоту Довбуша».

Дело в том, что, согласно легендам, часть сокровищ, награбленных у богачей, Довбуш долгое время прятал в Карпатских горах и лесах. По одной версии — все в одном месте, по другой — в нескольких разных местах. Но эти версии были лишь частью мифов о Довбуше. Как только стало ясно, что такой человек в действительности существовал и даже появилась схема его передвижений и укрытий, кладоискатели воспряли духом.

Впрочем, скептики требовали более конкретных доказательств не столько существования самого Олексы Довбуша, сколько подтверждения, что клад действительно существовал и существует. То есть разбойник и его товарищи не раздавали отнятое у богатых беднякам (что менее вероятно) и не пропивали-прогуливали в корчмах (что более допустимо), а на самом деле имели что-то вроде разбойничьей «черной кассы». Одним словом, нужны доказательства того, что Олекса Довбуш был богатым человеком.

В связи с этим есть необходимость проследить его биографию от рождения до того самого дня, когда, согласно народной легенде, Довбуш был застрелен. Что же нам известно об Олексе Довбуше?

По некоторым сведениям, Василь Довбуш, отец Олексы, тоже был опрышком и погиб при невыясненных обстоятельствах. Олексу же воспитал отчим. Когда мальчик вырос, то решил отомстить за отца. Есть и другие данные: отец Довбуша служил в армии барабанщиком, и именно с этим связано происхождение его фамилии. «Добош» или «довбуш» — так в то время называли барабанщиков в войсках. По этой версии, отставной барабанщик Василь Довбуш не погиб, а со своей молодой женой поселился в Печенижине. Кстати, точного имени матери Олексы, в отличие от имени отца, до сих пор точно никто не знает.

С местом рождения тоже не все ясно. По одним сведениям, родился будущий народный герой в уже упомянутом нами Печенижине. По другим — на Гуцульщине, в Микуличине (ныне — Надвирнянский район Ивано-Франковской области). Есть также источники, утверждающие, что Довбуш родился в Шешорах на Закарпатье. Такие расхождения в определении места рождения Олексы можно списать на желание считать знаменитого опрышка своим земляком. Сомнений не вызывает только год рождения — 1700, что было аргументированно доказано Михаилом Грушевским.

Изучая архивные документы, ученые достаточно четко определили социальное происхождение Довбуша. Его отец, несмотря на то что в молодости грешил разбойными делами, с возрастом остепенился и служил в Печенижине кладовщиком у тамошнего богатея Гаврилы Твердюка. Вместе с братом Иваном Олекса пас не только своих овец, но и стадо громады из соседнего села Марковки. Жили пастухи бедно, но не голодали — концы с концами сводили.

Бедняцкое происхождение Олексы Довбуша подтверждается историческими фактами. Так, в 1739 году в Станиславе (современный Ивано-Франковск) пастух Олекса Жолоб, хороший знакомый семьи Довбушей, на судейском допросе по поводу родни тогда уже знаменитого опрышка показал следующее: старый Довбуш живет в коморе (кладовой) его хозяина Гаврилы Твердюка. Это подтвердил позже и сам Твердюк. Таким образом, отец Олексы принадлежал к тем слоям сельского населения, которые могли только лишь прокормить себя, но своего жилья не имели, потому вынуждены были довольствоваться съемной «комирчиной».

Опрышков, которых еще называли «черными хлопцами», молодой Олекса мог видеть в горах и на полонинах. Пастухам «народные мстители» доверяли, даже дружили с ними, брали у них молоко и сыр, отдыхали в пастушьих таборах. Люди уважали опрышков и считали их единственными, кто может противостоять шляхте. А пастухи, в свою очередь, рассказывали «черным хлопцам», что делается в мире и какие планы у шляхты. Потому не удивительно, что однажды Довбуш решил примкнуть к опрышкам.

Уже через сто лет о Довбуше писали: «Необычайная смелость, выдающиеся организаторские способности и ненависть к врагам способствовали тому, что вокруг Олексы Довбуша в скором времени собрались опрышки, с которыми он делал успешные набеги на шляхту и арендаторов. Даже идеологи Австрийской монархии признавали его не обычным разбойником, который убивал и грабил для собственного обогащения. В его действиях просматриваются идеологические мотивы. Он считался народным героем, освободителем от иноземного гнета».

Как эта информация приближает нас к тайне «клада Довбуша»? Достаточно близко: власти сами признавали, что Довбуш хоть и был в глазах простых селян воином-освободителем, но каждый раз после

набегах уходил с крупной добычей. И для очередного нападения выбирал богатых и знатных персон.

Первые упоминания о выступлениях Олексы Довбуша и его опрышков можно отыскать в документах, датированных 1738 годом. Здесь необходимо уточнить, что его более ранние действия, когда он был лишь простым опрышком, а не атаманом, скорее всего просто не зафиксированы в документах и опросных листах. Ведь атаманом выбирают только того, кто уже зарекомендовал себя в разбойничьем деле.

В период с 1738 по 1739 год Олекса Довбуш развернул свою деятельность в окрестностях Печенижина, а потом — и во всем Яблуневском старостве. Сначала он действовал вместе с братом Иваном. Они не раз наведывались в родное село (разумеется, тайно) и оставляли родным деньги. Также братьев Довбушей можно было встретить в Печенижинской корчме, где они выведывали о событиях в округе.

Именно в корчме весной 1739 года произошел случай, изменивший жизнь Олексы. Поссорившись с братом по причине, которая так и осталась неизвестной, он в пылу гнева схватился за оружие. Брат ответил тем же, завязалась драка. В результате один из друзей Ивана был убит. Рассвирепев, Иван ударил брата по ноге бердынкой (топориком с длинной ручкой). В итоге Олекса остался хромым и, что более серьезно, навсегда поссорился с братом. Они разошлись каждый со своим отрядом и с тех пор действовали в разных регионах Прикарпатья. Вскоре Иван погиб в бою.

Олекса Довбуш сделал своим опорным пунктом окраину Яблуневского ключа. Его выступления против шляхты приобрели все более массовый характер. Против отряда Довбуша были посланы регулярные войска, и в 1741 году он вынужден отступить в Верховину и на некоторое время обосноваться на Буковецкой полонине. Но вскоре набеги возобновились. Теперь Довбуш контролировал не только Коломыйгцину, но и Буковину и отдельные территории Закарпатья. За его голову была объявлена награда.

Интересно, что после гибели знаменитого опрышка вознаграждение хотели получить многие именитые шляхтичи. Каждый наперебой доказывал гетману Потоцкому, что именно благодаря его умелым действиям 24 августа 1745 года Олекса Довбуш был убит.

Кстати, этот эпизод лег в основу исторической песни «Ой, поїд гай зелененький». Она и сегодня воспринимается некоторыми как своеобразный исторический документ. Здесь точно указываются имя убийцы, имя жертвы и место, где произошло убийство, — в Космаче на Прикарпатье. Исследователи биографии Довбуша В. Грабовецкий и Ю. Целевич сопоставили текст песни с признаниями убийцы и протоколами допросов Василя Баюрака, побратима Олексы, и сделали вывод, что автор песни вполне мог быть очевидцем трагедии.

Если верить неизвестному автору и судебским протоколам, Олекса поздно вечером пришел в дом зажиточного селянина Стефана (Штефана) Дзвинчука. С его женой опрышок состоял в любовной связи. Дзвинчук в тот момент не должен был находиться дома, однако он появился почти сразу же после того, как за Довбушем закрылась дверь. Это стало неожиданностью не только для него самого, но и для двух его друзей-опрышков. Они не успели ничего предпринять — Дзвинчук выстрелил в Довбуша и смертельно его ранил. Есть все основания полагать, что обманутый муж вернулся домой не случайно — его предупредили. По другой версии, жена Дзвинчука пожаловалась мужу, что Довбуш к ней равнодушен. Тот отправился жаловаться властям, а власти предложили Дзвинчуку награду за то, что он согласится организовать ловушку. Для этого женщина должна была назначить Довбушу свидание, а когда тот явится, муж в пылу ревности на вполне законных основаниях застрелит его. Так убийство народного героя будет лишено героического оттенка и, как следствие, унижит знаменитого разбойника в глазах тех, кто восхищался его благородством.

Правда, есть в тексте песни одна деталь, которая наводит на мысль о том, что Дзвинчука использовали, выражаясь современным языком, «втемную». Он не собирался убивать Довбуша. В его задачу входило только изобразить праведный гнев и направить оружие на обидчика. А вот смертельный выстрел сделан не им, а из засады. «Як поцілив в праве плече, а з лівого кривця тече», — поется в песне. А значит, выстрел Дзвинчука мог быть не смертельным: добил Довбуша другой человек. О котором так ничего и не известно, потому что официально им признан Дзвинчук, оправданный после следствия.

Но главное — есть предположение, что перед смертью Довбуш мог назвать место, где он прятал свои сокровища. Или же рассказал о

нем любовнице в пылу страсти. Подобные предположения не имеют документального подтверждения. Но те, кто верит в существование клада Довбуша, склонны поверить и в это.

Как известно, тело Довбуша после его смерти четвертовали и развесили по округе. Однако в тексте песни «Ой, пошд гай зелененький» буквально цитируется его завещание, согласно которому побратимы должны были отнести его тело в Верховину, в «черные горы». И самое главное и любопытное — умирающий Довбуш говорит друзьям: «Між собою не сваріться, сріблом-златом поділіться». Если согласиться с исследователями, что эту песню писал очевидец гибели Довбуша, то, значит, клад все-таки был. И, что не менее вероятно, близкие друзья, сопровождавшие своего атамана, могли входить в узкий круг посвященных, которым была доверена тайна клада.

Судьба этих побратимов также нашла свое отображение в судебных протоколах. Им не удалось исполнить волю атамана. Скорее всего потому, что их тут же, возле дома Дзвинчука, схватили жандармы. После пыток разбойники были казнены. Наверняка на допросах их спрашивали о «золоте Довбуша». Но либо клада все-таки не было, либо товарищи Олексы Довбуша даже под жестокими пытками умели хранить тайну. Иначе тема клада Довбуша сейчас никого не интересовала бы.

Хотя в исторических документах, которые изучались еще со второй половины XIX века, о кладе ничего не упоминается, это обстоятельство только подогревает обывательский интерес к Олексе Довбушу и его ненайденным сокровища. Отчасти из-за желания доказать самим себе, что несметные сокровища все-таки существуют. Это же, вероятно, стало причиной того, что о кладе Довбуша не раз упоминается в многочисленных легендах, песнях и сказаниях.

Солидные деятели науки не берутся за серьезные исследования самой возможности существования сокровищ опрышков. Но истории о том, что где-то в карпатских горах и лесах есть пещеры, ямы и самодельные погребки, набитые награбленным золотом, по-прежнему будоражат воображение. А поскольку народные легенды удивительным образом переплетаются с историческими свидетельствами, то можно предположить следующее: истина о сокровищах Довбуша находится где-то посередине между правдой и вымыслом.

Так, например, 10 июня 1895 года газета «Діло» сообщила следующее: некий пожилой венгр подговорил нескольких жителей гуцульского села Пистиня (Косовский уезд) отправиться на поиски золота, которое полтора года назад спрятал в Карпатах, в окрестностях Косова, легендарный Олекса Довбуш. Венгр убедил селян, что ему известно место, где зарыт клад. Заинтригованные гуцулы взялись за лопаты и, руководствуясь указаниями старика, выкопали длинную яму глубиной в несколько сажень. Никакого клада там не было. Через некоторое время похожая история повторилась в селе Рожнив (Снятинский уезд). Однако и эти поиски не принесли желаемого результата.

С тех пор искателей опрышковского золота становилось все больше. Причем география легенд о кладе Олексы Довбуша не ограничивается Гуцульщиной. Истории о поисках клада можно услышать в Закарпатье, на Львовщине, а одну из легенд фольклористы записали в Румынии, в селе Луг (Марамуреский уезд).

Эти легенды, в частности, объясняют, почему Довбуш предпочитал закапывать клад в землю. Якобы отобрав золото у богатых, Олекса раздавал часть бедным крестьянам, а также своим родителям. К тому же он имел обыкновение делить деньги на «праведные» и «грешные». К последним относились те, которые нажиты не простой эксплуатацией, а кровью, то есть награбленные шляхтичами во время военных походов.

Закапывая «нечистые» сокровища, Довбуш накладывал на них заклятья. И поэтому, кроме него, отыскать это золото никто не мог. Но если сокровище «чистое», то при желании выкопать его мог кто угодно. Вернее, тот, кто действительно нуждается в деньгах. В частности, в селе Верхняя Рожанка (Сколивский район Львовской области) ходит легенда, что в урочище Згары спрятаны «нечистые» сокровища, а в Кривом — «чистые». И раз «чистые» до сих пор никому не показались, значит, намерения у тех, кто ищет это золото, не слишком чисты.

Народная молва связывает место, где спрятан клад, с какой-нибудь приметой. Это может быть и оригинальный камень, и древний колодец, гора в форме какого-то животного и так далее. Одной из таких примет в свое время считали Писанный камень — огромную скалу с высеченными на ней знаками — «ревашами». Верховинские

мужчины не раз брались за поиски сокровищ вокруг этого места, но безуспешно.

Рассказывают, что в 1960-х годах крестьянин из села Старунь (Богородчанский район Ивано-Франковской области), узнав из легенд, что на Хорошивском поле, на горе Голице под Проконьковым камнем, Довбуш спрятал золото, решил начать поиски. Но пока он собирался с силами, в округе начали прокладывать дорогу. И камень-ориентир привалили землей, к тому же сдвинув его с места.

Похожую историю, но со счастливым финалом, можно услышать в Рожнятинском районе. Во время дорожных работ бульдозер сдвинул камень, на котором якобы стояла метка, сделанная самим Довбушем, и из-под земли показался трехлитровый казан, полный золотых монет. А на горе Колыске (Сколивский район) местонахождение клада связывают с криницей, от которой надо отойти на тридцать саженей на запад.

Но самым интересным оказался рассказ, записанный в свое время фольклористом и этнографом Степаном Пушиком со слов старого жителя села Гавриловка. «Однажды на Пасху Довбуш проходил через Гавриловку, — рассказывал старик. — Когда начали звонить церковные колокола, он остановился и решил дальше не идти. На том месте, где стоял, он выкопал яму и закопал деньги, после чего пошел дальше. Но за сокровищем не вернулся — именно в тот год его убили». Отыскать же этот клад якобы можно только в новогоднюю ночь. Там, где закопано золото, трижды должен блеснуть огонек. Говорят, один местный житель даже видел свечение, заметил место и утром, взяв лопату, отправился копать. Вроде бы даже он обнаружил сокровище, но тут земля разверзлась и золото бесследно исчезло.

Надо сказать, что историки основывают свои выводы и знания о нравах и быте опрышков в основном на сохранившихся документах из судейского архива. Они утверждают, что в своих показаниях ни один из побратимов Довбуша не подтверждает существования у их атамана огромного богатства. Объясняется же это следующим образом: ведь если бы целью Олексы Довбуша был банальный грабеж с целью обогащения, он вряд ли был таким популярным у простых людей. Продукты, оружие и деньги опрышки отбирали у богатых исключительно для того, чтобы иметь средства к существованию. Но излишки все равно были. И тот факт, что награбленным делились с

бедняками, подтверждался самими опрышками. Так, некто Палейчук рассказал на суде, что после разгрома шляхетского двора в Воскресенцах часть имущества опрышки раздали жажущим, а остальное поделили. И каждый спрятал свою часть в лесах. Так же поступили и с золотом, которое досталось им после нападения на кутских армян (переселенцев из Армении в Кутский район Прикарпатья).

Побратим Довбуша по фамилии Баюрак показал на следствии: в Черногоре на полонине после Пасхи в 1745 году атаман выкопал из тайника бочонок водки. Ранее же такой бочонок, а вместе с ним — деньги и полотно, которыми опрышки завладели в Устериках, Олекса закопал в другом месте. Он любил делать небольшие компактные тайники, куда прятал только самое необходимое — запас спиртного и немного золота. Сколько всего подобных тайников оборудовал Довбуш по обе стороны Карпат — до сих пор неизвестно.

Однако есть предположения, что не все тайники были мелкими. Например, летом 1744 года отряд Олексы Довбуша совершил один из своих наиболее удачных походов, во время которого овладел Богородчанским замком. Несмотря на то что крепость охраняли хорошо обученные солдаты, а не обычные слуги, опрышки ворвались за крепостные стены и захватили огромную богатую добычу. Позже, когда разбойники отступили, по жалобе богородчанского эконома Шидловского на место происшествия прибыл возный из Галицкого грода. Согласно его подсчетам, убытки шляхты составили десятки тысяч злотых. В замке, кроме прочего, находились сокровищница господ Подлянского, Косановского, Романовского. В архивных документах записано, что опрышки только золотых талеров забрали на две тысячи злотых. Размер всей добычи и сведения о том, где она спрятана, остаются неизвестными. А тот факт, что золото не было потрачено, не оспаривается: даже для опытных опрышков такая добыча оказалась непривычно большой. Поэтому ее вполне могли припрятать на «черный день». Известно только, что после того набега Довбуш долго ничего не предпринимал, а к зиме построил в Черногоре каменный дом.

Сравнивая исторические факты и географию походов Олексы Довбуша с легендами про опрышков и их сокровища, можно сделать весьма любопытные выводы. К примеру, рассказы о кладах, якобы

спрятанных на горах Магуре и Вильсе Сколиковского района, связывают с походом Довбуша в октябре 1744 года в Турку (ныне — город в Львовской области), где он требовал выкуп со шляхтича Калиновского. Мы уже знаем о привычке атамана оставлять часть добычи по дороге в укромных местах. Так что есть основания полагать, что где-то в том районе золото дожидается своего хозяина.

Расположение многих мест, где якобы спрятаны клады, совпадает с опорными пунктами отрядов опрышков. В разное время они находились на окраине Печенижина, Буковецкой полонине, горе Стиг. Исходя из показаний упомянутого ранее Баюрака, после разбоя в Богородчанах опрышки той же ночью уходили через Солотвин и Бабче в полонины. Таким образом, возможный путь клада можно проследить по карте — он пролегал мимо села Старуня и горы Голицы. Можно также предположить, что богородчанское золото опрышки донесли до Журавлиной Кливы неподалеку от Гуты.

Но самое невероятное стечение обстоятельств касается легендарного клада в селе Гавриловка (Надвирнянский район). Мы уже упоминали о нем — это тот самый клад, якобы оставленный там на Пасху в последний год жизни Олексы Довбуша. В архивных документах зафиксировано: в мае 1745 года опрышки шли походом на север. Двигались они через Рогатин на Шумляны (ныне — Львовская область). Возвращаясь обратно, Довбуш остановился перед Надвирной, чем вызвал невероятный переполох у местных богатеев. К городу быстро стянули войска, потому нападать на Надвирну опрышки не стали. Более того — с учетом возможного преследования регулярными армейскими подразделениями Довбуш вынужден был двигаться скрытно. Поэтому, по логике, опрышки могли проходить через Гавриловку. Время, указанное в исторической хронике, совпадает с временем, которое упоминается в легенде.

Наконец, исследователи выдвигают еще одну версию дальнейшей судьбы сокровищ Олексы Довбуша. Говорят, что после гибели ватажка его побратим Иван Бойчук забрал часть опрышковского золота и вывез его в Запорожскую Сечь. Это предположение более чем вероятно, так как Бойчук, по показаниям его арестованных товарищей, на самом деле считался близким другом Довбуша и одним из немногих его доверенных лиц. В частности, он мог знать, где спрятан богородчанский клад. На эти деньги якобы было закуплено

вооружение для запорожских казаков. Остатки его были вывезены в Англию не менее легендарным гетманом Полуботком.

Как видим, предположений о существовании и местонахождении клада Олексы Довбуша более чем достаточно. Но все они пока что так и остаются догадками. Тана несметных сокровищ вожака опрышек по-прежнему остается одной из самых интересных загадок истории Украины.

Устим Кармалюк: народный мститель или разбойник?

Этот крепостной крестьянин, беглый солдат является одним из самых известных бунтарей некогда существовавшей Российской империи. С 1813 года он возглавлял повстанческий отряд на Подолье, а в 1832–1835 годах руководил крестьянским восстанием. Личность этого человека, как ни странно, была и остается одной из самых интересных загадок украинской истории.

Устим Кармалюк

Устим Якимович Кармалюк (Кармелюк), человек-легенда, по поводу личности которого до сих пор не утихают споры в исторических кругах, родился 27 февраля (10 марта) 1787 года в селе Головчинцы Подольской губернии (ныне — село Кармалюково Жмеринского района Винницкой области), некогда основанном королевой Боной, женой польского короля Сигизмунда I. На окраине села стояла хата-развалюха Якова Кармалюка — крепостного помещика Андрея-Иосифа Пигловского. Именно там увидел свет неутомимый бунтарь, которому предстояло на долгие годы стать жестокой головной болью официальных властей. Кроме Устима, Яков и его жена Елена еще воспитали двоих дочерей — Марию и Оксану.

Когда парню исполнилось 18 лет, его забрали к панскому двору, благо Устим слыл человеком работающим, удивительно энергичным, что

называется, «моторным», и умным (интересно, что он еще во время работы в усадьбе выучил еврейский, польский и молдавский языки). В 19 лет Кармалюк уже обзавелся семьей, однако счастье в его хате поселилось ненадолго. Жена Устима, Евдокия, умерла рано, оставив мужа с двумя малолетними детьми: трехлетней Настей и двухлетним Иваном. Жизнь крепостного стала особенно тяжелой, и вскоре полусирот забрали на воспитание родители покойной Евдокии. Спустя год Устим женился снова. Тут, как на грех, на него «положила глаз» хозяйка, жена Пигловского пани Розалия. Кармалюк на свою голову спас вздорную шляхтянку, когда той грозила смерть: кони, впряженные в бричку, на которой ехала высокородная пани, понесли. Шансов на спасение у женщины практически не было, но молодой крепостной, отличавшийся недюжинной силой, сумел остановить животных. Романтичная дама решила «достойно отблагодарить» своего спасителя, однако тот «гонорар» не оценил... Естественно, пан Пигловский, узнав об этой истории, в восторг не пришел. То, что сам Устим не ответил взаимностью пани Розалии, взбешенный пан в расчет не принимал и постарался превратить существование крепостного в сущий ад. Оскорбленная пани и сама с удовольствием науськивала супруга на несговорчивого крестьянина. Однако Кармалюк не желал терпеливо сносить все издевательства, при каждом удобном случае демонстрируя редкое непослушание и непокорство. Изрядно намаявшись со строптивым холопом, Пигловский отдал бунтаря, у которого только что родился еще один ребенок, на

25 лет в солдаты... На дворе стоял тревожный 1812 год, однако, согласно особому распоряжению Александра I, рекрутов с Подолья в армию не брали, поскольку там свирепствовала эпидемия чумы. Трудно сказать, каким образом пан Пигловский умудрился обойти этот приказ, но факт остается фактом: Кармалюку не помог даже фокус с выбитыми двумя зубами и резаными ранами на теле (с такими повреждениями в солдаты не брали) и пришлось ему в дальнейшем продемонстрировать свое непокорство уже армейскому начальству. Правда, первая врачебная комиссия рекрута из чумной области все же отправила от греха подальше домой, но вторая, уже более высокая комиссия избавила пана Пигловского от печальной необходимости вновь встречаться со своим не в меру строптивым холопом.

Немудрено, что Устим не стал долго терпеть армейскую муштру. К тому же, как выяснилось, он должен был служить со свояком, ранее жившим в соседнем селе, — Даниилом Хроном, который также не являлся образцом смирения и покорности, так что вскоре родственники нашли общий язык...

Когда 4-й уланский полк стоял в городе Каменец-Подольском, Кармалюк и Хрон дезертировали из армии, после чего некоторое время прятались в родных лесах. До сих пор в урочище Скала сохранилась Кармалюкова пещера, в ту пору служившая беглецам домом. Первый «неофициальный визит» приятели нанесли хозяину Устима, пану Пигловскому, спалив тому усадьбу, а самого помещика прилюдно выпоров батогами. Следом двое богатых жителей села Дубового, Иван Сало и Федор Шевчук, лишились своих сбережений, а Пигловский потерял еще и небольшой сахарный заводик. Затем настала очередь прочих помещиков, не стеснявшихся открыто издеваться над крепостными и доводившими крестьян до крайнего обнищания. Интересно, что при этом Устим никогда не забывал, что является христианином, и потому всю жизнь придерживался правила хотя бы раз в году бывать на исповеди.

В пещеру к Кармалюку потянулись беглые крестьяне, и довольно быстро под началом бунтаря оказался хорошо вооруженный отряд из нескольких сотен человек. Понятно, что столь радикальные способы выражения собственного недовольства не порадовали окрестных помещиков и представителей власти. На бунтарей началась самая настоящая охота, и вскоре они были пойманы и предстали перед военным судом. Устима и Данила ждало страшное наказание — по 500 ударов плетью. Немногим удавалось перенести такую экзекуцию. Но Кармелюк и Хрон выжили. Тогда мятежников решили отправить в крымский штрафной батальон.

Как говорится, не тут-то было! Кармалюк и Хрон умудрились сбежать по дороге к месту отбытия наказания. Устим вновь начал собирать вокруг себя обиженных и обездоленных и вскоре стал известен как выдающийся атаман, лидер повстанческого отряда крестьян. Собственно, с этого времени на Подолье и начался подъем крестьянского движения; признанным главой бунтарей неизменно оставался Устим Кармалюк. В его отряде хватало не только крестьян, но и беглых солдат, и городской бедноты. При этом кроме украинцев

среди повстанцев оказалось довольно много молдаван, русских, евреев. В итоге Подолье фактически полыхало: «армия» Кармалюка исправно пускала «красных петухов» в панские имения и куркульские усадьбы, оставаясь неуловимой. Местное население, невзирая на все запугивания, охотно помогало бунтарям, давало им пристанище, провизию, оказывало любую посильную помощь.

Однако удача в какой-то момент все же изменила Кармалюку. В 1817 году он снова оказался под арестом. Предводителю повстанцев грозила смертная казнь, однако ее почему-то заменили на 25 ударов плетью и десятилетнюю каторгу в Сибири. И снова Кармалюк и Хрон (своjak был неразлучен с лидером бунтарей) не дошли до пункта назначения, сбежав, невзирая на усиленный надзор, из этапной тюрьмы, и вернулись на Подолье.

В конце 1818 года Устим объявился в околицах Бара, а затем — в Балтском округе. Там мятежный крестьянин создал большой повстанческий отряд. Одновременно он нашел себе жилье на юге Украины, познакомился с местным населением и даже стал кумом одного из крестьян. Устим купил корову для своей семьи, намеревался засеять поле. К тому же он был хорошим сапожником, так что наверняка сумел бы заработать себе на хлеб. Окончательно перебраться в южную степь крестьянин собирался осенью 1822 года и попросил жену Марию потихоньку уехать с детьми на новое место. Но она не согласилась. Это стало страшным ударом для Устима, крестом на всех надеждах на спокойную жизнь подальше от помегцика-хозяина.

В итоге Кармалюк полностью переключился на борьбу, поставив точку на семейной жизни. Умело и быстро маневрируя, он легко и непредсказуемо менял районы своих вылазок, везде поднимая крестьян на восстание. Популярность бунтаря в народе росла с каждым днем, а его армия стремительно увеличивала численность бойцов. Власти же ничего не могли поделать: Кармалюк оставался неуловимым. Все усилия панства, направленные на поимку народного мстителя, результатов не давали. Так что неизвестно, чем закончилось бы дело, если б не банальная измена.

Причиной нового, уже третьего по счету ареста Устима стало предательство. Чтобы не рисковать, власти распорядились приковать бунтаря к телеге и под усиленным конвоем препроводить в тюрьму

местечка Литин. Шествие постепенно перерастало в акт прощания народа со своим героем: крестьяне, узнав, по какой дороге повезут Кармалюка, выходили в последний раз взглянуть на него. А арестованный шутил, обещал в скором времени вернуться к «активной деятельности» и вновь заставить «плакать кошку за мышьи слезы».

Во время следствия Устим Кармалюк отрицал, что является повстанческим лидером. Мол, он на самом деле некий Василий Гавриленко, беглый солдат родом из Галичины. Арестованный свободно говорил на русском языке, предъявлял документы на имя Гавриленко, все обвинения отметал. Чтобы внести ясность, следствие устроило задержанному провокационную встречу с семьей. И если взрослые еще держались, «не узнавая» Устима, то восьмилетний сын бунтаря, Остап, с криком бросился к отцу. Однако Кармалюк упрямо стоял на своем: он Василий Гавриленко и с упомянутым мятежником ничего общего не имеет.

Наконец следствие было закончено, Устима отправили в Каменец-Подольскую крепость, откуда он снова попытался бежать. Но на этот раз бунтарю не повезло: во время побега он был ранен в ногу одним из охранников и покинуть пределы тюрьмы не сумел. Мятежного атамана заточили в одиночную камеру Папской башни, а для большей надежности приковали к каменному столбу. В таких условиях Кармалюк прожил всю осень, а зимой 1824 года его публично выпороли кнутом на базарной площади (на этот раз Устиму нанесли 101 удар), клеймили раскаленным железом и отправили в Сибирь на вечную каторгу. Впереди его ждали два года этапа и каторжные работы.

Однако на последних Кармалюк не задержался. Ему снова удалось сбежать и вернуться назад, в родной Литинский округ, минуя засады жандармов, едва ли впервые столкнувшихся с подобным упорством и дерзостью заключенного. Летом 1826 года Устим добрался до Клева, а затем под видом чумака пробрался на Подолье. Собрать отряд для легендарного предводителя крестьянства оказалось делом нескольких дней. Панство, вновь столкнувшееся с результатами деятельности отрядов Кармалюка, стало молить о помощи, поэтому на бунтарей были брошены значительные силы регулярной армии.

И снова мятежник стал жертвой банального предательства. На сей раз в роли Иуды выступил некий Ольшевский, мелкий шляхтич.

Благодаря его сообщению Устима арестовали в селе Кальна Деражня и отдали под суд. Следователи даже предлагали Кармалюку покаяться, дабы смягчить наказание, однако он оставался непреклонным. Подсудимый честно предупредил: пока у власти находятся помещики, он сам никогда не сложит оружия и не возьмет плуг в руки. По приговору суда бунтарь снова получил 101 удар плетью, был клеймен и отправлен по этапу в Сибирь на вечную каторгу.

Кармалюк не был бы Кармалюком, если бы просто смирился со своей судьбой. И на этот раз атаман сумел бежать. В 1830 году его отряд вновь наводил ужас на помещиков Подольской губернии. Надо сказать, что к тому моменту антикрепостническая борьба крестьян значительно усилилась: на руку Кармалюку сыграло польское восстание 1830–1831 годов. Что оставалось помещикам? Они, понятное дело, в очередной раз начали взывать к правительству, требуя оградить их от происков мятежников.

В общем, пришлось властям спешно создавать специальный орган, которому предстояло решить возникшую проблему. В состав Галузинецкой комиссии, во главе которой стоял опытный чиновник Визерский, вошли представители литинского и летичевского земских судов, уже неоднократно сталкивавшихся с разбором деятельности народного атамана. А тот, в свою очередь, готовил правительству «сюрприз» в виде большого крестьянского восстания. Но осенью 1830 года на Подолье вспыхнула эпидемия холеры, благодаря которой власти сумели обнаружить убежище Кармалюка в Новой Синяве.

Однако и на этот раз эпопея с поимкой одного из самых известных бунтарей в истории Российской империи не закончилась. Два года потребовалось Устиму, чтобы... разобрать потолок собственной камеры в Литинской тюрьме и оказаться на свободе. Народный атаман, откровенно издеваясь над стараниями властей, снова взял в руки оружие.

Но царской администрации все же удалось поставить точку в данном деле. Устима предала его любовница Елена Процькова; благодаря «наводке» женщины атамана выследили в селе Коричинцы-Шляхове. В ночь на 10 (23) октября 1835 года 18-летний шляхтич Ф. Рудковский из засады убил мятежника серебряной пулей (поговаривали, что Устим заговорен и обычные пули его не берут). Тело покойного в течение нескольких дней возили по селам, а затем

захоронили в Летичеве — в овраге, за кладбищем, без креста, как хоронили всех преступников. Убийца же легендарного атамана удостоился личной встречи с Николаем I в Петербурге, на которой был пожалован бриллиантовым перстнем и получил пожизненное освобождение от уплаты налогов. Следствие, тем временем, работу не сворачивало, продолжая рассматривать деятельность Кармалюка вплоть до 1839 года. Галузинецкая комиссия зафиксировала более 1000 нападений армии кармалюковцев на помещиков, отдала под суд более 2700 человек. Тогда же оказалось, что в течение 23 лет деятельности Устима под его рукой воевали около 20 000 повстанцев, что, кстати, никак не соответствовало устоявшемуся мифу о «пассивности» украинского народа. Кроме того, комиссия выяснила судьбу детей мятежника. Его дочь Настя вышла замуж и переехала в соседнее село Петрани. А вот сыновья... Иван вырос и пошел по стопам отца, окончив свою жизнь в Литинской тюрьме. Сыновья атамана от второго брака тоже не отличались мирным нравом: Остап угодил в тюрьму, Тарас значился «в бегах», а Ивана-младшего, дабы оградить его от дурного влияния родственников, увезли подальше от родины, определив в «школу московскую». Кстати, прочей родне мятежника пришлось распрощаться со знаменитой фамилией, поскольку указом императора они были переименованы в Карманов («злодеев, карманников, воров»).

Никто уже не оспаривает известное утверждение о том, что историю пишут победители. Причем все события обычно трактуются согласно их мнению и оценки отдельным личностям выставляются соответственно. Так что Устим Кармалюк долгое время фигурировал в истории как весьма опасный социальный элемент. Архивные документы, принадлежащие к тому времени, когда Россия и Польша разрывали Украину на части, дают весьма однобокий портрет такого злобного бандита с большой дороги: иначе воспринимать человека, не пожелавшего покорно склонить голову и надеть себе на шею ярмо, власти не могли и не хотели. Затем на смену негативному имиджу пришел восторженно-позитивный.

Однако вскоре память о крестьянском атамане начали потихоньку опошлять, а на того, кто часто вспоминал о мятежном крестьянине, стали посматривать косо. Речь идет о жителях родного села Кармалюка и его потомках. Они-то как раз и любили напоминать: если

власти не прекратят издеваться над своей страной и народом, «Кармалюк найдется», потому что «его стежки еще не заросли дерном»... Когда же Украина в 1917–1918 годах провозгласила свою независимость, кармалюковцы сразу же подняли в селе желто-голубое знамя. А чтобы коммунистам не удалось спустить его, полотнище водрузили на верхушку 30-метровой трубы: представителям местной власти только и оставалось, что расстреливать «националистическую тряпку» из оружия. В 1919-м сельчане вообще умудрились создать собственную Головчинецкую республику, президентом которой стал Трофим Козуля. Правда, в память от тех событий остались лишь приграничные столбы, некогда отделявшие Кармалюково от остального мира. Но местное население соседи до сих пор именуют «бандитами»...

Так кто же он, Устим Кармалюк? Разбойник с большой дороги или народный мститель? Карманюк (то есть обычный вор и разбойник) или Кармалюк? Да, на его совести хватает поджогов и насильственного изъятия ценностей (то есть попросту грабежей), а также физических расправ над помещиками. Однако следует заметить: никого из попавших в разряд врагов-богачей крестьянский атаман не убил, хотя плеть и батоги в ход пускал неоднократно. Что же касается грабежей, то ничего из полученных денег Кармалюк не прикарманил, никаких сокровищ нигде не спрятал. Все было просто: не мудрствуя лукаво, мятежник возвращал деньги до крайности обнищавшим крестьянам, не оставляя себе практически ничего. Вся «прибыль» человека легенды состояла только из почти 5000 ударов батогами, плетью и шпицрутенами, трехкратного клеймения, «знакомства» с тюрьмами Украины, России, Беларуси и пожизненной каторги. Убегая из ссылки, Устим пешком преодолел расстояние в 15 000 км (!); он дважды добирался домой из Сибири «на своих двоих», каждый раз затрачивая на дорогу около года.

По поводу смерти атамана мятежников не все ясно. Существует версия, согласно которой Елена Процькова вовсе не была любовницей Кармалюка, а ее муж Прокоп являлся сподвижником Устима. В хате соратника бунтарь оказался потому, что должен был встретиться там со своим побратимом, Юрием Самкивым. Но тогда сложно объяснить явное благоволение суда к самой Елене. После того как Кармалюка убили, Прокопа суд приговорил к высылке в Сибирь, а вот его жену

помиловал. Что это? «Заслуженная» награда? Ведь вряд ли царский суд в данном случае руководствовался какими-то соображениями гуманности и сострадательности.

Каким же образом Устим добывал себе средства для жизни, если он не присваивал себе ничего из награбленного? Ответ можно обнаружить, прочитав опись вещей покойного. Среди них значится маленький зеленый мешочек с сапожными гвоздиками: прославленный мятежник, под чьей рукой действовала самая настоящая армия, гроза помещиков, от одного имени которого у представителей официальной власти начинался приступ нервного тика, до последнего дня своей беспокойной жизни зарабатывал на кусок хлеба пошивом и ремонтом обуви.

Кстати, нужно отметить, что некоторые исторические источники (в частности, метрические записи церковноприходской книги села Головчинцы) утверждают, что настоящая фамилия бунтаря все же Карманюк: якобы дед Устима носил фамилию Карман, а уже отец стал Карманюком. Мол, Николай I просто восстановил справедливость, вернув роду бунтаря его настоящую фамилию. А может, дело даже не в царе-батюшке. Ведь фраза «защитник обездоленных Карманюк» звучит несколько нелепо. Возможно, уже в советское время в фамилии атамана мятежников заменили одну букву, чтобы ничто впредь не напоминало об истинном ремесле какого-то предка-карманника легендарного Устима. Более распространенной версией считается, впрочем, другая: фамилия «Кармалюк» происходит от названия разновидности бильярда — «кармаль». Правда, трудно объяснить, какое отношение к бильярду имел обычный крестьянин...

Те исследователи, которые не приходят в восторг от героического ореола, традиционно окружающего личность Кармалюка, пытаются доказать, что он отнюдь не отличался каким-то «разбойничьим благородством». По одной из версий, «подольский Робин Гуд» угодил в солдаты за банальную кражу, «позаимствовав» из хозяйского амбара годовой запас воска. Так же непросто доказать либо опровергнуть сведения о том, будто бы «армия» Кармалюка грабила как помещиков, так и крепостных. Современные «оппоненты» Устима заявляют: в большинстве случаев от мятежников страдали сами крестьяне, которые, мол, и поймали атамана в 1813 году. Сторонники данной версии доказывают, будто крестьяне и в дальнейшем старались помочь

властям в поимке Кармалюка. Конечно, в документах первой половины XIX века такие упоминания встречаются. Поэтому сейчас сложно сказать, то ли царские историки пытались сделать из народного героя разбойника с большой дороги, то ли советские идеологи старательно лепили из грабителя светлую личность, достойную подражания...

Так кому же и чему верить?! А верить, по всей видимости, нужно все же красивой легенде. К сожалению, за прошедшие годы персона Устима Кармалюка обросла множеством домыслов и ничем не доказанных предположений. Но, так или иначе, он по-прежнему остается значительной фигурой украинской истории, а его деятельность, отчаянное сопротивление властям и невероятные побег из царских тюрем — одной из интереснейших загадок истории нашей страны.

Загадка происхождения Березновского клада

9 июня 1975 года житель Березно (Ровенская область) Леонид Сычик случайно обнаружил в песчаной дюне на восточной окраине городка возле речки Случ глиняный горшок с монетами. На следующий день его брат Михаил Окерешко, как всякий добропорядочный законопослушный советский гражданин, отвез находку в Ровно и сдал в местный краеведческий музей. Представители музея решили обследовать место находки более подробно и установили: клад был спрятан на глубине двух метров от поверхности. А найти его удалось только благодаря небольшому природному катаклизму — сдвигу песчаной дюны. Весть о находке распространилась во многом благодаря публикации в областной газете «Червоний прапор».

Через три десятка лет эту резонансную историю напомнил читателям еженедельника «Зеркало недели» главный эксперт Национального банка Украины Алексей Строков. Оказывается, тема кладов в последнее время стала очень актуальной в нашей стране. И в первую очередь потому, что граждане, которые находят их, не спешат, по примеру Михаила Окерешко, сдавать свои находки государству. Дело даже не в том, что государство теряет деньги. Более важным кажется другое: клад — это прежде всего историческая и культурная ценность, а его составляющие — музейные экспонаты и, если угодно, достояние республики.

Украину не случайно называют кладовой сокровищ. Бурные события многовековой истории нашей страны оставили после себя множество памятников минувших эпох. Наиболее многочисленными из них являются так называемые «монетные клады». Каждый год музейные фонды пополняются новыми поступлениями. Состав этих, как их называют, немых свидетелей прошлого достаточно разнообразен. В кладах можно встретить монеты стран Западной Европы, России, Боспорского царства, Древнего Рима, Византии, Арабского халифата и различных средневековых государств.

Но вернемся к находке возле городка Березно. По остаткам горшка и по составу монет сокровище датировалось XVI–XVII веками.

Даже поверхностное знакомство с содержимым находки давало понять, что она таит в себе немало загадок. Из 95 найденных монет 93 являлись талерами и флоринами (гульденами) — крупными монетами из чистого серебра, которые весили от 20 до 27 грамм каждая. В то время эти монеты были в ходу как своеобразная международная валюта. Надо сказать, что клад с таким значительным количеством достаточно дорогих даже для своего времени монет встречается очень редко.

После очистки, консервации монет и научной обработки состава клада выяснилось, что талерами различных стран Европы и испанских колоний в Америке являлись 40 из общего числа найденных денежных единиц. Более мелких и, соответственно, меньших по размерам флоринов оказалось 53 штуки. Они происходили из провинций и городов Северных Нидерландов, графства Ольденбург и вольного имперского города Эмбдена. Только две монеты относились к средним по стоимости номиналам — монета номиналом шесть грошей Речи Посполитой 1624 года выпуска и монета города Данцига 1625 года.

Особо Алексей Строков отметил, что специалистов очень привлекает наличие в кладе так называемых «макукин» — грубых многогранных монет неправильной формы. Чеканились они из серебра испанских колоний в Новом Свете и по весу равнялись талеру. Считается, что их чеканили прямо на кораблях, во время плавания, когда серебро везли в Европу. Поэтому такие испано-американские монеты номиналом восемь реалов называют еще «корабельными песо». В свое время было выпущено значительное количество таких песо. Но в Европе они практически все пошли на переплавку и изготовление привычных монет, в частности тех же нидерландских талеров. Поэтому «макукины» в кладах находят очень редко.

В Березновском кладе представлены монеты, чеканившиеся на протяжении ста лет. Объяснить это можно прежде всего тем, что талеры и другие высокопробные монеты не изымались из обращения. Шло время, часть обращавшихся монет оседала в кладах, шла в монетный передел или их переплавляли ювелиры для своих нужд. Но на рынке, у менял или ростовщиков можно было найти денежные единицы, которые были отчеканены сто, двести, а то и более лет назад.

Второе возможное объяснение этой особенности — длительность накопления Березновского клада. Косвенно это предположение

подтверждается отменной сохранностью всех монет. На них почти нет следов вмятин, царапин, выбоин, потертостей, разве что на некоторых из них встречаются небольшие трещины, возникшие в результате деформации монетных кружков во время чеканки.

«Это означает, — пишет Алексей Строков, — что данные монеты изымались из денежного оборота в тезаврационных^[12] целях вскоре после их эмиссии. То есть в полном соответствии с экономическим законом Коперника-Грешема, когда лучшая по качеству и сохранности монета вытесняется из оборота худшей. А так как период чеканки монет клада довольно велик — более ста лет, — то это может означать, что формировался данный комплекс, вероятно, не один год. Правда, необходимо учитывать также и то, что оборот крупных номиналов был гораздо длительнее, чем мелких, и заметный „отпечаток“ перечислявшихся следов обращения талеры получали гораздо медленнее, чем низкопробная „мелочь“».

Скорее всего, клад был зарыт в землю в конце сороковых годов XVII века. Это можно определить по дате выпуска младшей монеты клада. Значительную часть территории Украины тогда охватила освободительная война, которую вел украинский народ против польской шляхты. Богатый вельможа просто мог спрятать свои накопления от разграбления, но сам или в спешке бежал, забыв о кладе, или, возможно, был убит.

Не исключено также, что Березновский клад — это одноразовая выручка купца от какой-то крупной торговой операции. Но все эти предположения так и остаются предположениями. Тайна происхождения клада не раскрыта до сих пор.

Еще один клад, который много лет привлекает к себе внимание ученых, — так называемый Успенский клад. Летом 1898 года на хорах Успенского собора, главного храма Клево-Печерского монастыря, шел ремонт. Вдруг в одной стене обнаружилась пустота, а в ней — тайник. Из пустоты на потрясенных рабочих посыпалось золото и серебро. Так был обнаружен громадный клад старинных монет, некогда замурованный в церкви.

О находке доложили властям. Изучением клада занялась комиссия из царских чиновников, ученых и служителей церкви. Учет ценностей показал, что клад весил 18 пудов, то есть около 300 кг. Большинство монет — это талеры, чеканенные различными королевствами и

вольными городами Европы. Среди них были и так называемые «ефимки» — европейские монеты с русскими надчеканками царя Алексея Михайловича 1655 года выпуска.

Комиссия насчитала 6184 золотые монеты и 9895 серебряных. Среди них были довольно редкие донативы и португалы польских королей: Стефана Батория, Сигизмунда III Вазы, Владислава IV и Яна-Казимира. Кроме того, здесь имелись фамильные жетоны знаменитых литовских вельмож — князей Радзивиллов, а также уникальная медаль, чеканенная князем Константином Острожским. Позднейшие монеты клада, в том числе золотая, были отчеканены во времена Петра I. Именно они позволили установить время сокрытия клада — не позднее 1718 года.

Кто, когда и, главное, почему спрятал этот клад — остается загадкой. Киевский нумизмат К. Болсуновский считал, что клад был спрятан небольшой группой лаврских монахов во главе с архимандритом Иоанникием Сеньотовичем. Владельцы ценностей опасались обвинений в заговоре. Поэтому все участники дела поклялись свято хранить тайну клада и даже инсценировали пожар в церкви, чтобы надежнее замести следы.

Существует версия, что клад был частью монастырской казны, составленной из пожертвований прихожан и многочисленных паломников. Ее могли укрыть те же монахи, во избежание реквизиций, которые периодически производило правительство Петра I на нужды войны со шведами. Предполагалось также, что клад принадлежал сторонникам гетмана Ивана Мазепы.

Какая же из этих версий верна, так и осталось неизвестным. Но в любом случае, огромные ценности, спрятанные в тайнике на хорах Успенского собора, оказались забытыми вплоть до их случайного обнаружения в конце XIX века.

Одна из наиболее крупных монет клада резко отличалась от прочих. Она имела припаянное гофрированное ушко, украшенное снизу гроздочкой выпуклостей — жемчужинок. Это была не просто монета, а подлинный древнеримский медальон, весивший 42 грамма. Таких находок не находили не только в Клеве, но и во всей Российской империи. Ценность медальона намного превышала стоимость не только редких средневековых монет клада, но и уникальных фамильных медалей и жетонов XVI–XVII столетий. Мирская

нумизматика пополнилась еще одним уникальным римским медальоном из числа так называемых «мультипла» — монет особенно крупных размеров.

Среди прочих монет был также обнаружен медальон Констанция II. Эта находка также поставила перед учеными еще ряд загадок. Как он попал в Клев? Ведь речь шла о крупнейшей археолого-нумизматической сенсации. Наиболее вероятным представлялся вариант, что его нашли в Клеве или окрестностях города, возможно на многочисленных монастырских землях, окружавших Клев. Здесь очень часто находили римские монеты разного времени. Попадались и чеканки Констанция II. Не исключено, что медальон был пожертвован лавре благочестивым прихожанином или паломником, подобно другим сокровищам из клада 1898 года.

Существует также версия, что этот медальон впервые был обнаружен еще в 1609 году неким Кирилой Божком, крестьянином села Ласкова на Волини. Владелец села, польский шляхтич Михайло Войно-Оранский, затеял вокруг этого клада судебный процесс, затянувшийся на целых 16 лет. Он считал себя законным хозяином находки, которую сам оценил в 1000 злотых. За эти деньги можно было несколько раз купить само село Ласково со всеми его земельными угодьями. Реестр Ласковского клада, составленный судебными исполнителями и представленный на суде, частично совпадает с реестром сокровищ, обнаруженных в Успенском соборе.

У Ласковского клада любопытная история. Суд решил дело в пользу шляхтича, но самого клада тот не получил. Крестьянин уже успел, пока шло разбирательство, сбыть найденные сокровища торговцу Хаскелю из Владимира-Волинского, а тот, испугавшись суда, передал их чиновнику королевского замка Андрею Мисевскому. Последний составил два реестра сокровищ, благодаря чему они были учтены и позднее сослужили исследователям клада Успенской церкви хорошую службу.

Правда, шляхтич Войно-Оранский обвинил Мисевского в присвоении чужого золота. И когда дело вновь дошло до суда, то выяснилось: он был сдан под расписку правителю воеводства князю Янушу Острожскому. А князь написал, что пожертвовал эти ценности... Господу Богу. То есть на нужды церкви. В итоге Войно-

Оранский отказался от всех претензий к чиновнику, указав в своем заявлении, что клад «ушел из этого мира».

Вот только часть загадок, которые таил в себе клад Успенского собора. Правда, еще до революции грандиозный клад был продан Эрмитажу за 65 тысяч рублей (в общем-то, за символическую стоимость). Так что сегодня в Клеве от находки остался лишь один из сосудов, в котором хранилась старинное золото.

Как видим, загадка происхождения двух, пожалуй, самых известных кладов, обнаруженных на территории Украины, остается неразгаданной. Как, в общем-то, и подавляющего большинства украинских кладов. Неизвестно также, сколько еще кладов таит в себе украинская земля. Вообще же, основную часть коллекций украинских исторических музеев составляет золото и серебро, обнаруженное в курганах. К началу нового, XXI века из известных курганов, не обследованных учеными, остались лишь курган Караватка (близ Запорожья) и Медведь-курган (Аюдаг) на южном берегу Крыма, рядом с известным пионерским лагерем «Артек». Говорят, мимо Караватки проходила большая дорога, а на самом кургане стояла каменная баба, повернутая лицом на восток. Здесь, по слухам, зарыты клады. Только найти их невозможно, так как на сокровища якобы наложено заклятье. А на Аюдаге, согласно легенде, закопан медный медведь, набитый золотыми червонцами. Как только очередной кладоискатель придет туда с лопатой и воткнет ее в землю, медведь — страж золота, начинает реветь и пугать дерзких людей.

Пишет пресса и о сокровищах, которые якобы есть и в «голове» острова Хортица (часть Запорожья). По преданию, темной ночью там часто показывался клад: выскочит из могилы казак с саблей. Сам казак из золота, конь под ним — из серебра. Недалеко от этих мест, возможно, скрывается и «клад Сагайдака». Казак Сагайдак жил здесь со своим кошем и в минуту опасности спрятал казну где-то на Средней скале.

Отдельная тема — подводные клады, которыми не так давно вплотную занялись запорожские ученые. Говорят, Украина может стать Меккой для подводных археологов. На дне ее рек и морей лежит несметное количество уникальных предметов старины. Недавно в Запорожье был открыт единственный в Украине Институт подводных

исследований. И его гидроархеологи делают все, чтобы спасти историческое достояние нации.

Первые исследования они провели в районе Днепрогэса, где в XVIII веке располагалась корабельная верфь. С 10-метровой глубины были подняты несколько якорей старинных казацких судов. По словам археологов, подобных исторических кладов на дне древнего Славутича довольно много. В планах ученых — археологические работы в акватории рек северного Причерноморья, в Азовском и Черном морях.

Что же касается обычных, так сказать «земных», кладов, то чаще всего их на Украине прятали запорожцы и гайдамаки. Они воевали, участвовали в набегах, и им не всегда сподручно было носить добытое богатство с собой. Вот легенда, записанная известнейшим этнографом Я. Новицким в Мариуполе: «Утром при восходе солнца взбежал вожак на курган, встал, а тень так и протянулась на запад. Тогда он велел копать яму там, куда протянулась тень головы. Выкопали яму, спустили на цепи казан, чтобы никто не брал, пока вторично не вернуться из разъезда. Затем засыпали деньги землей, оседлали коней и подались в степь. Через годы стали съезжаться. Многие вернулись, а жожака нет, и клад не взят до сих пор. В казне, говорят, лежат червонцы сверху медные, а поверх медных — серебряный талер, чтобы не плесневели. Деньги закопали и затоптали лошадьми, чтобы не осталось следа. А примета такая: как солнце восходит — встань на курган и смотри на свою тень; заметь то место, где кончается голова, беги и копай. Сверху будет железное кольцо, тyani и вытянешь шкворень; копай глубже, затем — дужка и казан».

Вот еще одна легенда — рассказ очевидца о том, что произошло с ним в 20-е годы XIX столетия. К нему, в ту пору маленькому мальчику, подъехал на резвом коне старый казак с двумя пистолетами за поясом. Он показал ему камень вблизи кургана и рассказал следующее: «Смотри на меня, мне сто четыре года и, быть может, я уже последний. Этот камень положили мы вместе — двенадцать запорожцев. Под ним — яма, а в яме три бочонка: в одном медь, в другом серебро, а в третьем — золото. Деньги закланы, их мне без товарищей брать нельзя, а тебе — другое дело, бери как свое».

Неизвестно, почему мальчик так и не извлек этот клад. Человека же, который предал товарищей, вместе с которыми прятал клад, действительно ждало суровое наказание. Вблизи города

Александровка (ныне Запорожье) упомянутый уже Яков Новицкий записал историю про окаменевшего человека, стоящего на одном из курганов.

Человек этот, по преданию, не сдержал обещания хранить тайну спрятанного клада. «Пошел он на курган — и где встал, там и окаменел. Будет он стоять, пока светит солнце. Возле кургана, говорят, на восток, сбоку, спрятаны деньги, и никто их не возьмет, потому что сразу окаменеет. Как и этот казак».

И хотя в действительности на кургане стояла половецкая каменная скульптура, каких немало в степях Украины, легенда об окаменевшем казаке по прежнему жива.

Еще одна легенда, бытующая на Волыни, рассказывает, что однажды в городе Изяславе появился старец и предложил местной княжне добыть клад, спрятанный в руинах замка. Старец, правда, предупредил: как только землекопы достигнут драгоценностей, начнет гореть Изяслав, а когда извлекут весь клад, город сгорит дотла. Однако клад втрое перекроет убытки, причиненные пожаром. Княжна дала согласие на поиски, и землекопы начали раскапывать руины замка. Каждый раз, когда начинали работать, в городе вспыхивал пожар. Как только работы прекращались — огонь угасал. Наконец землекопы достигли железной двери сокровищницы. И тогда запылал весь город. Жители едва уговорили княжну прекратить раскопки, да и она сама поняла, что имеет дело с заклятым кладом. Общими усилиями город спасли, развалины замка засыпали землей. Старец же исчез без следа, он оказался злым колдуном.

Кстати, народные предания часто содержат подробные инструкции, как вести себя при обнаружении клада. «Как деньги покажутся, иди на огонь, — гласит одно из них. — Если погаснет — не тебе суждены, если нет — твой клад. Как найдешь деньги, не бери все, так не годится, оставь сколько-нибудь заплатить за место и не бойся ничего; если заберешь все — не обойдется без напасти».

Еще один совет рекомендует, что «всякий клад нужно брать не сверху, а сбоку, потому что неизвестно, заклят он или нет. Если брать сбоку, то деньги рассыплются, а с ними рассыплется и заклятие».

При извлечении клада из тайника строго запрещено браниться или поминать нечистую силу. Легенда рассказывает об одном старике, который увидел свечу над грушей, понял, что это знак клада, и начал

копать под деревом яму. Вскоре из земли показался казан с червонцами. Старик хотел поднять за дужку, силился, силился, да ничего не выходит. Тут с языка и сорвалось: «Ну и тяжелый же, черт его батьке!» Только он это проговорил, а деньги в земле так и зашумели. Не помогли ни молитвы, ни крестное знамение — деньги пропали.

Предания утверждают, что чаще всего удача в поисках приходит в ночь на Ивана Купала. Тогда цветет папоротник и тот, кому посчастливится сорвать его цвет, найдет клад. Во многих легендах речь идет о «предназначенных кладах», то есть таких, которые доступны только определенным людям. Чаще всего клад дается детям. По народным поверьям, судьба наиболее благосклонна к совсем маленьким — тем, кто еще не успел нагрешить в жизни.

Все это, конечно, интересно и познавательно — как и любой народный фольклор. Другое дело, что клады чаще всего обнаруживаются не благодаря поверьям и древним легендам, а, по большому счету, случайно. Но главное даже не в том, как именно был обнаружен клад и какова цена спрятанных сокровищ. Самое важное, что любой клад — это, прежде всего, свидетель прошедших времен, который, возможно, поможет лучше узнать прошлое, заполнить пропущенные страницы в истории.

Украинские «каменщики»

Когда речь заходит о масонах, то практически всегда можно услышать слова «заговор», «сверхконспирация», «мировое закулирье». А все отражаемые события полны загадочной значимости, весомости и неотвратимости. Так или иначе, но всем известно, что масоны имеют объективные рычаги влияния на правительства многих держав, и нередко то, что они диктуют, становится государственной политикой. Но все эти события для нас, украинцев, как бы удалены во времени и расстоянии. Мол, «страдают» от этого Англия, Франция, Италия и другие страны, где масонские ложи существуют с давних пор, а в Украине такого не было и нет. Но оказывается, украинские масоны — это реальность. Среди них не было людей случайных, а многих можно назвать выдающимися.

На протяжении нескольких веков масонство было самой могущественной и самой загадочной организацией, пытавшейся «править миром». Его всепроникающее влияние демонстрирует хотя тот факт, что на всем известной долларовой купюре обозначены масонские символы: срезанная пирамида и всевидящее око. Масонство, при его закрытости, считалось организацией, пронизывающей все высшие слои общества, имеющей своих людей в правительстве и элитах. Однако о конечной цели организации мало кто знает: якобы это деятельность во благо человечества, добра и справедливости. Методы у различных лож были также различными — от просветительства до терроризма; их члены придерживались разных взглядов — от либеральных до консервативных, а их участие в истории до сих пор не вполне объяснимо.

Корни масонства уходят в позднее средневековье. Несмотря на легенду, согласно которой масоны (в переводе с французского — «каменщики»; второе название членов течения «франкмасоны» — «вольные каменщики») появились как первые строители древнеиудейского храма времен царя Соломона (X век до н. э.), предтечи масонства находятся в исторически более близких к нашему времени эпохах. Самой образованной части человечества казалось, что старые религии не отвечают духу времени. Более того, необходима

качественно новая общность, которая может объединить людей думающих, ищущих, которые могут с целью изменить порядок вещей в обществе в пользу баланса между рациональным и иррациональным. Так возникло масонство — полуорден, полусекта, полу-организация «братства вольных каменщиков».

Вся деятельность масонов, объединенных в ложи, пропитана символизмом и символикой. Они глубоко преданы традициям, и эти традиции на протяжении нескольких веков незыблемы. Для масонов огромную роль имеет ритуал, которому тщательно обучают вновь принятых братьев. Количественный и персональный состав масонских лож, а также содержание работ и детали ритуала содержатся в строгой тайне от мира непосвященных. Желая продемонстрировать равенство всех религий, масоны почитают Великого Архитектора Мира (считая, что эта субстанция имеет различные названия в разных религиях — Бог, Саваоф, Яхве, Аллах, Иегова и т. д.) и считают равноценными по количеству знаний и вкладу в развитие мировой цивилизации и Библию, и Коран, и Талмуд, и другие священные книги. По большому счету, масонство — это попытка унифицировать человеческие знания, чтобы с их помощью познать мир.

Хотя и известно, что многие исторические деятели были масонами, сложно отнести их поступки к участию в мировом заговоре. Есть версия, что масон Якоб Брюс навел Петра I на мысль о преобразованиях. Многие декабристы тоже были масонами, их притягивал богоборческий дух масонских собраний, здесь они находили товарищей-революционеров. При этом и сам император Александр I был масоном. Следовательно, можно сделать вывод, что смысл масонства не в революционной и подпольной деятельности, а в чем-то другом — том, что объединяет людей разных стран и эпох, взглядов и верований.

Сегодня в мире насчитывается около 10 миллионов масонов, объединенных в несколько десятков масонских лож. Крупнейшими из них являются «Великий Восток Франции» и «Объединенная Ложа Англии». Фактически, датой основания масонских лож считают 1717 год, когда все существовавшие на территории Англии ложи объединились в Большую Ложу.

Все масонские организации закрыты для посторонних и цели свои не разглашают. Некоторые исследователи считают, что масонство

представляет собой новую постхристианскую религию, которая возникла на волне атеизма как отзыв на потребность человека к познанию таинств мироустройства. Из этого следует, что масонство — это некая тайная политико-религиозная организация. Благодаря закрытому характеру лож и отрывочным сведениям об их деятельности (масоны не ведут подробной документации, и поэтому их историю можно воспроизвести только при помощи исследования оставленных символов в памятниках литературы, архитектуры, истории, а также по следственно-причинному ряду) история этого движения остается плохо изученной. Более того, никто не сможет доказать, что история масонства развивалась именно так, а не иначе. И всегда найдется соблазн что-либо приписать масонам или что-нибудь отнять, оспорить их причастность или непричастность к тому или иному историческому событию. Поэтому и историю масонского движения в Украине следует воспринимать лишь как версию или гипотезу, поскольку многие материалы не могут пока в силу разных причин стать достоянием широкой общественности.

В Украине масонство возникло во времена Богдана Хмельницкого. Его соратник Юрий Немирич (кальвинист по вероисповеданию, учившийся в Оксфорде и связанный со многими представителями ученого мира) якобы и стоял у истоков украинского масонства. Некоторые исследователи находят в Гадяцком трактате, подготовленном Немиричем и гетманом Иваном Выговским в 1658 году определенные масонские нотки. Масоны появляются и в окружении гетмана Ивана Мазепы. Однако теория существования масонства в Украине в столь раннюю пору может быть воспринята лишь как гипотеза. Более вероятной является версия, согласно которой первые украинские масоны появляются в среде послемазепинской эмиграции (отец и сын Орлики, Андрей Войнаровский и другие). Именно тогда — в начале XVIII века — масонство проникло и в Московское государство с уже упомянутым ближайшим сподвижником Петра I Якобом Брюсом.

Существует также версия, что создать свою мощную ложу в Украине удалось только к концу XVIII века, и прежде всего благодаря стараниям известного философа Григория Сковороды. Тогда масонские идеи распространились среди множества казацких шляхетских родов, и они, даже находясь под российским

владычеством, ощущали себя частью европейской культуры. В это же время появился и проект «Украина», который стал следствием стараний украинских масонов, желающих сохранить самобытность и идентичность своей родины. Согласно одной из версий, «Украиной» первоначально называлась одна из лож на Левобережье, которая вскоре стала пропагандировать это название вместо широко распространенной благодаря стараниям официальных российских властей формы «Малороссия». Недаром представитель старого шляхетского рода Василий Капнист, один из деятелей масонского движения, в 1791 году ездил с романтической и даже утопической миссией ко двору прусского короля, прося о военной помощи для освобождения Украины.

По другой версии, первой украинской ложей стала киевская ложа «Бессмертие». Основанная в 1784 году российскими офицерами, она была связана не столько с российским, сколько с польским масонством, поскольку подчинялась «Великому Востоку Польши». В тот же период появляются первые ложи и в Галиции, в частности ложа «Новая Польша». Следует отметить, что во второй половине XVIII века лож в Украине было не более десяти и все они испытывали сильное польское влияние.

К сожалению, о ложах 40—70-х годов XVIII века известно крайне мало. Одной из блистательных фигур той эпохи и, пожалуй, самым известным украинским масоном является последний украинский гетман, граф Кирилл Григорьевич Разумовский — друг Ломоносова, Сквороды, Моцарта, известный остро слов, философ, покровитель наук и искусств. Вокруг него образовалась группа реформаторов-масонов из украинских шляхтичей: секретарь гетмана Мартос, влиятельные шляхтичи Кочубей, Дараган, Закревский, Полетика, Апостол, Гамалия, Капнист, Родзянко, Ханенко. Они мечтали о превращении казачества в рыцарский орден, пытались создать первый в Украине университет, возродить древние вольности, ввести в Украине наследственное гетманство рода Разумовских.

Императрица Екатерина II была серьезно обеспокоена деятельностью «украинских реформаторов», увидев в их начинаниях попытку развала империи. В 1764 году она ликвидировала автономию Украины и гетманскую власть и запретила деятельность масонских лож. Хотя Кирилл Розумовский после этого и отошел от «большой

политики», он продолжал покровительствовать наукам. Среди «птенцов» Разумовского были выдающиеся ученые — Григорий Сковорода и Семен Десницкий. О первом известно, что масоном он стал еще в 1750-е годы и принадлежал к ложе «Бессмертие», а также то, что его философское учение является по своей сути масонским. О Десницком известно меньше: сын казака из Нежина обучался в университете в Шотландии, где был принят в масоны, а впоследствии стал основателем российской юриспруденции и пытался провести судебную реформу в Российской империи.

В большинстве своем представители казацкой шляхты приобщились к масонским ложам во время учебы в европейских университетах. В самой Украине масоны принимают в свои ряды не только влиятельных и богатых людей. Превыше всего ценились ум, порядочность, интеллигентность. Всеми этими качествами обладал потомок казацкого рода, ученик Г. Сковороды, выдающийся философ-мистик Семен Гамалия. Масонами были также и другие ученики Сковороды: литератор и историк М. Антоновский, ректор Московского университета, создатель отечественной агрономии А. Прокопович-Антоновский, биограф своего учителя М. Ковалинский.

Даже находясь под официальным запретом, масоны продолжали открывать в Украине новые ложи. Этому способствовал приток иммигрантов-французов (многие из которых были масонами), бежавших от ужасов революции, а также поляков-масонов, расселившихся по Украине после раздела Польши. В 1780—1790-х годах по две ложи существовало в Кременчуге, Дубно, Житомире и Клеве. Расцвет же масонства пришелся на времена правления Павла I. Интересно, что будучи масоном, Павел был убит масонами, среди которых были и его два старших сына Александр и Константин. Масонству благоволил и бывший канцлер Российской империи Александр Безбородько, который, как считается, содействовал украинским масонам в их попытках создать в Украине мощную ложу.

В начале XIX века принадлежность к масонам стала неотъемлемым правилом хорошего тона в среде украинских аристократов. Появились «Волынская ложа» на Волыни, ложа «Иордан» в Феодосии (один из основателей — знаменитый граф Ланжерон), ложи в Буцкивке, Виннице, Екатеринославе, Каменец-Подольском, Кременчуге, Луцке, Немирове, Нежине, Николаеве,

Одессе, Остроге, Полтаве, Харькове, Чернигове и других городах (только в провинциальном Каменец-Подольском насчитывалось около 100 масонов).

На Слобожанщине масонство было представлено «Палицынской академией», в которую входили последователи Г. Сковороды. С масонством было связано и «Малороссийское тайное товарищество». Это общество, созданное масоном В. Лукашевичем, ставило своей целью возрождение независимости Украины. Оно поддерживало связи с тайными польскими организациями, с декабристами, с профессурой Клева, Харькова, Нежина.

В Харькове первые масоны появились после приезда туда в 1764 году профессора Московского университета, мистика Виганда. Да и сам университет в Харькове был во многом создан стараниями масонов. К харьковской ложе «Умиравший сфинкс» принадлежали попечители Харьковского университета З. Карнеев и А. Перовский (наследник рода Разумовских), а также выдающийся украинский писатель П. Гулак-Артемовский, в 1841 году ставший ректором Харьковского университета.

В харьковской ложе доминировали идеалы Сковороды. По легенде, Гулак-Артемовский, будучи Великим мастером харьковской ложи, создал проект идеальной Конституции и завещал положить его в могилу вместе со своим телом — мол, когда человечество, наконец, достигнет понимания высоких идеалов масонства, тогда Конституцию можно будет извлечь и использовать с пользой для общества.

Полтавская ложа «Любовь к истине» объединяла аристократов и деятелей искусства. Среди ее членов были: В. Капнист — известный поэт и общественный деятель,

В. Григорович — преподаватель Академии художеств, А. Величко — выдающийся математик, И. Котляревский — основоположник новой украинской литературы. Ложу посещали некоторые высшие чиновники канцелярии малороссийского генерал-губернатора М. Репнина, а также предводители дворянства. Сам М. Репнин, очевидно, тоже принадлежал к масонам, недаром он имел репутацию либерала и «украинского автономиста». Он был женат на дочери гетмана-масона К. Разумовского, покровительствовал И. Котляревскому и Т. Шевченко.

Киевская ложа «Объединенные славяне» основой своей деятельности сделала пропаганду славяно-федералист-ских идей,

выступала за государственность славянских народов. Среди 84 членов ложи были князья: С. Волконский, А. Лобанов-Ростовский, П. Трубецкой; графы:

М. Гудович, А. Кубинский, В. Мусин-Пушкин, Г. Олизар. Кроме них в эту ложу входили три генерала, десять полковников и подполковников, три профессора.

В Одессе расцвет масонского движения пришелся на период с 1817 по 1822 год. Одесская ложа «Понт Эвксинский», насчитывавшая около двухсот членов, стала одной из самых многочисленных лож в Российской империи. Формировалась она в среде одесских интеллектуалов, преимущественно профессоров и преподавателей, так или иначе связанных с Ришельевским лицеем и Коммерческой гимназией, а также купцов французского, швейцарского, немецкого, итальянского, греческого происхождения. Много было выходцев из Харькова, где в начале XIX века был открыт университет и где уже действовала влиятельная масонская ложа.

В 1818 году граф Ланжерон создал новую ложу «Три царства природы — Друзья природы» (есть данные, что ложа под таким названием существовала еще в 80-х годах

XVIII века), которая, в отличие от «Понта Эвксинского», не только объединяла научно-просветительские силы, но и работала с «братьями высших степеней». Сохранились отрывочные сведения о том, что в Одессе с 1810 года существовала законспирированная тайная масонская ложа — филиал петербургской ложи «Нептун». А в 1824 году к одесским масонам присоединился Кирилл Разумовский (граф, внук гетмана Украины), который после заточения в суздальском монастыре был сослан в Одессу за вольнодумство и «украинскую фронтду» (он активно выступал за автономию Украины).

В начале 1820-х годов масоны захватили первостепенное положение в Одессе, намереваясь создать здесь образец города будущего. Особое внимание они уделяли воспитанию молодого поколения, созданию европейской системы образования, открытию лицеев и университетов.

В 1822 году указом российского императора Александра I масонские ложи были окончательно запрещены. Долгое время считалось, что на этом история масонства в Украине закончилась. Но в действительности масонство ушло в глубокое подполье и фактически

отказалось от системы лож в Украине. Масонские мастера проводили посвящение считанных новичков и держали в строжайшей тайне информацию о масонстве.

Несмотря на приверженность монархии, масоны поддерживали декабристов. После войны 1812 года появилось много недовольных дворян, которые обратили свою энергию к масонству. Тогда возникли новые ложи: в Каменке на Черкасщине, в Умани, в имении графа Волконского. Кстати, уманская ложа, малоизвестная и малоизученная, была русско-украино-польской. Ее деятельность неразрывно связана с именем графа Потоцкого, основателя знаменитого парка «Софиевка», насыщенного масонской символикой и идеями Великой Польши. После смерти Потоцкого ложа не потеряла своего антиимперского характера и стала одним из центров формирования декабристского движения. Помимо этого, члены ложи принимали активное участие в организации польского восстания 1830–1831 годов, а впоследствии — и в организации польского эмиграционного правительства во Франции — так называемой «среды гостиницы Ламбер». Маленький провинциальный городок Умань, равно как и Каменка, был удобным местом конспиративных собраний.

Есть основания считать, что знаменитое Кирилло-Мефодиевское братство также находилось под масонским влиянием. Посвященными в масонские тайны были П. Кулиш, Т. Шевченко, Н. Костомаров и другие. В частности, прослежена их связь с известным масоном Михаилом Чайковским. Известно, что Тарас Шевченко находился под его литературным влиянием и передавал ему рукопись «Гайдамаков», сюжет и ряд фактов для которых заимствовал из романа Чайковского «Вернигоры».

В Галиции, в частности во Львове, действовали одновременно несколько лож. Масонская ложа «Новая Польша» объединяла и немцев, и украинцев, и поляков. Среди видных масонов Галиции называют имя и Ивана Франко (ложа «Сарматия»), а его хрестоматийное произведение «Каменярь», которое долгое время считалось примером революционного творчества поэта, на самом деле является программой развития масонского движения. В 1899 году Франко основал Национально-демократическую партию, в которой на протяжении сорока лет доминировали масоны.

Галицкие масонские традиции в центральной Украине попытался привить Михаил Грушевский. Он входил в ложу «Рада», члены которой создали Украинский национальный комитет, возглавивший революционную борьбу против масона же Павла Скоропадского в ноябре 1918 года. Во время революционных событий начала

XX века украинские масоны активно занялись политикой — они приняли участие в строительстве независимого Украинского государства 1918–1920 годов. Масонами были Председатель Украинской Центральной Рады, первый Президент Украины, историк Михаил Грушевский, глава Гайдамацкого Коша Слободской Украины Симон Петлюра, гетман Павел Скоропадский. Существует версия, что внутри масонского движения был раскол, который ознаменовался разгромом Петлюрой гайдамаков Скоропадского. Симон Петлюра был провозглашен Великим мастером «Великой Ложы Украины», но бывший лидер киевских мартинистов (членов киевского отделения одной из московских лож) масон Симон Мокротун обвинил его в прогерманской политике и в причастности к погромам в Украине. В итоге в 1923 году конвент Международной масонской ассоциации отклонил просьбу «Великой Ложы Украины» о приеме. Интересно, что сам Мокротун в годы революции занимал скромную чиновничью должность. В этом тоже проявляется одна из особенностей масонства: человек, занимающий высокое положение в ложе, может в обычной жизни быть абсолютно незаметным обывателем.

После создания Советского Союза масонство на территории Украины практически исчезло. Большинство масонов покинули страну и устремились на запад. Сталин и Гитлер преследовали масонов, хотя те все же наивно полагали, что если при «вожде народов» выжила церковь, то может существовать и масонство.

В эмиграции украинские масоны иногда подавали признаки активности. В 1937 году, например, пошел слух о принятии в ложу гетманича Даниила, сына эмиграционного гетмана Павла Скоропадского и наследника украинской булавы. Но реально говорить о том, что масоны и в дальнейшем на протяжении полувека играли какую-то важную роль, не приходится.

Существуют ли масоны в Украине в настоящее время? Да, существуют. Их достаточно много — в среде политиков, экономистов, бизнесменов, банкиров, журналистов, писателей, дипломатов. Их

деятельность не афишируется, сами они предпочитают находиться в тени. Действуют масоны, объединяясь в ложи разной направленности. Основными центрами развития масонства традиционно являются Клев, Львов, Одесса, Харьков. В 1993 году в Париже была открыта ложа для Клева «Три колонны», а в 1998-м она переехала в украинскую столицу. В том же году в Харькове появилась ложа «Феникс Украины», в 1999 году открылась ложа во Львове, в 2000-м — в Одессе. В 2001 году на базе этих четырех лож и в рамках «Великой Национальной Ложи Франции» был создан Дистрикт (Провинция) Украины.

7 февраля 1998 года «Регулярная Великая Ложа Италии» открыла в Одессе ложу «Хирам 25». В течение нескольких месяцев итальянцами были созданы еще несколько лож: «Новая Атлантида 117» в Клеве и «Космополитан 119» в Одессе. На базе вышеперечисленных лож и под протекторатом «Регулярной Великой Ложи Италии» была сформирована «Великая Ложа Украины», которую возглавил Великий Мастер, ректор Одесского медицинского университета Валерий Запорожан. Как видим, одна из ветвей украинского масонства решила действовать вполне открыто. Время от времени в прессе появляются сообщения о деятельности этой ложи. В остальных ложах придерживаются старого правила: масон может говорить о своей причастности к деятельности ложи, но не может называть имена товарищей. Поэтому точный список всех масонов Украины и в дальнейшем будет оставаться за семью печатями.

Надо сказать, что Великие Ложи США, Канады, Европы, Латинской Америки, России, Турции, Франции, Израиля, Германии пока не признали Великую Ложу Украины, что осложняет для ее членов дальнейшее посвящение.

О роли и влиянии масонов на Украине говорить пока рано. Но известно, что членами Великой Ложи Украины являются видные общественные деятели и богатые бизнесмены. Ложа стремится к популярности и массовости. Близкий к масонству «Ротари-клуб» также весьма активен в Украине, центр его деятельности находится во

Львове. Среди членов клуба можно встретить не только бизнесменов, журналистов, политиков, медиков, но и священников. Однако все современные украинские ложи малочисленны.

Конечно, не стоит наделять украинское масонство сплошь негативными характеристиками: из истории мы знаем, что многие наши выдающиеся соотечественники состояли в различных масонских братствах, что не препятствовало творению ими добра. Как справедливо заметил знаток предмета публикации Андрей Моржковский, само по себе масонство не может быть ни плохим, ни хорошим. Это всего лишь инструмент для сотворения добра или зла. В среде масонов зачастую приходят думающие, успешные, успевшие многое сделать, известные широким массам люди. Участие в движении дает им возможность морального самоочищения и самосовершенствования, общения с равными себе людьми, оказания карьерной взаимопомощи во имя общих целей.

Как видим, масоны в мире, в том числе и в современной Украине, своей деятельности не прекращают. С ними не смогли совладать ни церковь, ни официальные власти, ни борцы с тайными организациями и всяческими вымышленными «заговорами». Более того — масоны не потеряли своего таинственного шарма и продолжают будоражить умы общественности. Одни масонов боятся, другие стараются попасть в их братство, третьи же просто молча работают в масонских ложах, совершенствуясь сами и постигая суть человека и Бытия, а также пытаясь усовершенствовать мир, в котором они живут.

А украинским «профанам» (так масоны называют непосвященных) остается только гадать, что же изображено на пятисотгривневой купюре: символ масонов — глаз в треугольнике и в круге — лучезарная дельта, или, как ее еще называют, всевидящее око, либо же это авторский рисунок Григория Сковороды — «Пифагоров треугольник».

Загадки исторических привидений

Мнение о том, что легенды о привидениях, населяющих старые монастыри и дворцы, можно рассматривать только как паранормальные явления, не совсем верно. Даже если все это сказки, у каждой из них имеется историческое происхождение. В подавляющем большинстве случаев — реальный исторический прототип. А узнать, существовал ли этот человек в реальной жизни — это уже работа для любителей разгадывать разного рода исторические загадки.

В этой связи Львов является если не единственным, то, пожалуй, одним из немногих городов, жители которого не смеются над вами, если вы верите в привидения и побаиваетесь их. Более того, в этом древнем городе призраки и духи представляют собой нечто вроде музейных экспонатов. Их оберегают, холят, лелеют, знают все их привычки и причуды. Насколько это возможно, мы судить не беремся. Потому просто расскажем о нескольких наиболее «популярных» привидениях старого Львова.

Одно из них обитает в Доминиканском соборе. Сейчас здесь находится Музей истории религии. Монаха-доминиканца в белом плаще с черным крестом на спине сотрудники музея наблюдают уже лет десять, с тех пор, когда ученые откопали здешнее подземелье. Белый монах обходит подвалы, появляется на хорах, проходит в замурованную библиотеку.

По словам сотрудницы музея Ирины Вовк, не нужно искать здесь никаких сенсаций и дешевых чудес: «Аттракциона не получится, фильма ужасов — тоже, — говорит она в одном из интервью журналистам газеты „День“. — Монах относится к людям пока дружелюбно, ничего плохого не делает, просто обходит, так сказать, свою территорию. Потому мы стараемся по возможности его оберегать. Мы уже знаем все признаки его появления в помещении. Например, начинает отодвигаться портьера. Можно подобное движение списать на сквозняк, только дело все в том, что в помещениях, которые облюбовал для себя призрак, сквозняков быть не может. И портьера отодвигается сбоку — так ее отодвигает человек, когда хочет войти в комнату. Еще пример: иногда по понедельникам,

когда я прихожу на работу, нахожу цветы свежеспелыми. Мне тяжело дотянуться до цветочных горшков. А в замурованном помещении под хорами слышны его шаги».

Призрак монаха-доминиканца обитает в темноте подземелья, где сейчас расположены книжные фонды собора. Хотя сами хранители ни разу не видели белое привидение, они не могут найти логическое объяснение тому факту, что время от времени с верхней полки слетает вниз книга, которая плотно утрамбована среди прочих. А за первой книгой падает вторая, третья. Самое странное — книги падают без определенной системы. Когда захотели, тогда и упали. Могут не падать неделями, а потом слетать с полки несколько дней подряд, а случается — и несколько раз за день. Видимо, все зависит от настроения призрака.

Милиционеры, которые по ночам дежурят в музее, признаются — им бывает страшно пройти даже в туалет. Ночью в темноте собора слышны отзвуки невидимой службы. Причем поет хор на латыни. Во всяком случае, так считают те, кто слышит это пение регулярно. Хотя как звучит «мертвый» латинский язык вживую, никто из молоденьких милицейских сержантов не знает. Каждый раз «служба» продолжается около трех часов, после чего наступает тишина. А однажды через некоторое время после окончания «службы» на одного из милиционеров вышел белый призрак, причем монах прошел сквозь закрытые двери.

Конечно, из-за того что в Доминиканском соборе поселилось привидение, никто не станет снимать отсюда пост охраны. По свидетельствам милиционеров, они уже привыкли, поняли, что призрачный монах не представляет собой смертельной опасности, и решили завести специальный журнал, в который будут записывать все чудачества здешнего бестелесного старожилы. Допустим, время начала и время окончания «службы». Ведь по странной потусторонней логике она всякий раз начинается в разное время, пускай эта разница и составляет всего плюс-минус полчаса. Или же однажды один постовой зафиксировал случай, когда за дверью запертой и опломбированной комнаты всю ночь стучала пишущая машинка.

Но пока белое привидение Доминиканского собора никто не собирается всерьез изучать или изгонять. Правда, его постоянному присутствию в стенах собора есть традиционное для таких случаев

объяснение: видимо, душу какого-то согрешившего при жизни доминиканца никак не примет Господь.

История следующего львовского призрака имеет под собой вполне реальную основу. В XV веке муниципалитет Львова несправедливо осудил юношу и приговорил его к смертной казни через отрубание головы. Он молил о пощаде, кричал: «Я невиновен!», но судьи были глухи к его мольбам. После того как палач сделал свое дело, по зданию городской ратуши начал летать гроб с телом несчастного. Так продолжалось три ночи подряд. Наконец дело казненного вернули на исследование, разобрали еще раз, и только тогда поняли: осужден невинный человек. Как только юношу публично оправдали на городской площади, гроб больше не летал. Однако с тех пор (и даже, поговаривают, поныне) отчаянный крик обезглавленного слышен в стенах ратуши всякий раз, когда городскими чиновниками допускается бесчинство.

А во Львовском историческом музее есть еще один любопытный экспонат: черное немецкое кресло работы XIX века. Оно имеет весьма странную форму и не менее любопытный инвентарный номер — 313. Якобы в свое время на этом кресле сидел Князь Тьмы во время проведения сатанистами своих черных месс. Как оно попало в музей — непонятно. Но самое неприятное во всем этом открытии — оказывается, кресло дожидается своего хозяина. Чем не сюжет для мистического романа? Правда, самого Князя никто не видел во время обрядов. Оно и понятно: не станет же он показываться на глаза без причины. Кресло в самом деле непростое. Если его поставить на возвышенное место и сесть в него, то благодаря эффекту удлиненной спинки покажется, что над головой сидящего вырастают рога, а меж ногами — драконий хвост. Между этими «рогами» сатанисты размещали отрубленную голову, а под ней ставили таз для крови.

Один из сотрудников музея провел эксперимент: лунной ночью поставил Трон Сатаны под лунное сияние, глянул под определенным углом и обомлел: под тем местом, где обозначены рога, вырисовывались очертания лица, которое постоянно меняло выражение также благодаря удлиненной спинке.

«Чертово кресло» пытались изучать экстрасенсы. Один из них дотронулся до «хвоста» и сильно ожег руку. Другие исследователи выявили, что кресло якобы обработано специальными препаратами и

если с определенного места посмотреть на него через ультрафиолетовый луч, то можно разглядеть на нем какую-то фигуру. Эксперимент не проводили: слишком дорогостоящее оборудование для этого нужно, да и возни много. Трон Сатаны оставили в покое, и его можно увидеть сейчас в зале королевских ценностей Львовского исторического музея. Смотрители и экскурсоводы говорят, что посетители этого экспоната побаиваются.

Еще один примечательный объект — здание по улице имени Ивана Франко, 152. Здесь находится Дом-музей Каменяра. Поговаривают, что этот дом построен в геопатогенной зоне. Раньше здесь были болота, и вообще здешний участок земли не предполагалось застраивать. Но поскольку и стоил он недорого, то Франко, мечтавший о собственном доме, купил его и принялся за строительство. Оно «съело» немалое количество денег: грунт все время оседал. Кстати, руководила постройкой жена писателя Ольга Федоровна, страдавшая шизофренией.

Возможно, неблагоприятностью расположения и, мягко говоря, не совсем адекватным состоянием супруги писателя объясняется присутствие в нем духов. Вернее, одного духа — духа самого писателя, классика украинской литературы. Еще при жизни Франко в этом доме его посещали галлюцинации, и сам Иван Яковлевич признавался: «Духи приходят в мою комнату через окна, через двери, садятся возле меня на постель. Слышали бы вы наши разговоры! У них другая психика, они интересны мне и одновременно мешают — железными крюками калечат мне ребра». Эти и другие видения Ивана Франко описывает в своих воспоминаниях о писателе его современница Елена Гвоздикова. Но теперь, говорят, все духи, кроме духа хозяина, оставили этот дом.

Одним из наиболее крупных специалистов по львовским духам и призракам считается известный писатель Юрий Винничук. Его книгу «Легенды Львова» можно считать самым настоящим путеводителем по темным закоулкам и параллельным мирам старого города. Но и сам

Винничук не был их первооткрывателем. Он просто продолжает дело своих предшественников, в частности писателя Стефана Грабинского, который, в свою очередь, тоже записывал и пересказывал львовские «страшилки» с чужих слов.

О загадочных львовских привидениях известно достаточно много, хотя тайны их появления до сих пор не разгаданы. Потому возьмем на себя смелость переместиться в Чернигов, в не менее знаменитые Антониевы пещеры. Оказывается, это историческое место тоже может привлечь желающих изучать паранормальные явления. Тем более что загадки Антониевых пещер более древние, чем львовские, — как, собственно, Чернигов — более древний город, нежели Львов.

Первые пещеры в столице Чернигово-Сиверского княжества были выкопаны первыми монахами еще на заре христианства — в XI веке. Возраст самых молодых пещер — менее сотни лет. Их датируют 1919 годом. Точного ответа на вопрос, сколько всего пещер в Чернигове, нет. Однако учеными доказано: почти все они имели культовое предназначение. Там были и отдельно расположенные кельи монахов-затворников, и целые подземные монастыри, включавшие в себя большое количество подземелий. Но все-таки самыми известными остаются Антониевы пещеры Троицкого Ильинского монастыря, который сейчас является частью Черниговского национального архитектурно-исторического заповедника «Древний Чернигов».

Уже не одно поколение исследователей волнует информация о странных явлениях, которые происходят в пещерах. Впервые то, что называют чудесами, было замечено больше тридцати лет назад, когда члены городской спелеологической секции начали исследование этого уникального памятника истории и попытались узнать, какие же тайны он хранит. Уже на первых этапах работы исследователи начали замечать непонятные явления. То внезапно чувствовался запах ладана, то появлялось ощущение, будто кто-то движется за спиной. Можно списать все это на обычный человеческий страх, но у всех участников экспедиции имелся солидный опыт работы под землей в многокилометровых лабиринтах. Потому всему происходящему пытались найти прежде всего земное объяснение. Например, что где-то в пещерах обосновалась религиозная секта. Дело в том, что традиции пещерного культового проживания сохранились в Чернигове и его окрестностях и имели место еще в 50-е годы прошлого века.

Но 7 февраля 1970 года, когда в процессе работы закончились свечи, один из спелеологов пошел за ними в церковь Николая Святоши. Двигаясь в полной темноте, он вдруг увидел перед собой то, чего в принципе быть не могло: возле кельи Антония стоял человек в

длинной одежде. Решив, что это галлюцинация, спелеолог закрыл глаза. Когда открыл — видение исчезло. Но когда он добрался до алтаря, за которым должны были лежать свечи, то оказалось, что они тоже исчезли. На обратном пути спелеолог снова увидел ту же человеческую фигуру на том самом месте. Небольшое уточнение: двигаться приходилось в абсолютной темноте, потому видеть хоть кого-то было в принципе невозможно. Тем не менее, очевидец клянется, что очертания человеческой фигуры он различил отчетливо.

Позже, анализируя происходящее, ученые пришли к выводу: люди, находясь в этих пещерах, испытывают некоторое влияние со стороны неведомых сил. У кого-то возбуждение резко сменялось апатией. У кого-то, наоборот, возникал прилив энергии. Некоторые жаловались на головную боль, а у сердечников переставало колоть в сердце.

Однажды с помощью электромагнитных приборов исследователи пытались обнаружить неизвестные ранее подземелья. Разбросав по всему комплексу сеть проводов и датчиков, специалисты «прощупали» каждый сантиметр стен, потолков, полов и склепов. Информация, которую выдавали приборы, не поддавалась научному объяснению. Единственное, с чем решили согласиться ученые, — в этом месте действительно отмечается повышенная энергетика. Ведь именно такие места выбирали для храмов монахи.

Летом 1995 года, когда на территории монастыря велись археологические работы, преподаватели и студенты истфака Нежинского пединститута не только наблюдали фигуру в длинных черных одеждах, но и видели также густой туман в тупиковом ходе возле церкви Николая Святоши. Из тумана вырисовывались бородатое лицо и другие человеческие черты. Видения продолжались час-полтора в течение нескольких дней. Его видели многие, а местный художник Владимир Зинченко даже зарисовал. Когда туман рассеивался, некоторое время можно было наблюдать газовой-световой эффект.

Кем может быть этот монах и каким образом его судьба повлияла на историю Антониевых пещер, остается только догадываться. Но в наше время можно делать самые смелые предположения относительно «биографии» того или иного необъяснимого явления.

**В вихрях революций и войн, во времена
независимости**

Смерть в Киеве, или Загадки убийства Петра Столыпина

1 сентября 1911 года в Киевском оперном театре произошло покушение на премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина. Через четыре дня он скончался. Стрелял в премьера некто Дмитрий Богров. Для суда и российской общественности его поступок так и остался загадкой, хотя версий и мотивов покушения было высказано предостаточно. Убийство Столыпина в Клеве иногда сравнивают с убийством Джона Кеннеди в Далласе. Несмотря на очевидные различия между царским премьер-министром и американским президентом, общее состоит в том, что некоторые обстоятельства их гибели до сих пор остаются тайной.

Петр Столыпин

Дмитрий Богров

Начало XX века стало для России временем смут и потрясений. После тяжелого и позорного поражения в русско-японской войне 1904–1905 годов и неудавшейся революции в стране царил хаос и террор. Общество (особенно молодежь) было заражено вирусом революции. При этом многие откровенно уголовные элементы просто прикрывались идеями всеобщего равенства и братства. Обыкновенные налетчики называли себя социал-революционерами, а уличный разбой — экспроприацией для партийных нужд.

Именно в это время, когда стране был необходим человек решительный, целеустремленный и непреклонный, прямо противоположный по своим качествам правившему тогда императору Николаю II, на политической арене России появился Петр Аркадьевич Столыпин. До прихода в высшие эшелоны власти он уже неоднократно проявлял себя на государственной службе. Окончив в 1885 году естественный факультет Санкт-Петербургского университета, он год проработал в министерстве земледелия, потом принял должность предводителя дворянства в Ковенской губернии.

В 1902 году Столыпин стал губернатором Гродненской, а уже через год Саратовской губернии. Именно в Саратове его застала первая русская революция, и здесь же начался стремительный рост его карьеры. Петр Аркадьевич руководил подавлением крестьянских волнений, применяя при этом не только рейды казаков, но и прямые обращения к народу. Необходимо отметить, что действовал он жестко, но без лишней крови.

Но доверие местных жителей Столыпин завоевал не этим. Он принимал живейшее участие в деятельности местных благотворительных учреждений. Например, «Отдел попечительства государыни Марии Федоровны о глухонемых» избрал его своим почетным членом. Таким неожиданным образом Столыпин получил протекцию матери царя. Его усердие и успехи в борьбе с революцией не остались незамеченными. Николай II сам расчистил ему дальнейшую дорогу наверх, отправив в отставку правительство Витте. В апреле 1906 года Столыпин стал министром внутренних дел, а менее чем через три месяца — председателем Совета Министров. На его плечи лег тяжелейший груз — борьба с революцией и проведение в стране реформ.

Работа Столыпина на этом посту стала в прямом смысле слова «жизнью под прицелом». Покушения на премьера начались с самого момента его назначения; по разным оценкам, их было от восьми до восемнадцати. Уже самое первое покушение поражало своим размахом и последствиями. 12 августа 1906 года к подъезду дачи премьер-министра подъехал экипаж с тремя мужчинами. Двое из них были в форме жандармских офицеров, еще один — в штатском. Двое «жандармов» (у одного был увесистый портфель) попытались пройти к Столыпину, но их остановили. Завязалась драка с охраной. В этот момент прогремел мощнейший взрыв. Под развалинами дома было обнаружено 27 трупов (включая и двух террористов), 32 человека были ранены (среди них 14-летняя дочь и 3-летний сын премьера). Сам же Петр Аркадьевич не пострадал.

Уже 19 августа 1906 года на этот террористический акт последовал жесткий ответ правительства: был принят указ о военно-полевых судах. Рассмотрению их подлежали такие дела, когда совершение «преступного деяния» являлось «настолько очевидным, что нет необходимости в его расследовании». Судопроизводство совершалось в течение 48 часов, а приговоры исполнялись в 24 часа. Только в 1906–1907 годах по решению таких судов было казнено (в основном через повешение) 1102 человека, до 1909 года — 2964. Для страны, в которой смертная казнь до этого долгое время применялась в исключительных случаях, это было самым настоящим шоком. С той поры в народе виселицу и стали называть «стольпинским галстуком», а тюремные вагоны и до сих пор называют «стольпинскими». Премьер

подтвердил репутацию жесткого политика, но во многом благодаря его усилиям революция была подавлена. Только вот смута в стране осталась, а специалистов по этой части в ней всегда хватало...

В 1907–1909 годах Столыпин фактически единолично определял всю правительственную политику. Провозгласив курс социально-политических реформ, первой он начал проводить аграрную реформу. Под его руководством был разработан целый ряд крупных законопроектов: по реформе местного самоуправления, введению начального образования, закон о веротерпимости, новый избирательный закон и др. Поначалу благодаря этому он приобрел широкую популярность в стране. Но по мере того как реформы вступали в силу, стало нарастать недовольство его внутренней политикой. Премьера начали обвинять в заигрывании с либералами, в скрытом конституционализме, в разрушении крестьянской общины как основы самодержавия, в излишнем внимании к зажиточным крестьянам в ущерб помещикам. Независимая позиция Столыпина восстановила против него дворянство. Верхушка империи стремилась остановить реформирование страны и сохранить абсолютную монархию. А сам Николай II, если называть вещи своими именами, просто ненавидел премьера: он считал, что люди с сильным характером и железной волей «узурпируют» его власть, «оттирают его на второй план».

Все это привело к тому, что с 1909 года Столыпин оказался в опале. Первый серьезный конфликт с царем у него возник из-за того, что «верховный вождь армии» считал решение всех военных вопросов личной прерогативой. Царь демонстративно не утвердил проведенный через Госдуму законопроект премьера о штатах Морского генерального штаба.

В марте 1911 года разразился новый кризис: группа правых членов Госдумы с ведома Николая II провалила очередной законопроект премьера («О введении земства в западных губерниях»), что означало, по сути, выражение ему недоверия. И Столыпин был вынужден подать в отставку. Под давлением великих князей царь отставку не принял. Тогда премьер перешел к решительным действиям. Он добился удаления из Государственного совета своих оппонентов и заставил царя на три дня распустить обе законодательные палаты, а непринятый законопроект ввести в

действие царским указом. Правда, эта победа оказалась пирровой. В результате Столыпин потерял контакты с либеральной оппозицией, крайние правые были в ярости из-за изгнания их сторонников из Государственного совета, а Николай II затаил на напористого премьера злобу, которой и без того хватало с излишком.

Столыпина никогда не любили при дворе. Глава правительства требовал изгнать из столицы «святого старца» Григория Распутина. На что Николай II, вздохнув, ему ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Об этом разговоре узнала императрица Александра Федоровна. Она возненавидела премьера и также потребовала его отставки. Ходили слухи, что душой новой интриги против него был Григорий Распутин. Это он с усердием кликушествовал накануне его поездки в Клев: «Смерть за ним! Смерть за ним... за Петром!» Знал ли Григорий о том, что должно произойти в Клеве, или нет, но это пророчество сбылось.

На конец августа — сентябрь 1911 года в Клеве были намечены торжественные мероприятия: город готовился к приезду высоких гостей. Царь и его многочисленная свита должны были принять участие в проведении маневров Киевского военного округа, намечалось открытие в Клеве памятников Александру II и княгине Ольге.

В августе 1911 года, прервав свой отпуск, приехал в Клев и Столыпин. Ему сразу дали понять, что на этом празднике он лишний: премьеру не только не нашли места в царском автомобильном эскорте, но даже не предоставили казенный экипаж.

Киевская тайная полиция заблаговременно подготовилась к встрече высоких гостей. Были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Общее руководство охраной царя и его сановников было возложено на товарища министра внутренних дел (заместителя Столыпина), командира корпуса жандармов генерал-лейтенанта П. Курлова. Он прибыл в Клев с двумя помощниками — статским советником М. Веригиным и полковником А. Свиридовичем. Первый занимал должность вице-директора Департамента полиции, а второй заведовал охранной агентурой и считался одним из самых опытных жандармов. На счету полковника было немало раскрытых политических преступлений. Клев Свиридович знал как свои пять

пальцев, так как три года был начальником киевского охранного отделения. Полное содействие им оказывал начальник местной охранки подполковник Н. Кулябко.

На организацию охраны был ассигнован 300-тысячный кредит, откомандированы в помощь 189 жандармов и сотрудников центрального филерского отдела. Таким образом, в Клеве были собраны лучшие жандармы, филеры и тайные агенты не только из Москвы, но и из Риги, Кишинева, Минска, Харькова и даже Иркутска. Киевское регистрационное бюро занималось поголовной проверкой благонадежности горожан, проживавших вдоль предполагаемого маршрута императора. Владельцам домов и усадеб было предписано держать запертыми ворота, а к окнам и на балконы допускать только хорошо известных им лиц. Кроме того, по подозрению в принадлежности к партии эсеров было арестовано 33 человека. Задолго до торжественных мероприятий из Клева были высланы, арестованы или задержаны все подозрительные лица, состоявшие на учете в киевской охранке. На железнодорожном и речном вокзалах специальные агенты пристально следили за всеми, кто прибывал в город.

Во время поездок Николая II по окрестностям Клева предполагалось задействовать войска. Например, на протяжении 43-километровой дороги в Овруч через каждые 5 м в шахматном порядке были расставлены солдаты и конная стража. В самом Клеве была организована «народная охрана» из нескольких тысяч членов черносотенных союзов.

На официальные торжества допуск осуществлялся только по специальным пропускам. Устанавливалось 26 категорий таких пропусков, так что в непосредственной близости от государя и его сановников должны были оказаться только самые проверенные люди. Наибольшее внимание, конечно, уделялось безопасности царя, однако и генерал-губернаторский дом, где остановился Столыпин, также был взят в плотное кольцо охраны.

31 августа премьер вместе с другими министрами, которые сопровождали монарха, посетил киевский ипподром, а вечером принимал участие в праздничных гуляниях на склонах Днепра в Купеческом саду.

В письме матери-императрице Марии Федоровне Николай II писал: «...27 августа мы поехали в Клев, куда прибыли 29 утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный». Если бы император знал, что произойдет 1 сентября 1911 года...

За несколько дней до этого подполковник Н. Кулябко предложил М. Веригину и А. Свиридовичу присутствовать на его встрече с молодым помощником присяжного поверенного Дмитрием Григорьевичем Богровым, которого он охарактеризовал как проверенного и ценного секретного сотрудника по кличке «Аленский». Во время беседы Богров рассказал, что примерно год назад в Петербурге он встречался с неким Николаем Яковлевичем. Знакомство с ним завязалось через присяжного поверенного

С. Кальмановича и журналиста Е. Лазарева, известных своими связями с партией эсэров. В отношениях с ними Богров выдавал себя за революционера. На самом же деле выполнял задание начальника Петербургской охранки полковника М. фон Коттена.

Столичное знакомство якобы имело продолжение в Клеве. От «Николая Яковлевича» приходил связной и будто бы наводил справки о революционной деятельности Богрова и его политических убеждениях. Затем последовала просьба подыскать в Клеве квартиру на 3-х человек и моторную лодку. Из намеков «Николая Яковлевича» Богров понял, что готовится покушение на одного из высших сановников империи.

Жандармы выслушали сообщение агента «Аленского» с большим вниманием. Полковник Свиридович впоследствии рассказывал: «У нас всех троих сложилось впечатление в серьезности сообщенных им сведений, а также в том, что разоблачаемый им террористический акт должен коснуться личности государя императора». О сообщениях Богрова доложили генералу Курлову. Начались поиски «Николая Яковлевича», но результатов они не дали.

Был разработан план на случай появления террористов в Клеве. За домом Богрова установили наружное наблюдение. И вдруг 31 августа агент «Аленский» доложил, что ночью к нему на квартиру пришел «Николай Яковлевич» и девица «Нина Александровна». У них в багаже два браунинга и, возможно, бомба. Странно, что у ночных гостей не было ни фамилий, ни псевдонимов. И совсем непонятно, как

террористы незаметно попали в дом Богрова, за которым вели круглосуточное наблюдение несколько филеров.

Богров уточнил, что объектом покушения должен стать или Столыпин, или министр народного образования Л. Кассо. Террористы якобы просили достать билет в Купеческий сад на гуляние в честь царя и собрать точные приметы премьера и министра. Вечером Кулябко прислал своему агенту требуемый билет. Богров отправился в сад, но, по его словам, не смог выполнить задание террористов из-за большого наплыва публики. Непонятно, как высшие чины охраны не обратили внимание на столь странное поведение злоумышленников (если они вообще существовали).

Утром 1 сентября генерал Курлов встретился со Столыпиным и попросил его соблюдать предельную осторожность, но премьер отнесся к совету скептически.

Тем временем в номер Веригина в гостинице «Европейская» в 11 часов пришел Богров, который сообщил, что свидание террористов отложено и произойдет вечером на Бибиковском бульваре. На совещании у Курлова было принято решение, что Богров во время этой встречи подаст условный знак филерам, чтобы арестовать сразу всю группу. Но операция по какой-то причине не состоялась.

В девять часов вечера в городском театре в присутствии высоких гостей должен был состояться спектакль. Были приняты дополнительные меры безопасности. В этот день Столыпину вместо экипажа был подан автомобиль, на котором, не привлекая внимания, он приехал к боковому подъезду театра. Киевский губернатор А. Гире в своих воспоминаниях писал: «За театр можно было быть спокойным, так как публика, которую предложено было допустить туда, была строго профильтрована». Зрительный зал и подсобные помещения накануне тщательно проверили. Согласно акту осмотра, жандармы вскрыли пол, осмотрели бархатную обшивку барьеров и даже хрустальную люстру — не подпилили ли ее злоумышленники, чтобы обрушить на головы зрителей. В театр допускали по именным билетам.

Богров сказал, что террористы дали ему прежнее задание — выяснить приметы министров. Нелепость этого была очевидной — портреты Столыпина продавались на каждом углу. С этой целью агент «Аленский» отправился в театр. Вопрос о том, как же он получил

пригласительный билет, крайне запутан. Впоследствии полковник Кулябко утверждал, что билет был выдан по просьбе Богрова с разрешения самого генерала Курлова. Однако Курлов утверждал, что даже не подозревал о присутствии Богрова в театре. Таким образом, никто не мог вразумительно объяснить, не только с чьего разрешения, но и с какой целью был выдан билет. Была неуклюжая попытка объяснить, что агенту «Аленскому» дали инструкцию следить за залом и в случае опасности предупредить жандармов. Но каким образом это можно было сделать, если единственный террорист, которого он знал в лицо, был таинственный «Николай Яковлевич», который оставался дома в плотном кольце филеров?

Так или иначе, но примерно за час до начала спектакля Борову доставили билет № 406 в 18-й ряд партера. Допустив своего агента в театр, начальник охраны нарушил циркуляр Департамента полиции от 3 октября 1907 года, категорически запрещающий использовать секретных сотрудников для наружного наблюдения. Кроме того, была грубо нарушена «Инструкция об охране высочайших особ», согласно которой осведомители не допускались в те места, где присутствовал император.

В первом антракте Кулябко отослал Богрова домой посмотреть, не исчез ли «Николай Яковлевич». Агент вышел из театра, перешел на противоположную сторону Владимирской улицы, а затем вернулся назад. Его остановил дежурный жандармский офицер Гинзбург. Он обратил внимание на то, что контроль на билете Богрова уже оторван, и не пропускал его снова внутрь. Но тут вмешался Кулябко и лично провел осведомителя в театр.

Спектакль продолжался. Столыпин вместе с министрами сидел в первом ряду, от императора его отделяли всего пять кресел. Премьер был, как всегда, суров и сосредоточен. В продолжении всего спектакля за ним внимательно следили двое: начальник киевской охраны Н. Кулябко и сидевший в 18-м ряду смуглый молодой человек в модном фраке.

В антракте, после второго акта спектакля, Кулябко незаметным жестом пригласил Богрова следовать за ним. В коридоре у них состоялся короткий разговор, после которого «Аленскому» было приказано немедленно ехать домой. Богров направился к выходу, но пока Кулябко с кем-то разговаривал, за его спиной вернулся в зал.

Держа в руках программку, он медленно направился к сцене, возле которой премьер разговаривал с министром императорского двора бароном Фредериксом и графом Потоцким. Не доходя буквально двух шагов до премьера, Богров выхватил из кармана браунинг и навел его на Столыпина. Тот даже не пошевелился, он хорошо видел, как у молодого человека дрожит рука. Прогремели два выстрела. Одна пуля пробила руку премьера и, срикошетив, попала в ногу музыканта Берглера. Вторая попала в орден Святого Владимира на груди Столыпина, изменила при этом направление полета и вошла в правую сторону груди.

Террорист резко повернулся и направился к левому выходу. Создалось впечатление, что он шел не спеша, лишь втянул голову в плечи. Позади уже была половина пути к спасительному выходу. В зале поднялся страшный шум, раздались истерические крики: «Держи его!» В зал бросились зрители, среди которых были и генерал Курлов, и Кулябко. Их опередил полковник Свиридович: «Я вбежал в зал, по стульям достал до министра Столыпина, бросился к преступнику и замахнулся на него саблей». Через минуту элегантного молодого человека смяла толпа. Казалось, вот-вот произойдет самосуд. Жандармам с трудом удалось оттеснить убийцу от разъяренной толпы. Жандармский полковник А. Иванов перекинул террориста через барьер (есть версия, что он таким образом сорвал план охраны, согласно которому Богров должен был быть убит на месте покушения). К задержанному подбежал Кулябко и, взглянув в его залитое кровью лицо, прохрипел: «Это Богров». Из разорванного фрака убийцы извлекли браунинг, в котором было еще шесть патронов и удостоверение на имя присяжного поверенного.

Раненный двумя пулями П. Столыпин сохранял присутствие духа. По словам киевского губернатора Тирса: «Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: „Все кончено!“ Затем он грузно опустился в кресло». К раненому подбежали лейб-медик профессор Г. Рейн и доктор Афанасьев, потом генералы и министры. На балконе появился Николай

II. Столыпин повернулся к нему и поднял окровавленную руку, показывая жестом, что все нормально. Затем осенил крестным знаменем себя и царскую ложу и тихо произнес: «Счастливы умереть за царя и Отечество».

Столыпин был доставлен в больницу доктора Маковского. После консилиума появилась надежда на его спасение. От мгновенной смерти премьера спас крест Святого Владимира, из-за которого пуля не попала прямо в сердце. Однако она повредила грудную клетку, плевру и печень. Несмотря на все старания докторов и удачно сделанную операцию, 4 сентября состояние Столыпина резко ухудшилось, а на следующий день он скончался.

О смерти премьера Николай II узнал утром 6 сентября и сразу же поехал в больницу Маковского, где присутствовал на панихиде. На этом государь посчитал свою миссию законченной и в тот же день вместе со всей свитой отбыл из Клева.

А что же делала в это время охранка? Сразу же после ареста Богрова поступил приказ немедленно арестовать всех скрывавшихся у него в доме «злоумышленников». Вместе с филерами, сторожившими подъезд, жандармы ворвались в квартиру, но... все 12 комнат были пусты. «Где же ваши террористы?» — спросил ротмистр П. Самохвалов у старшего филера С. Демидюка. «Теперь ясно, что морочил он нас!» — последовал ответ.

Кем же в действительности был Дмитрий Богров? Зачем он совершил покушение, как оно могло произойти и кому было выгодно — все это по-прежнему остается до конца не проясненным.

Попробуем для начала разобраться с личностью убийцы. Дмитрий Григорьевич Богров (он же Мордка Гершкович) родился в 1887 году в богатой еврейской семье. Его отец, Григорий Григорьевич, по специальности был юристом, присяжным поверенным. Он считался видным представителем киевской элиты — на Бибиковском бульваре ему принадлежал солидный дом стоимостью в 400 тысяч рублей. Денег он на ветер не бросал и был довольно-таки скупым человеком.

В 1905 году Дмитрий поступил на юридический факультет Киевского университета, но из-за революционных событий вынужден был на год уехать на учебу в Мюнхен. Вернувшись на родину, в 1910 году он закончил университет. Отец устроил сына помощником

секретаря в один из многочисленных комитетов в Петербурге, но адвокатская работа не очень интересовала молодого юриста.

Одновременно с легальной жизнью у Дмитрия Богрова появилась другая — подпольная. Надо сказать, что в семье Богровых всегда господствовало критическое отношение к самодержавию, но если старшее поколение исповедовало умеренно-либеральные взгляды, то младшее было более радикальным (двоюродный брат Дмитрия Сергей и его жена были большевиками и даже якобы поддерживали личные контакты с В. Лениным). По мере взросления взгляды Богрова-младшего менялись: по его словам, с гимназической скамьи он прошел всю гамму воззрений — от либерализма до анархизма. К окончанию гимназии Дмитрий отдавал предпочтение эсэрам-максималистам. Будучи за границей, он увлекся трудами М. Бакунина и П. Кропоткина. В 1906 году юноша примкнул к анархистской группе «Буревестник» и активно участвовал в ее работе. Однако вскоре наступило разочарование, и Богров переметнулся к анархистам-коммунистам. Впрочем, революционная романтика надоела ему так же скоро, как и каждодневная «черновая работа», а отсутствие быстрых результатов борьбы и необходимость соблюдать дисциплину утомляли и все чаще вызывали раздражение. Кроме того, он привык жить «на широкую ногу», а для этого не хватало средств.

Так произошла смена курса — Дмитрий Богров предложил свои услуги охранке, рассчитывая получить за свою службу «излишек» денег. Став агентом «Аленским», он начал получать ежемесячное жалование в 100–150 рублей.

Послужной список двойного агента был довольно внушительным. Согласно полицейским документам, он в разной степени оказался причастным к аресту 102 человек. Было ясно, что Богров дозировал информацию для охранки: скрывал одно и преувеличивал другое — одним словом, пытался вести двойную игру. Но с какой целью? Возможно, он придерживал информацию, чтобы продать ее через несколько месяцев, или старался не преступить определенную черту? Но какими бы ни были его первоначальные намерения, он, как и все агенты-двойники, вскоре начал запутываться в собственных сетях. К тому же каждый арест одновременно укреплял его репутацию осведомителя и подрывал его репутацию революционера.

Сомнения относительно Богрова зародились у анархистов-коммунистов еще в конце 1908 года, после очередного провала. Его открыто обвинили в провокации. Сидевшие в Лукьяновской тюрьме революционеры устроили над ним заочный суд, который передал на волю весьма туманную резолюцию. Богров не допустил освобождения из тюрьмы своего главного обличителя. Но через некоторое время его обвинили в растрате кассы Борисоглебской группы максималистов. Богрову каким-то образом удалось отвести обвинение, но товарищи по подполью становились все подозрительнее. Анархист Белоусов (П. Свирский) устроил за ним настоящую охоту, в результате которой ему едва удалось уйти от пули. Тучи сгущались. Богров понимал, что все тайное становится явным: он помнил, как в 1906 году революционеры повесили за измену его кумира Гапона, да и провал знаменитого Азефа что-то значил. Он знал, что во все времена первыми жертвами террористов-революционеров становились предатели и агенты охраны.

Богров поспешно уехал в Петербург. Здесь он явился к начальнику Петербургской охраны полковнику фон Коттену, предъявил рекомендации Кулябко и был принят на службу. Двойная игра продолжалась. Но психологический надлом уже произошел. В одном из писем Богрова в Клев есть такие строки: «В общем же, все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное...»

На допросах Богров утверждал, что мысль о террористическом акте зародилась у него еще в самом начале его революционной деятельности и помешала этому служба в охране. Но в Петербурге он опять начал об этом думать. Следователь Фененко задал в связи с этим агенту недоуменный вопрос: каким образом он из осведомителя вновь превратился в революционера? Богров ответил: «Может быть, по-вашему, это нелогично, но у меня своя логика». Его логику действительно трудно понять. Если Богров стремился к посмертной славе, то удар нужно было наносить в самое сердце империи. В 1909 году, будучи за границей, он говорил редактору одной анархистской газеты, что необходимо убить Николая II или Столыпина. В 1910 году он уже сделал свой выбор: «...важнее Столыпина только царь. А до царя мне одному не добраться». Отец Дмитрия высоко оценивал деятельность премьера, но молодое поколение видело в нем только вдохновителя реакции. Одна из знакомых Богрова вспоминала

разговор с ним весной 1910 года: «Я ненавижу одного человека, которого я никогда не видел. — Кого? — Столыпина. Быть может, оттого, что он самый умный и талантливый из них, самый опасный враг, а все зло в России — от него».

Находясь в Петербурге, Богров по личной инициативе пришел к члену ЦК партии эсэров Лазареву и заявил, что хочет убить Столыпина и просит ему в этом посодействовать. Эсэры, правда, от него открестились.

19 февраля 1911 года из тюрьмы был выпущен анархист-коммунист П. Лятковский. Он зашел на квартиру к Богрову. Тот и ему заявил, что у него есть намерение совершить покушение на царя, а потом и на Столыпина: «Только убив Николая II я буду считать себя реабилитированным. Нет, Николай пустое. Николай — игрушка в руках Столыпина. Ведь я еврей — убийство Николая спровоцирует небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина: благодаря его политике задушена революция и наступает реакция». Лятковский ушел от Богрова озадаченный: что означали его слова — правду или провокацию?

Кстати, существует версия, дающая некое национальное объяснение причины покушения. В свое время Богров заявлял Лазареву: «Я — еврей, и позвольте вам напомнить, что мы до сих пор живем под господством черносотенных вождей...» В то же время он не поддерживал никаких отношений с иудеями-ортодоксами. Более того, известно, что незадолго до своей кончины дед Богрова с женой-лютеранкой (а в 1908 году и брат Дмитрия Владимир) перешли в православие. В тот период права евреев были ущемлены. Столыпин же, по некоторым данным, планировал предоставить им те же привилегии, которыми пользовались остальные граждане Российской империи. Правда, текст таких предложений был отвергнут царем, но позиция премьера была хорошо известна в еврейской среде. Если же обратиться к агентурной деятельности Богрова, то напрашивается вывод, что она была лишена национальной предвзятости: поскольку большинство киевских анархистов были евреями, то он и выдавал охранке в основном лиц этой национальности. А покушение на Столыпина вовсе подвергло еврейское население чрезвычайному риску. Киевские евреи в страхе стали спешно покидать город. Чтобы

избежать погромов, исполняющий обязанности главы правительства В. Коковцев распорядился разместить в Клеве два казачьих полка.

Агент «Аленский» мог совершить покушение на премьера и раньше. Их первая встреча состоялась летом 1910 года, когда Богров столкнулся с ним лицом к лицу на городской очистительной станции в Петербурге. Но тогда он не воспользовался этим случаем, или такое решение еще у него не созрело. По крайней мере, сведений о том, что Богров тогда искал других встреч со Столыпиным или, например, изучал организацию его охраны, нет.

31 августа 1911 года Богров разгуливал в Купеческом саду с браунингом в кармане. Столыпин был фактически рядом, но он то ли не решился, то ли не смог совершить покушение. Чувствуется, что Богров был к тому моменту или психически надломленным человеком, или окончательно запутался в своих темных делах. Недаром 1 сентября Дмитрий оставил родителям письмо: «Я иначе не могу, а вы сами знаете, что вот уже два года, как я пробую отказаться от старого. Но новая спокойная жизнь не для меня, я все равно кончил бы тем же, чем и теперь кончаю».

В связи с убийством Столыпина и прямым или косвенным участием в нем спецслужб депутаты Госдумы направили запрос правительству. В нем напоминалось, что в период с 1901 по 1911 год произошла серия убийств, к которым имели отношение агенты охраны. Уже тогда никто не сомневался, что убийство министра внутренних дел Плеве, уфимского губернатора Богдановича, великого князя Сергея Александровича, санкт-петербургского градоначальника Лауница были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефом. Известно также, что начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов убит социалистом-революционером Воскресенским-Петровым, приглашенным на службу в охранное отделение. Таким образом, система, созданная правительством для борьбы с антиобщественными проявлениями и насилием, только усилила разложение, анархию и деморализацию правительственных органов. Самым ярким примером того явилось убийство П. Столыпина, который открыто, перед всей страной защищал необходимость существующей системы политического сыска и охраны. Сбылось собственное пророчество премьера: «Меня убьет моя охрана».

Чтобы успокоить общественное мнение, Николай II поручил расследовать действия должностных лиц, отвечавших за безопасность сановников на киевских торжествах, бывшему директору Департамента полиции, сенатору М. Трусевичу, считая, что он сумеет профессионально разобраться в ошибках охраны. Расследование велось медленно и обстоятельно. Мнения сановников разделились, но в конце концов было принято решение предать суду генерал-лейтенанта Курлова, статского советника Веригина, полковника Свиридовича и подполковника Кулябко по обвинению «в бездействии власти, имевшем особо важные последствия». В январе 1913 года, когда уже был подготовлен обвинительный акт, Николай II распорядился прекратить дело в отношении трех обвиняемых, а единственный осужденный — подполковник Кулябко — был приговорен к 16 месяцам заключения. Впрочем, по высочайшему повелению и этот срок был снижен до четырех месяцев. Такое скандальное завершение расследования укрепило подозрения о причастности высших сановников империи (в том числе и царя) к убийству премьер-министра.

Поразили современников и молниеносное следствие, и суд при закрытых дверях, и быстрая казнь Богрова. Уже 9 сентября 1911 года его дело рассматривал военноокружной суд. От адвоката подсудимый отказался. По словам его обвинителя, генерал-лейтенанта М. Костенко, «во время судебного заседания Богров держал себя корректно и совершенно спокойно». На суде присутствовали министр юстиции Щегловитов, командующий войсками киевского военного округа, киевский губернатор и другие высшие гражданские и военные чины.

Во время следствия Богров настаивал на том, что совершил покушение без посторонней помощи, в театр пришел без определенного плана, и все свершилось бессознательно: «Остановил я свой выбор на Столыпине, так как он был центром общего внимания. Когда я шел по проходу, то если бы кто-нибудь догадался спросить меня: „Что вам угодно?“, то я бы ушел, но никто меня не держал, и я выстрелил два раза».

Заседание суда началось в 16 часов и продолжалось примерно до 21 часа 30 минут. Судьи совещались около получаса, после чего вынесли приговор: Богров был признан виновным в преднамеренном

убийстве и приговорен к повешению. Он был осужден как террорист-одиночка. Видимо, такой вариант устраивал всех.

В ночь на 12 сентября Богрова доставили в тюрьму на Лысой горе, где была установлена виселица. При казни присутствовали делегаты черносотенных союзов, желавшие убедиться в том, что арестованного не подменили. В 3 часа 2 минуты утра все было кончено. Тело террориста предали земле тут же...

Петр Аркадьевич Столыпин многое сделал для Российской империи. Во многом благодаря его реформам в 1913 году Россия заняла первое место в мире по росту промышленного производства. Премьер-министр был первым в истории государства борцом с международным терроризмом. Не секрет, кто разжигал пламя революции в стране. На ее организацию деньги текли отовсюду — из Японии, Америки, Германии. Неудивительно, что многие были заинтересованы в том, чтобы убрать именно Столыпина, в котором видели главную опасность. Ведь он хотел пресечь привлечение оппозиционных и националистических группировок к внутривнутриполитической борьбе, но не успел...

Не успел Столыпин и перенести столицу Российской империи в Клев. Не исключено, что именно во время этой, столь трагически закончившейся поездки по Украине царь должен был принять такое решение.

Все близкие Столыпина знали последнюю волю покойного — похоронить его в том месте, где его настигнет смерть. Великого реформатора Российской империи похоронили в Клево-Печерской лавре, рядом с могилами Кочубея и Искры — двух героев петровской эпохи, которые предпочли лютую смерть предательству.

А Николай II, подписывая указ о назначении нового премьер-министра В. Коковцева, заметил ему весьма символично: «Не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять»...

Гуляйполе — вольное государство батьки Махно

Советские историки не слишком любили упоминать о Гуляйполе. А если и вспоминали, то с неодобрением, как о центре «махновщины» — крестьянского движения, просуществовавшего с 1917 по 1921 год. Возникновение в Гуляйполе «государства в государстве» до сих пор считают одной из самых необычных загадок истории Украины. Несмотря на то что сохранились архивные документы, проливающие свет на основные события «махновщины», ее роль в становлении украинской государственности еще не определена. Было ли созданное батькой Махно государство первой в мире анархистской державой? Или последним оплотом крестьянской цивилизации?

Нестор Махно

История Гуляйполя как поселения уходит корнями в 70–80 годы XVIII века, когда на реке Гайчур под защитой крепостей Днепровской линии селились беглецы — крепостные селяне и гайдамаки. О происхождении названия центра махновского движения единого мнения не существует. Одни исследователи полагают, что Гуляйполем село зовется оттого, что здесь долгое время оставалась незаселенная пустошь, на которой селились разбойники, другие же считают, что так называли любые незаселенные земли. Как бы то ни было, небольшое военное поселение довольно скоро сначала превратилось в небольшой

городок, а позже стало волостным центром Новомосковского повета Новороссийской губернии. Некогда Гуляйполе входило в состав Вольностей Войска Запорожского. Поэтому отношение к земле здесь было особым. Крестьяне Гуляйпольщины были общинниками (на начало XX века 99,5 % наделных земель считалось коллективной собственностью и не подлежало продаже на сторону). У них был огромный опыт общинного самоуправления, в отличие от других районов, где было принято индивидуальное хозяйствование.

Чтобы понять, чем же все-таки была республика батьки Махно в грозные революционные годы, для начала нужно хотя бы вкратце описать обстоятельства ее возникновения. К концу 1918 года обстановка на Украине была непростой. Власть Директории Украинской Народной Республики, сменившая гетмана Скоропадского, была слишком слаба. В украинской провинции целые районы контролировались армиями, шайками и бригадами местных атаманов, стремившихся установить свою власть. В то время на Украине возникло немало независимых «республик»: Переяславская, Дерманская, Млиевская, Пашковская, Баштанская... Но то, что происходило в Гуляйполе, не имело аналогов. Махно попытался создать особую форму общественного устройства, уходящего корнями во времена Запорожской Сечи.

...24 марта 1917 года на станции Гуляйполе собралась группа встречающих. Ждали Нестора Махно, возвращавшегося после долгого заключения в родные места. По легенде, Махно вышел на перрон с котомкой. Люди поинтересовались, что в ней — может быть, оружие? Но оказалось, что анархист привез с собой только книги. Первый этап махновского движения был относительно мирным и охватывал села всего двух волостей: Гуляйпольской и Камышевахской. Но уже к концу 1917 года Гуляйполе стало заметной политической величиной в рамках своего уезда.

Гуляйпольская Группа Анархо-Коммунистов (ГГАК) поначалу представляла собой печальное зрелище: ни одного образованного человека, все 80 членов группы — недоучившиеся крестьяне и рабочие. Но Махно не собирался углубляться в теорию, недостаток знаний ему с лихвой заменял здравый смысл. В противовес органу Временного правительства — Общественному комитету, Махно с помощью местных учителей и с одобрения общего схода жителей села

создал Крестьянский совет, который к лету 1917 года стал самой влиятельной политической силой в округе. Агитаторы других партий перестали устраивать митинги для гуляйпольцев: многих из них попросту стаскивали с трибуны и били. Справедливости ради надо сказать, что так поступали не со всеми — например, начальник александровского филиала общества «Просвгга» Ю. Магалиевский несколько раз свободно посещал Гуляйполе.

В августе Махно предложил несколько отступить от принципов анархизма, сохранив лишь один — «анархизм в будущем». Во имя этого будущего необходимо было усилить партийную организацию. Разумеется, с таким подходом были согласны не все, и деятельность ГТАК сразу попала под шквал критики со стороны «идейных» анархистских организаций.

Первым вопросом, за решение которого взялся Махно, был вопрос о земле. На первом волостном съезде Советов, состоявшемся 25 сентября 1917 года, было предложено объединиться в коммуны. Кстати, сам Махно не остался в стороне от этого начинания: два дня в неделю он работал в одной из четырех коммун, созданных из бедноты и семей безработных рабочих. Насильно в коммуны никого не загоняли. Те, кто хотел вести индивидуальное хозяйство, мог это делать — но только самостоятельно, без привлечения наемной рабочей силы. Окончательный передел земли решили отложить до наступления весны, но подготовка к нему шла полным ходом. У владельцев были отобраны земельные документы, и по ним провели учет земель, в будущем подлежащих отчуждению. Надо ли говорить, что уездные власти были возмущены деятельностью Махно? Уездный комиссар начал расследование его деятельности и пригрозил арестом. Анархисты ответили на угрозы рейдом (с целью конфискации оружия), а потом отправили на александровские заводы делегацию агитаторов с участием Махно.

С самого начала деятельности «батяка» поставил перед собой цель обеспечить оборону своего района от любого вторжения извне. Когда до Гуляйполя докатились слухи о начавшемся корниловском мятеже, там в спешном порядке был организован Комитет Спасения Революции. В то же время он не стремился к полной изоляции: принимал участие в уездных и губернских съездах, налаживал бартерную торговлю с рабочими московских мануфактур. Его

работоспособность казалась удивительной, он стремился лично принять участие во всем, что происходило на подконтрольной ему территории, сосредоточил в своих руках множество общественных должностей. Тем не менее, к власти он не стремился — это подчеркивает его «официальный титул» образца семнадцатого года: «Уполномоченный Советом Крестьянских и Рабочих депутатов района, Группой Анархо-Коммунистов, Советом Профсоюза по совершению временного идейного руководства нашим революционным движением». Анархисты надеялись, что разразившаяся революция из политической, в результате которой сменяется только правящая элита, перерастет в социальную. Тогда в обществе установится новый принцип организации — безвластный.

Очернители Махно собрали немало слухов о якобы устроенной им кровавой расправе над людьми, причастными к арестам анархистов. Рассказывали даже, что он отрубил голову местному священнику и возил ее напоказ в своей тачанке. Учитывая, что в то время в Гуляйполе был расквартирован лояльный по отношению к правительству полк сербской армии, а собственных вооруженных сил у предводителя анархистов еще не было, такие «воспоминания» кажутся просто бредом. Нет, он не был святым. И порой расправлялся с врагами очень жестоко — но гораздо позже. А пока ему предстояло сделать выбор в конфликте между большевиками и Центральной Радой. Большевики в тот момент казались менее опасными, и Второй районный съезд советов провозгласил недвусмысленную резолюцию: «Смерть Центральной Раде!». Но для ее осуществления необходимо было создать боеспособную армию. И Махно совершил, казалось бы, невозможное. Он, ни дня не служивший в регулярной армии, не имевший сколько-нибудь серьезной подготовки, создал войско, с которым были вынуждены считаться гораздо лучше вооруженные и подготовленные части.

Создание вооруженных сил Гуляйполя началось с призыва записываться в «Черную гвардию». Вначале в нее вступило всего 60 человек из числа местной молодежи, к январю 1918 года она выросла до 300 человек. В большинстве своем это были крестьяне, не имевшие представления о тактике и стратегии. Поэтому ГТАК приложил массу усилий, чтобы привлечь в гвардию фронтовиков времен Первой

мировой войны. В 1917 году в числе анархистов появилась будущие командиры — Ф. Щусь, П. Гавриленко, А. Марченко и другие.

Боевое крещение махновцы получили в начале 1918 года, когда Александровск был атакован гайдамаками Центральной Рады. Их целью было пропустить через район 16 казачьих эшелонов, возвращавшихся с фронта на помощь атаману Каледину. 8 января 1918 года объединенные отряды большевиков и анархистов остановили возле Кичкасского моста казачьи эшелоны и разоружили их, воспользовавшись растерянностью казаков от случайно произошедшего крушения двух первых составов. Махно выиграл свою первую битву.

После заключения Брестского мира (3 марта 1918 года) на Гуляйполе надвинулась новая опасность — объединенные немецко-украинские войска. Армию необходимо было увеличить и превратить в реальную силу. «Черная гвардия» была расформирована, а ее члены влились в состав «Вольных батальонов революции» — так называлась новая вооруженная организация, подчиняющаяся уже не ГГАК, а ревкому. Большевики помогли оружием — новая армия получила 3000 ружей и шесть орудий. Но сил было слишком мало. Махновцы вместе с большевиками отступили к Таганрогу. Нестор был вынужден уехать в Москву. Там он встретился с выдающимися анархистами — А. Боровым, Л. Черным, П. Кропоткиным, а также с большевистскими лидерами — В. Лениным и Я. Свердловым. Из бесед с политическими лидерами Махно вынес две идеи. Первая — что ему не от кого ждать помощи. Вторая — мечта о «вольном районе», который он и попытался создать.

На родину Махно приехал 4 июля 1918 года, в разгар сбора урожая. Когда страда закончилась, он создал отряд из десятка старых товарищей и объединился с партизанским отрядом Феодосия Щуся. Гетманские войска загнали объединенный отряд в Дибривский лес, занимавший площадь почти 100 гектаров. К операции по ликвидации «банды» присоединился и австрийский батальон. 30–50 повстанцев ничего не могли противопоставить такой силе, и Щусь приказал было углубиться дальше в лес. Но Махно произнес пламенную речь перед повстанцами, призывая их погибнуть в бою с врагом, — и убедил людей. Именно тогда, по легенде, пораженный Щусь произнес

историческую фразу: «Отныне будь нашим Батькой, а мы клянемся умереть с тобою...»

Махновцы сумели незамеченными пробраться в центр Дубровки и внезапно напали на превосходящие силы противника. Застигнутые врасплох, не знавшие точной численности повстанцев австрийцы начали отступать, поджигая за собой крестьянские дворы. Крестьяне в это время возвращались с полевых работ. Увидев, что избы пылают, они взялись за вилы и лопаты и вместе с махновцами практически полностью перебили оккупантов. После победы состоялся сход, на котором единодушно было решено считать Махно «батьком» всего революционного повстанчества на Украине. Этот титул давался далеко не всякому. Его удостаивались лишь те, кто одновременно с исполнением военных обязанностей осуществлял и духовное руководство подчиненными, пользовался у них огромным авторитетом.

Три дня провели махновцы в селе, пожиная плоды своей победы. Они принимали делегации из соседних сел, записывали в войско новых добровольцев, число которых достигло 1500 человек. Тем временем гетманские и австрийские войска подтянули резервы, окружили село и сожгли его дотла. Махно вместе с отрядом чудом удалось вырваться...

После этого началось мщение. За три последующих месяца Махно совершил 117 вооруженных нападений. Тактика партизанской войны, которую он применял, была безупречна: махновцы, используя особенности местности, тайно пробирались к намеченной цели, внезапно нападали и так же внезапно скрывались, чтобы на следующий день появиться где-нибудь за сотню верст. Нередко использовали и трюки с переодеванием: переодевшись в форму вартовых (полицейских), махновцы присоединялись к настоящим гетманским отрядам, а затем неожиданно нападали и уничтожали их. В других случаях махновцы вступали в контролируемые врагом села под видом свадебного поезда или похоронной процессии. В этих «представлениях» принимали участие одетые по-праздничному старики, женщины, дети. Иногда в невесту переодевался лично Махно. Благополучно миновав сторожевые посты, махновцы захватывали вражеский штаб и требовали от воинской части немедленной капитуляции. Характерно то, что рядовых махновцы не трогали,

отпускали на свободу, порой даже снабжали на дорогу деньгами или спиртным.

Важным военным открытием того времени стали тачанки. На телегу ставились пулеметы, которые могли на полном ходу поливать врага огнем. А если возникала необходимость быстро расформировать отряд, то тогда пулемет долой, в укромное место, лошадь — в стойло, телегу — на двор. Формы у повстанцев не было — поди отличи мирного крестьянина от махновца...

Организовал Махно и собственную армейскую контрразведку. В ее состав входили выходцы из социальных низов, но работали они достаточно эффективно. Об этом говорит раскрытие в декабре 1919 года заговора бывших красных командиров во главе с А. Полонским. Правда, ликвидация заговорщиков была произведена не слишком изящно — под видом тайного ночного убийства. Тем не менее, после разгрома махновцев гораздо лучше подготовленные контрразведчики большевиков так и не смогли раскрыть сеть махновских осведомителей — а это говорит о многом.

В исторической литературе встречается немало упоминаний о махновском терроре. Но применялся он, надо сказать, строго избирательно. Уничтожению подлежали гетманские вартовые, русские и австрийские офицеры, чиновники госадминистрации и помещики, преследующие крестьян. Именно в это время смертные приговоры стали выноситься сельскими сходами. Крестьяне сами решали, кто из их обидчиков достоин смерти, а повстанцы приводили приговор в исполнение. Кроме того, махновцы делились с жителями захваченного села взятыми в бою трофеями, оставляя порой до половины ценностей. Неудивительно, что крестьяне охотно поддерживали своего «батюку» — если ему для операции были нужны дополнительные бойцы, многие крестьяне охотно откликались, а после боя возвращались домой. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что наряду с невероятной щедростью махновцы пользовались и менее популярным в народе правилом. Согласно этому правилу, человек не совершал преступления, если брал какую-то вещь, оставив взамен свою, вышедшую из употребления. Но жители, по крайней мере, могли быть уверены в относительной безопасности. Позже, в эмиграции, Нестор Иванович вспоминал: «На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных

[...] оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовывали и окрещивали их махновцами». При Махно отдельные повстанцы громили евреев, но массовых погромов — таких, как при белых и красных, — земли «Махновии» не знали.

Летом 2006 года, во время фестиваля «День Независимости с Нестором Махно», на его родине было выпущено большое количество денег под названием «воля». Устроители акции решили на короткое время воссоздать введенную некогда Махно местную валюту. Выходит, махновцы печатали собственные деньги? Долгое время этот вопрос оставался загадкой. Дело в том, что образцы этих купюр сохранились в единичных экземплярах. (В отличие от других денег, имевших хождение на землях Украины; кстати, в 1919 году их насчитывалось до 342 видов!) Скорее всего, официального выпуска купюр не было. Об этом говорит откровенно юмористический характер сохранившихся банкнот. На одной из них, напечатанной на простой бумаге, было оставлено окно, куда от руки можно было вписать карандашом номинал, и надпись: «Чем наши хуже ваших!». На другой изображалась дородная кума и опершийся о тын махновец, а под рисунком шла надпись: «Ой, гоп, кума, не журился, в Махна гроши завелися». Если перевернуть эту банкноту, можно было прочесть шутовское предупреждение: «Кто этих денег не станет брать, того Махно будет драть». Третья купюра на титульной стороне имела надпись: «Анархия — мать порядка!», а на обороте — хулиганский стих.

Если посмотреть на «денежный вопрос» с точки зрения экономической и политической ситуации того времени, станет ясно: официального ввода «своей монеты» «батька» не планировал. Во-первых — не до того было, а во-вторых — с кем расплачиваться? Все необходимое махновцы либо брали с бою, либо получали от дружественного населения. При взятии населенного пункта Махно налагал на жителей продовольственную контрибуцию, а потом просто раздавал деньги направо и налево — в зависимости от потребностей и социального статуса просящего. Иногда своеобразной валютой становился сахар, запасы которого пополнялись благодаря регулярным набегам на сахарные заводы. Когда нужно было вести расчеты с

временными союзниками, платили, как правило, трофейным золотом, советскими или донскими деньгами (последние конвертировались с английскими фунтами и французскими франками).

В экономике «Гуляйпольской республики» первое место занимали интересы крестьянства, сохранение свободного рынка. Эта цель была идеологически обоснована и закреплена на I районном съезде фронтовиков-повстанцев, который открылся 23 января 1919 года в селе Большая Михайловка. Социально-экономическая программа была окончательно закреплена на II съезде повстанцев Гуляйпольского района. Среди ее основных тезисов были следующие: запретить проведение продовольственной диктатуры советской власти, бороться за экономическую свободу крестьянства. Впрочем, методы достижения этой благородной цели были далеки от законных. Например, инспектор-контролер Третьей Украинской армии Яков Сельцовский докладывал: «...бригада Махно на станции Роды 30 марта захватила 50 вагонов с сахаром, 13 апреля — на станции Стульнево — 7 вагонов с мукой, 15 вагонов фуража...» Всего за весну 1919 года войсками Н. Махно было реквизировано таким образом 90 вагонов продовольствия и горючего.

Махно несколько не беспокоило, что захваченные им эшелоны имели своих отправителей и адресатов. Экспроприруя продукты и создавая неприкосновенный запас, он в то же время принимал меры для защиты населения от продразверстки. Комиссаров, проводивших ее, Махно открыто объявил врагами народа. Пункт второй приказа № 1 от ноября 1919 года гласил: «Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазную несправедливость порабощения, то есть советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайные комиссары, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиниться их продовольственной диктатуре». На Гуляйпольщине были отменены налоги с крестьянства в государственный бюджет, Декрет о национализации земли, запрет купли-продажи.

А вот к рабочим Махно относился далеко не так благосклонно. Он даже не пытался выяснить потребности промышленности и полагал, что рабочие должны вести тот же образ жизни, что и крестьянство. В обращении к железнодорожникам от 15 октября 1919 года Н. Махно предлагал им самоорганизовываться и вести хозяйственную

деятельность по принципу крестьянских коммун. А через несколько дней на Александровском уездном съезде он выступил с резкой критикой в адрес рабочих и служащих. Свидетель этого выступления был шокирован: «Речь Махно включала в себя почти площадную брань по адресу рабочих как политических шарлатанов, паразитов и тунеядцев, друзей Деникина».

Тем временем над Повстанческой армией сгущались тучи. Махно, объединившийся с большевиками против Деникина, честно выполнял условия договора. Множество раз его отряды выходили из окружения, превращая неминуемое, казалось бы, поражение в блистательную победу. Одной из самых потрясающих была битва, состоявшаяся 26 сентября 1919 года у села Перегоновка. Белые намеревались полностью уничтожить окруженных махновцев, но в решающий момент боя ведомая Махно конница смогла прорваться сквозь фланговые заслоны белых и зайти в тыл офицерским полкам. Группировка белогвардейцев, потеряв, по некоторым данным, более 10 000 человек, была разгромлена.

Численность махновской армии стремительно увеличивалась: 80 000 человек, 100 000... К тому же перемещалась она с небывалой для таких крупных воинских формирований скоростью — до 120 км в день. Вскоре был взят Кривой Рог, Николаев, Александровск, армия переправилась через Днепр и рванулась дальше. Расстояние от Умани до Гуляйполя (родной город «батьки» был освобожден 7 октября 1919 года) было преодолено всего за две недели. В ставке Деникина с нарастающей паникой отмечали на карте потерянные города: Токмак (6 октября), Бердянск (8 октября), Мелитополь (9 октября), Мариуполь (14 октября), Юзово (16 октября), Гришино (19 октября). Махновцев остановили только в 40 верстах от ставки. Тыловые части армии Деникина были поголовно разбиты, военные склады уничтожены или попали в руки махновцев. Артиллерийская база в Мариуполе и на Бердянской косе была ликвидирована. Железные дороги разрушены. Связь с портами Черного и Азовского морей, поставлявшими снабжение деникинским войскам, была прервана. Махно полностью контролировал территорию размером примерно в две губернии. Еще одной блестящей победой стало взятие Екатеринослава. Махновцы применили военную хитрость: прибыли на вокзал на поезде под видом рабочих. Вскоре город был захвачен.

Большевики оценили военную мощь и неординарные способности своего временного союзника. И потому стали опасаться, что его влияние может стать слишком сильным. Воспользовавшись тем, что на Украине распространился тиф и армия Махно была фактически распущена (всем была понятна угроза сосредоточения в одном месте большого количества бойцов в разгар эпидемии), большевики начали охоту на непокорного атамана. Первое нападение произошло под Павлоградом. Красные окружили крупные части армии во главе с Махно. Но он не стал ввязываться в бой, распустил части на мелкие группы и буквально растворился в воздухе. Не раз большевики окружали махновцев, но всякий раз история повторялась: неуловимый «батя» всякий раз успевал уйти, сохранив большую часть войск.

В феврале 1919 года стоявший в Гуляйполе штаб был окружен двумя дивизиями. После недолгих раздумий Махно принял бой. Сделав вид, что собирается защищаться до последнего, он бежал в степь. В 25 км к северу армия сосредоточилась и напала на расположенные поблизости части. Красноармейцы из 42-й дивизии отправились добивать «бандитов», оставив Эстонскую дивизию в Гуляйполе. Ночью махновцы вернулись... Эстонцев в считанные минуты разоружили, сняли с солдат сапоги и шинели, выдали взамен обноски и отправили пешком в Александровск. В ответ большевики выслали против анархистов три дивизии общей численностью до 20 000 человек. Но махновцы открытого боя не приняли и, умело применяя партизанскую тактику, в конце концов окончательно измотали красные части. Не помогло и прочесывание мятежного района силами Первой конной армии. За восемь месяцев 1920 года махновцы прошли более 1400 км по красным тылам.

Этот период существования махновщины иногда называют «республикой на тачанках». Все руководство находилось в составе маневренной группы: Совет революционных повстанцев Украины (СРПУ) в составе семи человек, Штаб армии, Комиссия по расследованию противомахновских дел. Когда численность группы превышала 5000 человек, из ее состава выделяли еще одну, действовавшую параллельно. «Ядром» движения называлась та группа, при которой находился Махно.

В том же 1920 году Махно оказался в сфере пристального внимания Врангеля, начавшего наступление в Таврии. Врангель был

заинтересован в союзе с «батькой», однако Махно, люто ненавидевший белогвардейцев, от альянса уклонился. Одновременно он продолжил борьбу с большевиками, устроив рейд по верхнему Дону. Во время одного из сражений он был ранен разрывной пулей в ногу, отчего до конца жизни остался хромым.

Вскоре большевикам стало ясно, что без союза с Махно Врангеля остановить не удастся. Советское правительство было вынуждено пойти на достаточно унижительный шаг — попросить помощи у человека, за которым еще недавно охотилось. Махно торжествовал. В договоре, который был составлен повстанцами, оговаривался целый ряд условий: вхождение армии Махно в состав Красной армии в качестве автономной единицы; освобождение всех содержащихся в тюрьмах Украины и России анархистов и махновцев и предоставление им свободы пропаганды; автономию махновского района. Выполнение последнего условия означало, что «Махновия» обладала внутренним суверенитетом, формально входя в состав УССР. В частности, республика сохраняла свою собственную армию и право вступать в сношения с иностранными государствами.

Последний пункт договора вызвал особенно серьезные возражения. Он противоречил конституционным основам РСФСР, и его надо было согласовывать непосредственно с Москвой. Махновцы, де-факто установившие автономию на своих землях, охотно согласились подождать, пока все юридические формальности будут улажены.

Тем временем влияние махновской идеологии распространялось все шире. Партийный историк М. Равич был первым, кто обратил на это внимание. Он писал: «Главное зло — это влияние Махно на Красную армию. Махновщина — это дух партизанщины вообще. И теперь в рядах Красной армии осталось много красноармейцев, в которых сидит бес махновщины... Махновщиной заражена вся Украина, все ее партийные, гражданские и военные учреждения. Каждый украинский революционер, большевик, левый эсер в той или иной мере подвержен этому заболеванию».

Большевики в ходе переговоров упорно отказывались печатать текст договора в газетах и приносить публичные извинения. Они не собирались исполнять условия договора и надеялись просто использовать махновскую армию в борьбе с Врангелем. Historiограф

Ставропольской конной бригады писал: «Предложение „бабки“ приняли лишь с одной целью — вовлечь его банды в „крымский мешок“ и там окончательно розгромить». Решение в пользу предательства было вынесено на самом высоком уровне. В конце концов, под угрозой перерастания наступления Врангеля в зимнюю кампанию, договор был напечатан — правда, в сильно урезанном виде. До этого большевики попытались заставить атамана вступить в сражение, издав приказ о наступлении. Если бы он отказался выполнить приказ, то превратился бы в отступника и предателя, если бы согласился — проявил бы свою слабость и часть условий можно было бы не соблюдать. Но Нестор Махно поступил мудро: он выдвинулся в район сражений, но в бой не вступал, требуя от большевиков конкретных действий.

После публикации договора махновцы стали действовать. Они прорвали врангелевский фронт в Таврии, одними из первых форсировали воды Сиваша и уничтожили конный корпус генерала Барбовича. Захватив 13 ноября 1920 года Симферополь, махновцы вынудили белых бросить перекопские позиции и начать бегство к портам.

Махно, все еще не оправившийся от ранения, оставался тем временем в Гуляйполе. Он признал право церкви на существование и теперь присутствовал на свадьбах товарищей по оружию, встречался с иностранными гостями — американскими анархистами Александром Беркманом и Эммой Гольдман. На Гуляйпольщине взялись за реформирование школы, стремясь отделить ее от государства. Повсеместно работали курсы ликвидации безграмотности. Выпускалось несколько газет, печатались листовки, устраивались митинги, лекции, аукционы в помощь раненым. Особенно популярными были спектакли походного театра. Ставили преимущественно классику, но вскоре репертуар обогатился двумя только что написанными пьесами — «Жизнь махновцев» и «Путь махновца». Существование Гуляйполя казалось как никогда спокойным и мирным. Но Махно не верил большевикам. По некоторым данным, в случае очередного предательства красных он был готов организовать в среде Красной армии крупный антибольшевистский заговор. Но этот план так и не был реализован.

Буквально на следующий день после ликвидации Южного фронта Фрунзе отдал приказ о переброске махновской армии на Северный Кавказ. Это противоречило условиям договора. Но большевики пошли еще дальше: 23 ноября махновцы задержали в Гуляйполе девять агентов ЧК, посланных для организации убийства Махно. От агентов Махно узнал о готовящемся окружении Гуляйполя и планах по разгрому повстанцев. Через три дня были арестованы и после расстреляны члены махновского представительства в Харькове, затем убит ближайший соратник Махно Каретников.

26 ноября Красная армия начала наступление на Гуляйполе. Части красноармейцев наступали на центр махновского движения с трех сторон. Махно пошел на прорыв, ушел на восток, и тут с севера в Гуляйполе влетела кавалерийская бригада интернационалистов. Красные части, наступавшие с юга, приняли ее за махновцев, и завязался бой. Эта неразбериха позволила повстанцам выйти из окружения.

27 ноября 1920 года крымская группа была окружена превосходящими частями Красной армии, приказавшими махновцам разоружиться. Махновцы открыли огонь из всех пулеметов и сумели вырваться из Крыма через Перекопский перешеек в Таврию. Они направились к Гуляйполю. Если бы ими руководил сам Махно или Каретников, возможно, история Украины выглядела бы иначе. Но Марченко, стоявший во главе повстанцев, повел их по прямой линии. Командование красных поняло ошибку махновцев и выставило на их пути войска. Махновцы попали в «кольцо», и крымская группа была практически полностью уничтожена.

Против армии Махно, по разным оценкам, было выставлено от 150 до 350 тысяч бойцов. Но даже этой гигантской армии не сразу удалось разгромить легендарного атамана. Вырвавшись из гуляйпольского окружения,

3 декабря 1920 года Махно напал на отличившуюся жестокостями в Гуляйполе Киргизскую кавбригаду. Для ее полного разгрома потребовалось всего полчаса. Шестого декабря махновцы возвратились к Гуляйполю и разбили наголову два полка красных. Потом в селе Старый Керменчик Махно соединился с остатками крымской группы. Повстанцы устремились на юг.

Махно сознательно создавал впечатление своей уязвимости. Двинувшись на Бердянск, он давал возможность окончательно разгромить собственную армию, прижав ее к Азовскому морю. Соотношение сил повстанцев и большевиков было 5 тысяч против 60 тысяч. Но даже с такими силами Махно выиграл сражение у села Андреевка, разбив в ночном бою три красных бригады. Он взял более 1200 пленных и вырвался из ловушки.

«Батька» отчаянно мстил коммунистам, начавшим применять против крестьян массовые репрессии. Каждого, кого подозревали в лояльном отношении к Махно, расстреливали на месте. В селе Новоспасовка за поддержку повстанцев был расстрелян каждый второй. Ответ махновцев был менее жестким. Историки подсчитали, что за время рейдов по Украине махновцы убили 3500 человек — это гораздо меньше, чем число казненных красноармейцами только в Гуляйполе...

После того как повстанческий район был буквально переполнен красными войсками, армия махновцев лишилась своей основной базы. И хотя Махно еще пытался бороться, а по всей стране то и дело вспыхивали очаги крестьянских восстаний, участь Гуляйпольской республики была решена. Фортуна отвернулась от махновцев. После целого ряда операций, в которых участвовали лучшие силы повстанческой армии, движение распалось. Махно был вынужден эмигрировать за границу и оттуда с горечью наблюдал за окончательным разгромом Гуляйполя — так и не реализовавшейся мечты о государстве без власти...

Бой под Крутами: героическая смерть и безответственность власти

В конце января каждого года общественное внимание в Украине привлекается к эпизоду, который произошел в разгар революционного перелома 1917–1920 годов — к бою под Крутами. Эта страница истории относится к тем событиям, вокруг которых изначально тесно сплелись правда, вымысел и желание соединить прошлое и сиюминутные конъюнктурные политические цели.

Украинская революция к началу 1918 года прошла довольно сложный и в целом результативный путь. Центральной Раде удалось воплотить в реальные достижения стремление нации к всестороннему возрождению. Еще 10 июня 1917 года, в период Временного правительства, была провозглашена автономия Украины, а уже 7 ноября было объявлено о создании Украинской Народной Республики (УНР). Однако политические ориентиры УНР изначально противоречили курсу Совета народных комиссаров во главе с В. Лениным.

С начала декабря 1917 года обе стороны официально находились в состоянии войны. Так, Центральная Рада отклонила ленинский «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде». Поначалу конфликт не имел развития и сводился к поиску путей выхода из кризиса дипломатическими методами. После I Всеукраинского съезда Советов в Харькове (11–12 декабря 1917 года) и провозглашения Украины советской республикой в стране возникло два центра власти, которые не признавали друг друга. Однако достаточно быстро глухая взаимная вражда и раздражение вылились в открытое вооруженное столкновение.

Советская Россия уже с середины декабря 1917 года оказывала существенную военную поддержку сторонникам социалистической революции в Украине. По подсчетам историков, в январе 1918 года в Украину из России прибыло около 32 000 красногвардейцев, революционных солдат и матросов. 22 000 из них через Харьков двинулись на Донбасс, а дальше — в направлении Ростова-на-Дону с целью разгрома кадетско-калединского мятежа. Остальные военные

формирования отправлялись через Екатеринослав (Днепропетровск), Александровск (Запорожье) на юг Украины для укрепления советской власти.

Таким образом, большевики приступили к реализации плана по захвату Киева. В январе 1918 года из Харькова через Полтаву под командованием М. Муравьева выступил сводный отряд из 700 бойцов и одного бронепоезда. В том же направлении двигался отряд екатеринославских, донецких и московских рабочих под командованием П. Егорова. Параллельно с севера (из Могилева и Брянска) в сторону Киева началось движение других спешно сформированных отрядов, которые состояли из революционно настроенных элементов, поддержавших призыв уничтожения старого порядка и борьбы за «новый, более справедливый, гуманный социальный строй». Общее количество военных, принимавших участие в походе на Киев, немногим превышало 6000. Эти соединения именовались Восточным фронтом, командование которым принял полковник М. Муравьев.

Вокруг Центральной Рады в конце 1917 — начале 1918 годов возник настоящий вакуум. Она с катастрофической скоростью теряла поддержку масс, а деморализованные военные части быстро разбежались (обычно еще до прямых столкновений с советскими войсками). Что же стало причиной этого?

По оценкам известного украинского историка Д. Дорошенко, под руководством Центральной Рады в то время находилось не более 15 000 солдат, разбросанных по разным местам. К тому же боеспособность этих частей, мягко говоря, не впечатляла. По сути, единственной настоящей боевой единицей являлся только Украинский Гайдамацкий Кош Слободской Украины, который состоял из двух куреней («красных» и «черных» гайдамаков). Он был укомплектован солдатами-фронтовиками, юнкерами, сечевыми стрельцами.

В это же время военный потенциал большевиков в Украине продолжал приумножаться. В январе 1918 года численность формирований красногвардейцев составляла около 120 000 человек. Хотя боевая мощь этих отрядов не шла ни в какое сравнение с регулярными войсками, они оттягивали на себя силы противника, сковывая их.

С началом наступления большевиков на Киев в условиях общей растерянности способными на самоотверженные действия оказались, пожалуй, только киевские студенты и гимназисты. 5 января 1918 года было проведено собрание студентов младших курсов Киевского университета Святого Владимира и недавно созданного Украинского народного университета. На собрании было принято решение создать студенческий курень Сечевых стрельцов. Подчеркивалось, что в ряды формирования «под угрозой бойкота и исключения из украинской студенческой семьи должны вступить все студенты-украинцы». В состав куреня, который насчитывал 200 человек, входили также ученики двух старших классов украинской гимназии им. Кирилло-Мефодиевского братства. Командование новым объединением взял на себя старшина (сотник) Омельченко, который в то время числился студентом Украинского народного университета.

Руководство УНР стремилось морально и идейно поддержать патриотическое движение молодежи. 11 января 1918 года газета украинских социалистов-федералистов «Новая рада» опубликовала обращение Украинской фракции центра университета Святого Владимира «К украинскому студенчеству». «Пришло грозное время для нашей Родины. Как черное воронье, обсела нашу Украину российско-большевистская (которая ничего общего не имеет с идейным большевизмом) грабительская орда, которая почти каждый день производила у нас новые захваты, и Украина может наконец оказаться в очень трудном положении... Мы призываем студентов-украинцев всех высших школ немедленно прийти на помощь своему краю и народу, единодушно став под флаг борцов за волю Украины против врагов... Пусть каждый студент-украинец помнит, что в настоящее время преступно быть равнодушным». В этом же номере газеты помещался призыв ко всем записавшимся в курень немедленно явиться в казармы. Подобные материалы публиковались и другими газетами.

8—13 января 1918 года новобранцы и в самом деле пытались получить амуницию, вооружение, приобрести хотя бы минимальные навыки обращения с ним. Военное начальство УНР предоставило в распоряжение куреня казармы Константиновского военного училища. Однако, понятное дело, что за столь короткий промежуток времени

время мобилизованным студентам не удалось достичь качественной военной подготовки.

Утром 13 января в учебное заведение вернулась часть юнкеров. Они рассказали, что их небольшой и плохо вооруженный отряд остался на всем Левобережном фронте под Бахмачем единственным военным соединением. Юнкера призывали студентов-добровольцев оказать им поддержку.

До сих пор остается загадкой, кто же конкретно решал вопрос об отправке на передовую студенческой сотни, которая поначалу создавалась исключительно для защиты Центральной Рады в Клеве. Документы и воспоминания очевидцев тех событий не дают однозначного ответа на этот вопрос. Известно лишь, что приказ был получен «от командного состава 1-й военной школы».

Утром 15 января первая сотня (116 студентов) прибыла на станции Круты. Большую часть новоприбывших отправили копать окопы вдоль железнодорожного пути между Крутами и станцией Плиски. По обе стороны дороги занял боевые позиции отряд юнкеров из 200 человек.

Уже утром 16 января (29 января по новому стилю) под встречный плотный огонь юнкеров и студентов неожиданно попал отряд, состоящий из 2000 балтийских матросов. Почти сразу к месту событий подоспел броненосец сотника Лощенко с пушкой. Он начал вести прицельный огонь по тылам наступавших матросов. В некоторых источниках упоминается еще о двух батареях и двух бронепоездах. Так или иначе, ворваться в Круты с ходу красным не удалось.

Далее идут сплошные загадки. Воссоздать ход событий того дня в деталях непросто, поскольку даже сведения самих участников носят противоречивый характер.

Согласно сведениям, отраженным в газете «Новая рада», события под Крутами развивались следующим образом. Каждый юный защитник станции имел при себе всего по три обоймы патронов. И это при том, что студентам противостоял более опытный противник, который, к тому же, поливал позиции противника пулеметным и пушечным огнем. Вскоре ситуация еще более усугубилась: со стороны Чернигова к железной дороге подошли несколько эшелонов, которые начали обстрел студенческой сотни с тыла. Патроны у студентов быстро закончились, а пушка, находившаяся в распоряжении юнкеров,

из-за нехватки боеприпасов тоже вынуждена была замолчать. Тем временем штаб безмолвствовал и не спешил присылать боеприпасы и оружие. Студенты решили отправить на станцию одного из «сечеви́ков», которому поручили разыскать командира и штаб. Вот только оказалось, что они-то поспешили убраться на своем поезде подальше от опасного места. Штабисты так спешили, что даже забыли отцепить от поезда вагоны с патронами и зарядами для пушек...

Естественно, что брошенных на произвол судьбы студентов окружили и перебили большевистские части. Тут обращает на себя внимание одно странное обстоятельство: имена виновников трагедии под Крутами так и остались тайной. И это при том, что в редакции «Новой рады» и руководстве УПСФ явно знали настоящие фамилии командира и штабистов. Но по каким-то своим соображениям оба эти органа не торопились указывать на трусов, предпочитая называть их «капитан Т.» и «два брата Б.». Со временем выяснить, кто же бросил студенческую сотню на верную гибель, стало практически невозможным. Эта загадка не дает покоя нескольким поколениям историков, но — увы! — отыскать документальные свидетельства тех событий пока не удастся.

Можно смело утверждать, что какими бы героическими ни были действия защитников железнодорожной станции, они не имели никакого шанса на успех, тем более — на перелом общей ситуации на фронте. На исходе дня 16 января Круты, а следовательно, и путь на Клев оказались в руках большевиков. В тот же день началось восстание против Центральной Рады рабочих завода «Арсенал».

Исследования событий под Крутами постоянно приводят к выявлению все новых загадок и противоречий. Где-то, например, обнаруживаются свидетельства невиданной кровопролитности боя; мол, «полудети» с редким мужеством долгое время сдерживали натиск постоянно атакующих матросов, которые отличались неслыханной жестокостью. Упоминалось, что студенты даже пытались контратаковать. Другие историки чуть ли не кричат: помилуйте, какие контратаки?! Да «сечевики» не только остались без патронов после бегства штаба, они и стрелять-то толком еще не умели. Ведь большинство из них получило в руки оружие только накануне боя. Вдобавок оказалось, что юным защитникам Украины какой-то аферист, воспользовавшись суматохой, всучил вместо нормальной обуви плохо

сбитые валенки. Но все же части студентов удалось отойти с позиции в открытом поле (на расстояние километра от станции) к ожидавшему их эшелону и отбыть в направлении Киева.

Почему же в публикациях того времени имели место очевидные преувеличения? Почему различные документальные свидетельства часто не просто различаются в деталях, а выглядят вопиюще противоречивыми? Возможно, загадки могла бы объяснить переписка Н. Муравьева с Главнокомандующим войсками по борьбе с контрреволюцией на Юге России В. Антоновым-Овсиенко. В ней жестокость единственного боя, который пришлось дать советским войскам на пути к Клеву, явно «приукрашивалась». Н. Муравьев умышленно завышал силу сопротивления врага. Согласно одному из его сообщений, «после двухдневного боя первая революционная армия Егорова при поддержке второй армии Берзина возле станции Круты разбила контрреволюционные войска Рады, руководимые самим Петлюрой. Петроградская красная гвардия, Выборгская и Московская гвардия сами вынесли почти весь бой на своих плечах. Петлюра во время боя пустил поезда с безоружными солдатами с фронта навстречу наступающим революционным войскам и открыл по несчастным артиллерийский огонь. Войска Рады состояли из батальонов офицеров, юнкеров и студентов, которые не только зверствовали по отношению к солдатам, возвращавшимся с фронта, но и избивали сестер милосердия, попавших в их руки. Иду на Клев. Крестьяне восторженно встречают революционные войска».

Как видим, горстка юнкеров, студентов и старшекласников «превратилась» в «контрреволюционные войска Рады», которые под Крутами вообще никогда не появлялись. Утром 16 января Петлюра находился на станции Бобрик и оттуда вернулся в Клев, приказав студентам ехать в Дарницу. Дело в том, что, трезво оценив сложившуюся обстановку, он решил, что восставшие рабочие «Арсенала» представляют собой значительно более весомую угрозу для УНР.

Одной из главных загадок событий под Крутами является количество жертв боя. Возьмем, например, сообщение Д. Дорошенко. Он приводит в поименном перечне лишь 11 фамилий погибших студентов. И при этом далее невозмутимо указывает: в первый день (то есть 16 января) оказалась уничтоженной часть куреня, а во второй

были расстреляны еще 27 пленных, «над которыми дико издевались». Погибшие, мол, входили в разведывательную роту, отступившую к Крутам в тот момент, когда станцией уже завладели советские отряды. На этом странности не заканчиваются. В сообщении упоминаются также восемь раненых, якобы отправленных в Харьков, где их судьба никого не волновала. Впоследствии эти студенты «исчезли из госпиталей, куда их устроили на лечение». И наконец, Дорошенко свидетельствует: в Клев на перезахоронение привезли «несколько десятков изувеченных трупов».

В книге С. Збаражского «Крути. У 40-річчя великого чину 29 січня 1918 — 29 січня 1956», увидевшей свет в 1958 году в Мюнхене и Нью-Йорке в издательстве «Шлях молоді», приводится поименный список уже 18 студентов, погибших в бою под Крутами.

Подобных разноречивых данных достаточно много. Почему же разные источники противоречат не только друг другу, но порой даже самим себе? Ответ на эти вопросы прост. Дело в том, что в кутерьме событий января 1918 года ни сам бой под Крутами, ни его участники не привлекли особого внимания общественности. А громкую огласку данное событие приобрело только после ввода в Украину войск кайзеровской Германии, отступления красных и возвращения в Клев Центральной Рады. То есть уже в марте 1918 года. Именно тогда, когда ситуация немного стабилизировалась, близкие и друзья погибших под Крутами юношей поставили вопрос о перезахоронении их останков. А значит, назрела необходимость хотя бы приблизительно установить, сколько тел следует искать. Вот только сделать это оказалось очень непросто.

9 марта в «Новой раде» было опубликовано необычное объявление. В нем родственники нескольких «сечевиков» обратились ко всем родителям, близким и друзьям студентов и старшекурсников, погибших под Крутами, с предложением поднять вопрос о раскопке могил для опознания, перевозки тел и перезахоронения их в Клеве. Вскоре история приобрела скандальный характер. 16 марта за подписью некоего «С. Ш.» (предположительно — Сергея Шемета, одного из лидеров Украинской партии земледельцев-демократов, которая тогда начала выступать с резкой критикой руководства Центральной Рады и Генерального Секретариата) появилась статья «Трагедия под Крутами». Автор публикации обращал внимание

общества и украинской власти на трагедию под Крутами, где «погиб цвет украинской школьной молодежи». «С. Ш.» указывал: погибло несколько сот наилучших представителей интеллигенции — «юношей — энтузиастов украинской национальной идеи». В статье подчеркивалось, что вина за происшедшее целиком и полностью лежит на «системе бессмыслицы, нашем правительстве, которое... оказалось покинутым народом и армией, и в таком безнадежном положении решило защититься от хорошо вооруженной большевицкой армии несколькими сотнями школьной молодежи». Автор требовал от правительства сделать надлежащие выводы и наказать или хотя бы отстранить от руководства виновников. Было понятно, что речь идет, прежде всего, о высшем политическом и военном руководстве УНР. То есть о М. Грушевском и в особенности о С. Петлюре, который возвратил себе позиции военного лидера.

Выдающийся украинский историк и тогдашний глава УНР М. Грушевский, пытаясь найти выход из непростой ситуации, на заседании Малой Рады предложил согласиться с требованием родственников «сечевиков» почтить память погибших под Крутами и перенести их тела в Клев, на Аскольдову могилу. Собрание приняло решение осуществить печальную церемонию за счет государства.

19 марта 1918 года в Клеве состоялись многолюдные похороны. На вокзале, куда привезли останки погибших, собрались их родные, студенты, гимназисты, солдаты, духовенство, жители города. Заупокойную службу отслужил епископ Никодим. Траурная процессия двинулась по направлению к Аскольдовой Могиле. Там, в братском захоронении, и нашли свое последнее пристанище 17 «сечевиков».

Пресса в те дни пестрела сообщениями о перезахоронении «борцов за волю Украины» и острыми критическими замечаниями в адрес власти. Хорошим образцом в этом смысле может служить, например, статья С. Коломийцева «На памятник жертвам в Крутах». Там, в частности, встречаются такие строки: «Цвет украинской интеллигенции, дети, которые не умели стрелять, были посланы дезорганизованной украинской властью навстречу вооруженным „до зубов“ большевикам-россиянам... Честь и слава молодым героям, и вечный позор тем, кто должен был спасать не себя, а их, но не сделал этого».

Тем не менее, предложение М. Грушевского оказалось очень своевременным и помогло властям переломить общественное настроение в свою пользу. Пышная церемония перезахоронения тел «сечевиков», щедрый жест государства, выделившего для этой цели значительные средства, сыграли свою роль. О трагедии под Крутами еще немного поговорили, но уже не столь агрессивно, а затем на первый план стали выходить иные злободневные темы. Официальные власти предпочитали лишний раз не упоминать о событиях под Крутами, так что многие документальные свидетельства в итоге оказались утраченными. Постепенно трагическая судьба «сечевиков» обрастала мифами и в конце концов превратилась в некое «сказание о великом подвиге молодежи во имя свободы Отечества», в котором, конечно, не было места для освещения неприглядной роли властей. А к погибшим стали причислять всех 300 юношей, принимавших участие в том бою.

Казалось, современные историки сделали все, чтобы не оставить камня на камне от загадки трагедии под Крутами. И надо сказать, достаточно преуспели в этом. Однако все не так просто, и окончательно развеять покров таинственности исследователям оказалось не под силу.

Второй Зимний поход: попытка освобождения Украины или провокация ЧК?

Второй Зимний поход (ноябрь 1921 года) стал последней попыткой армии Украинской Народной Республики (УНР) вооруженным путем восстановить украинскую государственность. Это утверждение не вызывает сомнения ни у кого. Главная загадка этого катастрофического для УНР рейда заключается в другом: кто стоял за окончательным разгромом петлюровских войск? Было ли их поражение следствием неблагоприятных обстоятельств, ошибок руководства УНР или умело организованной большевиками акцией по уничтожению последнего очага напряженности у границ своего государства?

В условиях революции и гражданской войны УНР оказалась слабым и нежизнеспособным государственным образованием. Она не смогла эффективно противостоять вооруженным силам своего главного врага — большевиков, да и народные массы вовсе не были единодушны в поддержке правительства Петлюры. В ноябре 1920 года под натиском красных остатки армии УНР во главе с Главным атаманом С. Петлюрой перешли западную границу по реке Збруч — на территорию союзной тогда Речи Посполитой, где были интернированы польской властью. Несмотря на очевидную слабость своей позиции, Петлюра оценивал отход за границу «не как ликвидацию нашей государственности, не как ликвидацию наших государственных усилий, а как ликвидацию одной из вооруженных попыток борьбы с оккупантской властью в Украине». На что уже надеялся Главный атаман УНР? Прежде всего, на финансовую и военную помощь со стороны западных стран. Это позволило бы перевооружить армию и еще раз попытаться склонить чашу весов истории на свою сторону.

Первоочередной задачей руководства УНР было сохранение армии. Если на помощь деньгами и оружием еще можно было рассчитывать, то на пополнение армии — нет. Поэтому принимались все меры, чтобы отступление из родных мест не породило анархию и раздор в армии. 23 ноября 1920 года Петлюра своим указом запретил распускать любые военные части, которые должны были

сосредотачиваться «на общих условиях интернирования в целях организации и подготовительной работы для возвращения на Украину». Для поддержания боеспособности армии командир войск УНР выдвинул польской стороне целый ряд предложений. Украинскому войску было предписано не смешиваться с интернированными российскими частями, отдельные тактические единицы (дивизии, бригады, курени, батареи) должны были сохранить свою организацию и штабы, а старшины — остаться на своих должностях. Украинских солдат также следовало обеспечить соответствующим медицинским обслуживанием и нормальным питанием, а старшинский состав армии пользовался правом свободного передвижения в пределах Польши и свободного выезда за границу по дипломатическим паспортам.

Юридическое положение армии УНР было урегулировано инструкцией Министерства военных дел Польши от 2 декабря 1920 года. В ней армия УНР трактовалась как дружеская и союзная и обязывала польскую администрацию обеспечить соответствующие условия пребывания в лагерях. К 20 января 1921 года в лагерях числилось 17 464 старшин и казаков армии УНР. Со временем численность интернированных в польских лагерях возрастала, и к концу 1921 года достигла уже почти 30 тысяч человек. В конце января этого же года был создан Высший военный совет (ВВС) армии УНР, в обязанности которого вменялись сохранение и укрепление армии. Главой ВВС стал генерал-поручик Н. Юнаков.

Одновременно с укреплением армии в Польше Петлюра проводил активную работу по поддержке повстанческого движения в Украине. В большевистском тылу остались верные УНР старшины и казаки, а также отдельные военные части. Связь с ними поддерживалась через старшин армии УНР, посланных со специальными заданиями в разные губернии Украины. Для координации повстанческо-партизанского движения наряду с ВВС был сформирован специальный орган — Повстанческо-партизанский штаб (ППШ) во главе с генерал-хорунжим Ю. Тютюнником, опытным специалистом партизанской борьбы, участником первого Зимнего похода, имевшем влияние среди повстанцев в Украине. Руководство ППШ должно было готовить вооруженные формирования армии УНР к переходу через польско-советскую границу.

Создание ППШ было осуществлено с согласия Временного Начальника Польского государства Ю. Пилсудского и при непосредственном участии польского Генштаба. Польская сторона взяла на себя обязательства создать условия для переезда и размещения ППШ во Львове, разрешила использовать интернированных украинских старшин и казаков как посланцев в Украину, а также освободить из лагерей две тысячи украинских бойцов и обеспечить их необходимой амуницией для похода в Украину и организации широкомасштабного антибольшевистского восстания. Больше Польша сделать не могла: хотя ее правительство не хотело, чтобы ее соседом оказалось большевистское государство, оно было вынуждено учитывать требования Москвы и придерживаться условий Рижского договора марта 1921 года. По этому договору запрещалось существование антисоветских вооруженных группировок на территории Польши. Кроме того, согласно договору, до 1 мая 1921 года правительство УНР и Совет Республики должны были покинуть пределы Польши.

Польша выполнила условия этого соглашения лишь формально: правительство УНР и все его военные и политические организации потеряли официальный статус и право легального существования на территории Польши. Поляки официально отмежевались от открытой поддержки украинских повстанцев на своей территории, боясь спровоцировать новый конфликт с Советской Россией. Но тайная поддержка УНР не прекращалась. Руководство ППШ в тесном контакте с польским Генштабом разрабатывало детальные планы всеукраинского восстания. Ядром восстания должны были стать части армии УНР, составляющие Первую регулярную армию УНР. А на основе местных повстанческих формирований планировалось сформировать Отдельную Вторую повстанческую армию.

На территорию Украины направлялись эмиссары с агитационной литературой: газетами, листовками и обращениями. По всей Украине ходили агитаторы и рассказывали о С. Петлюре как «о единственном спасителе народа от большевистских оккупантов». Момент для пропаганды был выбран удачно: большевики проводили жесткую политику «военного коммунизма», которая порождала массовое сопротивление. Но стихийные народные восстания против большевистской власти не были скоординированы. Действовали

повстанцы небольшими группами, собираясь при необходимости в большие соединения и распускаясь, когда такая необходимость миновала. Повстанцы отбивали обозы с награбленным имуществом и реквизированным хлебом, устраивали железнодорожные катастрофы, совершали покушения на комиссаров и большевистских активистов.

Чтобы создать повстанческую армию, необходим был координационный центр, способный объединить действия отдельных отрядов. В марте 1921 года в Клеве был создан Центральный украинский повстанческий комитет во главе с украинским старшиной И. Андрухом, делегированным в Украину еще в конце 1920 года. По всей Украине возникла сеть губернских, уездных, городских и сельских повстанческих комитетов, которые начали формировать вооруженные отряды и подпольные группы.

Разумеется, это не могло пройти незамеченным. Кроме того, разветвленная сеть создавала прекрасные условия для внедрения в нее агентов ЧК или перевербовки ее наименее стойких элементов.

По предварительному плану начать восстание предполагалось 20 мая 1921 года. Но этот план так и не был реализован. Благодаря действиям разведки о нем стало известно советскому правительству. Правительство УССР буквально засыпало Польшу нотами протеста, обвиняя ее в нарушении условий Рижского договора. Одновременно с этим Главное политическое управление (ГПУ) арестовало почти весь состав Центровосстанкома и ликвидировало около шести тысяч (!) повстанческих групп и отрядов. Уже одна эта цифра должна была насторожить Петлюру и показать ему уровень осведомленности советской разведки. Но он все еще надеялся на повстанческое движение...

Время работало против Главного атамана и его армии. Подъем повстанческого движения в Украине, который пришелся на июль 1921 года, не мог длиться бесконечно. На армию Нестора Махно, куда входило до 30 тысяч человек, петлюровцы также рассчитывать не могли. Она не подчинялась ППШ и придерживалась собственной тактики, а в августе была практически полностью разгромлена. Советская власть тем временем вела непримиримую борьбу с повстанцами, которые, с ее точки зрения, были бандитами и бунтовщиками. В чекистских донесениях значилось, что «общее количество бандитов в 1921 году достигло 40 тысяч человек».

Приблизительно такие же данные приводят и современные отечественные и зарубежные историки.

Партизанскому движению противодействовали регулярные войска Красной армии и отряды ЧК. Окончание войны на фронтах позволяло большевикам бросить на подавление повстанцев лучшие части во главе с прославленными военачальниками — М. Фрунзе, В. Блюхером, П. Дыбенко, Г. Котовским, А. Пархоменко. Ликвидируя отряды повстанцев, они постепенно продвигались к границе с Польшей, что ставило под сомнение всякую возможность организации нового похода. Министерство иностранных дел УНР в донесении Главному атаману от 10 сентября 1921 года информировало: «Начиная с середины августа большевистское командование подтягивает непосредственно к границе много новых пеших и конных частей с соответствующим количеством артиллерии и других разных вспомогательных родов войск...» По данным разведки ППШ, в августе 1921 года в УССР дислоцировалось по меньшей мере 14 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, отдельная пограничная дивизия Киевского военного округа (3 бригады), технические части, авиаподразделения, 23 бронепоезда. Уже в начале осени большинство повстанческих формирований было ликвидировано. Уцелели только небольшие маневренные отряды, которые состояли из нескольких десятков человек и действовали в лесной местности.

Время для общего восстания было упущено. Но руководство УНР как будто не подозревало об этом. На совещании ППШ с представителями польского Генштаба 24–25 сентября во Львове представители украинской стороны заявили о желании осуществить рейд в Украину любой ценой. Начало выступления назначили на 10 октября 1921 года. Для повышения боеспособности частей УНР была осуществлена реорганизация армии. Все вооруженные сухопутные силы УНР по характеру своей службы делились на полевые, запасные и местные. Приказом от 17 октября 1921 года были созданы краткосрочные курсы для подготовки старшин. Командовать вооруженными силами УНР должен был Ю. Тютюнник, начальником штаба армии был назначен полковник Отмарштайн. Все командующие группами и районами в Украине переходили из непосредственного подчинения Главному атаману в распоряжение Ю. Тютюнника.

Тем временем Советская Россия продолжала оказывать давление на Польшу. 7 октября 1921 года был подписан протокол, по которому польская сторона обязывалась разоружить украинские части, которые уже перемещались к польско-советской границе, и выслать за пределы Польши С. Петлюру, Б. Савинкова и белорусского генерала С. Булак-Балаховича.

Благодаря информации, полученной от офицеров польского Генштаба, украинским соединениям удалось обойти польские войска, посланные для их разоружения. Участники рейда сосредоточились у границы в районе Ровно. По данным советских историков, всего к польско-украинской границе было подтянуто до семи тысяч бойцов армии УНР. Но возможно, эти цифры несколько преувеличены, поскольку поляки обязывались обеспечить оружием и амуницией только две тысячи солдат. Впрочем, численность украинцев, бежавших за границу, составляла около 100 тысяч человек, и часть из них могла присоединиться к повстанческой армии.

25 октября 1921 года, по случаю начала похода, С. Петлюра послал Ю. Тютюннику следующее письмо: «Генерал! Провожая Вас, Повстанческо-партизанский штаб, старшин и казаков на большое дело освобождения Родины нашей от московского врага, от чистого сердца хочу пожелать успеха в той тяжелой борьбе, которую придется осуществить в Украине. Прошу передать старшинам и казакам мой привет, а перед началом операции объяснить им весь исторический вес и патриотичное значение того великого акта самопожертвования, которое они проявят, отправляясь в Украину, чтобы освободить ее от врагов и начать работу для национально-государственного восстановления ее».

Ю. Тютюнник со штабом выехал из Львова в Ровно только 29 октября. 2 ноября 1921 года из села Балашовка, что возле самой польско-советской границы, он докладывал С. Петлюре: «Подольский отряд под командованием подполковника Палия — 700 чел., 200 ружей, 10 000 патронов, 5 пулеметов, 4 ленты с патронами, в ночь с 25 на 26 перешел Збруч. 27-го — занят Каменец-Подольский и Проскуров. Волынский отряд генерал-хорунжего Янченка вместе со штабом генерала Тютюнника — 900 казаков, 417 ружей, зарядов 70 000, 32 пулемета, 300 сабель, 15 копий, 500 ручных гранат. 35 % — босые, 50 % — без шинелей, одежда казаков старая и порванная.

Большой недостаток ощущаем в белье. От 1-й повстанческой группы Гулого донесений не поступило».

Надо сказать, что согласно плану похода, в нем принимали участие три группы: Волынская — главная, под непосредственным командованием Ю. Тютюнника, Подольская — под командованием подполковника М. Паляя; Бессарабская — генерала А. Гулого-Гуленко, которая была еще на стадии формирования.

Советское руководство было детально проинформировано о подготовке рейда и приняло соответствующие меры. 10 ноября 1921 года ВУЦИК принял постановление «О ликвидации петлюровских банд на Правобережье», в котором, в частности, говорилось: «Преступные цели, преследуемые бандами, уже известны: разрушение железных дорог, сжигание ссыпных пунктов, убийства красноармейцев и советских работников, ограбление крестьян, для того чтобы в конечном итоге обеспечить работу польской военной партии, которая замышляет новую войну против рабочих и крестьян Украины. Постановляем объявить Волынскую, Подольскую, Киевскую и Одесскую губернии на положении, угрожающем по бандитизму со всеми вытекающими отсюда последствиями». ВУЦИК поставил перед частями Красной армии задачу пресечь наступление. На укрепление местных гарнизонов были брошены Девятая армия Крымской кавалерийской и 44-й и 45-й стрелковых дивизий.

Первой выступила Подольская группа подполковника Паляя. 25 октября 1921 года она пересекла советскую границу в районе Гусятина и с непрерывными боями осуществила 1500-километровый рейд по оккупированной советскими войсками территории через Проскуровский, Летичивский, Любарский уезды, свернула на север в Житомирский и Коростенский уезды, а потом — на юго-восток, на город Малин и село Борожанку. Но бойцам Паляя не удалось соединиться с Волынской группой для общих операций, хотя оба подразделения сходились в одном бою с большевиками под селом Леоновка. Волынская и Подольская группы во время этого сражения оказались с противоположных сторон и так и не узнали о том, что находятся совсем рядом друг от друга. Этот факт имел фатальные последствия, особенно для Волынской группы. 17 ноября Подольская группа достигла сел Гута Катюжанска и Ваховка под Клевом, но была вынуждена повернуть на запад и 6 декабря перешла польскую границу.

Командование оценило этот рейд как выдающийся военный подвиг, но реальных преимуществ войскам УНР он не принес.

Бессарабской группе поручалось отвлечь внимание врага от главной группировки Ю. Тютюнника. Но, перейдя 19 ноября 1921 года с окраин Бендер на советскую территорию, она столкнулась с превосходящими силами противника и после изнурительных боев, понеся немалые потери, вынуждена была отойти на территорию Румынии.

Перед повстанческим отрядом генерала В. Нельговского, который перешел в Украину в ночь с 19 на 20 сентября, была поставлена задача наладить связь между Волынской группой и повстанческими отрядами Волыни. Но отряд потерял связь со штабом, так и не выполнив поставленной задачи, и с большими потерями отступил за границу. К провалу привело то, что в отряд был внедрен агент, сообщавший войскам советского правительства обо всех предполагаемых передвижениях повстанцев.

Самостоятельно действовал также отряд Гопанчука, который должен был связаться с одиночными повстанческими отрядами и поднимать на борьбу местное население. Отряд пробился к Шепетовке, прошел города Слауту, Полонное и Брусилув и 24 ноября достиг села Гуровщина (Житомирская область, 25 км от Клева).

Главная же Волынская группа под командованием Ю. Тютюнника, перейдя границу в ночь на 4 ноября, через три дня взяла Коростень. Однако удержать город ей не удалось. Под натиском превосходящих сил Красной армии группа отступила на север от Коростеня на Дидковичи с дальнейшим маневром на юг в район Радомышля, а потом на северо-восток на Киевщину.

На всех направлениях и во всех важных пунктах группа Ю. Тютюнника сталкивалась с превосходящими силами противника. Как свидетельствуют участники рейда, «не было дня, почти не было часа без боя. Если не большие бои с частями Красной армии, то мелкие стычки с отдельными отделами ЧОН,^[13] чека, милиции». Большевицкое командование бросило против Волынской группы дивизию Г. Котовского, насчитывавшую две тысячи солдат.

Потеряв всякую надежду соединиться с Подольской группой Палия и не отыскав отряд Нельговского, Тютюнник решил повернуть назад к польской границе. Было невозможно оторваться от конницы

врага, к тому же в каждом селе были красные отделы и надо было пробивать себе путь с боями. Как упоминает один из участников похода Р. Сушка: «План, решительность, храбрость — все было, но был намного сильнее враг, а что самое главное — он уже ждал нас». Бои без сна и отдыха, голод, сильные морозы, бездорожье, переутомление истощали полураздетое, почти безоружное украинское воинство. И только лишь фанатичная вера в правоту своего дела помогала переносить эти нечеловеческие условия.

17 ноября под селом Малые Миньки, в районе городка Базар на Волыни, группа Тютюнника попала в окружение. В отчаянном бою, который стал последним боем Повстанческой армии, свыше 400 человек погибло, более 500 попали в плен (359 из них были расстреляны). Лишь штабной группе с частью раненых (общим количеством до 100 человек) удалось оторваться от преследования и 20 ноября перейти границу.

Поход закончился трагически и не принес ожидаемых результатов. Попытка поднять всеукраинское вооруженное восстание и свергнуть в Украине режим большевиков закончилось неудачей. Но на самом деле иначе все закончиться и не могло. Войска УНР изначально были посланы в бой с превосходящими частями противника, без достаточного обеспечения самым необходимым и в неподходящее время.

Первая попытка проанализировать причины неудачи рейда была сделана в донесении ППШ от 20 декабря 1921 года. В нем отмечалось, что поражение произошло из-за слабой подготовки к походу, плохого материального обеспечения, наличия в частях УНР большевистских агентов, отсутствия организованной систематической разведки и надлежащего управления боевыми действиями. В официальных документах и воспоминаниях участников похода также отмечается промедление с началом похода, присутствие в Украине значительных сил большевиков, которые жесткими репрессивными мерами подорвали силы повстанческого движения, непоследовательность и двойственность политики Польши, на помощь и поддержку которой вынуждено было ориентироваться правительство УНР.

Одной из главных причин поражения похода ученые считают полную осведомленность советской стороны через своих агентов в ППШ, а также в близком окружении не только Ю. Тютюнника, но и

самого С. Петлюры. Красные знали о приготовлениях, плане похода, структуре войск, материальных и человеческих ресурсах УНР. ППШ был фактически зависим и контролируем агентами советских спецслужб, что привело к принятию штабом ошибочных решений и подставило повстанцев под удары противника.

Документы свидетельствуют, что начиная с подготовки и до своего трагического завершения Второй Зимний поход постоянно находился под контролем и влиянием органов ЧК.

Кстати, большевики могли не допустить рейда, избежать неминуемого кровопролития и человеческих жертв. Могли они также и сконцентрировать достаточное для отпора количество войск на участках перехода границы, что означало обреченность попыток прорыва на территорию УССР, как это они сделали с Бессарабской группой генерала А. Гулого-Гуленка. Тем не менее, руководство Красной армии избрало тактику заманивания в ловушку и нанесения сокрушительного удара. Это и было достигнуто, хотя и с немалыми жертвами с обеих сторон. Но с другой стороны, руководство УНР несет не меньшую ответственность за разгром армии. Кто, как не ее военачальники, обязаны были продумать все детали похода, организовать снабжение и разведку? Наконец, почему, несмотря на полученные данные о концентрации у границы советских войск, Петлюра все же распорядился начать поход?

Одним из роковых факторов стали и личные качества руководителей Зимнего похода. Участники рейда указывают на чрезмерную амбициозность, честолюбие и самоуверенность Ю. Тютюнника. Так, О. Шпилинский писал: «Генерал Тютюнник переоценил известия из Украины. И не принял в расчет того, что массовый красный террор, который свирепствовал круглый год, в конце концов ослабил активность местного населения». Впрочем, Тютюнник мог не знать о масштабах репрессий или получить ложную информацию о состоянии повстанческого движения. Другой участник похода, Г. Чижевский, утверждал, что «большой повстанческой организации, которая бы объединяла почти всю Украину, о которой так много говорилось и на которую так много полагалось надежд, не было». Сведения, которые поступали в штаб Ю. Тютюнника, скорее всего, от агентуры ЧК, в большинстве были фальшивыми, а надлежащей проверки не проводилось. Многие писали о том, что

чекисты подробно изучили психологию начальника ППШ и играли на его амбициях. Говорилось и о том, что Ю. Тютюнник подбирал людей по признаку личной преданности, был самовлюбленным, нерешительным. Этим и воспользовались его противники...

Зимний поход, который имел своей целью скоординировать повстанческое движение и привести к свержению советского режима в Украине, закончился трагически и не принес ожидаемых результатов. Поднять всеукраинское вооруженное восстание не удалось. Но героизм и самопожертвование участников похода во имя борьбы за украинскую государственность, их патриотизм и любовь к Украине остаются образцом выполнения долга перед народом и государством.

Тайна гибели Николая Щорса

Практически в каждой энциклопедии, изданной в СССР после 1935 года, можно прочесть следующую статью: «Щорс Николай Александрович (1895–1919), участник Гражданской войны. Член РКП(б) с 1918 года. В 1918–1919 годах командир отряда в боях с немецкими интервентами, Богунского полка, 1-й Украинской советской и 44-й стрелковой дивизий в боях против петлюровцев и польских войск. Погиб в бою». Сколько их — комдивов, комбригов — полегло в жесткой послереволюционной мясорубке! Но имя Щорса стало легендарным. О нем написаны стихи, песни и создана огромная историография, снят художественный фильм. Памятники Щорсу стоят в Клеве, который он мужественно оборонял, Самаре, где организовывал красное партизанское движение, Житомире, Клинцах, где громил врагов советской власти, и под Коростенем, где оборвалась его жизнь. Там же открыты и музеи, посвященные красному комдиву. И в них много архивных документов. Но, как оказывается, не всем им можно доверять.

Николай Щорс

Каким полководцем был Щорс, сейчас судить трудно, но он стал одним из первых офицеров царской армии, появившимся в казацкой красной вольнице. Николай Александрович не собирался быть военным. Сын машиниста-железнодорожника из поселка Сновска

Черниговской губернии, окончив церковно-приходскую школу, хотел пойти по духовной части и поступить в семинарию, но с началом Первой мировой войны был призван в армию. Грамотного юношу сразу определили в киевскую школу военных фельдшеров. Затем был Юго-Западный фронт. За проявленную в боях храбрость командир направил его в полтавское военное училище, которое готовило младших офицеров-прапорщиков для действующей армии по ускоренному четырехмесячному курсу, — и вновь в гущу сражения. К моменту Февральской революции Щорс уже был подпоручиком, но когда после событий «Великого Октября» фронт развалился, Николай, подлечившись в Крыму от заработанного на войне туберкулеза, вернулся в родной город.

Как боевой офицер Щорс не мог остаться в стороне, когда Украине после Брестского мира угрожала немецкая оккупация. Он создал в родном Сновске небольшой партизанский отряд, постепенно переросший в более крупный, с громким названием «Первая революционная армия». Предводитель партизан вступил в РКП(б) и успешно справлялся с военными задачами, которые ставила ему партия. В октябре 1918 года он уже командовал 2-й бригадой Украинской советской дивизии, состоящей из верных богунцев и Таращанского полка. Проверенные в боях партизаны, ведомые Щорсом, буквально за несколько месяцев разгромили гайдамаков и части польской армии на направлении Чернигов — Клев — Фастов. 5 февраля Николая Александровича назначили комендантом Клева, и

Временное рабоче-крестьянское правительство Украины наградило его почетным оружием. Бойцы любили своего командира, несмотря на крутой нрав (нарушителей расстреливал собственноручно). Он умел организовать ход боя, сочетая при этом навыки и опыт офицера с партизанскими методами борьбы. Поэтому неудивительно, что вскоре под его командованием была вся дивизия. А затем при реорганизации Красной армии в нее влились другие украинские части и Щорс возглавил 44-ю стрелковую дивизию РККА.

К лету 1919 года в Украине сложилась крайне тяжелая для советской власти обстановка. Деникинцы и петлюровцы пытались овладеть Клевом, но пробиться к нему можно было лишь захватив стратегический железнодорожный узел в Коростене. Именно его и защищала дивизия Щорса. Когда после рейда конного корпуса

генерала Мамонтова побежала 14-я армия и падение Клева было предрешено, на вверенные Щорсу части легла трудная задача — выиграть время, чтобы эвакуировать советские учреждения и организовать отступление 12-й армии Южного фронта. Комдив и его бойцы стояли стеной, но 30 августа 1919 года у небольшой деревеньки под Коростенем во время очередной контратаки на передовой линии противника пуля из вражеского пулемета, попав чуть выше левого глаза и выйдя в области затылка справа, оборвала жизнь Щорса. Равноценной замены ему не нашлось. В тот же день в Клев вошли петлюровцы, а на следующий — их выбили белогвардейцы.

Красноармейцы простились со своим любимым командиром. Рана Щорса была тщательно скрыта бинтами. Затем тело в цинковом гробу (!) погрузили в товарный вагон поезда и похоронили в Самаре. Никто из щорсовцев не сопровождал траурный поезд.

Прошли годы. О герое Гражданской войны практически забыли, хотя в специальной и мемуарной литературе его имя вспоминалось довольно часто. Так, в одном из самых фундаментальных трудов по истории Гражданской войны, многотомных «Записках о Гражданской войне» (1932–1933 гг.), бывший командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко писал: «В Броварах производился смотр частей первого полка... Познакомились с командным составом дивизии. Щорс — командир 1-го полка (бывший штабс-капитан), суховатый, подобранный, с твердым взглядом, резкими четкими движениями. Красноармейцы любили его за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость».

Постепенно выяснилось, что не так уж много людей стали свидетелями трагической гибели комдива. Даже генерал С. И. Петриковский (Петренко), командовавший в то время кавалерийской бригадой 44-й дивизии, хотя и располагался неподалеку, подоспел к командиру, когда он был уже мертв, а голова забинтована. Оказывается, в этот момент рядом со Щорсом находились помощник комдива Иван Дубовой и политинспектор из штаба 12-й армии некто Танхиль-Танхилевич. Сам Сергей Иванович о смерти Щорса знал только со слов Дубового, который лично перевязал командира и не разрешил сменить повязку медсестре Богунского полка Анне Розенблум. Сам же Дубовой в своих воспоминаниях, вышедших в 1935 году, продолжал утверждать, что Щорса убил вражеский

пулеметчик, насытив свой рассказ множеством деталей: «Противник открыл сильный пулеметный огонь, и особенно, помню, проявлял „лихость“ один пулемет у железнодорожной будки... Щорс взял бинокль и начал смотреть туда, откуда шел пулеметный огонь. Но прошло мгновение, и бинокль из рук Щорса упал на землю, голова Щорса тоже...» И о политинструкторе ни одного слова.

Как оказалось, имя героя Гражданской войны не затерялось во времени. Задолго до того, как о нем вспомнил Сталин и дал указание А. Довженко создать фильм об «украинском Чапаеве», существовало щорсовское движение, которое к началу 1930-х годов объединяло около 20 тысяч бойцов из 44-й дивизии. Они регулярно собирались и даже издали книгу документов и воспоминаний («44-я киевская дивизия», 1923 г.). Правда, в 1931 году в Клеве с подачи ОГПУ было раскручено так называемое дело «Весна», по которому репрессировали несколько десятков командиров дивизии Щорса. По лагерям прошла и жена комдива, Фрума Ефимовна Хайкина-Ростова, а его младший брат Григорий, один из заместителей наркома ВМФ по строительству, был отравлен в Ревеле в конце 30-х годов. Но в Украине о герое помнили, и в 1935 году поселок Сновск стал городом Щорсом. Но только после выхода в прокат в 1939 году довженковского фильма Николай Александрович вошел в когорту наиболее знаменитых героев борьбы за советскую власть и создателей Красной армии в Украине. Заодно ему приписали множество подвигов, вплоть до создания Богунского полка, ведь к тому времени одна часть командного состава уже была выкошена, а другая числилась врагами народа. Щорс же погиб «вовремя» и угрозы для вождя народов не представлял.

Но теперь возникла ситуация, когда герой есть, а вот могилы его нет. И для официальной канонизации срочно потребовали разыскать захоронение, чтобы отдать надлежащие почести. Неустанные поиски накануне выхода на экраны фильма оказались безрезультатными, несмотря на то что все понимали, чем такая «халатность» может закончиться. Только в 1949 году нашли единственного очевидца довольно необычных похорон. Им оказался приемыш кладбищенского сторожа Ферапонтов. Он рассказал, как поздним осенним вечером в Самару прибыл товарный поезд, из него выгрузили запаянный цинковый гроб — редкость по тем временам необыкновенную — и под покровом темноты и в строжайшей секретности перевезли на

кладбище. На «траурном митинге» выступили несколько приезжих, они же произвели и троекратный револьверный салют. Наспех забросали могилу землей и установили привезенное с собой деревянное надгробье. А так как городские власти не знали об этом событии, то и ухода за могилой не было. Теперь же, 30 лет спустя, Ферапонтов безошибочно вывел комиссию к месту захоронения... на территорию Куйбышевского кабельного завода. Могилу Щорса обнаружили под полуметровым слоем щебенки. Еще б немного — и памятником герою Гражданской войны был бы корпус электроцеха.

Герметически запаянный гроб был вскрыт. Оказалось, что без доступа кислорода тело сохранилось почти идеально, тем более что оно к тому же было хоть и наспех, но забальзамировано. Зачем понадобились в грозные военные годы такие «излишества», что хотели скрыть? На этот вопрос сразу же был дан ответ. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила то, о чем все эти годы глухо шептались щорсовцы. «Входным отверстием является отверстие в области затылка справа, а выходное — в области левой теменной кости... Следовательно, направление полета пули — сзади наперед и справа налево... Можно предположить, что пуля по своему диаметру была револьверной... Выстрел был произведен с близкого расстояния, предположительно 5—10 м». Конечно, эти материалы долгое время хранились под грифом «Секретно». Их обнаружил в архивах и обнародовал журналист Ю. Сафонов уже после распада СССР. И тогда прах Николая Щорса после тщательного исследования перезахоронили на другом кладбище и наконец-то поставили памятник.

То, что комдива убили свои, теперь уже ясно, но остался вопрос: кому он так помешал? Оказывается, Щорса хотя и приняли в партию, но скорее относили к так называемым попутчикам. У него была собственная позиция по любому вопросу. Мало он считался и с военным командованием, и, если штабное решение его не устраивало, Щорс упрямо отстаивал свою точку зрения. Начальство, подозревая Николая в непокорстве и склонности к партизанщине, очень не любило его, особенно коробил большевистских «стратегов» никогда не опускавшийся вниз жгучий щорсовский взгляд. Но все же не это стало поводом для устранения умело руководившего войсками командира, в котором на тот момент очень нуждалась советская власть.

Поначалу историки заподозрили матроса-балтийца Павла Ефимовича Дыбенко, занимавшего во время Октябрьской революции важнейший пост председателя Центробалта, а затем выдвигаемого на самые ответственные государственные и партийные посты, а также военные должности. Но «братишка» со своими умственными способностями неизменно проваливал все поручения. Упустил Краснова и других генералов, которые, уйдя на Дон, подняли казаков и создали белую армию. Затем, командуя матросским отрядом, сдал немцам Нарву, за что его даже выгнали из партии, правда на время. «Прославился» Дыбенко и на должности командующего

Крымской армией, наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Крымской республики — сдал полуостров белым. И он же, бездарно провалив оборону Клева, бежал вместе с 14-й армией, оставив Щорса и его бойцов на произвол судьбы. Все эти неудачи ему сходили с рук благодаря супруге, знаменитой Александре Коллонтай. К тому же Ленин всегда помнил роль, которую Дыбенко сыграл в октябре 1917 года. Но если бы Щорс сумел устранить его «оплошности», возможно, «братишка» не дожил бы до обвинения в покушении на Сталина и расстрела в 1938 году. Но, как оказалось, не он «помешал» комдиву успешно отстоять Клев.

У Щорса были более амбициозные и хитрые противники. Как оказалось, своим несговорчивым характером он очень досаждал С. Аралову, занимающему на тот момент должности члена реввоенсовета 12-й и 14-й армий, а также начальника разведуправления Полевого штаба Реввоенсовета республики и временно должность командира 14-й армии. И если командование фронтом и армией считало дивизию Щорса одним из лучших и наиболее боеспособных соединений, то комиссар С. Аралов придерживался иной точки зрения. Он был убежден, что щорсовцами должен заняться военный трибунал. Отношения с комдивом у него сложились отвратительные. В своих письмах в ЦК Аралов разоблачал Щорса как антисоветчика, указывал на его неуправляемость, а руководимую им дивизию, и особенно богунский полк, характеризовал почти как бандитскую вольницу, представлявшую опасность для советской власти. По его мнению, в «разложившейся» дивизии срочно была необходима чистка «не заслуживающих доверия» командиров. И его сигналы, что «со здешними украинцами работать невозможно» и что в первую очередь

необходим новый командир дивизии взамен Щорса, были услышаны. Являясь непосредственным ставленником наркомвоенмора Л. Троцкого, Аралов был облечен большими полномочиями. В ответ на его доносы пришла телеграмма Троцкого с требованием навести строжайший порядок и прочистить командный состав.

Сам Аралов уже дважды пытался отстранить Щорса от командования дивизией, но это ему не удалось, ведь авторитет и популярность комдива среди подчиненных были несказанно велики, и это могло вызвать скандал с самыми непредсказуемыми последствиями. И поэтому Аралов сумел найти «достойных» исполнителей. 19 августа 1919 года приказом командующего 12-й армии произошло слияние 1-й Украинской дивизии Щорса и 44-й стрелковой дивизии Дубового. Причем командиром 44-й дивизии стал Щорс, а его заместителем — Дубовой, и это при том, что еще до недавнего времени он был начальником штаба армии, командармом. Но чтобы отвести малейшие подозрения от Дубового, в дивизию по распоряжению С. Аралова прибыл молодой человек с повадками уголовника со стажем. Его появление не прошло незамеченным, потому что уполномоченный реввоенсовета 12-й армии Павел Танхиль-Танхилевич абсолютно не был похож на военного. Он приехал в дивизию одетый с иголки и напوماженный как фронт, а после гибели Щорса — исчез как и не было. А сам Иван Дубовой в своих воспоминаниях ничего не сообщил об этой загадочной личности. Но зато когда историки и журналисты стали «рыть» эту версию, они в мемуарной литературе наткнулись на некоторые факты, явно пропущенные цензурой.

Оказалось, что еще в марте 1935 года в украинской газете «Коммунист» проскочил небольшой материал за подписью бывшего командира Богунского полка К. Квятека, который сообщал, что «30 августа на рассвете... прибыл начдив тов. Щорс, его заместитель тов. Дубовой и уполномоченный реввоенсовета 12-й армии тов. Танхиль-Танхилевич. Через некоторое время тов. Щорс и сопровождавшие его подъехали к нам на передовую... Мы залегли. Тов. Щорс поднял голову, взял бинокль, чтобы посмотреть. В этот момент в него попала вражеская пуля». Но в этой версии нет ни слова о «лихом» пулеметчике. А в книге бывшего бойца щорсовской дивизии Дмитрия Петровского «Повесть о полках Богунском и Таращанском», изданной

в 1947 году, автор утверждал, что пуля сразила Щорса, когда... пулемет уже заглох. Эту же версию подтвердил и бывший командир отдельной кавбригады 44-й дивизии, впоследствии генерал-майор С. Петриковский (Петренко) в своих воспоминаниях, написанных в 1962 году, но частично опубликованных только более чем через четверть века. Он же показал, что политинспектор был вооружен браунингом, и рассказал, что провел свое расследование по свежим следам. Оказывается, возле Щорса с одной стороны залег Дубовой, а с другой — Танхиль-Танхилевич. Генерал приводит слова Дубового, что во время перестрелки политинспектор вопреки здравому смыслу стрелял в находящегося далеко противника из браунинга. И вот тут-то генерал делает совершенно неожиданный вывод о причине гибели Щорса. «Я все-таки думаю, что стрелял политинспектор, а не Дубовой. Но без содействия Дубового убийства не могло быть... Только опираясь на содействие власти в лице заместителя Щорса — Дубового, на поддержку РВ С 12-й армии, уголовник совершил этот террористический акт... Я знал Дубового не только по Гражданской войне. Он мне казался человеком честным. Но он мне казался и слабовольным, без особых талантов. Его выдвигали, и он хотел выдвигаемым быть. Вот почему я думаю, что его сделали соучастником. А у него не хватило мужества не допустить убийства». А сам С. Аралов в рукописи своих мемуаров о Гражданской войне «На Украине 40 лет назад (1919)» вроде бы невзначай обмолвился весьма примечательной фразой: «К сожалению, упорство в личном поведении привело его [Щорса] к преждевременной гибели».

Наконец остается добавить, что 23 октября 1919 года, почти через два месяца после гибели Щорса и проведенного на скорую руку расследования, именно И. Дубовой возглавил командование 44-й дивизией, а внезапно исчезнувший из Украины Танхиль-Танхилевич объявился в реввоенсовете 10-й армии Южного фронта. И убийца, и пособник, и заказчик весьма преуспели в своем грязном деле и считали, что надежно спрятали все улики. Их не волновало, что, оставшись без настоящего командира, дивизия потеряла большую часть своей боеспособности. Щорс мешал им, и этого было достаточно. Как сказал бывший член реввоенсовета Украинского фронта и герой Гражданской войны Е. Щаденко: «Оторвать Щорса от

дивизии, в сознание которой он врос корнями, могли только враги. И они его оторвали».

Голодомор — черная страница украинской истории

Два страшных года — 1932-й и 1933-й — вписаны в книгу истории Советского Союза кровью миллионов умерших. Массовый голод охватил тогда районы Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири, Казахстана. Но самые катастрофические последствия голодомор имел на Украине. По разным данным, за неполных два года от голода умерло от четырех до десяти миллионов человек. Во имя будущего процветания государства у них были конфискованы все запасы продовольствия...

Жертвы голода в 1930-е годы

В мировой истории было немало случаев, когда люди умирали голодной смертью — из-за сильной засухи или морозов, уничтоживших посевы. «Глады и моры» упоминаются еще в Библии. В 1968–1973 годах во всем мире собирали средства для помощи голодающим народам Африки. Только в Нигерии от голода умерло больше ста тысяч человек. Страшная цифра... Но за 17 месяцев голодомора Украина понесла гораздо большие потери. И это в мирное время.

Сейчас уже почти не осталось свидетелей тех страшных событий. Но сохранились документы: архивы ГПУ, записанные родственниками жертв голодомора воспоминания, официальные отчеты о ходе хлебозаготовок, данные переписи населения. Они позволяют пролить свет на масштабы голодомора 1932–1933 годов и выявить его основные причины.

За время существования СССР было три периода голода. Первый период (1921–1923) пришелся на окончание семилетней полосы войн, третий (1946–1947) последовал за Второй мировой войной, подорвавшей силы страны. Но у второго периода — совершенно другие причины. Истоки голодомора 1932–1933 годов кроются в политике партии, направленной на искоренение лучшей части крестьянства. Сталин поставил задачу четко и недвусмысленно: «Национальная проблема, в самой своей сути, это крестьянская проблема». В 1920-х годах эту проблему начали решать за счет коллективизации и раскулачивания «куркулей» — лучших хозяев-земледельцев. Но несмотря на то, что подавляющее большинство крестьян было принудительно согнано в колхозы и совхозы, дух людей еще не был сломлен.

Руководитель Компартии Украины Косиор говорил на партийном собрании летом 1930 года: «Крестьянин принимает новую тактику. Он отказывается собирать урожай. Он хочет сгноить зерно, чтобы удушить советское правительство костлявой рукой голода. Но враг просчитался. Мы покажем ему, что такое голод. Ваша задача покончить с кулаческим саботажем урожая. Вы должны собрать его до последнего зерна и сразу отправить на заготовительный пункт. Крестьяне не работают. Они рассчитывают на предварительно собранное зерно, которое они запрятали в ямах. Мы должны принудить их открыть свои ямы». В 1932 году этот план начал воплощаться в жизнь.

Нельзя сказать, что годы голодомора были катастрофически неурожайными, хотя урожай зерновых все же был значительно меньшим, чем в прошлые годы. Об этом свидетельствуют постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б). Первоначальный план хлебозаготовок был установлен на уровне 356 миллионов пудов, но по мере уточнения видов на урожай он трижды сокращался, и на 1 ноября 1932 года уменьшился до 282 миллионов

пудов. К началу октября стало понятно, что даже этот план выполнить не удастся: в закрома поступило всего 156 миллионов пудов хлеба. Крестьян обвинили в саботаже, в нежелании работать, в утаивании части урожая. Хлебозаготовки были продолжены до 1 февраля. Когда было собрано все до последнего зерна (заготовители реквизируют даже семенной фонд, оставленный для будущего посева), оказалось, что план все равно не выполнен: было собрано 261 миллион пудов (впоследствии почти 92 миллиона пудов пошло на экспорт). Полетели головы начальников на местах, в селах начались массовые «чистки». За срыв заготовок было репрессировано 1830 должностных лиц — председателей колхозов, членов правления. Села, не выполнившие план по хлебозаготовкам, заносились на «черную доску». Это означало, что в эти села прекращался подвоз товаров, замораживалась колхозная торговля, немногим уцелевшим единоличникам запрещалось торговать. Более того, с «саботажников» в срочном порядке взыскивали старые кредиты и отказывали в выдаче новых. Одновременно с этим на колхозы и села налагались штрафные санкции в виде дополнительных обязательств по сдаче мяса и яиц. По воспоминаниям очевидцев, с одного хозяйства и без налоговых санкций нужно было сдать 45 кг мяса, 350–360 литров молока и 300 яиц. Если нормы не выполнялись, правление колхоза могло забрать в счет долга единственную корову.

Ситуация осложнялась тем, что наступила зима. Если летом жители сел могли рассчитывать на небольшое улучшение рациона за счет дикорастущих съедобных растений, с наступлением холодов они оказались лишены и этого. Люди были доведены до отчаяния. Резко выросло количество беспризорных детей (к первому декабря их количество превысило семь тысяч). Крестьяне не могли даже уехать: специальная директория правительства предусматривала запрет на массовый выезд сельских жителей. Тем не менее, многие, рискуя жизнью, добивались до Белоруссии. Сохранилось письмо от белорусских рабочих, которые предлагали помочь Украине организованным путем и описывали бедственное положение людей, хлынувших в соседнюю республику в надежде выжить.

Только в феврале 1933 года правительство СССР удосужилось обратить внимание на то, что украинское село оказалось на грани вымирания. Но о всенародной трагедии никто не говорил:

признавались лишь отдельные случаи «нехватки продовольствия». В апреле информационная группа обобщила данные обкомов партии о голоде и смертности. В отчете говорилось о том, что только в Днепропетровской области в 32 районах голодает более пяти тысяч человек, в селах люди пухнут от голода, отмечены случаи трупоедства и каннибализма. К маю ситуация стала настолько серьезной, что Москва постановила направить в Украину шесть с половиной миллионов пудов хлеба. Но уже в июне всякие разговоры о дальнейших поставках прекратились...

В 1933 году голод охватил большинство областей Украины. Люди пытались найти хоть какое-то пропитание. Один из очевидцев, который во время голодомора был еще школьником, вспоминает, как они вместе с учительницей ходили в поле и отыскивали норки мышей и сусликов. В норках можно было найти небольшое количество зерна, а если повезет — поймать и самого грызуна. Суслики и воробьи считались деликатесом. Ели буквально все: выкапывали на реках и прудах корни рогоз, собирали лебеду, семена бурьяна, цветы акации. Ранней весной, когда первая зелень еще не появилась, отыскивали мерзлую прошлогоднюю картошку. Были случаи и пострашнее. Зимой, когда люди еле держались на ногах, многие просто замерзали на улицах. А ночью к уже остывшим телам поодиночке приходили люди из ближайших домов — за мясом... По дорогам ходили живые скелеты, обтянутые кожей. Многие от голода лишились рассудка: они уже никак не реагировали на окружающие события. Другие просто теряли человеческий облик и убивали более слабых, чтобы выжить самим... В селе Бажановка родители отправились на поиски хлеба и не вернулись — вероятно, погибли по дороге. Дома оставалось шестеро детей. Когда стало ясно, что никто не придет, полуживые от голода дети убили и съели самого младшего — шестилетнего братика.

Поначалу крестьяне надеялись на помощь — от правительства, от международных организаций, например Красного Креста. Но ее не было. Хотя сведения о голодоморе сумели просочиться на Запад и представители украинской диаспоры всеми силами стремились помочь своим соотечественникам. Однако советское руководство не хотело признавать самого факта голода. В январе 1933 года Сталин сделал заявление, что с каждым годом жизнь трудящихся улучшается. В таких условиях международные организации были бессильны: ведь для того,

чтобы оказать помощь народу Украины, необходимо было согласие советского правительства.

Статистические данные тех лет сильно преуменьшали реальную картину: начальникам ЗАГСов было дано прямое указание заменять причину смерти от голода на иные, нейтральные причины. Но анализ демографической ситуации за несколько лет позволил осознать размеры трагедии. Сильнее всего пострадали от голода бывшие Харьковская и Киевская области (ныне — Полтавская, Сумская, Харьковская, Черкасская, Киевская и Житомирская). Смертность населения в этих районах превышала обычный уровень в восемь-девять раз, а в отдельных местностях — даже больше. В Винницкой, Одесской и Днепропетровской областях уровень смертности увеличился в пять-шесть раз. Украинский историк Станислав Кульчицкий попытался подсчитать возможное число жертв среди населения Украинской ССР в результате голода 1932–1933 годов. Он исходил из того, что по переписи 1937 года население составляло 28 388 тысяч, а по переписи 1926 года — 28 926 тысяч. Таким образом, за прошедшие десять лет оно уменьшилось на 538 тысяч. Часть смертей следует исключить, поскольку голод был не единственной причиной естественной убыли населения. Кульчицкий предложил исключить среднее арифметическое от показателей смертности за 1927–1930 годы (524 тысячи человек в год). Сопоставив эти цифры с уровнем рождаемости, Кульчицкий обнаружил, что нормальный прирост численности населения в этом году составил лишь 97 тысяч, что в пять раз ниже обычного. К 1937 году в Украине сложился демографический дефицит в 4581 тысяч человек. Таковой была кровавая жатва голодомора...

Правительство упорно не желало замечать неоправданно жестоких последствий хлебозаготовки. Никто не думал о людях, умирающих с голоду. Партийные деятели мыслили стратегически. Для того чтобы фактически с нуля создать мощную промышленность, необходимы были огромные средства и свободные рабочие руки. Но оторвать от земли — да еще своей собственной! — настоящего хозяина попросту невозможно. Так же, как невозможно ему указывать, что и в каких количествах он должен сеять. Крестьянин до прихода советской власти жил по законам рынка: сеял в зависимости от спроса, продавал по ценам, которые его устраивали. За исключением немногих товаров,

украинское село практически полностью обеспечивало себя всем необходимым. Плоды собственного труда могли не только удовлетворить нужды средней семьи, но и приносить ей вполне стабильный доход. Поэтому крестьяне чувствовали себя людьми независимыми. Так было до начала репрессий.

Тем временем потребности страны в сельхозпродукции год от года росли. С 1928 по 1931 год численность городского населения выросла на 12,4 миллиона человек. И этих людей необходимо было обеспечить продуктами питания. Нужна была и валюта для покупки на Западе передовых технологий, оборудования, техники. Поэтому крестьян фактически прикрепили к земле и заставили почти бесплатно выращивать едва ли не единственное достояние Украины того времени — хлеб. План хлебозаготовок увеличивался с каждым годом: в 1928 году — 14,7 % валового сбора, в 1929-м — 22,4 %, в 1930-м — 26,5 %, то в 1931-м — 32,9 %, а в 1932-м — 36,9 %. И это при том, что урожайность зерновых столь же планомерно сокращалась. Если в 1927 году в среднем по СССР она составляла 53,4 пуда с гектара, то в 1931 году — уже всего 38,4 пуда с гектара. Снижение урожайности объясняли причинами, весьма далекими от агрономии: вредительством «куркулей», нежеланием крестьян работать по-настоящему, хищением зерна.

В советской печати не появилось ни одного сообщения о трагедии, не было сказано ни единого слова о жертвах новой системы ведения сельского хозяйства. Впервые о голоде 1932–1933 годов официально упомянул 25 декабря 1987 года первый секретарь ЦК Компартии Украины В. Щербицкий. Признание голодомора было вынужденным: американская комиссия вот-вот должна была обнародовать результаты своей работы. А 18 февраля 1988 года «Литературная Украина» опубликовала доклад Алексея Мусиенко на партийном собрании Киевской организации КПУ. Приветствуя курс нового руководства КПСС на десталинизацию, А. Мусиенко предъявил обвинение Сталину в осуществлении в республике жестокой кампании хлебозаготовок, следствием которой стал голодомор 1933 года. С этого момента голодомор стал темой исследования многих историков. А вскоре упоминание о нем вошло в школьные учебники истории.

После провозглашения независимости многие украинские и западные историки (в частности, Джеймс Мейс, Роберт Конквест и

другие) открыто объявили голодомор геноцидом против украинского народа и вступили в борьбу за то, чтобы этот факт официально был признан мировым сообществом. Но, несмотря на собранные ими материалы, далеко не все склонны трактовать события 1932–1933 года именно в таком ключе.

Основные аргументы тех, кто считает голодомор скорее общесоюзной трагедией, чем фактом геноцида, направленного на физическое уничтожение украинского народа, опираются на ряд фактов. Они, например, приводят данные известного исследователя голода профессора Лешкова. Согласно этим данным, голодоморы — явление намного более древнее, чем СССР. С начала XI до конца XVI века на каждое столетие приходилось по восемь неурожаев, которые повторялись через каждые 13 лет. Особенно жестоким голод был в 1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230–1231, 1279, 1309, 1332, 1422, 1442, 1512, 1553, 1557 и 1570 годах. Причины голодоморов были те же, что и в новейшее время: засуха или избыток дождей, ранние морозы, нашествия саранчи и т. д. XVII век начался со страшного голода при Борисе Годунове в 1601–1602 годах. В 1608, 1630 и 1636 годах от голода страдали значительные территории России. В последующие века количество голодных лет резко возросло: в XVIII столетии было 34 неурожая, а в течение XIX столетия лишь до 1854 года их было 35. А с 1842 года неурожай следовали каждые 6–7 лет и длились, как правило, по два года кряду. Один из самых страшных голодоморов произошел в 1891–1892 годах. Голод распространился на 16 губерний Европейской части России и Тобольскую губернию, общее население которых составляло 35 миллионов человек. Особенно сильно тогда пострадали Воронежская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Тамбовская губернии. В Поволжье голодомор охватил 20 губерний с 40-миллионным крестьянским населением. Среди основных причин голодоморов профессор Лешков называет не только стихийные бедствия, но и неспособность руководства страны маневрировать запасами. Например, в 1873 году левая сторона Поволжья была на грани вымирания, в то время как в соседней Саратовской губернии был прекрасный урожай и хлеб не могли продать даже по самым низким ценам. В 1891 году весь восток

Европейской части России страдал от голода. А в то же самое время в малороссийских, новороссийских, юго-западных,

прибалтийских губерниях и на севере Кавказа урожай был настолько высоким, что в среднем по России на душу населения уродилось значительно больше 14 пудов. Именно такое количество зерна считалось тогда достаточным для прокорма одного человека в течение года. Вывоз продовольствия из регионов и стран также нельзя назвать исключительной мерой, предпринятой с целью геноцида. Не только Россия, но и зарубежные страны нередко экспортировали продовольствие в годы, когда в стране царил голод. В середине 90-х годов в республике Бангладеш умерло от голода 200 тысяч человек. Все это время страна не снижала уровня экспорта риса, фруктов и чая... Десятью годами раньше из практически постоянно голодающей Индии стали вывозить в девять раз больше мяса и риса.

Все эти сведения дают серьезную пищу для размышлений: можно ли считать голодомор 1932–1933 годов специально спланированной акцией, направленной на уничтожение украинского народа? Многие ученые настаивают на том, что голодомор унес жизни не только украинцев. От голода страдали казачьи деревни на Кубани, русские села в Поволжье, тысячами умирали казахи... То, что на украинских землях смертность была на порядок выше, чем где бы то ни было, они объясняют уменьшением посевных площадей и «перегибами» тогдашнего руководства Украины.

Они отрицают и то, что гибель крестьян была истинной целью проведения хлебозаготовок. В тот момент для правительства важно было исключительно зерно, продав которое можно было перевести страну на индустриально-аграрный путь развития. Если бы Советский Союз не успел провести индустриализацию, победа над Германией во Второй мировой войне могла бы не состояться.

Но оставим на время гипотезы профессиональных историков. Ведь во время опроса выживших свидетелей голодомора им задали вопрос о причинах голода. Как воспринимали происходящее люди, сумевшие выжить в нечеловеческих условиях? Вот лишь несколько ответов... «Говорят, что голод был спланирован, потому что тогда урожая хорошие были». «Это Сталин так специально устроил, чтобы люди вымерли, оголодали и в колхозы быстрее пошли». «Тогда специально сделали голод, чтобы Украина вымерла». Встречается и другая точка зрения: «В основном голод устроили местные, наверху об этом ничего не знали». В пользу того, что в немалой степени в

голодоморе виноваты представители местной власти, говорит немало фактов. Многие свидетели говорят о том, что в бригады, занимавшиеся экспроприацией зерна, входили свои, местные активисты. Они забирали не только зерно, мясо и яйца, т. е. то, что входило в список поставок, но и другие продукты. По селам грабители (именно так их воспринимали крестьяне) ходили группами по семь-десять человек. Если в хате ничего не находили, могли отобрать у хозяев одежду, предметы утвари, деньги. Когда обнищавшие люди тайком выбирались в соседние области России, чтобы обменять одежду или вышитые рушники на еду, активисты дожидались их возвращения — и отнимали с трудом добытую картошку или крупу. Трудно представить, что все это тоже вывозилось в Москву — скорее всего оседало в карманах и хатах местных представителей власти.

Сегодня даже те, кто отказывается называть голодомор геноцидом против украинского народа, считают его (наряду со Второй мировой войной) национальным бедствием, о котором необходимо помнить всем живущим. И осуждают правительство, допустившее смерть от голода нескольких миллионов своих граждан.

10 ноября 2003 года 58-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла в качестве официального документа «Совместное заявление по случаю 70-й годовщины Голодомора — Великого голода 1932–1933 годов в Украине» (Joint Statement on the Great Famine of 1932–1933 in Ukraine (Holodomor)). Слово «геноцид» так и не прозвучало на сессии ООН, несмотря на то что в 1988 году Конгресс США, а годом позже — члены Международной комиссии юристов настаивали именно на такой формулировке. Возможно, это произойдет в 2008 году, во время мероприятий, посвященных событиям 1932–1933 годов.

Мы не можем изменить прошлое. Но обязаны сделать все возможное, чтобы Украина никогда больше не узнала ужасов голодомора.

УПА в свете исторических фактов

Вторая мировая война была тяжелым испытанием для всех народов Советского Союза. Но для Украины она стала еще и временем раскола. Часть украинского народа боролась против фашистской Германии в рядах Красной армии. Были и те, кто пошел служить в немецкие полицейские части или вступил в дивизию СС «Галичина». Третьей же силой, поведшей борьбу сразу на два фронта, была Украинская повстанческая армия.

В сентябре 1939 года, согласно пакту Молотова — Риббентропа, Западная Украина вошла в состав СССР. Процесс присоединения новых земель начался со ввода войск и массовых репрессий, в результате которых были полностью ликвидированы украинские политические партии. Это вызвало волну протеста среди политически активных слоев населения, и в первую очередь у подпольной Организации украинских националистов (ОУН).

Памятник воинам куреня УПА на Черниговщине

Эта организация, созданная еще в 1929 году, вела борьбу за независимость, образование Украинского Самостоятельного Соборного Государства. Правда, у ее руководителей не было единого мнения относительно тактики его построения, поэтому в апреле 1941 года она раскололась на две части. Молодые активисты ОУНовской эмиграции и члены Краевой Экзекутивы^[14] в Украине в апреле 1941 года на II Большом Сборе ОУН избрали своим главой Степана Бандеру. Часть же членов ОУН осталась на стороне старого руководителя — Андрея Мельника. Фактически с февраля 1940 года существовали две самостоятельные и враждебные друг другу организации — ОУН(Б) и ОУН(М) («бандеровцы» и «мельниковцы»).

Сторонники Степана Бандеры были готовы к радикальным методам борьбы. Еще до того, как Германия напала на СССР, они приняли решение: в случае войны воспользоваться ситуацией, взять власть в свои руки и на «освобожденных от московско-большевистской оккупации частях украинской земли» построить свободное Украинское государство. Единственное, чего не учитывали националисты, — так это отношения к их планам самой Германии. Хотя гитлеровская Германия накануне войны запретила всякую политическую деятельность как на украинской территории к Западу от Сяна и Буга, так и в эмиграции. Впрочем, бандеровцы надеялись, что сам факт выступления повстанцев против войск СССР заставит гитлеровцев признать их союзниками и способствовать возрождению Украины.

Для реализации своих планов ОУН(Б) тайно готовила на Западе несколько тысяч своих членов, которые должны были тайно пробраться на украинскую территорию. Сразу же после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года бандеровцы начали устанавливать свою власть в районах Правобережной Украины. Они образовали областные управы в Тернополе, Львове, Ровно, Дрогобыче, Станиславе и Луцке. Немецкие командиры на местах охотно пользовались неожиданной поддержкой во время наступлений. Но на более высоком уровне к повстанцам отнеслись враждебно. После образования собственных структур на оккупированной территории немецкая администрация немедленно распускала созданные националистами органы. Уже одно это должно было насторожить ОУН, но ее руководство упорно шло к своей цели.

30 июня 1941 года во Львове было провозглашено создание Украинского Самостоятельного Государства. Формирование правительства было поручено Ярославу Стецько. Реакцией немцев на это стали репрессии, направленные против представителей националистического движения. 5 июля был арестован и депортирован в Берлин С. Бандера. Тогда же были задержаны несколько членов Украинского Национального Комитета в Кракове. 9 июля арестовали и Я. Стецько, главу Украинского Государственного Правления. Бандера и Стецько отказались в Берлине аннулировать провозглашение Украинского Государства, после чего были отправлены в концентрационный лагерь Заксенхаузен, где находились до конца сентября 1944 года. В сентябре 1941 года немецкие оккупационные власти провели массовые аресты. Сотни членов ОУН оказались в тюрьмах и концлагерях. Гестапо, получив сведения о подготовке бандеровцами общего восстания в Украине, 25 ноября 1941 года издала тайный приказ арестовывать всех активистов ОУН(Б). Им было отказано даже в статусе политических заключенных: после допросов инструкция предписывала расстреливать их как грабителей.

Несмотря на значительные потери, в апреле 1942 года состоялась II конференция ОУН, определившая дальнейшую стратегию движения. В постановлениях конференции говорилось: «Свою политику мы строим: а) на создании и развитии собственных революционно-политических сил; б) на ни от кого не зависимой всеукраинской политике революционной борьбы; в) на использовании всех возможностей и сил, которые будут оказывать содействие возрождению Украинского Государства. Московско-большевистской международной концепции Интернационала и немецкой „Новой Европе“ мы противопоставляем международную концепцию справедливой национальной, политической и хозяйственной перестройки Европы на основе свободных национальных государств под лозунгом — „Свобода народам и человеку!“». Естественно, что эту программу можно было воплотить в жизнь только путем вооруженной борьбы.

Первым вооруженную подпольную деятельность в Украине начал Тарас Бульба-Боровец, который в июле 1940 года на Полесье приступил к формированию вооруженных отрядов для борьбы против советской администрации. Ему удалось создать подразделение из

несколько тысяч бойцов (одни историки говорят о 10 тысячах, другие же называют цифру 3 тысячи). Это подразделение называлось «Украинская повстанческая армия — Полеская Сечь». Правда, просуществовала оно лишь до середины ноября — немцы, хотя и использовали «бульбовцев» в качестве полицейских частей Полесья, не собирались оставлять в тылу чужую армию. Поэтому военное формирование было распущено.

К лету 1942 года на Украине действовало уже несколько вооруженных формирований. Одно из них — Фронт украинской революции (ФУР) — появилось летом 1942 года на Волыни и действовало под эгидой ОУН(М). Другие были созданы ОУН(Б) в ответ на требования ее рядовых членов перейти к вооруженному сопротивлению оккупантам. Организованные вооруженные соединения возникли на Полесье и на Волыни. Полесским отрядом командовал Сергей Качинский (кодовое имя «Остап»), волынским — Григорий Перегийняк («Довбешка-Короб-ка»). В декабре 1942 года один из руководителей ОУН(Б)

Н. Лебедь распорядился объединить эти малочисленные отряды в повстанческую армию и начать партизанскую борьбу. До сих пор остается загадкой, когда же именно была образована УПА. Красная армия на тот момент уже перешла в наступление под Сталинградом (19 ноября

1942 г.). Но уже после войны, как читают некоторые историки, руководство ОУН(Б) решило, что днем рождения УПА следует считать 14 октября 1942 года. Это якобы нужно было для того, чтобы показать: УПА начала борьбу с фашизмом еще до переломного момента войны.

На протяжении всего 1942 года повстанческое движение проходило под девизом: «наша вооруженная борьба против немцев была бы помощью Сталину». Поэтому ОУН(Б) воздерживалась от активных действий против Германии и занималась, в основном, пропагандой. Но в начале 1943 году ситуация изменилась. Прежде всего, в апреле впервые прозвучало официальное название повстанческой армии — УПА — и был назначен ее официальный командующий, Клим Савура (Дмитрий Клячківський). А в августе состоялось III чрезвычайное большое собрание ОУН(Б), которое выдвинуло лозунг «борьбы против империализмов Берлина и Москвы». С этого момента отряды УПА начали планомерно

захватывать северо-западный регион Украины. В немецких документах занятые области характеризовались как «зараженные бандами районы».

Националисты ждали момента, когда вермахт и Красная армия ослабнут, чтобы поднять мощное восстание и добиться освобождения Украины и от Германии, и от СССР. Но это не значит, что они полностью бездействовали. Руководство УПА стремилось помешать проведению диверсий советскими партизанами в районах Волыни и Полесья. Это впоследствии стало одним из самых серьезных обвинений УПА. Но по мнению самих повстанцев, таким образом они защищали немецкие коммуникации только для того, чтобы избежать ответных карательных экспедиций со стороны немцев. Как было на самом деле, сейчас ответить достаточно трудно.

Надо сказать, что ОУН(Б) стремилось не только к установлению военного контроля над западными областями Украины, но и к политическому закреплению своей власти. Осенью 1943 года в среде главного командования УПА возникла идея создания органа, который взял бы на себя политическое руководство освободительной борьбой в Украине. После проведения большой подготовительной работы в июле 1944 года состоялось учредительное большое собрание Украинского главного освободительного совета (УГОС). Главой правительства — Генерального секретариата УГВР — стал Р. Шухевич. Представители ОУН(М) отказались войти в УГВР, поскольку ОУН(Б) сохраняла фактический контроль над повстанческой армией.

Численность УПА быстро росла, и вскоре она достигла 20 тысяч человек. С целью более четкого руководства войсками УПА была разделена по территориальному принципу на четыре части: «Север», которая действовала на Волыни и Полесье, включая Житомирщину и Киевщину; «Запад» (Закарпатье, Галиция и Буковина); «Юг», а также «Восток», которая совершала рейды к восточным районам Украины.

Краевым командирам УПА подчинялись военные округа со своими штабами, которые с незначительными отклонениями отвечали границам областей Украинской ССР. В состав военных округов входили отряды, каждый из которых имел несколько куреней. Курень насчитывал 3–4 сотни (по 160–200 человек в каждой). Собственной униформы и знаков отличий (за исключением отдельных частей) УПА не имела. Однако были свои боевые награды: медаль УПА «За борьбу

в особо трудных условиях», а также Золотой, Серебряный и Бронзовый кресты I и II степени. Для подготовки офицерских кадров были созданы старшинские школы с 3—4-месячным сроком обучения. Школы с 6-недельным курсом подготовки старшин действовали в каждом военном округе. Большое внимание уделялось пропагандистской и воспитательной работе. В частях ей занимались «политвоспитатели» и священники.

Самым слабым местом повстанческой армии было вооружение. Повстанцы пользовались в основном трофейным советским, немецким и польским оружием. Боеприпасов к ним часто не хватало. Поэтому УПА избегала крупных боев и использовала партизанскую тактику, проводя рейды и диверсии. У повстанцев не было налаженной системы снабжения армии боеприпасами, провиантом и медикаментами. Каждый отряд должен был сам позаботиться о своем снабжении. Запасы обычно пополнялись за счет нападений на эшелоны (чаще всего — немецкие), которые двигались по Волыни, Полесью и другим районам.

Однако постепенный рост численности УПА (к осени 1943 года в ней числилось около 40 тысяч бойцов) позволил ее командованию планировать и осуществлять крупные операции. Так, в марте 1944 года повстанцы вели бои со врагом вблизи Деражни, Луцка, Ковеля и Кременца. В результате удалось освободить пленных из луцкого и ковельского лагерей, а также узников ковельской тюрьмы.

Выступления УПА против гитлеровцев активизировали мероприятия оккупантов по уничтожению «бандитизма» и «умиротворению» населения. Летом 1943 года немцы провели против повстанцев масштабные операции с применением танков и самолетов. Но они не принесли желаемого результата: повстанческая армия была мобильной и прекрасно использовала особенности местности.

Надо сказать, что немецкие войска были только одним из трех противников УПА. Вторым была Польша. Причиной борьбы УПА против польских вооруженных формирований было традиционное украинско-польское соперничество в Галиции и на польских землях, где проживали этнические украинцы. Жертвами репрессий польских экстремистов стали более 2000 украинцев. С августа 1943 года акции польских военных формирований распространились на районы Галиции и Волыни. Только 13–14 марта 1944 года на Холмгцине

поляки-террористы дотла сожгли 14 украинских сел, убили 1,5 тысячи человек.

Несмотря на то что акции УПА были ответом на действия польских карателей, они носили не менее кровавый характер и вряд ли могут быть оправданы. Ведь в ходе ответных операций погибали мирные жители, многие из которых не имели никакого отношения к уничтожению украинцев. Первая такая акция состоялась в апреле

1943 года, когда группа УПА уничтожила жителей села Иванова Долина (Волынь). В мае эта же группа осуществила еще шесть картельных акций против польского населения. В июле 1943 года УПА выдвинула ультиматум населению каждого польского селения Волини: «За 48 часов перебраться за Буг или Сян — иначе смерть!». 11 июля состоялось скоординированное нападение отрядов ОУН(Б) одновременно на 167 польских поселений. Польское правительство не простило этой резни, и уже после окончания Второй мировой войны ответило на нее операцией «Висла». (Более подробно об этой операции можно прочесть в отдельной статье.)

Не менее драматичным было противостояние УПА и советских партизанских отрядов и Красной армии. Как и во время Гражданской войны, по разные стороны баррикад оказывались и близкие когда-то друзья, и родные братья. Поначалу противостояние партизанов и УПА не доходило до столкновений в открытом бою. Однако нейтралитет между ними длился всего полгода, а потом соперничество за влияние на население между советскими отрядами и повстанцами привело к обострению борьбы.

Последний и самый трагический этап истории УПА связан с боями против регулярных частей Красной армии и специальных подразделений НКВД. Приближение Красной армии к главным пунктам дислокации УПА поставило перед командованием повстанцев задачи разработки дальнейшей стратегии и тактики борьбы. Командование приняло решение о переходе за линию фронта через боевые советские порядки и выход в их тыловые районы. Группа УПА — «Юг» получила приказ оставить Винничину и Каменец-Подольщину, где было мало лесов, и отойти на Волынь вместе с двумя частями армейской группы УПА — «Восток». Части УПА — «Север» во второй половине января 1944 года перешли фронт в лесной полосе Волини по линии речек Случь и Горынь.

Стараясь избегать боев с регулярными войсками, отряды УПА нападали на мобилизационные пункты, отделения связи, интендантские службы. Характерным в противостоянии между Красной армией и УПА к тому времени было и то, что руководство УПА дало своим отделам указание устраивать радушный прием войскам действующей Красной армии, которые занимали города и села Западной Украины. Это делалось для того, чтобы усыпить их бдительность, а потом наносить неожиданные удары по штабам, базам и отдельным небольшим подразделениям для пополнения запасов оружия и продуктов.

В апреле 1944 года характер действий повстанцев резко изменился. Именно тогда войска Первого Украинского фронта готовились к наступлению против немецко-фашистских захватчиков. Это не устраивало руководство ОУН, и оно отдало приказ провести ряд глубоких рейдов по тылам Красной армии. Группы УПА осуществили ряд диверсий на шоссейных и железнодорожных путях между Дубно и Кременцом. В районах к северу от железнодорожной линии Ковель — Ровно — Шепетовка произошли открытые вооруженные столкновения, в ходе которых отряды УПА понесли значительные потери.

Бойцы УПА часто нападали на военные колонны с боеприпасами и продуктами питания, которые передвигались на фронт по железнодорожным и шоссейным путям, осуществляли террористические акции против партийных и хозяйственных руководителей, работников НКВД, советских партизан, бойцов и командиров Красной армии. Только с января по февраль 1944 года на территории Ровенской области УПА было совершено 154 нападения на военные части и отдельных военнослужащих, в ходе которых было убито 439 советских солдат и офицеров.

29 февраля 1944 года отряд УПА совершил нападение на колонну машин, в которой ехал из штаба 13-й армии командующий Украинским фронтом генерал армии М. Ватутин. Возле села Милятин колонна была обстреляна, вследствие чего М. Ватутин был тяжело ранен и через месяц скончался. На террор советское правительство ответило столь же жестко.

Во всех 13-ти полках 1-й армии Первого Украинского фронта были созданы специальные отряды. Весной 1944 года командование

фронта выделило из своего резерва кавалерийскую дивизию, 20 броневиков, 8 легких танков. В западноукраинские области прибыли военные части НКВД, тесно взаимодействующие с с армейскими формированиями в борьбе с повстанцами. Так, во время советской операции войск НКВД и Четвертого Украинского фронта в районе Дрогобыча с 18 августа по 9 сентября было убито 1171 и взято в плен 1180 «бандеровцев», а также задержано 6 тысяч человек, уклонившихся от мобилизации. В период с 10 января по 23 февраля 1945 года было взято в плен около 26 тысяч повстанцев, уничтожено — 11 тысяч.

Несмотря на тяжелое положение, повстанцы не только вели оборонительные бои, но и осуществляли рейды и нападали на расположения советских войск. Только в мае — июне были нанесены удары по райцентрам Надворная, Галич, Яворов, Солотвин, Делятин, Раджа, Гримайлов, Яблунев, Ланчин, Яремча (Гуцульщина), Гоща, Березное, Людвиполь, Корец (Волынь).

Отдельные отряды УПА были вытеснены на территорию соседних стран — Польши, Чехословакии. На территории же УССР война продолжалась. Военные операции против УПА дополнялись «мерами по борьбе с бандитизмом», то есть облавами и арестами всех подозреваемых в связи с повстанцами, членов их семей и родных, выселением их в восточные районы СССР. Насильственное перемещение целых сел из западноукраинских земель продолжалось до 1949 года и охватило более 5 тысяч семей (по другим данным — 143 тысячи человек).

С 1946 года командиры территориальных подразделений повстанческой армии и местные проводы ОУН перешли к действиям мелкими группами. Вследствие этого крупные военные операции против УПА потеряли смысл. За 1946 год было зарегистрировано 1619 акций повстанцев. А в январе — марте 1947 года боевики ОУН и подразделения УПА осуществили, по данным советских источников, 272 акции.

УПА как вооруженное формирование было обескровлено. К тому же оно лишилось поддержки населения и утратило материальную базу. В связи с этим главный командир УПА Р. Шухевич в сентябре 1949 года издал приказ, согласно которому все повстанческие отделы и штабы прекращали свою деятельность как боевые единицы и органы

управления. Личный состав отделов и штабов вливался в подпольные структуры ОУН(Б).

Но советская власть не собиралась прекращать борьбу с ОУН — УПА. Теперь организацию разваливали изнутри, создав в ней целую сеть осведомителей и провокаторов.

5 марта 1950 года в с. Белогорща возле Львова погиб глава генерального секретариата УГВР, глава ОУН в Украине и главнокомандующий УПА Р. Шухевич. Его смерть существенным образом подорвала потенциал националистического подполья. А в 1951–1952 годах были ликвидированы наиболее опытные и авторитетные руководители повстанческого движения — Р. Кравчук, И. Литвинчук, П. Федун. 23 мая 1954 года был схвачен последний глава генерального секретариата УГВР, глава руководства ОУН в Украине и главнокомандующий УПА Василий Кук. После 1954 года наблюдались только единичные акции повстанческого движения.

В борьбе с частями ОУН — УПА в западных областях погибло свыше 25 тысяч советских военнослужащих. Потери повстанцев были намного больше: только за период с лета 1944 до конца 1946 года 56,6 тысяч убитыми и 108,5 тысяч пленными и арестованными. Тысячи семей были высланы в Сибирь и Казахстан.

Как и многие неоднозначные явления истории, УПА прошла через два этапа. Советские историки описывали ее исключительно в черных красках. А исследователи последних лет — с момента образования независимой Украины — чуть ли не превозносили до небес. В чем причина такого резкого контраста? Только ли в веяниях времени, когда слово «советский» стало едва ли не ругательным? Пожалуй, причина глубже. И кроется она в двух прямо противоположных стилях мышления, имеющих одинаковое право на существование. Первый стиль мышления характерен для тех, кто считал СССР единым государством. С их точки зрения действия повстанцев непростительны. Но не стоит забывать, что у самих членов УПА была совершенно другая точка зрения на происходящее. Советский Союз они считали не содружеством, а тюрьмой народов, и все их действия были направлены на освобождение Украины из этого плена.

Тайна гибели Евгения Коновальца и Степана Бандеры

Украинское националистическое движение всегда находилось под прицелом советских спецслужб. Одной из форм борьбы с неудобной и «подрывающей основы советской власти» Организацией украинских националистов (ОУН) было физическое устранение ее лидеров, причем истинная подоплека большинства подобных акций долгое время оставалась тайной за семью печатями. И только по прошествии многих лет стали всплывать данные о том, кто же стоял за загадочными смертями украинских националистов. Одними из наиболее известных жертв спецслужб СССР стали Евгений Коновалец и Степан Бандера.

Евгений Коновалец

Степан Бандера

Евгений Коновалец (1891–1938), командир Куреня сечевых стрельцов (пожалуй, самого боеспособного подразделения армии УНР), являлся одним из лидеров украинского национально-освободительного движения 1917–1921 годов. Когда же эта борьба закончилась разгромом УНР и оккупацией Украины, Коновалец перешел к иным методам борьбы за независимость своей земли. Так, с июля 1920 года он занялся созданием принципиально новой организации, которая могла бы эффективно бороться против оккупационных режимов в условиях подполья. И уже в августе того же года, при непосредственном участии Коновальца, была создана Украинская военная организация (УВО).

С декабря 1922 года Евгений Коновалец, перед которым остро стал вопрос собственной безопасности, был вынужден отправиться в эмиграцию. Он переезжал с места на место, останавливаясь в Чехословакии, Германии, Швейцарии и Италии. В ноябре 1927 года по инициативе Коновальца УВО приняла решение о создании единой революционно-политической организации, деятельность которой базировалась бы на националистической идеологии и распространялась бы на все украинские земли. Этот проект был воплощен в жизнь 28 января — 3 февраля 1929 года, во время проведения в Вене I Конгресса украинских националистов. Собственно, во время этого конгресса и родилась Организация украинских националистов, которую возглавил сам Коновалец.

Казалось, этот человек находится в самом начале своего пути, однако судьба и люди распорядились иначе. 23 мая 1938 года в Роттердаме (Нидерланды) Евгений Коновалец был буквально разорван на куски взрывом бомбы... Эта страшная и загадочная кончина сразу наводила на мысль о «руке Москвы», однако никаких доказательств причастности Кремля тогда не было. Что на самом деле произошло в Роттердаме в тот день и какие события предшествовали убийству Коновальца, долгое время оставалось неясным. Однако не так давно историкам удалось расставить все точки над «і» в таинственной истории гибели популярного националиста.

Деятельность Евгения Коновальца была направлена прежде всего на развитие ОУН, которая пользовалась всевозрастающей поддержкой

у населения, особенно у украинской молодежи, а также на то, чтобы вопрос о статусе Украины был рассмотрен в Лиге Наций. Чрезмерная активность Коновальца и растущая популярность его идей среди украинской молодежи сильно беспокоили большевистское руководство в Москве. В какой-то момент партийные деятели поняли, что пора принимать меры...

Первый акт истории устранения Евгения Коновальца, долгое время остававшейся загадкой для историков и общественности, начался еще в 1935 году. Тогда руководство НКВД занялось поисками опытного и знающего человека для нелегальной работы за границей. Ему предстояло заняться «выявлением антисоветских планов украинских националистов, их агентуры и диверсантов на Украине». Выбор пал на Павла Судоплатова, работавшего под кличками «Андрей» и «Валюх», а также на некоем тайном агенте «Лебеде». Перед Судоплатовым Сталин поставил вполне конкретную цель — физически устранить Коновальца.

Вскоре этот дуэт, снабженный самыми подробными инструкциями, отбыл за границу, где ему предстояло установить контакты с лидером движения националистов. Судоплатову при этом нужно было изображать украинского подпольщика, который решил завязать сотрудничество с заграницей. Он сумел устроиться радистом на грузовое судно, регулярно бывавшее в портах Европы. Когда же Судоплатов «вышел» на свою будущую жертву, он каким-то образом сумел завоевать его доверие, несмотря на то, что Е. Коновалец никогда не отличался особой доверчивостью. Почему же лидер националистов «клюнул» на советского агента? Секрет прост: ему показалась заманчивой перспектива наладить постоянную связь с подпольной организацией в Украине.

Постепенно «Андрей» тщательно изучил особенности характера своей жертвы — привязанности, вкусы, слабости и привычки. Среди всего прочего, агент отметил, что Коновалец очень любит шоколадные конфеты. Куда бы ни отправлялся лидер националистов, он первым делом спешил купить себе роскошную коробку конфет. Этим и воспользовались чекисты...

23 мая 1938 года Судоплатов и Коновалец в телефонной беседе договорились встретиться в роттердамском ресторане «Атланта» в 12 часов дня. На встречу «Андрей» пошел с коробкой шоколадных

конфет. Упаковка была «с секретом», причем зловещим: спецслужбы вмонтировали в нее взрывное устройство. От Судоплатова требовалось включить механизм, не спеша попрощаться и уйти — через полчаса после активации коробка должна была взорваться. Риск, что за этот промежуток времени она может попасть в другие руки, был минимальным. Коновалец доверял «Андрею». К тому же он слишком любил шоколад...

В назначенное время Судоплатов подошел к ресторану и через стекло увидел одиноко сидящего лидера ОУН. Агент подсел к Коновальцу, положил на стол «подарок» и извинился: мол, так вышло, что долгого разговора у них не получится, поскольку на судне неприятности. Ему нужно срочно вернуться в порт, иначе о дальнейших поездках за границу придется забыть. Естественно, утрачивать связь с «украинским подпольем» Коновалец не хотел, и потому он согласился перенести встречу на 17.00 того же дня. Пожав друг другу руки, мужчины расстались.

«Андрей», стараясь не выдать своего возбуждения, вышел из ресторана и свернул на боковую улочку, где по обе стороны располагались маленькие лавки. В первом магазинчике мужской одежды, действуя по заранее оговоренному с руководством плану, он купил светлый плащ и шляпу. Уже выходя на улицу, Судоплатов услышал резкий хлопок и увидел, как люди побежали в сторону ресторана.

...Коновалец, попрощавшись с «приятелем» и прихватив с собой его «подарок», вышел из ресторана и решил пройтись пешком к отелю «Гранд Централь», где снял номер по приезде в Роттердам. По дороге лидер ОУН задержался возле кинотеатра «Люмьер». Там-то и сработала «адская машинка». Полковника буквально разворотило взрывом: левое бедро и правая нога оказались разорваны на куски, остальные части тела были ужасно искалечены. Фактически, относительно целой и вполне узнаваемой осталась только залитая кровью голова...

Тем временем «Андрей» поспешил на вокзал, где сел на первый же поезд, идущий в Париж... Однако в Москве Судоплатову «спасибо» за прекрасно выполненное задание не сказали. Вернувшись в СССР, он узнал, что его понизили в должности, а начальство чуть ли не открытым текстом говорило о своем недоверии к нему. Что же

произошло? Оказалось, бывший начальник разведки Шпигельглас и ряд его сотрудников, пока Судоплатов находился за границей, были арестованы НКВД. Под пытками они дали ряд ложных показаний, в том числе и о том, что Судоплатов якобы является агентом-двойником. Партбюро тут же исключило Павла Анатольевича из партии. Однако это решение так и не было утверждено: за «Андрея» вовремя вступилось руководство НКВД. А 10 мая 1939 года Судоплатов получил, так сказать, «компенсацию за моральный ущерб»: его назначили на должность заместителя начальника внешней разведки НКВД СССР.

В Нидерландах тем временем полиция сбилась с ног, пытаясь установить личность загадочного убийцы лидера ОУН. Следователи прорабатывали сразу несколько версий; предполагалось, что Е. Коновалец стал жертвой гестапо либо его убили польские спецслужбы — в отместку за уничтожение в 1935 году оуновцами министра внутренних дел Польши Перацкого. Правда, среди прочих разрабатывалась и версия, согласно которой вина за убийство ложилась на советских чекистов.

Основная трудность выяснения обстоятельств преступления состояла в том, что связь с центрами ОУН в УССР все время поддерживалась лично Коновальцем. Он сам встречался со связными и информаторами, которые приезжали из Советского Союза, так что другие сотрудники руководства ОУН не только не знали их лично, но и видеть могли разве что случайно.

Но так получилось, что связного, которого знали под фамилией «Валюх», видели в 1936–1938 годах в Берлине другие оуновцы. Несколько раз он попался на глаза и жене Коновальца. Почти сразу после взрыва женщина высказала нидерландской полиции свои подозрения относительно причастности к убийству «Валюха». Следствие усиленно начало разматывать клубок событий и смогло докопаться до информации: исполнителем «заказного» устранения лидера националистов был некий агент ГПУ, который прибыл в Роттердам на советском корабле «Менжинский».

В субботу 28 мая 1938 года состоялись похороны полковника Евгения Коновальца. От руководства ОУН проститься с погибшим пришел генерал Курма-нович, из Лондона и Берлина прибыли три сотрудника «националистической Пресс-службы» и советник О.

Тарновецкий. Присутствовал также литовский консул в Нидерландах, поскольку Коновалец принял в эмиграции литовское гражданство. А вот близкие родственники погибшего, жившие во Львове, не смогли приехать в Голландию вовремя: паспорта им выдали только через несколько дней после похорон... Со временем на могиле лидера ОУН был установлен памятник. Кстати, изначально это захоронение считалось временным; тело Е. Коновальца тщательно забальзамировали, чтобы впоследствии его останки можно было перевезти в Украину...

Советские спецслужбы причастны и к смерти еще одного лидера украинских националистов, Степана Бандеры (1909–1959), который возглавил одно из направлений ОУН после раскола этой организации в 1939 году. Собственно, о том, что смерть ходит за ним по пятам, знал не только сам Бандера, но и все его окружение. Были предприняты все возможные меры по охране жизни лидера ОУН, однако они оказались безрезультатными...

Темная история гибели Степана Бандеры продолжает оставаться загадкой не долго, хотя начиналась, как настоящий детектив. 15 октября 1959 года Бандера, который жил в Мюнхене под фамилией Попил, собрался поехать на обед домой. Обычно его везде сопровождал охранник, но на этот раз он отлучился. Собственно, уже тут имеет место загадка: куда и по какой причине исчез сопровождающий Бандеру человек, что вынудило его покинуть своего подопечного и не являлось ли столь халатное отношение к своей работе в данном случае умышленным? Как бы там ни было, лидер, чье ощущение опасности, по-видимому, притупилось под постоянным прессингом обстоятельств, не стал ждать возвращения охранника. Он только попросил секретаршу поехать с ним на рынок и помочь сделать некоторые покупки. Забрав продукты, Бандера поехал домой уже в одиночестве. Он спокойно поставил машину в гараж, открыл собственным ключом дверь в подъезде дома и... Через несколько секунд послышался вопль, который заставил соседей выглянуть на лестницу. На ступеньках лежал их жилец, а рядом с ним валялась сумка с помидорами. Бандера был без сознания, но живой, и соседи срочно отправили его в больницу. Однако по дороге лидер ОУН скончался, так и не придя в сознание.

Устанавливая причину смерти, медики констатировали: она могла стать следствием повреждения основания черепа, последовавшего в

результате падения. Но почему Банд ера упал? Специалисты, пролистав медицинскую карту покойного, отметили настораживающий факт: в детстве Степан болел ревматизмом, у него было больное сердце. Органические изменения вполне могли привести к параличу сердечной мышцы и вызвать смерть. Однако списывать все на естественный ход событий медики не торопились. У них вызвала подозрения странная небольшая ранка на верхней губе умершего. Загадочная ссадина навела специалистов на мысль провести дополнительные исследования. Оказалось, что подозрения были не напрасны: в организме Банд еры были обнаружены следы синильной кислоты. Все сомнения тут же отпали. Дело об убийстве было передано в полицию. Там, как и в окружении покойного лидера ОУН, тоже заподозрили в данном деле «руку Москвы». И надо сказать, не зря...

Во время Второй мировой войны С. Банд ера некоторое время находился в немецком концлагере «Заксенхаузен», куда его бросили после провозглашения националистами 30 июня 1941 года во Львове Акта возобновления Украинского государства. После окончания войны, согласно договоренностям Сталина — Рузвельта — Черчилля на Ялтинской конференции, все граждане СССР, которые в ходе военных действий оказались на территории других стран, подлежали депортации на родину. Если необходимо — даже в принудительном порядке. Причем в разряд тех, кого следовало выслать в СССР, попадали также лица, эмигрировавшие из страны после 1917 года.

6 февраля 1946 года на заседании первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Лондоне представитель делегации УССР — поэт Николай Бажан — выступил с требованием выдать украинских политических деятелей, которые находились на Западе. В первую очередь речь шла о человеке, «совершившем преступления против человечества», — Степане Банд ере. Но данное требование осталось без ответа. После этого спецслужбы решили устранить «неудобного» лидера ОУН.

В 1947 году в Мюнхен с заданием убить Степана Банд еру прибыл агент Ярослав Мороз. Его сразу же разоблачили, но уже в начале следующего года по заданию НКВД за оуновцем начал охоту специально прибывший из Польши Владимир Стельмащук. Разведчику удалось установить местопребывание Банд еры, однако и в

этот раз агент был разоблачен и ему пришлось спешно уносить ноги. Следующая «серия детектива» началась осенью 1952 года. Тогда в Мюнхене появились два агента из Чехословакии, имевшие документы на имя Легуди и Лемана. Но западные разведки тоже были не лыком шиты и имели своих информаторов в советских спецслужбах. В итоге Легуди и Леман были арестованы и осуждены за шпионаж. В 1953 году в Мюнхен прибыл немец из Волыни Степан Либгольц (Липпольц). Он старался выдать себя за приверженца борьбы за независимость Украины и завязать контакты с кругами, где можно было собрать данные о местопребывании и образе жизни Степана Бандеры. Служба безопасности ОУН выяснила настоящую цель «националиста» и вела за ним наблюдение. Либгольц, обнаружив, что находится «под колпаком», ждать развития событий не стал и поспешил уехать в Восточную Германию.

После короткого периода затишья в 1957 году стало известно, что личностью Степана Бандеры и его семьей интересуется Никифор Горбанюк, эмигрант, который жил в Мюнхене еще с 1923 года. О Горбанюке было известно, что он поддерживал связи со спецслужбами послевоенной Чехословакии. В октябре 1958 этот «эмигрант» вышел утром из своей квартиры и больше его никто не видел. Спустя несколько месяцев в Мюнхене объявился некий Винцик, работник чешской фирмы. Он почему-то особенно интересовался вопросом: где же учится 13-летний сын Бандеры Андрей. В конце концов Винцик был арестован немецкой криминальной полицией.

Тогда же руководству ОУН стало известно: Москва готовит убийство Степана Бандеры. Лидера националистов должен был убить некий поляк родом из Волыни. Мотивом же преступления якобы должна была стать месть за то, что во время войны УПА замучили родных агента. И снова советские спецслужбы потерпели поражение.

Время шло, и из Кремля начали сыпаться громы и молнии. Ведь еще в 1951 году КГБ в Москве получило приказ любой ценой физически ликвидировать Степана Бандеру, Ярослава Стецько, Степана Ленкавского и Степана Мудрика; Ивана Кашубу следовало задержать и живым доправить в Восточную Германию. Руководство ОУН, крайне обеспокоенное количеством покушений на Бандеру, пришло к выводу, что ему следует в ближайшее время исчезнуть из Мюнхена. И все же лидера ОУН отправили на тот свет...

Панихида прошла в Мюнхене 20 октября 1959 года в церкви Святого Ивана Крестителя на Кирхенштрассе. Бандеру похоронили на кладбище Вальдфрдгоф. На второй день все западнонемецкие газеты подали подробный отчет о печальной церемонии. Пожалуй, меньше всего об этом событии знали на родине Степана Бандеры: советская пресса об этом не сообщала, а подписаться на заграничные газеты в те времена было невозможно.

Через два года история жизни и смерти Степана Бандеры имела абсолютно неожиданное продолжение. 12 августа 1961 года в отделение американской полиции в Западном Берлине зашли встревоженные молодой мужчина и женщина. Мужчина хотел сделать очень важное сообщение. То, что услышали должностные лица, превзошло все их ожидания. Неизвестный заявил, что его зовут Богдан Сташинский, и он с женой Ингой Поль, которая является гражданкой ГДР, только что убежал из восточной зоны Германии. Сташинский утверждал, будто является агентом советских спецслужб и... убийцей Льва Ребета и Степана Бандеры!

Началось следствие, которое продолжалось больше года. Богдан Сташинский рассказывал о своих преступлениях, а полиция и работники спецслужб тщательно проверяли каждое его слово. К этому делу были подключены спецслужбы разных стран. Через своих агентов в СССР они проверяли правдивость показаний Сташинского. О том, что удалось выяснить, полиция особенно распространяться не стала. Однако 8 октября 1962 года в Карлсруэ, на судебном процессе против Богдана Сташинского, правосудие располагало всеми доказательствами того, что подсудимый говорит «правду, только правду и ничего, кроме правды».

Выяснилось, что непосредственным «заказчиком» убийства Бандеры являлся глава КГБ СССР Александр Шелепин. Впоследствии из книги «Убийцы Бандеры перед судом» общественности стало известно, что Сташинского КГБ завербовал и привлек к сотрудничеству еще в 1950 году. Он прошел курс специальной подготовки в школе разведчиков КГБ в Клеве. Приказ устранить Степана Бандеру Сташинский получил в начале января 1959 года. Из Москвы он направился в Берлин, а потом в Мюнхен. Адрес Бандеры агент отыскал в телефонной книге, после чего начал изучать привычки и основные маршруты своей жертвы.

В мае Сташинский во второй раз вылетел в Мюнхен, имея при себе газовый пистолет и комплект ключей от квартиры, в которой жил Бандера. Однако на третий день слежки, когда планировалось провести покушение, у Сташинского сдали нервы. Руководству он просто наврал, что при Бандере якобы находилась вооруженная охрана. В октябре Сташинского вызвали в Москву. После «задушевной беседы» ему было «предложено» убить лидера ОУН при любых обстоятельствах. Хоть ценой собственной жизни... В Мюнхене Сташинский несколько дней наблюдал за квартирой «объекта». В роковой для Бандеры день убийца, воспользовавшись дубликатом ключа, вошел в подъезд и спрятался за дверью. Через некоторое время он услышал, как к дому подъехал автомобиль. Вскоре в подъезд вошел Бандера; в этот момент Сташинский сделал вид, будто остановился зашнуровать ботинок. Когда жертва проходила мимо, он что-то спросил. Бандера удивленно обернулся, начал говорить и... получил в лицо выстрел из газового пистолета. Оружие было заряжено синильной кислотой.

Сташинскому удалось незамеченным сбежать с места убийства, а орудие преступления он бросил в реку. Вскоре убийца на поезде отбыл во Франкфурт. 22-го ноября того же года его лично принимал в Москве Александр Шелепин. Он вручил агенту орден Боевого Красного Знамени и... разрешение на брак с немкой из Восточного Берлина, о котором долго и безуспешно хлопотал Сташинский. Через месяц после свадьбы, которая состоялась в Берлине, он был направлен вместе с женой в Москву для продолжения учебы. Но прослушивание домашних разговоров «подопечного» дало основание начальству подозревать Сташинского в недостаточной лояльности к советскому режиму. Его отчислили из школы и запретили покидать Москву.

Жене Сташинского в связи с предстоящими родами весной 1961 года было разрешено выехать в Восточный Берлин. Но в начале 1962 года ребенок неожиданно умер, и опальному агенту разрешили ненадолго уехать, чтобы похоронить сына. При этом за ним велось особенно пристальное наблюдение. Однако за сутки до похорон (как раз накануне дня возведения Берлинской стены) Сташинскому с женой удалось оторваться от сопровождения и убежать в Западный Берлин.

Немецкий суд, в котором слушалось дело Богдана Сташинского об убийстве Льва Ребета и Степана Бандеры, вынес свой вердикт 19

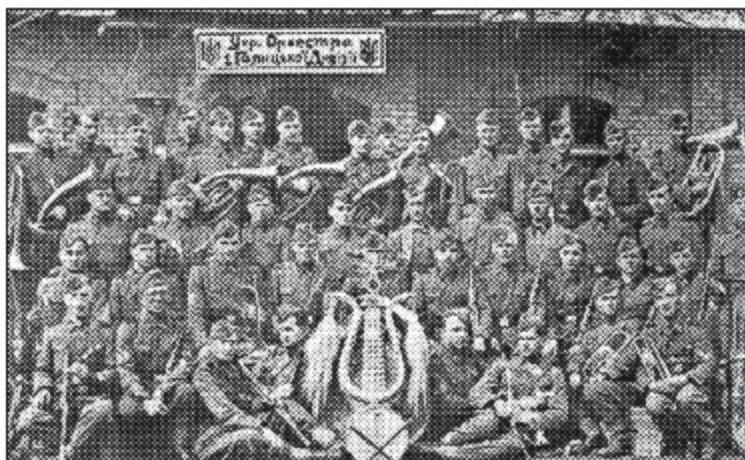
октября 1962 года. Учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого и важность представленных сведений о деятельности КГБ, которые он дал правительствам западных государств, суд ограничился приговором, согласно которому бывшему агенту предстояло провести за решеткой всего восемь лет.

Это решение общественность восприняла очень неоднозначно: кто-то упрекал служителей Фемиды в чрезмерной снисходительности к убийце двух человек, кто-то же считал, что Богдана Сташинского вообще следовало оправдать. Он, мол, был лишь орудием убийства, а настоящие преступники сидят в Москве. В одном письме даже предлагалось выдать Сташинскому документы на имя, которое он себе выберет, дать ему 50 тысяч марок и разрешить жить в любой стране по его выбору. После выхода на свободу бывший агент выехал со своей женой из Германии и... исчез. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В Москве после бегства убийцы Бандеры поднялся страшный переполох и многие высокие начальники поплатились за это своими местами. По всей вероятности, Москва предприняла несколько попыток заставить не в меру болтливого агента замолчать навсегда, устроив ему «самоубийство», но стены немецких тюрем оказались крепкими, а тюремные работники — неподкупными. Так перестала быть тайной еще одна загадка истории под названием «смерть лидера ОУН Степана Бандера»...

14-я пехотная дивизия СС «Галичина»

Деятельность дивизии СС «Галичина» во время Второй мировой войны до сих пор вызывает немало горячих споров как у историков, так и у простых украинцев. Советские историки называли ее «дивизией предателей», современные украинские исследователи — «борцами за независимость Украины». После выхода указа Президента Украины об уравнивании в правах воинов Советской Армии и бойцов УПА бывшие солдаты и офицеры «Галичины» все чаще требуют, чтобы их также признали ветеранами Великой отечественной. Имеют ли они такое право? И можно ли считать освободителями части, воевавшие на стороне гитлеровской Германии?

Оркестр дивизии СС «Галичина»

Английский писатель Сэмюэл Батлер как-то сказал: «Бог не может изменить историю. Но историки могут». «Традиция» переписывания отдельных эпизодов и целых страниц истории уходит корнями в глубокое прошлое. Когда это случается, герои вдруг оказываются предателями, а бывшие «враги народа» — достойными его представителями. Иногда такие перестановки восстанавливают доброе имя жертв обстоятельств, иногда — обеляют авантюристов и негодяев. А порой на почетном пьедестале оказываются люди, чьи воззрения удачно вписываются в современную историческую концепцию...

Прежде, чем говорить о 14-й пехотной дивизии «Галичина», стоит сделать небольшой экскурс в историю. Аббревиатура СС происходит от немецкого слова Schutzstaffeln — «охранные отряды». Так назывались подразделения НСДАП (национал-социалистической немецкой рабочей партии), созданные Гитлером в марте 1923 года и поначалу представлявшие собой небольшие группы. Но после того, как в 1934 году отряды СС расправились с негодным Гитлеру руководством СА (военизированных соединений фашистской партии), они были выделены в особую привилегированную организацию. К началу Второй мировой войны в СС состояло около 260 тысяч человек, а к 1944 году численность войск СС, считавшихся к тому времени элитными войсками, возросла до миллиона человек. В структуру организации входили Главное управление по расовым и поселенческим вопросам, занимавшееся контролем за расовой чистотой нацистских чиновников и организацией «освоения» немцами захваченных территорий, Главное управление имперской безопасности, а также отряды трех типов: общие, для поручений и караульные. Общие были своего рода клубом для нацистской элиты, отряды для поручений представляли собой отборные полицейские части, а караульные отряды управляли концентрационными лагерями и обеспечивали их охрану. Именно на СС лежит ответственность за многие преступления нацизма: массовые расстрелы, опыты на «человеческом материале», геноцид. Поэтому решением Международного военного трибунала в Нюрнберге они были признаны преступными организациями. Впрочем, дивизия СС «Галичина» на Нюрнбергском процессе не упоминалась. Ведь вся история ее существования говорит о том, что она была только пешкой на шахматной доске...

В 1943 году немцы отказались от своей амбиционной идеи решить «восточную проблему» только «пролитием немецкой крови». И потому для борьбы с противниками начали привлекать и другие народы «неарийского происхождения», создавая в составе СС дивизии из представителей русской, французской, испанской, татарской и других национальностей. Это было проявлением известного принципа «Разделяй и властвуй»: используя межнациональные, религиозные и идеологические конфликты, немцы стравливали между собой подлежавшие уничтожению народы. Чтобы ослабить сопротивление

населения на оккупированных территориях, немецкая администрация ставила в привилегированное положение одни народы относительно других. В генеральном комиссариате «Волынь-Подолье» она протезировала полякам, а в присоединенном к Генеральному губернаторству дистрикте «Галиция» — украинцам.

Западноукраинские земли в момент создания «Галичины» оказались в сложном положении. До 1939 года Западная Украина входила в состав Польши. И приход советских войск восприняла не как долгожданное освобождение, а как оккупацию. Западные украинцы не знали, что такое колхоз, что такое НКВД. Галичане не воспринимали разрушения их векового уклада жизни, крайне враждебно относились к «московско-большевистской» администрации. Это приводило к сопротивлению советской власти. Большевики же отвечали «адекватно». Только за полгода, с октября 1939 по апрель 1940 года, в Западной Украине было репрессировано более 1 миллиона человек (каждый десятый).

В то же время Гитлер, захватив Чехословакию, дал определенную автономию словакам. Вдобавок, начав войну с СССР, он провозгласил себя «борцом с большевизмом». После массовых репрессий западным украинцам это казалось залогом будущей свободы. Многие искренне верили в возможность получения независимой Украины из рук Гитлера. Хотя на самом деле понятно, что интересы украинского народа не учитывались ни одной из воюющих сторон. Согласно секретной договоренности между Сталиным с Гитлером («пакт Молотова — Риббентропа») Западная Украина, часть Беларуси и страны Балтии должны были перейти к СССР. Что и произошло осенью 1939 года.

В работах украинских историков часто утверждается, что идея создания украинской дивизии имела поддержку в народной среде, особенно среди западноукраинской интеллигенции. Главным доказательством народной поддержки якобы служит следующий исторический факт: в дивизию согласилось вступить 80 тысяч добровольцев, хотя для ее комплектования нужно было только 15 тысяч. Однако есть основания сомневаться в том, что в народной среде приветствовалось создание дивизии. Например, руководители Украинской повстанческой армии не раз высказывались против создания подобной дивизии, полагая, что немцы формируют ее с

единственной целью: бросить вновь созданное подразделение под пули и таким образом обескровить освободительное движение. Ведь немецкое командование вовсе не скрывало своего отношения к славянским народам, а Украину рассматривало только как сырьевую базу.

Несколько преувеличенным кажется и мнение, что добровольцы шли в «Галичину» лишь из высоких идеологических побуждений, что это была наиболее национально сознательная часть украинской молодежи. Для тех, кто оказался на оккупированных территориях, было несколько путей: попытаться скрыться и переждать время оккупации, отправиться на работы в Германию или взять в руки оружие и уйти в лес — в армию УПА. С началом вербовки в дивизию «Галичина» появилась еще одна дорога: завербоваться, пройти обучение в европейских лагерях — а там, глядишь, и война окончится.

После поражения под Сталинградом в 1943 году губернатор Галиции Отто Вехтер заставил Кубийовича (главу УЦК — Украинского центрального комитета в Кракове) выступить формальным инициатором его (т. е. Вехтера) идеи о создании в вооруженных силах Третьего рейха украинского соединения. В принципе, создавать военные формирования в рамках вермахта на тот момент было запрещено. Но Вехтер обратился с соответствующей просьбой к рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, поскольку в рамках СС существовала сеть национальных формирований народов оккупированной Европы.

Соглашаясь на формирование эсэсовской дивизии, эмигрантская интеллигенция оправдывала этот шаг тем, что дивизия, мол, «послужит украинскому делу». Непосредственной причиной создания такой дивизии была надежда на то, что это улучшит отношение немцев к украинцам. Убеждая молодежь добровольно вступать в дивизию, некоторые агитаторы даже зловещую аббревиатуру СС подавали как зашифрованное «січове стрілецтво». Но дивизия была типичным коллаборационным формированием, к созданию которого гитлеровцы приступили уже тогда, когда поражение Германии в войне было делом предрешенным.

Большое влияние на решение руководства УЦК оказали также уроки событий 1917–1920 года. Кубийович со своими коллегами были убеждены в том, что именно отсутствие хорошо вышколенной армии не дало возможности украинцам создать после Первой мировой войны

собственное государство. Сознавая возможность поражения Германии, они твердо решили на этот раз не допустить, чтобы в хаосе событий украинцы неожиданно оказались без регулярных вооруженных сил.

Кроме уже существующей СС дивизии «Галичина», которая в то время усиленно готовилась к боевым действиям, Вехтер планировал создание и других украинских формирований. Планы Вехтера поддержал генерал войск СС Готлоб Бергер. 23 декабря 1943 года во время разговора с руководителями отделов Военной Управы «Галичина» шеф правления дистрикта Галиция Отто Бауер официально заявил, что руководство СС планирует создать целый корпус из украинцев Галичины. Надо сказать, что добровольцев было более чем достаточно. Корпус должен был состоять из трех дивизий СС. Кроме дивизии «Галичина» планировалось сформировать еще две дивизии — танковую «Лебмерг» и горную «Карпаты». Создание корпуса, по мнению Вехтера, должно было привлечь внимание правительственных кругов Третьего рейха как к галицким украинцам в частности, так и к украинскому вопросу вообще. Однако эта идея была заблокирована рейхсфюрером СС Гиммлером.

Гитлер, как известно, категорически возражал против формирования русской и украинской армий и признания славянских народов равноправными с арийцами. Сегодня все чаще говорят о том, что 14-я национальная дивизия под эгидой «оружия СС» была сформирована втайне от фюрера. А значит, эти соединения не были собственно ээсовскими. Но возможно и другое: национальные армии изначально были созданы как «пушечное мясо», и скрывать факт их существования просто не было необходимости.

Набор в дивизию был объявлен 28 апреля 1943 года. В прокламации губернатора Галиции Вехтера, которая была издана уже после начала набора, говорилось, что в «Галичину» будут приняты все те, кто прятался от мобилизации на работы в Германии, — «и грехи им будут прощены».

В переговорах с О. Вехтером представители украинской стороны настаивали на выполнении нескольких требований. Так, дивизия должна быть украинской в составе немецкой армии (а не немецкой, составленной из украинцев), что должно найти отображение в названии, внешних отличиях и в командном составе. Отдельным

пунктом оговаривалось, что дивизия в целом и ее отдельные части не могут быть использованы против собственного народа.

Но лишь небольшая часть этих требований была выполнена. По решению Гимmlера дивизия не имела права носить название «украинская», чтобы не пропагандировать идею независимости Украины, она должна была называться «галицкой» и состоять из жителей той части Украины, которая раньше принадлежала Австрии, т. е. из «австрийских галичан». Современный государственный герб Украины — тризуб — был только на флаге дивизии, а основным знаком отличия дивизии стал «галицкий лев». Все командные посты от батальона и выше временно передавалась к руки немцев. Также не было полностью выполнено обещание использовать украинцев только на восточном фронте. Украинская сторона согласилась на все эти ограничения, считая их временными и надеясь, что они будут сняты после того, как дивизия покажет себя в боях.

Командиром дивизии был назначен бригадефюрер СС Вальтер Шимман. В ноябре 1943 года его сменил бригадефюрер СС Фриц Фрайтаг, бывший офицер тайной полиции, человек очень честолюбивый, подозрительно относившийся к своим коллегам. Набор добровольцев проводился в мае — июне 1943 года только среди украинцев, проживавших на территории нынешних Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей. Позже в дивизию вступали представители других регионов (например, был создан так называемый Волынский легион) и даже пленные красноармейцы. К 18 июня 1943 года в дивизию записалось 84 тысячи добровольцев, 52 тысячи из которых прошли медкомиссию. Но в дивизию было зачислено только 13 тысяч. После комиссования больных и получивших «бронь» численность будущей дивизии составляла 11,5 тысяч человек. В ноябре 1943 года дополнительно было призвано еще 6 тысяч, так что в учебные лагеря было отправлено 17 200 человек. По мере приближения линии фронта желающих записаться в дивизию стало намного больше. Поэтому из добровольцев было дополнительно сформировано еще пять полицейских батальонов.

17 июня 1943 года бывшие офицеры и подофицеры первыми отправились на переподготовку: пехотинцы — в Лешаны, артиллеристы — в Бенешов в Чехии, пехотные артиллеристы — в Бреслау-Лисса в Силезии. По уставу дивизия должна была состоять из

480 офицеров, 2587 под-офицеров и 11 622 стрелков, вместе — 14 689 человек. На 20 сентября реально дивизия состояла из 261 офицера, 673 подофицеров и 11 967 стрелков, вместе — 12 901 человек.

Как видно из приведенных цифр, очень сильно ощущался недостаток украинских командных кадров, поэтому дивизионный штаб добился разрешения послать в офицерские школы несколько сот молодых командиров, которые еще не имели боевого опыта. В мае 1944 года они поехали на курсы в Чехию. Все, кто прошел переподготовку, получили соответствующие звания. Самые высокие звания — майора — получили командир дивизиона тяжелой артиллерии Николай Палиенко и командир пехотного полка Евгений Побигущий.

В начале февраля 1944 года в Гайделагере была сформирована боевая группа, которая тремя эшелонами выехала в Украину и включилась в боевые действия в северо-западной части Галиции и Холмщины. Через месяц она возвратилась в дивизию, которая к тому времени уже была переведена в Нойгаммер для завершающего этапа подготовки.

28 июня 1944 года по приказу командующего группой «Северная Украина» генерал-фельдмаршала Вальтера Моделя дивизия «Галичина» была включена в состав 13-го корпуса 4-й танковой армии, которая держала 160-кило-метровую оборону на отрезке фронта возле г. Броды. Дивизия заняла вторую (запасную) линию обороны фронта длиной 36 км. 13 июля советское командование силами 1-го Украинского фронта начало Львовско-Сандомирскую операцию, целью которой было окружение немецких войск в Галиции, взятие Львова и выход на линию Висла — Сян. В результате наступления войск маршала Конева 13-й корпус попал в окружение, а «Галичину» перебросили на другие участки фронта. После жестоких боев под Бродами 22 июля 13-й корпус прекратил существование. Остатки «Галичины» (около 1000 человек) во главе с генералом Фрайтагом вырвались из окружения и начали пробиваться в Закарпатье. Мрачные предсказания противников формирования дивизии, казалось, начали сбываться: тысячи украинцев погибли, отстаивая интересы Германии...

В сентябре 1944 года вышел приказ о новом формировании дивизии. До 31 декабря она должна была быть готовой к боевым

действиям. 17 октября 1944 года Гиммлер разрешил изменить название дивизии на «14 Waffen Grenadier Division der SS (ukrainische Nr. 1)» — «14-я гренадерская дивизия СС (украинская № 1)».

Сторонники гипотезы, по которой дивизия «Галичина» была оплотом украинской независимости, часто упоминают, что она была только формально подчинена командованию СС вплоть до апреля 1945 года. А после этого в ней вообще были упразднены все внешние признаки принадлежности к немецкой армии: высшее командование перешло к украинским старшинам, а вместо немецкого орла полки и курени получали тризу-бы. Исследователи пишут, что немцы носили белый или серебряный знак СС, тогда как у украинцев был белый или серебристый галицкий лев, а на левом рукаве — лев с тремя коронами на синем фоне и надпись «Галичина». Но никакие внешние отличия не могут изменить того факта, что дивизия находилась в подчинении Германии, снабжалась из тех же источников, что и остальная немецкая армия и выполняла приказы, отдаваемые немецким командованием.

Второй этап истории дивизии «Галичина» был связан с карательными экспедициями против партизан в оккупированных Германией восточноевропейских странах.

28 сентября командование СС приказало перекинуть дивизию в Словакию для охраны от партизан района возле г. Жилина. 26 января 1945 года дивизию перевели в Югославию, где она воевала с партизанами И. Тито. Позже ее перебросили в Австрию, где она принимала участие в боях возле замка Гляйхенбер.

В конце 1944 года немцы предложили создать Украинский национальный комитет (УНК), который представлял бы народ Украины. Но при этом немцы настаивали на том, чтобы УНК был составной частью русского «Комитета освобождения народов России», возглавляемого генералом Власовым, от чего украинцы решительно отказались. 12 марта 1945 года немецкое правительство признало УНК во главе с генералом Павлом Шандруком единственным представителем украинского народа с правом организации Украинской национальной армии (УНА). Командующим УНА 15 марта был назначен П. Шандрук, начальником штаба — генерал О. Балийский, а 17 марта было начато формирование УНА.

25 апреля 1945 года, когда Советская армия уже захватила восточные предместья Берлина, части дивизии «Галичина» были

приведены к присяге на верность Украине. 7 мая, узнав о неминуемой капитуляции Германии, генерал Шандрук приказал дивизии отойти с линии фронта и форсированным маршем перейти в зону оккупации западных войск. Дивизионные саперы наладили мост через реку, которым воспользовалась не только дивизия, а и отступающие немецкие и венгерские части. Советские войска в районе Юденбурга танковым ударом рассекли дивизию на две части. Несмотря на это, основная часть ее оказалась в английской оккупационной зоне в районе Тамсвега, а командование УНА и меньшая часть дивизии были интернированы американцами в Радштадте.

Около 12 тысяч человек из состава дивизии «Галичина» были перемещены англичанами в лагерь для интернированных в г. Шпиталь, а оттуда — в Италию, где они находились в лагерях в Белларии, а с сентября 1945 по май 1947 года — в Римини. Естественно, что Москва требовала выдачи всех, кто служил под знаменами «Галичины». Но западные союзники не выдали их по формальным причинам: они были гражданами не Советского Союза, а Второй Речи Посполитой. В мае — июне 1947 года все украинцы, за исключением 1052 человек, которые изъявили желание вернуться в СССР, были перевезены в

Англию. Там их разместили в лагерях военнопленных, где задействовали в сельхозработах. В конце 1948 года бывшие воины дивизии были освобождены и разъехались по всему миру — в США, Канаду, Австралию, Аргентину.

В послевоенные времена на Западе боевой путь дивизии был тщательно исследован с целью определения того, совершали ли солдаты дивизии преступления против мирного населения или нет. Вопрос о зверствах нацистов и тех, кто их поддерживал, очень подробно рассматривался на Нюрнбергском процессе 1946 года. Советская сторона не привела в Нюрнберге доказательств участия «Галичины» в карательных операциях.

Судебные инстанции ФРГ в 1959-м и Канады в 1986 годах признали солдат дивизии фронтовиками, не участвовавшими в казнях польского и еврейского населения. В постановлении судьи Жюля Дешенэ (Оттава) сказано: «Дивизия „Галичина“ не может быть обвинена как единая группа. Члены дивизии индивидуально проверялись в целях безопасности перед их въездом в Канаду. Обвинения в военных преступлениях никогда не подтверждались —

ни в первый раз в 1950 году, ни после новой проверки в 1984-м, ни сейчас. Нет никаких причин для лишения их гражданства или депортации».

7 января 2001 года телеканал Би-би-си показал документальный фильм «СС в Британии», где дивизия обвинялась в убийстве евреев Львова в 1941-м (при том, что дивизия была создана только в 1943-м) и в подавлении Варшавского восстания 1944 года (хотя в Варшаве «Галичины» вообще никогда не было). На большинстве документальных кадров фигурируют люди без формы. Союз украинцев Британии подал в суд и выиграл иск против Би-би-си. Попутно было установлено, что спонсировали этот фильм английские нефтяные концерны, лоббирующие строительство трубопровода через Польшу в обход Украины.

Солдат дивизии «Галичина» обвиняли также в том, что они 28 февраля 1944 года захватили польское село Гута Пеняцка и уничтожили не только партизан, но и всех жителей — более 800 человек. Но Генпрокуратура Украины в феврале 2000 года заявила после завершения расследования, что в ее распоряжении нет архивных документов об участии «Галичины» в казнях жителей этого села. Немецкие отчеты не сообщают, какие именно германские части были задействованы в данной операции. Свидетели утверждают, что приказы отдавались по-немецки, а исполнялись украинцами — но это мог быть полицейский украинский батальон, а не дивизия «Галичина». Возможно, документы, подтверждающие или опровергающие участие «Галичины» в этой операции, были уничтожены во время войны.

Так кем же все-таки были бойцы 14-й пехотной дивизии СС «Галичина»? Изменниками? Борцами за независимость, для которых принцип «цель оправдывает средства» был жизненным кредо? Жертвами войны, очутившимися между жерновами фашизма и советской тоталитарной системы? Или попросту наемниками? Несмотря на то что со времени окончания Второй мировой войны прошло шестьдесят с небольшим лет (а это по историческим меркам совсем немного), однозначно ответить на эти вопросы вряд ли удастся. Вот почему и сейчас для одних бойцы дивизии «Галичина» являются «предателями и убийцами», для других же они — герои, боровшиеся за счастье своей Родины...

Оборона Севастополя: неизвестные страницы истории

4 июля 1942 года на страницах газеты «Правда» Сов-информбюро сообщило, что по приказу Верховного командования Красной армией 3 июля 1942 года советские войска оставили город Севастополь. Основную задачу — приковать на Севастопольском участке фронта как можно больше немецко-фашистских войск и как можно больше их уничтожить — севастопольцы выполнили. Однако в данном сообщении отсутствовала какая-либо информация об эвакуации Приморской армии, частей и подразделений Береговой обороны Черноморского флота. Что неудивительно, ведь сообщать, по сути, было не о чем... На протяжении многих лет этот вопрос официальными властями усиленно замалчивался, а все более-менее серьезные исследования о последних днях обороны Севастополя сворачивались, едва начавшись. Многочисленные издания, посвященные героизму защитников обреченного города, явно не в полном объеме освещали события последних дней осады, когда севастопольцы остались один на один с намного превосходящими силами гитлеровцев, без оружия, боеприпасов, продовольствия и воды, без какой-либо помощи с Большой земли. События тех дней и подвиг последних защитников крепости до недавнего времени оставались неизвестными страницами Второй мировой войны.

Морская пехота в атаке

Севастополь одним из первых городов СССР подвергся налету фашистской авиации. Первые бомбы упали на него еще в 3.15 утра 22 июня 1941 года. Жители Севастополя и моряки Черноморского флота сразу же занялись созданием оборонительных рубежей. Собственно, до начала войны город не был укреплен с суши, так что в июле командование флотом приступило к подготовке сухопутной обороны. Планировалось создать три рубежа: передовой, десантный и тыловой. Все укрепления возводились в расчете на отражение удара воздушного десанта и были совершенно не рассчитаны на противостояние танковым частям и артиллерии. К ноябрю закончить оборудование рубежей так и не удалось. К боевым действиям оказались готовы только 82 артиллерийских дота с морскими орудиями, 220 пулеметных дотов и дзотов, 33 км противотанковых рвов, 56 км проволочных заграждений; было установлено 9600 мин. Передовой оборонительный рубеж протяженностью 46 км находился в 15–17 км от города и пролегал от Балаклавы до Качи. Следует сказать, что при такой защите Севастополь полностью попадал под воздействие полевой артиллерии противника. Правда, в сентябре, когда начались бои за Перекоп, гарнизон города попытался создать новый передовой рубеж, передвинув его на 5–7 км дальше главного, но времени на завершение этих работ уже не оставалось. Единственное, что удалось сделать, — оборудовать опорные пункты на тех направлениях, где был возможен прорыв танков.

В ожидании нападения Севастополь в буквальном смысле слова зарывался в землю. В штольнях Инкермана и Ново-Троицкой балки были оборудованы спецкомбинаты, на которых был налажен выпуск вооружения, боеприпасов, белья, обуви, обмундирования, лопат, печек для землянок. Там же начали работу столовая, клуб, детские ясли и сад, школа, амбулатории. Позднее в штольнях появились госпитали и хлебозавод. До самой зимы, несмотря на частые обстрелы, в Севастополе ходил трамвай, сохранялось довольно устойчивое электроснабжение. Местные жители приспособили пустыри и городские дворы под огороды, занимались ремонтом поврежденных танков, орудий, автомашин, обстирывали защитников крепости, ухаживали за ранеными, сдавали кровь, сопровождали тяжелораненых

при эвакуации на Большую землю. По мере разрушения Севастополя жизнь постепенно полностью переместилась под землю.

В Крым немецко-фашистские войска вторглись 20 октября 1941 года, а уже через 10 дней гитлеровцы стояли у окраин Севастополя. Правда, несмотря на то что город фактически не был заранее подготовлен к обороне с суши, взять его с ходу не удалось.

Для обороны Крыма Ставка Верховного Главнокомандования в августе 1941 года сформировала 5-ю Отдельную армию, а в октябре перебросила в Крым из Одессы Приморскую армию. Советские войска в Крыму в конце октября имели свыше 100 тысяч солдат, более 100 танков, достаточное количество артиллерии. В воздухе и на море преимущество было на советской стороне. Однако командование должным образом распорядиться войсками не смогло.

Численность гарнизона непосредственно в Севастополе едва достигала 20 000 бойцов; с учетом флота и тыловых служб в крепости находились 55 000 человек. Их вооружение ограничивалось 72 минометами, 63 орудиями; береговая оборона состояла из 13 артиллерийских батарей (44 орудий калибра 100–305 мм) и бронепоезда. Это была капля в море, основные силы к тому моменту успели уйти к Кавказскому побережью.

29 октября 1941 года в Севастополе было введено осадное положение, а на следующий день морская пехота, матросы боевых кораблей, береговых частей флота и курсанты военно-морского училища при поддержке огня береговых батарей и эсминца «Бодрый» сумели остановить наступление войск, брошенных немецким командованием на прорыв. Так началась знаменитая оборона Севастополя, затянувшаяся на 250 дней...

Уже в ходе боев защитники города создавали новые полевые укрепления. Снабжение осажденной крепости, пополнение гарнизона, вывоз раненых и мирного населения осуществлялся только морем, часто под ударами немецкой авиации. 4 ноября все силы советских войск, находившиеся в данной зоне, были объединены в Севастопольский оборонительный район; его начальником назначили командующего флотом вице-адмирала Ф. Октябрьского, а его заместителем по сухопутной обороне стал командующий Приморской армией генерал-майор И. Петров.

11 ноября гитлеровцы пошли в наступление. Защитники города держались больше месяца, практически не получая помощи извне, пока к ним не пробилась часть 184-й дивизии НКВД; несколькими днями позже в город прибыл первый транспорт с боеприпасами. После упорных боев, понеся серьезные потери, немцы с 21 ноября прекратили лобовые атаки и перешли к осаде города.

Новое наступление — уже при поддержке танков — семь немецких пехотных дивизий и две румынские бригады начали 17 декабря. И снова нападавшие были отброшены защитниками города, на помощь которым пришла корабельная артиллерия. Наступление захлебнулось, к тому же часть сил, брошенных на захват Севастополя, была оттянута в направлении Керчи и Феодосии, где высадился десант советских войск.

2 января 1942 года командование Кавказским фронтом отрапортовало Ставке Верховного Главнокомандующего о том, что освобождение Крыма — вопрос всего пары дней.

Однако бравурные рапорты не отражали действительности: подготовка войск шла слишком медленно, с серьезными задержками, просчетами и недостатками. А директива о наступлении, переданная гарнизону Севастополя, вообще походила на зловещий фарс. Защитники осажденного города не располагали людскими резервами, несли огромные потери. Не хватало боеприпасов, ручных пулеметов, например, имелось меньше четверти штатной нормы. Противник же тем временем быстро укрепил свои рубежи, подтянул подкрепления. Только 28 января 1942 года Ставка Верховного Главнокомандующего объявила о создании Крымского фронта, в обязанность которому вменялось быстрое освобождение полуострова от захватчиков. Следует сказать, что операция эта началась на две недели позже намеченной даты и сразу же с треском провалилась. Советским войскам удалось взять только первую линию обороны гитлеровцев, однако уже на следующий день немцы выбили наступавшие части обратно.

К марту 1942 года, воспользовавшись тем, что силы 11-й армии генерала фон Манштейна были оттянуты к Феодосии, войска Севастопольского оборонительного района перешли в частичное наступление, несколько улучшив свои позиции. Но уже к маю ситуация вновь ухудшилась — Крымский фронт потерпел

неожиданное и сокрушительное поражение. Вина за это лежит на командующем фронтом генерале Д. Козлове и комиссаре Л. Мехлисе, чей непрофессионализм повлек за собой огромные потери. Неудачная конфигурация фронта, неподготовленность советских войск к обороне и, наоборот, правильный выбор участка прорыва немецкой стороной и тщательная подготовка операции позволили войскам Манштейна в течение нескольких дней рассеять, окружить и почти полностью уничтожить советскую керченскую группировку. Теперь ситуация обострялась буквально каждый час. В Ставке заволновались, начали требовать от руководства фронта энергичных действий, направленных на ликвидацию угрозы окружения. Однако фронтовое начальство, действуя крайне нерешительно, не успело отвести силы на Турецкий вал^[15] и не сумело организовать там оборону. Последствия оказались страшными: 11 мая началось неорганизованное отступление советских войск. Потери оказались огромными. В течение 10 дней Крымский фронт фактически прекратил свое существование.

Позднее военные аналитики, анализируя действия советского командования, пришли к выводу, что расположение соединений не отвечало практической обстановке на фронте, а командование бредило только наступлением, совершенно не беря в расчет возможности удара со стороны немцев. Главная оборонительная полоса и Акмонайские позиции по этой причине оказались слабо укрепленными. К тому же существовали серьезные несостыковки в вопросах командования частями, взаимодействия наземных войск и авиации. Данные вопросы требовали срочного корректирования. Но этим вообще никто не озаботился.

Командующий фронтом Д. Козлов и его штаб, по сути, больше занимались внутренними склоками, чем своими прямыми обязанностями. Приказы, исходившие от штаба, часто являлись противоречивыми, что порождало беспорядки и никак не способствовало успешному проведению боевых операций. К тому же представитель Ставки комиссар I ранга Л. Мехлис окончательно развалил работу штаба, превышая свои полномочия и грубо вмешиваясь в действия командующего фронтом. Картина складывалась совершенно невыносимая: войска беспорядочно отступали, а члены Военного совета тем временем проводили многословные и многочасовые заседания. А вот на серьезные

предупреждения штаб вообще не реагировал. Так, еще 19 апреля, почти за три недели до наступления гитлеровцев, Ф. Октябрьский лично доложил Военному совету Крымского фронта о подготовке немецким командованием наступления. Эти данные вице-адмирал получил из донесений, которые направлял в Бухарест румынский полковник Тауту, служивший при штабе Манштейна. Советской разведке удалось подобрать ключ к шифру, которым пользовался полковник, и благодаря этому прочесть самые секретные донесения. Вот только проделывалась эта работа впустую: штаб Крымского фронта на сообщения не реагировал.

Следует сказать, что Л. Мехлис, один из главных виновников поражения Крымского фронта и один из виновников захвата немцами Севастополя, вскоре попал «на ковер» лично к Сталину. «Бравый» комиссар, едва переступив порог кабинета, упал на колени и пополз к «вождю народов», обливаясь слезами. При этом Мехлис ругал себя последними словами, каялся, говорил, что готов понести любое наказание. В общем, Сталин комедию, разыгранную комиссаром, оценил и... «Не стоит так убиваться, на войне всякое бывает», — проговорил вождь. А на очередном заседании Ставки Верховного Главнокомандующего, на которое спешно вызвали руководителей Крымского фронта, Мехлис уже всю критикувал других, старательно сваливая на них вину за поражение советских войск. В итоге семь военачальников, признанных виновниками Керченской катастрофы, были сняты с должностей и понижены в звании. Правда, ненадолго. В скором времени все они снова получили высокие должности и даже награды — видимо, как компенсацию за «моральный ущерб».

Тем временем падение Севастополя было лишь делом нескольких недель, поскольку немецкое командование получило прекрасную возможность сосредоточить против защитников города всю мощь 11-й армии Манштейна. К тому же крепость полностью зависела от морских поставок, а их объем после разгрома Крымского фронта начал стремительно снижаться, а в небе над Севастополем тем временем царил гитлеровская авиация. Под ее удары попадали не только советские самолеты, но и следовавшие в город транспорты: из-за коротких ночей корабли оказывались в опасной зоне в светлое время суток и становились прекрасной мишенью для бомбардировщиков. Относительно легко прорваться в Севастополь могли только

быстроходные военные корабли, но они не могли обеспечить потребности 100-тысячного гарнизона. Тем временем немцы сосредоточили усилия на создании морской блокады города. В крымских портах собралось большое число сторожевых и торпедных катеров, а также итальянских мини-подлодок. А на ближайших аэродромах дежурили более 150 самолетов-торпедоносцев и пикировщиков, которые были переброшены в Крым со Средиземноморского театра военных действий.

2 июня 1942 года немцы начали обстрел города. Как впоследствии вспоминал генерал Манштейн, это было самое массированное применение германской артиллерии в годы Второй мировой войны. На подступах к Севастополю «заговорили» 2045 пушек и минометов, зенитная артиллерийская боевая группа «Север», две батареи 625-миллиметровых мортир и знаменитая пушка «Дора» — детище завода Крупа в Эссене. Размеры и пробивная сила этого орудия калибра 800 мм поражают воображение и сегодня: «Дора» имела ствол длиной 30 м, лафет высотой с трехэтажный дом. Ее снаряды весом около семи тонн (!) навывлет пробивали шестиметровое железобетонное перекрытие. Обслуживали «Дору» 1500 солдат и офицеров. Всего же на направлениях главного удара по городу немцы сосредоточили около 100 пушек в расчете на 1 км фронта.

Утром 7 июня противник начал решительную атаку по всему периметру обороны. Особенно тяжелые бои велись на Мекензиевых горах: в тот день только в расположении 172-й стрелечкой дивизии разорвалось около 7000 бомб и свыше 15 000 снарядов. Это значит, что на каждый квадратный метр здесь выпало по полторы тонны «осадков» из раскаленного металла. «Соседи» дивизии, 365-я зенитная батарея, окруженная и расстреливаемая прямой наводкой из танков, держала позицию лишь чудом. В критический момент раненый командир батареи передал командованию радиogramму о том, что отбиваться ему больше нечем, весь личный состав вышел из строя; офицер просил своих соотечественников открыть огонь по его позиции, целясь прямо в командный пункт...

Из-за господства в воздухе немецкой авиации подвоз подкреплений и боеприпасов стал почти невозможным. Ежедневно потребность города в боеприпасах составляла около 580–600 тонн, а поступало их едва ли треть от этого. Причем положение ухудшалось с

каждым днем. Подразделения, перебрасываемые в Севастополь морем, не восполняли даже 20 % потерь личного состава. Защитникам не хватало оружия, прежде всего стрелкового. Еще за неделю до третьего штурма немцами Севастополя Ф. Октябрьский обратился к штабу Северо-Кавказского фронта и к наркому Военно-морского флота М. Кузнецову с просьбой ускорить поступление реальной помощи. Прежде всего вице-адмирал просил прислать оружие.

А оружия на кавказских складах... вообще не было! Командование просто заранее не позаботилось о запасе даже простых винтовок, не говоря уже об автоматах. Неудивительно, что часть пополнения прибывала в Севастополь с пустыми руками: военачальники считали, что солдаты должны сами позаботиться о себе, добыв все необходимое в бою...

В условиях нехватки оружия и боеприпасов, продуктов и питьевой воды (на человека в сутки приходилось всего по стакану воды и несколько сухарей) защитники осажденного города держались еще пять дней. Затем нехватка боеприпасов стала сказываться особенно сильно. Когда же 10 июня в севастопольской базе, атакованный 15 «юнкерсами», погиб эсминец «Свободный», а 13-го числа у Минной Стенки немецкая авиация потопила теплоход «Грузия» с грузом снарядов, командование Черноморского флота начало использовать в качестве транспортов подводные лодки. В мае — июне 24 судна всех имеющихся типов совершили 78 походов в Севастополь, доставив туда около 4000 тонн груза и эвакуировав более 1300 человек. Но все это проблему снабжения города и спасения людей, увы, не решало.

18 июня немцы сумели прорваться к Северной бухте, Инкерману и Сапун-горе. На следующий день из порта вышел последний транспорт «Белосток», который был потоплен недалеко от города. Тогда к снабжению Севастополя подключилась авиация. Гитлеровцы ответили массированной бомбардировкой. В многострадальной крепости появилось свыше 500 новых очагов пожара. Среди прочих зданий пылало помещение знаменитой панорамы Рубо «Оборона Севастополя в 1854–1855 годах». Панораму разделили на части, вынесли из огня и вскоре переправили на лидере «Ташкент» в Новороссийск.

26 июня в Севастополь на двух эскадренных миноносцах, лидере «Ташкент» и двух тральщиках прибыло последнее пополнение — 142-я стрелковая бригада (944 человека), при этом немецкой авиацией был потоплен эскадренный миноносец «Безупречный», на котором находились еще 320 бойцов. Из них спасти удалось только троих... Капитан судна, расколовшегося от взрыва бомб пополам, предпочел не покидать своего мостика; море поглотило его вместе с «Безупречным».

Корабли разгружались и принимали раненых в Камышовой бухте, которая находилась за городской чертой. На лидере «Ташкент» удалось эвакуировать из Севастополя около 2 000 человек. Хотя на обратном пути «Ташкент» подвергся сильному удару с воздуха, корабль все же сумел доплыть до Новороссийска. Но теперь боеприпасы, топливо и продовольствие доставлялись в Севастополь в совсем мизерных количествах только подводными лодками и транспортными самолетами.

Тем временем в самом городе гитлеровцы вышли к последнему рубежу обороны, и ни отчаянное сопротивление защитников крепости, ни многочисленные жертвы уже ничего не могли изменить. Еще 20 июня стало ясно, что Севастополь и его защитники обречены. Требовалось немедленно принять решение о срочной эвакуации людей или быстро доставить в город большое количество людей и техники для продолжения борьбы. Ставка же предпочла промолчать...

Окончательно судьба Севастополя решилась 29 июня, с падением инкерманских высот. В стрелковых дивизиях и полках, сдерживавших натиск гитлеровцев, осталось по 150–200 человек. Редкий огонь артиллерии, расстреливавшей последние боеприпасы, мог оказать им разве что моральную поддержку. Вдобавок лето выдалось удивительно знойным, дым от пожаров и пороховая гарь не давали нормально дышать. Медики не успевали оказывать раненым помощь: тысячи людей лежали под прикрытием скал, на земле, во рвах и воронках; многие из них умирали, так и не дождавшись помощи. С 28 июня уже не было кому хоронить убитых и умерших от ран, так что тела просто грузили на баржи, по ночам вывозили как можно дальше от берега и сбрасывали в море. Многие трупы затем прибывало к берегу, и они разлагались прямо у кромки воды, издавая жуткое зловоние.

К тому моменту, когда 30 июня советские войска оставили Малахов курган и стали отходить к бухтам Стрелецкой, Камышовой,

Казачьей и на мыс Херсонес, саперы успели заминировать все уцелевшие городские объекты, а в штабах были уничтожены все секретные документы. В 9.50 утра вице-адмирал Ф. Октябрьский отправил телеграммы Сталину, наркому Военно-морского флота и командующему Северо-Кавказским фронтом, в которых сообщал, что организованная борьба в районе Севастополя может продолжаться не более двух-трех дней.

Защитники города дрались уже на окраинах, а вечером того же дня на берегу в последний раз собрались члены Военного совета Черноморского флота и Приморской армии; было зачитано решение Ставки Верховного Главнокомандующего о прекращении обороны Севастополя и эвакуации командного состава, а также ответственных работников городских органов управления. Обратите внимание: вопрос о спасении рядовых солдат и моряков вообще не поднимался и не рассматривался!

В ночь на 1 июля Ф. Октябрьский доложил Ставке о том, что все возможности для обороны Севастополя исчерпаны. Тогда же с мыса Херсонес на подводных лодках и нескольких транспортных самолетах были вывезены высшие командиры и комиссары Советской армии: генерал Петров и его штаб, командиры дивизий, командование флота, партийное руководство, команднополитический состав, высшие чины НКВД. Всего город покинули 498 человек. Из них 222 человека отправились на Большую землю на 13 самолетах из авиагруппы особого назначения. Вице-адмирал Ф. Октябрьский собирался покинуть город на последнем самолете, но в последний момент солдаты узнали его и подняли шум. Когда раздалась беспорядочная стрельба (пока — только в воздух), военком авиагруппы полковой комиссар П. Михайлов сумел взять ситуацию под контроль, заявив, что командование отбывает исключительно для того, чтобы организовать эвакуацию защитников Севастополя.

Комиссар прекрасно осознавал, что врет. Но солдаты поверили ему, самолет беспрепятственно взлетел и растаял в темноте. Ранним утром его пассажиры ступили на землю в Краснограде. Тогда же, в ночь на 1 июля, город покинули все имевшиеся в наличии исправные плавсредства. Они доставили на Большую землю еще 304 человека. Следует сказать, что подводная лодка, на которой бежал из Севастополя И. Петров, покинула город последней, и вовсе не из

высоких побуждений командующего или угрызений мучившей его совести. Дело в том, что генерал отправил в пылающий город, в котором уже местами хозяйничали немцы, специальную группу; занималась она поисками любимого сына генерала, Юрия. Только после того, как Петров-младший оказался на борту подлодки, судно ушло в море.

Больше всего картина поспешного бегства из Севастополя командного состава, штабистов и ответственных работников напоминало бегство крыс с тонущего корабля. Эти люди приложили массу усилий, чтобы спасти свои шкуры, а в это же время брошенные на произвол судьбы воины продолжали с нечеловеческим упорством отбивать бешеные атаки противника, платя своими жизнями за каждый удержанный сантиметр севастопольской земли. Примечательно, что за все время осады несчастного города в нем не побывал ни один из высших военачальников; они предпочитали руководить издали, при помощи письменных приказов. С уходом командного состава управление оставшимися в Севастополе войсками было окончательно утрачено.

Но люди продолжали сражаться за город, превратившийся в сплошные развалины и пожарища. Остатки вооруженных сил возглавил командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Новиков, который получил от бежавших чинов приказ «...сражаться до последней возможности, после чего... пробиваться в горы, к партизанам». Он отвел защитников базы к полуострову Херсонес. В ночь на 2 июня личный состав батареи № 35 взорвал орудия, поскольку боекомплект был израсходован полностью. Тогда же два тральщика, две подводные лодки и пять морских охотников в последний раз подошли к городу, чтобы принять на борт еще около 650 человек. Надо отметить, что командир дивизии совершил невероятное и продержался со своими людьми до 4 июля.

Остатки Приморской армии — более 30 000 человек — пытались укрыться в пещерах в крутых склонах берега. Там оставшиеся в живых люди, лишенные боеприпасов (снаряды и гранаты распределялись уже поштучно!), продовольствия, пресной воды и медикаментов, тщетно ожидали обещанной эвакуации. Защитники Севастополя никак не могли понять, что их просто бросили, списав со счетов... Кораблей, подводных лодок и самолетов так и не дождались. В полночь с 3 на 4

июля на причалы доставили тяжелораненых, подошли подразделения с передовой. Люди стояли молча, с надеждой глядя в море. Но к берегу подошли всего несколько маленьких катеров, которые даже не успели пришвартоваться: доведенные до отчаяния люди смяли охрану, кинулись на причалы и начали прыгать в воду. Катера поспешили отойти подальше, так что до них добралось лишь незначительное количество людей.

До рассвета на полуразрушенном причале, вокруг него, на берегу плотной стеной продолжали стоять тысячи защитников города, все еще ожидавших спасения. Первый порыв отчаяния схлынул, и они стояли молча, не шевелясь. Только когда стало светать, кто-то крикнул: «В оборону!» И потерявшие надежду солдаты начали прямо на берегу занимать места, готовясь дать врагу последний бой... С таким ожесточенным сопротивлением немцы еще не сталкивались. Затишье на берегу наступило только глубокой ночью.

4 июля организованное сопротивление на мысе Херсонес оказалось сломленным. Перед этим остатки советских войск выдержали восьмичасовой напряженный бой под градом снарядов и бомб. Все вооружение последних защитников павшей базы состояло из винтовок, патроны к которым считали поштучно. Солдаты и матросы вынуждены были сражаться на два фронта, поскольку днем в бухту вошли немецкие катера, которые открыли пулеметный и пушечный огонь по противнику. Некоторые солдаты в отчаянии бросались в волны, приспособив под плавсредства бочки и доски, многие кончали жизнь самоубийством. Часть сражавшихся пошли на прорыв, погибая под пулями. Поздно вечером в Херсонесской, Песчаной, Казачьей и Камышевой бухтах замолкли выстрелы: оставшимся в живых отбиваться было уже нечем. Эти люди действительно сражались до последнего патрона...

Раненых гитлеровцы пристрелили, а тех, кто чудом уцелел в этой бойне, отправили в концлагеря. Но на отдельных участках защитники Севастополя держались даже до 9—10 июля; одиночные выстрелы и взрывы гранат звучали в городе до 12 июля. Те, кто прятался в башнях артиллерийских батарей и в развалинах домов, по-прежнему верили в спасение... Большинство брошенных командирами солдат попали в плен или погибли. Лишь единицам удалось все же пробиться в горы.

Защитники Севастополя зря надеялись на то, что их судьба волнует кого-то из высших военных чинов. Еще 28 мая 1942 года Военный совет Северо-Кавказского фронта утвердил секретную директиву 00201/ОП, в которой были слова: «Севастопольский оборонный район имеет мощную систему обороны, способную противостоять любому наступлению». Далее следовал приказ: «Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет». В этот момент Крымского фронта уже не существовало, Севастополь задыхался в блокаде, но штабы точно выполняли полученную «сверху» директиву и не разрабатывали планов эвакуации защитников города или какие-либо иные меры на случай крайнего обострения ситуации. Так одним росчерком пера были перечеркнуты жизни тысяч людей, проливавших кровь за свою землю. Солдаты и матросы Севастополя были приговорены своим командованием к смерти либо к позору плена. К слову, обреченных заранее занесли в списки пропавших без вести, что в то время означало клеймо «предателя родины». Таких «предателей» в итоге набралось, по советским официальным данным, более 80 000, а по немецким — более 10 000. Впоследствии официальная историография пыталась доказать, что часть защитников Севастополя была эвакуирована, а часть прорвалась в горы к партизанам. По свидетельству солидного труда «Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия», на берегу Севастополя остались только 5500 человек, прикрывавшие отход основных частей. Особо важные цифровые показатели старательно «отредактировали», о судьбе брошенных военачальниками солдат «забыли», о том, что эвакуировались только представители командного состава и ответственные партийные работники, стыдливо умолчали. Так был рожден очередной миф, рассчитанный на восприятие тех, кто войны уже не видел, и потому может легко поверить написанному в книгах.

Следует заметить, что Ставка дала разрешение на эвакуацию военачальников, однако это не был приказ. Просто те, кого это разрешение касалось, поспешили воспользоваться случаем. К тому же всего из Севастополя бежали более 600 человек руководителей разного ранга, что в 2,5 раза превышало цифру, позволенную Ставкой.

А тем временем люди, заплатившие своими мучениями, кровью, отчаянием и жизнями за чужие ошибки, трусость, некомпетентность и

подлость, десятилетиями считались пропавшими без вести и, что еще хуже, предателями. Те, кем соотечественники должны были гордиться, те, кому обязаны жизнями тысячи людей, были преданы при жизни и втоптаны в грязь после смерти. За что? На этот риторический вопрос ответа, увы, не существует. Хорошо, что хотя бы сейчас стала известна правда о последних днях защиты Севастополя.

Когда-то Ленин заметил, что и кухарка может управлять государством. Что ж, возможно, это и так. Вот только последствия действий некомпетентных недоучек оказываются слишком удручающими. Потому их всегда старались прикрыть лживыми мифами, подменяя трусость предусмотрительностью, бегство стремлением подготовить эвакуацию, списывая собственные просчеты на других и на стечение обстоятельств. Так было в прошлом, так случается и в настоящем. Дай бог, чтобы хотя бы в будущем этого больше никогда не происходило...

Операция «Висла»

Апрель 1947 года, операция «Висла», результатом которой стала депортация польскими властями свыше 140 тысяч украинцев с родных земель... Тема эта очень деликатная. Попробуем непредвзято разобраться, что же произошло в те первые послевоенные годы.

В 2006 году в Клеве Служба безопасности Украины совместно с польско-украинской группой историков презентовала пятый том польско-украинской издательской серии «Польша и Украина в 30—40-х годах XX столетия. Неизвестные документы из архивов спецслужб». Это научно-документальное издание называется «Акция „Висла“ 1947». Книга вышла благодаря сотрудничеству отраслевого государственного архива СБУ, Центрального архива Министерства внутренних дел и Администрации Республики Польша при содействии Института национальной памяти Польши и Института политических и этнонациональных исследований Национальной Академии наук Украины.

Два предыдущих тома рассказывают о польском подполье в Западной Украине в 1939–1941 годах. Еще два касаются переселения поляков и украинцев и трагических событий на Волыни в 1943–1944 годах. А вот пятый том освещает малоизвестные страницы операции «Висла» в 1947 году. Он содержит 93 исторических документа, большинство из которых до сих пор были неизвестны. Во вступительном слове на презентации этой книги бывший глава Службы безопасности Украины Игорь Дрижчаний сказал: «Часто слышим, что надо говорить правду, но часто не знаем, как это делать... Это хороший урок всем — любое насилие не может служить инструментом политики».

Украинский и польский народы претерпели в XX веке больше бедствий, чем за всю предыдущую тысячелетнюю историю. Забыть о сравнительно недавнем ужасном прошлом невозможно. Способны ли историки лечить, а не растравливать раны в коллективной истории обоих народов?

А история эта такова: 1918–1919 годы — украинско-польская война; 1920 год — советско-польская война; в межвоенное время —

борьба украинских партий и военизированных подпольных структур ОУН с польским государством. В 1939 году произошло поглощение Польши Германией и Советским Союзом. В 1943–1944 годы стали временем кровопролитных столкновений двух подпольно-партизанских армий на оккупированной нацистами Западной Украине. Все это время с нечеловеческой жестокостью славяне уничтожали друг друга: с одной стороны — Украинская повстанческая армия (УПА), с другой — польская Армия Крайова (АК). Отголоски этой трагедии до сих пор напоминают о себе, хотя с тех пор и прошло не одно десятилетие.

Все трагические эпизоды противостояния 1918–1947 годов связаны с борьбой за возрождение Польши и Украины как национальных государств. И одновременно за доминирование в этом регионе шли борьба между нацистской Германией и Советским Союзом.

Как украинцы, так и поляки хотели доказать самим себе, друг другу, своим соседям да и всему человечеству, что «Ще не вмерла Украина!» и что «Еще Польша не згинела!». И речь уже шла не только о государственности. Оказавшись в эпицентре главных битв в мировых войнах, оба народа, по сути, встали перед проблемой элементарного физического выживания.

События тридцатилетнего противостояния, как в калейдоскопе, складывались в разнообразные варианты. То украинцы и поляки воевали друг с другом, то их борьба между собой становилась частью войны между великими державами, то борьба последних представляла собой фон, на котором разворачивался украинско-польский конфликт. В 1920 году случилось даже так, что поляки и украинцы объединились в стремлении вместе вырваться из тисков восстановленной большевиками империи. Однако между Ю. Пилсудским и С. Петлюрой встал ребром вопрос об украинско-польской границе, и взаимопонимания так и не было найдено.

В 1918 году возрожденная Польша пользовалась поддержкой Антанты. Франция, как главный победитель в Первой мировой войне, хотела создать на восточной границе Германии союзное государство. Победителю нужна была сильная Польша. Военная поддержка Франции помогла Ю. Пилсудскому разгромить и оккупировать Западноукраинскую Народную Республику, возникшую на украинских

землях бывшей Австро-Венгрии. Одновременно Польша захватила Западную Волынь до Збруча — территорию, принадлежавшую до революции Российской империи. Был образован новый географический регион — Западная Украина. В него вошли Восточная Галиция с центром во Львове и Западная Волынь. Территория этого нового образования составляла 120 тысяч км², что превышало четверть территории самой Польши. Население Западной Украины составляло 10 млн человек, а в Польше проживало 27 млн человек. Как видно, поляки тогда отхватили лакомый кусочек.

Стремления польской политической элиты были вполне понятны: она хотела возродить Речь Посполитую — государство, погибшее в XVIII веке. Тогда Польша была разделена соседями — Россией, Австрией и Пруссией. Теперь же независимая Польша рождалась на руинах трех империй — Германской, Австро-Венгерской и Российской.

Желание Ю. Пилсудского «творить» многонациональную Польшу Антанта не поддержала. После длительных дискуссий на Парижской мирной конференции появилась «Декларация Верховного Совета союзных и объединенных государств по поводу временной восточной границы Польши» от 8 декабря 1919 года. Намеченная в ней линия границы проходила от Гродно через Брест-Литовский и Перемышль до Карпат. Она приблизительно соответствовала размытой этнографической границе. На запад от нее, т. е. в Польше, оказались украинские этнические земли — Холмщина, Поляшье, Посянье, Лемковщина. На востоке от нее, т. е. в Украине, оставались миллионы поляков, проживавших там много поколений. Впоследствии эта граница стала называться линией Керзона.^[16]

Польше удалось в 1920 году отстоять свою независимость в войне с советской Россией. Она добилась от Москвы признания всех ее территориальных «приобретений». Государства Антанты также признали принадлежность Западной Украины Польше. При этом территория польского государства более чем наполовину состояла из украинских, белорусских и литовских земель.

Руководители Польши прекрасно осознавали, что геополитическое положение их государства между Германией и СССР является очень опасным. Германия могла потребовать вернуть ей 44 тысячи км² территории, переданной Польше в 1918 году. Советский

Союз, в свою очередь, мог выдвинуть претензии на Западную Украину и Западную Белоруссию. Чтобы консолидировать многонациональное население страны, польское правительство проводило политику полонизации и окатоличивания украинцев и белорусов. Естественно, украинцам это не могло понравиться. В 1929 году возникла Организация украинских националистов (ОУН), которая повела против польской администрации войну не на жизнь, а на смерть.

23 августа 1939 года между Советским Союзом и Германией был заключен Договор о ненападении. К нему прилагался секретный протокол (пакт Риббентропа-Молотова), разграничивающий сферы влияния двух государств. Создание современной украинско-польской границы, или, говоря иначе, воссоединение Западной Украины с УССР, к этому протоколу не имеет никакого отношения. В пакте Риббентропа — Молотова фигурировала другая граница. Статья 2 этого документа провозглашала, что немецкая и советская «сферы интересов» разграничиваются по Нареву, Висле и Сяну. Это означало, что Советскому Союзу должны были отойти не только Западная Украина, Холмщина, Подляшье, Посянье и Лемковщина, но и вся территория Польши аж до Вислы. Никто из тех, кто разрабатывал и подписывал этот документ, не собирався думать об украинских, белорусских, литовских землях, входивших в состав советской «сферы интересов», — они попали туда только потому, что были расположены в восточной, а не в западной части Польши.

28 сентября 1939 года в Москве был заключен другой договор — «О дружбе и границе», который очень существенно отличался от предыдущего. Советский Союз отказывался от польских этнических земель, и граница устанавливалась практически по линии Керзона.

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Германия напала на Польшу. Дни последней были сочтены. В этих условиях СССР не мог допустить оккупации немцами украинских и белорусских земель, и Красная армия вошла в Польшу, в результате чего Западная Украина была воссоединена с УССР.

В августе 1941 года Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали Атлантическую хартию, в которой провозглашалось, что осуществленные агрессором во время войны территориальные изменения недействительны. Со своей стороны оба лидера обязывались не проводить в свою пользу территориальных изменений

после победы над врагом. Впервые в истории войн государства, которые собирались победить противника, брали на себя обязательство воздержаться от аннексий. В сентябре того же года к Атлантической хартии присоединился и Советский Союз.

Газета «Правда» 20 февраля 1943 года напечатала передовую под названием «Воссоединение украинского народа в собственном государстве». Это была перепечатка статьи Александра Корнейчука из газеты «Советская Украина». Через пять дней на эту публикацию откликнулся Совет Министров Второй Речи Посполитой. В своем постановлении он напоминал, что в деле границ между Польшей и СССР обязателен статус-кво до 1 сентября 1939 года — это, мол, отвечает Атлантической хартии. Однако польское правительство сидело в Лондоне, а с Гитлером сражалась Красная армия.

Требовалось найти нестандартное решение проблемы. Инициативу в свои руки взял Черчилль. Впервые он сформулировал свою идею 29 ноября 1943 года в беседе со Сталиным на Тегеранской конференции трех союзных держав. Звучала она так: «Очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции».

В феврале 1945 года состоялась Крымская конференция руководителей трех союзных держав. На ней идея реформирования Польши была развита еще глубже. Теперь свое мнение изложил И. Сталин: «Восточной границей Польши считать линию Керзона с некоторыми отклонениями от нее до 5–8 км в пользу Польши, а западной границей — линию от Штетина (Щецина) по реке Одер и дальше по реке Нейсе».

И тут началась политическая игра. Теперь уже Черчиллю не нравилась его же собственная идея. Он всячески поддерживал эмигрантское правительство в Лондоне. Однако Польшу освободили советские войска, и не прислушаться к мнению Сталина было невозможно. Черчилль не отвергал восточную границу польского государства по линии Керзона, а вот западная граница ему не понравилась. Вот что он сказал по этому поводу: «Едва ли было бы целесообразно начинять польского гуся немецкими яствами в такой степени, чтобы он скончался от несварения желудка». Вопрос о западной границе отложили на будущее.

Берлинская конференция руководителей трех союзных держав, которая работала в Потсдаме в июле — августе 1945 года, утвердила польскую западную границу только условно. Однако хозяином положения в Центрально-Восточной Европе был Кремль, и послевоенная Польша начала жить в новых границах.

Баланс потерь и приращений выглядел для Польши следующим образом. Советскому Союзу отошли Западная Украина и Западная Белоруссия — их совокупная площадь составила 180 тысяч км². Передача этих земель была оформлена юридически договором о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 года, который подписал в Москве председатель Краевого национального совета Болеслав Берут. Видимо, эту дату следует взять в качестве ориентира для определения легитимного воссоединения Западной Украины с СССР.

От Германии Польша получила 105 тысяч км². Эмигрантскому правительству в Лондоне не нравилась идея видеть Польшу страной двух народов — поляков и немцев. Однако Кремль в ходе наступления Красной армии уже осуществил гигантскую операцию по депортации немцев: с территорий Германии, отходивших Чехословакии (Судетская область), Польше и Советскому Союзу, было выселено около 13 млн немцев.

Под новую конфигурацию государственных границ подгонялось также размещение украинского и польского населения. В границах так называемой люблинской Польши (регион Люблина) оказались около 700 тысяч украинцев, а также лемков, значительная часть которых, впрочем, не отождествляла себя с украинцами. Добровольные или принудительные переселения украинцев из Польши в СССР и поляков из Украины в Польшу продолжались с 1944 по 1946 год. Они осуществлялись в соответствии с соглашением об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории

Украины, подписанным 9 сентября 1944 года в Люблине между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения. Всего из СССР в Польшу было выселено 823 тысячи человек, а из Польши в СССР — 483 тысячи.

Правительство послевоенной Польши всеми силами пыталось добиться однонационального состава своих граждан. И поэтому

украинцы не могли оставаться самими собой, со своими культурой, языком и традициями. Их, по мнению поляков, нужно было просто ассимилировать. Уже в ноябре 1946 года появились первые проекты в этом направлении. В ЦК Польской объединенной рабочей партии (ППР) рассматривалось предложение о переселении остатков украинского населения на так называемые «воссоединенные земли». Была развернута агрессивная пропагандистская кампания, которая еще больше усугубила и до того сильные антиукраинские настроения в Польше. Тех украинцев, которые не желали переселяться в СССР, польское правительство в 1947 году выводило за пределы их родины с помощью военной силы. Это и было начало военно-полицейской операции под кодовым названием «Висла». Порядка 140–150 тысяч человек были распланы небольшими группами (чтобы быстрее ассимилировались) по всей территории северной и западной Польши. За этими сухими цифрами статистики — трагедия сотен тысяч наших соотечественников...

В феврале 1947 года заместитель начальника генерального штаба Войска Польского Стефан Моссор имел уже готовую концепцию этой операции. Она была ясной и лаконичной: «Весной провести энергичную акцию переселения этих людей отдельными семьями в распланированные по воссоединенным землям, где они быстро ассимилируются».

29 марта 1947 года было принято решение политбюро ЦК ППР, в котором, в частности, говорилось:

«В рамках акции, репрессивной относительно населения украинского, постановлено:

1. В быстром темпе переселить украинцев и смешанные семьи на территории одзыскане (на территории, отошедшие к Польше после Второй мировой войны от Германии, и прежде всего в северную Пруссию. — *Авт.*), не создавая компактных групп и не ближе чем 100 км от границы.

2. Аксию выселения согласовать с правительствами Советского Союза и Чехословакии.

3. Срок — 1 неделя».

Прискорбно, что о подготовке насильственной акции знали в Клеве. Сейчас достоянием гласности стали многие ранее

засекреченные документы. Вот один из них:

«Секретарю ЦК КП(б)У товарищу Л. М. Кагановичу

От тов. Гусева (зам. министра иностранных дел СССР. — *Авт.*) получена телеграмма следующего содержания: Лебедев сообщает из Варшавы, что в связи с убийством генерала Сверчевского польское правительство намерено принять решение о поголовном выселении украинцев из Пешковского и Люблинского воеводств на территорию бывшей Восточной Пруссии. Речь идет о 15–20 тысячах человек.

Поляки полагают, что, возможно, при такой постановке вопроса часть украинцев будет проситься выехать в СССР, и лишать их такой возможности не стоит. Прошу сообщить Ваше мнение по этому вопросу.

Для Вашего сведения сообщаю, что 9 сентября 1944 года между правительствами СССР и Польши было заключено соглашение об эвакуации украинского населения с территории Польши и польского населения с территории Украины.

Указанное соглашение неоднократно продлевалось с той целью, чтобы предоставить возможность переселения всем желающим. От переселения отказалось и осталось в Польше, главным образом, украинское население, зараженное бандитизмом (УПА).

В настоящее время массовое переселение из Польши нами закончено и аппарат по переселению распущен. Кроме того, мы не располагаем сейчас необходимым жилищным фондом, где бы можно было разместить 15–20 тыс. переселенцев. Поэтому предлагаю ответить тов. Гусеву, что правительство СССР, в связи с окончанием работ по репатриации, не может принять одновременно указанное количество переселенцев. Однако, идя навстречу польскому правительству, мы готовы принимать переселенцев, оформленных в индивидуальном порядке через Консульство СССР в Польше, но без заключения каких бы то ни было официальных соглашений с польскими властями.

Мое мнение поддерживает также Министр государственной безопасности СССР тов. С. Р. Савченко.

Прошу Вашего согласия.

Д. Мануильский»

Такова была точка зрения министра иностранных дел СССР Дмитрия Мануильского.

Тем временем 16 апреля 1947 года политбюро ЦК ППР обсудило доклад министра обороны М. Жимерского и генерала С. Моссора о плане войсковой операции во время переселения и выделило около ста миллионов злотых на ее проведение. К слову, именно в этот день на заседании Государственной комиссии безопасности первоначальное название операции «Всход» («Восток») было заменено на «Висла».

Формальным поводом для начала операции послужило убийство при невыясненных обстоятельствах заместителя министра обороны ПНР генерала Кароля Сверчевского боевиками из западноукраинского подполья — УПА. Это случилось 28 марта 1947 года: генерал попал в засаду под Яблонками. Надо сказать, что для поляков Кароль Сверчевский — человек-легенда. Он был активным участником Октябрьской революции 1917 года (партийная кличка — Вальтер), мужественно воевал на фронтах Второй мировой войны.

Операция «Висла» началась в 4 часа утра 28 апреля 1947 года. В ней были задействованы семь дивизий Войска Польского, дивизия Корпуса внутренней безопасности, три отдельных полка (пехотный, автомобильный и саперный). К ней подключены были также сотни сотрудников милиции, службы безопасности и добровольного резерва милиции. Общее количество «силовиков» составило 20 тысяч человек. В этот день дивизии Войска Польского заблокировали украинские села. Части пограничных войск НКВД СССР перекрыли границу на востоке и на юге страны. Чехословацкая граница также была закрыта.

Войска окружили населенные пункты. В небе кружили самолеты и сбрасывали листовки. Тем, кого выселяли, давали на сборы, как правило, от 2 до 5 часов на укладку наиболее необходимых вещей и продовольствия. Польские власти поделили украинское население на три категории: А, В, С. Люди перемещались под военным эскортом первоначально на так называемые сборные пункты. Первую категорию, как правило, арестовывали на месте. Причина ареста — связь с УПА. На протяжении двух недель польские следователи буквально выбивали из людей признания и показания. Признавшихся ожидал приговор военного трибунала, который был создан специально на время проведения операции «Висла». По его решениям было казнено 173 человека. Тех, кого не удавалось сломить, отправляли на

железнодорожные станции. Тут формировались транспорты, высылаемые в транзитные пункты в Люблине и Освенциме. Трудно в это поверить, но это страшное место стало временным пристанищем для украинских переселенцев. Именно на железнодорожной станции Освенцим людей из юго-восточной Польши делили на разные группы. Отсюда отправлялись десятки эшелонов с изгнанными силой со своих земель украинцами. Даже по неполным данным, в период с 19 мая по 23 июня 1947 года через Освенцим прошло 269 транспортов с депортированными украинцами.

Тысячи наших соотечественников, подозреваемых в связях с УПА, попали в концентрационный лагерь в Явожне. В основном это была украинская интеллигенция. В результате мучений, недоедания и болезней в лагере погибло свыше 160 человек.

Значительно труднее поддавались переселению украинцы, жившие в городах. В Кракове власти устроили засаду в греко-католической церкви Святого Норберта. Когда по воскресеньям утром прихожане входили туда, их уже ждали сотрудники службы безопасности. Входящим за дверями затыкали рты кляпами, связывали и укладывали на пол. И затем спокойно ждали следующих прихожан.

По данным генерального штаба Войска Польского, в период операции «Висла» было выселено 140 575 украинцев и членов смешанных семей из 22 уездов и воеводств. А расселили их на территории 71 уезда девяти северозападных воеводств. Переселенным в рамках операции «Висла» выдавали цветные удостоверения, чтобы их можно было отличить от поселенцев-поляков. На украинцев распространялись различного рода ограничения, им запрещалось покидать место жительства без разрешения службы безопасности. Такими методами польские власти пытались ассимилировать переселенцев в новой польской среде. Запрещалось даже употребление слова «украинец». Интеллигенцию старались всячески изолировать от основной массы людей и расселяли отдельно и далеко от громад.

Массовые депортации продолжались с апреля по июль 1947 года. Позже уже только «дочищали» территорию. Последним трагическим аккордом операции «Висла» стало выселение в январе 1950 года лемковских семей из четырех деревень близ Щавницы. В результате переселенцам достались наиболее разоренные хозяйства, а некоторым и вовсе не хватило земли. Несмотря на категорический запрет властей,

часть украинцев пыталась вернуться домой. Из-под Олыптына и Легницы возвращались на родную землю на повозках и даже пешком. Заканчивалось это повторной депортацией.

Следует отметить, что одной из целей операции «Висла» была ликвидация украинского вооруженного подполья, и прежде всего Украинской повстанческой армии (УПА). УПА, в свою очередь, препятствовала массовому выселению украинцев из Восточной Польши. У польских властей не было сомнения в том, что определенная часть украинского населения поддерживала вооруженное подполье. Несомненно также, что какая-то часть людей просто вынуждена была это делать. Жестокости и зверствам обеих враждующих сторон оправдания нет, а лозунги и благородные цели не могут обелить того, что происходило в то время.

Большинство польских историков считают, что переселение, особенно лемков, не было необходимым для того, чтобы ликвидировать украинское подполье. Однако на бытовом уровне в сознании поляков сложилось совершенно иное мнение. У них ведь тоже хорошая память. Почти полстолетия так называемая «волынская трагедия» оставалась «белым пятном» истории. Сейчас нет никакого смысла скрывать то, что произошло в Волыни и Галиции 11 июля 1943 года. В тот день вооруженные подразделения УПА одновременно напала на 167 польских поселений, и в ходе кровавой бойни погибло почти 100 тысяч поляков. Чего же можно было ожидать в ответ?

Начиная с сентября 1946 года переселением украинцев занимались подразделения Войска Польского. И совсем не случайно для участия в этих операциях были привлечены дивизии, в которых служили преимущественно жаждущие мести родственники жертв преследования поляков на Волыни и в Восточной Галиции.

Из рассекреченных архивов спецслужб Польши и Украины стало известно, что в ходе операции «Висла» было уничтожено 1837 членов УПА, а 2444 — арестовано. С партизанами справились до осени 1947 года. Массированная акция оперативной группы «Висла» была скоординирована с действиями советских и чехословацких войск. Она привела к разгрому последних сил УПА либо к их изгнанию из Польши.

Украинско-польские отношения прошли тяжелые испытания временем. И есть только один путь к лечению исторического сознания

— беспристрастный анализ причин трагических событий. Необходимо выявлять мотивы их участников, объективно освещать факторы, обуславливавшие нюансы политики властей тех лет. Необходимо научиться учитывать чужие аргументы. Они могут убеждать, а могут и нет. Но так или иначе, другого пути у нас просто нет.

Тайны подземных городов

Подземелий в Украине немало — в Клеве, Львове, Одессе, Севастополе, Харькове. Киевская лавра и ее подземелья, хранящие нетленные мощи Печерских подвижников, сегодня не менее известны, чем римский Колизей, афинский Акрополь или лондонский Тауэр. Одесские и севастопольские катакомбы обязаны своей славой трагическим событиям двух мировых войн. А катакомбы Харькова могли бы рассказать немало интересного о тех временах, когда самого города еще не существовало ни на одной карте.

Первые подземелья на территории Киевской Руси появились еще до X века. Это были небольшие пещерки, которые использовались как укрытия от врагов или потайные кладовые. Но со временем в разных уголках Руси выросли настоящие лабиринты, самым известным из которых являются пещеры Клево-Печерской лавры. Если верить летописям, пещерный комплекс «основал» киевский митрополит Илларион, собственноручно выкопавший в сравнительно мягкой породе небольшую келью. Правда, в Патерике указывается, что Илларион лишь приспособил для своих нужд старую пещеру, известную еще варягам. Но как бы то ни было, начало знаменитым Лаврским пещерам было положено. Главная же роль в создании первого пещерного монашеского монастыря принадлежит основателю обители пустыннику Антонию. Когда к нему начали стекаться люди, желающие уйти от мирских соблазнов, он указал им место для устройства подземных келий. Постепенно они были соединены между собой ходами, появились помещения для совместной молитвы, кладовые. Так появились Дальние пещеры, которые еще называют Феодосиевыми — в память о преподобном Феодосии, составившем устав пещерной обители. Катакомбы проходили на глубине от 5 до 15 м от поверхности в слое пористого песчаника. Благодаря свойствам этой породы, в Лаврских пещерах сохранялись постоянные температура (+10 °С) и влажность. Климат катакомб не только создавал сравнительно комфортные условия проживания для монахов, но и препятствовал гниению органической материи, то есть делал возможным образование мощей. Многие из монахов завещали

похоронить себя в кельях, где они жили и молились при жизни. Это стало первым этапом создания подземного некрополя. Сегодня в Ближних пещерах лавры насчитывается 73 гробницы с мощами преподобных, а в Дальних — 51. Кроме того, здесь находятся 32 мироточивые главы. Эти православные святыни — предмет поклонения десятков тысяч богомольцев, посещающих монастырские подземелья.

Соседство живых и усопших породило немало фантастических теорий. Например, современный киевский археолог и искусствовед Юлий Лифшиц выдвинул гипотезу, что пещеры возникли как монастырское кладбище. Но православные монахи с уважением относились к покойным братьям и строить для их погребения разветвленный многокилометровый лабиринт им бы и в голову не пришло. Ведь это было бы проявлением гордыни — одного из смертных грехов. А вот подземные храмы они построили — чтобы лишний раз не подниматься на поверхность и не соблазняться красотами мира. Вскоре подземный монастырь разросся настолько, что возникла необходимость его расширения. Постепенно появился лабиринт Ближних пещер, состоящий из трех улиц, выросли многочисленные наземные сооружения.

Как нередко бывает, подземелья Печерской лавры быстро обрастали мифами. Многие средневековые авторы писали о невероятной длине лаврских катакомб, расходясь лишь в цифрах. Одни говорили о протяженности ходов от 10 до 100 миль, другие — о тысячемильных ходах. Но на картах лаврских катакомб — ни в рукописи львовского купца М. Грюневега, побывавшего в лавре в 1584 году, ни в изданной в 1638 году книге монаха Печерской лавры

А. Кальнофойского, ни в «Клево-Печерском патерике» 1661 года издания — нет данных о таких длинных ходах. Возможно, средневековые авторы имели в виду не только монастырский комплекс, но и другие подземные сооружения? Иван Каманин, автор историко-археологического исследования подземелий Клева, еще в 1914 году составил список монастырей, имевших собственную систему подземных ходов: Межигорский монастырь, Кирилловский, Андреевский, Михайловский, Пустынно-Николаевский, Клево-Печерский, Выдубецкий Михайловский, Гнилецкий. Лабиринты пещер были обнаружены и рядом с древнейшими наземными киевскими

монастырями — Софийским, Георгиевским, Ирининским. А ведь были еще Зверинецкие и Китаевские пещеры, пещерный монастырь XI–XII веков в урочище Церковщина на южной окраине Клева. Всего археологи XIX века обнаружили 50 рукотворных пещер. Суммарная длина их ходов могла быть значительной, но все же до 1000 миль явно не дотягивала. Откуда могла появиться такая цифра? Возможно, ответ на этот вопрос кроется еще в одном предании. По легенде, киевские подземелья тянулись на огромные расстояния, соединяя столицу Руси с Черниговом, Смоленском, Псковом, Великим Новгородом и Москвой.

Конечно, здравый смысл заставляет усомниться в столь грандиозных масштабах: проложить тоннель от Клева до Москвы нереально даже при использовании современных технологий. Но зерно истины в легенде все же есть. Во времена Киевской Руси для указания направления часто использовали известные населенные пункты. Путешественники двигались «на Москву», «на Клев», «на Новгород». Так что знаменитый ход на Чернигов или Псков мог попросту выводить на ведущую в том направлении дорогу. Подземные туннели «под Днепром», о существовании которых также немало говорилось и писалось, можно объяснить аналогичным образом: они вели не за Днепр, а к днепровскому берегу.

Пещерный лабиринт под Клевом все еще до конца не исследован. Старые карты явно не могут служить путеводителями по подземным ходам: одни подземелья были затоплены, другие пострадали от обвалов или были замурованы. В более поздние времена появилось немало новых подземных сооружений, а фундаменты высотных домов перекрыли когда-то соединявшиеся туннели. Поэтому сегодняшние исследователи пещер оперируют довольно скромными числами разведанных участков катакомб: длина Ближних пещер — более 383, Дальних — около 500, Варяжской пещеры — 200 м. С киевскими подземельями связано немало таинственных историй. Например, до сих пор не выяснено, отчего погибли люди в Зверинецких пещерах. Известно только, что сам тамошний пещерный монастырь был разрушен половцами под предводительством хана Боняка в 1096 году. Но найденные археологами человеческие скелеты не имеют следов, нанесенных оружием. Возможно, эти люди стали жертвой обвала породы. Еще одна легенда связана с былинным героем Кирилой

Кожемякой и лютым змеем, который жил в Кирилловской пещере и требовал от киевлян в дань людей. Историки считают, что в образе лютого змея предки нынешних киевлян изобразили разбойников, когда-то использовавших катакомбы для своих целей. Загадочна и энергетика подземных лабиринтов. Экстрасенсы утверждают, что киевские подземелья (особенно пещерные комплексы Клево-Печерской лавры) обладают уникальным целительным воздействием.

Подземелья Львова, в отличие от киевских, строились не как монастыри, а как оборонные сооружения. Первые подземные ходы появились в XIII веке за пределами городских укреплений, а в XIV–XV веках, когда вне границ крепостных стен начали строить церкви и монастыри, монахи прорыли к соседям тайные ходы. Это было сделано на случай долгой осады, чтобы монахи и прихожане могли безопасно перебраться в город. О львовских подземных ходах также ходит немало легенд. Говорят, что они ведут до городка Яворив, расположенного в 60 км от Львова.

В старину все входы в львовские катакомбы тщательно маскировались, а информация о них считалась абсолютной тайной. Именно поэтому ни один план здания и фортификаций не содержит сведений не только о подземных ходах, но и о нижних ярусах — подземельях. Один из подземных ходов Львова был открыт случайно при дорожных работах в начале XX века. Исследователям не удалось пройти до конца туннеля, но его план был опубликован любителем-архивариусом Яворским. Позже были разведаны другие части подземного лабиринта. Две из них львовяне связывают с легендой о змее (драконе), которому местные жители платили дань. По одной из легенд, дракон жил в пещере на Святоюрской горе и питался красивыми девушками. Долгое время жители не могли избавиться от этой напасти, но им пришел на помощь то ли сам святой Юрий Змееборец, то ли святой старец, который молитвами ошеломил дракона. Как бы там ни было, но сейчас гости Львова действительно могут увидеть на Святоюрской горе грот, в котором якобы жил змей.

Другая легенда «поселила» львовского змея в Медовой пещере, расположенной в Майоровке (одном из районов Львова). Правда, на самом деле эта не очень глубокая подземная полость имеет рукотворное происхождение: оттуда добывали камень для городских

строительных нужд. На сей раз победителем змея стал не богатырь и не святой, а обычный мальчик-ремесленник Григорий.

Наверное, самым мистическим и загадочным объектом этого подземелья является саркофаг, сделанный из сплошной каменной глыбы. Вес лишь одной его крышки свыше 600 кг. Гроб предназначался для архиепископа

Выжицкого, об этом свидетельствуют надписи латынью на самом саркофаге и некоторые документальные свидетельства. Однако ни праха архиепископа, ни данных, где он был похоронен и был ли похоронен вообще, нет. А сам саркофаг имеет огромную трещину, сквозь которую может пролезть человек. Легенда говорит, что в роде Выжицких мужчины отличались невероятной физической силой. Поэтому вполне возможно, что архиепископа похоронили заживо в летаргическом сне, однако, проснувшись, он сумел выбраться из могилы.

Большая часть подземных ходов и «залов», расположенных под домами на площади Рынок, относится к XIV–XVI векам. Они служили складами товаров — ведь Львов был крупным промышленным центром. Поэтому кладоискатели до сих пор иногда находят там вина из Кипра и Мальвазии. Значительными по размерам подземельями располагали и церкви. Эти помещения часто использовали для захоронения богатых горожан. Самыми известными местами катакомбного погребения являются Доминиканский собор и подземелье костела Святого Лазаря. Кстати, в последнем мумифицированные тела сохранялись вплоть до второй половины XIX века. В военное время львовская знать прятала в церковных подвалах свои ценности. Недавно археологи нашли клад золотых монет, спрятанных некогда в подземелье костела Марии Магдалины.

Дальнейшая история львовских подземных ходов изучена мало. Известно, что в годы войны в них искали спасение львовские евреи. А в 1947 году по распоряжению НКВД был повышен уровень воды в коллекторе из-за подозрения, что воины Степана Бандеры прятали там оружие.

В общей сложности все подземелья Львова насчитывают свыше 100 км. Но лишь некоторые из них представляет интерес для историков и кладоискателей. Ведь большая часть подземных ходов —

это сооружения городской канализации, как современной, так и той, что сохранилась со времен позднего средневековья.

Одесские катакомбы — это огромный лабиринт, расположенный под городом и его окрестностями. Интересно, что они получили свое название, можно так сказать, вопреки логике. Примерно 95–97 % всей протяженности лабиринта составляют каменоломни. Встречаются штольни и шурфы, военные бункеры, подземные ходы, дренажные туннели и естественные пещеры. А настоящих катакомб — искусственных подземных сооружений культового назначения — здесь нет.

Одна из загадок Одесских катакомб — карстовые пещеры, возникшие более 3,7 млн лет назад. Самой ценной из них считается «Заповедная», открытая в свое время исследователем и большим знатоком катакомб Тимофеем Грицаем. В «Заповедной» были найдены кости сорока четырех видов животных. Причем два из них смогли идентифицировать только в палеонтологическом музее госуниверситета через тридцать лет после их находки. Это ископаемые животные — гиена-кошка, не имеющая сегодня аналогов, и один из видов саблезубого тигра. Всего же в пещере обнаружено до пятидесяти тысяч костей. Этот палеонтологический некрополь — единственный в Евразии. До сих пор неясно, как в одном месте оказалось такое количество останков древних животных.

Для удобства навигации каждый район катакомб сегодня имеет свой порядковый номер. А их уже более трехсот. Некоторые, получив буквенно-цифровой индекс, продолжают сохранять и свое первоначальное название: «Крестовые залы», «Балаган», «Гидромет», «Бадаевские», «Бригантина»... А недавно в Ильичевском районе Одессы найден, пожалуй, самый крупный участок катакомб, о существовании которого даже и не подозревали. В настоящее время общая длина Одесских катакомб оценивается в 2500 км. Эта цифра вычислена теоретически, ведь более или менее подробная информация имеется только по 1700 км подземных полостей.

Один из крупнейших в городе районов Одесских катакомб известен под названием «Катакомбы под 56-ой школой». Такое необычное название объясняется тем, что единственный вход в эти выработки находится буквально в нескольких метрах от средней школы в Приморском районе города, недалеко от пляжа Аркадия. В

настоящий момент «56-ая школа» и является вторым по протяженности из достоверно изученных районов катакомб, расположенных в черте города.

С катакомбами района «56-ой школы» связано множество легенд и рассказов. Они говорят о том, что из этих каменоломен можно пройти едва ли не в любой район Одессы. Есть якобы в этих выработках и подземные озера, и несколько ярусов лабиринтов. Видимо, подобные рассказы связаны со значительными размерами каменоломен и их большой изрезанностью. Считается, что именно в этих катакомбах спрятан «Золотой Титаник» — модель знаменитого парохода длиной 10–15 см, сделанная из чистейшего золота. В легенде говорится, что якобы на настоящем «Титанике» плыл один одесский магнат, которому посчастливилось спастись при кораблекрушении. В честь чудесного спасения он заказал лучшим ювелирам изготовить точную золотую копию судна. Во время Гражданской войны модель была спрятана в катакомбах. По другой версии, модель была изготовлена и подарена кому-то из членов экипажа русского судна, спасшего во время крушения иностранца. Оснований для появления легенды достаточно: одним из первых судов, подплывших к «Титанику», был русский пароход «Царь», имевший порт приписки Одессу. В 1960—1970-х годах легенда была очень популярна, и «Золотой Титаник» искали все, кому не лень было спуститься в катакомбы «56-ой школы».

Во время Великой Отечественной войны катакомбы были убежищем партизан — в них базировались пять партизанских отрядов. «Выкурить» подпольщиков из них было делом невозможным. При желании в лабиринтах можно было укрыть целую армию. В дни боев за освобождение города партизаны оставили подземные лагеря (некоторые из них превращены сейчас в музейные экспозиции) и предотвратили уничтожение многих предприятий и уникальных памятников архитектуры Одессы. На местах бывших партизанских стоянок до сих пор находят гильзы, патроны и даже оружие.

Мало кто из гостей Севастополя знает, что черноморская флотская столица состоит как бы из двух городов. Один купается в солнечных лучах, а другой тянется в неизвестность в многометровой толще скал.

Прежде всего, подземный Севастополь намного старше наземного. Многие пещеры образовались естественным путем

миллионы лет назад. Возможно, в них находили приют первобытные люди, а позже — легендарные киммерийцы и тавры. Первыми известными подземными сооружениями на сева­стопольской земле стали пещерные монастыри. В VII–IX веках на крутой скале в конце бухты, которую теперь называют Севастопольской, возник монастырь. Скала, на которой позже была построена и крепость, получила название Монастырской. Монастырь переживал войны и смуты, разрушался и снова возрождался. Сейчас в пещерных храмах монастыря идет реставрация.

С началом создания Севастополя подземный город стал обживать флот. Севастополь строился как город-крепость, поэтому его подземная часть стала использоваться для создания подземных складов, арсеналов, переходов между укреплениями. Сотни подземных галерей создали защитники города и осаждающие в Крымскую войну. И те и другие старались проложить ходы под укрепления противника и взорвать там пороховые заряды. Вход в одну из таких галерей сохранился на Историческом бульваре.

Во время Второй мировой войны авианалеты и обстрелы наступавших немецких войск буквально стерли с лица земли верхний город. Но сева­стопольцы не покинули родной город — они ушли под землю. В сотнях убежищ спасалось мирное население, в штольнях и тоннелях работали спецкомбинаты и мастерские, откуда на передовую поступали минометы и боеприпасы к ним, снаряды, мины, обмундирование, отремонтированное оружие. В подземельях располагались штабы, госпитали, тыловое хозяйство.

Подземный город до сих пор хранит тайны последних дней сева­стопольской обороны, когда сотрясавшие землю взрывы обрушивали своды штолен. В Инкермане на месте взорванных штолен высятся титанические глыбы размером с многоэтажные дома.

Многие подземные ходы сейчас недоступны для посторонних: в них находятся воинские части Черноморского флота России и Военно-морских сил Украины. Военным принадлежат штольни в Инкермане и Сухарной балке. В последней расположен крупнейший в Крыму арсенал запасов оружия. А в Балаклаве поныне сохранилась уникальная подземная база подводных лодок. Прямо из бухты лодки заходили в базу, которую закрывали сверху десятки метров скалы,

способной выдержать ядерный удар. Здесь же проводился ремонт лодок.

Впрочем, большинство подземных сооружений Севастополя сегодня имеют вполне мирное назначение. В Инкерманских штольнях расположился завод шампанских вин. В штольне, вход в которую находится на улице Гоголя, работает ветеринарная клиника. А большое бомбоубежище под центральным городским холмом несколько лет является «Клубом альтернативной молодежи „Бункер“».

Воинской славой овеяны и подземелья Аджимушкая — поселка в черте города Керчи. Здесь находятся обширные подземные каменоломни, где издавна добывался известняк-ракушечник для строительных целей. До революции 1917 года каменоломни неоднократно служили местом сбора и базой большевиков-подпольщиков. Во время Гражданской войны здесь базировались партизаны, но особую известность они получили во время Великой Отечественной войны. В ноябре — декабре 1941 года здесь располагался партизанский отряд под командованием Н. Бантыша и С. Черкеза. Со второй половины мая до конца октября 1942 года в каменоломнях героически оборонялись воины Красной армии (свыше 10 тысяч человек, не считая гражданского населения), прикрывавшие в середине мая 1942 отход и переправу главных сил Крымского фронта. В невероятно тяжелых условиях, испытывая недостаток воды, пищи и боеприпасов, подземный гарнизон почти полгода упорно сопротивлялся врагу, регулярно совершая вылазки и нанося удары по частям противника. Гитлеровцы блокировали каменоломни, окружив их несколькими рядами проволочных заграждений, взрывами заваливали выходы, пускали внутрь газы, но так и не смогли сломить сопротивление.

О харьковских подземельях известно больше легенд, слухов и домыслов, чем реальных фактов. Об их существовании догадывались давно: ведь в открывшиеся после ливней ходы проваливались конки, а многие харьковчане устраивали в случайно обнаруженных ходах погреба и склады. В начале прошлого века, когда кто-нибудь из харьковчан внезапно богател, народная молва приписывала это кладам, якобы лежащим в подземельях. Помнили горожане и о знаменитой Тайницкой башне Харьковской крепости, откуда, по преданию, ходы тянулись едва ли не до самого Куряжа. Революционеры использовали

подземелья под Харьковом для тайных собраний и устройства подпольных типографий, а подпольщики — для внезапных нападений на немецкие войска. Но долгое время информация о катакомбах была настолько засекречена, что большинство харьковчан даже не подозревала о существовании целого подземного города.

Серьезно вопросом харьковских подземелий заинтересовались только в начале XX века, когда город испытал строительный бум. При закладке фундаментов новых зданий строители нашли множество подземных ходов. Пащенковский пассаж, дом Жевержеева, Азовско-Донской и Земельный банки, дом Фреймана, Коммерческий клуб — сегодня эти названия мало что говорят рядовому харьковчанину, но тогда они ассоциировались с неожиданными находками. По распоряжению городской думы была создана специальная комиссия, которая установила, что ходы заканчиваются, как правило, тупиками и завалами. Определяли это довольно своеобразным способом. Известен такой случай: в середине XIX века во время пожара на Мордвиновском переулке на глазах у собравшейся толпы под землю провалился конный жандарм. Никому не хотелось спускаться в подземелье, и власти предложили двум приговоренным к смерти преступникам за помилование пройти по найденному ходу и найти, где он заканчивается. Три дня эти люди ходили по подземелью и наконец, взломав пол, вышли в церкви Святого Николая. Взяв еды, они снова спустились вниз и появились уже у дома губернатора, что стоял тогда на улице Екатеринославской. Потом снова ушли в подземелье, чтобы выйти на этот раз возле Холодногорской тюрьмы. О виденном в тайных ходах помилованные преступники говорили крайне мало и неохотно. Удалось узнать только, что в подземелье они нашли большой каменный столб, вокруг которого стояли двенадцать каменных стульев, а на столе лежала раскрытая книга с предсказаниями человеческих судеб...

Дальнейшие исследования харьковских подземелий прервала Первая мировая война и последовавшие за ней революция и Гражданская война. В 1920-е годы из подземелий «выкурили» огромное количество прятавшихся там беспризорников. Но на организацию подземной экспедиции не было ни средств, ни времени. А потом было уже поздно: с 1930-х годов любые попытки исследований катакомб прочно блокировались НКВД, имевшим к

подземным ходам собственный интерес. С тех пор все, что касается данного вопроса, прочно покрыто завесой государственной тайны, а некоторые исследователи, пытавшиеся проникнуть под ее покров, погибли при загадочных обстоятельствах.

Что же известно сегодня? Во-первых, харьковские подземные ходы подразделяются как бы на четыре временных уровня. Древнейшие — это примитивные пещеры, которые датируются еще дохристианскими временами. В них обнаружены остатки языческих захоронений. Следующие по времени были вырыты в XII–XIII веках, что является косвенным подтверждением того, что Харьков был основан значительно раньше, нежели это принято считать сегодня (официальной датой основания Харькова считается 1654 год). Третий, и наиболее активный, период подземного строительства относится к петровской эпохе. Для защиты от шведов, татар и запорожцев были сооружены тайные подземные ходы к рекам и лесам, прикрывавшим Харьков с северной стороны. Вероятно, они использовались для эвакуации жителей и вылазок в тыл врага. Любопытно, что ходы имели отличную акустику, и прятаясь в них люди прекрасно представляли, что происходило у них над головой. Кроме того, защитники харьковской крепости вырыли огромное количество ложных ходов, тупиков и ловушек, дабы запутать неприятеля, если он все же рискнет сунуться в катакомбы. Последние штрихи в картину харьковских катакомб были внесены в советский период — например, подземный ход от здания НКВД на улице Совнаркомовской до площади Руднева, к штабу военного округа.

Исследователи до сих пор не знают общей длины харьковской «подземки», но предполагают, что около 5 км находятся в более-менее приличном состоянии, в частности под улицей Рымарской и старым оперным театром. Находятся оптимисты, которые считают, что под центром города огромный подземный лабиринт сохранился практически нетронутым, несмотря на городское строительство и метро. Но это маловероятно.

К сожалению, в исторических хрониках практически нет ответов на вопросы: сколько подземелий, какие, кем построены и зачем? А с архивных документов советского периода до сих пор не снят гриф секретности. Остается только догадываться, что скрывают подземелья харьковского купца Николая Жевержеева, что находится под

Покровским собором, площадью Конституции, горсоветом или Коммерческим клубом. Так что пока харьковские катакомбы — одни из наиболее загадочных и неизученных среди всех подземных лабиринтов Украины.

Загадка коллекции Ильина

Страсти вокруг так называемой «коллекции Ильина», насколько легендарной, настолько и уникальной, не утихают до сих пор. Журналисты в последнее время называют ее не иначе, как «проклятой» или же «нечистой». Вот уже более десяти лет не утихают споры вокруг этой коллекции. Спорщики ломают копья по двум основным пунктам. Первый — откуда у скромного электрика полный чердак уникальных произведений искусства. Второй — действительно ли находка, которая, на первый взгляд, выглядит обычным хламом, тянет на 40 миллиардов долларов и может быть приравнена к стоимости 8 тонн золота.

Итак, с чего же все началось?

В октябре 1993 года в Кировограде тихо скончался некто Александр Борисович Ильин. Жил он, говорят, скромно, работал электриком. Смерть этого человека осталась для широкой публики почти незамеченной. Скромные похороны вполне соответствовали скромному образу жизни, который вел работник кировоградского треста столовых. Кстати, в последний путь его провожали без традиционного поминального обеда. Поговаивают, сам он и его близкие жили бедно. Учитывая, что в первые годы независимости Украина пребывала в кризисе и нищете, неудивительно, что многие хоронили усопших без традиционных для такого случая широких поминок.

Однако для кировоградских коллекционеров, краеведов, искусствоведов, сотрудников музеев и картинной галереи это была тяжелая утрата. Хотя бы потому, что Ильин слыл реставратором и переплетчиком высочайшего класса. Но была еще одна сторона его деятельности, о которой он не распространялся и которую не афишировал, — простой электрик великолепно разбирался в искусстве и время от времени консультировал по этому вопросу заинтересованных людей.

Когда очень скромные похороны прошли и близкие начали обследовать дом на предмет оценки оставленного имущества, то на чердаке обнаружили завал из покрытых паутиной и пылью вещей.

Начали разбирать — и ахнули: сплошь старина. На чердаке ветхого дома на окраине Кировограда, в котором проживал незаметный и малообеспеченный электрик, было обнаружено столько произведений искусства, сколько нет в фондах Кировоградского областного музея и областной библиотеки. Где, между прочим, находится одна из наиболее полных коллекций уникальных книжных раритетов во всей Украине.

Александр Борисович Ильин и его коллекция стали на некоторое время темой номер один в региональных и столичных СМИ. Неоднократно возвращалась к истории с коллекцией всеукраинская газета «День». Писала о нем даже московская «Комсомольская правда». Тогда-то и обрушился на ошеломленную публику шквал информации, достоверность которой было невозможно оценить ни тогда, ни сегодня. В частности, пошел слух, что один из раритетов коллекции Ильина уже сейчас на крупнейшем аукционе мира. Якобы стоимость его коллекции оценивается в 40 миллиардов долларов США, хотя на самом деле, разумеется, такая коллекция является бесценной.

Следует учитывать, что эти события происходили в полуголодное и трудное время, когда самые маленькие зарплаты исчислялись миллионами купонов и при этом не всегда выплачивались. Почти каждый украинец был полунцим миллионером. Неудивительно, что обнародованная цифра предполагаемой стоимости доселе неизвестной коллекции Ильина будоражила воображение журналистов и кружила голову обывателям. Сумма в 40 миллиардов долларов в десять раз превышала сумму внешнего долга Украины. Если бы (теоретически) эту коллекцию удалось продать, то каждый взрослый гражданин нашей страны мог получить на руки чуть больше одной тысячи долларов США. Многие украинцы в то время не знали, как выглядит стодолларовая купюра. И если эта сумма была пределом желаний и кружила голову, что тогда говорить о цифре 40 миллиардов.

«Хотя названная сумма и завышена, но все равно речь идет о миллиардах долларов. Одного серебра здесь больше 200 кг. Заметьте, не серебряного лома, слитков или даже монет — 200 кг изделий самых известных ювелирных фирм второй половины XIX и начала XX века: Фаберже, Коллинза, Хлебникова, Алексеева», — писала в 1994 году газета «Киевские ведомости».

Описью имущества занимались десять судебных исполнителей. Более пятисот мешков с раритетами вывозили на нескольких грузовиках, и длилось это не один день. Все, кто разбирал коллекцию, работали в респираторах. Каждый предмет покрывала грязь в палец толщиной. Многие специалисты, разбиравшие завалы раритетов, едва не нажили себе астму: дыхательные пути постоянно забивались, люди чихали и кашляли.

Вот как об Александре Ильине вспоминал Павел Босый, в 1993–1994 годах руководивший Кировоградский областным краеведческим музеем: «Факт, что Ильин коллекционировал раритеты, действительно был известен достаточно узкому кругу людей. Но особой тайны из того, чем он занимается, электрик не делал. Просто его увлечение в принципе проходило мимо внимания общественности. Мир коллекционеров достаточно специфичен, и в этом мире Ильина знали. Хотя об истинном объеме собранной им коллекции действительно не знал никто. Мой коллега Владимир Босько, имевший, как и все мы, отдаленное представление о коллекции, разделил всех „посвященных“ на „подгрушников“ и „запорожцев“. „Подгрушники“ — те, кто сидел во дворе под грушей, а „запорожцы“ — те, кого Ильин допускал за порог дома.

Для тех, кого Ильин допускал во двор, он иногда выносил из дому и показывал некий предмет своей коллекции. Но было несколько „запорожцев“, толком не знаю, сколько их было, может быть, человек пять, которых иногда допускал Александр Борисович до кухни и что-нибудь выносил им туда. Но в принципе полноценного представления о коллекции не было ни у кого. Кто-то видел одну книгу, кто-то — другую, кто-то видел какой-нибудь орден».

В советские времена Александра Ильина обокрали лишь единожды. Милиция нашла воров удивительно быстро. У преступников изъяли иконы и старинные золотые украшения. Ильин иконы забрал, а от золота отказался. Заявил: «Не мое».

Завещания Александр Ильин не оставил. Но не было и многого другого: описи коллекции, ее систематизации, никто точно даже не знал, что в нее входило. Почему Ильин не оставил описи и завещания? Возможно, не хотел, чтобы все это вообще кому-либо досталось. Местные искусствоведы иронически отмечали, что, возможно, он собирался жить вечно, иначе чем объяснить, что коллекция не

досталась даже родственникам покойного. Хотя многие сходятся в едином мнении: при жизни Ильин не хотел, чтобы после смерти его собрание стало музейным собранием и достоянием широкой общественности. А может быть, он решил оставить нам свою коллекцию как огромную загадку?

Как отмечает Павел Босый, коллекция Ильина представляла собой собрание разрозненных несистематизированных предметов. Хранились все эти сокровища в невероятно жутких условиях. Например, у него был сундучок с самыми дорогими, видимо, его сердцу книгами, на котором он сидел и даже спал. Но книги в нем были покрыты плесенью.

Те, кто общался с загадочным электриком, припоминают, что иногда он сам забывал, что у него было, или не мог найти. Бывало, просил привезти какую-то редкую книгу из другого города. А потом, когда книги уже были описаны комиссией, стало ясно, что экземпляр такой книги уже был. Его хранение коллекции не имело ничего общего ни с музейным, ни с библиотечным, ни с архивным хранением. В центре дома была комната площадью четыре на четыре метра, без окон — только двери со всех сторон. В нее никто не мог войти: она была очень плотно забита книгами от пола до потолка. Кроме того, был еще флигель с чердаком. У тех, кто был знаком с Александром Ильиным, создалось впечатление, что у покойного был интерес скорее собственно к процессу собирательства, нежели к тому, чтобы потом наслаждаться этими вещами. У него, безусловно, были какие-то дорогие ему вещи. Но некоторые предметы просто лежали штабелями. Многие из них находились в очень плохом состоянии. Несколько икон и картин вернулись в краеведческий музей из реставрации только через несколько лет.

Что же прятал у себя в доме и на чердаке электрик Ильин?

При детальном изучении его коллекции было найдено несколько тысяч книг, изданных в период с XVI по XX век. Среди них — «Византийские эмали из собрания Звенигородского» — книга, которая считается одной из вершин полиграфического мастерства. Было издано всего шестьсот экземпляров этой книги, большинство из которых утеряно. Ее обложка изготовлена из шагреновой кожи, тисненой червонным золотом. Даже закладка расшита золотом и серебром. Еще одна жемчужина коллекции — четыре тома «Царской и императорской

охоты на Руси», иллюстрированные Репиным, Суриковым, Васнецовым.

Кроме того, в коллекции кировоградского электрика — книги Ивана Федорова, комплект Евангелий начиная с XVI века, рукописи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, прижизненные издания Грушевского и Винниченко. За их хранение, между прочим, в советские времена можно было и срок получить. Есть даже горы пергаментных свитков и кусочек папируса. Завотделом редкостных книг кировоградской областной библиотеки Александр Чуднов сказал по этому поводу журналистам: «Высший пилотаж коллекционирования! Есть книги с печатями разных библиотек, а также — с экслибрисом семьи Михалковых. Тех самых, где Сергей Михалков — известный писатель, а Никита и Андрон — известные кинорежиссеры. Есть Евангелие, подаренное городу императрицей Елизаветой Петровной (старинное название Кировограда — Елизаветград). Многие экспонаты при загадочных обстоятельствах пропали из городских музеев много лет тому назад».

Из других находок нужно отметить большое количество серебряных крестов, икон в серебряных оправках с драгоценными камнями. Среди них — икона XVI века «Богоматерь-Одигитрия» в оправе с жемчужинами, серебряный ковш украинского мастера XVIII века Ивана Равича, который работал только для церкви, а также уникальный «ковш Мазепы», ставший поистине легендой в среде любителей древности.

Самое ценное живописное полотно — портрет Екатерины II в гетманском одеянии работы неизвестного художника. Ну и, конечно же, много старинной мебели. Преимущественно — XVIII века. Она попорчена «жучком», потому требовала реставрации. Впрочем, как и все наследство Ильина.

На второй день работы комиссии в усадьбе, в мусорной куче, было обнаружено серебро. Речь идет о серебряных изделиях, сделанных великими мастерами, и их ценность уже далеко не соизмерима с ценой серебряного лома. Например, серебряная кружечка работы упомянутого выше украинского мастера Ивана Равича скромно стояла на шкафу среди каких-то мелких, совершенно не ценных безделушек. Кстати, родственники, которые присутствовали при описи «клада» и старались по возможности припрятать тот или

иной предмет старины, и эту кружечку обозвали «сувениром». Но музейные работники строго следили за всем происходящим, кружку отобрали и описали очень просто: «Кружка в барочном стиле белого металла». В ней не сразу опознали произведение искусства. Лишь когда приехала из Клева Жанна Арустамян, сотрудник музея исторических ценностей, она посмотрела на кружку и ахнула: на ней стояло клеймо великого украинского ювелира начала XVIII века Ивана Равича.

Музейщикам к тому времени уже была известна небольшая кружка, которую изготовил Равич, — она сейчас хранится в Чернигове, в историческом музее. А эта оказалась гораздо большего размера, более сложной художественной работы и очень выразительной формы. По мнению экспертов, этот предмет может считаться чуть ли не самой ценной вещью из предметной, не книжной части коллекции Ильина, которая находится в настоящий момент в государственной собственности. Кстати, кое-кто предположил, что кружка могла принадлежать Петру I. На корпусе — круг, увенчанный так называемой «старой царской» геральдической короной. Эту эмблему использовали преимущественно до 1721 года, когда Петр провозгласил себя императором. А монограмма «ВС/ПЛ» (либо «ВС/ПА») может означать «Великий самодержец Петр Алексеевич». Этого доказать не удалось. Но, тем не менее, доказано, что кружку делал великий ювелир.

В этом же доме, где хранилась бесценная коллекция, жили племянники Александра Ильина. В их комнату во время проведения описи коллекции никто даже не зашел. Комиссия работала только в тех помещениях, где они разрешили. Не всегда можно было абсолютно точно установить, что принадлежало племянникам, а что — Ильину. Например, в доме находилась коллекция оружия. Но многие из тех, кто был знаком с коллекционером, прекрасно знали и то, что он оружия терпеть не может. В то же время племянник собирал оружие и у него было соответствующее разрешение. Естественно, никто эту коллекцию оружия и пальцем не тронул.

Все вещи запечатывались в мешки — под печатью судебных исполнителей, описывалось все, что помещалось в мешки, сами эти мешки, а также указывалось их количество. Все собранное в доме вначале поступило в государственный архив. Затем вывезенные

предметы музейного значения поступили на хранение в областной краеведческий музей, а библиотека Ильина — книги, манускрипты, документы — в областную библиотеку имени Чижевского. Естественно, вместе с ведомостями и описями. Со всем этим имуществом работали специальные рабочие группы, которые включали в себя судебных исполнителей и экспертов — музейных работников и сотрудников библиотек.

До нынешнего времени остается загадкой, каким образом все это «добро» попадало на чердак обычного скромного электрика. Старинные картины, серебряные ковши и иконы на улице не валяются. В том, что ранее эти вещи хранились в каких-то других коллекциях, никто из специалистов не сомневается.

Личность самого Ильина тоже покрыта ореолом таинственности. По одним слухам, он слыл превосходным реставратором. Денег за работу не брал — заказчики расплачивались с ним ценными подарками. По другим, неподтвержденным данным, священники из окрестных церквей сносили Ильину на хранение драгоценные иконы и прочую утварь во времена, когда храмы закрывали по распоряжению властей.

Ходила даже легенда, что Ильин смог собрать первооснову коллекции, будучи комендантом Ленинграда во время войны. Но, во-первых, он никогда не был комендантом, во-вторых, он не был в Ленинграде. Хотя во время войны очень много предметов из музеев и библиотек действительно могло попасть в частные руки.

Еще по одной версии, коллекция Ильина собиралась тремя поколениями. Ее первый, образно говоря, слой составили фамильные ценности Римских-Корсаковых, которые смогла сберечь мать Ильина, происходившая из этого древнего дворянского рода. Второй слой — предметы, собранные отцом Александра Ильина и вывезенные после войны из Германии его дядей. Третий слой — собранное самим Александром Борисовичем и, возможно, частично его племянником, тоже коллекционером. Фундаментальную часть коллекции могли составлять ценности из дворянских усадеб вокруг Рыбинска, изъятые в 1918 году во время антоновского мятежа, в подавлении которого якобы принимал участие и отец Александра Ильина. По некоторым данным, тогда же была разграблена и усадьба Михалковых — предков известнейшего сегодня кинорежиссера Никиты Михалкова. Эта версия

налагала на коллекцию Ильина некий кровавый отпечаток и породила легенду о лежащем на ней проклятии.

Говорили также, что Ильин был известен в Кировограде как коллекционер-миллионер, которого охранял КГБ. Это объясняется тем, что коллекционеров такого масштаба действительно было немного. И создавалось впечатление, что власти его не трогали, а в какой-то мере даже, может быть, берегли. Якобы «органы» сумели сохранить имущество, конфискованное после революции в богатейших имениях землевладельцев и негоциантов юга Украины. Золото и драгоценности чекисты отправляли в распоряжение центральных властей, а антиквариат складировали в специальных фондах на местах, десятилетие за десятилетием преумножая добытое. К составлению таких фондов привлекали опытных специалистов, чем объясняется уникально разносторонний и качественный состав коллекции. Вряд ли удастся разыскать «золото партии», но не исключено, что в Кировограде найдено кое-что из «антиквариата ЧК».

Хотя, по предположению некоторых исследователей, могло быть и другое «заступничество» — со стороны церкви. Ильин реставрировал книги, иконы для церквей, на отреставрированных им Евангелиях служил патриарх.

Не трогал его и уголовный мир. Есть сведения, что Александр Борисович устроил у себя на чердаке склад и перевалочную базу для краденых музейных ценностей. А ценности эти тайком несли к нему директора музеев, наживаясь на экспонатах. Говорят даже, что Ильин стерег своеобразный воровской «общак». Впрочем, этот слух, пожалуй, самый невероятный. За свою более чем тридцатилетнюю жизнь в Кировограде электрик Ильин ни разу не вступил в конфликт с законом.

По мнению Павла Босого, в шестидесятые годы прошлого века в нашей стране было такое время, когда многие предметы старины выбрасывались «за ненадобностью» — их можно было и на свалке найти. Люди получали квартиры — выбрасывали старую мебель, и ее Ильин тоже собирал. Он ходил по стареньким бабушкам, что-нибудь выпрашивал, обменивал — это то, что он не скрывал.

Но многое, связанное с ним, оставалось загадкой. И это касается не только происхождения коллекции, но и биографии самого Александра Ильина. Даже дата его рождения в разных документах

разная. Сведения о родителях скудны и противоречивы. Отец — революционный пролетарий, выбившийся в начальники Рыбинского масложиркомбината. Мать — дворянка из рода Римских-Корсаковых. Московский студент и роковой красавец Саша Ильин был в свое время арестован за грабеж, по приговору суда получил три года, но на свободу он вышел через четыре месяца.

Когда началась Великая Отечественная война, Ильину исполнилось 20 лет. Он был здоров и годен к строевой службе, но на фронт почему-то не попал. Чем он занимался — неизвестно. В 1943 году из Москвы ему прислали документ с предложением восстановиться на учебу в институте. Но он почему-то отказался, а после войны достаточно странно поменял место жительства на украинский Кировоград. Интересно, что в трудовой книжке Александра Ильина с 1946 по 1960 год значится пробел. То есть полтора десятка лет он нигде не числился и не работал. И это в то время, когда в уголовном кодексе существовала статья «за тунеядство».

Сохранились его фотографии, где он изображен вместе со служителями Клево-Печерской лавры. По одной из версий, он в то время мог быть монахом или послушником в лавре. А потом лавру закрыли и библиотеку при ней — тоже. Однако это не значит, что фонды ушли в никуда. Конечно, большая часть сокровищ монастырей и церквей уходила в государственные фонды. Но, возможно, не все. Не исключено, что многие предметы из Клево-Печерской лавры попали в коллекцию Александра Ильина.

Вскоре после смерти коллекционера произошла достаточно странная история. В кировоградском магазине «Букинист» в продаже появилась книга из коллекции Ильина. Это удалось доказать, потому что в областной библиотеке, в отделе редкой книги, находилась ксерокопия этой книги — Александр Борисович в свое время разрешил ее скопировать. Книга имела карандашные надписи на полях, это и позволило идентифицировать ее как книгу из коллекции Ильина. Этот факт стал доказательством того, что вещь, принадлежавшая умершему, пошла в продажу до истечения установленных законом шести месяцев со дня смерти. Одновременно по Кировограду пошли слухи о вывозе уже принятых на хранение раритетов из этой коллекции за границу и для «верноподданнейшего дарения» первым лицам государства.

Тогда было написано письмо, адресованное представителю президента Украины в Кировоградской области Н. Сухомлину и председателю областного совета народных депутатов В. Долиняку. Подписали его тогдашний директор областной библиотеки Лидия Демегценко и Павел Босой. В письме выражалось опасение, что коллекция Ильина — национальное достояние неведомой на тот момент ценности — может разойтись по частным рукам и содержалась просьба сделать все возможное, чтобы это сокровище осталось в Кировограде. Представитель президента (так тогда именовали губернаторов) дал поручение управлению юстиции облгосадминистрации, после этого, соответственно, было судебное решение и судебные исполнители арестовали коллекцию. Таким образом собрание Александра Ильина удалось сохранить.

Кем же на самом деле был Александр Ильин? Коллекционером, благодаря которому были сохранены уникальные предметы старины, или скупщиком и укрывателем краденого? И откуда у него появились сокровища, стоимость которых оценивается миллиардами долларов? Предположений и домыслов на этот счет существует предостаточно. Но будут ли когда-нибудь получены однозначные ответы на эти вопросы? Думается, вряд ли. Александр Ильин умер, не оставив ни завещания, ни каких-либо документов или записей по поводу своей коллекции. Так что тайна его уникального собрания скорее всего так и останется не разгаданной.

За что боролись и гибли украинские диссиденты?

Слово диссидент, происходящее от латинского *dissidens* — несогласный, в современном языке получило еще и значение «инакомыслящий». Диссидентами когда-то называли христиан иных вероисповеданий (в большинстве — православных) в Речи Посполитой, где господствующей религией являлся католицизм. А несколькими веками позже этот «ярлык» закрепился за участниками движения против тоталитарного режима в СССР, которые с конца 1950-х годов в разных формах выступали за соблюдение прав и свобод человека и гражданина, против преследования инакомыслия, протестовали против ввода советских войск в Чехословакию (1968) и Афганистан (1979). Эти люди и их семьи подвергались моральным и физическим репрессиям со стороны властей. Так за что же боролись и нередко гибли диссиденты?

В середине прошлого века в Советском Союзе возникло примечательное явление: политику правительства стала открыто подвергать критике небольшая группа диссидентов, которые требовали более широких гражданских, религиозных и национальных прав. Возникновению диссидентства способствовала смерть Сталина и последовавшая за ней хрущевская оттепель. Несмотря на ослабление «паралича страха», многие люди понимали, что страшные преступления сталинской эпохи раскрыты отнюдь не полностью. Ограниченные разоблачения вызвали разочарование и скептицизм относительно нового, но так еще похожего на старый режима. Еще больше эти процессы усилились в конце правления Хрущева и в брежневскую эпоху, когда процессы относительной либерализации были практически свернуты.

Диссидентское движение «плыло» в СССР несколькими потоками, которые часто сливались. Наиболее известным стало московское правозащитное, или демократическое, движение. В Украине, как и в других республиках, диссидентство имело целью борьбу за национальные права народов, а также за религиозную свободу. Откровенно проукраинская линия Петра Шелеста, первого

секретаря ЦК КПУ, без сомнения, дала украинской интеллигенции дополнительную возможность высказывать недовольство бюрократической машиной. Сначала группу украинских диссидентов составляли «шестидесятники» — новое поколение писателей, которое быстро снискало признание, — Лина Костенко, Василий Симоненко, Иван Драч, Иван Светличный, Евгений Сверстюк, Николай Винграновский, Алла Горская и Иван Дзюба. Позже к ним присоединились Василь Стус, Михаил Осадчий, Игорь и Ирина Калинцы, Иван Гель и братья Горыни. В Украине насчитывалось не больше тысячи активных диссидентов, однако поддержка идей украинского диссидентства в обществе была, конечно же, гораздо шире.

Характеризуя украинское диссидентское движение, Евгений Сверстюк писал: «Среди признаков шестидесятников я бы поставил на первое место юный идеализм, который просветляет, поднимает и соединяет. Вторым признаком я бы назвал поиск правды и честной позиции. Поэтов тогда называли формалистами за поиск своей индивидуальности. На самом деле — за поиск истины — вместо идеи, спущенной сверху для воспевания. Как третий признак я бы выделил неприятие, сопротивление, противостояние официальной литературе и всему аппарату строителей казарм». Действительно, на последней волне оттепели успело расцвести много талантов, которые потом пострадали за свое инакомыслие.

Говоря же о самых ярких представителях литературы того времени, Е. Сверстюк писал, что несмотря на общие черты, каждый из них отличался своей творческой индивидуальностью: «Иван Светличный выводил соцреализм на общечеловеческое пространство и демонтировал теорию партийной литературы. Иван Драч принес первые стихи, необыкновенные и непонятные, так, будто его и не учили, о чем и как нужно писать. Василий Симоненко заговорил с Украиной в тоне чрезвычайной искренности и откровенности. Николай Винграновский тревожно заговорил о своем народе, и метафоры его звучали апокалиптически. Лина Костенко изредка выступала со своими стихами, но это были стихи такой силы звучания, будто вся советская поэзия для нее несущественна».

Против чего же выступали украинские диссиденты и каких целей стремились достичь? Как и в каждой группе интеллектуалов, здесь существовало большое разнообразие и отличие во взглядах. Иван

Дзюба, литературный критик и один из самых видных диссидентов, одинаково стремился добиться как гражданских свобод, так и национальных прав. Он четко высказал свою цель: «Я предлагаю... одну-единственную вещь: свободу — свободу честного публичного обсуждения национального вопроса, свободу национального выбора, свободу национального самопознания и саморазвития. Но сначала и прежде всего должна существовать свобода на дискуссию и несогласие». Национал-коммуниста Дзюбу беспокоила огромная пропасть между советской теорией и действительностью, особенно в области национальных прав, поэтому он призвал власти устранить ее для блага как советской системы, так и украинского народа. В отличие от него, например, историк Валентин Мороз продолжал интеллектуальные традиции украинского национализма, открыто выражая свое неприятие советской системы и надежду на ее крах.

Первые проявления диссидентского движения появились в конце 1950-х — в начале 60-х годов, когда на Западной Украине было организовано несколько небольших тайных групп. Среди них выделялась так называемая «Группа юристов» во главе с адвокатом Левком Лукьяненко. Она призывала к осуществлению законного права Украины на выход из Советского Союза. Вскоре эти группы были разгромлены, а их участники на закрытых процессах были приговорены к продолжительным срокам заключения.

Безусловно, украинская интеллигенция не могла смириться с поголовной русификацией республики. Прошедшая в 1963 году в Киевском университете официальная конференция по вопросам культуры и языка превратилась в открытую демонстрацию против этого процесса. В следующем году пожар, возникший при весьма подозрительных обстоятельствах, уничтожил фонд украинских рукописей библиотеки Академии наук Украины, что вызвало бурю протестов ведущих деятелей литературы. Репрессии коснулись и театральной жизни. Украинский театр все больше терял свою национальную особенность. Стало заметным и исчезновение интереса к национальной музыке. Ее традиции старались сохранить хор имени Веревки, капелла «Думка», запрещенный в 1971 году этнографический ансамбль «Гомин» и другие коллективы. Произведения некоторых художников-новаторов просто уничтожали (А. Рыбачук, В.

Мельниченко). В 1979 году трагически и загадочно оборвалась жизнь автора песен «Червона рута» и «Водограй» В. Ивасюка.

Наращение диссидентского и национального движения, естественно, не могло не беспокоить Москву. Реакция Кремля была «соответствующей»: в конце 1965 года было арестовано около двух десятков лиц из тех, кто протестовал особенно громко. При этом власти, чтобы запугать оставшихся на свободе, решили судить диссидентов открытым судом, что вызвало еще более яростные протесты.

Побывав на этих процессах в Львове, молодой журналист Вячеслав Черновол написал «Записки Черновола» — сборник документов, которые разоблачали противозаконные и циничные манипуляции властей. В пылкой речи перед большой аудиторией в Клеве осудил аресты И. Дзюба. Он также передал Шелесту и Щербицкому свою работу «Интернационализм или русификация?» — тонкий, эрудированный и безжалостный анализ механизмов русификации в Украине. После своего ареста в 1970 году за антисоветскую агитацию и пропаганду Валентин Мороз написал «Репортаж из заповедника им. Берии», эмоциональная и разоблачительная сила которого была направлена против произвола советской системы. Можно сказать, что своеобразным центром самиздатовской деятельности был украинский диссидент И. Светличный. На его квартире хранились неопубликованные произведения В. Стуса, В. Симоненко, И. Драча, статьи И. Дзюбы, В. Черновола, Е. Сверстюка. Сам он писал полемически-критические статьи на языковедческие темы. Это форма протеста была наиболее массовой, а потому власть считала такую деятельность наиболее опасной. Для борьбы с «идеологическими диверсиями» в 1967 году в структуре КГБ было создано специальное «пятое управление».

Благодаря целенаправленным действиям диссидентов в 1960-х годах получила свое начало традиция 22 мая отмечать день памяти Тараса Шевченко — именно в этот день в 1861 году гроб с телом Кобзаря перевезли из Петербурга в Канев. В 1967 году милиция разогнала участников собрания возле памятника поэту в Клеве и арестовала четырех человек. Только по требованию разгневанных людей, которые устроили демонстрацию возле ЦК КПУ, арестованных освободили.

Малоизвестным, но значительным событием в истории диссидентства стал акт самопожертвования Алексея Горняка, который в ночь на 21 января 1978 года в знак протеста против действий советского режима сжег себя на Монашеской горе в Каневе. Он оставил после себя записки, суть которых сводилась к тому, что СССР не могла называться государством, поскольку была колонией России. Также в записках говорилось о массовой русификации и выкачивании материальных ресурсов с Украины.

В сентябре 1965 года во время презентации фильма «Тени забытых предков» с резкой критикой арестов интеллигенции выступили Иван Дзюба, Василь Стус и Вячеслав Черновол. Под их письмом подписалось 140 присутствующих. Реакция властей была молниеносной. Все 140 человек были уволены с работы. Несмотря на это, письма-обращения и письма-протесты к руководителям СССР и СССР стали одной из наиболее распространенных форм протеста в те годы и очень раздражали власть. В 1968 году, например, из Днепропетровска на имя первого секретаря ЦК КПУ поступило коллективное письмо, где звучал протест против шельмования Олеса Гончара за его произведение «Собор». В 1984 году Л. Лукьяненко выступил с протестом против нечеловеческих условий, в которых находится украинский диссидент Ю. Литвин. Обращались украинские диссиденты и к мировой общественности. Например, в результате деятельности диссидентов в апреле 1982 года семь сенаторов и 96 конгрессменов США направили письмо Брежневу с призывом освободить И. Светличного.

Другой формой деятельности диссидентов стало распространение специально подготовленных книг, статей, воззваний, которые тайно переписывались и передавались из рук у руки. Так возникла система «самиздата». Первой «самиздатовской» работой Вячеслава Черновола было «Правосудие или рецидивы террора?» (1966 г.).

Петра Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ сменил Владимир Щербицкий, «закручивание» гаек началось с новой силой. Началом его стали осуждение и фактический запрет романа «Собор» Олеса Гончара. Многих «шестидесятников» подвергли острой критике и преследованиям, нескольких (в частности И. Дзюбу) арестовали. Практически прекратились начавшееся было переиздание произведений мастеров, репрессированных в 1930-е годы. Из

культурного обращения старательно изымалось все, что могло стимулировать национальные чувства, под цензуру попали даже классические стихи

Т. Шевченко. Обычным явлением стали увольнения с работы всех, кто так или иначе был связан с диссидентами, запрет писать, печатать, снимать фильмы и т. д. Сергей Параджанов расценил запрет снимать фильмы, длившийся 15 лет, как убийство. «Меня убили, запретив снимать», — говорил великий режиссер своим близким. Гениальный режиссер, чье имя гремело за рубежом, на родине отсидел за свои убеждения два срока заключения. «Идеологическим обработкам» постоянно подвергались и другие украинские деятели искусств и науки.

Чтобы не дать властям изолировать диссидентов от общества, чтобы информировать мир о преследованиях в СССР, в 1970 году украинские диссиденты начали тайно распространять газету «Украинский вестник» (главным редактором стал Черновол). Хотя КГБ и смог ограничить распространение этих материалов в Украине, ему не по силам было предотвратить их проникновение на Запад. Там с помощью украинских эмигрантов они публиковались и пропагандировались, что, естественно, никак не радовало советскую власть.

В 1972 году кампания репрессий против инакомыслящих достигла своего апогея. Были арестованы Вячеслав Черновол, Евгений Сверстюк, Иван Светличный, Иван Дзюба, Михаил Осадчий, Юлий Шелест, Василь Стус и многие другие. Практически все они были осуждены к продолжительным срокам заключения и отправлены в лагерь строгого или особо строгого режима на Урале и в Мордовии. Кроме этого, для «укрощения» диссидентов на службу системе была поставлена «карательная медицина». Некоторых оппозиционеров, которым было тяжело предъявить обвинение в нарушении соответствующих статей уголовного кодекса, объявляли сумасшедшими и закрывали в психиатрических больницах специального типа. Известнейшей среди таких больниц была днепропетровская. Именно в этой больнице «лечился» украинский правозащитник П. Григоренко. Психиатрическому «лечению» подверглись еще ряд украинских диссидентов: И. Тереля, Л. Плющ, Н. Плахотнюк, В. Рубан, Н. Ковтуненко и другие.

Несмотря на жестокие преследования, в начале 1970-х годов диссидентство стало влиятельным фактором политической жизни. Активные действия правозащитников получили известность на Западе, сообщения о них попали на страницы иностранной печати. Конечно, не все могли до конца противостоять волне преследований. Давление системы заставило многих покаяться и отойти от диссидентской деятельности.

Массовые репрессии на некоторое время парализовали активность украинских диссидентов. Однако уже в 1974 году мир увидели седьмой и восьмой выпуски «Украинского вестника», в чем была немалая заслуга Степана Хмары. Поредевшие численно, но преисполненные решительности диссиденты в 1975 году получили новый импульс, когда СССР подписал Хельсинкское соглашение и официально согласился уважать гражданские права своих подданных. После этого диссиденты организовали открытые и, по их мнению, юридически санкционированные группы, задача которых заключалась в том, чтобы следить за соблюдением гражданских прав. Первый Хельсинкский комитет был основан в Москве в мае 1976 года, а вслед за ним в Клеве в том же году появилась Украинская Хельсинкская группа (УХГ). Члены УХГ считали, что наиболее приемлемым путем к независимости Украины является применение гарантированного в советской конституции права на выход из СССР. По их мнению, наиболее эффективный способ «деколонизации» Союза состоял в том, чтобы разрешить его народам провести свободные выборы. Однако ни умеренность Хельсинкской группы, ни требования Запада придерживаться обязательств, которые взял на себя СССР по Хельсинкским соглашениям, не воспрепятствовали советским властям снова устроить погром диссидентского движения. К 1980 году приблизительно три четверти членов УХГ получили сроки заключения от 10 до 15 лет. Многие были высланы из Украины.

Отдельная разновидность диссидентства в Украине базировалась на религии. Теоретически советская конституция гарантировала свободу вероисповедания. На деле же все было иначе. Бешеное преследование Украинской греко-католической церкви («церкви в катакомбах») не смогло целиком уничтожить ее, а в 1982 году Иосиф Тереля организовал Комитет защиты Украинской католической церкви, целью которого стало добиться ее легализации. В ответ по Галиции и

Закарпатью прокатилась волна арестов. Православная церковь в Украине, которая официально называлась Русской православной церковью, находилась в более выгодном положении, поскольку ее признавало правительство. Но ценой этого стало сотрудничество с режимом, что привело к тому, что несколько членов низшего духовенства, в частности Василий Романюк (подвергшийся за это жестоким преследованиям), выступили с осуждением как высших пастырей, так и государства. Но наибольшую часть «узников совести» в СССР составляли баптисты, пятидесятники, адвентисты, свидетели Иеговы.

В начале 1980-х годов в Украине диссидентское движение было практически разгромлено. Оно не получило по-настоящему широкой поддержки в стране. Диссиденты, являвшиеся в большинстве своем представителями интеллигенции, не смогли найти понимания у большинства населения. К тому же КГБ оказался вездесущим и всезнающим в своем стремлении не допустить любой несанкционированной общественной деятельности. Диссидентов старались изолировать от общества и, применяя к ним методы все более сильного давления, заставить их покаяться или замолчать. В Украине, опасаясь украинского национализма, режим проводил особенно суровые репрессии. Не случайно киевский КГБ имел репутацию самого жестокого в СССР.

Однако благодаря самоотверженной борьбе диссидентов в общественном сознании постепенно утверждалась мысль, что украинский народ не просто придаток «большого брата» и имеет право на создание независимого государства. Из среды диссидентов вышло много выдающихся политиков, но не всем удалось дожить до провозглашения Украины независимым государством.

Одним из ярчайших представителей украинского правозащитного движения был поэт Василь Стус (1938–1985). Литературная деятельность поэта, его обращения в высшие партийные инстанции с протестами против нарушения гражданских прав и критическая оценка режима послужили причиной его ареста в январе 1972 года. По обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде»

Василь Стус был осужден на пять лет лишения свободы и три года ссылки, он отбывал наказание в мордовских и магаданских лагерях. Из заключения Стус обратился с заявлением в Верховный

Совет СССР с отказом от гражданства: «...Иметь советское гражданство, — написал он, — невозможная для меня вещь. Быть советским гражданином значит быть рабом».

После освобождения поэт продолжил правозащитную деятельность и в 1980 году был вновь арестован, признан особо опасным рецидивистом и осужден на 10 лет лагерей особого режима и пять лет ссылки. В одном из писем, адресованном мировой общественности (октябрь 1980), Андрей Сахаров расценил приговор Стусу как «позор советской репрессивной системы». В годы заключения лагерные надзиратели уничтожили рукопись, где были записаны 300 стихотворений поэта. В знак протеста против жестокого обращения с политзаключенными Стус несколько раз объявлял голодовки. В 1983 году за передачу на волю тетради со стихами поэт на год был брошен в камеру-одиночку, а спустя два года Стус был выдвинут на соискание Нобелевской премии по литературе. 28 августа 1985 года поэт объявил бессрочную сухую голодовку и умер в камере.

Закончил свой земной путь в тюрьме и известный украинский правозащитник, литературовед и переводчик Валерий Марченко (1947–1984). В 1973 году он за «клеветнические рассказы, которые позорят советский общественный порядок... за распространение документов националистического содержания, в которых возводится злостная клевета на советскую действительность, национальную политику КПСС...» был осужден на шесть лет заключения в колонии строгого режима и два года ссылки. Несмотря на тяжелую болезнь почек, которая привела к инвалидности, он отказался писать заявление-раскаяние. После освобождения Марченко жил в Клеве, работал сторожем, занимался переводами, писал публицистические статьи и не оставлял правозащитной деятельности, рассылал письма-протесты с осуждением существующей тоталитарной системы. В 1983 году тяжело больной Марченко был арестован во второй раз и осужден на 10 лет лагерей особого режима и пять лет ссылки. Этапом он был отправлен в пермские лагеря, где в скором времени скончался.

Украинская художница Алла Александровна Горская принадлежала к группе «шестидесятников», активно участвовала в украинском правозащитном движении. За участие в акциях протеста против расправы над украинскими правозащитниками она была исключена из Союза художников и испытала весь ужас преследований

со стороны советских органов безопасности. В апреле 1968 года Горская поставила свою подпись под письмом-протестом 139 деятелей науки и культуры к тогдашним руководителям СССР в связи с незаконными арестами и закрытыми судами над диссидентами. А в 1970 году Алла Александровна трагически погибла при невыясненных обстоятельствах в Василькове под Клевом. Есть основания полагать, что эта гибель была убийством, организованным и осуществленным КГБ.

Трижды подвергался арестам Юрий Тимонович Литвин (1934–1984) — известный украинский поэт, журналист и правозащитник, член Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений (УХГ). Ему принадлежит разработка политической программы украинского правозащитного движения. Третий арест закончился трагически: 24 августа 1984 года Литвина нашли в камере с разрезанным животом.

За присланное в ЦК КПСС письмо с протестом против введения войск Варшавского договора в Венгрию попал в лагеря известный украинский поэт, правозащитник Алексей Иванович Тихий (1927–1984). После освобождения он работал грузчиком, слесарем-механиком, оператором-дефектоскопистом, пожарником и одновременно проводил огромную работу по составлению словаря украинского языка и разрабатывал свой оригинальный «метод обучения без школы». В своих публицистических произведениях Алексей Тихий выступал за возрождение украинского языка и национальной культуры. В ноябре 1976 года Тихий вместе с Г. Руденко, О. Мешко, П. Григоренко, Л. Лукьяненко, О. Бердником и другими стал членом-основателем одной из первых правозащитных ассоциаций — Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений — и подписал ее первые документы.

Литературная и правозащитная деятельность Тихого стала причиной его второго ареста в 1977 году. Его дело было объединено с делом бывшего секретаря парткома Союза писателей Украины Г. Руденко. Несколько раз Алексей Иванович объявлял голодовки (самая длинная — 52 дня). Скончался он в тюремной больнице в Перми в 1984 году. Постановлением Пленума Верховного суда УССР в 1990

году приговор относительно Тихого упразднен и дело закрыто «из-за отсутствия состава преступления».

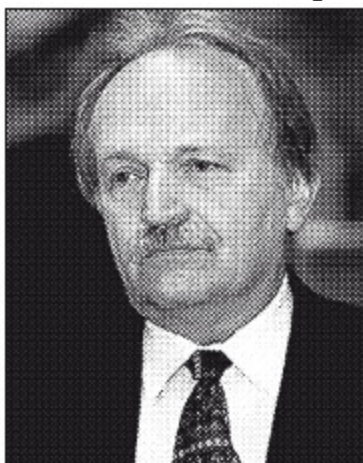
В ноябре 1989 года останки Юрия Литвина, Василия Стуса и Алексея Тихого были перевезены в Клев и с почестями захоронены на Байковом кладбище. Киевляне, стоявшие на тротуарах, спрашивали: «Кого везут, кого хороните?» Им объяснили: «Рыцарей, погибших за свободу Украины теперь». Имена же этих рыцарей практически ничего не говорили обывателям...

«За клеветническую деятельность на советский общественный порядок» трижды прошел все круги ада Вячеслав Максимович Черновол (арестовывался в 1967, 1972, 1980 годах), но не сломался, первым поднял желто-голубой флаг независимой Украины, организовал Народный Рух и состоял в оппозиции до своей загадочной смерти во время дорожно-транспортного происшествия.

О физических и моральных пытках, которым подвергались украинские диссиденты, можно говорить еще долго, но суть сводится к одному — украинские патриоты, несмотря ни на что, боролись с советским режимом, отстаивали право на свободу слова и совести. И хотя, по признанию большинства историков, четкой программы действий диссидентское движение не имело, занималось исключительно критикой политического режима и общественного порядка в СССР и не смогло оказать заметного влияния на умы большинства, заглушить голос украинского диссидентства государственная власть так и не смогла. Однако идеи диссидентства возродились в конце 1980-х годов, когда в СССР настало время глубоких общественных и политических реформ. Так что жертвы были не напрасны...

Авария на пустынном шоссе, или Загадочная гибель Вячеслава Черновола

В августе 2006 года Президент Украины Виктор Ющенко торжественно открыл памятник Вячеславу Черноволу, а Народный Рух Украины представил зрителям фильм «Тот, кто разбудил Каменное государство», который рассказывает о жизни и деятельности украинского политика, журналиста, писателя и диссидента. Стержнем ленты стала украинская народная сказка «Каменное государство», сюжет которой метафорически соотносится с судьбой национального героя Украины. В картине использованы уникальные хроникальные кадры, которые никогда не показывались. Но вот только за семь лет, прошедших со дня гибели лидера Народного Руха Украины, тайна катастрофы на киевском шоссе остается неразгаданной...

Вячеслав Черновол

Вячеслав Максимович Черновол был поистине прирожденным вождем, ярким общественным деятелем, но в то же время человеком, не похожим на политика в привычном смысле слова. Своей бескомпромиссностью он завоевал уважение как сторонников, так и противников и вошел в историю Украины как символ украинской национальной идеи, как один из тех, кто смело выступал за защиту прав человека в СССР. Человек, чутко реагирующий на чужую боль, Вячеслав Максимович избрал своей профессией оперативную

журналистику. Начинающему публицисту казалось, что его статьи о жизни простых советских людей раскроют многим глаза на существующий строй, тем более что начинал писать он в период «хрущевской оттепели». Вот только его «антиимперские и антикоммунистические убеждения» все равно оказались не ко времени, но Черновол, дав себе клятву посвятить жизнь борьбе за независимость Украины, от них никогда не отрекался.

Соратник Черновола Михаил Косив вспоминает о том периоде: «Молодой Вячеслав был абсолютно свободомыслящим человеком, казалось, что он не боялся даже того, что в круге его общения мог оказаться доносчик». И эта смелость и бескомпромиссность суждений привлекала к нему многих людей. С 1963 года Черновол стал активным участником движения «шестидесятников». Вместе с А. Горской он печатал и распространял литературу самиздата. Желая быть услышанным широкой аудиторией, он не побоялся выступить на премьере фильма «Тени забытых предков» с протестом против арестов украинской интеллигенции. После этого его сразу же уволили с работы, последовали обыски и допросы. Так начался тернистый путь Черновола — правозащитника и диссидента. Начиная с 1960-х годов он кропотливо собирал информацию о нарушениях прав человека советскими судебными и следственными органами, которая стала основой книги «Правосудие или рецидивы террора». За это Черновол был осужден на три месяца исправительных работ. Но это его не испугало, и вскоре в самиздате вышел документальный сборник «Горе от ума („Портреты двадцати преступников“»». Он был переиздан за границей, а автор получил международную журналистскую премию.

Осенью 1967 года Вячеслав Черновол был арестован первый раз по обвинению в «распространении лживых измышлений, которые позорят государственный и общественный строй», и был осужден на три года заключения в колонии строгого режима. После освобождения стало ясно, что о профессии официально придется забыть. Однако Вячеслав Максимович вместе с М. Косивым и Я. Кендзьором нелегально издавал журнал «Украинский вестник», который, как утверждают исследователи, стал самым заметным явлением политической борьбы в Украине тех лет. В 1971 году Черновол имел смелость обратиться в Комиссию по правам человека в ООН по поводу нависшей угрозы арестов украинской интеллигенции. Со стороны

власти немедленно последовал ответ — новый арест. Теперь обвинение звучало намного серьезнее: «антисоветская пропаганда и агитация», что считалось одним из самых опасных государственных преступлений, и наказание за него было соответствующим: 6 лет лагерей и 3 года ссылки. Отбывая заключение в Мордовии, Черновол прославился как организатор акций протеста и голодовок среди политзаключенных. Почти половину срока он провел в штрафных изоляторах и карцерах. «Зэковский генерал» — так называла его лагерная охрана. Во время пребывания в ссылке в Якутии Черновол был принят в международный ПЕН-клуб, а в 1979 году стал членом Украинской Хельсинкской группы.

Только через 15 лет после осуждения Вячеславу Максимовичу удалось вернуться в Украину и понять, как трудно жилось все это время жене и сыновьям — Андрею и Тарасу, — на которых лежала тень отца-антисоветчика. Несмотря на то что уже началась перестройка, за Черноволом по-прежнему повсюду следовали люди из КГБ. Однажды его вместе с М. Горынем даже собирались выслать из Советского Союза за интервью, данное иностранной журналистке. Только в 1988 году стало возможным официальное создание первой оппозиционной организации партийного типа — Украинского Хельсинкского союза. Организация декларировала идеи возобновления украинской государственности, придания украинскому языку статуса государственного, права граждан на политические объединения и многое другое. Черновол был одним из трех рабочих секретарей, затем — членом Исполкома УХС, а позже стал одним из основателей новой общественной организации, аналогов которой в СССР на тот момент не было, — Народного Руха Украины.

За Вячеславом Максимовичем пошли люди, верившие, что национальное движение возродит Украину. Авторитет Черновол а был огромен, недаром на президентских выборах 1991 года он занял второе место. Уйдя в оппозицию, он боролся за демократические методы руководства, однако меняющиеся реалии украинской жизни заставляли подстраиваться под них и искать компромиссов даже с противниками. Для сохранения оппозиционной фракции в парламенте Черноволу приходилось договариваться с социалистами и сменявшими друг друга партиями власти. К сожалению, даже такой яркий и харизматичный лидер, как Черновол, не смог спасти Народный Рух от раскола.

Попытки Вячеслава Максимовича вывести партию из кризиса вызывали в правящих кругах только раздражение. И уж очень многим — от бывших однопартийцев до власть предержащих — политик Черновола был очень неудобен...

25 марта 1999 года в половине двенадцатого ночи на трассе Борисполь — Золотоноша автомобиль «Тойота», в котором находился Вячеслав Максимович, столкнулся с разворачивающимся посреди дороги КамАЗом. Лидер Народного Руха Украины вместе со своим шофером и помощником Евгением Павловым получили смертельные травмы и скончались на месте. Пресс-секретарь Черновола Дмитрий Пономарчук в тяжелом состоянии был доставлен в больницу и прооперирован. Уже на следующий день министр внутренних дел Украины Юрий Кравченко назвал трагедию «обычным ДТП». По его словам, все выглядело совершенно обычно: КамАЗ нарушил правила дорожного движения и не уступил дорогу «тойоте», двигавшейся в том же направлении. Говорилось также, что водитель Черновола превысил скорость, создав тем самым аварийную ситуацию, и что причиной гибели Черновола и его попутчиков стали несработавшие подушки безопасности. Однако официальная версия случившегося была воспринята обществом весьма скептически. Многие считали, что грузовик на трассе появился не случайно. Так, сыновья Вячеслава Максимовича были полностью уверены в организованном убийстве. По свидетельству Тараса Черновола, противники отца неоднократно предпринимали попытки по его устранению. Одной из них был искусственно спровоцированный инфаркт. Но тогда лидера Народного Руха удалось спасти.

Не обращая внимания на отдельные выступления, официальная власть в течение долгого времени продолжала настаивать на том, что произошел несчастный случай. По словам Дмитрия Пономарчука, все экспертизы подгонялись под официальную версию. Новый виток этой запутанной истории начался после разразившегося осенью 2000 года «кассетного скандала». Тогда народные депутаты неформального парламентского объединения «Антимафия» Григорий Омельченко и Анатолий Ермак и мэр города Черкассы Владимир Олейник сообщили, что Евгений Марчук, который в то время занимал должность секретаря Совета национальной безопасности и обороны (в октябре 1999 года Марчук был кандидатом в президенты), показал им кассету со

свидетельствами некоего полковника милиции в маске. Правоохранитель рассказывал о том, что тайное спецподразделение МВД — «отряд смерти» — исполнило заказ на убийство Черновола. В защиту версии о насильственной смерти Черновола выступила и журналистка Татьяна Коробова. По ее мнению, гибель Вячеслава Максимовича и журналиста Георгия Гонгадзе — дело рук одних и тех же людей. К тому же в пользу умышленного убийства свидетельствовало то обстоятельство, что водитель КамАЗа через некоторое время после аварии скончался весьма странным образом: у вполне здорового мужчины появилась «сердечная недостаточность», которая и стала причиной смерти.

Подобные заявления вызвали бурную полемику в обществе. Многие специалисты считали, что подстроить ДТП чрезвычайно сложно и существует масса других способов профессионально и без лишнего шума устранить человека. Другие заявляли, что именно на подобные мнения и сделали ставку организаторы аварии, ведь политика действительно легче застрелить в подъезде, чем скрупулезно рассчитывать скорость движения его автомобиля и организовывать «встречу с грузовиком». В пользу несчастного случая некоторые приводили и тот факт, что водитель грузовика был не каким-нибудь спецназовцем, а простым сельским парнем. Впрочем, те, кто считал гибель Черновола преднамеренным убийством, называли среди возможных организаторов убийства Павла Лазаренко, оперируя тем, что водитель злосчастного КамАЗа когда-то работал вместе с братом бывшего премьер-министра.

Сотрудник секретариата Вячеслава Максимовича господин Ницой сделал сенсационное заявление о том, что незадолго до аварии, приведшей к гибели Черновола, ехавший с ним Геннадий Удовенко пересел в другой автомобиль буквально за несколько километров до столкновения. В политическом контексте это практически совпало с решением, узаконившим удовенковский Рух. Но Дмитрий Пономарчук об этом не говорил, а ведь он был в той же машине.

Однопартийцы Вячеслава Максимовича провели собственное расследование аварии и сделали официальное заявление о причастности к его гибели народного депутата Украины и члена Народного Руха Олега Ищенко, деятельность которого связывали со структурами «Олгаз» и «Олбанк». В заявлении подчеркивался тот

факт, что между Черновол ом и Ищенко существовал давний конфликт: Вячеслав Максимович поддерживал Игоря Бакая и контролируемую им компанию «Нефтегаз Украины», что очень не нравилось Ищенко. В свою очередь, Черновол обвинял однопартийца в финансовой поддержке «раскольников» из НРУ. Кроме того, руховцы заявляли, что смерть Черновола была выгодна одному из кандидатов в президенты на выборах 1999 года.

Вот как об этом рассказывал Тарас Черновол: «Мы в Рухе создали собственную следственную комиссию, куда вошли и „сыскари“-профессионалы. Их вывод — это, безусловно, убийство, а не простая автокатастрофа. Использовалась схема, аналогичная схеме устранения в 1980 году руководителя Беларуси П. Машерова. Гибель Черновола была выгодна силовым структурам, президенту и некоторым российским кругам. Черновол заблокировал в парламенте проект приватизации российскими фирмами транзитных газоэнергетических путей. Но этот план начал реализовываться после смерти отца».

Евгений Марчук — обладатель сенсационной видеозаписи, поведавшей об убийстве Черновола, — утверждал, что кассета исчезла. Теперь он выдал новую версию того, почему не обнародовал видеозапись. Мол, за три недели до президентских выборов, в которых он участвовал как кандидат, его могли привлечь к суду за клевету и снять с предвыборного марафона. Тогда Тарас Черновол потребовал от Генпрокуратуры, чтобы та возбудила против Марчука уголовное дело. Как считал сын погибшего депутата, это была единственная возможность заставить тогдашнего секретаря СНБО отдать видеокассету со свидетельствами подполковника МВД. Тарас Черновол не верил в то, что такой человек, как генерал СБУ Евгений Марчук, мог просто потерять кассету.

Совершенно очевидно: для того чтобы определить, кто убил Черновола, необходимо прежде всего понять, кому это было выгодно. Но тут и возникают большие сложности — слишком много людей оказались под подозрением. Если посмотреть на события сквозь призму политической ситуации в Украине 1999 года, создается впечатление, что легче назвать тех, кому лидер НРУ не мешал. Смерть Черновола была объективно выгодна очень многим. Среди противников Черновола можно выделить несколько основных. Известно, что у Вячеслава Максимовича были довольно натянутые

отношения с уже упоминавшимся нами Евгением Марчуком. Черновол неоднократно обвинял Марчука в попытках расколоть Рух. Непросто складывались отношения погибшего и с командой президента Кучмы, время от времени перераставшие в открытое противостояние. Неожиданная смерть Вячеслава Черновола также совпала и с крайне насущной на тот момент для Виктора Ющенко необходимостью возглавить национальное движение на Украине и развернуть его в «европейском направлении».

В свете этих событий для выяснения обстоятельств гибели Черновола была создана специальная следственная комиссия во главе с Виктором Медведчуком. В марте 2001 года комиссия провела ряд заседаний и обратилась за помощью к тогдашнему Генпрокурору Украины Михаилу Потебенько и в СБУ. Но причину гибели лидера НРУ следственной группе установить не удалось. Правоохранительные органы закрыли дело о гибели Черновола в августе 2001 года. Никаких следов террористического акта следствие не нашло, а вскоре исчезло и основное вещественное доказательство — та самая «Тойота», на которой ехали Черновол и его помощники...

В марте 2002 года в автомобильной катастрофе погиб генеральный директор «Укрспецэкспорта» Валерий Малев. На следующий день Тарас Черновол заявил, что гибель его отца и главного оружейного торговца страны была спланирована одними и теми же людьми. Сын покойного лидера Руха настаивал на том, что располагает неопровержимыми доказательствами и знает, что в случае с его отцом «решение» было принято за две недели до убийства, а по Малеву — за 16 часов до ДТП. И опять дело не сдвинулось с мертвой точки. Представители правых сил назвали гибель Черновола политическим убийством. Несмотря на прекращение дела, следствие продолжалось, шли допросы свидетелей, проводились оперативно-технические мероприятия, был назначен ряд дополнительных экспертиз.

В 2004 году Тарас Черновол, в очередной раз отвечая на вопрос, поставлена ли точка в деле смерти его отца, сказал: «Никаких точек нет. Расследования как такового вообще не было — чистая пародия. Лично я знаю большинство обстоятельств подготовки осуществления этого убийства. Хотя на вершине айсберга нити несколько теряются, и, похоже, они направляются за пределы границы Украины. Вопрос,

какая же из высочайших ступеней украинской власти причастна к убийству, для меня тоже еще не раскрыт». Международный ПЕН-клуб, членом которого был Вячеслав Максимович, и украинское представительство известной правозащитной организации «Международная амнистия» обратились к руководству страны с просьбой поддержать их требование о возобновлении следствия по делу об убийстве Черновола и обеспечить полное раскрытие всех обстоятельств этого преступления.

В 2006 году Генпрокуратура вновь возобновила расследование обстоятельств дела. А в конце этого года бывший министр внутренних дел Юрий Луценко заявил: «Сейчас проводится расследование силами общей группы, состоящей из представителей МВД, Генпрокуратуры и СБУ. Я не могу разглашать информацию, которую я имею, поскольку это может сильно навредить следствию. Могу сказать лишь одно: если те показания, появившиеся сейчас в распоряжении следствия, будут подтверждены, а не будут лишь заявлениями, то это будет однозначно свидетельствовать об убийстве Вячеслава Черновола». В то же время Луценко подчеркнул, что эти показания «могут быть просто желанием определенных свидетелей преувеличить свою роль в украинской политической жизни».

Несмотря на огромное количество предположений, проведенное официальное и ряд неофициальных расследований, обстоятельства гибели Вячеслава Черновола по сей день остаются загадкой. Но совершенно ясно одно: смерть блестящего аналитика, журналиста, бескомпромиссного политического и государственного деятеля с четко выраженной гражданской позицией, которому доверяли тысячи людей, вряд ли могла стать нелепой случайностью. Гибель Черновола была кому-то выгодна, и этот кто-то сделал все для того, чтобы она стала нераскрытой тайной...

notes

Примечания

1

Шнуро-керамическими (строго — культурами шнуровой керамики) археологи называют целый ряд европейских культур. Их главная особенность — украшение глиняных сосудов отпечатками веревки (шнура).

В древнегреческой мифологии — ужасной, демонической, змееподобной.

Подробнее см. очерк «Тайна скифской пекторали» в этой книге.

4

Племена скифов делились на «царские», кочевников, пахарей.

Лариссии (ал-арсии) — наемное войско хазарского кагана.

Киммерийский Боспор — древнегреческое название Керченского пролива.

Полюдье — ежегодный объезд населения («людей») древнерусскими князьями и их воеводами с целью сбора дани.

Плинфа — широкий и плоский обожженный кирпич, применявшийся в Византии и древнерусском зодчестве в X–XIII веках.

Стела установлена в 1969 году (скульптор И. Кавалеридзе) рядом с западным фасадом Софийского собора.

См. статью «А было ли письмо запорожцев султану?».

В разных источниках указываются разные даты помещения золота Полуботка в английский банк. Называют и 1720, и 1722 годы.

От «тезаврация» — накопление, прежде всего золота и серебра.

ЧОН — части особого назначения.

Краевая Эзекутива — созданный в 1930 году исполнительный орган ОУН.

15

Одна из высот на подступах к Севастополю.

Джордж Керзон — министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 годах.